ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4(76)
2018

ISSN 2078-8975 (print)
ISSN 2078-8983 (online)

vestnik.kemsu.ru

ISSN 2078-8975 (print) ISSN 2078-8983 (online)

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2018 № 4(76)
Издается с 1999 года

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)
Редакционная коллегия:
Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).
Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ (Ялта, Россия).
Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИРПО, зам. главного редактора (Кемерово, Россия).
Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).
Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).
Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Эрдэнэболд Л., канд. исторических наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).
Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).
Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2018 no 4(76)
Founded in 1999

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University"

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy,* Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Editorial board:
Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Academician of the RAS, Institute of Phililogy of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).
Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development, Vice Editor-in-Chief (Kemerovo, Russia).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).
Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).
Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).
Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D. History, Professor., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).
Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Вестник Кемеровского государственного университета. Научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 67989 от 06.12.2016.
ISSN 2078-8975 (print) ISSN 2078-8983 (online)

Выходит 4 раза в год.

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842)58-12-26
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, тел. 8(3842)58-13-01
Сайт издания: http://vestnik.kemsu.ru

Подписной индекс: Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания. Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

16+

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

Bulletin of Kemerovo State University. Scientific Journal

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) Certificate of registration: ПИ № ФС 77 – 67989 of 06.12.2016
ISSN 2078-8975 (print) ISSN 2078-8983 (online)

Published 4 times a year

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: 8(3842)58-12-26
Fax: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., Tel.: 8(3842)58-13-01
Web-site: http://vestnik.kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the «Russian Science Citation Index».

Information for Authors published on the website Edition. Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

16+

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Система снабжения крепости Святого Креста (1722–1735): по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан
Абдусаламов М.-П. Б. , Чекулаев Н. Д. *5*

О роли Бийской крепости в российском колонизационном процессе на Алтае в первой половине XVIII в. (к 300-летию возведения второго Бикатунского острога)
Бобров Д. С. *13*

«Богоборческий натиск» конца 1940-х – начала 1950-х гг. (на примере Кемеровской области)
Горбатов А. В., Скворцова Е. С. *24*

Золотопромышленность Салаира в конце XIX – начале XX вв.
Ермолаев А. Н. *32*

О содержании работы В. Ф. Войно-Ясенецкого с ранеными и больными в Красноярском крае в 1941–1944 гг.
Кожевников С. В. *39*

Идеи региональных лидеров КПСС по совершенствованию системы управления экономикой во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. (на материалах Сибири)
Коновалов А. Б. *47*

Отечественные историки о военном детстве сибиряков
Очирова В. Н. *58*

Эволюция стратегии принуждения рабочих к труду в оборонной промышленности Сибири в конце 1930-х – начале 1940-х гг.
Романов Р. Е. *65*

Новые изображения таштыкцев на скалах Тепсея
Советова О. С., Шишкина О. О. *72*

Влияние буддизма на распространение письменности в Ямато в середине VI в.
Суровень Д. А. *79*

Пенитенциарная функция монастырей Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.
Фёдоров И. Г., Терскова А. А. *93*

Развитие сельского хозяйства в Даурском автономном хошуне Морин-Дава в 1958–1984 гг.
Цыбенов Б. Д. *100*

ПСИХОЛОГИЯ

Динамические аспекты интернализации профессиональных ценностей будущих специалистов деонтологического профиля
Аршинова Е. В., Билан М. А. *106*

Образ тела женщин в период менопаузального перехода
Белогай К. Н. *117*

Субъективное качество жизни в структуре личностного потенциала у представителей молодежи Севера Сибири с отсутствием и наличием проблемы алкогольной зависимости
Бохан Т. Г., Галажинский Э. В., Ульянич А. Л., Терехина О. В., Боженкова К. А. *125*

CONTENT

HISTORY AND ARCHEOLOGY

The Fortress of the Holy Cross: Supply System in 1722–1735 (Based on the Materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan)
Abdusalamov M.-P. B. , Chekulayev N. D. *12*

About the Role of the Biysk Fortress in the Russian Colonization Process in the Altai in the First Half of the XVIII Century (to the 300th Anniversary of the Erection of the Second Biysk Stockaded Town)
Bobrov D. S. *21*

Militant Atheism in the Late 1940s – Early 1950s in the Kemerovo Region
Gorbatov A. V., Skvortsova E. S. *30*

Gold Mining in Salair in the Late XIX – Early XX Centuries
Ermolaev A. N. *37*

On the Content of V. F. Voyno-Yasenetsky's Work with the Wounded and the Sick in the Krasnoyarsk Region in 1941–1944
Kozhevnikov S. V. *45*

Regional Leaders of the Communist Party of the Soviet Union and their Ideas on Economic Management Improvement in 1965 – 1985, Siberia
Konovalov A. B. *56*

Wartime Childhood of Siberians in Russian Historical Researches
Ochirova V. N. *63*

Evolution of the Coercive Strategy Aimed at Workers of the Siberian Defense Industry in the late 1930s – early 1940s
Romanov R. E. *70*

New Images of Tashtyks on the Rocks of Tepsey
Sovetova O. S., Shishkina O. O. *77*

Influence of Buddhism on the Expansion of Writing in the Mid Sixth Century Yamato
Surowen D. A. *89*

The Penitentiary Function of Monasteries in the Yenisei Province in the Second Half of XIX – Early XX Centuries
Fedorov I. G., Terskova A. A. *99*

Development of Rural Economy of the Morin-Dawa Daur Autonomous Region in 1958–1984
Tsybenov B. D. *104*

PSYCHOLOGY

Dynamic Aspects of the Internalization of Professional Values in Students of Deontology
Arshinova Y. V., Bilan M. A. *114*

Women's Body Image during the Menopausal Transition
Belogai K. N. *123*

Subjective Quality of Life in the Structure of Personal Potential among the North-Siberian Youth with and without Alcohol Dependence
Bokhan T. G., Galazhinsky E. V., Ulyanich A. L., Terekhina O. V., Bozhenkova K. A. *131*

Факторная модель акмеологических инвариант профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций
Бучек А. А., Ермоленко А. В. *134*
Образ профессионального будущего курсантов вуза войск национальной гвардии Российской Федерации в зависимости от степени вовлеченности в спортивную деятельность
Кузнецов А. В., Утюганов А. А. *144*
Как эмоциональный интеллект проявляется в предпочтении способов взаимодействия у представителей российской и голландской культур
Синельникова Е. С. *157*
Основные трактовки понимания воли в рамках энергетического подхода
Смирнова О. Ю., Серкин В. П. *165*

ФИЛОЛОГИЯ

Факторы лингвокультурного трансфера номинаций сферы социально значимых заболеваний в диахроническом аспекте
Архипова Е. В., Фомин А. Г. *175*
Революция и народ Л. Леонова и В. Шарова: историософский диалог двух писателей
Ащеулова И. В. *182*
Образы стран в языковом сознании носителей арабской культуры (на примере образов Америка и Европа)
Баландина Е. С. *190*
Потенциал использования метода краудсорсинга в рамках лингвистического эксперимента
Данильчук М. В. *198*
Будущее время в португальской лингвистической традиции
Егизарян П. Э. *205*
Нарушение норм литературного языка при переводе (уровень языковой компетенции B1-C1)
Кобзева О. В. *211*
Литературные кружки как средство реализации теории читательского отклика при обучении экстенсивному чтению на английском языке в вузе
Кошелева И. Н. *223*
Микроконцепт «дети / діти» в русской и украинской паремийных картинах мира
Марфина Ж. В. *232*
О статусе аппозиционных структур в современном немецком языке
Муратова С. В. *240*
Экскурс в лингвистическую историю этнонима *чукча*
Тейкин М. С. *247*
Роль государственного языка в этнической прессе: Крымский опыт
Яблоновская Н. В. *255*

Указатель статей, опубликованных в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета» в 2018 году *262*

Factor Model for Acmeological Invariants of Professionalism of Heads of Vocational Educational Institutions
Buchek A. A., Ermolenko A. V. *141*
The Image of the Professional Future and Sport Engagement of the Cadets of the Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation
Kuznetsov A. V., Utyuganov A. A. *154*
Emotional Intelligence and Conflict Interaction Tactics Preferences in Russian and Dutch Cultures
Sinelnikova E. S. *163*
The Basic Interpretations of Volition in the Framework of the Energetic Approach
Smirnova O. Y., Serkin V. P. *172*

PHILOLOGY

Factors of Linguistic and Cultural Transfer in Naming Units of Social Diseases: a Diachronic Approach
Arkhipova E. V., Fomin A. G. *180*
The Revolution and the People of L. Leonov and V. Sharov: Historiosophical Dialogue of Two Writers
Ashcheulova I. V. *188*
The Images of America and Europe in the Linguistic Consciousness of Native Arabic Speakers
Balandina E. S. *196*
The Potential of the Crowdsourcing as a Method of Linguistic Experiment
Danilchuk M. V. *203*
Future Tense in the Portuguese Linguistic Tradition
Egizaryan P. E. *209*
Violation of Linguistic Norms in Translation in B1-C1 Students
Kobzeva O. V. *222*
Literature Circles as an Implementation of Reader-Response Theory when Teaching Extensive Reading in English at University
Kosheleva I. N. *230*
Microconcept "Children" in Russian and Ukrainian Paroemiological World Images
Marfina Z. V. *239*
The Status of Apposition Structures in the Modern German Language
Muratova S. V. *245*
Insight into the Linguistic History of the Ethnonym *Chukcha*
Teikin M. S. *253*
The Role of the State Language in the Ethnic Press: Crimean Experience
Yablonovskaya N. V. *260*

Index of articles published in the journal "Bulletin of the Kemerovo State University" in 2018 *267*

УДК 94(470.67)

СИСТЕМА СНАБЖЕНИЯ КРЕПОСТИ СВЯТОГО КРЕСТА (1722–1735): ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН*

Магомед-Паша Б. Абдусаламов [a, @, ID]***; Николай Д. Чекулаев*** [b]

[a] *Дагестанский государственный университет народного хозяйства, 367008, Россия, г. Махачкала, ул. Атаева, 5*
[b] *Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, 367030, Россия, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75*
[@] *vikingpasha@mail.ru*
[ID] *https://orcid.com/0000-0001-5239-6690*

Поступила в редакцию 24.08.2018. Принята к печати 18.10.2018.

Ключевые слова:
Российская империя, Кригс-комиссариат, Военная коллегия, Низовой корпус, гарнизонные войска, продовольствие, магазины, амуниция

Аннотация: В статье на основе материалов Центрального государственного архива Республики Дагестан рассмотрена и исследована проблема снабжения гарнизона крепости Святого Креста. В результате Каспийского похода Петра Великого (1722–1723) Приморский Дагестан, включая кумыкские государственные образования (Тарковское шамхальство и владения Засулакской Кумыкии), оказались под юрисдикцией Российской империи. Для упрочения присоединенных земель в Прикаспии был сформирован Низовой корпус, включавший в себя систему русских крепостей в регионе. Святой Крест, основанный Петром I в сентябре 1722 г. в устье Сулака, в последующем стал крупным стратегическим и административно-политическим центром на Северном Кавказе.
Основным источником по данной проблеме является так называемое делопроизводство гарнизона крепости Святого Креста. В состав этого делопроизводства входят многочисленные ордера, рапорты, донесения и прочая военная документация. С помощью этих военных документов воссоздается целостная картина, раскрывающая систему снабжения российских вооруженных сил всем необходимым. Данная система снабжения была создана благодаря гениальному уму одного из самых выдающихся представителей династии Романовых – государя Петра Великого. Созданная им система снабжения императорских вооруженных сил способствовала тому, что и полевые, и гарнизонные регулярные полки получали все необходимое для выполнения своей основной функции – защиты рубежей Российского государства от посягательств на них врага. По сути, система снабжения представляла собой тыловое обеспечение (интендантство) императорских войск в мирное и военное время боеприпасами, вооружением, продовольствием, медикаментами, финансами, топливом и т. п.
Магазинная система снабжения императорских войск давала возможность заблаговременно запасать провиант и фураж в стране и систематически доставлять их в действующую армию.

Для цитирования: Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. Система снабжения крепости Святого Креста (1722–1735): по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 5–12. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-5-12

Введение

Со времени возникновения первых государств и по сей день их важнейшей функцией являлось обеспечение своего суверенитета и независимости. История свидетельствует, что путем дипломатии не всегда удавалось решать вопросы международных взаимоотношений. Наиболее острые и спорные проблемы решались с помощью военной силы.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-31-01067/17-ОГОН «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI – первая половина XIX в.».

Сложная международная обстановка может потребовать от армии в любой миг выступить на защиту государственных интересов. Поэтому проблема материально-технического снабжения вооруженных сил, поддержания их боевых качеств весьма актуальна в наше время.

В основе системы снабжения войск лежала магазинная система снабжения. Она являлась способом обеспечения войск материальными средствами (провиантом и фуражом) из государственных магазинов (складов), получив применение в европейских армиях в XVII–XVIII вв. В данной статье мы рассмотрим систему снабжения императорских войск на примере гарнизона крепости Святого Креста.

Система снабжения крепости Святого Креста

Система снабжения гарнизона крепости Святого Креста всем необходимым для успешной жизнедеятельности характеризовалась существованием магазинной системы снабжения, которая подразделялась на четыре основных вида магазинов.

Продовольственные – для хранения продовольственно-фуражных припасов, постоянные и учреждаемые при возникновении гарнизона. По вместительности и годовой пропорции равнялись от 1000 до 30000 четвертей.

Вещевые (гарнизонный цейхгауз) – делились по сортам хранимого имущества (в их состав входили и фортификационные магазины), вещевые интендантские склады.

Артиллерийские (цейхгауз) – предназначались для хранения вещей, возможность быстрого доставления которых в окружные склады отсутствовала. Цейхгауз являлся местом хранения артиллерии и артиллерийских припасов гарнизона.

Пороховые (пороховые погреба) – устраивались в крепостях для охраны запасов пороха до 12000 пудов.

Магазинное продовольствие – система продовольствия гарнизона исключительно из магазинов, устроенных в крепости, магазины с хлебопекарнями при них [1, с. 295–296].

Что из себя представлял провиантский магазин, становится известно из материалов местного архива. Это был амбар из сосновых трехсаженных досок, внутри – дощатый мост из сосны, крытый лубьем и прибитый гвоздями. Ветхий плетневой хворостинный амбар был вымазан глиной, крыт по плетню камышом, а сверху накрыт землей, в нем был мост из сосновых досок местного леса. Всего по данным Центрального государственного архива Республики Дагестан в Святом Кресте было 10 провиантских магазинов[1].

По указу Анны Иоанновны от 13 сентября 1733 г. основная обязанность по снабжению крепости Святого Креста была возложена на Генеральный Кригс-комиссариат, который должен был путем подряда или покупками приобретать провиант и фураж и водным путем доставлять. Также от гарнизона отправлялись штаб и обер-офицеры в низовые города (Казань, Симбирск) для принятия в них провианта и фуража, предназначенного для довольствия гарнизона крепости Святого Креста[2]. По указу Петра II гарнизон крепости получал на год: 1500 четвертей муки, 500 ведер уксуса, 1000 пудов масла коровьего, 1000 четвертей чеснока, 30 четвертей перца, 300 пудов сальных свеч[3]. По распоряжению провиантской канцелярии подмоченный провиант подлежал немедленному употреблению в полки, дабы провиант напрасно не портился[4].

Гарнизонные войска непосредственно получали пиво, вино, водку со складов кружечного двора. Основным источником снабжения крепости Святого Креста была Астрахань. Главный маршрут снабжения из Астрахани в крепость Святого Креста – Каспийское море, сухопутный маршрут не использовался из-за набегов северокавказских горцев. Кроме того, провиант и фураж доставлялся и из городов Персии, занятых русскими войсками, в частности из Решта доставляли уксус, перец, чеснок, сальные свечи[5].

Крупный и мелкий рогатый скот поступал на довольство гарнизона в результате военных действий против мятежных дагестанских феодальных владетелей, в частности с Сурхай-ханом Казикумухским, захвата его владений, откуда скот отгоняли в Святой Крест[6]. На покупку продовольствия использовали собранные обер-офицерами подушные деньги с населения. Помимо этого, по императорскому указу от 16 января 1729 г. на провизию было выделено 5372 руб. 88 коп. Вино в Святой Крест отпускалось из Астрахани ежегодно по 6000 ведер[7].

За время нахождения в Прикаспии Низовому корпусу не удалось обеспечить себя провиантом за счет местных ресурсов. Продукты доставлялись морем. Это требовало большого количества кораблей, и соответственно, снабжение войск ставилось под угрозу. В 1733 г. информация о доставке провизии имела важное значение и являлась равноценной

[1] Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 18. Оп. 1. Д. 152. Л. 128–129.

[2] Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. IX. С. 204.

[3] ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 21. Л. 60.

[4] ЦГА РД. Ф. 366. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

[5] ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.

[6] ЦГА РД. Ф. 347. Оп. 1. Д. 15. Л. 37.

[7] ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

донесениям о ходе военных операций. В докладе Кригс-комиссариата в Петербург говорилось, что для «удовольствия» войск необходим завоз 1495 кулей соли, 5594 куля крупы, 52024 куля овса, 541 куль муки и пр.

В декабре 1733 г. правительство попыталось перейти на местное снабжение и потребовало от руководства войск выяснить, нельзя ли с местного населения «вместо обыкновенных податей хлебом брать». Подобная инициатива Петербурга не имела успеха. В феврале 1734 г. главнокомандующий на Кавказе генерал-аншеф В. Я. Левашов информировал правительство о местных ценах на хлеб и предлагал, как можно быстро решить вопрос с продовольственным обеспечением армии [2, с. 184].

В раскрытии обозначенной нами темы необходимо сказать и о снабжении гарнизона Святого Креста денежными средствами. Характерной особенностью гарнизонной денежной казны крепости Святого Креста, как и всех гарнизонов Низового корпуса, была в том, что она состояла из двух равнозначных и самостоятельных денежных единиц – российской монеты и персидской денежной единицы. Причиной этого была отдаленность войск Низового корпуса от России, вследствие чего происходили задержки в присылке из Астрахани денежной казны. По этой причине коменданты крепостей были вынуждены использовать для нужд гарнизонных войск местную персидскую монету. Виновником задержек в присылке всего необходимого в Низовой корпус было морское ведомство.

Командующие сухопутными войсками, как правило, в морские дела не лезли, однако все же разногласия возникали – особенно после отъезда авторитетного князя фельдмаршала В. В. Долгорукого, отметившего, что моряки по отношению к генерал-майору А. И. Румянцеву и генерал-аншефу В. Я. Левашову «не так послушны им, как при мне были». В 1729 г. дефицит «морских служителей» вынуждал капитана-командора З. Д. Мишукова обращаться к генералитету. Но сухопутные командиры не желали из-за нехватки отдавать солдат морскому ведомству, так что фельдмаршал В. В. Долгорукий в конечном счете оказался вынужденным просить отправки матросов с Балтики. Генерал-аншеф В. Я. Левашов также сетовал, что Адмиралтейство не направляет ему шхерботов, в то время как «в Зинзилинском заливе банк весь обмелел». В связи с этим морским судам не удавалось в него войти, и требовались разгрузочные корабли для доставки товаров на берег. Конфликт удалось разрешить следующим способом: Верховный тайный совет приказал начальнику порта З. Д. Мишукову исполнять требования генералов, которые «до Низового корпуса принадлежат».

Нехватка моряков и работников по-прежнему оставалось серьезной проблемой. З. Д. Мишуков в 1730 г. безуспешно пытался добиться у Адмиралтейства работников, а его преемник Ф. Кошелев в 1731 г. просил послать ему 2000 солдат для бесперебойных поставок провизии войскам. Безусловно, все это сказывалось на состоянии флотилии. Так, в мае 1727 г. З. Д. Мишуков доносил об имеющихся в наличии 78 кораблях, в 1728 г. – 96, но в феврале 1730 г. насчитал всего лишь 43 суда. В дальнейшем обстановка все более усложнялась: в 1731 г. запросы Низового корпуса удовлетворяли 38 кораблей, в 1732 г. – 36, в 1733 г. – 33; дефицит судов приводил к перебоям в поставках провизии, неустойках, исчисляемых десятками тысяч кулей [2, с. 184–185].

Крепость Святого Креста имела несколько источников получения денежных средств. Основным источником была Военная коллегия, которая задерживала доставку их из Астрахани по морю. Поэтому коменданты крепости Святого Креста вынуждены были искать иные источники снабжения денежной казной, предназначенные главным образом для выплаты гарнизонным войскам денежного довольствия. Нередко прибегали к сбору с проживавших на рынке в крепости Святого Креста торговых людей для нужд гарнизона. В указе императора Петра II предписывалось командующему Низовым корпусом генерал-фельдмаршалу В. В. Долгорукому с целью облегчить потребности военных чинов не производить подушный сбор, а использовать полученные ранее из Москвы из Военной Коллегии пятикопеечниками 600 руб. для выдачи денежного жалованья за январскую треть 1728 г. Основным из местных источников снабжения денежными средствами была присылка доходов, собранных в персидских провинциях, занятых войсками Низового корпуса. Местные источники состояли из различных сборов: кабацкие, таможенные и пр.[8]

Кроме того, 30 января 1733 г. в крепость Святого Креста была прислана денежная казна из средств Бакинских доходов на сумму 1949 руб. 58 коп.[9] Были присланы денежные средства из доходов Гилянской провинции на выдачу денежного жалованья гарнизону крепости Святого Креста: на 1728 г. – 5000 руб.; на 1729 г. – 5000 руб.; на 1730 г. – 5000 руб.; на 1731 г. – 3633 руб. 75 коп.; итого – 18633 руб. В декабре 1732 г. от сибирского воеводы в Низовой корпус была прислана денежная казна в Архангелогородский полк[10] .

Для получения денежного жалованья на гарнизон от каждого полка, воинской команды или

[8] ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 30. Л. 17.

[9] ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 78. Л. 52.

[10] ЦГА РД. Ф. 301. Оп. 1. Д. 69. Л. 116.

иных частей направляли небольшую команду. Для получения жалованья на артиллерийскую команду в Астрахань от данной команды штык-юнкер отправлял сержанта и двух артиллерийских служителей. Денежную казну перевозили и хранили в бочках и мешках[11].

Было четко слажено обеспечение мундирными вещами военнослужащих гарнизонных полков. Обмундирование регулярных войск гарнизона крепости Святого Креста было представлено мундирными вещами. Мундир делился на два элемента: верхний и нижний мундир. Верхний мундир был представлен следующими вещами: шляпа, гренадерская шапка, кафтан, епанча, камзол, рубаха, порты, упаки, плащ, галстук; нижний мундир – штаны, чулки, сапоги, башмаки. Кафтан, епанчу, камзол, штаны шили из разного материала разных цветов: сукна, коломенки, лосины, замши, козлиной шерсти зеленого, красного, серого, василькового цветов. Кафтаны были длинные до колен, под ними носили вершка на четыре короче камзол такого же покроя, штаны – длиною на три вершка ниже колен. Обувью служили в пехоте башмаки, а в кавалерии для конного строя – сапоги. Вместо нынешней шинели была епанча, т.е. короткий до колен плащ без рукавов и пуговиц с двумя отложными воротниками. Шляпа была черная шерстяная или пуховая круглой формы, от трех до четырех вершков, с тульей, полями, с трех сторон загнутая кверху.

В правление императора Петра Великого нижним чинам пехотного гарнизонного полка полагался темно-зеленый кафтан с обшлагами, воротником, красными оторочкой петель и подбоем, красные штаны; белые чулки и независимо от башмаков – длинные, до колен, рабочие сапоги, или упаки, из нечерненой кожи. Камзол и галстук от казны не полагались, а вместо первого отпускался рабочий кафтан из сермяжного сукна, без воротника и обшлагов, застегивавшийся спереди пятью удлиненными кожаными пуговицами и столькими же петлями из черной тесьмы.

Нижним чинам драгунского гарнизонного полка предназначался темно-зеленый кафтан с воротником, обшлагами, красными оторочкой петель и подбоем, красные штаны, чулки белые для пешей службы и сапоги с клапанами, без шпор. Камзол и галстук от казны не полагались, а вместо первого отпускался рабочий кафтан, одного образца с вышеописанным.

В правление императрицы Анны Иоанновны нижним чинам гарнизонной пехоты обмундирование было присвоено почти одинаковое с полевой пехотой: зеленый кафтан с воротником, обшлагами, красными оторочкой петель и подбоем, красный камзол (прежде не полагавшийся), козлиные штаны, красные епанча (по сто на полк) и нижний её воротник, а верхний воротник и подбой – васильковые. Помимо этого, вместо прежних, сермяжных кафтанов, положены кафтаны из парусного полотна, застегивавшиеся шестью роговыми пуговицами. Вооружение было также одинаковое с пехотным с тем различием, что прибор у гарнизонных фузей и пистолетов всегда был железный.

Офицеры гарнизонной пехоты от полевых пехотных различались единственно тем, что не имели эспонтонов. Нижние чины гарнизонных драгунов от драгунов полевых отличались тем, что вместо лосиных штанов носили козлиные и не имели ни шпор у сапогов, ни перчаток. Им отпускались рабочие кафтаны одного образца с вышеописанными, оружейные же и амуничные вещи были одинаковые с присвоенными полевым драгунам, только фузеи их и пистолеты прибор имели всегда железный. Офицерам был присвоен мундир весь тот же, что и офицерам полевых драгунов, с одной переменой лосиного цвета камзолов на красный [3, с. 233].

Документы Центрального государственного архива Республики Дагестан свидетельствуют, как осуществлялась поставка в гарнизон мундирных вещей: 1) в виде готовых вещей; 2) в виде тканей – сукно, полотно, холст, коломенка, каразея (получив ткани, военные чины должны были сами из него шить себе мундир); 3) вместо готового мундира и тканей присылали деньги, специально предназначенные для пошива обмундирования[12].

В соответствии с указом Петра II от 12 октября 1729 г. у военных чинов на пошивку мундира вычитывалось в год: у драгуна – 6 руб., у солдата – 5 руб. 32 коп. По императорскому указу от 5 февраля 1729 г. для пехотных полков на «строения» зеленых мундиров на 6809 кафтанов было послано 21916 аршин 8 вершков, а фабричных изделий – зеленых сукон – 1733 аршин 7 вершков, красных сукон на обшлага и воротники – 5392 аршин с четвертью, на 4274 епанчей – 342 аршин 12 вершков. На основе указа Петра II Военная коллегия направила на приобретение мундиров и амуниции 42301 руб. 62 коп.[13]

В присылаемой в полки гарнизона крепости Святого Креста денежной казне была статья расходов, предназначавшаяся на «строение мундира». На постройку мундирных вещей на одного человека полагалось: пехотному фузилеру гарнизона – шляпа с обшивками из белого шерстяного галуна и шнура на 3 года – 19 1/4 коп. На строевой кафтан – 3 аршина 7 вершков зеленого сукна; на воротник, обшлага и оторочку петель – 5 вершков

[11] ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 151. Л. 138.

[12] ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 78. Л. 53.

[13] ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 11. Л. 87, 116.

красного сукна; 3 1/2 аршин на подбой красной каразеи (ширина – 1 аршин 3 вершка); в фалды, под рукава и обшлага – крашенины и медных пуговиц (18) на 4 года – 3 руб. 27 7/8 коп. На рабочий кафтан – 9 аршин серого сермяжного сукна (шириною 11 вершков); на подбой – 3/4 аршина синей крашенины; ременных пуговиц (5) и к ним на петли нитяной тесьмы – 1 3/4 аршина на 4 года – 80 коп. Почти столько же полагалось и гарнизонному драгуну. Все те чины, из жалованья которых вычет на мундир не производился, обязаны были делать его от себя. В пехотных полевых и гарнизонных полках унтер-офицеры от рядовых отличались узким золотым галуном на воротнике, обшлагах и шляпе; в кавалерии – на одних шляпах [4, с. 29, 34–35].

В Центральном государственном архиве Республики Дагестан содержатся «Ведомости о полковой денежной казне» пехотных и драгунских полков гарнизона Святого Креста. Так, по дагестанскому пехотному полку на 1732 г. на эти цели выделено 506 руб. 72 коп., а также даются и данные с 1724 по 1728 гг. по Бакинскому полку – 9994 руб., и по Ширванскому – 8384 руб. 32 коп.[14]

В соответствии с императорским указом от 15 марта 1727 г. было велено штаб и обер-офицерам иметь один мундир без позумента, в драгунских полках кафтаны и штаны делать синие, обшлага камзолов – лосиного цвета. В пехотных полках – кафтаны и штаны зеленые, обшлага камзолов из красного сукна. По указу императора Петра II от 12 октября 1727 г. мундирам устанавливался срок использования – в драгунском полку: епанча на год, кафтан, шляпа, камзол – на 1,5 года, по паре башмаков, сапогов и рубах с портами – по 1 году.

Мундир присылался в полк после подачи в Военную коллегию ведомости о требовании его присылки. Военная коллегия на поданную ведомость от 1728 г. о количестве обуви, рубах с портами и другой одежды отправила сапоги и по одной паре башмаков (на одного военнослужащего), а за другую пару, которую не прислали натурою и за рубашечный и порточный холсты, были отправлены денежные средства на их приобретение[15]. На «строение» мундира было направлено в гарнизон Святого Креста денежных средств за период с 1722 по 1735 гг. на общую сумму 39688 руб. 71 коп.

Считаем необходимым уделить внимание и казачьему обмундированию. Походный костюм казаков состоял из грубовытканного суконного зипуна кавказского покроя, опоясанного ремнем, и пространных шаровар, аккуратно упрятанных в голенища. Казачью голову украшала баранья папаха. В праздники, дни войсковых кругов или приема заезжих гостей казаки были не прочь надеть свои дорогие наряды. Их можно было видеть в шелковых турецких кушаках с холодным оружием, украшавшим пояс и вложенным в черные ножны, отделанные серебром, в красных или желтых сафьяновых сапогах, в куньих шапках с красным бархатом, верхом.

Следует указать, что казаки ценили одежду не из-за ее цены, стоимости и т. п., а за тот внутренний духовный смысл, имевший для них некое значение. Потому казаки, особенно казаки-староверы (какими были гребенские казаки), вообще не надевали трофейного костюма, особенно если это была одежда убитого. Казак руководствовался больше суеверными побуждениями, чем опасениями заразиться болезнью через чужую одежду. Казаки считали, что с ношением чужой одежды можно унаследовать судьбу её прежнего хозяина и т. д. Потому одежда, изготовленная «по домашности» женой, сестрами или матерью, а позднее хоть и казенная, но на свои деньги приобретенная или у своего каптенармуса взятая, приобретала для него особенную значимость [5, с. 216].

В исследовании данной проблемы необходимо коснуться амуниции гарнизонных полков. Амуниция представляла собой полковое имущество регулярных полков императорской армии и гарнизонов. Вооружение и амуницию гарнизонных войск, согласно табели от 9 февраля 1720 г., составляли: пехотного гарнизонного фузилера, капрала, подпрапорщика, каптенармуса и сержанта – все то же, что и пехотных армейских, с тем исключением, что рядовые не имели штыков, ранцев и водоносных фляжек; капралы – ранцев, а каптенармусы и сержанты – алебард. Пехотного гарнизонного гренадера и гренадерских же капрала, каптенармуса и сержанта – все то же, что и гренадера армейской пехоты, с тем исключением, что рядовые не имели ранцев и водоносных фляжек; капралы – ранцев, а каптенармусы и сержанты – алебард. Драгунского гарнизонного фузилера, капрала, подпрапорщика, каптенармуса и вахмистра – все то же, что и драгунских армейских, с тем исключением, что капралы и прочие унтер-офицеры не имели топоров. В гренадерских полках: в гарнизонных – фурьеры, в гарнизонных гренадерских ротах подпрапорщики и фурьеры не полагались [4, с. 35, 37].

Амуничные вещи поступали в крепость Святого Креста натурой или деньгами. Оружие всегда присылалось в готовом виде. По данным Центрального государственного архива Республики Дагестан из Военной коллегии в крепость Святого Креста с 1722 по 1735 гг. было прислано вместо амуниции деньгами на общую сумму 51617 руб. 45 коп. Кроме того, в структуре денежной казны каждого регулярного

[14] ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 127. Л. 1–2.

[15] ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 13. Л. 149–150.

(пехотного и драгунского) полка имелись денежные средства на «делание» амуниции при полку.

Амуниция хранилась в полковом и гарнизонном цейхгаузе. На основании многочисленных указов Военной коллегии военнослужащие регулярно осуществляли осмотр хранимого в цейхгаузе полкового имущества. Выявленные негодные вещи по указанию той же коллегии ремонтировались на месте, если было возможно, а если вещи не подлежали исправлению, то их продавали на рынке. Встречались вещи, которые нельзя было продавать – их отправляли на судне в Астрахань и вместо них присылали затем годные вещи. Амуничные вещи в крепость Святого Креста из России доставлялись в основном морским путем из Астрахани, т. к. он был наиболее надежным и безопасным в отличие от сухопутного маршрута, который проходил через земли северокавказских горцев, которые часто совершали набеги[16].

Доставка амуничных вещей осуществлялась на основе присылки в Военную Коллегию ведомости от конкретного полка с требованием необходимых вещей с указанием их количества. На основании многочисленных указов Военной коллегии сверхкомплектные при полках амуничные вещи отправлялись на судах из крепости Святого Креста в Астрахань. Каждый полк гарнизона регулярно по требованию Военной коллегии присылал обстоятельные ведомости о состоянии при полках амуничных вещей. Правительство регулярно требовало от командования полков подавать сведения о количестве остающихся денег от покупки и «строения» амуничных вещей с указанием того, сколько остаточных денег бывает из года в год. По неполным данным Центрального государственного архива Республики Дагестан гарнизон крепости Святого Креста получил: 48141 фузей, 23538 штыков, 19028 шпаг, 2276 пистолетов, 78567 палашей, 424 алебард, 646379 патронов без пуль фузейных, 633298 патронов без пуль пистолетных, 4872 патронов с пулями, 910 патронов гранатных, 630218 пуль без патронов фузейных, 15510 пуль без патронов пистолетных, 2750 пуль холостых, 8823 гранат, 289428 картечей, 195562 ядра, 1151 пуд 22 фунта 90 золотников пороха, 1307 пудов 36 фунтов 95 золотников свинца[17].

Хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан фонды, освещающие историю существования Низового корпуса, позволяют нам узнать об источниках, откуда гарнизон крепости Святого Креста получал мундирно-амуничные вещи:

1) из мундирной конторы Военной коллегии;

2) из Санкт-Петербургского и Казанского магазинов;

3) из Дербента и других крепостей на западном и южном побережье Каспийского моря, где были расквартированы гарнизоны Низового корпуса (15 июля 1733 г. в крепость Святого Креста были отправлены из Низовой крепости драгунских полков 2 пушки, 2 картузных ящика, 2 телеги с артиллерийскими припасами);

4) использовались вещи умерших военнослужащих Низового корпуса;

5) из Астраханского и Казанского гарнизонов;

6) с новоприбывшими солдатами из России;

7) с текстильных фабрик России (Москва);

8) из Астрахани – Генеральной комиссии Низового Корпуса;

9) из Москвы – Военной конторы;

10) оружие в основном поступало с Тульских оружейных заводов;

11) из московского Арсенала;

12) у местных и приезжих купцов;

13) все необходимое для полков покупалось на имеющиеся и на остаточные деньги полков;

14) от различных военных чинов;

15) необходимые для изготовления артиллерийских боеприпасов материалы покупались на местном рынке у купцов и жителей;

16) принятые в 1724 г. при формировании 18 пехотных батальонов в полки имущество тех батальонов;

17) принятые в Дербенте от штык-юнкера Шешелова;

18) имущество умерших военных чинов из крепостей Низового корпуса, командированных туда из крепости Святого Креста;

19) из гарнизонного цейхгауза;

20) из полкового цейхгауза;

21) из Воронежской губернии от разных полков;

22) для нужд местной гарнизонной школы покупали у купцов писчую бумагу и полотно[18].

В завершение исследования данного вопроса необходимо упомянуть и об обеспечении гарнизона крепости Святого Креста конским составом. Снабжение в гарнизоне крепости Святого Креста лошадьми шло только в виде присылки денег на покупку лошадей. Нами не найдено ни одного упоминания о присылке лошадей из России. По указу императора Петра II от 12 марта 1728 г. предписывалось покупать драгунских и подъемных лошадей на собираемые с населения подушные деньги. Тем же указом император Петр II велел в мирное время в конных и пехотных полках не иметь полного комплекта лошадей, т. е. продавать, а вырученные от продажи лошадей деньги сохранять до наступления военного времени, когда эти деньги и следовало потратить на покупку лошадей. По силе указов в пехотных полках в мирное время было приказано

[16] ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 66. Л. 49–50.

[17] ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 84. Л. 114.

[18] ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 14. Л. 17–18.

иметь подъемных 60 лошадей. Основная часть подушных денег присылалась в гарнизон из России. По указу Петра II и Военной коллегии от 22 февраля 1728 г. обязанность покупать лошадей на полки возлагалась на штаб-офицеров.

По указу императора Петра II от 31 октября 1727 г. предписывалось негодных к службе драгунских лошадей продавать с публичного торга, а вырученные деньги направлять на покупку новых лошадей. Военная коллегия обязывала коменданта Святого Креста в случае нехватки денег на покупку лошадей использовать присланные на содержание полков деньги[19].

По табели 1720 г. было предписано в полках переменять лошадей через каждые 6 лет, и на их покупку положено по 2 руб. на каждую. Но из-за дороговизны на Кавказе лошадей покупали по 6 руб. 10 коп. Подъемные лошади также покупались на подушные деньги. Кроме того, в марте 1731 г. Ростовский драгунский полк получил 367 руб. 5 коп. из средств персидских доходов на покупку драгунских лошадей на полк. В январе 1732 г. Дагестанский пехотный полк купил 4 лошади за 95 руб.[20]

По неполным данным Центрального государственного архива Республики Дагестан гарнизон крепости Святого Креста на покупку лошадей (драгунских и подъемных) получил денежные средства в следующем объеме: в 1726 г. – 27942 руб. 28 коп.; в 1728 г. – 850 руб. 20 коп., в 1729 г. – 16164 руб. 62 коп., в 1731 г. – 367 руб. 5 коп., в 1732 г. – 2095 руб. На покупку подков в 1729 г. было прислано 156 руб. 45 коп. и 1000 пар подков. Денежная казна на покупку лошадей присылалась в гарнизон исключительно водным путем на казенных судах из Астрахани[21].

Заключение

Таким образом, создание магазинной системы снабжения было обусловлено увеличением численности регулярных армий и истощением в частых войнах западноевропейских стран, что крайне сужало возможности снабжения войск в военное время за счёт местных ресурсов.

В России в начале XVIII столетия с созданием регулярной армии Петр I основал две службы: комиссариатскую – для финансирования, обеспечения вещевым имуществом, обозом, ручным оружием и провиантскую – для обеспечения войск продовольствием и фуражом. В полках были хозяйственные подразделения – постоянные обозы с резервами материальных средств: осуществлялись пошив и ремонт обмундирования, обуви, заготовка мяса, хлебопечение, сушка сухарей. В XVIII в. были учреждены госпитали и лазареты.

Литература

1. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. В 22 т. СПб., 1905. Т. 18. 794 с.

2. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010. 381 с.

3. Баиов А. К. История русского военного искусства. М.: ФондИВ, 2008. Т. 1. 654 с.

4. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками. СПб.: В. С. Балашев и Ко, 1899. Ч. 2. 140, 24, [2]; 113 л. ил.

5. Алмазов Б. А. Военная история казачества. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 480 с.

[19] ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

[20] ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 35. Л. 94.

[21] ЦГА РД. Ф. 382. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.

THE FORTRESS OF THE HOLY CROSS: SUPPLY SYSTEM IN 1722–1735 (BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)*

Magomed-Pasha B. Abdusalamov [a, @, ID]***; Nikolay D. Chekulayev*** [b]

[a] *Dagestan state university of the national economy, 5, Atayev St., Makhachkala, Russia, 367008*
[b] *Institute of history, archeology and ethnography of the Dagestan scientific center of the Russian Academy of Sciences, 75, Yaragsky St., Makhachkala, Russia, 367030*
[@] *vikingpasha@mail.ru*
[ID] *https://orcid.com/0000-0001-5239-6690*

Received 24.08.2018. Accepted 18.10.2018.

Keywords: Russian Empire, Krigskomissariat, Military board, Local case, garrison troops, food, shops, ammunition

Abstract: The article features the problem of supply of the garrison of the Fortress of the Holy Cross on the basis of materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan. As a result of the Caspian campaign of Peter the Great (1722–1723), the Seaside Dagestan, including the Kumyk regions (the Shamkhalate of Tarki and the Zasulak Kumyk lands) entered the jurisdiction of the Russian Empire. To protect the new territories, a system of military fortifications was built. The Fortress of the Holy Cross was founded by Peter the Great in September, 1722, in the estuary of the Sulak River. It gradually became one of the economic, administrative, and political centers of the Caucasus.

The main information source on the matter remains the archive of the garrison headquartered in the Fortress of the Holy Cross. It includes numerous warrants, official reports, and other military documentation. The authors use the data to draw a complete picture of the military supply system invented by Peter the Great. The system provided both combat troops and regular garrisons with everything they needed to protect the borders of the Russian Empire. In fact, the system was based on logistic support (intendance) of imperial troops in peace and war time with ammunition, arms, food, medicines, finance, fuel, etc.

The last-in first-out system of supply made it possible to reserve food and fodder in the country in advance and systematically bring them to the combat troops.

For citation: Abdusalamov M.-P. B., Chekulayev N. D. Sistema snabzheniia kreposti Sviatogo Kresta (1722–1735): po materialam Tsentral′nogo gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Dagestan [The Fortress of the Holy Cross: Supply System in 1722–1735 (Based on the Materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 5–12. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-5-12

References

1. *Bol'shaia entsiklopediia. Slovar' obshchedostupnykh svedenii po vsem otrasliam znaniia* [Great Encyclopedia. Dictionary of publicly available information on all branches of knowledge]. Ed. Iuzhakov S. N. Saint-Petersburg, vol. 18 (1905): 794.

2. Kurukin I. V. *Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspiia (1722–1735)* [The Persian campaign of Peter the Great. Nizivoy corps on the shores of the Caspian Sea (1722–1735)]. Moscow: Kvadriga, 2010, 381.

3. Baiov A. K. *Istoriia russkogo voennogo iskusstva* [History of the Russian military art]. Moscow: FondIV, vol. 1 (2008): 654.

4. Viskovatov A. V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniia rossiiskikh voisk, s risunkami* [Historical description of clothes and weapons of Russian troops, with drawings]. Saint-Petersburg: V. S. Balashev i Ko, Part 2 (1899), 140, 24, [2]; 113.

5. Almazov B. A. *Voennaia istoriia kazachestva* [Military history of the Cossacks]. Moscow: Iauza; Eksmo, 2008, 480.

* The publication was funded by the Russian Foundation of Basic Research, project No. 16-31-01067/17-DHSS "Integration of Dagestan and Russia. The end of the XVI – the first half of the XIX century".

УДК 94(571.1).05/.06

О РОЛИ БИЙСКОЙ КРЕПОСТИ В РОССИЙСКОМ КОЛОНИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ НА АЛТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. (К 300-ЛЕТИЮ ВОЗВЕДЕНИЯ ВТОРОГО БИКАТУНСКОГО ОСТРОГА)*

Денис С. Бобров [a, @]

[a] *Алтайский государственный университет, 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61*
[@] *BDS-eureka@yandex.ru*

Поступила в редакцию 26.07.2017. Принята к печати 07.11.2018.

Ключевые слова:
сибирские остроги, Бийская крепость, воеводы, приказчики, гарнизон острога, регулярные войска, Кузнецкий уезд

Аннотация: Статья посвящена ревизии роли Бийской крепости в российском колонизационном процессе на Алтае посредством раскрытия места укрепления в административно-политическом процессе, протекавшем в Кузнецком уезде и в целом на юге Западной Сибири в конце XVII – середине XVIII вв. Источниковую основу исследования составили неопубликованные документы из фондов Российского государственного архива древних актов. Рассматриваются различные вопросы управления острогом: численность гарнизона и организация его снабжения, персоналии приказчиков, практика их взаимоотношений с кузнецкими воеводами и командирами регулярных воинских команд. Показано, как некоторые решения и действия уездных властей негативно сказывались на обороноспособности локального района. Выделены 4 этапа в истории Бийска первой половины XVIII в. и сделан вывод о приоритете административно-политического развития территориальной округи перед фортификационным строительством в освоенческом дискурсе местного уровня, а также о сочетании классических и гибридных стратегий, практик управления Бийской крепостью. Приведенные факты и суждения позволяют по-новому взглянуть на механизмы российской колонизации Алтая и южных районов Западной Сибири.

Для цитирования: Бобров Д. С. О роли Бийской крепости в российском колонизационном процессе на Алтае в первой половине XVIII в. (к 300-летию возведения второго Бикатунского острога) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 13–23. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-13-23

Введение

Несмотря на кажущуюся изученность большинства сюжетов, феномен имперского продвижения России на восточные окраины и различные аспекты функционирования первых укреплений на линии авангарда колонизации до сих пор сохраняют ощутимый эвристический потенциал. В 2018 г. исполнилось 300 лет с момента возведения второго Бикатунского острога, что актуализирует вопрос ревизии роли этого объекта и со временем выросшей возле него административной округи в освоенческом процессе, который протекал в Верхнем Приобье в первой половине XVIII в.

Указ Петра I от 29 февраля 1708 г. о сооружении в верховьях Оби «острога со всякими крепостями» [1, с. 12; 2, с. 13–14; 3, с. 63, 66; 4, с. 6; 5, с. 12–13; 6, с. 41; 7, с. 31; 8, с. 91; 9, с. 94–95] ознаменовал собой начало принципиально нового этапа российской колонизации юго-западных окраин Кузнецкого уезда и Алтая. Первое укрепление было возведено 18 июня 1709 г., однако спустя год оно было сожжено джунгарским отрядом во главе с зайсаном Духаром [1, с. 12; 2, с. 14–17; 3, с. 66–69; 4, с. 6–9; 5, с. 14–15; 6, с. 41–42; 7, с. 31–42, 44–46; 8, с. 91; 9, с. 94–97]. Несмотря на отсутствие прямых архивных свидетельств, но благодаря упоминанию Г. Ф. Миллера среди специалистов утвердилась точка зрения, согласно которой восстановление острога произошло в 1718 г. [1, с. 15; 2, с. 21–22; 4, с. 16; 5, с. 15; 6, с. 43; 7, с. 49, 52; 8, с. 91–92; 10, с. 31–32], после чего «Бийская крепость» как административный объект уже не прекращала своего существования.

История Бикатунского острога освещена в научной литературе с различных, но близких друг другу подходов. В советский период специалисты делали исключительный акцент на организации походов в верховья Оби и сооружении укреплений 1709 и 1718 гг., рассматривая эти процессы в контексте

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках реализации проекта № 17-11-22006.

либо встраивания правительственного курса освоения в вольнонародную колонизацию, либо динамики гео- и этнополитической ситуации в регионе [1; 2, с. 3–24; 3, с. 63–72; 4, с. 3–17; 11; 12]. В 90-е гг. XX в. вектор исследований несколько сместился в сторону анализа военно-колонизационной политики Российского государства. Ее основные тенденции в отношении западносибирских пространств раскрыты в работах В. Д. Пузанова [13; 14]. В свою очередь, Бийскую крепость А. Ю. Огурцов и С. Р. Муратова рассматривают как часть сибирских укрепленных линий [6, с. 40–67; 10, с. 31–34; 15]. Значимость Бийска как стратегического (опорного) пункта российских властей на Алтае в период первой половины – середины XVIII в. раскрыта историком-краеведом С. Ю. Исуповым, в том числе посредством выдвижения гипотезы относительно местоположения укрепления, реконструкции его внешнего облика и попытки проследить динамику численности гарнизона острога [16, с. 9–15; 17, с. 11–21; 18, с. 95–96]. В ставших фактически итоговыми работах автор проводит мысль об эволюции роли Бийской крепости в военно-колонизационной политике России в предгорьях Алтая: от форпоста, служившего средством раннего оповещения о вторжении кочевников, до важного звена в системе оборонительных пограничных линий [7, с. 29–101; 8, с. 91–94]. В последние годы интерес к истории Бикатунского острога существенно снизился, что связано с достижением осязаемых пределов источниковой базы. Исключением из этого ряда является лишь монография В. Б. Бородаева и А. В. Контева, в которой авторы стремятся комплексно воссоздать первые дни укреплений в районе слияния Бии и Катуни [9, с. 89–101, 250–258], и ряд публикаций, в более или менее общей форме затрагивающих вопросы наглядно-графической фиксации Бийска как оборонительного и административного объекта на чертежах и картах XVIII в. [19, с. 36–43; 20, с. 112–114, 120–125; 21, с. 45, 47]. Таким образом, история Бикатунского острога рассмотрена в специальной и историко-краеведческой литературе в контексте развертывания военно-инженерной и фортификационной политики России, а также этно- и геостратегической ситуации на юге Западной Сибири.

В связи с этим целью статьи является анализ истории Бийской крепости первой половины XVIII в. в контексте административно-политического процесса, протекавшего в Кузнецком уезде и на Алтае. Источниковую основу исследования составили по большей части неопубликованные материалы фондов 248 (Сенат и его учреждения), 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия) и 1402 (Бийская земская изба (Бийская крепость)) Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Строго формально оба фортификационных укрепления, сооруженные казаками в районе слияния Бии и Катуни в 1709 и 1718 гг. соответственно, являлись острогами, а не крепостями, и относились к административному ведению Кузнецкого уезда. В управленческом дискурсе Западной Сибири конца XVII – первой половины XVIII вв. строго не разводились понятия *крепость* и *острог*, часто они употреблялись вместе в одном документе в качестве синонимов, поэтому делопроизводственные материалы сохранили множество вариаций именований оборонительного объекта: Бийкатунская / Бикатунская / Бийская крепость / острог. Иногда встречалась конструкция «ведомство Бийской крепости». Категория *ведомство* в восприятии властей, служилых людей и крестьян XVIII в. обозначала принадлежность к той или иной территориальной округе, стратификацию подчинения властям определенного уровня, присуд.

Приказчики в системе администрирования Бийского острога

Управление Бикатунским острогом и относившейся к нему территории осуществлялось таким ординарным институтом гражданской системы управления, как приказчик. Соответствующая должность на протяжении первой половины XVIII в. замещалась кузнецкими служилыми людьми, в том числе детьми боярскими, авторитетными пешими или конными казаками (как правило, пятидесятниками или сотниками). К числу наиболее известных приказчиков Бийской крепости (по продолжительности отправления полномочий и количеству упоминаний в источниках) следует отнести Андрея Муратова, Федора Сорокина, Степана Серебренникова, Ивана и Степана Везигиных, Ивана Хабарова, Семена Гилева. Бийские приказчики являлись классическим проявлением годовальщиков в том плане, что командировались кузнецким воеводой в острог на определенное время [22, с. 132–133], по умолчанию на 1 год. В реальности этот срок практически никогда не соблюдался, а графики, равно как и периодичность ротации приказчиков и гарнизонных команд, не совпадали. Уездный центр декларировал и стремился реализовывать на практике полугодичную сменяемость служилых людей, направлявшихся в Бийск в первое время после учреждения здесь «обереговой службы». В свою очередь, по сведениям С. Ю. Исупова, первый бийский приказчик Андрей Попов передал управление острогом А. Муратову в мае 1710 г., т. е. по прошествии 11 месяцев замещения должности [7, с. 36]. По нашим данным в период с мая 1720 г. по октябрь 1721 г. в Бикатунской крепости в силу различных обстоятельств поочередно

уступили место друг другу сразу три приказчика: Федор Сорокин, Иван Буткеев и Иван Везигин[1].

Нормативной основой деятельности приказчиков становилась наказная память – особый вариант партикулярной персональной должностной инструкции, имевшей силу и характер распорядительного подзаконного нормативно-правового акта и адресованной лицу, вступавшему в соответствующую должность. В историко-краеведческой литературе утвердилась точка зрения, согласно которой основными функциями первых бийских управленцев являлись исполнительная и судебная [17, с. 12]. Конкретизируя этот тезис, хотелось бы подчеркнуть, что первая из них в реальности сводилась к оборонно-снабженческим, административно-хозяйственным и промульгационным аспектам. Между тем даже по мелким искам до 5 руб. источники не позволяют отследить реализацию де-юре предусмотренных наказной памятью[2] судебно-процессуальных компетенций приказчиков. С одной стороны, это может объясняться отсутствием установленной практики формальной фиксации мелких разбирательств. С другой – существенное число дел и решений по ним, выносившихся бийскими приказчиками на месте, так или иначе должно было породить недовольство отдельных лиц, которое, в свою очередь, неминуемо отразилось бы в архиве вышестоящих учреждений в виде жалоб воеводам. Однако соответствующие документы в фонде Кузнецкой воеводской канцелярии нам не известны. Скорее, правильно говорить о полицейской функции, заключавшейся в розыске, дознании, конвоировании и изредка осуществлении наказаний, вынесенных в уездном центре. Более подробно функционал приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья освещен в других наших работах [23, с. 145–166; 24, с. 33–37].

Основными факторами обеспечения управления и обороноспособности Бийской крепости стала динамика отношений России с Джунгарским ханством и опасность агрессии последнего, а также ресурсный «голод», который испытывали приказчики на протяжении 10–30-х гг. XVIII в. Если первый аспект раскрыт в специальной литературе довольно полно [25, с. 9–148], то на проблеме ресурсного дефицита хотелось бы остановиться более подробно.

Гарнизон Бийской крепости и его численность

Вопрос о динамике численности гарнизона Бикатунского острога в первой половине XVIII в. является относительно слабо изученным и дискуссионным, несмотря на свою очевидную значимость и наличие отдельных публикаций, заглавие которых напрямую соотносится с ним [18, с. 95–96]. Существует историографическая константа относительно численности первого состава гарнизона Бийска в 100 человек [1, с. 12; 2, с. 17; 3, с. 67; 7, с. 35–36, 42; 9, с. 95, 101]. Она основана на фразе из донесения кузнецкого воеводы Михаила Овцына в Москву о сооружении укрепления в верховьях Оби в 1709 г.: «а в оном новопостроенном остроге оставлен кузнецкий сын боярский Андрей Попов, а с ним служилых людей сто человек» [7, с. 35]. С. Ю. Исупов добавляет к этому, что в первые годы после восстановления укрепления (конец 10-х – середина 20-х гг. XVIII в.) численность его гарнизона не превышала 50–60 человек [7, с. 52; 8, с. 92]. Этот тезис частично подтверждается фрагментом одной из редких коллективных челобитных кузнецких служилых людей сибирскому вице-губернатору Ивану Васильевичу Болтину от 5 ноября 1730 г., где отмечается, что «толко… ведомства Бийкатунской крепости для обережи оной крепости от неприятелских людей по пятидесят и шестидесят и до ста человек погодно также посылаемся»[3]. Таким образом, число годовальщиков, командировавшихся в Бийск, в случае усиления военно-политической напряженности в локальном районе могло возрастать до 100 казаков, что полностью соответствовало сложившимся административным практикам охраны крупных объектов Кузнецкого уезда. Вместе с тем снижение числа лиц, посылавшихся в Бикатунский острог, по сравнению с первыми годами после сооружения укрепления напрямую связано с началом строительства, а затем и введением в эксплуатацию Колыванских предприятий. В соответствии с решением вице-губернатора И. В. Болтина от 9 июля 1730 г. охрана промышленного комплекса А. Н. Демидова полностью ложилась на плечи служилых людей Кузнецкого уезда, причем предусматривалось выделение 60 казаков (до этого момента 40 казаков присылались из Томска и лишь 20 из Кузнецка) и потенциальное увеличение этого количества в летнее время до все тех же 100 человек [26, с. 24–25].

В результате в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. реальное число годовальных казаков в Бийской крепости опускалось до вовсе критического предела – 30–35 человек. Определенное улучшение ситуации произошло только в 1734 г., когда состав гарнизона возрос до 40 служилых людей[4]. При этом кузнецкие воеводы в силу отдаленности Бикатунского острога, нахождения его на периферии Кузнецкого уезда не всегда обладали точной информацией о числе командированных сюда

[1] РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8 об., 21–23, 27–27 об., 44–44 об.

[2] Там же, л. 7.

[3] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33–33 об.

[4] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11 об.–12.

годовальщиков. Например, в своем доношении в Тобольскую губернскую канцелярию, которое впоследствии оказалось в Сенате, кузнецкий воевода Артем Федорович Бартенев сообщал о наличии в Бийске на момент 1734 г. 44 казаков, что являлось ощутимым преувеличением действительности[5].

Вопрос о том, насколько 40–60 и даже 100 казаков могли справиться с потенциальной угрозой набега и разорения со стороны калмыков и их кыштымников – открытый, учитывая, что более 60 служилых не смогли сохранить крепость в 1710 г. Для сравнения Г. Ф. Быконя приводит данные о приблизительно 400 служилых, находившихся на годовальной службе в Абаканском остроге в конце первого десятилетия XVIII в. [27, с. 80–81]. Ресурсы, которыми располагала Кузнецкая воеводская канцелярия, были значительно скромнее: к середине 30-х гг. XVIII в. общее число служилых людей (т. е. нерегулярных соединений), приписанных к Кузнецку, составляло 500 человек, 328 (65,6 %) из которых находились в различных командировках как на территории уезда, так и за его пределами[6]. Это значительно превышало средний по Западной Сибири процент служилых людей в «дальних отлучках», который составлял примерно треть [28, с. 23].

Персонификация управления как синдром и ее влияние на локальный административный процесс

Персонификация управления, ставшая неизбежным следствием распространения на территорию Верхнего Приобья общероссийской тенденции бюрократического централизма, для Бийской крепости имела как положительные, так и негативные моменты. С одной стороны, на локальном уровне концентрация и замыкание максимума полномочий на одном лице позволяли оперативно организовывать ограниченные ресурсы для решения определенной поставленной задачи. С другой стороны, любые сомнительные, а уж тем более преступные действия приказчиков приводили не только к подрыву авторитета государственной власти в административной округе, но и ставили под угрозу безопасность острога. Возможно, в связи с этим примеров совершенных бийскими приказчиками преступлений не так много.

Заслуживает внимания один вопиющий факт. На рубеже 1729–1730 гг. «начальный человек» Бийской крепости С. Везигин за взятки отпустил в «домы свои», т. е. в окрестности Кузнецка, 23 служилых человека из 30, составлявших годовальную гарнизонную команду[7]. Посланный кузнецким воеводой Петром Нефедеевым изначально с совершенно иными целями Федор Крячиков был настолько изумлен коррумпированностью приказчика и его пренебрежением задачами обороны острога, что с ужасом писал воеводе: «а на обереговой службе в той крепости служилых людей почти не осталось»[8]. Далее Ф. Крячиков также констатировал, что уже в течение года С. Везигин тормозил любые финансовые платежи из Бийска в Кузнецк. Примечательно, что воеводу заинтересовал именно последний аспект, а не тот катастрофический ущерб обороноспособности локального района, который был причинен действиями приказчика. П. Нефедеев инициировал следствие над С. Везигиным. Вина последнего не вызывала особых сомнений. Выяснилось, что из подвала земской избы были украдены все казенные деньги, в то время как приказчик снял с него охрану, мотивируя это дальностью расположения жилищ служилых людей от места несения караула. Более того, С. Везигин придумал себе наивное алиби: якобы во время ограбления он ночью «уходил в чесовню молиться Богу», а «присылной» Яков Волков показывал, что вскоре после преступления нашел приказчика «в чесовне, и горит свеча»[9]. При всех этих, казалось бы, однозначных обстоятельствах П. Нефедеев оправдал приказчика и возложил вину в краже денег на целовальника Ивана Бызова[10].

Действия уездного администратора выглядели явным укрывательством, т. к. еще в 1728 г. при вступлении того же С. Везигина в должность его предшественник Иван Шебалин в доношении в Кузнецк подчеркивал, что прибывший сменщик заставил его собирать подушные деньги уже после передачи «укасов и алтирелских припасов» (т. е. фактически после прекращения полномочий)[11]. Более того, С. Везигин, не предъявив какого-либо воеводского указа, санкционировавшего подобные действия, фактически силой забрал у И. Шебалина 6 руб. Наконец, бывший приказчик обращал внимание воеводы на факт публичной взятки, полученной С. Везигиным от служилого Алексея Сидорова, за освобождение от несения реальной «обереговой» службы[12]. Доношение И. Шебалина не привлекло внимание воеводы, точно

[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 867. Д. 1. Л. 668–670.

[6] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 12–12 об.

[7] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 51–58.

[8] Там же, л. 51–52.

[9] Там же, л. 99–101.

[10] Там же, л. 103–104.

[11] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–1 об.

[12] Там же, л. 1 об.

так же как и жалоба жителя Бикатунской крепости Кирилла Соколова касательно того, что ему только путем взятки в 7 руб. удалось откупиться от рекрутского набора в 1729 г.[13]

После инцидента с С. Везигиным уездное начальство все же стало внимательнее относиться к деятельности приказчиков и временами даже «придираться» к ним. Однако, на наш взгляд, динамика политического курса Кузнецка в отношении администраторов Бийской крепости в условиях уже упоминавшейся персонификации власти напрямую была связана с личностью конкретного главы уезда. В этом свете отношения по линии «П. Нефедеев – С. Везигин» резко контрастируют с инцидентом, произошедшим в конце 1733 – начале 1734 гг.

Воевода А. Ф. Бартенев направил служилого Ивана Саратова в Бикатунский острог для ареста и конвоирования в Кузнецк «началного человека» Ивана Буткеева. Резкое недовольство уездного центра вызвало промедление приказчика в вопросе высылки подозревавшейся в колдовстве «бабы Акулины». И. Саратову напрямую предписывалось «взяв ис той крепости… с лошадю и со збруей прикащика Буткеева, и привесть в Кузнецк и обявить при доношении в Кузнецкую канцелярию, також и бабу Акулину, заковав в ручныя и ножныя кондалы»[14]. Однако к моменту прибытия экспедиционно-конвойной команды И. Буткеев уже отправил Акулину в Кузнецк. Тем самым формальные основания поспешной высылки приказчика в уездный центр отпали, т. к. это напрямую угрожало обороноспособности крепости, являвшейся важным порубежным фронтирным форпостом на юге Западной Сибири. Однако в силу априорной и, как следствие, в чем-то даже слепой императивности любого решения воеводы И. Саратов не посмел отступить от буквы указа. В результате в марте 1734 г. И. Буткеев под конвоем отправился в Кузнецк, а «Бийская крепость приказана служилым Максиму Ананину да крестьянину Абраму Исакову»[15].

А. Ф. Бартенев, безусловно, мог предусмотреть различные варианты развития событий и в указе (памяти) И. Саратову прописать элементы диспозитивного (предусматривающего выбор альтернатив) поведения, но этого не сделал. Как в случае с С. Везигиным, так и с И. Буткеевым воеводы за весь период следствия фактически так и не озаботились проблемами самой Бийской крепости, остававшейся в непростых реалиях пограничья на относительно длительное время без приказчика, а иногда и фактически без гарнизона. Временно «порученными» на период разбирательства над «началным человеком» становилась импровизированная группа / коллегия из 2–3 человек, большую часть из которых составляли крестьяне. Несмотря на рудиментарный характер такой практики стоит отметить, что она являлась отражением подмеченной Н. А. Миненко тенденции поиска оптимальной модели организации и функционирования локальных звеньев системы управления конца XVII – начала XVIII вв. [29, с. 11]. Однако в реалиях административно-правовой системы Российского государства первой половины XVIII в. корпоративное руководство не имело почти никаких нормативных оснований и рассматривалось местным населением лишь в качестве временной меры, в результате чего «порученным» откровенно слабо подчинялись даже крестьяне и уж тем более служилые люди. Стремление уездных властей следовать установившимся управленческим практикам приводило к поддержанию должного уровня административного процесса, но часто ценой этого становилось катастрофическое снижение обороноспособности Бийской крепости. Однако из этой тенденции были и исключения. Например, тот же А. Ф. Бартенев в 1736 г. первым из кузнецких воевод лично проинспектировал Бикатунскую крепость, оценил состояние ее гарнизона и укреплений, а также выдал приказчику несколько локальных предписаний[16].

Управление Бийским острогом в контексте трансформации региональной административной парадигмы

Невозможность организации эффективной обороны на юге Западной Сибири осознавалась центральными и региональными властями и в конечном итоге в совокупности с возобновившимися претензиями со стороны джунгарских зайсанов и алманщиков стала важным фактором ощутимой региональной административной перестройки во второй половине 30-х – начале 40-х гг. XVIII в. Изменения вылились не только в штатную реформу казачества, но и в создание в дополнение к четырем уже существовавшим в Сибири полкам Новоучрежденного драгунского, а также Новоучрежденного пехотного батальона [28, с. 22–27; 30, с. 64–77]. Бийскую крепость эти перемены задели самым ощутимым образом. В 1738 г. сюда из Кузнецка была направлена рота только что образованного полка под командованием поручика Петра Фадеева [7, с. 60–61; 8, с. 93; 38, с. 77], которому предписывалось всеми силами не допустить разорения юго-западных окраин Кузнецкого уезда, для чего определялось драгун и казаков «никуда не роспускать и иметь в крепо-

[13] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25. Л. 60.

[14] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.

[15] Там же.

[16] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 68. Л. 14.

сти [Бийской] денно и нощно отъезжие караулы, как воинский артикул повелевает» [6, с. 48]. В подчинении у П. Фадеева находились 100 человек из регулярных воинских подразделений (30 из которых он сразу должен был отправить в Белоярск) и 50 кузнецких казаков под командованием пятидесятника Тимофея Бессонова [6, с. 48]. Таким образом, Бийская крепость еще в конце 30-х гг. XVIII в. стала одной из ведущих площадок на юге Западной Сибири, где апробировалось сочетание способов насыщения крепостного гарнизона: иррегулярными и регулярными воинскими частями.

Между тем полковые соединения, направлявшиеся в Бийск, подлежали ротации (а не находились здесь стационарно расквартированными, как считают многие исследователи), что сближало их с годовальщиками, однако период службы в «ведомстве Бийской крепости» у первых был несравнимо больше. В начале 40-х гг. XVIII в. в округу Бийска была переброшена воинская команда во главе с капитаном Василием Соколовым, который получил указ подчиняться Кузнецкой воеводской канцелярии «без всякаго отрицания и прекословия»[17]. При этом изначальное число регулярных военных (100 человек), посылавшихся в Верхнее Приобье, постепенно пересматривалось в сторону увеличения: в 1743 г. в Бийской крепости на постоянной основе находились 64 драгуна и солдата (в Белоярской крепости – 56, т. е. в общей сложности 110)[18], а к 1744 г. суммарное число офицеров и солдат только в Бийске возросло до 85 человек[19], в 1745–1746 гг. превысило 200. В результате административных решений конца 30-х – начала 40-х гг. XVIII в. Бийская крепость получила существенное ресурсное насыщение в виде регулярных воинских частей, что, безусловно, повышало обороноспособность укрепления и ощутимым образом снижало нагрузку с команд служилых людей, но с другой – ставило вопрос о разграничении полномочий между приказчиками и военными командирами, а также об организации снабжения вверенных последним подразделений.

С. Ю. Исупов рисует эволюционную по своему характеру картину, когда «на смену казачьим приказчикам приходят новые, "регулярные" гарнизонные командиры, управлявшие крепостью с помощью "канцелярии полковых дел"» [17, с. 15]. Но это утверждение справедливо лишь для второй половины 40-х гг. XVIII в., когда начинается следующая, более явная фаза административной перестройки. В конце 30-х – начале 40-х гг. приказчики и командиры расквартированных в Бийске полковых рот сосуществовали вместе, так или иначе частично разделяя свой функционал.

Наиболее важным в этом свете становился вопрос снабжения гарнизонных команд. Резолюция Кабинета министров о создании Новоучрежденного полка предполагала среди прочего «провиантом их[20] довольствовать и на лошадей овес употреблять из десятинного хлеба» [30, с. 74]. В реалиях Кузнецкого уезда воеводская канцелярия фактически полностью переложила решение этой задачи на плечи приказчиков.

В условиях немногочисленности населения в административной округе Бийска изначально планировалось направлять провизию из богатой сельскохозяйственными угодьями Малышевой слободы, что вызвало массовые протесты податного населения, вылившиеся в фактический саботаж доставки четверикового провианта в Бикатунскую крепость. В коллективной челобитной воеводе крестьяне в резкой форме подчеркивали невозможность соответствующих операций в силу приписки значительного числа населения к Колыванским заводам[21]. В ответ на это уездный администратор Андрей Герасимович Шапошников предписал приказчику Бикатунской крепости Тимофею Шестакову: «а как ли из Малышевой слободы того правианта и поныне в Бийск не привесено, то да привосу того провианта взять у бийских обывателей заимообрасно, а по привосе тот правиант из Малышевской[22] правианта отдать возвратно немедленно»[23]. Таким образом, речь шла об обязанности приказчика частично изымать хлеб у поднадзорных ему крестьян вплоть до соответствующих поставок. Административная практика показывала, что такие задержки могли достигать 2–3 лет, что, в свою очередь, порождало ощутимые недовольства в крестьянской среде жителей Бийской крепости. Тем не менее состояние неурегулированности вопросов снабжения, характерное для первых лет функционирования в Верхнем Приобье регулярных частей, относительно быстро сгладилось за счет эволюции управленческого подхода. Уже в 1744 г. все тот же А. Г. Шапошников отправил бийскому приказчику 100 руб., предписав «в нынешнее время купит в Бийску у бийскаго ведомства в деревнях на дачю обретающимся в Бийску на фарпостах… провианту

[17] РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 38 об.

[18] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 119. Л. 3 об.

[19] РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

[20] офицеров и солдат Новоучрежденного полка и Новоучрежденного пехотного батальона.

[21] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–1 об.

[22] слободы.

[23] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 140. Л. 1 об.

муки ржаной самою настоящею ценою… и оной по требованию обретающегося в том бийском фарпосте командира[24] производит помесячно в дачю без всякаго задержания»[25]. Однако даже после этой меры тема обеспечения провизией регулярных частей, располагавшихся в окрестностях Бийска, не была полностью закрыта. Показательным в этом отношении является направленное В. Соколовым приказчику С. Гилеву требование, в котором напрямую указывалось на промедления последнего в закупках провианта и на право капитана «усилно принуждать» в случае отсутствия позитивной динамики решения вопроса[26]. К этому следует добавить регулярные требования воевод на протяжении 1744–1745 гг. возводить «крепкие строения для провианта и фуража», в том числе «три провиантских амбара», а также отправку из Кузнецка служилых людей для описи провианта в «ведомстве Бийской крепости»[27].

Бийский острог и его округа

Бикатунский острог первой половины XVIII в. немыслим без своей округи, которая в 20–40-е гг. столетия представляла собой конгломерат до 5–6 небольших деревень с пестрой территориальной локализацией. По сведениям Ю. С. Булыгина, в 1724 г. «в ведомстве Бикатунской крепости» были учтены 72 человека, в то время как к середине 40-х гг. число жителей достигло 258 [1, с. 36, 47]. Немногочисленность населения, значительную долю которого составляли маргиналы, обуславливала откровенно слабое развитие институтов крестьянского самоуправления. Первые отложившиеся в документах упоминания о выборах старост и целовальников из крестьянской среды относятся только к 1731 г.[28] В этом свете Бийск XVIII в. можно назвать классическим фронтирным острогом, стоявшим на границе освоенных государством и неосвоенных земель. Поэтому для определенных людей Бийская крепость служила своего рода притягательным маяком. Например, в обращении к кузнецкому воеводе служилый Борис Бирюков отмечал, что его сын Иван еще в 1719 г. самовольно ушел в Бийск и не хотел возвращаться[29]. Острог на юго-западной окраине Кузнецкого уезда довольно быстро превратился в заманчивое место для одних и максимально непривлекательное для других. Примечателен случай, произошедший с жителями Мунгатского станца в середине 20-х гг. XVIII в. Большая группа крестьян отказалась переселяться в округу Бийска, несмотря на то что ранее они просили об этом и получили соответствующую санкцию. Другая часть населения этого же административного пункта наоборот стремилась «отговориться» от рекрутского набора тем, что «определены» к поселению в укрепление на слиянии Бии и Катуни[30]. Сами местные жители видели в Бийской округе опорную площадку для ведения хозяйственной деятельности в приграничной зоне. Крестьяне часто уходили «в степь», иногда даже с санкции или по воле приказчика. В большинстве случаев такие отлучки заканчивались мирно и без эксцессов, но бывали и исключения. Так, в середине 20-х гг. XVIII в. 70 крестьян «ведомства Бийской крепости» во главе с Козьмой Опенышевым отправились для бугрования в район Таутелеутской волости и Каракола, где наткнулись на 12 калмыков, 11 из которых убили[31].

Заключение

В первой половине XVIII в. Бийск прошел существенный путь эволюции: от острога малого чина до одного из ведущих районов Алтая и южных областей Западной Сибири. В административно-политической истории Бийской крепости этого периода времени можно выделить 4 этапа. Первый охватил короткий промежуток 1709–1710 гг. и сохранил о себе чрезвычайно мало сведений. Следующий связан с восстановлением острога в районе слияния Бии и Катуни и продолжался вплоть до середины 30-х гг. XVIII в., это время начальной институционализации властных структур, а также первых опытов выстраивания системы управления и коммуникации между воеводами и приказчиками. Начиная с этого периода в локальной освоенческой повестке административно-политическое развитие стало очевидно превалировать над фортификационным строительством. Третий этап продолжался с середины 30-х до середины 40-х гг. и заключался в плавном изменении реализовывавшихся стратегий и внедрявшихся практик за счет насыщения крепости регулярными воинскими подразделениями. Наконец, четвертый временной отрезок начался с середины 40-х гг. и представлял собой более кардинальную перестройку вертикали власти, когда Бийск стал одним из важных центров в системе складывавшихся

[24] В. Соколова.

[25] РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 4. Л. 27 об.

[26] Там же, л. 48–48 об.

[27] РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 5-а. Л. 80–82, 178.

[28] РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 11–13.

[29] РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 111.

[30] РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 12. Л. 12.

[31] РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 7. Л. 43.

сибирских укрепленных линий. В целом следует говорить о том, что Бийская крепость в первой половине XVIII в. оказалась на линии авангарда милитарной модернизации, став площадкой апробации классических, а также синтезных и гибридных административных моделей и способов их воплощения.

Литература

1. Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. 144 с.

2. Булыгин Ю. С. Выход русских к реке Бии и основание Бикатунской крепости // Города Алтая эпохи феодализма и капитализма: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. С. 3–24.

3. Уманский А. П. 285 лет Бикатунской крепости // Страницы истории Алтая 1994 г.: библиографический указатель. Барнаул, 1993. С. 63–72.

4. Уманский А. П. Кузнецк и Алтайские остроги // Кузнецкая старина. 1999. Вып. 3. С. 3–17.

5. Исупов С. Ю. Бийск: острог, крепость, город. Бийск: НИЦ БПГИ, 1999. 151 с.

6. Огурцов А. Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. 2007. Вып. 9. С. 40–67.

7. Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная… Барнаул: Азбука, 2009. 302 с.

8. Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости в военно-колонизационной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3. С. 91–94.

9. Бородаев В. Б., Контев А. В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720-х гг. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. 415 с.

10. Муратова С. Р. Сибирские укрепленные линии в XVIII в.: дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2007. 241 с.

11. Сергеев А. Д. Тайны алтайских крепостей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. 80 с.

12. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

13. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.): автореф. дис. … д-ра. ист. наук. М., 2010. 49 с.

14. Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут: Таймер, 2011. 233 с.

15. Огурцов А. Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 23 с.

16. Исупов С. Ю. К вопросу о месте сооружения Бикатунского острога 1709 г. // Краеведческий вестник (историко-публицистический альманах БКМ им. В. В. Бианки). 1998. Вып. 8. С. 9–15.

17. Исупов С. Ю. Приказчики и коменданты Бийской крепости // Бийские градоначальники: исторические очерки. Бийск: Типография БПГУ, 2002. С. 11–21.

18. Исупов С. Ю. Динамика изменений численности гарнизона Бийской крепости в первой половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина / под ред. В. А. Скубневского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во АГУ, 2011. С. 95–96.

19. Контев А. В. Русские крепости Алтая на картах и чертежах XVIII в. // Вопросы истории фортификации. 2010. № 1. С. 36–43.

20. Соболева Т. Н., Афанасьев П. А., Кухаренко А. Е., Бобров Д. С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2012. 260 с.

21. Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в. / под ред. Т. Н. Соболевой, Д. С. Боброва. Барнаул: Азбука, 2016. 440 с.

22. Пузанов В. Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132–142.

23. Бобров Д. С. Политико-правовые механизмы освоения Российским государством Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) в первой половине XVIII в.: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 252 с.

24. Бобров Д. С. Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья как системообразующие институты локального звена системы управления регионом в 20–30-х гг. XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2. С. 33–37. DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-04

25. Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (очерки внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. 174 с.

26. Бобров Д. С. Колыванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 23–29. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-23-29

27. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. 2-е изд., доп., осуществленное по первой авторской редакции. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2013. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

28. Зуев А. С. Штатная реформа сибирского казачества 1737 г. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2007. Т. 6. № 1. С. 22–27.

29. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 265 с.

30. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2018. 439 с.

ABOUT THE ROLE OF THE BIYSK FORTRESS IN THE RUSSIAN COLONIZATION PROCESS IN THE ALTAI IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY (TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE ERECTION OF THE SECOND BIYSK STOCKADED TOWN)*

Denis S. Bobrov [a, @]

[a] *Altai State University, 61, Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049*
[@] *BDS-eureka@yandex.ru*

Received 26.07.2017. Accepted 07.11.2018.

Keywords: Siberian stockaded towns, Biysk fortress, vaivodes, clerks, garrison of the stockaded town, active forces, Kuznetsk uyezd

Abstract: The article features the role of the Biysk Fortress in the Russian colonization process in the Altai reagion. The author revealed the place of the Fortress in the administrative and political process which took place in the Kuznetsk province and generally in the South of Western Siberia in the end of the XVII – the middle of the XVIII century. The research was based on unpublished documents from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts. The research involved various problems of the stockaded town, i.e. the number of soldiers in the garrison and its supply organization, the identity of its clerks and their relations with Kuznetsk commanders and staff officers of regular military groups. The article shows that some decisions and actions of the county authorities had a negative influence on the defensive capacity of the fortress. The author identified four stages in the Biysk Fortress history of the first half of the XVIII century and recognizes the priority of the administrative and political development over the fortification building in the management discourse at the local level. The author also highlighted the combination of classical and hybrid strategies and the Biysk Fortress management practices. The given facts make it possible to take a fresh look at the mechanisms of the Russian colonization of the Altai and the southern regions of Western Siberia.

For citation: Bobrov D. S. O roli Biiskoi kreposti v rossiiskom kolonizatsionnom protsesse na Altae v pervoi polovine XVIII v. (k 300-letiiu vozvedeniia vtorogo Bikatunskogo ostroga) [About the Role of the Biysk Fortress in the Russian Colonization Process in the Altai in the First Half of the XVIII Century (to the 300th Anniversary of the Erection of the Second Biysk Stockaded Town)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 13–23. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-13-23

References

1. Bulygin Iu. S. *Pervye krest'iane na Altae* [First peasants in the Altai]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1974, 144.

2. Bulygin Iu. S. Vykhod russkikh k reke Bii i osnovanie Bikatunskoi kreposti [The Russians' exit to the river Biya and foundation of the Bikatun Fortress]. *Goroda Altaia epokhi feodalizma i kapitalizma* [Cities of the Altai in the period of feudalism and capitalism]. Barnaul: Izd-vo AGU, 1986, 3–24.

3. Umanskii A. P. 285 let Bikatunskoi kreposti [285 years of Bikatun fortress]. *Stranitsy istorii Altaia 1994 g.: bibliograficheskii ukazatel'* [Pages of Altai history 1994: bibliographic index]. Barnaul, 1993, 63–72.

4. Umanskii A. P. Kuznetsk i Altaiskie ostrogi [Kuznetsk and Altai fortifications]. *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk antiquity], Iss. 3 (1999): 3–17.

5. Isupov S. Yu. *Biisk: ostrog, krepost', gorod* [Biysk: stockaded town, fortress, city]. Biisk: NITS BPGI, 1999, 151.

* The publication was prepared with the joint financial support of the Russian Federal Property Fund and the Government of the Altai Territory in the framework of the project No. 17-11-22006.

6. Ogurtsov A. Iu. Na Kuznetskoi linii [On the Kuznetsk Line]. *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk antiquity], Iss. 9 (2007): 40–67.

7. Isupov S. Yu. *Krepost' Biiskaia est' glavnaia…* [The Biysk fortress is the most important one…]. Barnaul: Azbuka, 2009, 302.

8. Isupov S. Yu. Rol′ Biiskoi kreposti v voenno-kolonizatsionnoi politike Rossiiskoi imperii na Altae v pervoi polovine XVIII v. [Significance of the Bijsk Fortress in military and colonization policy of the Russian Empire in the Altay in the 1st half of xviii century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University Journal*, no. 4-3 (2010): 91–94.

9. Borodaev V. B., Kontev A. V. *Formirovanie rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdurech'e v 1620–1720-kh gg.* [The formation of the Russian state border in Irtysh-Yenisei interfluve area in 1620–1720]. Barnaul: Izd-vo AltGPU, 2015, 415.

10. Muratova S. R. *Sibirskie ukreplennye linii v XVIII v.* Diss. kand. ist. nauk [Siberian fortified lines in the XVIII century. Cand. Hist. Sci. Diss.]. Ufa, 2007, 241.

11. Sergeev A. D. *Tainy altaiskikh krepostei* [Secrets of the Altai fortresses]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1975, 80.

12. Umanskii A. P. *Teleuty i russkie v XVII–XVIII vv.* [Teleuts and Russians in the XVII–XVIII centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1980, 296.

13. Puzanov V. D. *Voennye faktory russkoi kolonizatsii Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo XVIII v.).* Avtoref. diss. doktora ist. nauk [Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (the end of the 16th – the beginning of the 18th century). Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2010, 49.

14. Puzanov V. D. *Voennaia politika Russkogo gosudarstva v Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo XVIII v.)* [The military politic of the Russian state in Western Siberia (late XVI – early XVIII century)]. Surgut: Taimer, 2011, 233.

15. Ogurtsov A. Iu. *Voenno-inzhenernaia politika Rossii na iuge Zapadnoi Sibiri v XVIII v.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Military and engineering politic of Russia in the south of Western Siberia in the XVIII century. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Sverdlovsk, 1990, 23.

16. Isupov S. Yu. K voprosu o meste sooruzheniia Bikatunskogo ostroga 1709 g. [To the issue of the situation of the Bikatun stockade town in the 1709]. *Kraevedcheskii vestnik (istoriko-publitsisticheskii al'manakh BKM im. V. V. Bianki) = Local history bulletin (historical and journalistic almanac BKM named after V. V. Bianki)*, Iss. 8 (1998): 9–15.

17. Isupov S. Yu. Prikazchiki i komendanty Biiskoi kreposti [Clerks and commandants of the Biysk Fortress]. *Biiskie gradonachal'niki: istoricheskie ocherki* [Biysk governors: historical essays]. Biisk: Tipografiia BPGU, 2002, 11–21.

18. Isupov S. Yu. Dinamika izmenenii chislennosti garnizona Biiskoi kreposti v pervoi polovine XVIII v. [Dynamics of changes in the number of the Biysk fortress garrison in the first half of the 18th century]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Vos'mye nauch. chteniia pamiati prof. A. P. Borodavkina* [Major issues of the history of Siberia. 8th scientific reads in memory of prof. A.A. Borodavkin]. Eds. Skubnevskii V. A., Pozharskaia K. A. Barnaul: Izd-vo AGU, 2011, 95–96.

19. Kontev A. V. Russkie kreposti Altaia na kartakh i chertezhakh XVIII v. [Russian fortresses of Altai on maps and drawings of the XVIII century]. *Voprosy istorii fortifikatsii = History of fortification questions*, no. 1 (2010): 36–43.

20. Soboleva T. N., Afanasiev P. A., Kukharenko A. E., Bobrov D. S. *Ekspluatatsiia prirodnykh resursov Altaia imperatorskim Kabinetom kak faktor razvitiia rossiiskoi monarkhii (XVIII – nachalo XX v.)* [Exploitation of natural resources by the Imperial Cabinet as a factor of the Russian monarchy development (XVIII – early XX century)]. Barnaul: Azbuka, 2012, 260.

21. *Istoriko-geograficheskie obrazy Altaia v trudakh uchenykh, puteshestvennikov i chinovnikov XVIII – nachala XX v.* [Historical and geographical Altai images in scientists', travelers' and officials' scholary works of XVIII – early XX century]. Eds. Soboleva T. N., Bobrov D. S. Barnaul: Azbuka, 2016, 440.

22. Puzanov V. D. Godoval′shchiki v Sibiri v XVII v. [Godovalchsici in Siberia in the XVII century]. *Voprosy istorii = Questions of History*, no. 2 (2009): 132–142.

23. Bobrov D. S. *Politiko-pravovye mekhanizmy osvoeniia Rossiiskim gosudarstvom Verkhnego Ob'-Irtysh'ia (Altaia) v pervoi polovine XVIII v.* Diss. kand. ist. nauk [Political and legal mechanisms of the development of the Upper Ob-Irtysh area (Altai) by the Russian state in the first half of the 18th century. Cand. Hist. Sci. Diss.]. Barnaul, 2017, 252.

24. Bobrov D. S. Prikazchiki ostrogov i slobod Verkhnego Priob′ia kak sistemoobrazuiushchie instituty lokal′nogo zvena sistemy upravleniia regionom v 20–30-kh gg. XVIII v. [Bailiffs of the forts and settlements of the Upper Ob area as the core institutions of local unit within the system of regional management in the 20–30s

of the XVIII century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University Journal*, no. 2 (2016): 33–37. DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-04

25. Moiseev V. A. *Rossiia i Dzhungarskoe khanstvo v XVIII v. (ocherki vneshnepoliticheskikh otnoshenii)* [Russia and Dzungarian khanate in the XVIII century (essays of foreign politic relations)]. Barnaul: Izd-vo AGU, 1998, 174.

26. Bobrov D. S. Kolyvanskie zavody v politike kuznetskikh voevod vo vtoroi chetverti XVIII v. [Kolyvan factories in the policy of the Kuznetsk voivodes in the second quarter of the XVIII century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 23–29. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-23-29

27. Bykonia G. F. *Zaselenie russkimi Prieniseiskogo kraia v XVIII v.* [Russian colonization in Prieniseisky krai in the 18th century]. 2-e izd., dop., osushchestvlennoe po pervoi avtorskoi redaktsii. Krasnoiarsk: KGPU im. V. P. Astaf'eva, 2013. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).

28. Zuev A. S. Shtatnaia reforma sibirskogo kazachestva 1737 g. [Regular reform of the Siberian Cossacks in 1737]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: istoriia, filologiia = Novosibirsk State University Bulletin. Series: history and philology*, no. 6 (2007): 22–27.

29. Minenko N. A. *Russkaia krest'ianskaia obshchina v Zapadnoi Sibiri. XVIII – pervaia polovina XIX v.* [Russian peasant community in Western Siberia 18th – first half of 19th century]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1991, 265.

30. Dmitriev A. V. *Russkaia reguliarnaia armiia v Sibiri (1725–1796 gg.).* Diss. doktora ist. nauk [Russian regular army in Siberia (1725–1796). Dr. Hist. Sci. Diss.]. Novosibirsk, 2018, 439.

УДК 947(571)

«БОГОБОРЧЕСКИЙ НАТИСК» КОНЦА 1940-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Алексей В. Горбатов [a, @, ID1]***; Екатерина С. Скворцова*** [a, ID2]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *gorbn1965@yandex.ru*
[ID1] *http://orcid.org/0000-0002-8493-6468*
[ID2] *http://orcid.org/0000-0001-6384-2211*

Поступила в редакцию 05.09.2018. Принята к печати 15.10.2018.

Ключевые слова:
Русская православная церковь, государственно-церковные отношения, причины закрытия православных обществ, методы борьбы с религией

Аннотация: В статье рассмотрены особенности вероисповедной политики в период позднего сталинизма конца 1940-х – начала 1950-х гг. Использованы труды специалистов в сфере государственно-конфессиональных отношений и неопубликованные материалы региональных и федеральных государственных архивов. Рассмотрен комплекс внешнеполитических и внутренних причин изменения церковной политики в 1948 г. Проанализированы основные направления запретительных и ограничительных мер в отношении Русской православной церкви на общесоюзном уровне. На примере Кемеровской области проанализирована особая ситуация, когда государственные органы предприняли попытку ликвидировать в течение одного года пять общин Русской православной церкви. В основном органы власти предъявляли претензии приходам по неудовлетворительному техническому состоянию храмов, а также не признавали права собственности общины на культовое здание. Установлено, что претензии органов власти были просто формальными, а грубые административные меры, ограничивающие религиозную жизнь, противоречили советскому законодательству.

Для цитирования: Горбатов А. В., Скворцова Е. С. «Богоборческий натиск» конца 1940-х – начала 1950-х гг. (на примере Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 24–31. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-24-31

Введение

Нередко в истории отношений советского государства и Русской православной церкви (РПЦ) послевоенного периода выделяют три ключевых этапа. Назовем их лапидарно: сталинское церковное возрождение – хрущёвские гонения – религиозная «перестройка» Горбачева. Вместе с тем история этих отношений не так проста и прямолинейна. Между этапами и внутри самих этапов были исторические промежутки, которые сложно охарактеризовать однозначно. Таковым можно считать период конца 1940-х – начала 1950-х гг., который ознаменовался новой волной давления на РПЦ.

За сравнительно небольшой срок в отечественной историографии указанному периоду посвящено немало исследований [1–3]. Историки-религиоведы Д. В. Поспеловский и М. В. Шкаровский определили ряд причин изменения в церковной политике с конца 1940-х гг. [4, с. 264–265; 5, с. 304, 306]. Во-первых, поменялся вектор геополитики СССР. В это время мир уже находился в условиях глобального геополитического противостояния двух систем, в котором РПЦ отводилась миротворческая роль. Священнослужители включились в работу региональных комитетов защиты мира, регулярно выступая с проповедями на миротворческие темы, поддерживая контакты с христианскими конфессиями других стран. Архиепископ Новосибирской и Барнаульской епархии Варфоломей не оставался в стороне от общественной жизни, как и многие другие митрополиты того времени. В своих проповедях и посланиях он призывал свою паству к «созидательному труду и усердным молитвам об укреплении мира на земле». В сентябре 1950 г. в «Журнале Московской Патриархии» вышла его статья «Первый шаг к миру», посвящённая духовной поддержке инициатив, способных «ослабить позиции мирового зла» [6]. Однако неуспехом можно было считать Совещание глав и представителей Православных Церквей, проведенное в Москве в 1948 г., которое проигнорировали Греческие Церкви. Реализация плана формирования центра всего православного мира в Москве, как противовес враждебному СССР Ватикану, оказалась неосуществимой. Потому советское руководство достаточно быстро охладело к использованию религиозного фактора в геополитике, считает М. В. Шкаровский,

из-за краха «средиземноморских» планов И. В. Сталина в Греции, Турции, Израиле [5, с 304–306].

Во-вторых, во внутренней политике проводились масштабные идеологические кампании, начался этап борьбы с вольнодумством и «низкопоклонством перед Западом», шел процесс укрепления политического режима, возобновились репрессии [7]. Со второй половины 1948 г. партийное руководство страны подвергло острой критике работу Совета по делам РПЦ (СДРПЦ). С точки зрения ЦК партии, неудовлетворительная работа Совета проявлялась в том, что он в своей непосредственной деятельности излишне доверял лояльности церковников, которые на деле проводили скрытую антисоветскую работу; игнорировал нарушения религиозного законодательства представителей культа; преувеличивал роль РПЦ на международной арене; миндальничал со священнослужителями. Совет, по сути, должен был качественно переформатировать свою стратегическую линию, перейти от функций координатора и посредника к непосредственному управлению церковью в интересах партии в сложной обстановке мировоззренческого противостояния: атеистического и религиозного. Неслучайно в 1950 г. пять членов СДРПЦ, включая его руководителя, были внесены в номенклатуру ЦК ВКП(б). Это предполагало, что деятельность Совета из зоны контроля со стороны органов госуправления теперь переходила в сферу партийного влияния – Отдела пропаганды и агитации.

Вероисповедная политика советского государства

Партийная элита, оказывая влияние на СДРПЦ, приступила к корректировке собственной вероисповедной политики, проводившейся в 1943–1947 гг. Так, был осуществлен ряд запретительных и ограничительных мер. При этом соответствующие решения под давлением СДРПЦ проводились через Синод: запрещены молебны на полях и крестные ходы из села в село, духовные концерты в храмах во внебогослужебное время, поездки архиереев по епархиям в период сельских работ. Кроме того, саратовские события [8] (в феврале 1949 г. был опубликован в газете «Правда» фельетон о массовом крещении и купании верующих, вызвавший общественный резонанс) заставили патриарха, не без влияния СДРПЦ, принять решения, касающиеся «упорядочения деятельности духовенства»: запретить устраивать крестные ходы «на Иордань», а освящение воды проводить в церковной ограде.

В послевоенное время советская власть достаточно терпимо относились к паломничеству, поклонению чудотворным иконам, молениям у святых мест и источников. Такие центры общецерковного значения, как Троице-Сергиева и Почаевская лавры, Глинская пустынь, неизменно продолжали притягивать к себе верующих. С 1948 г. отношение властей изменилось, и на паломничество уже налагался административный запрет.

23 сентября 1948 г. была принята инструкция СДРПЦ, ограничивающая возможности регистрации священнослужителей, имеющих судимость. Документ был составлен главным образом для создания искусственного дефицита кадров, при котором власти бы имели повод к закрытию приходов, не имеющих священников, а также к сдерживанию открытия новых храмов. Однако в феврале этого же года распоряжение было отменено со следующими оговорками: Ограничение в регистрации (отказ) духовенства, подвергшегося репрессиям (судимости по известным статьям) и потому имеющего паспортные ограничения, распространяется только на режимные города и местности СССР (I и II категории), поскольку там им запрещается проживание и прописка.

И тем не менее существовал другой документ, применяющийся властями против священников. Указ Президиума Верховного Совета СССР 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытию наказания в ссылку, на поселение в отдельные местности СССР» привел к повторной волне арестов священников. Советские граждане, представляющие опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности, по истечении сроков наказания согласно Указу направлялись по назначению Министерства государственной безопасности (МГБ) в ссылку на поселение в отдаленные регионы СССР, в том числе в районы Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 километрах севернее Транссибирской железнодорожной магистрали[1]. Органами МГБ с 1 января 1947 г. по 1 июня 1948 г. по Советскому Союзу «за активную подрывную деятельность» были арестованы 1968 «церковников и сектантов», из них православных – 679. Согласно сводному отчету ГУЛАГа на 1 октября 1949 г. количество священников по всем лагерям составляло 3523 человека [9, с. 408–410, 417–420]. Ввиду большого стечения следственных дел по Кемеровскому благочинию, исполняющий административные обязанности, благочинный К. Лукин даже ставил вопрос о приобщении к этому специального следователя[2].

[1] О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдалённые местности СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.02.1948. Режим доступа: http://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/480221.htm (дата обращения: 29.07.2018).

[2] Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 29. Л. 232.

Для сохранения действующих храмов и молитвенных домов, а также для того, чтобы решить проблему нехватки священнослужителей, в феврале Синод принял решение о введении института разъездных священников. С 1 июня 1949 г. Совет разослал своим уполномоченным поправки к ранее действовавшей инструкции, где, в частности, предписывалось не допускать продажу «предметов религиозного культа» «вне храмов и монастырей».

В сентябре 1948 г. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был разработан, но отклонен властью проект Постановления «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». За период 1948–1953 гг. правительством СССР не было принято какого-либо значимого документа, касающегося вопросов дальнейшей деятельности РПЦ. На XIX съезде ВКП(б) тема борьбы с религией не была принята и зафиксирована в новом Уставе Коммунистической партии Советского Союза.

Несмотря на это смена настроений по «религиозному вопросу» в высших эшелонах власти на «Старой площади» была быстро «уловлена» и поддержана областными и местными органами государственной власти. У многих бывших активистов 1930-х гг. сохранились в памяти времена «безбожной пятилетки», направленной на уничтожение религии в СССР, и потому потепление отношений с Церковью воспринималось как предательство идеалов принципов социализма и научного атеизма. Беспрецедентная в данных обстоятельствах ситуация еще более чем за 5 лет до «хрущевских гонений» сформировалась в Кузбассе. В регионе в течение только одного года (с 1949 по 1950 гг.), без санкции СДРПЦ, при поддержке местных властей, в период формально гармоничных и взаимно комплементарных отношений государства и Церкви, была осуществлена попытка ликвидации пяти официально действующих православных молитвенных домов.

Инициаторами усилий по ликвидации молитвенных домов были непосредственно управленцы на местах, которые активно вмешивались в административно-управленческую деятельность приходов. Представители местной власти находили множество предлогов для этого. Например, православная община г. Анжеро-Судженска, собрав силами прихожан 600000 руб., произвела строительство нового молитвенного дома. Примечательно, что городская исполнительная власть дала разрешение на постройку и отвод земельного участка, сам проект церковного сооружения санкционировал главный архитектор Анжеро-Судженска. Как выяснилось позже, облисполком в лице орготдела, получив разрешение на строительство церкви, не поставили под сомнение вопрос о его законности. Уполномоченный по делам Русской православной церкви Ф. Д. Узлов, который знал о строительстве, также не принял мер по прекращению[3]. Внезапное выявление выстроенного православного молитвенного дома в центре, на пригорке, обозреваемого со всех концов города, было воспринято партийным руководством области как грубая политическая ошибка. Накануне открытия храма в 1949 г. руководство города приказало опечатать церковное сооружение и запретило проведение богослужений на основании того, что его возведение было, якобы, не санкционировано.

Строгость принятых решений на основании Постановления областного комитета ВКП(б) по вопросу строительства нового молитвенного дома в Анжеро-Судженске весной 1949 г. открыто продемонстрировала установку местного истеблишмента по отношению к этому досадному «идеологическому промаху». Лишились своих должностей, как несправившиеся, зампредседатель Анжеро-Судженского горисполкома и секретарь данного учреждения, а также ответственный «за религию в области» уполномоченный по делам РПЦ Ф. Узлов. Ряду сотрудников различных категорий были объявлены партийные выговоры с формулировкой «за притупление политической бдительности». Прокурору области было дано поручение провести следственные мероприятия и предать суду граждан, противозаконно построивших молитвенный дом [10].

Под явно надуманным предлогом была осуществлена попытка полностью ликвидировать деятельность и Петропавловского молитвенного дома. Об этом свидетельствует справка 1951 г. председателя исполкома облсовета: «Старый молитвенный дом по улице Бийской 77 находится на выработанном угольном пласту и грозит обвалом. Поэтому во избежание несчастного случая разрешить в дальнейшем службу в этом молитвенном доме нет основания. Было бы проще решить вопрос о закрытии этого молитвенного, если бы не было другой ново-выстроенной церкви в гор. Анжеро-Судженск. Её наличие ставит нас перед фактом необходимости открыть новую церковь… Считаю, что новую церковь открывать нельзя, старая подлежит закрытию, а церковная община должна быть распущена»[4].

Аналогичные эпизоды, когда представители органов власти сначала одобряли регистрацию православной общины или строительство церкви, а затем запрещали, возникали достаточно часто. Например, топкинская община для строительства новой церкви осуществила покупку дома у колхоза. Когда же церковь была построена, власти её изъяли через суд с вынесением решения оборудовать его под районный Дом культуры. В апреле

[3] ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 27. Л. 65.

[4] Там же, л. 79.

1950 г. Никольская церковь г. Топки была закрыта по причине ветхости помещения. Председатель горисполкома повесил замок на Никольскую церковь накануне Пасхи в присутствии верующих, собравшихся для служения[5].

Среди причин, по которым возникали несогласованные действия по отношению к РПЦ, следует выделить определенную двойственность в вероисповедной политике. С одной стороны, партийные и общественные организации были обязаны развернуть наступление на религиозные пережитки, с другой – всячески осуждалось и наказывалось административное давление на религиозные объединения, т. к. оно шло вразрез с советским законодательством, что наносило вред атеистическому воспитанию и могло способствовать оживлению религиозных настроений.

Поскольку все культовые сооружения находились в собственности государства и передавались официально зарегистрированным религиозным общинам в бесплатное пользование по договору, представители местной власти находили отклонения от условий договора, грозили закрытием, расторжением соглашения о пользовании церковным зданием и культовым имуществом.

По техническому состоянию здания имели ряд недостатков. Сооружение пристроек, реконструкция храмов или отсутствие должного ремонта являлись поводом для закрытия общин. Например, 2 марта 1949 г. начальник городской пожарной охраны г. Гурьевска при обследовании противопожарного состояния молитвенного здания, выявив неисправность электропроводки, отсутствие инвентаря и другие нарушения, запретил проводить молитвенные собрания. Таким образом, вопреки Постановлению СНК СССР от 1 декабря 1944 г. был закрыт молитвенный дом без предоставления возможности религиозной общине устранить отмеченные противопожарные нарушения. Кроме того, приобретение молитвенного здания и договор о передаче общине верующих этого дома сочли недействительными[6].

Также 19 июня 1949 г. исполнительный комитет Сталинского городского Совета депутатов трудящихся решением № 326 признал незаконной передачу Никольского молитвенного дома религиозной общине и произведенную верующими пристройку (зал и алтарь). На этом основании был закрыт молитвенный дом.

Все это было сделано без санкции Совета и без рассмотрения в облисполкоме, что вызвало недовольство со стороны Совета. Председатель СДРПЦ Г. Г. Карпов, действуя в интересах церкви, неоднократно рекомендовал отменить распоряжения о ликвидации приходов. Он в письме к Секретариату ЦК партии Г. М. Маленкову сделал акцент на том, что в Кемеровской области «как нигде стали иметь место неединичные случаи грубого нарушения Постановления СНК СССР № 1643-486/с, запрещающего закрытие церквей и молитвенных домов без разрешения Совета»[7]. Однако областная исполнительная власть, руководствуясь установками партии, проигнорировала указания Совета.

На защиту молитвенных домов также встал заместитель заведующего инспекторским отделом Совета И. Г. Сивко, обратившись с вопросом о нарушении законодательства в облисполком и обком. Функционеры привели достаточно слабые доводы в пользу закрытия церквей. В частности, председатель Кемеровского облисполкома В. А. Москвин в качестве основания для ликвидации, помимо нарушений законодательных и противопожарных правил, ссылался на общественное мнение граждан промышленных центров, выступающих против возобновления деятельности религиозных общин. А секретарь обкома А. И. Пулях аргументировал антирелигиозную политику в регионе тем, что «население в Кемеровской области в подавляющем большинстве – пришлое, среди которого много лиц переселенных, высланных и прибывших с целью укрыться от своего неблаговидного прошлого»[8].

Стоит отметить, что после закрытия молитвенных домов в г. Гурьевске и г. Сталинске некоторое время православные приходы продолжали существовать, находясь в «неопределенном состоянии». Духовенство и верующие, не смирившись с закрытием общин и увольнением священников, обращались с настойчивыми жалобами во все органы власти. Архиепископ в надежде открытия Гурьевского храма не переводил неработающего настоятеля Федота Безногова в другую церковь. Уполномоченному поступило от верующих 27 жалоб[9]. Но в марте 1952 г. была принята резолюция СДРПЦ: «Согласиться с предложением Кемеровского облисполкома о нецелесообразности возобновления деятельности молитвенного дома в г. Гурьевск». После того как православная община была распущена, ее имущество, кроме предметов культа, не имеющих ювелирной и исторической ценности, подверглось национализации и было объявлено народным достоянием.

«1. Предметы из платины, золота и парчи, а также драгоценные камни передавались местным финансовым органам для зачисления в государственный

[5] Там же, л. 105.

[6] Там же, л. 56.

[7] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Д. 497. Л. 2.

[8] Государственный архив Российской федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.

[9] ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 27. Л. 50, 94.

фонд и распоряжение Министерства просвещения РСФСР, если предметы состояли на их учете.

2. Все предметы исторической, художественной, музейной ценности передавались Министерству просвещения РСФСР.

3. Предметы, имеющие специальное значение при отправлении культа (иконы, облачения, хоругви, покровы и т. д.), передавались другой общине.

4. Все остальное имущество ... лес, лошадь, куски полотна, и другие предметы, передавались финансовым органам для реализации и зачисления средств от реализации этого имущества и тех, которые остались от общины верующих – 10000 руб. в доход государства, как народное достояние – ст. 13 декрета СНК от 23.01.1918 (СУ 1918 г. № 18 ст. 263)»[10].

Претензии местных властей к церквям продолжались и, как правило, были безосновательными, натянутыми и алогичными. Формы и методы, которыми проводилось ограничение религиозной деятельности, напоминали кампанию по закрытию церквей 1930-х гг. Так, например, местоположение Михайло-Архангельского молитвенного дома в г. Сталинске стало основной причиной его закрытия в августе 1949 г. Комиссия Молотовского исполкома посчитала недопустимым расположение молитвенного дома в жилом квартале на расстоянии 8–10 м от жилых домов и надворных построек. К тому же отсутствие шоссейных дорог, подъездных путей автогужевого транспорта противоречило противопожарным правилам. Местные власти обвинили настоятеля молитвенного дома Н. М. Шетнева в том, что тот предоставил ложную ориентировку верующим, выражающуюся в неправильном растолковании телеграммы в день 70-летия И. В. Сталина и тем самым дискредитировал исполком. Согласно решению исполкома Шетнев должен был снести молитвенный дом в связи со строительством железнодорожных путей сообщения на улице Пионерской[11].

Незначительные нарушения правил безопасности также грозили общине закрытием. Например, в начале 1950-х гг. в церквях г. Тайга и г. Осинники отключили электричество ввиду неисправности технического состояния проводки до устранения недостатков. А в 1951 г. комиссия райисполкома закрыла Вознесенскую церковь с. Верхотомка из-за неисправности печей, отсутствия пожарного инвентаря, ветхих наружных дверей, неисправности террасы, накренения креста на 25°. Кроме этого, местные власти запретили устранять «нарушения», пока община не предоставит им финансовую смету[12].

Беспрецедентный случай произошел в поселке Промышленном в 1948 г., когда финорганы взимали с незарегистрированной общины денежные платежи за помещение. Община, пользуясь тем, что она фактически являлась законно признанной местными органами власти, оказывала материальную помощь детскому дому. Но в 1949 г. Горсовет закрыл молитвенный дом. Это вызвало протесты, жалобы и недовольства верующих, которым запрещено было разобрать по домам иконы, собранные для молитвенного дома[13]. Всего в СССР с 1 января 1949 г. по 1 января 1953 г. аналогичным образом по данным церковного историка, протоиерея В. Цыпина было закрыто около тысячи церковных зданий [11, с. 298–299].

Следует отметить, что эта первая попытка богоборческой атаки после религиозного «ренессанса» середины 1940-х гг. не была направлена исключительно на православные общества. Политика по отношению к неправославным религиозным организациям осуществлялась по аналогичной схеме. Так, в 1949 г. была закрыта единственная в области официально действующая община мусульман в г. Прокопьевске. История общины ведет отчет с 1931–1933 гг., когда в город прибыло большое количество спецпереселенцев (кулаков) из числа казанских, уфимских и челябинских башкир и татар. Община была зарегистрирована в октябре 1946 г. как «ранее действующая», посещаемость мечети в периоды наибольшей активности достигала 400–600 человек. В 1949 г. у общины обнаружилась налоговая задолженность в 25000 руб., ведущая отсчет (согласно официальным данным) с 1946 г., которую предъявил к немедленной оплате райсовет города. Согласно официальной версии община заявила о своей несостоятельности и самоликвидировалась. В последующее время все ходатайства об открытии мечети неизменно отклонялись[14]. Эта официальная история закрытия мусульманского объединения вызывает большие сомнения. С трудом можно представить, что община, насчитывающая несколько сотен прихожан, так самонадеянно в течение ряда лет игнорировала налоговые обязательства. Симптоматично и то, что в отчетах уполномоченных с 1951 г. исчезают какие-либо упоминания о существовании легальной общины мусульман в Кузбассе, что также может свидетельствовать о желании скрыть истинные механизмы ликвидации уммы.

[10] ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 1. Л. 94.

[11] Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке. Ф. 1. Оп. 1 сч. Д. 4. Л. 4.

[12] ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 27. Л. 23.

[13] ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 637. Л. 10.

[14] ГАКО. Ф. Р-964. Оп.1. Д. 2. Л. 3; Д. 9. Л. 42, 82, 94, 100, 253, 332–333; Д. 41. Л. 64–65, 86, 106.

Заключение

Таким образом, в результате снижения интереса советских властей к использованию религиозного фактора во внешней политике антирелигиозная кампания в конце 1940-х – начале 1950-х гг. постепенно набирала новые обороты. Неоднозначно оценивая двойственную вероисповедную политику, руководство региональной и местной власти в период со второй половины 1948 по 1950 гг. применили привычный административный метод борьбы с религией. По причине охлаждения государственно-церковных отношений в Кемеровском благочинии не было зарегистрировано ни одной новой церковной общины. Полностью была ликвидирована община в г. Гурьевске. Общины Никольского молитвенного дома г. Сталинска и Петропавловского молитвенного дома г. Анжеро-Судженск вынуждены были искать новое помещение для храмов. Многие приходы временно приостановили свою деятельность. Закрытия и снятия с регистрации церквей и молитвенных домов не обошлись без протестов и многочисленных жалоб верующих. Вследствие активного вмешательства СДРПЦ в возникающие конфликты в ряде случаев им удавалось приостановить исполнение решений местных властей и даже их отменить.

Представители местной власти находили множество предлогов для закрытия храмов. В основном исполкомы предъявляли претензии приходам по неудовлетворительному техническому состоянию храмов, а также не признавали права собственности общины на культовое здание. Как правило, претензии были просто формальными, а грубые административные меры, ограничивающие религиозную жизнь, противоречили советскому законодательству. Следующая атака государства, намного более разрушительная для Церкви, произойдет через восемь лет, в период так называемых «хрущевских» гонений.

Литература

1. Калашник В. В. Власть и Церковь в СССР (1940–1950 гг.): к историографии проблемы // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2016. № 1. С. 141–144.

2. Куксенко С. И. Историческая наука о периодизации так называемого «Хрущевского наступления» на Русскую православную церковь // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 3. 2013. С. 158–164.

3. Маслова И. И. Государство и русская православная церковь в XX веке: историографический аспект // Символ науки. 2017. № 01-2. С. 144–147.

4. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

5. Шкаровский М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.

6. Митрополит Варфоломей. Первый шаг к миру // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 9. С. 6–7.

7. Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конф. (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.) / под ред. Й. Баберовски, А. А. Дроздова. М.: Росспэн; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. 719 с.

8. Чумаченко Т. А. «Саратовское дело» 1949 г.: Кампания ЦК ВКП(б) против сложившихся в годы Великой Отечественной войны государственно-церковных отношений // Россия в XX веке: войны, реформы, революции: материалы междунар. науч. конф. (22 апреля 2015 г.). СПб, 2015. С. 334–338.

9. Русская Православная Церковь. XX век / под ред. А. Л. Беглова, О. Ю. Васильевой, А. В. Журавского. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 792 с.

10. Горбатов А. В. Государственно-церковные отношения в Сибири (1949–1952 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 3. С. 166–170.

11. Цыпин В. История Русской Церкви, 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.

MILITANT ATHEISM IN THE LATE 1940S – EARLY 1950S IN THE KEMEROVO REGION

Aleksei V. Gorbatov [a, @, ID1]***; Ekaterina S. Skvortsova*** [a, ID2]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *gorbn1965@yandex.ru*
[ID1] *http://orcid.org/0000-0002-8493-6468*
[ID2] *http://orcid.org/0000-0001-6384-2211*

Received 05.09.2018. Accepted 15.10.2018.

Keywords: Russian Orthodox Church, state church relations, ban on Orthodox communities, militant atheism methods

Abstract: The article features the policy of militant atheism during the period of late Stalinism in the late 1940s – early 1950s. The research is based on various studies on relations between the state and religious institutions. The authors used unpublished materials from regional and federal archives to investigate foreign and domestic affairs that triggered the change in the state religious policy in 1948. The paper describes the main prohibitive and restrictive measures against the Russian Orthodox Church at the state level. In the case of the Kemerovo region, the authorities attempted to close five Christian communities within one year. They did not recognize property rights on the place of worship and claimed that the churches were in unsatisfactory technical condition. The authors established that the claims of the authorities were merely formal, and the gross administrative measures to restrict religious life contradicted Soviet legislation.

For citation: Gorbatov A. V., Skvortsova E. S. «Bogoborcheskii natisk» kontsa 1940-kh – nachala 1950-kh gg. (na primere Kemerovskoi oblasti) [The "God-loving Onslaught" of the late 1940s – early 1950s (on the example of the Kemerovo region)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 24–31. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-24-31

References

1. Kalashnik V. V. Vlast′ i Tserkov′ v SSSR (1940–1950 gg.): k istoriografii problem [Power and the Church in the USSR (1940–1950): to the historiography of the problem]. *Vestnik Omskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii = Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*, no. 1 (2016): 141–144.

2. Kuksenko S. I. Istoricheskaia nauka o periodizatsii tak nazyvaemogo «Khrushchevskogo nastupleniia» na Russkuiu pravoslavnuiu tserkov′ [Historical Science concerning periodization of so-called "Khrushchev's offensive" against Russian Orthodox Church]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of Saint-Petersburg State of Culture and Arts,* no. 3 (2013): 158–164.

3. Maslova I. I. Gosudarstvo i russkaia pravoslavnaia tserkov′ v XX veke: istoriograficheskii aspekt [The state and the Russian Orthodox Church in the XX century: the historiographic aspect]. *Simvol nauki = Symbol of Science*, no. 01-2 (2017): 144–147.

4. Pospelovskii D. V. *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika, 1995, 511.

5. Shkarovskii M. V. *Russkaia Pravoslavnaia tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 godakh)* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-church relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor′e Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii, 1999, 400.

6. Mitropolit Varfolomei. Pervyi shag k miru [The first step to peace]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii = Journal of the Moscow Patriarchate*, no. 9 (1950): 6–7.

7. S*ovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.*: *materialy VII mezhdunar. nauch. konf. (Tver', 4–6 dekabria 2014 g.)* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Proc. VII Intern. Sci. Conf. (Tver, December 4–6, 2014)]. Ed. Baberovski I., Drozdov A. A. Moscow: Rosspen; Prezidentskii tsentr B. N. El′tsina, 2015, 719.

8. Chumachenko T. A. «Saratovskoe delo» 1949 g.: Kampaniia TSK VKP(b) protiv slozhivshikhsia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii ["The Saratov Case", 1949: Campaign of the Central Committee of the CPSU (b) against state-church relations established during the Great Patriotic War]. *Rossiia v XX veke: voiny, reformy, revoliutsii: materialy mezhdunar. nauch. konf. (22 aprelia 2015 g.)* [Russia in the XX century: wars, reforms, revolutions: Proc. Intern. Sci. Conf. (April 22, 2015)]. Saint-Petersburg, 2015, 334–338.

9. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov'. XX vek* [Russian Orthodox Church. XX century]. Eds. Beglov A. L., Vasil′eva O. Iu., Zhuravskii A. V. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyria, 2007, 792.

10. Gorbatov A. V. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v Sibiri (1949–1952 gg.) [Government-church relations in Siberia (1949–1952)]. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 310, no. 3 (2007): 166–170.

11. Tsypin V. *Istoriia Russkoi Tserkvi, 1917–1997* [History of the Russian Church, 1917–1997]. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyria, 1997, 831.

УДК 93:622.342(571)

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ САЛАИРА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

Алексей Н. Ермолаев [a, @, ID]

[a] *Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово, пр. Советский, 18*
[@] *al-ermolaev@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-6903-5883*

Поступила в редакцию 20.08.2018. Принята к печати 19.10.2018.

Ключевые слова: золотопромышленность, Салаир, Кабинет Его Императорского Величества, иностранный капитал, горное дело

Аннотация: Цель исследования – определение динамики добычи золота, а также выявление особенностей развития золотопромышленности в Салаире в конце XIX – начале XX вв. В данный период времени Салаирский кряж находился в ведении Кабинета Его Императорского Величества. В конце XIX в. Кабинет затратил большие средства для геологического изучения кряжа. Параллельно Кабинет разрабатывал золотоносные прииски собственными средствами. Добыча золота в этот период колебалась в пределах 6–8 пудов. В начале XX в. Кабинет заключил несколько договоров с частными лицами и акционерными компаниями о передаче приисков, находящихся на Салаирском кряже, в аренду. Такие договоры были заключены с австрийскими подданными князем А. Турн-и-Таксисом и доктором права Иосифом Жаннэ, британским подданным Артуром Стенли и горным инженером Фаррухом Бек-Везировым, статским советником Березиным, Российским золотопромышленным обществом. Частные компании действовали успешней Кабинета. Добыча золота в Салаире в начале XX в. выросла. Однако после разработки легко извлекаемых золотых россыпей частными компаниями их деятельность была прекращена. Как показали подсчеты, всего за период с 1892 по 1915 гг. на Салаирском кряже было добыто более 3,6 т. золота. Главной особенностью золотодобычи было то, что золото в некоторые периоды времени на Салаирском кряже добывалось одновременно Кабинетом и частными компаниями, т. е. государственный и частный капитал действовали параллельно.

Для цитирования: Ермолаев А. Н. Золотопромышленность Салаира в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 32–38. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-32-38

Введение

Открытие полиметаллических руд на предгорьях Салаирского кряжа произошло еще в конце XVIII в. Оно связано с именем ссыльного Дмитрия Попова. Именно Попов впервые открыл и зарегистрировал около 30 рудных месторождений [1, с. 108–109]. В 1780-е гг. Салаирские месторождения начал разрабатывать Кабинет Его Императорского Величества. Здесь был построен рудник, в котором добывали серебряную руду. На построенном неподалеку Гавриловском заводе из руды выплавляли серебро [2, с. 10–12]. В 1830-х гг. на предгорьях Салаирского кряжа было найдено россыпное золото. В тот же период силами Кабинета началась добыча золота. Для этого были устроены золотодобывающие прииски.

Добыча золота в предгорьях Салаира в конце XIX – начале XX вв. уже привлекала внимание исследователей. Так, в 1970 г. вышла статья А. А. Лукина, который проанализировал деятельность австрийского князя А. Турн-и-Таксиса в Алтайском горном округе [3]. Барнаульский исследователь А. И. Митин изучил всю кабинетскую золотопромышленность дореволюционного периода. Его работа носит обобщающий характер. В силу специфики поставленных задач автор не отразил динамику золотодобычи в Салаире [4]. Удачная попытка проанализировать деятельность иностранного капитала в Кузнецком бассейне представлена в работе О. В. Баева. Однако автор также не ставил перед собой задачу выделить особенности развития золотодобычи в Салаире [5]. Достаточно основательная монография Л. Н. Мукаевой посвящена

* Статья выполнена в рамках программы СО РАН XII.190.2. «Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и инноваций. Проект «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX вв.» (0352-2016-0004).

поисковому делу Кабинета на Алтае. На основе опубликованных и архивных источников она проследила деятельность поисковых партий, чья работа задействована в предгорьях Салаира [6]. Наконец, в некоторых обобщающих работах по истории Салаира затронут ряд моментов, связанных с золотодобычей [2]. В исторических исследованиях, посвященных золотопромышленности Салаира конца XIX – начала XX вв., изучены такие вопросы, как деятельность иностранного капитала и разведочно-поисковые работы. Динамика и особенности золотодобычи остались без внимания исследователей. Определение динамики добычи золота и выявление особенностей развития золотопромышленности Салаира указанного периода являются целями статьи.

Деятельность Кабинета и частных компаний по добыче золота в Салаирском крае

К 1890-м гг. значительные территории современного Кузбасса (Салаирский кряж, Горная Шория, притоки Томи) продолжали оставаться в ведении Кабинета Его Императорского Величества. Его экономическая деятельность была крайне неэффективной. Все попытки, предпринимаемые Кабинетом для совершенствования технологии добычи и переработки руд, были безуспешными. В середине 1890-х гг. рудники и заводы, принадлежавшие Кабинету, приносили убытки, исчислявшиеся десятками и даже сотнями тысяч рублей в год. В создавшихся условиях Кабинет вынужден был закрывать нерентабельные предприятия. В 1895 г. было решено прекратить работу Гавриловского сереброплавильного завода и Салаирского рудника, снабжавшего этот завод рудой. Середина 1890-х гг. стала поворотной в деятельности Кабинета. С этого периода он окончательно выбрал путь свертывания собственного производства, предпочитая передавать свои предприятия в аренду частным компаниям и лицам [3, с. 65–66].

Горные инженеры того времени выделяли четыре района с месторождениями золота на кабинетских землях. Первый – бассейн левого берега р. Томи с притоками Кондомы и Мрассу. Второй – р. Лебедь с притоками. Третий – притоки р. Большой Абакан. Четвертый – Салаирский кряж. Самостоятельно добывать золото на своих приисках Кабинет практически прекратил еще в 1870-х гг. Часть приисков была сдана в аренду частным компаниями или лицам, часть была продана. Стоит заметить, что переданные в частные руки нерентабельные кабинетские прииски вскоре начинали приносить прибыль [4, с. 118].

Единственным золотоносным районом, который Кабинет не хотел передавать в частные руки, был Салаирский кряж. На рубеже 1880–1890-х гг. он возобновил здесь поисковые работы. В 1889 г. партия горного инженера М. М. Пузанова обследовала р. Верхняя Тайлы. Были обнаружены месторождения золота по ее притокам. Партия горного инженера И. А. Штейнмана на р. Аламбай обнаружила богатое месторождение золота [4, с. 122–123].

Для придания геологическим исследованиям системного характера специальным Положением от 23 марта 1894 г. при Кабинете была создана Геологическая часть в составе трех человек. Возглавил ее профессор геологии А. А. Иностранцев, членами стали геологи Б. К. Поленов и Г. Г. фон Петц. Летом того же года геологи выехали на Алтай, чтобы на месте ознакомиться с особенностями края и определить программу изучения региона. А. А. Иностранцев посетил прииски и рудники, расположенные на Салаирском кряже. По результатам первой поездки Геологической частью Кабинета была составлена и утверждена программа предстоящих исследований. Главной задачей являлось полное изучение всей территории Алтая и составление точной геологической карты. Для проведения изыскательских работ планировалось привлекать известных ученых из университетов и Горного департамента [6, с. 292–294].

После того как начались исследования, появились и первые позитивные результаты. В 1894 г. горный инженер А. К. Крупский недалеко от Салаирского рудника на вершине Поганого лога открыл месторождение золота. В 1895–1896 гг. маркшейдерско-геологическая партия под руководством геолога В. А. Крата изучила весь Салаирский кряж. Были выявлены и зафиксированы 166 месторождений полиметаллических руд и несколько месторождений золота. В 1897 г. изучением золотых россыпей на р. Балыксу занимался исследователь Э. К. Ширц. В 1898 г. горный специалист В. А. Буштедт исследовал руды в районе Гурьевского завода. Недалеко от с. Бачат им было обнаружено месторождение золота. В 1899 г. разведочные работы проводились по р. Большая Тайлы и Суенге [6, с. 297–299].

После нескольких лет геологического изучения в 1899 г. Кабинет признал самым перспективным для разработок золота Салаирский кряж. Было принято решение расширить здесь добычу золота силами самого Кабинета. Золотоносные россыпи Салаирского кряжа были расположены в трех местностях (районах). Самым западным был Егорьевский казенный промысел, располагавшийся сразу в двух уездах: Кузнецком и Барнаульском. В Кузнецком уезде добыча золота производилась по р. Чесноковой, Чубуре, Лебедихе, по притокам и склонам р. Ур, впадающей в Иню и по р. Преображенке, впадающей в р. Мунгай – приток р. Аламбай. В Барнаульском уезде добыча золота производилась по р. Суенге, впадающей в Бердь, по р. Большая Тайлы и её притокам, по р. Листвянке, Верхняя Тайлы, Березовой, Фомихе, Петровке, Мостовушке, Хайрюзовке,

по притокам и склонам р. Кинтереп, по правым притокам р. Бердь.

Вторым районом считался Салаирский. Он располагался по притокам р. Касьмы-Чесноковой, Путанке, Земленушке и по верховьям р. Ур. К этому же району относились все россыпи, располагавшиеся в окрестностях Салаирского рудника. Здесь разрабатывались лога Салаирский, Оплетинский, Мещанский, Конюшенный, р. Осиповая, Таловка, Толмовушка. Прежде на этой местности существовал Мунгайский казенный золотой промысел.

Наконец, третьим районом был юго-восточный склон Салаирского кряжа, где ранее располагался Томский железоделательный завод. Здесь разработки велись по р. Нойонахе и логу Уксунай. Обычно этот район причисляли к Салаирскому району.

Добыча песков производилась подземными (ортами) и открытыми (разрезами) работами. Организационно работы производились двумя способами: хозяйственно-валовым и старательско-золотничным. В 1900 г. они были примерно равны по объемам промытых песков и добытого золота. Разница между ними заключалась в том, что старатели работали преимущественно зимой, когда были свободны от сельских работ. Промывка песков осуществлялась на вашгердах и шлюзах. В 1900 г. на работах были заняты 735 человек[1].

Золотоносный пласт россыпей Салаира представлял собой песчаную глину с большим количеством валунов и гальки различных горных пород. Валуны в основном состояли из кварца и кристаллического известняка. Толщина золотоносного пласта составляла от 1,5 до 2,1/3 аршин, толщина турфов – обычно 1–2 сажени. Содержание золота очень сильно колебалось. Но большая часть россыпей содержала от 20 до 60 долей на 100 пудов. Хотя некоторые россыпи очень богатые – до 50 золотников на 100 пудов. Иногда золотоносный пласт отделялся от коренной породы толстым слоем вязкой красной глины. В россыпях изредка попадались зерна платины [7, с. 31–32].

Собственная золотодобыча не приносила Кабинету желаемых результатов. Поэтому в начале XX в. появились планы по передаче Салаирских золотых промыслов в руки частных предпринимателей. В 1901 г. австрийский князь А. Турн-и-Таксис и доктор права Иосиф Жаннэ обратились в Министерство императорского двора с просьбой разрешить им обследовать месторождения золота в Салаирском крае. В случае благоприятных геологических разведок они обещали организовать добычу золота по самым современным технологиям. Министерство разрешило компаньонам самостоятельно провести разведки.

В июне 1901 г. А. Турн-и-Таксис снарядил геологическую партию под руководством инженера Е. Е. Кисс-Шлезингера, в которой были как австрийские, так и русские горные специалисты. Результаты разведок были признаны перспективными. В том же году австрийские компаньоны предложили Министерству императорского двора заключить договор на разработку золота. Они ходатайствовали о передаче им в концессию р. Ини, Чумыша, Кондомы, всех правобережных притоков Оби от соединения Бии и Катуни до устья Чумыша, а также все левобережные притоки Томи. Кроме того, они просили передать им в разработку территории в Нерчинском округе, а также Риддерский и Змеиногорский рудники на Алтае. 24 марта 1903 г. между Кабинетом и А. Турн-и-Таксисом с компаньоном Жаннэ был подписан договор о передаче сроком на 5 лет исключительного права разведки и разработки золота систем р. Чумыша и Чарыша, верховьев рек Алей и Убы, а также Змеиногорских рудников. Арендаторы обязывались в течение срока аренды ежегодно тратить на разведки не менее 45 тыс. руб., а начиная с 1907 г. ежегодно вносить в казну Кабинета не менее 40 тыс. руб. процентной подати с добытого золота и других металлов [3, с. 68–70].

В 1903 г. компаньоны организовали разведку золотых россыпей на отведенной им по договору территории. Ввиду недостаточности денежных средств в 1904 г. австрийцы организовали акционерную компанию под названием «Общество с ограниченной ответственностью для эксплуатации полезных ископаемых в Сибири». Кроме австрийского князя А. Турн-и-Таксиса и его компаньона доктора права Иософа Жаннэ в это общество вступили некоторые английские предприниматели. В ходе дальнейших разведок выяснилось, что наиболее перспективными являются разработки рудных месторождений. В 1905 г. А. Турн-и-Таксис и Жаннэ заключили договоры с Кабинетом о разработке Риддерского и Зыряновского рудных месторождений. После этого интерес австрийцев к Салаирскому золоту пропал [3, с. 71–74].

Поскольку австрийские концессионеры не смогли организовать добычу золота в Салаирском крае, Кабинет вновь решил самостоятельно приступить к разработкам. В 1904 г. Кабинет закупил на Путиловском заводе драгу. Это был серьезный шаг вперед, т. к. дражный способ промывки песков был намного эффективней, чем ручной. Драга была привезена и собрана на р. Верхняя Тайлы в 1905 г. Первые опыты ее эксплуатации показали хорошие результаты. В качестве драгера Кабинет планировал нанять американского специалиста, но он запросил слишком большую плату, тогда

[1] Обзор Томской губернии за 1900 год. Томск, 1901. С. 14–15.

Путиловский завод подготовил горного инженера Гвоздырева, который был назначен смотрителем драги. Наиболее успешным был летний сезон 1906 г. Драгой было добыто 2 пуда 16 фунтов золота. В сезон 1907 г. драга неоднократно ломалась, в результате было добыто всего 1 пуд 31 фунт золота. В декабре того же года она затонула на р. Верхняя Тайлы. По версии одного из горнорабочих И. К. Кожевникова, драга была потоплена самими рабочими. На подъем и ремонт было потрачено около 3 тыс. руб. [4, с. 118, 139–142, 187].

Использование драги способствовало увеличению золотодобычи, но себестоимость добытого золота всё равно оставалась высокой. В результате чиновники Кабинета решили передать в аренду золотые промыслы частным лицам. В мае 1908 г. Кабинет заключил договор с британским подданным Артуром Стенли и российским горным инженером Фаррухом Бек-Везировым об аренде Салаирского золотого промысла. Договор был заключен сроком на 24 года с правом продления еще на такой же срок. Всё добытое в Салаире золото арендаторы обязаны были сдавать в Барнаульскую золотосплавочную лабораторию. С добываемого арендаторами золота в пользу Кабинета должна была отчисляться процентная подать натурой в размере 10 % с отводов, разведанных Кабинетом, 8 % – с открытых арендаторами россыпей, 6 % – при разработке россыпей драгами, механическими и химическими способами и 5 % – с рудного золота. Кабинет потребовал, чтобы минимальная добыча в первые три года составляла 10 пудов золота. Минимальный размер процентной подати в пользу Кабинета должен был составлять 20 тыс. руб. в год. Помимо золота арендаторы обязаны были добывать не менее 25 пудов серебра в год. За серебро Кабинет должен был получать минимальный доход – 1 тыс. руб. в год. Кроме того, за отводы площадей под прииски и разработки Кабинет брал подесятинную плату в размере 2 рубля. Арендаторам разрешалось строить на отведенных землях фабрики и заводы, но за них нужно было также платить особую пошлину. А после окончания срока аренды все они должны были перейти в собственность Кабинета. Арендаторы обязаны были оказывать всем рабочим медицинскую помощь, содержать за свой счет лазарет в Салаире и всех необходимых врачей. Для разработки Салаирских приисков арендаторы создали «Золотопромышленную компанию Везирова и Стенли» [5, с. 42–43].

В феврале 1909 г. между Кабинетом с одной стороны и арендаторами (Стенли и Фаррухом Бек-Везировым) было заключено дополнительное соглашение. Условия аренды были смягчены. Срок разведок был продлен до 5 лет, ежегодный минимальный доход Кабинета был снижен до 10 тыс. руб. Процентная плата за добываемое дражное и рудное золото была снижена до 4 %, а с золота, добываемого обычным способом – с 8 до 6 %. Тем временем произошли изменения в составе компаньонов. В ноябре 1909 г. Артур Стенли передал все свои права и обязанности по арендному договору великобританскому подданному Дэвиду Джону Моргану. В декабре 1910 г. Морган передал свои права дворянину С. А. Дельсалю [5, с. 43, 47].

Подобный договор в 1908 г. Кабинет заключил со статским Березиным. Ему был передан в аренду Егорьевский промысел. Однако уже в марте 1910 г. договор был расторгнут. Известно, что в 1909 г. компания Березина добыла на Егорьевском промысле 5 пудов 31 фунт золота. В 1910 г. Егорьевский промысел разрабатывался силами самого Кабинета. В марте 1911 г. он был вновь сдан в аренду, на этот раз «Российскому золотопромышленному обществу» («Золотороссу»). Вместе с промыслом передавалась драга, расположенная на р. Верхняя Тайлы. Она была оценена в 120 тыс. руб. Компания должна была выкупить ее в течение 10 лет, уплачивая ежегодно по 12 тыс. руб. «Золоторосс» разрабатывал Егорьевские прииски вплоть до Первой мировой войны[2].

Не очень успешно шли дела и у «Золотопромышленной компании Везирова и Стенли». В течение нескольких лет она потратила на поиски золота в Салаирском крае 60 тыс. руб. Успешными были только первые годы ее деятельности. В 1909 г. она добыла 13 пудов 28 фунтов золота, в 1910 г. – 10 пудов 20 фунтов, а в 1911 г. – 9 пудов 3 фунта, в 1912 г. – только 5 пудов 16 фунтов. В 1913 г., добыв всего 24 фунта золота, «Золотопромышленная компания Везирова и Стенли» была ликвидирована. По решению Кабинета Салаирские промыслы были переданы на разработку старателям-золотничкам[3].

Несмотря на то, что Егорьевский промысел был передан в аренду «Российскому золотопромышленному обществу», Кабинет в 1911 г. собственными средствами добыл там 1 пуд 29 фунтов золота. Такая же ситуация была и в Салаирском районе. В 1913 г., когда компания Везирова прекратила там свою деятельность, Кабинет собственными средствами добыл около 20 фунтов золота. В 1914 г. он добыл 2 пуда 2 фунта, в 1915 г. – 1 пуд 15 фунтов[4]. Таким образом, главной особенностью золотодобычи на Салаирском кряже было то, что здесь параллельно работали и частные компании, и Кабинет. В своих отчетах Кабинет объяснял собственную золотодобычу тем,

[2] Алтайский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул: Типография управления Алтайского округа, 1916. С. 172.

[3] Там же, с. 172, 175.

[4] Там же, с. 174.

что в периоды, когда частные компании не действовали, необходимо было «предотвратить хищничество», т. е. незаконные разработки и разработки песков силами нелегальных старателей[5].

К началу Первой мировой войны хозяйство Алтайского округа находилось на подъеме. В 1912 и 1913 гг. чистая прибыль Кабинета от использования природных богатств исчислялась 1 млн руб. [8, с. 93]. Однако не все отрасли хозяйства были прибыльными. Кабинет получал доходы в основном от лесной отрасли, земледелия, земельно-арендного хозяйства. Золотопромышленность, да и горное дело вообще, не приносили прибыли. Для успешной добычи золота требовались большие капиталовложения. В феврале 1916 г. начальник Алтайского округа В. П. Михайлов предложил прекратить добычу золота силами Кабинета и сосредоточится на поисковых и разведочных работах [9, с. 246].

Данные о золотодобыче на Салаирском кряже представлены в таблице. Необходимо отметить, что в обзорах Томской губернии за 1898–1903 гг. показана одинаковая добыча золота в Салаире (6 пудов 3 фунта). Трудно представить, чтобы были абсолютно одинаковые показатели в течение нескольких лет. По всей вероятности, составители обзора просто переносили данные из одного обзора в следующий. За период 1904–1908 гг. в обзорах вообще нет сведений по добыче золота в Салаире. Для компенсации неточностей и ошибок использованы данные, приведенные Обручевым[6].

Заключение

Анализируя данные таблицы, можно заметить, что в период 1892–1915 гг. добыча золота в Салаирском районе не была стабильной. В 1890-х гг. ежегодно добывалось порядка 7–8 пудов золота. В начале XX в. заметен рост золотодобычи. В первое десятилетие века в Салаире ежегодно добывалось порядка 12–16 пудов. Увеличение золотодобычи было связано с двумя основными факторами. Во-первых, сам Кабинет стал использовать современные технологии, была куплена драга, которая первое время успешно работала. Во-вторых, Кабинет передал часть промыслов в частные руки. Частные компании работали эффективнее, чем Кабинет. Это способствовало росту золотодобычи. Накануне и в годы Первой мировой войны наблюдался спад золотодобычи до уровня 1890-х гг. Это было связано с истощением приисков и трудностями военного времени. Всего по неполным данным (сведения за 1906–1908 гг. отсутствуют) в Салаире было добыто 223 пуда 6 фунтов золота. В переводе на килограммы – это более 3655 кг.

Таблица. Добыча золота на кабинетских землях (Салаирский и Егорьевский промыслы)
Table. Gold mining on the Cabinet lands (Salair and Egoryevsk territories)

Год	Прииски			
	Салаирский район		Егорьевский район	
	Пуды	Фунты	Пуды	Фунты
1892	–	17	4	39
1893	8 пудов 35 фунтов			
1894	8 пудов 11 фунтов			
1895	5 пудов 30 фунтов			
1896	4	15	4	–
1897	5 пудов 5 фунтов			
1898	6	3	–	–
1899	6	3	–	–
1900	7	33	9	12
1901	8	24	6	19
1902	7	33	4	36
1903	7	37	3	16
1904	8	33	4	5
1905	9	3	5	15
1906–1908	Нет данных			
1909	13•	28•	5••	31••
1910	10•	20•	3	9
1911	9•	3•	4•••	20•••
1912	5•	16•	6•••	–
1913	–	34•	9•••	16•••
1914	2	2	8•••	36•••
1915	1	15	5•••	31•••

Прим.: • в аренде у компании Везирова; •• в аренде у Березина; ••• в аренде у «Российского золотопромышленного общества».

[5] Там же, с. 172.

[6] Обзор Томской губернии за 1892 г. Томск, 1893. С. 19; Обзор Томской губернии за 1893. Томск, 1894. С. 19; Обзор Томской губернии за 1894 год. Томск, 1895. С. 13; Обзор Томской губернии за 1895. Томск, 1896. С. 13; Обзор Томской губернии за 1896. Томск, 1897. С. 14; Обзор Томской губернии за 1898 год. Томск, 1899. С. 12; Обзор Томской губернии за 1900 год. Томск, 1901. С. 13; Обзор Томской губернии за 1901 год. Томск, 1902. С. 19–20; Обзор Томской губернии за 1902 год. Томск, 1904. С. 25; Обзор Томской губернии за 1903 год. Томск, 1904. С. 13; Обзор Томской губернии за 1909 год. Томск, 1910. С. 21; Обзор Томской губернии за 1910 год. Томск, 1912. С. 18; Обзор Томской губернии за 1911 год. Томск, 1912. С. 22; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Томск, 1900. С. 152; Алтайский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул, 1916. С. 174–175; Обручев В. А. Геологический обзор золотоносных районов Сибири. Ч. 1. Западная Сибирь. СПб., 1911. С. 33.

Литература

1. Герман П. В., Савельева А. С. Рудознатец Дмитрий Попов и чудские копи: к вопросу о древних рудных выработках в северо-восточном Присалаирье // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 108–114.

2. Адаменко А. М., Баев О. В., Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Зинякова В. М., Карпинец А. Ю., Леухова М. Г., Овчинников В. А., Усков И. Ю. Из истории Салаира / отв. ред В. А. Волчек. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2015. 220 с.

3. Лукин А. А. Концессия австрийского князя А. Турн-и-Таксиса в Алтайском горном округе // Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1970. Вып. 3. С. 65–74.

4. Митин А. И. Кабинетская золотопромышленность Алтайского (горного) округа (1830–1917): дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 255 с.

5. Баев О. В. Иностранный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX – начало XX в.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 175 с.

6. Мукаева Л. Н. Горно-поисковое дело Кабинета на Алтае в досоветское время. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского гос. ун-та, 2008. 343 с.

7. Обручев В. А. Геологический обзор золотоносных районов Сибири. Ч. I. Западная Сибирь. СПб.: Постоянная совещательная контора золото- и платинодобытчиков, 1911. 142 с.

8. Афанасьев П. А. Кабинет его императорского величества и Алтайский округ в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX–XX веков: сб. материалов Всерос. науч. конф. (09–10 июня 2014 г.) / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 91–98.

9. Афанасьев П. А. Ревизионный контроль в кабинетском хозяйстве Западной Сибири в XIX – начале XX в. Барнаул: АлтГПА, 2014. 290 с.

GOLD MINING IN SALAIR IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES*

Aleksey N. Ermolaev [a, @, ID]

[a] *Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *al-ermolaev@yandex.ru*
[ID] *http://orcid.org/0000-0001-6903-5883*

Received 20.08.2018. Accepted 19.10.2018.

Keywords: gold industry, Salair, Cabinet of His Imperial Majesty, foreign capital, mining

Abstract: The research determines the dynamics of gold mining and identifies the specifics of the development of the gold industry in Salair in the late XIX – early XX centuries. The Salair ridge was then under the jurisdiction of the Cabinet of His Imperial Majesty. At the end of the XIX century, the Cabinet spent a lot of money on geological survey of the ridge and invested in the development of the local gold mines. The extraction of gold during this period fluctuated within 6–8 poods (1 pood = 16 kg). At the beginning of the XX century, the Cabinet leased the Salair mines to private entrepreneurs and joint-stock companies. Such agreements were signed by Prince A. von Thurn und Taxis and Dr. Josef Jeanne (Austria), Arthur Stanley and mining engineer Farrukh Bek-Vezirov (Great Britain), State Councilor Berezin (Russia), and The Russian Gold Mining Company. Private companies operated more successfully than the Cabinet. In the XX century the extraction of gold in Salair increased. However, after the companies had developed the ready retrievable gold deposits, they ceased operating. As the calculations have shown, more than 3.6 tons of gold were mined on the Salair Ridge in 1892 – 1915. The main feature of the Salair gold mining was that gold was extracted both by the Cabinet and private companies, which means that state and private capital acted in parallel.

* The article was written within the framework of the programme of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences XII.190.2. "The historical development of Siberia as part of the Russian State: the role of tradition and innovation". Project "Creating the industrial base of Kuzbass in the late XIX – first half of the XX centuries" (0352-2016-0004).

For citation: Ermolaev A. N. Zolotopromyshlennost′ Salaira v kontse XIX – nachale XX vv. [Gold Mining in Salair in the Late XIX – Early XX Centuries]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 32–38. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-32-38

References

1. German P. V., Savel′eva A. S. Rudoznatets Dmitrii Popov i chudskie kopi: k voprosu o drevnikh rudnykh vyrabotkakh v severo-vostochnom Prisalair′e [Prospector Dmitry Popov and ancient ore mines: to the problem of ancient ore mines in Northeast Salair foothills]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia = Tomsk State University Journal of History*, no. 5 (2014): 108–114.

2. Adamenko A. M., Baev O. V., Blinov A. V., Ermolaev A. N., Ziniakova V. M., Karpinets A. Iu., Leukhova M. G., Ovchinnikov V. A., Uskov I. Iu. *Iz istorii Salaira* [From the history of Salair]. Ed. V. A. Volchek. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2015, 220.

3. Lukin A. A. Kontsessiia avstriiskogo kniazia A. Turn-i-Taksisa v Altaiskom gornom okruge [Concession of Austrian Prince A. von Thurn und Taxis in the Altai Mining District]. *Kraeved Kuzbassa* [Regional historian of Kuzbass]. Novokuznetsk, Iss. 3 (1970): 65–74.

4. Mitin A. I. *Kabinetskaia zolotopromyshlennost' Altaiskogo (gornogo) okruga (1830–1917).* Diss. kand. ist. nauk [Cabinet gold mining of the Altai (mining) district (1830–1917). Cand. Hist. Sci. Diss.]. Barnaul, 2003, 255.

5. Baev O. V. *Inostrannyi kapital v promyshlennosti Kuznetskogo basseina (konets XIX – nachalo XX v.)* [Foreign capital in the industry of the Kuznetsk basin (late XIX – early XX century)]. Kemerovo: Kuzbassvuizdat, 2004, 175.

6. Mukaeva L. N. *Gorno-poiskovoe delo Kabineta na Altae v dosovetskoe vremia* [Mining and exploration of the Cabinet in the Altai in pre-Soviet times]. Gorno-Altaisk: RIO Gorno-Altaiskogo gos. un-ta, 2008, 343.

7. Obruchev V. A. *Geologicheskii obzor zolotonosnykh raionov Sibiri. Ch. I. Zapadnaia Sibir′* [Geological survey of the gold-bearing regions of Siberia. Part I. Western Siberia]. Saint-Petersburg: Postoiannaia soveshchatel′naia kontora zoloto- i platinodobytchikov, 1911, 142.

8. Afanas′ev P. A. Kabinet ego imperatorskogo velichestva i Altaiskii okrug v gody Pervoi mirovoi voiny [The Cabinet of His Imperial Majesty and the Altai District during the First World War]. *Sibir′ i voiny XIX–XX vekov: sb. materialov Vseros. nauch. konf. (09–10 iiunia 2014 g.)* [Siberia and the wars of the XIX–XX centuries: Proc. All-Russian Sci. Conf. (June 09–10, 2014)]. Ed. Shilovskii M. V. Novosibirsk: Parallel′, 2014, 91–98.

9. Afanas′ev P. A. *Revizionnyi kontrol′ v kabinetskom khoziaistve Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX v.* [Audit control in the office of Western Siberia in the XIX – early XX century]. Barnaul: AltGPA, 2014, 290.

УДК 94 (571.51)"1941/1944":616-089.8

О СОДЕРЖАНИИ РАБОТЫ В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО С РАНЕНЫМИ И БОЛЬНЫМИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1941–1944 ГГ.

Семен В. Кожевников [a, b, @]

[a] *Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89*
[b] *ООО «РАМикс», 660050, Россия, г. Красноярск, ул. Щорса, 15*
[@] *semenk2011@yandex.ru*

Поступила в редакцию 01.06.2018. Принята к печати 10.10.2018.

Ключевые слова:
хирург, консультант, профессор, раненые, больные, гнойное осложнение, резекция, эвакогоспиталь

Аннотация: В статье предпринята попытка представить и раскрыть разнообразные методы работы профессора-хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого в разветвленной системе эвакуационных госпиталей Красноярского края. Показана масштабная деятельность В. Ф. Войно-Ясенецкого по лечению раненых, инвалидов войны и гражданского населения. Отражена значительная хирургическая практика и другие профессиональные действия В. Ф. Войно-Ясенецкого, получившие научное обобщение в написанной в Красноярске монографии «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов». Объектом настоящего исследования является деятельность В. Ф. Войно-Ясенецкого в госпиталях Красноярского края в 1941–1944 гг., предметом – содержание, методы и приемы работы профессора-хирурга. Сделаны основные выводы о методах и приемах работы В. Ф. Войно-Ясенецкого, позволивших достигнуть эффективного лечения раненых и больных. Результаты могут быть использованы историками, занимающимися изучением тылового здравоохранения в период Великой Отечественной войны, а также жизни и деятельности В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Для цитирования: Кожевников С. В. О содержании работы В. Ф. Войно-Ясенецкого с ранеными и больными в Красноярском крае в 1941–1944 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 39–46. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-39-46

Введение

Научный интерес к уникальной личности хирурга с мировым именем, профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого (епископа Луки) не ослабевает до сих пор. За последние десятилетия о нём написано много статей и книг, например [1–3]. Вместе с тем масштаб деятельности Валентина Феликсовича настолько велик, что о нём постоянно появляются новые сведения и требуется уточнение уже известных. Исключением не стали военные годы работы В. Ф. Войно-Ясенецкого в госпиталях глубокого тыла, развернувшихся в г. Красноярске и Красноярском крае.

Изучение разнообразной работы профессора-хирурга с ранеными и больными в 1941–1944 гг. является актуальным с научной и социальной точек зрения. Именно в 1941–1944 гг. В. Ф. ойно-Ясенецкий совершил качественный переворот в области военно-полевой хирургии страны, выведя её на высокий уровень исполнения и значительно повысив эффективность в лечении раненых и больных. Новаторство и профессионализм Валентина Феликсовича позволяли ему также оказывать действенную помощь гражданскому населению и инвалидам. Возможность более глубокого исследования методов и приемов работы В. Ф. Войно-Ясенецкого при отборе и лечении раненых и больных послужила поводом для написания настоящей статьи. Целью статьи явилось описание разнообразной и значимой работы В. Ф. Войно-Ясенецкого по лечению раненых и больных – с акцентом на больных с тяжелыми осложнениями гнойной инфекцией ран суставов.

В исследовании были использованы материалы фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (фонд Р-1384 Отдела здравоохранения исполкома Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся, фонд П-26 Красноярского краевого комитета КПСС за 1941–1944 гг.). Отдельное внимание уделено монографии В. Ф. Войно-Ясенецкого «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов» («Поздние резекции…») [4], рассмотрение которой способствовало обнаружению основных методов работы Валентина Феликсовича в 1941–1944 гг.

В Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны были развёрнуты десятки эвакуационных госпиталей общехирургического и специализированного профиля. Нам впервые удалось

установить, что в г. Красноярске в военные годы дислоцировались в разное время 28 эвакогоспиталей с общим числом корпусов 54, а в Красноярском крае в период наибольшего притока раненых (1942–1943) и с учётом количества госпиталей г. Красноярска было развёрнуто 88 эвакогоспиталей общехирургического и специализированного профиля под различными номерами (1537, 1782, 2509, 2743, 3491 и др.). Медицинский персонал госпиталей самоотверженно обеспечивал бесперебойное лечение тысяч раненых солдат и офицеров, поступавших военно-санитарными эшелонами с далекого фронта. Красноярский исследователь В. В. Овчаров со ссылкой на данные Центрального архива министерства обороны РФ сообщает, что за период с июня 1941 г. по август 1945 г. на Красноярской железной дороге военно-санитарными эшелонами было выгружено 130013 человек [5, с. 206]. По материалам фондов ГАКК за период войны «в госпиталях края находилось на излечении 186946 раненых и больных»[1], из которых более 50000 человек были из гражданского населения. При этом большинство проходили лечение в период пребывания В. Ф. Войно-Ясенецкого в Красноярске. Так, в 1942 г. в госпитали поступили 99892 человека, в 1943 г. – 49138 человек, в 1941 г. в госпиталях края лечились 22387 человек, в 1944 г. – 13464 человека, а за 10 месяцев 1945 г. в госпиталях региона лечились всего 2065 человек[2].

Отметим, что численность населения Красноярского края на 1941 г. составляла 2000005,6 человека, а на 1945 г. – 1 884 000,3 человека [6, с. 135]. Население же г. Красноярска, перед войной насчитывавшее «около 190 тысяч человек, к концу войны <…> возросло до 240 тысяч» [7, с. 367, 368].

Соотношение общего количества проходивших лечение раненых и больных в госпиталях края и местного населения Красноярского края за военные годы приблизительно было равным 1:10. Таким образом, Красноярский край и особенно г. Красноярск на военный промежуток времени были сплошным тыловым лазаретом, в котором велась напряжённая борьба за жизнь и здоровье воинов Красной Армии.

Выдающаяся и ключевая роль по лечению раненых и больных, спасению жизней тысяч прибывших с фронта солдат и офицеров, уменьшению степени тяжести инвалидности, работе с инвалидами и оказанию точечной, но высококвалифицированной медицинской помощи гражданскому населению в 1941–1944 гг. принадлежала хирургу с мировым именем Валентину Феликсовичу Войно-Ясенецкому.

Работа В. Ф. Войно-Ясенецкого с ранеными военнослужащими

Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий был единственным высококлассным специалистом по гнойной хирургии, оказавшимся в Красноярском крае, имел сорокалетний стаж работы в этой области и практический опыт военно-полевого хирурга в предыдущих войнах (Русско-японской, Первой мировой, Гражданской). Доставленный в г. Красноярск самолётом 30 сентября 1941 г. из п. Большая Мурта Красноярского края доктор медицинских наук, профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий (епископ Лука) в Б. Мурте незаслуженно отбывал третью ссылку за священнический сан (официальные причины были другими). С прибытием в Красноярск он активно включился в работу госпиталей тылового города и края[3]. Основным местом работы профессора был самый крупный красноярский госпиталь № 1515, ставший в тяжёлые военные годы практическим и научным центром гнойной хирургии страны.

Хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий с первых же дней работы в красноярском госпитале № 1515 определил главную задачу в работе хирургов тыловых эвакогоспиталей: «Лечение тяжелых осложнений гнойной инфекцией ран суставов» [4, с. 3]. При этом на первое место по тяжести лечения и опасности для жизни профессор ставил «ранения коленного и тазобедренного суставов и крестцово-подвздошного сочленения» [4, с. 3]. Впоследствии 7 декабря 1945 г. это важнейшее заключение профессора закрепили в отчёте о работе Красноярского краевого комитета помощи раненым за период ВОВ. В отчёте отмечалось, что с появлением в госпиталях страны сортировочных отделений[4] произошло «постепенное улучшение сортировки на передовых этапах», что привело к поступлению в Красноярский край исключительно тяжёлых раненых, «преимущественно с поражением костей нижних конечностей»[5]. Лечением суставов и сохранением их опорно-двигательной функции занимался хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий, владевший и разрабатывавший новые методы оперативного вмешательства по этому поводу.

В эвакогоспиталь № 1515 профессором и его коллегами отбирались самые тяжёлые больные из других госпиталей г. Красноярска, что подтверждается

[1] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 1. Л. 325.

[2] Там же.

[3] первый военно-санитарный эшелон прибыл в город 27 сентября 1941 г.

[4] в марте 1942 г.

[5] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 1. Л. 326.

сохранившимися архивными списками из более чем 250 консультаций В. Ф. Войно-Ясенецкого[6]. Профессиональный отбор осуществлялся путём обхода госпиталей города с консультациями и выездами медработников на железнодорожный вокзал. До июля 1942 г. В. Ф. Войно-Ясенецкий отправлял на вокзал своих коллег: врача рентгенолога В. А. Клюге[7] или врача-физиотерапевта А. И. Кашаеву[8]. С каждым приходом военно-санитарных эшелонов в город в эвакуационный госпиталь № 1515 могли доставить «до 140 раненых» за раз [2, с. 464]. По свидетельству Виктора Адольфовича Клюге, многие раненые из категории безнадёжных «были возвращены к жизни» [8, с. 19].

Помимо выездов на вокзал и консультаций в госпиталях Красноярска, с июля 1942 г. отборами раненых занимались квалифицированные медики в сортировочных госпиталях, образованных в крупных населённых пунктах Красноярского края. Кроме того, тяжёлых больных со всех госпиталей региона доставляли в госпиталь № 1515 к профессору В. Ф. Войно-Ясенецкому санитарной авиацией. В эвакогоспитале № 1515 проходили заседания краевой врачебно-лётной медицинской комиссии, большинство членов которой трудились в этом госпитале[9]. В нём же профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий в течение 1941–1943 гг. не только оперировал больных, но и ставил опыты на трупах умерших бойцов, которых специальным решением Крайздравотдела привозили в госпиталь № 1515 со всех госпиталей г. Красноярска[10]. Так за два года появился важнейший труд Валентина Феликсовича по военно-полевой хирургии «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов»[11]. Эта актуальная для военного времени «работа написана на материалах госпиталя № 1515, где концентрируются все ранения суставов»[12].

Из монографии «Поздние резекции…» следует, что эвакуационный госпиталь № 1515 был единственным местом спасения для многих тяжелобольных раненых. Большинство из них доставлялись сюда после неоднократного лечения в других госпиталях на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях г. Красноярска и Красноярского края. В своей монографии В. Ф. Войно-Ясенецкий для практикующих хирургов выборочно приводит истории болезней, из которых видно, что в прочих госпиталях раненых и больных лечили неэффективно и поверхностно. Причина заключалась в отсутствии у врачей нужного объёма знаний и опыта в области гнойной хирургии. Эти специальные знания Валентин Феликсович стремился передать военно-полевым хирургам страны своей работой, обобщённой в монографии «Поздние резекции…». При этом профессор указывал и на собственные ошибки, допущенные при лечении, и специально приводил смертельные случаи, подробно разбирая их.

Хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий в «Поздних резекциях...» многократно выделяет факты безуспешного лечения раненых и больных в других госпиталях: «Больной прибыл в один из госпиталей Красноярска и пролежал в нем более месяца», после чего «переведен к нам»[13] [4, с. 15]. Были случаи, когда измождённые больные просили, чтобы в других госпиталях им сделали операцию, «но все врачи считали, что операция не нужна» [4, с. 22]. После же перевода в госпиталь № 1515 профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий ставил правильный диагноз и проводил неотложное оперативное вмешательство с применением очень больших разрезов скальпелем, что чаще всего приводило к отличным результатам операций, больные выздоравливали и «чувствовали себя точно возродившимися» [4, с. 11].

Состояние больных, отбираемых профессором и его коллегами в госпиталь № 1515, отличалось различной степенью тяжести и запущенности. Обращает на себя внимание сдержанная, но вполне понятная реакция хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого на профессионализм и качество лечения доведённых до отчаяния тяжёлых больных в других госпиталях, пока страдающих людей не доставили в госпиталь № 1515: «Больной А. Григорий, 31 года. Ранен 7/XII осколком мины в левую стопу. Первые 20 дней пролежал с высокой температурой в медсанбате и в ярославском госпитале, а с 13/I по 26/II в одном из красноярских госпиталей, где лечился только перевязками» [4, с. 77]; «4 месяца пролежал в очень запущенном состоянии в одном из эвакогоспиталей с очень долго длившейся лихорадкой <...> К нам больной переведен в крайне запущенном состоянии» [4, с. 62]; «лечили только перевязками. Поступил к нам 7/X с субфебрильной температурой, которая в конце октября стала высокой» [4, с. 29]. Результаты поверхностного лечения тяжелобольных в других госпиталях приводили

[6] ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 822.

[7] заведующий рентгенкабинетом госпиталя № 1515.

[8] заведующая физиотерапевтическим отделением госпиталя № 1515.

[9] Центральный архив министерства обороны РФ. Ф. 49 МЭП. Оп. 25053. Д. 7. Л. 67.

[10] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 552а. Л. 167.

[11] За монографии «Поздние резекции…» и «Очерки гнойной хирургии» профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий в 1946 г. был удостоен Сталинской премии I степени за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений за 1943–1944 гг.

[12] ГАКК. Ф. П-42. Оп. 5. Д. 68. Л. 17.

[13] в госпиталь № 1515.

к тому, что после осмотра В. Ф. Войно-Ясенецкий в большинстве случаев проводил срочное оперативное вмешательство. Бывало и так, что при разрезе из запущенной раны непрерывной струёй вытекал гной, но в результате операции больной выздоравливал [4, с. 29].

Больные, страдавшие высокой лихорадкой, крайне истощённые и измученные от предыдущего лечения и длительного времени нагноения раны, во множестве поступали к выдающемуся хирургу из госпиталей города и края. Большинство самых тяжёлых больных профессором излечивались, больные крепли и возвращались в строй [4, с. 63]. Так, в определённый период времени из 10 излеченных в госпитале № 1515 раненых и больных с ранениями заднего отдела подвздошной кости семеро были возвращены в строй [4, с. 71] и т. д.

В отчёте о работе краевого комитета помощи раненым за первое полугодие 1943 г. отмечалось, что «в указанный промежуток времени подготовлена и сдана в печать ценная монография профессора Войно-Ясенецкого о поздних резекциях при гнойных воспаленных суставах»[14]. Уже в первый тяжёлый год ВОВ (1941–1942) Красноярский краевой отдел здравоохранения стремился распространить опыт В. Ф. Войно-Ясенецкого с резекцией суставов на хирургическую работу всех госпиталей региона, что отмечено в докладе о работе эвакогоспиталей края за первый год войны[15]. Подтверждением внедрения методов оперативного вмешательства, разработанных Валентином Феликсовичем, могут служить сведения, обнаруженные нами в докладе А. С. Попова на совещании начальников эвакогоспиталей ВЦСПС[16] от 6 июля 1943 г., в котором прямо указано, что в эвакогоспитале № 3496[17] проводилась «радикальная операция остеомиелита пятки по методу проф. Войно-Ясенецкого. Таким образом госпиталь 3496 частично включили в работу по восстановительной хирургии»[18]. Отметим, что с марта 1943 г. в госпиталях края особое внимание обратили на восстановительную хирургию, вплоть до того, что ни один раненый, которому требовалась восстановительная операция, не выписывался без её проведения[19]. Во многом это была заслуга профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Монография «Поздние резекции…» была напечатана по заданию Наркомата здравоохранения СССР в государственном издательстве медицинской литературы «Медгиз» в 1944 г. в 6-м выпуске серии «Восстановительная хирургия». Исследователи И. Д. Косачев, П. Ф. Гладких и А. Е. Яковлев отмечают, что главной задачей хирургов тыловых эвакогоспиталей (ТЭГ) было восстановление «функций, нарушенных при ранении или травме. Для военно-полевых хирургов ТЭГ особенно актуальными были резекции крупных суставов, которые, как правило, выполнялись в поздние сроки после ранения, т. е. спустя месяцы» [1, с. 356]. В. Ф. Войно-Ясенецкий блестяще справился с задачей лечения запущенных гнойных осложнений суставов и помогал начинающим хирургам.

Работа В. Ф. Войно-Ясенецкого с гражданским населением и инвалидами

«Поздние резекции…» также обращают на себя внимание описываемыми В. Ф. Войно-Ясенецким оперативными вмешательствами при лечении маленьких детей, возраст которых не достигал одного года и которые, в отличие от воевавших солдат и офицеров, не получали огнестрельных ранений. Но эти дети имели серьёзные гнойные осложнения тазобедренного сустава, затёки в брюшной стенке и пояснице, двое из ребятишек проходили неправильное лечение в больницах у других врачей, и только двоих из трёх профессору удалось спасти. При этом один грудной ребёнок, вопреки ожиданиям хирурга, не умер [4, с. 48]. Матери малышей были доведены до отчаяния и надеялись только на профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого. Совершенно очевидно, что примеры лечения грудных детей описаны Валентином Феликсовичем не случайно, а для назидания другим хирургам, которые, работая в эвакуационных госпиталях, ежедневно сталкивались с гнойными осложнениями тазобедренного сустава.

Приводимые в «Поздних резекциях…» примеры историй болезни малышей, прооперированных В. Ф. Войно-Ясенецким в г. Красноярске, свидетельствуют о сугубо добровольной и человеколюбивой работе врача Валентина Феликсовича по лечению гражданского населения Красноярска и других городов. Профессор-хирург не отказывал больным людям, по мере своих сил и возможностей помогал им и следил за их состоянием, невзирая на социальный статус человека.

Так, анализируя консультации В. Ф. Войно-Ясенецкого, выдаваемые медперсоналу, раненым и больным многих госпиталей г. Красноярска, нами обнаружен факт проведения осмотра и операции

[14] ГАКК. Ф. П-42. Оп. 5. Д. 68. Л. 17.

[15] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 552а. Л. 161.

[16] госпитали, относящиеся к Всесоюзному Центральному Совету Профессиональных Союзов.

[17] госпиталь № 3496 дислоцировался в с. Критово Боготольского района Красноярского края. С. Критово расположено в 212 км от Красноярска.

[18] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 13. Д. 530. Л. 10 об.

[19] ГАКК. Ф. П-42. Оп. 5. Д. 68. Л. 12–13.

коллеге профессора доктору Д. З. Бановскому, которому 21 января 1942 г. в эвакогоспитале № 1368 Валентин Феликсович поставил диагноз *абсцесс подбородочной области* и сделал необходимую операцию[20].

Будущему первому секретарю Красноярского крайком КПСС А. А. Кокареву[21] в 1942 г. или 1943 г. красноярский хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий и ачинский хирург И. Н. Рожин в одном из лечебных учреждений г. Красноярска провели сложнейшее оперативное вмешательство на желудке, после чего Александр Акимович прожил долгую и насыщенную жизнь [9, с. 81]. Дочь Ивана Николаевича Рожина врач Людмила Ивановна Слинкова вспоминала, как однажды А. А. Кокарев на одном из спортивных мероприятий вручал ей грамоту за победу в школьных соревнованиях по лыжам. На вопрос Людмилы, помнит ли он о проведённой В. Ф. Войно-Ясенецким и Н. И. Рожиным операции, секретарь крайкома ответил утвердительно и одобрительно.

Заслуживают внимания два случая оперативного вмешательства профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, проведённые в здании краевого хирургического корпуса[22] и в образованной на его базе 28 июля 1942 г. Краевой больнице, получившей 15 октября 1942 г. статус клинической [10, с. 11].

Одна из прихожанок Николаевской церкви г. Красноярска[23] пришла в храм в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и увидела икону святителя Луки, чьё изображение не отличалось от фотографии. Женщина воскликнула: «Это он был во время операции в Глазном центре вместе с врачами <…> Это он исцелил меня! Врачи до сих пор удивляются моему быстрому выздоровлению» [11, с. 182]. Отметим, что во время войны в Красноярске глазного центра ещё не было. Краевое государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Красноярская краевая офтальмологическая клиническая больница имени профессора П. Г. Макарова» открылось только в 1981 г. Хирургический же корпус, в котором прооперировал женщину профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий, включал отделение общей терапии, гнойно-хирургическое отделение, отоларингологическое отделение, отделение чистой хирургии и глазное отделение. Очевидно, что Валентин Феликсович оперировал больную в глазном отделении хирургического корпуса.

В 1943 г. в это же больничное здание М. М. Ховес[24] пригласил профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого для срочной консультации, поскольку врачи не могли обнаружить источник гнойно-септической инфекции у тяжелобольного молодого мужчины. Валентин Феликсович ощупал больного, поставил правильный диагноз и, применяя широкий разрез, успешно провёл операцию [12, с. 72].

Заведующая физиотерапевтическим отделением госпиталя № 1515 А. И. Кашаева[25] вспоминала, как летом[26] в г. Красноярске произошла вспышка дизентерии. Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий поручил педиатру А. И. Кашаевой выходить на бесплатные вызовы. За день приходилось посещать больных по шесть раз и более. После каждого возвращения Августы Ивановны в госпиталь Валентин Феликсович «спрашивал, <…> что были за больные»[27], какой диагноз им поставлен и какое лечение назначено.

По свидетельству красноярского хирурга Анатолия Леонидовича Прадедовича, обучавшегося в 1950-х гг. у работавших с Валентином Феликсовичем врачей, В. Ф. Войно-Ясенецкий бывал в здании бывшего Архиерейского дома, располагавшегося в двух кварталах от школы № 10 (2-го корпуса госпиталя № 1515). В годы войны в епархиальном учреждении размещались «три подразделения: туберкулезная больница, тубдиспансер и детский туберкулезный санаторий» [13, с. 258]. К сожалению, более точных данных о врачебном участии профессора в туберкулёзном заведении не сохранилось.

Помимо работы с гражданскими больными г. Красноярска, хирург-консультант В. Ф. Войно-Ясенецкий в 1942 г. выезжал в г. Томск, где месяц лечил профессора Петра Семёновича Фёдорова [3, с. 170]. Ранее, до войны, весной 1941 г. Валентин Феликсович уже приезжал в Томск из п. Большая Мурта для лечения того же заведующего кафедрой факультетской хирургии Томского медицинского института П. С. Федорова, который «заболел тяжелым тромбофлебитом глубоких вен нижних конечностей» [3, с. 167]. В Томске В. Ф. Войно-Ясенецкий успел поработать в библиотеке университета и медицинского института, а также выступить перед госпитальными хирургами с докладом «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов» [3, с. 170].

В обширной и разнообразной деятельности хирурга-консультанта В. Ф. Войно-Ясенецкого в эвакогоспиталях и гражданских лечебных учреждениях нельзя не выделить работу профессора, проводимую

[20] ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 822. Л. 189.

[21] А. А. Кокарев работал первым секретарём Крайкома КПСС в 1958–1969 гг.

[22] с 13.10.1941 по март 1942 г. в нём размещался эвакогоспиталь № 1350.

[23] в церкви с 28 февраля 1943 г. по январь 1944 г. служил и проповедовал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).

[24] с 1943 по 1946 гг. заведующий хирургическим отделением Краевой клинической больницы.

[25] Августа Ивановна проработала в этой должности с 1941 по 1944 гг.

[26] 1942 г. или 1943 г.

[27] ГАКК. Ф. П-1052. Д. 37. Л. 3, 4.

с инвалидами войны. Нами документально установлено, что руководство местного эвакопункта (МЭП[28]) № 49 периодически привлекало В. Ф. Войно-Ясенецкого к работе с инвалидами. Так, в официальном письме за № 869 (июль 1943 г.), подписанном начальником Управления МЭП-49, в ответ на обращение военного отдела Крайкома ВКП(б) указывалось, что инвалид Отечественной войны Вениамин Максимович Антипенко «осмотрен и направлен на консультацию к профессору Войно-Ясенецкому»[29].

6 декабря 1943 г. заместитель заведующего военным отделом Крайкома ВКП(б) обратился к начальнику УМЭП-49 с просьбой об оказании квалифицированного содействия инвалиду войны Н. И. Тимофееву и принятии его на лечение в эвакогоспиталь № 1515 (по поводу оперирования ноги)[30] и т. д.

Приведённые выше факты свидетельствуют о том, что профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий как высококлассный специалист и учёный был настолько востребован, что получившие степень инвалидности воины и их командиры надеялись на смягчение тяжёлого положения через вмешательство видного хирурга.

В то же время в конце января 1944 г., перед самым отъездом Валентина Феликсовича из г. Красноярска для дальнейшей работы в тамбовских эвакуационных госпиталях, появились два приказа: № 13 по Крайздравотделу от 21 января 1944 г.[31] и № 12 по Красноярскому Горздравотделу от 26 января 1944 г.[32] Оба приказа указывали на недостаточное внимание со стороны медучреждений города и края в лечении и восстановлении трудоспособности инвалидов Отечественной войны. Более того, в приказе № 13 отмечалось: «В отделении инвалидов Отечественной войны в Краевой больнице восстановительная хирургия представлена крайне слабо. <…> Поликлиники г. Красноярска плохо пользуются квалифицированной консультацией отделения для инвалидов Отечественной войны при 1 поликлинике»[33] и т. д. Профессор же В. Ф. Войно-Ясенецкий в 1941–1944 гг. вёл активную работу по исключению и снижению степени тяжести инвалидности больных путём внедрения новых методов оперирования запущенных гнойных ран. Руководство МЭП-49 и Военного совета Сибирского Военного Округа отдавало отчёт, какой ценный и незаменимый специалист-хирург покидал Красноярск, поэтому всячески «старались уговорить профессора остаться трудиться в красноярском ЭГ № 1515» [1, с. 322]. Однако в феврале 1944 г. профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука) уже работал консультантом эвакогоспиталей Тамбовской области и возглавлял Тамбовскую епархию.

Заключение

Итак, десятки госпиталей Красноярского края, принявшие огромное количество раненых солдат и офицеров в 1941–1944 гг., в годы войны остро нуждались в высококвалифицированных специалистах, которые бы не только спасали жизнь раненым и больным, но и смогли бы лечить бойцов так, чтобы они возвращались в строй либо имели низкую степень инвалидности. Во многом благодаря профессиональной подвижнической деятельности Валентина Феликсовича в госпиталях Красноярска и Красноярского края снизилась смертность. Так, относительно общего числа лечившихся в госпиталях раненых и больных умерли 762 человека, т. е. менее 1 %. За годы войны из госпиталей края в строй вернулись более 55 % излеченных солдат и офицеров[34], большинство из которых прибывали в регион в тяжёлом состоянии. Например, в сложном 1942 г. из госпиталей края в ряды Красной Армии вернулись 66,5 % военнослужащих[35], а число выписанных и признанных годными к военной службе солдат и офицеров по отношению ко всем выписанным составляло не ниже 80 %, а в ряде госпиталей – 90 %[36].

Подводя общий итог, можно отметить, что хирургическая работа в многочисленных эвакогоспиталях Красноярского края с большим количеством раненых и больных в 1941–1944 гг. во многом была результативной благодаря деятельности В. Ф. Войно-Ясенецкого. Валентин Феликсович успешно совмещал практическую, научную и консультативную работу. При отборе и лечении тяжелораненых он использовал следующие выявленные методы и приемы: масштабное консультирование в госпиталях, организация доставки раненых и больных разными способами (в том числе авиацией), профессиональная постановка диагноза, неотложное, активное и радикальное оперативное вмешательство, сохранение опорно-двигательной функции суставов, совершенствование восстановительной хирургии и работа с инвалидами войны. Все эти методы

[28] МЭП – местный орган Главного военно-санитарного управления Красной Армии СССР.

[29] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 13. Д. 529. Л. 78.

[30] Там же, л. 45.

[31] ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 1075. Л. 5, 5 об.

[32] Красноярский городской архив. Ф. Р-1024. Оп. 2. Д. 2. Л. 7 об., 8, 8 об.

[33] ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 1075. Л. 5.

[34] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 1. Л. 325.

[35] ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 284. Л. 15.

[36] Там же, л. 26.

и приемы работы были направлены на достижение главной задачи тыловых эвакуационных госпиталей – возвращение на фронт бойцов и командиров Красной Армии. Кроме этого, В. Ф. Войно-Ясенецкого отличало применение опыта лечения гнойных инфекций раненых при работе с гражданским населением разного возраста. Полученные результаты врачебной деятельности в Красноярском крае В. Ф. Войно-Ясенецким были оперативно обобщены в монографии «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов», что способствовало распространению новых эффективных способов оперативного вмешательства среди тыловых хирургов не только края, но и страны.

Литература

1. Косачев И. Д., Гладких П. Ф., Яковлев А. Е. Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий – архиепископ Лука: врачевание и священнослужение (1877–1961). СПб.: ВМедА; Дмитрий Буланин, 2013. 622 с.

2. Сизых Т. П. Ровесница лихого века (личностно-биографическое повествование). Красноярск: Офсет, 2015. 696 с.

3. Глущенков В. А. Святитель Лука – взгляд в будущее. Ростов н/Д.: Издательство Ростовской-на-Дону епархии, 2007. 429 с.

4. Войно-Ясенецкий В. Ф. Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов. М.: Медгиз, 1944. 96 с.

5. Овчаров В. В. Очерки по истории военных сообщений Приенисейской Сибири. Красноярск, 2017. 338 с.

6. Чеберяк Н. В. Снабжение рабочих промышленных предприятий Красноярского края (середина 1940-х – начало 1950-х гг.) // Социокультурное освоение Сибири. Материалы Сибирского исторического форума (Красноярск, 2–5 декабря 2014 г.). Красноярск: Резонанс, 2014. С. 135–139.

7. Губкин В. Ф. Красноярск в годы Великой Отечественной войны // Красноярск: этапы исторического пути. Красноярск: Буква, 2003. С. 342–378.

8. Памятные места Святителя Луки Войно-Ясенецкого в Красноярске / ред. О. С. Кечин. Красноярск: Ситалл, 2015. 50 с.

9. Кожевников С. В. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и власть в 1941–1943 гг.: контакты и отношения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 23. С. 77–83.

10. Мотина Л. А. Краевая клиническая больница: начало и период становления (1939–1954) // Первая краевая. 2012. № 5. С. 10–18.

11. Майстренко В. А. Воин // Тобольск и вся Сибирь: альманах. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2007. № 8. Красноярск. С. 175–183.

12. Артюхов И. П., Винник Ю. С., Коган А. Б., Анишин В. А., Теплякова О. В. История хирургии Енисейской губернии и Красноярского края в XIX–XX веках. Красноярск: Версо, 2010. 336 с.

13. Шушканова Е. А. Архиерейский дом Красноярска: вехи истории (XIX – начало XXI веков. Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2017. 368 с.

ON THE CONTENT OF V. F. VOYNO-YASENETSKY'S WORK WITH THE WOUNDED AND THE SICK IN THE KRASNOYARSK REGION IN 1941–1944

Semen V. Kozhevnikov [a, b, @]

[a] *Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 89, Lebedeva St., Krasnoyarsk, Russia, 660049*
[b] *RAMiks, 15, Shchorsa St., Krasnoyarsk, Russia, 660050*
[@] *semenk2011@yandex.ru*

Received 01.06.2018. Accepted 10.10.2018.

Keywords: surgeon, consultant, Professor, the wounded and the sick, suppurative complication, resection, evacuation hospital

Abstract: The research features Professor and surgeon V. F. Voyno-Yasenetsky who made an enormous contribution to the treatment of the wounded, disabled veterans and civilians during World War II. The paper focuses on the methods he introduced into the extensive system of evacuation hospitals in the Krasnoyarsk region. Prof. Voyno-Yasenetsky's significant surgical practice and other professional actions were generalized in his monograph "Delayed resection for the infected gunshot wounds to the joints". The present study focuses on V. F. Voyno-Yasenetsky's work in the hospitals of the Krasnoyarsk territory in 1941–1944 and its content, methods,

and techniques. The author draws some conclusions about the effectiveness of Prof. Voyno-Yasenetsky's methods that allowed him to save many lives. The results of the study can be used by historians doing research on base hospitals of World War II, as well as by those interested in the biography of Prof. V. F. Voyno-Yasenetsky.

For citation: Kozhevnikov S. V. O soderzhanii raboty V. F. Voino-Iasenetskogo s ranenymi i bol′nymi v Krasnoiarskom krae v 1941–1944 gg. [On the Content of V. F. Voyno-Yasenetsky's Work with the Wounded and the Sick in the Krasnoyarsk Region in 1941–1944]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 39–46. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-39-46

References

1. Kosachev I. D., Gladkikh P. F., Yakovlev A. E. *Professor V. F. Voino-Iasenetskii – arkhiepiskop Luka: vrachevanie i sviashchennosluzhenie (1877–1961)* [Professor V. F. Voyno-Yasenetsky – archbishop Luka: practice of medicine and priesthood (1877–1961)]. Saint-Petersburg: VMedA; Dmitrii Bulanin, 2013, 622.

2. Sizykh T. P. *Rovesnitsa likhogo veka (lichnostno-biograficheskoe povestvovanie)* [Dashing century contemporary (personal-biographical narrative)]. Krasnoyarsk: Ofset, 2015, 696.

3. Glushchenkov V. A. *Sviatitel' Luka – vzgliad v budushchee* [Saint Luka – a look into the future]. Rostov-on-Don: Izdatel′stvo Rostovskoi-na-Donu eparkhii, 2007, 429.

4. Voyno-Yasenetsky V. F. *Pozdnie rezektsii pri infitsirovannykh ognestrel'nykh raneniiakh sustavov* [Late resections for infected gunshot wounds of the joints]. Moscow: Medgiz, 1944, 96.

5. Ovcharov V. V. *Ocherki po istorii voennykh soobshchenii Prieniseiskoi Sibiri* [Essays on the history of military communications of Siberia on Yenisei]. Krasnoiarsk, 2017, 338.

6. Cheberiak N. V. Snabzhenie rabochikh promyshlennykh predpriiatii Krasnoiarskogo kraia (seredina 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.) [Supply of workers of industrial enterprises of Krasnoyarsk region (mid-1940s – early 1950s)]. *Sotsiokul'turnoe osvoenie Sibiri. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma (Krasnoiarsk, 2–5 dekabria 2014 g.)* [Social and cultural development of Siberia. Materials of the Siberian historical forum (Krasnoyarsk, 2–5 December 2014)]. Krasnoyarsk: Rezonans, 2014, 135–139.

7. Gubkin V. F. Krasnoiarsk v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Krasnoyarsk during the great Patriotic war]. *Krasnoiarsk: etapy istoricheskogo puti* [Krasnoyarsk: stages of the historical path]. Krasnoyarsk: Bukva, 2003, 342–378.

8. *Pamiatnye mesta Sviatitelia Luki Voino-Iasenetskogo v Krasnoiarske* [Memorable sites of St. Luka Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk]. Ed. Kechin O. S. Krasnoyarsk: Sitall, 2015, 50.

9. Kozhevnikov S. V. Sviatitel′ Luka (Voino-Iasenetskii) i vlast′ v 1941–1943 gg.: kontakty i otnosheniia [Holy Hierarch Luke (Voino-Yasenetsky) and the government in 1941–1943: contacts and relations]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia = Bulletin of Irkutsk State University. History Edition,* vol. 23 (2018): 77–83.

10. Motina L. A. Kraevaia klinicheskaia bol′nitsa: nachalo i period stanovleniia (1939–1954) [Regional clinical hospital: the beginning and period of formation (1939–1954)]. *Pervaia kraevaia = First edge*, no. 5 (2012): 10–18.

11. Mastrenko V. A. Voin [Warrior]. *Tobol'sk i vsia Sibir': al'manakh* [Tobolsk and all Siberia almanac]. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobol′ska, no. 8. Krasnoyarsk (2007): 175–183.

12. Artiukhov I. P., Vinnik Iu. S., Kogan A. B., Anishin V. A., Tepliakova O. V. *Istoriia khirurgii Eniseiskoi gubernii i Krasnoiarskogo kraia v XIX–XX vekakh* [History of surgery of the Yenisei province and Krasnoyarsk region in the XIX–XX centuries]. Krasnoyarsk: Verso, 2010, 336.

13. Shushkanova E. A. *Arkhiereiskii dom Krasnoiarska: vekhi istorii (XIX – nachalo XXI vekov)* [Episcopal house of Krasnoyarsk: milestones of history (XIX – beginning of XXI centuries)]. Krasnoiarsk: SibGU im. M. F. Reshetneva, 2017, 368.

УДК 947 (571)

ИДЕИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ КПСС ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)*

Александр Б. Коновалов [a, @, ID]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *konab@list.ru*
[ID] *http://orcid.org/0000-0003-3016-1422*

Поступила в редакцию 25.10.2018. Принята к печати 03.12.2018.

Ключевые слова:
крайкомы КПСС, обкомы КПСС, первые секретари, партийно-государственная номенклатура, экономика Сибири, лоббизм, социально-экономическое развитие

Аннотация: В статье определяются позиции первых секретарей сибирских краевых и областных комитетов КПСС в сфере управления экономикой с середины 1960-х до середины 1980-х гг. В условиях воссоздания отраслевых министерств руководители регионов заявляли о необходимости приближения управленческих центров к производству, выступали за организацию на вверенной им территории межрегиональных отраслевых органов. Показаны способы защиты региональных инициатив в центральных партийно-государственных органах, в числе которых выделяются практики общественных обсуждений, регулярное направление писем в аппарат ЦК КПСС, к руководителям Совета Министров СССР и Госплана СССР. Нами выявлено наличие конфликтов между первыми секретарями региональных комитетов КПСС, которые были порождены растущими потребностями в контроле над органами территориального управления союзных министерств и ведомств. Сделан вывод о стремлении региональных партийных органов усилить в исследуемый период функцию координации экономической политики на местах. В проводимой региональными лидерами КПСС политике отмечается противоречие, которое, с одной стороны, проявлялось в потребности к устранению избыточных звеньев управления отраслевых министерств и ведомств, а с другой – в мотивации к увеличению штатной численности отраслевых отделов краевых и областных партийных комитетов.

Для цитирования: Коновалов А. Б. Идеи региональных лидеров КПСС по совершенствованию системы управления экономикой во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. (на материалах Сибири) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 47–57. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-47-57

Введение

Политические изменения в СССР середины 1960-х гг., связанные с отставкой Н. С. Хрущева и началом цикла новых управленческих реформ, способствовали усилению роли первых секретарей краевых и областных комитетов КПСС в системе региональной власти. Ликвидация советов народного хозяйства и организация отраслевых министерств оценивались на местах позитивно: партийные руководители регионов ранее регулярно конфликтовали с председателями совнархозов, конкурируя за сферы ответственности [1, с. 48–49, 52]. С воссозданием союзно-республиканских органов управления отраслями промышленности партийное воздействие на региональный директорский корпус обретало прежний порядок – с одной стороны, через аппарат ЦК КПСС, с другой – через персональные договоренности с отраслевыми министрами. На краевые и областные комитеты КПСС возлагалась политическая ответственность за выполнение плановых показателей. Башкирский исследователь М. А. Аюпов полагает, что со второй половины 1960-х гг. началось время расцвета административно-командной системы, которая требовала от руководителей областных и краевых партийных организаций неукоснительного выполнения решений центральных органов КПСС и народнохозяйственных планов по строительству заводов и фабрик, производству оборудования, машин, продуктов животноводства и растениеводства [2, с. 116].

В постановлении сентябрьского (1965) пленума ЦК КПСС констатировалось усиление партийного

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Социальные трансформации сибирской номенклатурной элиты ВКП(б)-КПСС: факторы, динамика, последствия (1945–1991)». Проект № 16- 01-00240а.

руководства экономикой, выраженное в необходимости сосредоточить внимание «на организаторской работе, подборе, расстановке и воспитании кадров, на контроле за исполнением директив партии и правительства, на усилении коммунистического воспитания трудящихся»[1]. Официально партийные и ведомственные функции разграничивались – министерства отвечали за «успешное развитие промышленности», органы КПСС – за помощь директорскому корпусу предприятий в достижении плановых показателей и борьбу «с проявлениями как ведомственных, так и местнических тенденций».

В современной отечественной историографии уже отмечалось расширение с середины 1960-х гг. полномочий партийной номенклатуры в регионах по политическому регулированию местной жизни [3, с. 60], которое выражалось в контроле за пропагандой и расстановкой кадров. При этом обладание реальными властными рычагами позволяло региональному партийному руководству создавать своеобразные коалиции с отраслевыми министрами [4, с. 116]. Согласно позиции пермского элитолога В. П. Мохова, уже в 1970-е гг. на уровне регионов первые секретари крайкомов и обкомов КПСС стали полновластными «хозяевами» территорий. Данный исследователь полагает, что «под их покровительством происходил фактический раздел сфер влияния между различными номенклатурными группами, который был первой стадией подготовки к переделу капитала и собственности» [5, с. 146]. Однако в сфере принятия решений хозяйственники, по мнению исследователя феномена советской технократической элиты А. А. Николаева, «научились достигать своих целей за счет скрытого, а порой и открытого лоббирования» [6, с. 89]. Он полагает, что в партийных документах все больше места отводится проблемам, входящим в круг непосредственных интересов технократической элиты: совершенствование системы управления экономикой, изменение отраслевых пропорций, ускорение научно-технического прогресса, расширение прав предприятий. Во-вторых, по всем указанным вопросам все чаще принимаются решения, отвечающие либо интересам отдельных группировок отраслевой технобюрократии, либо интересам технократической элиты в целом [6, с. 89]. Этой точки зрения в целом придерживаются и другие исследователи [7–10].

Таким образом, в научной литературе вопрос о соотношении влияния партийной и хозяйственной элиты на принятие политических решений, корректировку экономической политики остается дискуссионным. Целью данной статьи является выявление сформулированных первыми секретарями региональных комитетов КПСС идей по совершенствованию системы управления экономикой, что позволяет уточнить их политический статус и способы взаимодействия с хозяйственными руководителями.

Методы и материалы

Достижение поставленной цели стало возможным при использовании классических методов исторического исследования – историко-генетического, сравнительного, структурного и системного. Представлялось важным выявить значимые изменения в позициях партийных руководителей по вопросам организации управления экономикой, сравнить позиции региональных лидеров на разных исторических этапах (прежде всего, второй половины 1960-х гг. и первой половины 1980-х гг.), определить основные элементы системы управления, которые требовали принципиальной корректировки с точки зрения интересов органов КПСС.

Статья подготовлена на основе широкого круга архивных документов, извлеченных из фондов сибирских краевых и областных комитетов КПСС. В их числе письма, просьбы и записки, составленные в отраслевых отделах партийных органов, подписанные первыми секретарями крайкомов и обкомов КПСС. Адресатами подобных документов выступали заведующие отраслевыми отделами ЦК КПСС, заместители председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР, отраслевые министры и руководители иных союзно-республиканских ведомств. Такие документы можно классифицировать как справочно-информационные, цель которых состояла в побуждении вышестоящих органов к принятию решений. В структуре подобных просьб четко выделяется вводная (с обоснованием актуальности), основная (аргументационная) и заключительная (просительная) части.

Помимо писем партийных руководителей регионов в центральные органы использовались решения съездов КПСС, пленумов и заседаний бюро краевых и областных комитетов КПСС, а также информации, подготовленные для ЦК КПСС аппаратом краевых и областных комитетов партии. В совокупности использование представленных в работе источников способствует получению достоверных выводов и результатов.

Основные результаты исследования

Фактический материал дает основание утверждать, что вся система управления экономикой в регионах строилась на достижении компромисса между «ведомственностью» (политикой создания замкнутых отраслевых производственных комплексов, выражаемой министерствами) и «местничеством»

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 10.: 1961–1965. М.: Политиздат, 1986. С. 444.

(политикой преувеличения региональных потребностей, в которой были заинтересованы крайкомы и обкомы КПСС). Посредниками в согласовании ведомственных и региональных интересов выступали Госплан СССР и отраслевые отделы ЦК КПСС. Эти структуры в истории советской практики принятия экономических решений находились в постоянной взаимозависимости, испытывали давление разных групп интересов [11, с. 224].

Для первых секретарей краевых и областных комитетов КПСС одна из наиболее важных задач в сфере управления экономикой виделась в приближении территориальных органов министерств и ведомств непосредственно к предприятиям соответствующих отраслей. Например, региональные лидеры были категорически не согласны с ситуациями, когда межрегиональные центры управления отраслями находились в соседних краях и областях. Поэтому *важный комплекс инициатив был связан с приближением территориальных органов управления непосредственно к производству*.

Подобные взгляды выражал в своих записках для ЦК КПСС и руководителей министерств первый секретарь Томского обкома КПСС Е. К. Лигачев. Его удивляло, что в 1965–1966 гг. многие хозяйственные организации Томской области, которые до 1957 г. напрямую подчинялись соответствующим министерствам и ведомствам, были переданы в подчинение территориальным органам, расположенным в Новосибирске. Предприятия мебельной промышленности находились в ведении Томского облисполкома, а после упразднения совнархозов в 1965 г. стали подчиняться новосибирскому производственному объединению «Запсибмебельдревпром». По мнению Е. К. Лигачева, данное объединение не считалось с заказами торгующих организаций в Томске, было нацелено на свертывание производства различных изделий из древесины и сокращало ассортимент выпускаемой мебели. В качестве примера назывались лыжные фабрики, некогда выпускавшие 150 тысяч пар лыж в год, одна на момент обращения Е. К. Лигачева уже была закрыта, а другая закрывалась в ближайшее время.

Аналогичная ситуация в Томской области наблюдалась в сфере управления нефтеснабжением, а также рыбной промышленностью. Новосибирское управление Главного управления по транспорту, хранению и распределению нефти и нефтепродуктов при Совете Министров РСФСР (Главнефтеснаб РСФСР) не обеспечивало завоза в северные районы области нефтепродуктов, что в зимнее время негативно сказывалось на работе предприятий, колхозов и совхозов. Томский рыбопромышленный трест находился в подчинении Сибирского управления рыбной промышленности, который располагался в Тюмени. Томский обком КПСС критиковал руководство управления, которое «крайне медленно решало вопросы укрепления экономики рыболовецких колхозов, строительства рыбоводных заводов и культурно-бытовых объектов, создания машинно-мелиоративных станций»[2].

Проанализировав информацию по всем предприятиям отраслевых министерств, расположенных в Томской области, Е. К. Лигачев вынес вердикт: «Вместо усиления влияния межобластных организаций министерств произошло ослабление руководства предприятиями. Многоступенчатость управления затрудняет местным организациям решать коренные вопросы развития этих отраслей хозяйства»[3]. Выходом из этой ситуации виделось создание хозяйственных органов Томской области с прямым подчинением соответствующим министерствам СССР и РСФСР. Эту позицию Е. К. Лигачев, а также председатель облисполкома И. Ф. Васильев пытались донести как до А. Н. Косыгина, так и до председателя Совета министров РСФСР Г. И. Воронова. Выраженная позиция регионального руководителя демонстрировала желание сформировать региональную управленческую сеть таким образом, чтобы избавить директоров предприятий области от согласований с межтерриториальными органами.

Первые секретари сибирских парткомов регулярно выступали за создание отраслевых органов управления в «своих» регионах. В Новосибирской области в 1975 г. руководство возражало против подчинения создаваемых швейных предприятий Кемеровскому швейному промышленному объединению. Приказ уже был подписан министром легкой промышленности СССР, но позиция обкома и облисполкома была принципиальной: территориальная отдаленность филиалов, лишение их юридической самостоятельности создает большие трудности в осуществлении хозяйственного и технического руководства предприятиями, приведет к принижению ответственности руководителей филиалов за результаты работы предприятия. Такой мотив представляется вполне справедливым, если учитывать еще и многоступенчатость системы управления легкой промышленностью, значительную дистанцию между предприятием и союзным отраслевым министерством. Избыточным звеном являлись республиканские министерства, основные функции которых, по мнению исследовательницы К. А. Кочневой, сводились к передаче информации от предприятий в вышестоящие органы и обратно. Кроме того, они должны были контролировать деятельность подведомственных организаций. В системе Минлегпрома

[2] Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 3546. Л. 391.

[3] Там же, л. 392.

СССР республиканским министерствам отводилась роль исполнителей приказов министра легкой промышленности СССР, а их возможности влияния на процессы планирования и материально-технического снабжения были минимальны [12, с. 68].

Поэтому в адрес председателя Совета министров РСФСР М. С. Соломенцева направили письмо, где предлагали создать Новосибирское областное производственное объединение швейных предприятий с обособленным аппаратом управления и подчинением министерству легкой промышленности РСФСР. Эта мера, на взгляд первого секретаря Новосибирского обкома КПСС А. П. Филатова и председателя облисполкома В. А. Филатова, должна была обеспечить «осуществление единой производственно-хозяйственной и экономической политики на подведомственных предприятиях, дальнейшее их техническое и экономическое совершенствование»[4]. В центральных органах, включая аппарат ЦК КПСС, к подобным предложениям относились скептически, рассматривая их как проявления местничества. Однако нельзя не отметить, что данные предложения свидетельствовали о защите региональных интересов первыми секретарями крайкомов и обкомов КПСС.

Другой комплекс предложений первых секретарей сводился, напротив, к *обоснованию необходимости в межрегиональных управленческих органах отраслями промышленности*. Активно лоббировал создание в Кемеровской области таких структур первый секретарь Кемеровского обкома КПСС А. Ф. Ештокин. После упразднения в 1965 г. Кузбасского совнархоза он направил в ЦК КПСС, Советы Министров СССР и РСФСР целый ряд записок, в которых выступал за размещение в Кемерове территориального объединения металлургических предприятий Сибири и Дальнего Востока, территориального управления материально-технического снабжения и сбыта, территориального управления по руководству предприятиями химической промышленности Западной Сибири, комбината «Кузбасслес», территориального объединения цементных заводов Западной и Восточной Сибири [13, с. 274]. Спустя несколько недель после отправления предложений в Москву Ештокин уже предлагает создать в Кузбассе Главное управление цементной и шиферной промышленности Сибири и Дальнего Востока[5]. Он информирует об этой идее председателя Совета министров РСФСР Г. И. Воронова и указывает, что Кемерово как город для размещения такого координирующего центра выглядит предпочтительнее Новосибирска, где уже сконцентрировано большое количество управленческих организаций.

Также Ештокиным высказывались идеи создания межобластных организаций по управлению спиртовой, ликеро-водочной, пивоваренной, мебельной, швейной, мясной отраслями промышленности[6]. По всей видимости, амбициозные предложения кузбасского лидера не только вызвали отрицательную экспертную оценку в аппарате ЦК и в Совете Министров СССР, но и породили недовольство руководителей соседних регионов, которые выступали за размещение территориальных органов управления на вверенных им территориях. Ни одна из вышеперечисленных инициатив А. Ф. Ештокина поддержана не была.

Для поддержки выдвигаемых предложений требовалось взять в союзники отраслевых министров, чье влияние на принятие экономических решений поступательно увеличивалось. Впрочем, формирование подобных коалиций не всегда приводило к положительному результату. В Тюменской области вызывала тревогу организация строительства трубопроводного транспорта. В регионе трубостроением занимались более 30 генподрядных, монтажных, землеройных и других организаций, которые базировались в Татарии, Башкирии, Куйбышевской, Челябинской, Пермской областях, Москве, Ленинграде и других городах. На строительство в Тюменскую область из разных районов страны привлекалось несколько тысяч человек. Еще в июле 1972 г. первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина предлагал заместителю председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшицу создать в СССР несколько организаций по трубопроводному строительству (на правах главных управлений), в числе которых была бы и структура в Тюмени. Ее главной целью было бы комплексное ведение работ по сооружению магистральных нефтепроводов и газопроводов. Партийный руководитель региона видел и другой смысл в такой новации: этим обеспечивался партийный контроль хозяйственной деятельности[7]. Б. Е. Щербина пытался заручиться и поддержкой отраслевого министра А. К. Кортунова, который в целом такую идею поддерживал. Однако требовалось учесть еще и позицию Госплана СССР, отраслевого отдела ЦК КПСС, которые нередко отвергали подобные проекты, опасаясь роста численности управленческого аппарата.

Более продуктивным представлялся путь предварительного согласования инициатив в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, выраженных несколькими региональными лидерами. Подобная кооперация

[4] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 82. Д. 25. Л. 120.

[5] Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 9. Д. 235. Л. 107.

[6] Там же, л. 104.

[7] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 202. Д. 84. Л. 132–133.

может быть проиллюстрирована на примере договоренностей между первым секретарем Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомяковым и первым секретарем Томского обкома КПСС Е. К. Лигачевым.

Настоятельная необходимость в создании единого органа по развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири обосновывалась еще с начала 1970-х гг. Отчитываясь на Секретариате ЦК КПСС 28 декабря 1971 г. о ходе выполнения Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» тогдашний первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина поставил вопрос о создании правительственной комиссии по Западно-Сибирскому народнохозяйственному комплексу. На эту структуру предполагалось возложить ответственность за межведомственную координацию и за исполнение министерствами и ведомствами решений по развитию нефтедобывающей промышленности[8]. Но предложение Щербины тогда принято не было, хотя в скором времени он усилил свои лоббистские возможности, будучи назначенным в конце 1973 г. министром строительства предприятия нефтяной и газовой промышленности СССР.

По итогам XXV съезда КПСС в 1976 г. было сформулировано немало предложений по совершенствованию управления Западно-Сибирским территориально-производственным комплексом. Принцип комплексности в социально-экономическом развитии краев и областей Сибири требовал и создания специального координационного органа. Томский лидер Е. К. Лигачев выступал за создание Комитета по Западно-Сибирскому народнохозяйственному комплексу при Совете Министров СССР. В его структуру предполагалось включить специальные отделы Госплана СССР, Госснаба СССР, Госстроя СССР, Комитета по науке и технике. Их должны были возглавить заместители председателей соответствующих комитетов и Совета министров РСФСР. Новый управленческий орган мог получить функции планирования, координации действий и контроля в рамках территории всей Западной Сибири[9]. Это предложение поддержано не было, что привело к необходимости подготовки новых инициатив.

7 января 1980 г. Е. К. Лигачев подписал записку в ЦК КПСС «О совершенствовании управления Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом». Разработанные предложения основывались на идеях первого секретаря Томского обкома КПСС Г. П. Богомякова. Он направил в ЦК КПСС письмо о необходимости изменения принципов руководства Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом. Перед руководителями регионов очевидной проблемой стало снижение ведомственных издержек на освоение нефтеносных районов. По мнению Е. К. Лигачева, дальнейшее наращивание добычи нефти связано с выходом в необжитые районы, что повышало затраты трудовых и материальных ресурсов для достижения плановых показателей. Поэтому считалось необходимым сконцентрировать силы и средства всех организаций, участвующих в освоении новых районов. Это было возможно при дальнейшей централизации управления.

Е. К. Лигачев предлагал поручить руководство всеми работами, связанными с поиском, разведкой, обустройством месторождений и добычей нефти Министерству нефтяной промышленности СССР. Одним из узких мест в развитии нефтяной промышленности считалось капитальное строительство. Из-за слабости строительных организаций, отсутствия необходимой производственной базы оно постоянно отставало от потребностей нефтяников. Это отрицательно сказывалось на темпах роста добычи нефти. Как отмечалось в записке, строительные министерства не чувствовали необходимой ответственности за развитие нефтедобычи, и Министерство нефтяной промышленности СССР нередко ссылалось на это. Опыт Министерства энергетики и электрификации СССР, Министерства среднего машиностроения СССР показывал необходимость иметь собственные крупные строительные организации для решения сложных задач.

В целях улучшения управления нефтегазовым комплексом области Томский обком КПСС предлагал возложить на объединение «Томскнефть» все работы, связанные с поиском, разведкой и добычей нефти. Предлагалось передать в состав этого объединения Томское геологическое управление и геофизический трест Министерства геологии РСФСР, а также трест «Томскгазстрой» Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР[10].

В конечном итоге идея Е. К. Лигачева о межведомственной координации социально-экономического развития Сибири обрела лишь частичное воплощение. Только в 1985 г. при Госплане СССР была создана межведомственная территориальная комиссия по вопросам развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Ее председателем стал Е. Н. Алтунин, ранее работавший секретарем Тюменского обкома КПСС. Также была образована Комиссия Президиума Совета Министров СССР

[8] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 200. Д. 77. Л. 126.

[9] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 5. Д. 71. Л. 204.

[10] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 10. Д. 107. Л. 2–3.

по вопросам развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса[11].

Помимо создания координационных органов управления представлялось актуальным оптимизировать и структуру отраслевых министерств. Е. К. Лигачев выступал за *создание единых территориально-отраслевых органов управления на правах главков и объединений* по нефтяной промышленности, по газовой промышленности, по промышленности строительных материалов, лесной и деревообрабатывающей промышленности, по речному транспорту, автомобильному транспорту общего пользования со значительным увеличением объемов грузоперевозок для нефтяников, геологов и лесозаготовителей[12]. Позиция руководства Томского обкома КПСС недвусмысленно давала понять – необходимо ликвидировать избыточные управленческие звенья, передав руководство предприятиями в непосредственное подчинение территориальным органам министерств и ведомств. Так, все материально-техническое обеспечение было бы целесообразно сосредоточить в территориальных органах Госснаба СССР, а торговое обслуживание – в территориальных органах Министерства торговли СССР.

Е. К. Лигачев предлагал создать единый координационный орган по проведению геологоразведочных работ. В качестве лоббиста этой идеи рассматривался председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков. В ноябре 1976 г. лидер томских коммунистов информировал его о том, что планируемые объемы геологоразведочных работ не отвечают поставленной задаче по изучению нефтегазоносности Томской области. Интенсификации этих работ могло помочь создание Главного управления геологоразведочных работ[13].

Региональное руководство не удовлетворялось и качеством управления в строительном комплексе. Идеи главных территориальных управлений по строительству себя не оправдали – кооперирования поставок строительных материалов в рамках крупных экономических районов достигнуто не было, мощности предприятий по производству строительных материалов так и продолжали развиваться в пределах одного края или области. Поэтому в результате создания отраслевых министерств было логично создание крупных региональных хозрасчетных объединений. С такой инициативой в Томской области выступал Е. К. Лигачев, который предлагал подчинить создаваемые объединения непосредственно Министерству строительства СССР[14].

Выражение и защита региональных интересов в центральных органах власти проводились не только через записки партийных руководителей регионов. Хотя по мнению авторитетного иркутского исследователя Е. Н. Волосова, «наиболее эффективной формой воздействия на столичные учреждения являлось постоянное давление со стороны региональных партийных органов в форме писем, обращений, личных встреч, совещаний» [14, с. 202]. *Между тем на местах сложились практики общественных обсуждений инициатив, по итогам которых в Москву направлялись обстоятельные аналитические материалы*.

Идеи, которые волновали региональное руководство, артикулировались в процессе обсуждения директив съездов партии по пятилетним планам развития народного хозяйства СССР. В 1966 г. обсуждались директивы XXIII съезда КПСС, что дало право работникам аппаратов краевых и областных комитетов партии оставлять в информациях для ЦК КПСС наиболее ценные и важные предложения. 12 марта 1966 г. подобный документ был направлен в Москву за подписью секретаря Томского обкома КПСС А. И. Кузнецова. Отмечалось, что проект директив был обсужден на 1519 открытых партийных собраниях, 20 пленумах партийных комитетов и собраниях районного, городского, областного партийного актива, 204 собраниях коллективов трудящихся. Всего в этой массовой кампании приняли участие 90910 человек, а в редакции местных газет и радио поступило 360 корреспонденций, отзывов и предложений[15]. В информации на 17 страницах содержалась квинтэссенция мнений партийной номенклатуры в том числе и по вопросам управления. Оговаривалась необходимость создания в Томске геофизического треста, а также расширения прав геологических управлений.

Еще один путь защиты региональных интересов виделся в поддержке региональных инициатив со стороны академической науки и экспертного сообщества. В партийный аппарат было привлечено немало специалистов с производства, благодаря чему обосновывались идеи автоматизации системы регионального управления, внедрения электронно-вычислительной техники в планирование. В Томской области во второй половине 1970-х гг. велась разработка комплексной программы развития на пятилетку, в связи с чем обращалось внимание на необходимость учета всех планообразующих факторов, четкой увязки отраслевых

[11] Алтунин Е. Главный газовик России (интервью провел Р. Сайфуллин) // Тюменская область сегодня. 23.11.2010, 10:19. Режим доступа: http://tumentoday.ru/2010/11/23/главный-газовик-россии/ (дата обращения: 21.07. 2018).

[12] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 5. Д. 68. Л. 118.

[13] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 5. Д. 72. Л. 200.

[14] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 74. Д. 3648. Л. 78–79.

[15] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3546. Л. 111.

и территориальных задач и интересов[16]. Е. К. Лигачев предлагал создание системы сбора и обработки информации как в отраслевом, так и в территориальном разрезах, что могло быть осуществлено в рамках региональных автоматизированных систем управления народным хозяйством[17].

В целях ускорения научно-технического прогресса на основе широкого развития научных исследований и быстрого использования их результатов в производстве представлялось необходимым создавать в крупных городах, где большое число вузов, координационные советы или комиссии по проблемам. Такие советы могли бы объединять коллективы исследователей, занятых в одном из научных управлений, составлять перспективные планы исследований, решать вопросы подготовки кадров, рационального использования и создания уникальной аппаратуры[18]. К сожалению, такие предложения не имели перспектив. Создание подобных структур являлось формальным актом. Выработка предложений, как и подготовка проектов решений, контроль за их последующей реализацией целиком и полностью возлагались на функционеров отраслевых отделов партаппарата.

Развитие промышленного производства в краях и областях Сибири сказывалось на системе партийного руководства отраслями. Подготовка огромного числа предложений по совершенствованию системы управления, координации деятельности территориальных органов министерств и ведомств представлялась невозможной без создания новых отраслевых отделов региональных парткомов, а также роста численности работников в уже созданных структурных подразделениях. Отличительной особенностью исследуемого периода можно назвать регулярное направление ходатайств первых секретарей региональных комитетов КПСС в ЦК партии по поводу изменений штатной численности крайкомов и обкомов КПСС. Образовывался замкнутый круг: развитие отраслей промышленности влекло за собой формирование новых предприятий и территориальных органов управления министерств и ведомств, а их функционирование становилось основанием для просьб об увеличении численности партийных работников. Создаваемые отраслевые отделы обосновывали новые предложения по промышленному развитию и при поддержке отраслевых министерств вновь выдвигали инициативы по усилению и координации партийного руководства.

Партийные органы регионального уровня испытывали масштабную бюрократизацию, и первые секретари фактически выступали ее инициаторами. Так, например, в Томской области при развитии оборонной, машиностроительной и лесной отраслей промышленности, росте объемов строительных и геологоразведочных работ, промышленном освоении нефтеносных месторождений виделась необходимость в усилении партийного руководства экономикой. В январе 1966 г. первый секретарь Томского обкома КПСС Е. К. Лигачев обратился в ЦК с просьбой об установлении дополнительной должности секретаря обкома КПСС (до обращения в штатах обкома числились четыре секретаря)[19]. В результате дополнительная должность была установлена, также был образован отдел нефтяной, газовой промышленности и геологии. Общая численность номенклатуры должностей руководящих кадров, утверждаемых и учитываемых Томским обкомом КПСС, достигла 1170 единиц[20].

Просьбу о расширении штатов строительного и промышленно-транспортного отделов Красноярского крайкома КПСС в ноябре 1971 г. высказывал партийный руководитель региона В. И. Долгих. Среди аргументов увеличения численности аппарата крайкома на 15–17 единиц назывались, прежде всего, необходимость координации и партийного руководства за предприятиями отраслей. Если в 1954 г. подрядные строительные работы осуществлялись шестью генподрядными трестами, то к началу 1970-х гг. в Красноярском крае работало свыше 300 строительных и монтажных организаций различных министерств и ведомств, 10 крупных проектных и научно-исследовательских организаций[21]. Также в крае имелось около 150 предприятий, подведомственных Министерству лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР и Министерству лесного хозяйства РСФСР.

Алтайский лидер А. В. Георгиев в октябре 1974 г. ставил перед секретарем ЦК КПСС И. В. Капитоновым вопрос о создании в структуре аппарата крайкома отдела транспорта и связи. На предприятиях отрасли работало более 50 тысяч человек, из которых около 10 тысяч были коммунистами. Как отмечал партийный лидер региона, «если критически оценить руководство всем этим сложным транспортным хозяйством и связью огромного края, деятельностью

[16] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 5. Д. 68. Л. 115.

[17] Там же, л. 118.

[18] Там же, л. 118.

[19] Там же, л. 1.

[20] Там же, л. 303.

[21] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 8. Д. 51. Л. 88.

партийных организаций, то надо прямо сказать, что до них у крайкома, его промышленно-транспортного отдела не сильно руки доходят»[22]. Мотивация выделения отдела была сугубо производственной: в крае предстояло осуществить строительство новых железнодорожных линий, портов, вокзалов, автостанций и узлов связи, провести работу по развитию и концентрации автохозяйств и транспортных цехов предприятий, комплексной механизации погрузочно-разгрузочных операций, улучшению условий труда и быта транспортников и связистов. Также ставился вопрос о создании сектора мелиорации и орошаемого земледелия сельскохозяйственного отдела в Алтайском крайкоме КПСС. Необходимость в таком шаге виделась в развитии мелиоративного и водохозяйственного строительства, которое требовало «квалифицированного партийного руководства».

В 1980 г. был создан отдел химической промышленности Томского обкома КПСС, что обусловливалось появлением нефтехимического комбината, а также наличием завода резиновой обуви Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР и химико-фармацевтического завода Министерства медицинской промышленности СССР. Аргументом для создания нового отдела в составе заведующего и двух инструкторов было и то обстоятельство, что в XI пятилетке в Томской области предусматривалось строительство крупного гидролизного завода Главного управления микробиологической промышленности при Совете министров СССР[23].

В 1981 г. в Совет министров РСФСР уходит просьба Е. К Лигачева о необходимости введения еще и дополнительной должности заместителя председателя Томского облисполкома. Создание новых предприятий нефтедобывающей и химической промышленности, предприятий по глубокой переработке древесины требовало усиления контроля со стороны советских органов за деятельностью предприятий союзного подчинения, координации усилий различных ведомств, особенно в части комплексного решения социального развития трудовых коллективов[24].

Подмена территориальных хозяйственных органов партийными структурами, стремление аппарата на всех уровнях осуществлять гипертрофированный контроль за экономическим развитием не могло не волновать ответственных функционеров КПСС. Повсеместно фиксировались негативные оценки сложившихся стиля и методов руководства. Например, 25 мая 1978 г. инструктор отдела организационно-партийной работы Ю. И. Трусов на собрании работников аппарата Томского обкома КПСС, посвященном выполнению рекомендаций Л. И. Брежнева в связи с поездкой в районы Сибири и Дальнего Востока, отмечал: «нередко приходится сталкиваться со случаями, когда партийные органы берут на себя несвойственные им функции. Отдельные постановления некоторых райкомов партии нередко похожи на протоколы хозяйственных планерок»[25].

Однако запущенный механизм партийного руководства экономикой не мог быть демонтирован без изменения руководящей роли органов КПСС. Напротив, расширение штатов отраслевых подразделений потребовало координации их деятельности уже в самом партийном аппарате. С созданием в 1983–1984 гг. экономических отделов в региональных партийных органах (после образования в 1982 г. экономического отдела в ЦК КПСС) функции по разработке предложений о совершенствовании управления, планирования, хозяйственного механизма были возложены на эти структурные подразделения. Задачи и структура отдела утверждались на бюро крайкомов и обкомов КПСС. Так, положение об экономическом отделе Омского обкома КПСС было утверждено в апреле 1984 г.[26] Также в Омском обкоме партии функционировал отдел промышленности, который во взаимосвязи с другими отделами направлял и координировал работу партийных, хозяйственных органов и общественных организаций по реализации задач социально-экономического развития подведомственных отраслей народного хозяйства области[27]. Система управления региональной экономикой исчерпала потенциал своего развития. Настоятельно требовалось перенести часть ответственности за выработку и принятие решений на директорский корпус предприятий, разгрузить партийный аппарат от контрольно-надзорных функций.

Заключение

Опыт регионального развития середины 1960-х – первой половины 1980-х гг. показывает, что формирование новой системы централизованного управления экономикой вынуждало первых секретарей крайкомов и обкомов КПСС к балансировке между отраслевыми и территориальными интересами. Усиление ведомственных тенденций, порожденное возникающими новыми министерствами, формированием новых предприятий и учреждений на местах входило в противоречие с позициями

[22] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 121. Д. 455. Л. 16.

[23] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 10. Д. 107. Л. 133–134.

[24] ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 13. Д. 113. Л. 151.

[25] ЦДНИТО. Ф. 1059. Оп. 5. Д. 100. Л. 26.

[26] Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 17. Оп. 139. Д. 57. Л. 23–25.

[27] ИАОО. Ф. 17. Оп. 139. Д. 57. Л. 39.

партийных руководителей регионов. Их статус представлялся весьма противоречивым: с одной стороны, они были ставленниками ЦК КПСС и были вынуждены разделять мнение высшего партийного руководства, руководствоваться «общегосударственными интересами», с другой – именно первые секретари крайкомов и обкомов КПСС выражали особые позиции регионов.

Стремление сибирских партийных лидеров скорректировать систему управления экономикой в сторону усиления региональных интересов в абсолютном большинстве случаев отвергалось. Принятие компромиссных мер по расширению отраслевых отделов партийных комитетов в конечном итоге привело к созданию масштабной координационно-информационной сети, замкнутой на аппарате ЦК КПСС. Удлинение цепочек согласования отраслевых и региональных интересов в аппаратах партийных органов, министерств и ведомств спровоцировало масштабный кризис системы управления. Требовалась радикальная ревизия сложившегося порядка, нацеленная на координацию межрегионального экономического развития Сибири.

Литература

1. Некрасов В. Л., Хромов Е. А. Партийные, региональные и ведомственные интересы в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961–1965) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 2. С. 45–53.

2. Аюпов М. А. Особенности партийно-советского руководства в Башкирской АССР в позднесоветский период // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 5. С. 111–116.

3. Мохов В. П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь, 1998. 256 с.

4. Коновалов А. Б. Практики лоббирования региональных интересов в эпоху застоя (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 112–116.

5. Мохов В. П. Институциональные и социальные факторы регионализации элит в России // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 288 с.

6. Николаев А. Н. Становление и трансформация советской технократической элиты // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 83–95.

7. Белоногов Ю. Г. Конфликт интересов внутри региональной элиты в период перехода от политики реформ к стратегии политической стабилизации: автореф. дис. … канд. полит. наук. Пермь, 2006. 25 с.

8. Воронин Д. В. О технологии лоббирования региональных интересов административно-политической и технократической элитой индустриальных регионов Сибири в 1970–1980-х годах // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 26–29.

9. Воронин Д. В. Взаимоотношения хозяйственной и политической элит в Кузбассе в 1980-е годы // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 4. С. 111–115.

10. Волосов Е. Н. Партийная бюрократия и региональная технократическая элита: к вопросу о некоторых особенностях взаимоотношений // Номенклатура и общество в России и Украине: материалы конф. (15 апреля – 15 июня 2008 г.). Пермь, 2009. С. 227–238.

11. Захарченко А. В. Министерские разногласия и давление на Госплан в советской экономике в начале 1950-х годов // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1. С. 220–224.

12. Кочнева К. А. Министерство как орган государственного управления в 1965–1970 гг. (на материалах министерства легкой промышленности СССР) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 3. С. 65–71.

13. Личность государственного масштаба Афанасий Федорович Ештокин: воспоминания и документы / сост. П. М. Дорофеев, Г. В. Корницкий. Кемерово: Сибирский писатель, 2000. 360 с.

14. Волосов Е. Н. Партийная бюрократия Ангаро-Енисейского региона и центральные хозяйственные органы: особенности взаимодействия в выработке и реализации экономической стратегии (1960–1980-е гг.) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 1. С. 196–203.

REGIONAL LEADERS OF THE COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION AND THEIR IDEAS ON ECONOMIC MANAGEMENT IMPROVEMENT IN 1965–1985, SIBERIA*

Aleksandr B. Konovalov [a, @, ID]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *konab@list.ru*
[ID] *http://orcid.org/0000-0003-3016-1422*

Received 25.10.2018. Accepted 03.12.2018.

Keywords: regional committees Communist Party of the Soviet Union (CPSU), regional committees of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU), first secretaries, party-state nomenclature, Economic of Siberia, lobbying, socio-economic development

Abstract: The study defines the positions of the first secretaries of the Siberian regional committees of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) in the field of economic management in 1965 – 1985. After sector ministries had been restored, regional CPSU leaders declared that management institutions had to be moved to production centers, thus demanding the organization of inter-regional sector bodies on their territories. The paper shows how regional initiatives were supported by the central party-state bodies that introduced public debates and kept sending letters to the CPSU Central Committee, the heads of the USSR Council of Ministers, and the USSR State Planning Committee. The author managed to reveal the conflicts between the first secretaries of the regional committees of the CPSU. The conflicts were caused by the growing need to control the territorial administration bodies of the allied ministries and departments. One may conclude that the regional party bodies intended to strengthen the coordination of the local economic policy. However, the policy was controversial: on the one hand, there was a need to eliminate the redundant management levels of sector ministries and departments; on the other hand, there was a strong motivation to increase the staff of sector departments of regional and regional party committees.

For citation: Konovalov A. B. Idei regional′nykh liderov KPSS po sovershenstvovaniiu sistemy upravleniia ekonomikoi vo vtoroi polovine 1960-kh – seredine 1980-kh gg. (na materialakh Sibiri) [Regional Leaders of the Communist Party of the Soviet Union and their Ideas on Economic Management Improvement in 1965–1985, Siberia]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 47–57. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-47-57

References

1. Nekrasov V. L., Chromov E. A. Partiinye, regional′nye i vedomstvennye interesy v formirovanii politiki osvoeniia Zapadno-Sibirskoi neftegazovoi provintsii (1961–1965) [The, party, regional, corporative groups of interests, at the planning of the development of the Western-Siberian oil and gas province (1961–1965)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia = Tomsk State University Journal of History*, no. 2 (2008): 45–53.

2. Aiupov M. A. Osobennosti partiino-sovetskogo rukovodstva v Bashkirskoi ASSR v pozdnesovetskii period [Features of the party-Soviet leadership in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in the late Soviet period]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal = Economics and Management,* no. 5 (2015): 111–116.

3. Mokhov V. P. *Evoliutsiia regional'noi politicheskoi elity Rossii (1950–1990 gg.)* [Evolution of the regional political elite of Russia (1950–1990)]. Perm′, 1998, 256.

4. Konovalov A. B. Praktiki lobbirovaniia regional′nykh interesov v epokhu zastoia (vtoraia polovina 1960-kh – pervaia polovina 1980-kh gg.) [Lobbying practice of regional interests in the stagnation era (the second half of the 1960s – the first half of the 1980s)]. *Obshchestvo: filosofiia, istoriia, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, no. 7 (2017): 112–116.

5. Mokhov V. P. Institutsional′nye i sotsial′nye faktory regionalizatsii elit v Rossii [Institutional and social factors of regionalization of elites in Russia]. *Transformatsiia rossiiskikh regional'nykh elit v sravnitel'noi perspective* [Transformation of Russian regional elites in a comparative perspective]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 1999, 288.

* The article was prepared with the support of the grant of the Russian Foundation for Basic Research "Social Transformations of the Siberian Nomenclature Elite of the CPSU(B)-KPSS: Factors, Dynamics, Consequences (1945–1991)". Project No. 16-01-00240a.

6. Nikolaev A. N. Stanovlenie i transformatsiia sovetskoi tekhnokraticheskoi elity [Formation and transformation of the Soviet technocratic elite]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriia. Filosofiia. Pravo = Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, no. 2 (2018): 83–95.

7. Belonogov Iu. G. *Konflikt interesov vnutri regional'noi elity v period perekhoda ot politiki reform k strategii politicheskoi stabilizatsii.* Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Conflict of interests within the regional elite during the transition from reform policy to a strategy of political stabilization. Cand. Polit. Sci. Diss. Abstr.]. Perm, 2006, 25.

8. Voronin D. V. O tekhnologii lobbirovaniia regional′nykh interesov administrativno-politicheskoi i tekhnokraticheskoi elitoi industrial′nykh regionov Sibiri v 1970–1980-kh godakh [To the technology of lobbying regional interests of administrative and political elite and technocratic elite in the Siberian industrial regions in 1970s – 1980s]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University Journal,* no. 4-1 (2011): 26–29.

9. Voronin D. V. Vzaimootnosheniia khoziaistvennoi i politicheskoi elit v Kuzbasse v 1980-e gody [Relationship of economical and political elites in Kuzbass in the 1980s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia = Tomsk State University Journal of History*, no. 4 (2010): 111–115.

10. Volosov E. N. Partiinaia biurokratiia i regional′naia tekhnokraticheskaia elita: k voprosu o nekotorykh osobennostiakh vzaimootnoshenii [Party bureaucracy and the regional technocratic elite: peculiarities of mutual relations]. *Nomenklatura i obshchestvo v Rossii i Ukraine: materialy konf. (15 aprelia – 15 iiunia 2008 g.)* [Nomenclature and society in Russia and Ukraine: Proc. conf. (April 15 – June 15, 2008)]. Perm, 2009, 227–238.

11. Zaharchenko A. V. Ministerskie raznoglasiia i davlenie na Gosplan v sovetskoi ekonomike v nachale 1950-kh godov [Disagreements among ministries and pressure on the State Planning Committee in the Soviet economy in the early 1950s]. *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Journal of Science*, 7, no. 1 (2018): 220–224.

12. Kochneva K. A. Ministerstvo kak organ gosudarstvennogo upravleniia v 1965–1970 gg. (na materialakh ministerstva legkoi promyshlennosti SSSR) [A ministry as a department of the Soviet economic government in 1965–1970 (based on the materials of the Ministry of light industry of USSR)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Istoriia Rossii = RUDN Journal of History*, no. 3 (2008): 65–71.

13. *Lichnost' gosudarstvennogo masshtaba Afanasii Fedorovich Eshtokin: vospominaniia i dokumenty* [Personality of a state scale, Afanasy Fyodorovich Eshtokin: memoirs and documents]. Comp. Dorofeev P. M., Kornitsky G. V. Kemerovo: Sibirskii pisatel′, 2000, 360.

14. Volosov E. N. Partiinaia biurokratiia Angaro-Eniseiskogo regiona i tsentral′nye khoziaistvennye organy: osobennosti vzaimodeistviia v vyrabotke i realizatsii ekonomicheskoi strategii (1960–1980-e gg.) [Party bureaucracy of the Angra-Enisei region and central economic bodies: features of interaction in developing and implementation of the economic strategy (1960s–1980s)]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Proceedings of Irkutsk State Technical University*, no. 1 (2012): 196–203.

УДК 947.084.8

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ СИБИРЯКОВ

Валентина Н. Очирова [a, @, ID]

[a] *Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова, 670024, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8*
[@] *ochvalentine@mail.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/W-2998-2018*

Поступила в редакцию 19.06.2018. Принята к печати 19.10.2018.

Ключевые слова: труд, повседневность детей, Великая Отечественная война, тыл, Сибирь, село, историография

Аннотация: В статье рассматриваются работы отечественных исследователей, опубликованные на рубеже XX–XXI вв., освещающие повседневность детей и подростков сибирского тыла во время Великой Отечественной войны. Значительное количество статей и монографий об истории данного явления объясняется возросшим интересом историков и широкой общественности к событиям, происходившим в 1941–1945 гг. Особый интерес представляют труды, описывающие образ жизни детей и подростков, т. к. детство миллионов советских детей пришлось на этот период. Они трудились наравне со взрослыми, компенсируя острую нехватку трудоспособного населения на объектах промышленности и сельского хозяйства. Данное обстоятельство является причиной того, что большая часть рассмотренных в статье исследований посвящена именно трудовой повседневности подрастающего поколения, условиям труда, разнообразию видов работ, на которых были задействованы подростки. Кроме исследований о производственной повседневности проанализированы труды, объектом изучения которых являются сюжеты, связанные со школьной жизнью, бытом и свободным времяпрепровождением детей-сибиряков.

Для цитирования: Очирова В. Н. Отечественные историки о военном детстве сибиряков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 58–64. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-58-64

Введение

В последние годы усилилось внимание исследователей к одному из важнейших событий в отечественной истории XX в. – Великой Отечественной войне. В связи с возросшим интересом широкой общественности к событиям 1941–1945 гг. активно публикуются воспоминания, дневники и письма ветеранов тыла и детей войны. Следует отметить, что среди внушительного количества работ, посвященных событиям на фронте и в тылу, появляется все больше трудов, освещающих жизнь советского народа в указанный период в русле истории повседневности.

История повседневности – новое направление в современной отечественной историографии, активно разрабатываемое с конца XX в. В рамках данного направления объектом исследований становится жизнь простого человека в контексте политических, социальных, экономических и культурных условий. Хотя жизнь людей в военное время сложно отнести к категории повседневного и обыденного, экстремальная ситуация при определенных обстоятельствах, по мнению Н. Л. Пушкаревой, С. В. Любичанковского, вполне может считаться частью повседневности [1]. Таким образом, исследования, направленные на изучение быта, труда, досуга, которые включены в понятие *повседневность*, позволяют максимально приближенно показать реальную картину жизни во время Великой Отечественной войны. Изучением и освещением различных аспектов военного детства в тыловых регионах занимались и в советское время, но в основном исследования ограничивались описанием героического труда детей и подростков, вопросами социальной политики государства по отношению к подрастающему поколению, борьбой с беспризорностью [2–5].

В современной историографии военного детства повседневная жизнь детей в тылу в годы Великой Отечественной войны разрабатывается отечественными исследователями в другом, отличном русле: расширяются география и проблематика исследований, активно используются источники личного происхождения. Источниковой базой изучения повседневности *детей войны* служат не только официальные документы, а часто личные дневники, письма, воспоминания. По мнению С. Г. Сизова, детский дневник – это особый исторический источник, поскольку детское восприятие реальности отличается особой эмоциональностью, что дает

возможность ярче и живее представить события того периода [6]. Следует отметить, что многие исследования основываются на устных исторических источниках, т. к. метод интервьюирования, опроса непосредственных участников событий на данный момент является возможным и широко используется Т. К. Щегловой, Е. Ю. Волковой, Д. В. Васениным, Л. Г. Мокроусовой, А. Н. Павловым [7–9].

Всестороннему освещению быта и жизни детей в тылу в военное время способствуют региональные исследования, на основе которых легче выявить сходства и различия, присущие определенному региону и стране в целом. Каждый регион уникален в силу своих природно-климатических условий, традиций и обычаев, сложившегося образа мышления и жизни. Сибирь в связи с географической отдаленностью от фронта в годы Великой Отечественной войны считалась глубоким тылом, данный регион не был вовлечен в активные боевые военные действия. Жизнь людей, проживающих на территории Сибири, была очень сложной и драматичной, хотя и менее «зрелищной» в сравнении с жизнью на фронте или приближенных к нему регионах. Рассмотрены работы отечественных исследователей, опубликованные на рубеже XX–XXI вв., освещающие сюжеты сельской тыловой повседневности детей и подростков Сибири. Образ жизни, условия труда и учебы, виды досуга встречаются в общем контексте жизнеописания людей в исследованиях по Сибири в работах В. Б. Базаржапова, Т. К. Щегловой, Е. В. Банзаракцаевой, Н. Бельской [10–14].

Историография повседневности детей и подростков в сибирском тылу

Основным сюжетом истории повседневности подрастающего поколения в тылу является трудовая повседневность. С. Н. Андреенков, В. Б. Базаржапов, М. Н. Прошина эту сторону жизни детей и подростков в годы Великой Отечественной войны раскрывают главным образом с точки зрения их вовлеченности на объекты промышленности и сельского хозяйства [10; 12; 15; 16]. В работах Е. Ю. Волковой подробно рассмотрено разнообразие видов работ, на которых были задействованы дети и подростки в военный период, и условия труда [8]. Описывая трудовую повседневность детей в сельской местности, исследователи отмечают работу на полях, сбор металлолома, помощь родителям. Историки объясняют большой объем работ, которым нагрузили детей, ограниченностью человеческими и материальными ресурсами. В зависимости от возраста дети выполняли разную работу: на полях, в колхозных огородах, на фермах и на своем подворье. Обязанности были самые разные: от сбора колосков на полях после уборки урожая, ухода за домашними животными до работы в колхозе с утра до вечера, особенно в период полевых работ. С 12–14 лет дети уже считались взрослыми и соответственно на них в колхозах выписывались трудодни, которые было необходимо закрыть [7; 10; 16, 17].

Согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13.04.1942 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» был установлен пороговый минимум отработки для каждого в зависимости от района[1]. По Бурятии, к примеру, для подростков 12–16 лет обязательный минимум составлял не менее 50 трудодней в год [10; 11]. За невыполнение плана существовала система наказаний вплоть до исключения из сельхозартели и лишения приусадебного хозяйства, что было катастрофично, ведь именно они спасали жителей села от голодной смерти. Хотя согласно опубликованным воспоминаниям ветерана тыла Д. С. Аюшиева, наличие домашнего хозяйства еще не гарантировало сытое существование жителям деревень. Ветеран объясняет это тем, что семьи, имеющие в личном подсобном хозяйстве одну корову, три овцематки, должны были поставлять государству в год 52 кг мяса, 140 литров молока или 5–6 кг топленого масла, 50 яиц [18, с. 119]. В годы войны в колхозах и совхозах преобладал ручной труд, т. к. большая часть сельскохозяйственной техники была мобилизована, а оставшаяся быстро приходила в негодность из-за отсутствия новых запчастей и сильного износа. В сложившейся ситуации приходилось использовать для сельскохозяйственных работ домашний скот, включая коров и быков. Многие дети верхом на быках возили копны, пахали поля и заготавливали дрова. Как отмечают исследователи, большая часть времени детей и подростков проходила за работой.

Если работа – это неотъемлемая часть жизни каждого взрослого человека, то у детей обязательным является обучение в школе. Особенность школьной повседневности сибиряков в военные годы рассмотрена в работах А. М. Гагариной, С. Г. Сизова, Д. В. Васенина, М. Д. Исаковой и др. Авторы уделяют внимание вопросам неуспеваемости, прогулов, питания школьников, а также материальной и методической обеспеченности учебных заведений. Основной школьной проблемой, по их мнению, были постоянные пропуски, при этом выделяют три основные причины возникновения данной проблемы: 1) сезонные работы на колхозных полях; 2) отсутствие одежды; 3) болезнь [6; 9; 17; 19]. В статье «Из истории народного образования Читинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» А. М. Гагарина рассматривает

[1] О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13.04.1942. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4353.htm/ (дата обращения: 10.10.2018).

и анализирует такие проблемы, как успеваемость, посещение занятий, помощь производству. Во время войны официально занятия в школах не были отменены, и более того, в период Великой Отечественной войны стремление к знаниям и высокой успеваемости среди обучающихся было так же актуально, как и в мирное время. Кроме вышеупомянутых трудностей А. М. Гагарина рассматривает сложности, связанные с организацией учебного процесса. К примеру, из-за слияния некомплектных и не обеспеченных преподавательским штатом учебных заведений дети ходили в школу в соседнее село. Отдаленность школ, холод в помещениях, кадровые проблемы, а также нехватка учебников, письменных принадлежностей, тетрадей – это тот небольшой перечень трудностей, с которыми столкнулись сельские школы. Обзор основных трудностей в школьной жизни дан в работах Н. Бельской, М. Н. Прошиной, М. Д. Исаковой. В качестве иллюстрации школьных будней исследователи приводят следующие примеры: дети писали на обоях, старых афишах, газетных листках между строк. Чернила были самодельными, их делали из сажи, березовых наростов или корней березы и других подручных средств [9; 13; 15; 17; 19]. О школьных новшествах, введенных в военное время, пишет С. Г. Сизов. По его мнению, одно из нововведений представляло собой обучение детей по программе всевобуча: 110-часовая программа, в рамках которой старшеклассники изучали военное дело, стреляли, маршировали, ползали по-пластунски и бегали. Второе касалось обязательных уроков по изучению тракторного дела. Знания, полученные на занятиях, были необходимы для полевых работ, когда дети, заменяя взрослых, садились за руль, а также, учитывая тот факт, что устройства трактора и танка имеют определенную схожесть, подростки в перспективе могли управлять танками [6]. Таким образом, можно сказать, что образовательный процесс был максимально адаптирован к условиям военного времени.

Сюжет о бытовой повседневности – один из наиболее часто встречающихся в работах в русле истории повседневности. В связи с тем, что большая часть людских, финансовых и технических ресурсов были направлены на фронт, материально-бытовые условия советского населения в тылу в разы ухудшились – это выразилось в нехватке продовольствия, одежды, дров, электроэнергии. В военные годы тяжело было всем, особенно детям. Как отмечает Т. К. Щеглова, у детей было свое видение, понимание реальности. Дети воспринимали происходящее бытовыми условиями жизни, «измеряя радости этой жизни пищей, одеждой» [7, с. 387]. Проблему дефицита одежды решали как могли: кто-то донашивал за старшими, где-то сами шили, вязали, перешивали из старой одежды. Что касается питания, то в отличие от города, в селе не практиковалась карточная система, это означало, что село должно было обеспечить себя само. Трудодни, отработанные колхозниками, отоваривались продуктами, которые остались после сдачи для нужд армии, поэтому питались всем чем могли.

Статья Е. Ю. Волковой посвящена вопросам питания детей в тыловых регионах [20]. Автор говорит о голодной и полуголодной жизни детей в военные годы. Летом ели крапиву, лебеду, ягоды, по возможности собирали колоски. Сельским жителям было немного легче в летнюю и осеннюю пору, поскольку рядом были лес и речка, где они могли собрать различную растительность (травы, ягоду, грибы), также ловили мелких грызунов, в особенности сусликов, или рыбу в местных водоемах. Рассматривая работы, посвященные питанию детей, следует отметить статью Т. К. Щегловой, в которой историк анализирует пищу как элемент системы жизнеобеспечения жизнедеятельности крестьянской семьи в 1941–1945 гг. Оценена роль детей как крайне значимая в добывании пропитания. Охотой и собирательством занимались дети и подростки, при этом «в детских промысловых коллективах распределение трудовых обязанностей складывалось и по возрастным группам, и по гендерному принципу» [13, с.75]. Мальчишки собирали яйца дикой птицы и ловили сусликов, т. к. данный вид деятельности предполагал определенную силу и сноровку и считался «мальчишеским промыслом» [13, с. 75]. Дети сдавали жир и шкурки сусликов в заготконтору, за что получали небольшие деньги. Именно суслики стали основным источником белковой пищи в военное время. Девочки, по всей вероятности, собирали травы, ягоды и грибы. Предположительно, употребление ягод, грибов и других даров леса уберегло многих детей от последствий голода, недоедания и тяжелого труда в виде авитаминоза и других заболеваний.

При этом, несмотря на собирательную и промысловую деятельность, скудное питание, дефицит теплой одежды, постоянный холод в домах и учебных заведениях из-за недостатка топлива в комплексе стали причиной периодических вспышек инфекционных и вирусных заболеваний. Санитарно-эпидемиологическая ситуация в Бурят-Монгольской АССР рассмотрена в работах В. Б. Базаржапова [10; 11; 21]. По мнению историка, положение усугублялось отсутствием квалифицированных медицинских кадров и лекарств, поскольку медицинские работники были призваны в армию, а препараты направлялись первоочередно в полевые и тыловые госпитали, поэтому нередко простудные и незаразные заболевания лечили дома, используя методы народной медицины. Среди «сугубо специфических заболеваний, порожденных конкретными условиями войны»,

В. Б. Базаржапов обращает внимание на педикулез (в особенности у школьников) и септическую ангину, которой в большей степени было подвержено сельское население. В качестве причины заражения септической ангиной указывается употребление в пищу собранных в полях проросших зерен, пораженных болезнетворными бактериями [10, с. 109]. В данной ситуации следует отметить роль государства, которое в военный период времени держало под контролем гражданское медико-санитарное обслуживание населения. Благодаря профилактическим и лечебным мерам удалось локализовать и предвосхитить распространение не только вышеупомянутых заболеваний, но и более серьезных, таких как сыпной тиф, брюшной тиф и дизентерия [10].

Работа и учеба занимали значительную часть свободного времени детей и подростков. Однако возраст, интересы и жизненный оптимизм, присущий детям и подросткам, брали свое, и они все же находили время и возможности для проведения досуга, насколько позволяла обстановка. О досуге детей и подростков сибирского тыла опубликовано не так много работ, но основываясь на данных из дневника Павла Капитонова[2], а также на результатах исследований Д. В. Васенина, Л. Г. Мокроусовой, А. Н. Павлова, А. И. Назарова и др., можно предположить, что способы времяпрепровождения детей в тыловых регионах были схожи. В свободное от школы и работы время дети играли в карты, домино, читали книги, ходили в кино. Для моральной поддержки учителя иногда организовывали досуг школьников во внеурочное время: их учили петь, плясать, ставили спектакли и давали концерты перед родителями и другими учениками [19; 22; 23]. В своих работах А. И. Назаров подчеркивает значимую роль клуба в жизни молодежи того времени. Клубы или избы-читальни, где показывали фильмы, проводились концерты, читались лекции и работали курсы по обучению военному делу, стали центром сбора не только детей и подростков, но и людей более старшего возраста [22; 23]. Необходимо отметить тот факт, что организация культурно-массовой работы на селе воспринималась как весьма важная и актуальная, в связи с тем что данная работа расценивалась как часть агитационно-пропагандистской работы. В целом клубы, избы-читальни являлись культурными центрами жизни на селе и в довоенное время. Конечно, большая часть из них была закрыта или переоборудована под другие цели в то время, но те клубы, которые функционировали, разбавляли тяжелые будни сельчан.

Заключение

Детство, отрочество и юность миллионов советских детей и подростков пришлись на период Великой Отечественной войны. Детям, жившим в этот период, пришлось срочно повзрослеть и взвалить на себя все тяготы взрослой жизни. Исследования, посвященные повседневной жизни детей и подростков в период 1941–1945 гг., показывают, какой неоценимый вклад они внесли в Победу. В современной историографии появляется все больше работ, где объектом исследования становятся различные аспекты повседневной жизни детей и подростков в тылу в военные годы. Говоря о тыле, отмечают тот факт, что Сибирь в силу своего географического расположения была далека от линии фронта, и образ жизни юных сибиряков исследуется с учетом данной специфики. Современные региональные работы о повседневности детей и подростков основываются не только на официальных архивных данных, но и на источниках личного происхождения в виде писем, воспоминаний. Новые методы исследования в виде интервьюирования непосредственных участников событий позволяют по-иному осветить уже ранее известные факты, способствуют более точной реконструкции событий прошедших лет. Среди множества сюжетов повседневности анализ трудовой деятельности детей и подростков является одним из популярных в современной историографии. Исследователи анализируют условия и разнообразие труда, объясняя высокую степень вовлеченности подрастающего поколения практически во всех сферы народного хозяйства острой нехваткой человеческих ресурсов в сибирском тылу. Так как образование являлось обязательным в советском обществе, а учебные учреждения продолжали функционировать в военное время, то в современных работах историки показывают, как трудовая деятельность повлияла на школьную жизнь учеников и учителей, а также факт рационального совмещения работы и учебы школьников в 1941–1945 гг. Крайняя степень занятости на объектах промышленности и сельского хозяйства и учеба оставляли очень мало свободного времени детям и подросткам. Но несмотря на это, обзор ряда трудов отечественных исследователей показывает, что подрастающее поколение все же находило время на игры, фильмы и другие увлечения. В целом работы, посвященные военному детству сибиряков, позволяют выявить отличительные и в то же время схожие моменты в образе жизни детей и подростков в разных регионах Сибири, показать процесс адаптации детей в экстремальных условиях войны. Следует отметить, что на данный момент вне поля исследований остаются сюжеты повседневности, связанные с вопросами взаимоотношения детей и подростков друг с другом, внутри семьи; их отношение к войне, труду; организация досуга; нарушение трудового режима; девиантное поведение подростков и детская преступность в целом на примере отдельных регионов Сибири.

[2] Дневники Павла Капитонова. Режим доступа: http://ostrov-knig.ru/dnevniki-kapitonova/ (дата обращения: 07.06.2018).

Литература

1. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.

2. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: АН СССР, 1963. 459 с.

3. Куфаев В. И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1942. № 8. С. 9–14.

4. Свердлов Г. М. Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1943. 69 с.

5. Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. М., 1975. 263 с.

6. Сизов С. Г. Повседневная жизнь сибирского школьника в годы Великой Отечественной войны (по материалам дневника П. П. Капитонова) // Развитие дорожно-транспортного и строительного комплексов и освоение стратегически важных территорий Сибири и Арктики: вклад науки: материалы междунар. науч.-практ. конф. (15–16 декабря 2014 г.). Омск, 2014. С. 200–203.

7. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.

8. Волкова Е. Ю. «В нас видели дополнительную рабочую силу»: детский труд в период Великой Отечественной войны // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (17–19 марта 2016 г.). СПб., 2016. С. 382–387.

9. Васенин Д. В., Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н. Тыловые будни периода Великой Отечественной войны по детским воспоминаниям // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 27–35.

10. Базаржапов В. Б. Трудовой подвиг тыла. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 2000. 160 с.

11. Щеглова Т. К. Мобилизационная экономика крестьянской семьи в годы Великой Отечественной войны: ловчие промыслы на сусликов и собирательство яиц дикой птицы в системе жизнеобеспечения тылового сельского общества Сибири // Сибирь в Великой Отечественной войне: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (27–28 апреля 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 72–80.

12. Базаржапов В. Б. Была живая жизнь (Бурятия в 1939–1945 гг.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1998. 273 с.

13. Банзаракцаева Е. В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Бурят-Монгольской АССР): дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 169 с.

14. Бельская Н. Эвакуированные дети: трудности выживания в тылу // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 169–179.

15. Андреенков С. Н. Сельскохозяйственное производство Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сибирь в Великой Отечественной войне: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (27–28 апреля 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 63–71.

16. Прошина М. Н. Повседневная жизнь детей в селах Прибайкалья в годы Великой Отечественной войны // Байкальская Сибирь в годы Великой Отечественной войны: материалы студ. науч.-практ. конф. (27 марта 2015 г.). Иркутск, 2015. С. 102–110.

17. Гагарина А. М. Из истории народного образования Читинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Гуманитарный вектор. 2010. № 3. С. 58–61.

18. Аюшиев Д. С. Не забывайте ветеранов тыла // 65-й годовщине Великой Победы посвящается…: сборник работ ветеранов, тружеников тыла, детей времен Великой Отечественной войны. Улан-Удэ. 2010. С. 118–123.

19. Исакова М. Д. Дети и подростки в Сибирском тылу // Байкальская Сибирь в годы Великой Отечественной войны: материалы студ. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015. С. 58–62.

20. Волкова Е. Ю. «Страшнее голода ничего нет»: питание детей тыловых регионов СССР в годы Великой Отечественной войны // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф. (16–18 марта 2017 г.). СПб., 2017. С. 355–361.

21. История Бурятии. В 3 т. Т. 3: XX–XXI вв. / под ред. Б. В. Базарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.

22. Назаров А. И. Повседневная жизнь молодежи в Советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области): автореф. дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2010. 23 с.

23. Назаров А. И. Досуг сельской молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3. С. 126–128.

WARTIME CHILDHOOD OF SIBERIANS IN RUSSIAN HISTORICAL RESEARCHES

Valentina N. Ochirova [a, @, ID]

[a] *V. R. Philippov Buryat State Academy of Agriculture, 8, Pushkin St., Ulan-Ude, Russia, 670024*
[@] *ochvalentine@mail.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/W-2998-2018*

Received 19.06.2018. Accepted 19.10.2018.

Keywords: work, daily routine of children, the Great Patriotic war, home front, Siberia, village, historiography

Abstract: The article deals with Russian historical researches of XX–XXI centuries that illustrated children's everyday life behind the lines during World War II. There has recently been a surge of interest to the events of 1941–1945 among Russian historians and the general public, hence the significant amount of papers devoted to everyday life in wartime. Studies in wartime childhood are of great interest due to the fact that childhood of millions of children coincided with the war time. They worked as hard as adults to compensate for the lack of human resources in all spheres of national economy. As a result, most of the analyzed papers were devoted to various aspects of child labour issues. Other topics included school life, living conditions, and leisure time of young Siberians.

For citation: Ochirova V. N. Otechestvennye istoriki o voennom detstve sibiriakov [Wartime Childhood of Siberians in Russian Historical Researches]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 58–64. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-58-64

References

1. Pushkareva N. L., Lyubichankovskiy S. V. Ponimanie povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole ["Everyday Life History" in modern historical research: from School of the Annals to the Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of Leningrad state university named after A. S. Pushkin*, 4, no. 1 (2014): 7–21.

2. Arutiunian Iu. V. *Sovetskoe krestianstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Soviet peasantry during the Great Patriotic war]. Moscow: AN SSSR, 1963, 459.

3. Kufaev V. I. Zabota o detiakh v dni Velikoi Otechestvennoi voiny [Child care during the Great Patriotic war]. *Sovetskaia pedagogika = Soviet pedagogy*, no. 8 (1942): 9–14.

4. Sverdlov G. M. *Voina i pravovaia okhrana detei* [War and child justice]. Tashkent: Gos. izd-vo UzSSR, 1943, 69.

5. Sinitsyn A. M. *Vsenarodnaia pomoshch' frontu* [Nation-wide help to the forefront]. Moscow, 1975, 263.

6. Sizov S. G. Povsednevnaia zhizn′ sibirskogo shkol′nika v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam dnevnika P. P.Kapitonova) [Everyday life of Siberian schoolboy during the Great Patriotic war (based on P. P. Kapitonov's diary)]. *Razvitie dorozhno-transportnogo i stroitel'nogo kompleksov i osvoenie strategicheski vazhnykh territorii Sibiri i Arktiki: vklad nauki: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (15–16 dekabria 2014 g.)* [The development of road building spheres and strategic important territories of Siberia and the Arctic: contribution of Science: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (December 15–16, 2014)]. Omsk, 2014, 200–203.

7. Shcheglova T. K. *Derevnia i krestianstvo Altaiskogo kraia v XX veke. Ustnaia istoriia* [Village and peasantry of the Altai region in XX. Oral history]. Barnaul: BGPU, 2008, 528.

8. Volkova E. Yu. «V nas videli dopolnitelnuiu rabochuiu silu»: detskii trud v period Velikoi Otechestvennoi voiny ["They saw us as an extra labor force": child labor during the Great Patriotic War]. *Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf. (17–19 marta 2016 g.)* [The material factor and entrepreneurship in the daily life of the population of Russia: history and modernity: Proc. Intern. Sci. Conf. (March 17–19, 2016)]. Saint-Petersburg, 2016, 382–387.

9. Vasenin D. V., Mokrousova L. G., Pavlova A. N. Tylovye budni perioda Velikoi Otechestvennoi voiny po detskim vospominaniiam [Everyday life in home front during the Great Patriotic war according to children's memoires]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki = Bulletin of higher educational institutions. Povolzhskii region. Humanities*, no. 2 (2012): 27–35.

10. Bazarzhapov V. B. *Trudovoi podvig tyla* [Labor act of bravery of the home front]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel′stvo, 2000, 160.

11. Shcheglova T. K. Mobilizatsionnaia ekonomika krest'ianskoi sem'i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: lovchie promysly na suslikov i sobiratelstvo iaits dikoi ptitsy v sisteme zhizneobespecheniia tylovogo selskogo obshchestva Sibiri [Mobilization of peasant family economy during the Great Patriotic war]. *Sibir' v Velikoi Otechestvennoi voine*: *sb. materialov Vseros. nauch. konf., posviashchennoi 70-letiiu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine (Novosibirsk 27–28 aprelia 2015 g.)* [Siberia during the Great Patriotic war: Proc. All-Russian Sci. Conf. devoted to 70th anniversary Victory of the Soviet people in the Great Patriotic war (April 27–28, 2015)]. Novosibirsk, 2015, 72–80.

12. Bazarzhapov V. B. *Byla zhivaiia zhizn (Buriatiia v 1939–1945 gg.)* [The life was vivid (Buryatia during 1939–1945)]. Ulan-Ude: VSGTU, 1998, 273.

13. Banzaraktsaeva E. V. *Okhrana detstva v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (na materialakh Buryat-Mongolskoi ASSR).* Diss. kand. ist. nauk [Childhood protection during the Great Patriotic war of 1941–1945 (based on the case of Buryat-Mongolian ASSR). Dr. Hist. Sci. Diss.]. Ulan-Ude, 2005, 169.

14. Belsky N. Evakuirovannye deti: trudnosti vyzhivaniia v tylu [Evacuated children: the difficulties of survival behind the lines]. *Demograficheskoe obozrenie = Demographical observation*, 3, no. 2 (2016): 169–179.

15. Andreenkov S. N. Selskokhoziaistvennoe proizvodstvo Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Production of agriculture in Siberia during the Great Patriotic war]. *Sibir' v Velikoi Otechestvennoi voine: sb. materialov Vseros. nauch. konf., posviashchennoi 70-letiiu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine (Novosibirsk 27–28 aprelia 2015 g.)* [Siberia during the Great Patriotic war: Proc. All-Russian Sci. Conf. devoted to 70th anniversary Victory of the Soviet people in the Great Patriotic war (April 27–28, 2015)]. Novosibirsk, 2015, 63–71.

16. Proshina M. N. Povsednevnaia zhizn′ detei v selakh Pribaikal′ia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Everyday life of children in Pribaikal territories during the Great Patriotic war]. *Baikal'skaia Sibir' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*: *materialy stud. nauch.-prakt. konf. (27 marta 2015 g.)* [Baikal Siberia during the Great Patriotic War: Proc. Stud. Sci.-Prac. Conf. (March 27, 2015)]. Irkutsk, 2015, 102–110.

17. Gagarina A. M. Iz istorii narodnogo obrazovaniia Chitinskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) [From the History of Public Education in Chita Region during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian vector*, no. 3 (2010): 58–61.

18. Ayushiev D. S. Ne zabyvaite veteranov tyla [Don't forget the home front veterans] *65-i godovshchine Velikoi Pobedy posviashchaetsia…*: *sbornik rabot veteranov, truzhenikov tyla, detei vremen Velikoi Otechestvennoi voiny* [To 65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic war…: volume of memories of home front veterans of the Great Patriotic war]. Ulan-Ude, 2010, 118–123.

19. Isakova M. D. Deti i podrostki v Sibirskom tylu [Children and teenagers in the Siberian home front] *Baikal'skaia Sibir v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: materialy stud. nauch.-prakt. konf.* [Baikalian Siberia during the Great Patriotic war: Proc. Stud. Sci.-Prac. Conf.]. Irkutsk, 2015, 58–62.

20. Volkova E. Yu. «Strashnee goloda nichego net»: pitanie detei tylovykh regionov SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Nothing can be more awful than famine: children nutrition behind the lines in the USSR during the Great Patriotic war]. *Ekstremal'noe v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost' (k 100-letiiu russkoi revoliutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf. (16–18 marta 2017 g.)* [The extremes of everyday life of the Russians: the past and the present to 100th anniversary of Russian Revolution of 1917: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. (March 16–18, 2017)]. Saint-Petersburg, 2017, 355–361.

21. I*storiia Buriatii. T. 3: XX–XXI vv.* [The History of Buryatia. Vol. 3: XX–XXI centuries]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2011, 464.

22. Nazarov A. I. *Povsednevnaia zhizn' molodezhi v Sovetskom tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (na materialakh Tambovskoi oblasti).* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Everyday life of the Youth in the Soviet home front during the Great Patriotic war of 1941–1945 (based on Tambov region). Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Tambov, 2010, 23.

23. Nazarov A. I. Dosug selskoi molodezhi v sovetskom tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Leisure-time of the rural youth in Soviet home front during the Great Patriotic war]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*, no. 3 (2009): 126–128.

УДК 94(47+571).084.8

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ ПРИНУЖДЕНИЯ РАБОЧИХ К ТРУДУ В ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ В КОНЦЕ 1930-Х – НАЧАЛЕ 1940-Х ГГ.

Роман Е. Романов [a, @, ID]

[a] *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8*
[@] *rromanov1981@mail.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/R-5374-2016*

Поступила в редакцию 25.06.2018. Принята к печати 25.09.2018.

Ключевые слова:
оборонная промышленность, стимулирование рабочего персонала, стратегия принуждения к труду

Аннотация: Предметом данного исследования являются истоки и процесс усиления принудительного компонента системы социально-трудовых отношений в оборонной промышленности предвоенной Сибири. Цель состоит в выявлении предпосылок и причин, общих тенденций и специфики процесса усиления, суть которого заключалась в качественной трансформации стратегии стимулирования персонала «Ниже дисциплина – выше наказание». Методологической базой проделанной работы выступает авторский вариант концепции американских историков и социологов Ч. Тилли и К. Тилли о трех универсальных факторах мотивации труда (вознаграждение, побуждение и принуждение), согласно которой такая стратегия выступала механизмом принуждения, приводившегося в действие с помощью материальных, моральных, дисциплинарных (ординарных) и уголовных (экстраординарных) санкций. На основе этой методологии показана эволюция сферы наказаний в сибирском военпроме в период с 28 декабря 1938 г. по 21 июня 1941 г. На первом этапе (28 декабря 1938 г. – 25 июня 1940 г.) советское государство предприняло неудачную попытку адаптировать ординарные практики стратегии принуждения к курсу на милитаризацию экономики, завершившуюся ростом удельного веса уволенных прогульщиков в общей текучести рабочих кадров. На втором этапе (26 июня 1940 г. – 21 июня 1941 г.) власть сделала ставку на сочетание ординарных и экстраординарных практик, что позволило сократить среди дисциплинарных проступков долю прогулов и самовольных уходов. Но в Сибири этот эффект оказался менее ощутимым в связи с тем, что региональная «оборонка» находилась на стадии первоначального развертывания, осуществлявшегося в основном силами рабочей молодежи, которая еще не освоила нормы индустриальной трудовой культуры.

Для цитирования: Романов Р. Е. Эволюция стратегии принуждения рабочих к труду в оборонной промышленности Сибири в конце 1930-х – начале 1940-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 65–71. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-65-71

Введение

Накануне войны одним из направлений социально-экономической политики советского государства являлось создание в Сибири оборонной промышленности. Данный процесс сопровождался не только введением в строй ее предприятий, комплектованием новых кадров, но и формированием трудовой мотивации персонала. Для решения последней задачи властные структуры создавали в региональном военном производстве систему стимулирования рабочих. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. институционализация этой системы происходила в условиях усиления ее принудительного компонента в индустриальной экономике.

В историографии проблема трудовых стимулов в промышленности СССР в рассматриваемый период стала предметом исследований в годы перестройки. На первом этапе ее изучения (конец 1980-х – конец 1990-х гг.) в центре внимания оказались практики реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР (ПВС) от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Администрирование производственных отношений оценивалось как непродуктивный способ укрепления труддисциплины [1; 2]. На втором этапе (с конца 1990-х гг.) осуществлялось комплексное исследование факторов мотивации

труда накануне войны. С одной стороны, акцент в их изучении делался на анализе «поворота к принуждению», характеризовавшегося как малоэффективный механизм стимулирования [3; 4]. С другой стороны, этот «поворот» рассматривался на фоне совокупности поощрений и наказаний, интерпретировавшейся в качестве «густой смеси» [5] или многовариативной системы [6] стимулов.

Методологической базой исследования является концепция американских историков и социологов Ч. Тилли и К. Тилли о трех мотивационных факторах – вознаграждении, побуждении и принуждении [7]. С нашей точки зрения каждый из мотивационных факторов действует через стратегии стимулирования, представлявшие совокупность целей, практик и ожидаемых результатов воздействия на персонал со стороны работодателя. В предвоенное время в советском оборонпроме функционировали три стратегии усиления мотивации рабочих: «Выше производительность – выше оплата», «Выше производительность – выше престиж», «Ниже дисциплина – выше наказание». Каждая из них осуществлялась посредством сочетания ординарных и экстраординарных практик. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. в СССР к ординарным практикам принуждения относились материальные, моральные и дисциплинарные, к экстраординарным – уголовные санкции.

Цель исследования состоит в выявлении эволюции принудительного компонента социально-трудовых отношений в военной индустрии в период с 28 декабря 1938 г. по 21 июня 1941 г. Его задачи заключаются в установлении предпосылок и причин, тенденций и особенностей качественной трансформации практик реализации стратегии «Ниже дисциплина – выше наказание» в оборонной промышленности региона накануне войны.

Трансформация стратегии «Ниже дисциплина – выше наказание» в оборонном производстве предвоенной Сибири

Предпосылки

В предвоенные годы в Сибири были заложены основы авиационной, боеприпасной и электротехнической индустрии. Региональный авиапром создавался на базе заводов № 99 (Улан-Удэ), № 125 (Иркутск) и № 153 им. В. П. Чкалова (Новосибирск). Промышленность Наркомата боеприпасов (НКБ) формировалась за счет сооружения комбинатов № 179 «Сибметаллстрой» (Новосибирск) и № 392 (Кемерово). Электропромышленность была представлена заводами № 389 (Черемхово) и 394 (Иркутск). К началу войны за Уралом действовало восемь оборонных предприятий, находившихся на стадии строительства и ввода в строй производственных мощностей.

В конце 1930-х гг. в сибирской «оборонке» происходило форсированное комплектование отрядов авиастроителей и боеприпасников. В 1937–1940 гг. число рабочих, занятых на заводах Наркомата авиационной промышленности (НКАП), выросло с 3,84 до 9,46 тыс. человек[1]. На 1 января 1939 г. на комбинате № 179 НКБ их количество достигло 1,61 тыс., на 1 января 1941 г. – 5,01 тыс.[2] В 1940 г. в цехах комбината № 392 НКБ трудилось 3,98 тыс. человек[3]. В начале 1941 г. в военном производстве Западной Сибири было занято 24,8 тыс. человек[4]. Накануне войны в Сибири сложилась категория работников, выполнявшая государственный оборонный заказ.

Ведущим источником пополнения производственных коллективов новых предприятий являлись молодые сибиряки и мигранты из других регионов страны. В 1937 г. на заводе № 153 НКАП доля трудящихся в возрасте до 28 лет составляла не менее 60 %[5]. С 1939 г. до начала 1941 г. удельный вес юношей и девушек до 25 лет на комбинате № 179 НКБ возрос с 56,1 до 67,5 %[6]. В 1940 г. рабочие кадры комбината № 392 НКБ более чем на две трети состояли из молодежи[7]. Ее основная масса обучалась профессиям в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и бригадно-индивидуального ученичества. Большинству юных тружеников присваивался второй или третий разряд, который был недостаточен для производства военной продукции. На трудности профессиональной адаптации накладывалось отставание заводской социально-бытовой инфраструктуры от численного роста рабочих, приводившее к их огромной текучести. Эти факторы оказывали существенное влияние на становление в оборонном комплексе Сибири системы трудовых стимулов, в том числе ее принудительного компонента.

[1] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2750. Л. 101, 103; РГАЭ. Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2776. Л. 36, 42, 48.

[2] РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1449. Л. 8; РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1499. Л. 57.

[3] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 113. Л. 3–4.

[4] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 5. Л. 34.

[5] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 1. Л. 25.

[6] Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сб. документов. Новосибирск: Государственный архив Новосибирской области, 2005. с. 61; РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1449. Л. 77.

[7] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 113. Л. 4.

Причины, тенденции, особенности

Во второй половине 1930-х гг. руководство предприятий осуществляло дисциплинарный контроль над работниками на производстве. Ключевое место в нем занимало увольнение за прогулы с лишением служебной жилплощади и снабжения. Несмотря на его активное применение, после отмены карточек проблема трудовой дисциплины вновь стала обостряться. В 1934 г. советский рабочий прогулял в среднем 0,67 дня, в 1937 г. – 1,05 [8, с. 49]. Поначалу работодатели уповали на товарищеские суды, боровшиеся с мелкими правонарушениями и практиковавшие в качестве наказаний в основном небольшие штрафы и общественные порицания. Такие меры как освобождение от должности или отправка на принудительные работы составляли соответственно 9,3 и 4,7 % решений товарищеских судов (Западная Сибирь, 1937 г.) [9, с. 537–538]. Ограниченное использование жестких санкций, продиктованное дефицитом кадров, приводило к тому, что на заводах и фабриках слабо соблюдались дисциплинарные нормы.

В начале третьей пятилетки сложившаяся ситуация вступила в противоречие с необходимостью укрепления обороноспособности СССР. Выполнение данной задачи требовало повышения служебной ответственности тружеников военной индустрии. Однако она оставалась на низком уровне, являвшемся одним из факторов медленного развертывания на востоке страны выпуска боевой техники, стрелкового оружия, боеприпасов и т. д. Наряду с материально-техническими проблемами реализация государственных плановых заданий срывалась в связи с нестабильным составом трудовых коллективов. За 1938 г. на комбинате «Сибметаллстрой» были приняты на работу 1050 человек, уволены – 1020 (97,1 % от числа принятых). Удельный вес работников, уволенных из-за прогулов и прочих правонарушений, составлял 12,2 %[8]. Невысокая доля лиц, подвергнувшихся увольнению за должностные проступки, свидетельствовала о «либеральном» отношении руководителей предприятия к девиантному поведению подчиненных. В этом смысле новосибирский снарядный комбинат являлся показательным примером тенденции к ослаблению принуждения, побудившего советское государство к активизации его ординарных механизмов.

Приспособление стратегии «Ниже дисциплина – выше наказание» к форсированному развитию оборонной промышленности происходило в рамках Постановления от 28 декабря 1938 г. Целевая установка стратегии была скорректирована в сторону упорядочения трудовой дисциплины путем соблюдения закона об увольнении прогульщиков. Способом достижения цели являлась дифференциация административных наказаний в зависимости от тяжести служебных проступков. Опоздание на работу без уважительной причины, уход с завода до завершения смены, безделье в рабочее время влекли замечание или выговор, перевод на производственные участки с меньшим заработком или понижение в должности. За три подобных нарушения или прогул следовало освобождение от выполнения профессиональных обязанностей[9]. В качестве ожидаемого результата законодателем предполагалось очищение рабочего класса от летунов, лодырей, прогульщиков и рвачей.

Однако на фоне обострения кризиса снабжения накануне и особенно после начала Второй мировой войны реанимация наиболее суровых ординарных взысканий в сфере военно-промышленного производства вызвала отрицательные последствия. В 1939 г. с предприятий НКАП выбыло 40,2 тыс. человек (74,7 % от числа принятых), с комбинатов НКБ – 161,5 тыс. человек (83,4 %)[10]. Около 39 % рабочей силы, убывшей из промышленности боеприпасов за первое полугодие 1940 г., составляли прогульщики[11]. Более напряженное положение с дисциплиной складывалось в оборонной промышленности Сибири. В 1939 г. за прогулы и т. п. были подвергнуты увольнению 82 % работников, ушедших с комбината № 179 НКБ[12]. В январе – апреле 1940 г. после кампании по самозакреплению кадров на «Сибметаллстрое» данный показатель снизился до 64,25 %[13]. С 1 января по 26 июня 1940 г. на комбинате № 392 НКБ были приняты на работу 1469 человек, освобождены от нее – 1242 (84,5 % от числа принятых). Половина уволенных приходилась на трудящихся, прогулявших как минимум одну смену[14]. В результате стремление производственных управленцев к очистке заводских коллективов от прогульщиков лишь подхлестывало отток рабочих с производства. Типичная проблема имела место на многих предприятиях,

[8] ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 985. Л. 53.

[9] О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28.12.1938. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4172.htm (дата обращения: 15.06.2018).

[10] ГАНО. Ф. П-720. Оп. 1. Д. 37. Л. 5; РГАЭ. Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2776. Л. 4.

[11] РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1290. Л. 5.

[12] РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1449. Л. 77.

[13] ГАНО. Ф. П-720. Оп. 1. Д. 37. Л. 30.

[14] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 113. Л. 3.

строившихся в восточных районах СССР. Ее нерешенность вступала в контраст с неэффективной адаптацией ординарных практик стратегии принуждения к курсу милитаризации советской экономики. Летом 1940 г. этот казус подтолкнул высшее руководство СССР к использованию экстраординарных способов принуждения.

Качественная трансформация стратегии «Ниже дисциплина – выше наказание» осуществлялась в рамках Указа от 26 июня 1940 г. Целевая установка эволюционировала в направлении закрепления рабочих и служащих на предприятиях за счет запрета на смену места работы. Способом достижения цели продолжала выступать дифференциация уголовных наказаний, сочетавшихся с материальными. За опоздание свыше 20 минут или прогул по приговору районных судов полагались исправительно-трудовые работы (ИТР) на срок до шести месяцев с выплатой штрафа в размере до 25 % от зарплаты, за самовольный уход – тюремное заключение от двух до четырех месяцев[15]. В качестве ожидаемого результата законодателем предполагалось сокращение потерь рабочего времени и текучести кадров.

В целом новый закон применялся в широкоформатном масштабе. С 27 июня по 31 декабря 1940 г. за прогулы и самовольные уходы в СССР было осуждено 2091,4 тыс. человек (6,7 % от среднегодового числа рабочих и служащих) [10]. В оборонной промышленности Сибири уголовные меры против правонарушителей использовались более интенсивно. С конца июня до начала октября 1940 г. с завода № 153 НКАП в суд поступили дела на 580 человек (7,7 % рабочих и служащих). Удельный вес опоздавших свыше 20 минут и прогульщиков в их составе достиг 71,4 %, незаконно ушедших с предприятия – 5,3 %, других категорий «преступников» – 23,3 %[16]. На комбинате № 392 НКБ под действием указа в 1940 г. оказались 500 человек, включая 345, приговоренных к исправительным работам на срок от трех до шести месяцев[17]. К 10 сентября 1940 г. народный суд Кировского района Новосибирска вынес 2105 аналогичных приговоров, в том числе 240 – к ИТР до трех месяцев, 1865 – до шести месяцев, 402 – к лишению свободы от двух до четырех месяцев[18]. Значительная доля судебных решений касалась персонала комбината № 179 НКБ, являвшегося одним из крупнейших хозяйственных объектов города.

Курс на усиление принуждения в военной индустрии наталкивался на ряд проблем, снижавших эффективность сочетания его ординарных и экстраординарных практик. Основная масса нарушителей указа приходилась на молодежь, впервые пришедшую на производство. На заводе № 153 НКАП доля лиц со стажем до одного года составляла две трети работников, подпавших под судебное преследование за дисциплинарные проступки[19]. Слабая адаптация молодых кадров к нормам индустриального труда затрудняла слаженную организацию производственной деятельности. «Фотография» рабочего дня пяти токарей и двух фрезеровщиков завода им. В. П. Чкалова, проведенная 16–17 июля 1940 г., показала, что на подготовку к работе, получение и заточку инструмента, выполнение станочных операций эти труженики затрачивали от 61,15 до 82,7 % сменного времени. В свою очередь, хождение по цеху, курение и естественные надобности отнимали у них от 15,44 до 38,85 % временного «фонда»[20]. Такая обстановка, характерная для всей советской оборонной промышленности, ограничивала профилактику отклоняющихся поведенческих реакций в среде производственников.

На результативности жесткого варианта стратегии принуждения к труду негативно сказывались случаи неправильного применения судебных санкций. На комбинате «Сибметаллстрой» начальник цеха Равенко передал дело в прокуратуру на прогульщицу Копылову и одновременно уволил ее по собственному желанию[21]. На заводе № 153 НКАП рабочий Патрушев пришел в цех через полтора часа после начала смены. Несмотря на предъявление справки из военкомата, руководитель отдал его под суд, вынесший оправдательный приговор[22]. Начальник цеха № 11 Жарков заставлял подчиненных трудиться по несколько смен подряд путем их запугивания: «Если Вы не будете работать, то я Вас всех отдам под суд»[23]. Подобный произвол администраторов привел к тому, что дирекция завода им. В. П. Чкалова и районная прокуратура были вынуждены прекратить

[15] О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 15.06.2018).

[16] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 96. Л. 24.

[17] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 94. Л. 13.

[18] ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 896. Л. 55.

[19] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 96. Л. 24.

[20] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 94. Л. 3.

[21] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 96. Л. 29.

[22] ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 896. Л. 59.

[23] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 94. Л. 60.

около четверти дел[24], оформленных на предприятии с 27 июня по 5 октября 1940 г.

Результаты

Вместе с тем введение в систему наказаний исправительных работ с крупными штрафами и лишения свободы способствовало падению динамики нарушений труддисциплины. С 1 января по 26 июня 1940 г. в сибирском авиапроме было совершено 1760 прогулов (78 %), с 27 июня по 31 декабря – 496 (22 %)[25]. В августе – декабре на комбинате № 179 НКБ доля прогулов среди служебных проступков сократилась с 44,2 до 22,8 %, самовольных уходов – с 11,1 до 3,0 %, опозданий свыше 20 минут – с 33,8 до 28,7 %, опозданий до 20 минут – выросла с 10,9 до 45,5 %[26]. За второе полугодие 1940 г. на «Сибметаллстрое» число прогульщиков снизилось в 1,5 раза, в промышленности боеприпасов СССР – в 3,45 раза. В январе–мае 1941 г. в эту отрасль прибыло 36,9 тыс. человек, выбыло из нее – 28,7 тыс. (77 % от числа принятых), в том числе незаконным путем – 1,1 тыс. человек. Удельный вес нелегитимной мобильности в общей текучести кадров составлял 3,9 %[27]. Данные тенденции свидетельствовали о существенном сужении сферы девиантного поведения рабочих в оборонном производстве.

Заключение

Таким образом, в конце 1930-х – начале 1940-х гг. принудительный компонент социально-трудовых отношений в оборонной промышленности Сибири эволюционировал от преобладания ординарных к сочетанию ординарных и экстраординарных практик наказания за «преступления» в ведущих отраслях экономики. Ключевой предпосылкой этой эволюции стала подготовка народного хозяйства к войне. В азиатской России она выражалась, прежде всего, в строительстве нескольких предприятий по выпуску вооружения и боеприпасов. Причины усиления принуждения скрывались в ослаблении влияния на работников стратегии «Ниже дисциплина – выше наказание», воплощавшейся в жизнь с помощью материальных, моральных и административных взысканий. Ее качественное изменение за счет сочетания уголовных и штрафных санкций позволило повысить эффективность механизмов противодействия массовым правонарушениям. Но в Сибири этот эффект оказался менее ощутимым в связи с тем, что военно-промышленное производство находилось на стадии первоначального развертывания, осуществлявшегося в основном силами рабочей молодежи, которая еще не усвоила нормы индустриальной трудовой культуры.

Литература

1. Хлевнюк О. В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 86–96.

2. Девис Р. У., Хлевнюк О. В. Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. Т. 1. С. 57–171.

3. Соколов А. К. Принуждение к труду и его кризис в советской промышленности (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2004. Т. 2003. С. 74–99.

4. Соколов А. К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 174–224.

5. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на московском заводе «Серп и Молот» в 1883–2001 гг. М: РОССПЭН, 2005. 368 с.

6. Сомов В. А. Потому что была война… Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. 234 с.

7. Tilly C., Tilly Ch. Work under Capitalism. Boulder, Colorado: Westview Press, 1998. 326 p.

8. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.

9. Введенский В. В. К вопросу о формировании трудовой этики на промышленных предприятиях Западной Сибири (1930-е годы) // Мобилизационная модель экономики: сб. материалов II Всерос. науч. конф. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 662 с.

10. Папков С. А. Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940–1945) // Мемориал: сайт. Режим доступа: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2000Papkov.htm (дата обращения: 15.06.2018).

[24] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 96. Л. 28.

[25] РГАЭ. Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2776. С. 36, 42, 48.

[26] РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д.1449. Л. 60.

[27] Там же, л. 5.

EVOLUTION OF THE COERCIVE STRATEGY AIMED AT WORKERS OF THE SIBERIAN DEFENSE INDUSTRY IN THE LATE 1930S – EARLY 1940S

Roman E. Romanov [a, @, ID]

[a] *Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090*
[@] *rromanov1981@mail.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/R-5374-2016*

Received 25.06.2018. Accepted 25.09.2018.

Keywords: defense industry, stimulation of working personnel, compulsory strategy

Abstract: The study features the origins and development of the coercive component of the system of social and labor relations in the defense industry of the pre-war Siberia. Its goal is to identify the prerequisites and causes, the general trends and specifics of this strengthening, the essence of which was in the qualitative transformation of the personnel incentive strategy "The lower the discipline – the higher the punishment". The methodological basis of the research is the author's version of the concept defined by American historians and sociologists Ch. and K. Tilly about the three universal factors of labor motivation (reward, motivation, and coercion). According to their theory, such a strategy acted as a coercive mechanism that was enacted with the help of material, moral, disciplinary (ordinary), and criminal (extraordinary) sanctions. The methodology shows the evolution of the scope of punishment in the Siberian military industry in the period from December 28, 1938 to June 21, 1941. At the first stage (December 28, 1938 – June 25, 1940), the Soviet state made an unsuccessful attempt to adapt the ordinary practices of compulsory strategy to the policy of militarization of the economy, which resulted in an increase in the proportion of dismissed truants in the general turnover of workers. At the second stage (June 26, 1940 – June 21, 1941), the government relied on a combination of ordinary and extraordinary practices, which made it possible to reduce such disciplinary offenses as truancy and unauthorized leave. However, in Siberia this effect was less tangible due to the fact that the regional defense industry was at the stage of initial deployment, which was carried out mainly by the working youth, who had not yet acquired the norms of industrial labor culture.

For citation: Romanov R. E. Evoliutsiia strategii prinuzhdeniia rabochikh k trudu v oboronnoi promyshlennosti Sibiri v kontse 1930-kh – nachale 1940-kh gg. [Evolution of the Coercive Strategy Aimed at Workers of the Siberian Defense Industry in the late 1930s – early 1940s]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 4 (2018): 65–71. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-65-71

References

1. Khlevniuk O.V. 26 iiunia 1940 g.: illiuzii i real′nosti administrirovaniia [June 26, 1940: illusions and realities of administration]. *Kommunist = Communist*, no. 9 (1989): 86–96.

2. Devis R. U., Khlevniuk O. V. "Razvernutoe nastuplenie sotsializma po vsemu frontu" ["The unfolded offensive of socialism along the whole front"]. *Sovetskoe obshchestvo: vozniknovenie, razvitie, istoricheskii final* [Soviet society: the emergence, development, historical finale]. Ed. Afanas′ev Iu. N. Moscow: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, vol. (1997): 57–171.

3. Sokolov A. K. Prinuzhdenie k trudu i ego krizis v sovetskoi promyshlennosti (konets 1930-kh – seredina 1950-kh gg.) [Labor coercion in Soviet industry and its crisis: the end of the 1930s to the mid 1950s]. *Ekonomicheskaia istoriia: Ezhegodnik = Economic History: Yearbook*, vol. 2003 (2004): 74–99.

4. Sokolov A. K. Problemy motivatsii truda na sovetskikh predpriiatiiakh [Problems of labor motivation in Soviet enterprises]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN = Proceedings of the Institute of Russian History RAS*, no. 9 (2010): 174–224.

5. Markevich A. M., Sokolov A. K. *"Magnitka bliz Sadovogo kol'tsa": stimuly k rabote na moskovskom zavode "Serp i Molot" v 1883–2001 gg.* ["Magnitogorsk near the Garden Ring": incentives to work at the Moscow plant "Hammer and Sickle" in 1883–2001]. Moscow: ROSSPEN, 2005, 368.

6. Somov V. A. *Potomu chto byla voina… Vneekonomicheskie faktory trudovoi motivatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [Because there was a war... Non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nizhny Novgorod: Izd-vo Volgo-Viatskoi akademii gos. sluzhby, 2008, 234.

7. Tilly C., Tilly Ch. *Work under Capitalism.* Boulder, Colorado: Westview Press, 1998, 326.

8. Postnikov S. P., Fel′dman M. A. *Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [Socio-cultural image of industrial workers in Russia in 1900–1941]. Moscow: ROSSPEN, 2009, 367.

9. Vvedenskii V. V. K voprosu o formirovanii trudovoi etiki na promyshlennykh predpriiatiiakh Zapadnoi Sibiri (1930-e gody) [On the Formation of Labor Ethics in Industrial Enterprises of Western Siberia (1930s)]. *Mobilizatsionnaia model' ekonomiki: sb. materialov II Vseros. nauch. konf.* [Mobilization model of economy: Proc. II All-Russian Sc. Conf.]. Cheliabinsk: Entsiklopediia, 2012, 662.

10. Papkov S. A. *Karatel'noe pravosudie v SSSR v gody Vtoroi mirovoi voiny (1940–1945)* [Punitive justice in the USSR during the Second World War (1940–1945)]. Available at: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2000Papkov.htm (accessed 15.06.2018).

УДК 902/904

НОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ТАШТЫКЦЕВ НА СКАЛАХ ТЕПСЕЯ*

Ольга С. Советова [a, @, ID1]***; Ольга О. Шишкина*** [a, ID2]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *olgasovetova@yandex.ru*
[ID1] *http://www.researcherid.com/rid/G-6895-2018*
[ID2] *http://www.researcherid.com/rid/X-2375-2018*

Поступила в редакцию 21.11.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова: таштыкская культура, Тепсей, петроглифы, Минусинская котловина, костюм, реконструкция

Аннотация: В последние годы на Тепсее открыто немало новых наскальных изображений этой эпохи, наиболее информативными среди которых являются гравированные рисунки. В статье представлены новые материалы, среди которых есть и уникальные, расширяющие представления о таштыкской культуре в целом. Наибольший интерес представляют изображения антропоморфных персонажей – таштыкских воинов (охотников?), найденные в разных пунктах горы Тепсей. Петроглифы позволяют реконструировать внешний облик обитателей Минусинских степей, так как в рисунках запечатлены головные уборы, прически, детали одежды. Эти изображения находят прямые аналогии среди фигур воинов на деревянных плакетках, обнаруженных в одном из тепсейских таштыкских склепов, что позволяет определить этническую принадлежность некоторых изображенных. Тепсейские изобразительные материалы, включающие и наскальные изображения, дополняют представления о внешнем облике таштыкцев: впервые можно с очевидностью отметить у них использование такого вида одежды, как укороченные штаны, а также некоторые новые варианты головных уборов, что свидетельствует, скорее всего, об определенной преемственности с предшествующим тесинским населением, и, возможно, позволяет говорить о влиянии хунну.

Для цитирования: Советова О. С., Шишкина О. О. Новые изображения таштыкцев на скалах Тепсея // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 72–78. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-72-78

Введение

Таштыкская культура на Енисее известна не только своими многочисленными грандиозными склепами, в которых были обнаружены мумии, маски, одежда, деревянная посуда и др., но и памятниками искусства. Находка 1968 г. в склепе под горой Тепсей уникальных деревянных плакеток с резными рисунками открыла ученым совершенно новые сведения о таштыкской эпохе. Резные изображения, выявленные на этих плакетках, дополненные позднее аналогичными ташебинскими материалами, прочно вошли в научную литературу и позволили сделать блестящие реконструкции внешнего облика воинов таштыкской культуры [1; 2]. Д. Г. Савинов впервые предложил версию атрибуции различных, наиболее характерных тепсейских персонажей. В воинах со специфическими причёсками с булавкой в волосах он увидел «таштыкцев как таковых», поскольку костяные булавки встречаются в таштыкских грунтовых могильниках. Воины в лодке с простыми луками и в конических (берестяных?) головных уборах предположительно были названы им «населением лесов, окружающим минусинские степи». «Рыцари» в доспехах могли представлять тюрков во время их первого появления на Среднем Енисее [2, с. 187, 188]. Эта атрибуция была дана во многом интуитивно, однако позже она подкрепилась наблюдениями С. В. Панковой.

Исследователь также выделила три группы тепсейских персонажей. Для воинов первой группы (таштыкцев), по ее мнению, характерны луки «скифского» типа и прямоугольные колчаны (гориты) со стрелами наконечниками вниз, причёски в виде длинного хвоста на затылке или хвоста в сочетании с характерным «узлом» на темени. Воины второй группы (тюрки) изображены в доспехах с луками «хуннского типа» и саадачными наборами из длинной изогнутой налучи для спущенного лука и колчана с закругленным низом и треугольным / фигурным верхним краем, с причёсками в виде длинных распущенных волос. Для воинов третьей

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ.

группы, которые с каким-либо населением соотнесены не были, характерны сегментовидные луки и прямоугольные колчаны, вероятно, более узкие и короткие, чем в саадаках первой группы, на них надеты уплощённые конические шапочки и кафтаны особого покроя (возможно, глухие) [1, с. 120–122].

К настоящему времени помимо антропоморфных персонажей, запечатленных на плакетках, известно еще одно миниатюрное изображение на ящике-гробике с захоронением ребенка из 2 склепа в пункте Тепсей III. Сам объект уникален уже тем, что захоронение ребенка в склепе нетипично для таштыкской культуры. Для детей, как правило, создавались отдельные кладбища. Такое место было и на Тепсее, и располагалось оно недалеко от больших склепов [3, с. 123]. Очевидно, что в данном случае речь должна вестись о каком-то особом ребенке, которому была оказана честь быть захороненным в склепе рядом со взрослыми. На боковой стене этого гробика глубокими линиями была вырезана человеческая фигура. М. П. Грязнов лишь упомянул о данной находке и атрибутировал изображение как воина [3, с. 145]. Спустя десятилетия рисунок опубликовала Э. Б. Вадецкая, обратившая внимание на некоторые детали одежды этого персонажа: одет он был в длинную свободную рубаху-платье со вшитыми в бока клиньями, и шаровары, на его груди на длинных ремешках подвешен мешочек, орнаментированный 6 поперечными полосами, на голове изображены либо шапка с козырьком спереди, либо подстриженные волосы с чёлкой на лбу [4, с. 16]. Как мы видим, внешний вид этого персонажа резко отличается от изображений воинов на плакетках. Э. Б. Вадецкая высказала идею, что здесь изображен служитель культа, а может быть и захороненный ребенок в ритуальной одежде [4, с. 17]. Схожая по покрою одежда (свободная, не подпоясанная) и прическа изредка, но все же встречаются среди наскальных изображений таштыкского времени у некоторых персонажей (воинов?) [5, рис. 123, 135; 6, рис. 13]. Мешочек же на груди изображенного может быть интерпретирован немного иначе – как амулет в форме перевернутого котелка с орнаментированным поперечными полосами туловом. Такие украшения были распространены у таштыкцев, о чем свидетельствуют находки подобных котелков в грунтовых могилах [7]. Таким образом, материалы плакеток, а позднее и ящика-гробика стали основой для реконструкции внешнего облика таштыкцев и их противников.

Тепсейские персонажи

Наши изыскания последних лет, проводившиеся на Тепсее, и работы других исследователей позволили в некоторой степени дополнить «портрет» населения, оставившего свои изображения на другом типе памятников – в наскальном искусстве [8; 9]. К сожалению, на скалах Тепсея к настоящему времени выявлено совсем немного антропомофных персонажей, которые уверенно могли бы быть соотнесены с таштыкской культурой, тем не менее даже эти находки оказываются бесценными. Можно выделить две группы рисунков по технике их выполнения – выбитые и гравированные. Обнаруженные нами выбитые изображения таштыкцев единичны и маловыразительны, хотя на соседних памятниках – на Оглахты и Суханихе – в технике выбивки выполнены прекрасные фигуры воинов, запечатленные в характерной манере во время стрельбы из лука и в других ситуациях, с тонкими талиями и в соответствующих одеяниях [10, табл. XI–1-3, XII–1-2; 11, табл. 6]. Тепсейские фигуры по сравнению с ними схематичны и сходны лишь позой, причем нередко луки в их руках гравированные. Малочисленна пока и серия полностью выгравированных антропоморфных изображений. К настоящему времени известно лишь три плоскости с такими рисунками. Одна из сцен была обнаружена С. В. Панковой в Волчьем логу (Тепсей II). Она включает изображения животных и двух человеческих фигур [12, рис. 2]. Фигуры людей сохранились плохо – прослежены лишь их корпуса и ноги – возможно, поэтому они не были проанализированы исследовательницей. Несколько сцен с антропоморфными персонажами, выполненными гравировкой, были зафиксированы на южной вершине горы Тепсей, обращенной к Тубе, Н. В. Леонтьевым [12, с. 52], а позднее они были скопированы и опубликованы И. Л. Кызласовым [13] (рис. 1). Еще одна сцена задокументирована нами в 2017 г. в пункте Усть-Туба IV (по индексации Я. А. Шера) (рис. 2). (По сведениям Н. В. Боковенко, эта плоскость была известна ему и ранее, но не опубликована[1]). Она интересна тем, что, очевидно, еще в скифскую эпоху на довольно ровном скальном выходе были выбиты реалистичные фигурки кабанов, а позднее, в таштыкское время, в сцену были включены четыре антропоморфные фигуры, выполненные в таштыкской манере. Один из персонажей целится из лука в кабана, другие не связаны с животными, и как часто бывает в таштыкских композициях, расположены хаотично, ориентированы в разные стороны, к тому же в данном случае выполнены в разных пропорциях. Всего на Тепсее

[1] Боковенко Н. А. Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году // Архив Института археологии Российской академии наук. Р. 1. 101 103. 153 ед. хр. 1984 г.

к настоящему времени гравированных антропоморфных персонажей нами выявлено около десятка.

Все изображения людей при наличии общих признаков имеют и индивидуальные черты. В целом приемы передачи антропоморфных фигур в наскальном искусстве Тепсея находят прямые соответствия с рисунками на тепсейских плакетках. Постановка ног передает динамичность движения, нередко носок ноги вытянут; талии узкие; у лучников характерно согнутая и приподнятая рука. Прием штриховки фигур использован как на плакетках, так и на скалах. У многих персонажей прослеживаются некоторые знаковые детали, маркирующие изображения таштыкского времени: например, заостренным уголком намечены полы приталенных кафтанов (рис. 1, 2), различается лишь их длина, которая могла быть как до середины бедра, так и до колен. Такой прием передачи кафтана таштыкцев зафиксирован не только на Тепсее, но и на многих памятниках Минусинской котловины [6, рис. 13, 28; 11, табл. 6; 14, рис. 1; 15, рис. 4; 16, рис. 8] и, очевидно, может считаться датирующим.

Рис. 1. Плоскость с антропоморфными персонажами. Юго-восточная оконечность южной вершины горы Тепсей [13, рис. VII]
Fig. 1. Anthropomorphic images. South-eastern tip of the southern peak of Tepsey [13, fig. VII]

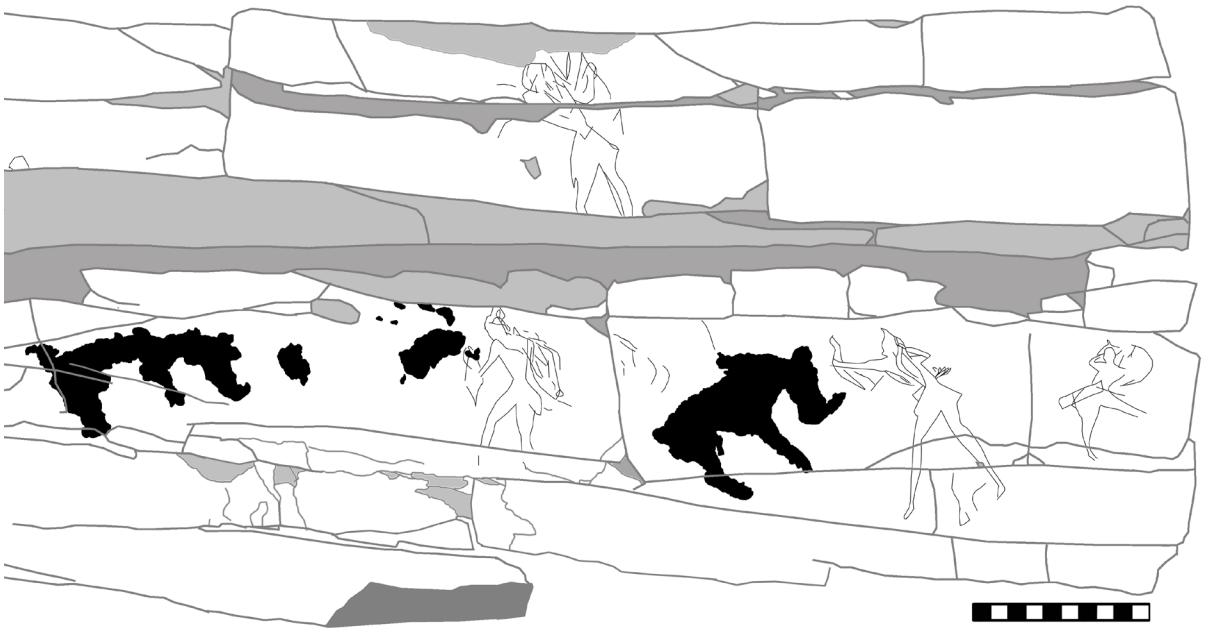


Рис. 2. Плоскость с таштыкскими лучниками, найденная в 2017 г. Усть-Туба IV (прорисовка авторов)
Fig. 2. Tashtyk archers, found in 2017 on Ust'-Tuba IV (tracing made by the authors)

Можно выявить и другие детали одежды у тепсейских наскальных персонажей. Как правило, таштыкские воины изображаются в облегающих штанах (рис. 2) и в мягких сапогах. Возможно, так изображены воины в летней одежде. Другой вариант представляют персонажи в шароварах. Например, на вершине горы Тепсей имеется сцена с фигурами в штанах разного типа. На одном из мужчин показаны, вероятно, мягкие сапоги и шаровары, у другого укороченные штаны, украшенные штриховкой (рис. 1). О том, что это действительно штаны, а не расходящиеся полы кафтана, свидетельствует тот факт, что правая штанина короче левой, отчего видна часть ноги, а также то, что многие из аналогичных фигур показаны не в движении, когда полы одежды могут расходиться. В подтверждение этому предположению отметим, что такой вариант штанов зафиксирован и на других памятниках Минусинской котловины, нередко и со штриховкой [14, рис. 2.3, 4.2], в сценах на Четвертом Сундуке [17, рис. 4], Чалпане, на одном из курганных камней из Салбыкской степи [17, рис. 1, 2; 4] и т. д. На скалах Тепсея нам неоднократно встречались сильно заветренные плоскости с едва уловимыми гравированными линями, среди которых есть фрагменты антропоморфных фигур, выполненных в таштыкском каноне, и у одной из них лучше всего сохранились такие же короткие штаны, что подтверждает неслучайность нашего наблюдения. (Заметим, что на упомянутой выше плоскости с таштыкскими воинами на скалах Оглахты у одного из персонажей фиксируются укороченные штаны). В одном из таштыкских погребений могильника Оглахты сохранились зимние мужские штаны. Они были сделаны из овчины, заходили за колено, были напускными, завязывались ремнями у пояса и в двух местах у ног – под пах и под колено. На этом же мужчине были надеты высокие до колен меховые сапоги [18, с. 54].

Известны случаи нахождения в алтайских пызырыкских погребениях скифского времени как узких длинных штанов, так и укороченных штанов и мягких сапог. Укороченные штаны были найдены в погребениях рядовых мужчин-воинов в могильнике Верх-Кальджин (курганы 1 и 3) [19, рис. 88]. По мнению автора раскопок этих курганов Н. В. Полосьмак, в том, что в костюме пызырыкцев одновременно встречаются длинные и укороченные штаны, нет ничего странного, и этот факт лишь указывает на разнообразие одежды для удобства. Вероятно, укороченность штанов воинов диктовалась простой целесообразностью: на ноги были надеты высокие чулки [19, с. 124]. Можем предположить, что в таких коротких штанах легче было сгибать ногу, сидя на коне. У хунну же, благодаря находкам в Ноин-Уле, известны штаны другого кроя: это более широкие и свободные шаровары, а также штаны китайского покроя, состоящие из двух отдельных штанин с пришитой к ним войлочной обувью [20, с. 40]. Таким образом, можно констатировать, что традиция ношения длинных и коротких штанов и мягкой обуви наподобие пызырыкских дошла и до таштыкцев.

Сведения о разного рода головных уборах и прическах таштыкских персонажей можно извлечь из анализа изображений усть-тубинской плоскости (рис. 2). У одного воина изображен своеобразный конический головной убор (шлем?) с широкими краями и заостренный на макушке. На плакетках у третьей группы воинов (по С. В. Панковой) показаны характерные конические головные уборы, но немного другого вида. Напрашивается аналогия с изображениями всадников с соседней Льнищенской писаницы в своеобразных головных уборах, по типу близких тепсейскому. Датировка их дискуссионна (от раннетагарского до раннетюркского времени) (подробнее см. [21]). На голове другого персонажа изображен островерхий конический шлем или колпак (?), купол которого покрывает голову лучника, не закрывая глаз. Ото лба и затылка проведены линии, соединяющиеся на корпусе. Подобные шлемы изображены и на второй тепсейской плакетке [3, рис. 59], и среди других петроглифов таштыкской культуры [17, рис. 2. 2,4; 4.2; 16, прорис. 3]. Подобные островерхие колпаки встречаются среди изображений более раннего времени этого региона, относящихся к тагарской культуре [22, табл. 28]. Головной убор отчасти напоминает колпаки скифов и саков. В частности, такие колпаки, выполненные из войлока, встречаются в материалах пызырыкской культуры [19, рис. 105, 106]. Известно, что в подобных колпаках изображены и хуннские воины на древнекитайских рисунках и бронзовой бляхе из Ордоса [23, с. 51], сохранился островерхий колпак в Ноин-Улинском погребении [20, табл. 16] и т. д. Несмотря на достаточно широкие аналогии, к сожалению, точно определить этническую принадлежность этой фигуры пока затруднительно. Подобные уборы могли быть распространены как у таштыкцев, так и у другого населения.

Третий персонаж как будто повернут к зрителю спиной, поэтому можно предположить, что здесь переданы некоторые детали его прически. На голове воина видны волосы, как бы собранные в узел на темени и прикрытые накосником (?). Подобные прически изображены и на плакетках [3, рис. 59] и надежно соотносятся с таштыкцами [5, с. 120; 11, табл. 6, 12].

Заключение

Таким образом, тепсейские изобразительные материалы, теперь уже включающие наскальные изображения, дополняют представления о внешнем облике таштыкцев: впервые можно с очевидностью отметить у них использование такого вида одежды,

как укороченные штаны, и некоторые новые варианты головных уборов, что свидетельствует, скорее всего, об определенной преемственности с предшествующим тесинским населением, а также, возможно, позволяет говорить и о влиянии хунну. В наскальном искусстве отразились сложные процессы культурогенеза и многокомпонентности населения, обитавшего в таштыкскую эпоху на берегах Енисея. Наскальные изображения, открытые в Тепсейском археологическом микрорайоне в последние годы, позволяют дополнять уже известные картины окружавшей таштыкцев действительности. Например, на скалах и камнях тагарских курганов под горой Тепсей выявлены выбитые и гравированные сцены, в которых представлены хищники, преследующие копытных, птицы, олени, лоси, а также бегущие тучные быки – один из излюбленных сюжетов, продиктованных жизнью: на своих угодьях охотятся таштыкские охотники, за свои стада и свои пастбища бьются воины (реальные или эпические), выгравированные на плакетках и запечатленные на скалах могучего Тепсея.

Литература

1. Панкова С. В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды САИПИ. Вып. VII. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 117–141.

2. Савинов Д. Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 185–190.

3. Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 89–146.

4. Вадецкая Э. Б. Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: ТД Всеросс. науч. конф. Омск: ОмГУ, 2000. С. 15–17.

5. Панкова С. В. Таштыкские гравировки (сюжетно-стилистический анализ и историко-культурная интерпретация): дис. … канд. ист. наук. СПб., 2011. 288 с.

6. Панкова С. В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 125–159.

7. Тетерин Ю. В., Митько О. А., Журавлева Е. А. Бронзовые миниатюрные подвески-сосуды Южной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2010. № 7. С. 80–94.

8. Советова О. С., Аболонкова И. В. Гравированные рисунки Тепсея // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 128–134.

9. Shishkina O. O. Graphic Materials of Tashtyk Culture in Tepsey Archaeological Complex // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 670–676.

10. Пяткин Б. Н., Советова О. С., Миклашевич Е. А. Петроглифы Оглахты-V // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 86–112.

11. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 47–74.

12. Панкова С. В. Таштыкские гравировки на Тепсее // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Институт алтаистики имени С. С. Суразакова, 2004. Вып. 2. С. 52–60.

13. Кызласов И. Л. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. 26. С. 103–108.

14. Кызласов И. Л. Таштыкские рыцари // Проблемы изучения наскальных изображений СССР. М.: Наука, 1990. С. 182–192.

15. Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2013. 120 с.

16. Панкова С. В. Ошкольская писаница в Хакасии // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ. Вып. IX. М.; Кемерово: Кузбасскузиздат, 2012. С. 76–97.

17. Кызласов Л. Р. Историко-культурное значение образов таштыкского искусства (на примере графики) // Проблемы изучения наскальных изображений СССР. М.: Наука, 1990. С. 192–197.

18. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.

19. Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

20. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.

21. Миклашевич Е. А. Льнищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Льнищенская. Улазы III. Сосниха. Труды САИПИ. Вып. X. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 28–57.

22. Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2005. 140 с.

23. Никаноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 320 с.

NEW IMAGES OF TASHTYKS ON THE ROCKS OF TEPSEY*

Olga S. Sovetova [a, @, ID1]***; Olga O. Shishkina*** [a, ID2]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *olgasovetova@yandex.ru*
[ID1] *http://www.researcherid.com/rid/G-6895-2018*
[ID2] *http://www.researcherid.com/rid/X-2375-2018*

Received 21.11.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: Tashtyk culture, Tepsey archaeological complex, petroglyphs, Minusinsk Basin, costume, reconstruction

Abstract: A lot of new rock art images of Tashtyk epoch have been discovered on the Yenisei recently, engravings being the most informative of them. The paper presents some new materials that may deepen the understanding of the Tashtyk culture. Some of the examples some are unique. The most interesting engravings are the anthropomorphic images of Tashtyk warriors (hunters?) found all over mount Tepsei. The petroglyphs make it possible to reconstruct the appearance of the people who inhabited the Minusinsk basin for they depict headware, hairstyle, and various elements of clothes. The images have direct analogies with the figures of warriors on the wooden plaques discovered in one of the Tashtyk burials on Tepsey, which allowed scientists to identify the ethnicity of some of the depicted characters. The Tepsey pictorial materials, including rock images, add to the understanding of the Tashtyk people's appearance: in those unique images we can clearly see them wearing short trousers as well as some new kinds of headwear, which may be the evidence of the previous Tesin tradition and, probably, the Hunnu influence.

For citation: Sovetova O. S., Shishkina O. O. Novye izobrazheniia tashtyktsev na skalakh Tepseia [New Images of Tashtyks on the Rocks of Tepsey]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 72–78. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-72-78

References

1. Pankova S. V. Voiny tashtykskikh miniatiur: vozmozhnosti atributsii [Warriors of Tashtyk miniatures: the possibility of attribution]. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii. K 70-letiiu D. G. Savinova. Trudy SAIPI. Vyp. VII* [Ancient art in the mirror of archeology. On the 70th anniversary of Savinov D. G. Proc. of the Siberian Association of Primitive Art Researchers. Iss. VII]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 117–141.

2. Savinov D. G. Rannie tiurki na Enisee (arheologicheskii aspekt) [Early Turks on the Yenisey (archaeological aspect)]. *Vremia i kul'tura v arheologo-etnograficheskikh issledovaniiah drevnikh i sovremennykh obshhestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii:* Materialy XIV Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konf. [Time and culture in archaeological and ethnographic research of ancient and modern societies of Western Siberia and adjacent territories: problems of interpretation and reconstruction: Proc. XIV West Siberian archaeological and ethnographic conf.]. Tomsk: Agraf-Press, 2008, 185–190.

3. Griaznov M. P. Tashtykskaia kul'tura [Tashtyk Culture]. *Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov u gory Tepsei na Enisee* [Complex of archaeological sites by Tepsey mountain on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka, 1979, 89–146.

* This work was supported by Government Contract of the Ministry of education and science of the Russian Federation No. 33.2597.2017/PP.

4. Vadetskaia E. B. Antropomorfnoe izobrazhenie na stenke iashhika-grobika (po materialam raskopok tashtykskogo sklepa 2 pod goroi Tepsei) [Antropomorphic image on the wall of the hearse (revealed in the excavations of Tashtyk Crypt 2 below Tepsey Mountain]. *Piatye istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova*: TD Vseross. nauch. konf. [Fifth historical readings in memory of M. P. Griaznov: Proc. of all-Russia Sci. Conf.]. Omsk: OmGU, 2000, 15–17.

5. Pankova S. V. *Tashtykskie gravirovki (siuzhetno-stilisticheskii analiz i istoriko-kul'turnaia interpretatsiia)*. Diss. kand. ist. nauk [Tashtyk engraving (plot-stylistic analysis and historical and cultural interpretation). Cand. Hist. Sci. Diss.]. Saint-Petersburg, 2011, 288.

6. Pankova S. V. Izobrazheniia na kurgannykh plitakh u d. Podkamen' na severe Khakasii [Petroglyphs on kurgan flagstones of burial mound Podkamen in nothern Khakassia]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia = Scientific review of Sayan Altay*, no. 1 (2013): 125–159.

7. Teterin Yu. V., Mit'ko O. A., Zhuravleva E. A. Bronzovye miniatiurnye podveski-sosudy Iuzhnoi Sibiri [Bronze tiny suspension brackets-vessels Southern Siberia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Filologiia = Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, no. 7 (2010): 80–94.

8. Sovetova O. S., Abolonkova I. V. Gravirovannye risunki Tepseia [Fine engraved images of Tepsei]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal,* no. 407 (2016): 128–134.

9. Shishkina O. O. Graphic Materials of Tashtyk Culture in Tepsey Archaeological Complex. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 4 (2015): 670–676.

10. Piatkin B. N., Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Petroglify Oglahty-V [Petroglyphs of Oglahty-V]. *Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify* [Ancient art of Asia. Petroglyphs]. Kemerovo: KemGU, 1995, 86–112.

11. Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniseiskih petroglifov (po itogam raboty Petroglificheskogo otriada Iuzhnosibirskoi arheologicheskoi ekspeditsii KemGU) [Chronological and stylistic features of petroglyphs at the middle Yenisei (the results of the work of the Petroglyphic Detachment of the South Siberian Archaeological Expedition of Kemerovo State University)]. *Arkheologiia, etnografiia i muzeinoe delo* [Archeology, Ethnography and Museology]. Kemerovo: KemGU, (1999): 47–74.

12. Pankova S. V. Tashtykskie gravirovki na Tepsee [Tashtyk engravings on Tepsey]. *Arkheologiia i etnografiia Altaia* [Archaeology and ethnography of Altai]. Gorno-Altaisk: Institut altaistiki imeni S. S. Surazakova, Iss. 2 (2004): 52–60.

13. Kyzlasov I. L. Tashtykskie risunki na vershine gory Tepsei [Tashtyk images at the top of Tepsey mountain]. *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri. K 80-letiiu A. I. Martynova* [Archaeology of Southern Siberia. To A. I. Martynov's 80th anniversary]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, Iss. 26 (2012): 103–108.

14. Kyzlasov I. L. Tashtykskie rytsari [Tashtyk knights]. *Problemy izucheniia naskal'nykh izobrazhenii SSSR* [Problems in the Study of rock art of the USSR]. Moscow: Nauka, 1990, 182–192.

15. Borodovskii A. P., Larichev V. E. *Iiusskii klad (katalog kollektsii)* [The Iussk treasure (collection catalogue)]. Novosibirsk: IAiE SO RAN, 2013, 120.

16. Pankova S. V. Oshkol'skaia pisanitsa v Khakasii [Oshkolskaya pisanitsa in Khakassia]. *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii. Trudy SAIPI. Vyp. IX* [Iconographic and technological traditions in the art of North and Central Asia. Occasional Publications of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. Iss. IX]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, 76–97.

17. Kyzlasov L. R. Istoriko-kul'turnoe znachenie obrazov tashtykskogo iskusstva (na primere grafiki) [The historical and cultural significance of the images of Tashtyk art (the case of graphics)]. *Problemy izucheniia naskal'nykh izobrazhenii SSSR* [Problems in the Study of rock art of the USSR]. Moscow: Nauka, 1990, 192–197.

18. Vadetskaia E. B. *Tashtykskaia epokha v istorii Iuzhnoi Sibiri* [Tashtyk epoch in the history of Southern Siberia]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999, 440.

19. Polos'mak N. V. *Vsadniki Ukoka* [Horsemen of the Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001, 336.

20. Rudenko S. I. Kul'tura khunnov i Noinulinskie kurgany [Culture of the Huns and the Noinulinsky Mounds]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962, 206.

21. Miklashevich E. A. L'nischenskaia pisanitsa [L'nischenskaya pisanitsa]. *Pamiatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoi kotloviny: Georgievskaia. L'nishchenskaia. Ulazy III. Sosnikha. Trudy SAIPI. Vyp. X* [The monuments of Rock Art of Minusinsk basin: Georgiyevskaya, L'nischenskaya, Ulazy III, Sosniha. Occasional Publications of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. Iss. X]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, 28–56.

22. Sovetova O. S. *Petroglify tagarskoi epokhi na Enisee (siuzhety i obrazy)* [Petroglyphs of the Tagar era on the Yenisei (plots and manners)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 2005, 140.

23. Nikanorov V. P., Khudiakov Iu. S. *«Svistiashchie strely» Maodunia i «Marsov mech» Attily. Voennoe delo aziatskikh khunnu i evropeiskikh gunnov* ["Whistling arrows" of Maodun and "Marsov sword" of Attila. The military work of the Asian Hun and European Huns]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004, 320.

УДК 94(520).01

ВЛИЯНИЕ БУДДИЗМА НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ЯМАТО В СЕРЕДИНЕ VI В.

Дмитрий А. Суровень [a, @]

[a] *Уральский государственный юридический университет, 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21*
[@] *Yamato.ur@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.07.2018. Принята к печати 05.12.2018.

Ключевые слова: древняя Япония, узелковое письмо, резы на дереве, принц Хиронива, Киммэй, Сон-ван

Аннотация: В статье анализируется влияние буддизма, появившегося в Японии в первой половине VI в., на процесс распространения письменности и письменной культуры в Ямато. Установлено, что китайские династийные истории преуменьшают степень распространения письменности в Японии VI в., желая связать ее появление исключительно с заимствованием буддизма, что противоречит находкам древнеяпонских эпиграфических надписей на мечах и зеркалах V в. Путаница в китайских источниках возникла из-за сохранения в начале VI в. древней традиции фиксации, сохранения и передачи информации при помощи узелкового письма и резов на дереве. Появление буддизма в Японии в начале VI в., представление буддизма при дворе непризнанного правителем Ямато принца Хиронива (будущего Киммэя) в 538 г., официальное признание буддизма уже при дворе государя Киммэя в 552 г. (что подтверждается сообщениями китайских династийных историй) привели в Ямато к отказу от практики узелкового письма и резов на дереве и активизации процесса обучения письму в связи с необходимостью чтения буддийской литературы, что послужило причиной усвоения иероглифического письма японскими буддистами и учёными в должной мере, достаточной для составления письменных текстов правильным китайским языком.

Для цитирования: Суровень Д. А. Влияние буддизма на распространение письменности в Ямато в середине VI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 79–92. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-79-92

Введение

В первой половине VI в. в Ямато начинает распространяться буддизм [1]. В Японии, как и на всем Дальнем Востоке и в Центральной Азии, буддизму принадлежала исключительная роль в формировании установок на распространение письменного текста в пространстве [2, с. 118]. Знакомство с учением Будды первых адептов этой религии в Японии предполагало овладение китайским языком и, следовательно, приобщение к вполне светским достижениям материковой цивилизации [3, с. 67]. Так как данный вопрос слабо исследован в западной и российской исторической науке, существует необходимость проанализировать материалы источников с тем, чтобы выяснить – как появление буддизма в Ямато повлияло на распространение письменности и письменной культуры в Японии в середине VI в.

Сведения китайских династийных историй о распространении письменности в Японии

В связи с этим следует обратить внимание на такую особенность сведений китайских источников (Бэй-ши, 629; Суй-шу, 630/643), рассказывающих о распространении иероглифической письменности в Ямато. Китай, претендуя на роль центра просвещения и культурности в Восточной Азии, связывал распространение культурных достижений (в том числе и письменности) со своим влиянием. Поэтому с точки зрения китайцев VII в. письменность в Японию могла попасть (при посреднической роли Кореи) только в середине VI в. вместе с буддизмом [3, с. 6], центром распространения которого в Восточной Азии был Китай. По этой причине китайские династийные истории сообщают: «Условных письмен (文字 кит. *вэ́нь-цзы̀* – письменных знаков) не имели, а для памяти вырезывали знаки на дереве и делали узелки на веревочке. Исповедуют будд[и]йский закон. Условные письмена введены с того времени, как получили из Бо-цзи (кор. Пэкче) будд[и]йские

священные книги» (Суй-шу, гл. 81) [цит. по: 4, с. 96; 5, p. 10; 6, p. 29–30]. «Нет письменных знаков (кит. *вэ́нь-цзы̀*), только вырезают[1] [знаки на] дереве [и] завязывают узлы на веревке[2]. [Когда начали] почитать (кит. *цзѝн*) буддийские законы[3], в Пэкче [японцы] получили желаемые (кит. *цю́-дэ́*) буддийские сутры[4], [в Ямато] начали обладать письменными знаками (кит. *вэ́нь-цзы̀*)» (無ㇾ文字、唯 刻ㇾ木•結繩。敬ㇾ佛法、於 百濟 求得ㇾ佛經、始有ㇾ文字[5] [3, с. 6]) (Суй-шу, св. 81-й, дунъи, Во-го). Эту фразу слово в слово повторяет «Бэй-ши» (無ㇾ文字、唯 刻ㇾ木•結繩。敬ㇾ佛法、於 百濟 求得 佛經、始有ㇾ文字[6]) (Бэй-ши, св. 94-й, ле-чжуань, Во).

Источники X–XI вв. не прямо, но также связывали появление письменности в Японии с распространением буддизма. В «Цзю Тан-шу» (945) написано: «Имеют в большом количестве (кит. *по̌-ю̌*) письменные знаки (кит. *вэ́нь-цзы̀*), [т. к. (?)] по [их] обычаям почитают закон (кит. *фӑ*) Будды» (頗 有ㇾ文字、俗 敬ㇾ佛法[7] [6, p. 38; 5, p. 11]) (Цзю Тан-шу, св. 199-й, ч. 1-я, дунъи, Вого-Жибэнь). Сходная мысль обозначена в «Танхуйяо» (961): «По их обычаям имеют письменные знаки (кит. *вэ́нь-цзы̀*), [т. к. (?)] почитают закон Будды» (俗 有ㇾ文字。敬ㇾ佛法[8]) (Танхуйяо, св. 99-й, Во-го). «Синь Тан-шу» (1060) добавляется: «Имеют [письменные] знаки (кит. *цзы̀*), [т. к. (?)] (издревле) почитают (кит. *ша̀н*) закон (кит. *фӑ*) Будды (кит. *фу́ ́ту́*)» (有ㇾ字、尚ㇾ浮屠法[9] [6, p. 38; 5, p. 11]) (Синь Тан-шу, св. 220-й, дунъи, Жибэнь).

В связи с этим А. Н. Мещеряков считает, что письменность до середины VI в. (до распространения буддизма) в Японии не получила сколько-нибудь широкого распространения [3, с. 6].

Сходную ситуацию в рассказе о наличии письменности в южнокорейском государстве Силла VI в. мы видим в «Лян-шу» (Истории [династии] Лян [502–557], 637) – М. Н. Пак обратил внимание на то, что китайцы отрицали существование письменности в Силла в VI в. [7, с. 33]. «Не имеют письменных знаков (кит. *вэ́нь-цзы̀*), *вырезают* [знаки] *на дереве* (刻 кит. *кэ̀*) в качестве письма [на бирках] (кит. *сѝнь*)» (無文字、刻ㇾ木、為ㇾ信[10]) (Лян-шу, св. 54-й, Синьло). Однако это противоречит данным эпиграфики. Найдены четыре каменные стелы силлаского Чинхын-*вана* (540–575), датируемые соответственно 555, 561, 568 гг., с текстами на *вэньяне*; а также камень с надписью периода царствования Чинхын-*вана*. Создание стел – яркое свидетельство того, что в Силла к середине VI в. литература на китайском языке имела широкое распространение и была важным компонентом письменной культуры корейских государств [8, с. 29–30]. К тому же другой китайский источник – «Бэй-ши», в отличие от «Лян-шу», подтверждает наличие письменности в Силла (кит. *Синьло*): их «*синьло*ские письмена (кит. *вэ́нь-цзы̀*) <…> сходны с китайскими» [4, с. 69] (其文字、<…> 同 於 中國[11]) (Бэй-ши, гл. 94, III. Синьло). Таким образом, явно прослеживается стремление китайцев принизить культурный уровень Силла и степень знакомства «восточных иноземцев» с китайской письменностью.

Возникает вопрос: не делают ли китайцы то же самое и в отношении Ямато? Видимо, да. Заявления китайских источников VII–XI вв. об отсутствии письменности у японцев до принятия буддизма не соответствуют такому факту, как находки в Японии эпиграфических надписей на мечах и зеркалах V в. [9, с. 73–74; 10, с. 17; 11, с. 71; 12, с. 106, 128; 13, p. 454; 14, p. 24; 15, 頁376; 16, 頁182–183; 17, 頁84–89; 18, 頁257–282, 362, 415–416; 8, с. 39–40; 19, p. 253, 257; 20, p. 405–420; 21; 頁54; 22, 頁318; 23, 頁13, 15; 24, 頁1–4; 25, 頁8; 26, 頁327; 27, 頁9; 28, 頁43–45; 29, 頁36; 30, 頁89], противоречат сведениям более ранних китайских династийных историй (например, «Сун-шу» (513) и опирающейся на ее материалы «Нань-ши» (629)), сообщающих о переписке китайских императоров V в. с правителями

[1] 刻 кит. *кэ̀* – *гл.* 1) вырезывать, *сущ.*, 4) резная надпись, ср.: 刻字 кит. *кэ̀↔цзы̀* – вырезывать иероглифы, 刻字 кит. *кэ̀-цзы̀* – выгравированная надпись; 刻文 кит. *кэ̀-вэ́нь* – *археол.* резная надпись (БКРС, II, с. 1028, 1029). (Здесь и далее по тексту перевод приводится по Большому китайско-русскому словарю (БКРС). М.: Наука, 1983. Т. I–IV с указанием тома и страниц).

[2] 結繩 кит. *цзе́-шэ́н* – древний способ запоминания текущих дел, вместо письма (БКРС, II, с. 462–463).

[3] 佛法 кит. *фо́фӑ* – досл. *будд.* «все дхармы, [познанные Буддой]»; буддизм (БКРС, III, с. 549).

[4] 佛經 кит. *фо́цзӣн* (БКРС, III, с. 548).

[5] 隋書 (二十四史全譯). 上海: 漢語大詞典出版社, 2004. 第二册. 頁1653. (Sui-shu (Er shi si shi quan yi). Shanghai: Han-yü dacidian chubanshe, 2004. Vol. II. P. 1653).

[6] 北史 (二十四史全譯). 上海: 漢語大詞典出版社, 2004. 册四册. 頁2563. (Bei-shi (Er shi si shi quan yi). Shanghai: Han-yü dacidian chubanshe, 2004. Vol. IV. P. 2563).

[7] 舊唐書 (二十四史全譯). 上海: 漢語大詞典出版社, 2004. 第六册. 頁4594. (Jiu Tang-shu (Er shi si shi quan yi). Shanghai: Han yü dacidian chubanshe, 2004. Vol. VI. P. 4594).

[8] 唐會要. 上海: 中華書局出版, 1955. 頁1764. (Tanghuiyao. Shanghai: Zhonghua shujü chuban, 1955. P. 1764).

[9] 新唐書 (二十四史全譯). 上海: 漢語大詞典出版社, 2004. 第八册. 頁4755. (Xin Tang-shu (Er shi si shi quan yi). Shanghai: Han-yü dacidian chubanshe, 2004. Vol. VIII. P. 4755).

[10] 信 кит. *сѝнь* – сущ. 1) письмо, 4) верительный знак, бирка (БКРС, II, с. 440); 梁書 (二十四史全譯). 上海: 漢語大詞典出版社, 2004. 頁729. (Liang-shu (Er shi si shi quan yi). Shanghai: Han-yü dacidian chubanshe, 2004. P. 729).

[11] 北史 (二十四史全譯). 上海: 漢語大詞典出版社, 2004. 第四册. 頁2551. (Bei-shi (Er shi si shi quan yi). Shanghai: Han-yü dacidian chubanshe, 2004. Vol. IV. P. 2551).

Ямато [31–33]. Материалы корейских источников свидетельствуют о том, что письменность в государстве Ямато (по крайней мере в дипломатической деятельности: 倭王 移 書 絕交[12] – «В тридцать шестом году (345) <…> во втором месяце *вэ*ский *ван*[13] прислал письмо о разрыве отношений» [34, с. 107]; 二月、倭 移 書 新羅 絕交[14] – «во втором месяце *вэ*ский *ван* прислал письмо о разрыве отношений»[15]) начала использоваться в середине [35] – второй половине IV в. [36]. С начала V в. китайская письменность стала более широко распространяться в Японии [31; 32].

Традиционные способы фиксации, сохранения и передачи информации в Японии

Но сведения японских источников показывают, что наряду с использованием иероглифической письменности, носителями которой прежде всего были переселенцы с материка [31; 32], японцы сохраняли древнюю традицию передачи информации при помощи узелкового письма и резов на дереве (что подтверждает сообщения китайских династийных историй) до начала VI в.

Путаница в китайских источниках, видимо, возникла по причине того, что, как сообщается в «Нитю-рэки» (нач. XIV – сер. XV вв.[16]), в 478–517 гг. была частично возобновлена древняя практика передачи информации при помощи *узелкового письма* и *резов на дереве*[17] [37, 頁52]. В «Ни-тю-рэки» написано: как указывают комментаторы, начиная с 478 г. «на протяжении 39-ти лет[18] не было названий (яп. *гō*) [годов], не записывали "земные ветви" [знаки двенадцатеричного цикла] [и] "небесные стволы" [знаки десятеричного цикла] (яп. *сикан*), в этот период [вместо письма] завязывали узлы на веревке (яп. *кэцу-дзэ̄*, кит. *цзé-шэ́н*) [и] вырезали (刻 кит. *кэ̀*, яп. *кидзамэтэ*) [знаки на] дереве, чтобы содействовать (придать совершенный характер) управлению» (卅九年　無レ號、不記レ支干、其間結レ縄 刻レ木 以成政[19] [38, 頁36; 37, 頁52]). Получается, что в 517 г. (год *хиното-тори*, 34-й год цикла)[20] [38, 頁36; 37, 頁52] вместо традиционных способов фиксации, сохранения и передачи информации при помощи узелкового письма и резов на деревянных дощечках вернулись к практике использования иероглифов для летосчисления и фиксации событий (как мы это видим на эпиграфических надписях V в.: 治天下獲(蝮)■■■歯 大 王 世 [цит. по: 29, 頁36; 22, 頁318; 23, 頁318; 19, p. 257, n. 4]; 矣(癸)未年、八月。曰十大王年 [цит. по: 18, 頁420; 19, p. 254, n. 5] (ср. перевод [19, p. 253–254, 3, n. 2; 39, с. 17]); 辛亥年、七月中記。<…> 獲加多支鹵 大王 寺 在レ斯鬼宮 時 [цит. по: 18, 頁362; 38, p. 20; 9, с. 73–74; 11, с 70–71]).

Распространение буддизма в Ямато

В царствование пэкческого правителя Сон-*ван*а (523–554) между Пэкче и Японией существовали тесные культурные связи. Сон-*ван* присылал в Японию пэкческих техников и специалистов по медицине, астрономии, астрологии и конфуцианским канонам (некоторые из них – интеллектуалы китайского происхождения) [40, с. 138] (подробнее см. [39]). Именно в правление Сон-*ван*а (и, скорее всего, через пэкческие официальные миссии) японцы начали заимствовать у Пэкче буддийские идеи и ритуальные предметы, что положило начало распространению буддийской религии на Японских островах [40, с. 138; 41, p. 12]. С Сон-*ван*ом связана история официального принятия буддизма при дворе Ямато в царствование государя Киммэя (539/540–571). По сведениям «Гангōдзи гаран энги», «Дзэ̄гӯ Сē̄току хōō тэйсэцу» и «Сёдзан-энги» [42, с. 216] принятие буддизма при дворе Ямато произошло в 538 г.[21] [43, с. 68; 44, с. 216, 476, п. 7; 45, 頁125], а по сведениям «Нихон-сёки» – в 552 г. [46, с. 53].

В храмовой хронике «Гангōдзи гаран энги» (составление которой началось в 613 г.) утверждается, что «Закон Будды ведет свое начало в стране

[12] 三國史記. 卷第. 京城: 朝鮮史学会, 1928. 第二. 頁10. (Samkuk sagi, 1th – 50th scrolls. Seoul: Choson sahak-hwe, 1928. Part 2. P. 10).

[13] т.е. правитель Ямато.

[14] 書 кор. *со*, кит. *шӯ* – 2) *письмо*; послание, 3) акт, документ, бумага; письменный приказ (БКРС, II, с. 552).

[15] 東國通鑑, 卷之四•五. 東京: 出雲寺松柏堂, 1883. 三冊. 頁一b. (Tongguk tonggam, 4th – 5th scrolls. Tōkyō: Izumo-ji shōhaku-dō, 1883. Book 3. P. 1 b).

[16] 逸年号史料 (Kawanishi Yoshihiro. Itsu nengō shiryō). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/ Main/NENGO01.htm (дата обращения: 28.05.2018); 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[17] 二中歴 // 史籍集覧. 東京: 近藤出版部, 1926. 第二十三冊. 頁36. (Ni-chū-reki // Shiseki shūran. Tōkyō: Kondō shuppanbu, 1926. Vol. 23. P. 36); 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[18] 年始ヨリ三十九年間, т.е. до 517 г. [37, с. 52].

[19] 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[20] 逸年号史料 (Kawanishi Yoshihiro. Itsu nengō shiryō). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/ Main/NENGO01.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[21] 元興寺伽藍縁起. 大日本仏教全書. 東京: 仏書刊行会, 1922. 第118巻. 頁138. (Gangōji garan engi. *Dai-nihon bukkyō zensho*. Tōkyō: Bussho kankōkai, 1922. Vol. 118. P. 138).

Ямато с 12-й луны 538 года[22], когда прошло семь лет[23] с тех пор, как император Амэ-куни-оси-харуки Хиронива[24] стал повелевать Поднебесной из дворца Сикисима. А служил ему тогда главный министр по имени Сога-но *оми* Инамэ-но *сукунэ*[25]» [47, с. 416] (大倭國佛法 創ㇾ自 斯歸嶋宮治天下 天國案春岐廣庭天皇ノ御世、蘇我大臣稻目宿禰 仕奉時。治天下七年、歳次 戊午 十二月 度來[26]) (Гангōдзи гаран энги, Хиронива).

Проблема датировки 538 г. заключается в том, что предыдущий государь – Кэйтай – по официальной хронологии скончался в 531 г. [46, с. 23], с 531 по 534 гг. на троне не было правителя, законный наследник Кэйтая – принц Хиронива [46, с. 9] (будущий Киммэй) – пришел к власти только в конце 539 г., а 1-м годом его царствования считается 540 г. [46, с. 33]. Естественно, этот период междуцарствия 531–534 гг. привлек внимание исследователей. М. В. Воробьев полагал, что после смерти Кэйтая в 531 г. стараниями клана Сога сын Кэйтая от его главной жены (государыни) Тасирага-но микото (дочери Нинкэна) – принц Хиронива (Киммэй) [48, с. 209] был выдвинут на престол [43, с. 69], но он остался не признанным кланом Ōтомо [49, с. 113].

Поэтому именно молодой принц Хиронива (508 г. рожд., т. е. 23-х лет отроду[27]) и был правителем Ямато в 532–533 гг. (о чем сообщается в «Гангōдзи гаран энги», относя 1-й год правления Киммэя к 532 г.[28] [47, с. 416]). Однако, видимо, это не устраивало старших единокровных братьев принца Хиронива (от первой супруги Кэйтая, которую он взял в жены еще до своего вступления на престол [46, с. 302, п. 21]). Принц крови Магари-но Ōэ (будущий государь Анкан, 534–535) и принц крови Хинокума-но Таката (будущий государь Сэнка, 536–539) [46, с. 10, 302, п. 23, 24] – за спиной которых стояли кланы Ōтомо-но *мурадзи* [49, с. 113] и Мононобэ-но *мурадзи* – сами претендовали на пост главы государства Ямато. Так, в «Кодзики» (св. 3-й) в конце раздела «Кэйтай-ки» есть абзац, где перечислены будущие правители в интересной последовательности: сначала государством правил (получается с 532 г.) принц Амэ-куни Оси-харуки Хиронива (будущий государь Киммэй, 540–571), потом царствовал Хирокуни Оситакэ Канахи (Анкан, 534–535), а затем Такэво Хирокуни Оситатэ (Сэнка, 536–539) [48, с. 210]. Таким образом, клан Ōтомо, не признав принца Хиронива государем Ямато, в 534 г. поставил у власти Анкана (534–535), а затем Сэнка (536–539). Получается (делает вывод М. В. Воробьев), что в Ямато между 531–539 гг. (в 534–535 гг. – Хиронива и Анкан; и в 536–539 гг. – Хиронива и Сэнка) было два правителя одновременно [49, с. 113]. Таким образом, первый составитель «Гангōдзи гаран энги» – принц Умаядо – использовал какой-то первоисточник, автор которого был сторонником наследственных прав на трон именно принца Хиронива (Киммэя), поэтому он вел счет годам его царствования с 532 г., а не с конца 539 г., как это происходит в официальной хронологии (использованной в «Нихон-сёки»). Поэтому-то 538 год и назван в «Гангōдзи гаран энги» 7-м годом правления государя Киммэя.

О начале распространения буддизма при дворе Ямато, как считают А. Н. Игнатович и Ричард Боуринг, именно в 538 г. [43, с. 69; 41, p. 17] в «Гангōдзи гаран энги» сообщается: «Во времена правления *ван*а Пэкче по имени Сонмён[29] преподнес он [императору Киммэю] изображение принца Сиддхартхи[30], сосуд для возлияния священной воды на изображение Будды, футляр со свитком, повествующим о начале Закона Будды. [В послании *ван*а] говорилось: «Истинно ведаю: закон Будды превосходит все другие учения. Следует исповедать его и в этой стране»» [47, с. 416] (百濟國ノ聖明王ノ時、太子像 并 灌佛之器一具 及 説佛起書卷一篋 度 而 言:『當聞、佛法 既是 世間 無上之法。其國 亦 應修行 也』[31]) (Гангōдзи гаран энги, Хиронива).

Датировка 538 г. повторена в «Дзēгӯ Сēтоку хōō тэйсэцу» (кон. VII – нач. VIII вв.): «В царствование государя [Киммэя управлявшего Поднебесной из дворца] Сикисима, в год *цутиноэ-ума* (55-й год цикла) [538], 10-я луна, 12-й день, государь [страны] Кудара (кор. Пэкче) [Сон]мён-*ван* впервые переправил [в Японию] статую Будды, буддийские сутры,

[22] 戊午 *цутиноэ-ума*, 55-го года цикла (元興寺伽藍縁起. 大日本仏教全書. 東京: 仏書刊行会, 1922. 第118巻. 頁138 (Gangōji garan engi. *Dai-nihon bukkyō zensho*. Tōkyō: Bussho kankōkai, 1922. Vol. 118. P. 138)) [47, с. 424, п. 2; 37, 頁52].

[23] Киммэй официально занимал престол с 539/540 по 571 гг. [46, с. 33, 68]; таким образом, хронология «Гангōдзи гаран энги» разошлась с официальной хронологией [47, с. 425, п. 7].

[24] др.-яп. Пиронипа, т. е. Киммэй [47, с. 425, п. 7].

[25] 506 [?] – 570 гг. жизни.

[26] 元興寺伽藍縁起. 大日本仏教全書. 東京: 仏書刊行会, 1922. 第118巻. 頁138. (Gangōji garan engi. *Dai-nihon bukkyō zensho*. Tōkyō: Bussho kankōkai, 1922. Vol. 118. P. 138).

[27] Киммэй умер в 571 г. в возрасте 63 лет; 571 г. – 63 года = 508 год рождения [46, с. 68, 316, п. 174; 48, с. 238, п. 186].

[28] 元興寺伽藍縁起. 大日本仏教全書. 東京: 仏書刊行会, 1922. 第118巻. 頁138. (Gangōji garan engi. *Dai-nihon bukkyō zensho*. Tōkyō: Bussho kankōkai, 1922. Vol. 118. P. 138).

[29] 523–554 гг. правления [36, с. 171–173].

[30] прижизненное имя Будды Шакьямуни [47, с. 425, п. 10].

[31] 元興寺伽藍縁起. 大日本仏教全書. 東京: 仏書刊行会, 1922. 第118巻. 頁138. (Gangōji garan engi. *Dai-nihon bukkyō zensho*. Tōkyō: Bussho kankōkai, 1922. Vol. 118. P. 138).

буддийское учение (правила поведения) вместе с монахами. Было приказано [их] предоставить [сановнику] Сога-но Инамэ-но *сукунэ о-оми*, предписав [ему], [чтобы буддийское учение] процветало» (志癸嶋ノ天皇ノ御世、戊午年、十月、十二日、百濟國ノ主（聖）明王、始 奉度ㇾ佛像 経 教 并 僧等、敕授ㇾ蘇我ノ稲目ノ宿禰ノ大臣 令ㇾ興隆 也[32] [цит. по: 45, 頁125; 37, 頁52]) (Дзёгӯ Сётоку хōō тэйсэцу, Киммэй, год *цутиноэ-ума*, 10-я луна, 12-й день).

С появлением в Японии буддизма древняя практика передачи информации при помощи узелкового письма и резов была прекращена, т. к. окончательно утвердилось использование иероглифов[33]. Когда Киммэй бесповоротно взошел на трон в конце 539 г., как сообщает «Мунаката дай-босацу го-энги» (источник конца периода Камакура): «В 5-й год *Сōмēн* [540 г.] царствования императора (*сумэра-микото*) Киммэя 30-го поколения человеческих государей (яп. *хйто-но кими*) из государства Сираги-но *куни* (кор. *Силла-кук*) поднесли статую Шакья[муни] из позолоченной бронзы» (人王ノ卅代ノ欽明天皇ノ御宇ノ僧聴ノ五年仁、自 新羅国 献ㇾ釈迦ノ金銅像[34]) (Мунаката дай-босацу го-энги, Киммэй, *Сōмēн*, 5-й год). В «Нихон-сёки» это посольство датируется 8-й луной 1-го года правления Киммэя (540) [46, с. 33]. А далее в «Мунаката дай-босацу го-энги» сообщается: «1-й год *Мэйēн* 【год *мидзуното-и* (60-й год цикла) [543 г.] (明要 яп. *Мэйēн* – досл. «ясная суть»; некоторые комментаторы текста 1-й год *Мэйēн* датируют не 541 г., а 543 г.: 明要元年 (543)[35]) (д. б. 541 г.) (однако по сообщению пяти источников: «Ни-тю-рэки», «Рэйкики сисē», «Нёдзэ-ин нэндай-ки», «Со-куни гидзэнкō» и «Бōсō ман-року» – 1-й год *Мэйēн* приходится на 541 г. (год *каното-тори* 辛酉, 58-й год цикла): 明要【元 辛酉】[36]; 明要（辛酉）[37]; 【辛酉】明要元[38]), 2-й год правления Киммэя (明要（欽明帝ノ二年、辛酉[39]）; 【辛酉】二[年] 明要元[40])】прекратили (停 яп. *томаритэ* [50, с. 81] (БКРС, с. II, с. 1044)) завязывать [вместо письма] узлы на веревке (яп. *кэцу-дзē*, кит. *цзé-шэ́н*) [и] вырезать (яп. *кидзамэтэ*) [знаки на] дереве, и тогда только начали правильно выражать письменно[41] иероглифы» (明要元年【癸亥】 停ㇾ結縄、刻ㇾ木。始成ㇾ文字[42]) (Мунаката дай-босацу го-энги, Киммэй, *Мэйēн*, 1-й год). Сходная информация содержится в «Нитю-рэки»: «[Девиз правления] *Мэйēн* [продолжительностью] одиннадцать лет (начало эры [приходится на] год *каното-тори*, 58-й знак цикла [541 г.], [когда] официальные документы (яп. *бунсё*[43]) начали появляться (яп. *дэкитэ*[44], узелковое письмо (яп. *кэцу-дзē*, кит. *цзé-шэ́н*) и резы на дереве остановились / закончились» (明要十一年【元辛酉 [541]、文書 始出来、結縄 刻木 止畢】[45]) (Ни-тю-рэки, *Мэйēн*, 1-й год). Таким образом, распространение буддизма привело

[32] 上宮聖徳法王帝説. 古事記・上宮聖徳法王帝説・祝詞. 東京: 日本古典全集刊行会壽梓, 1933. 頁25. (Jōgū Shōtoku hōō teisetsu. *Kojiki, Jōgū Shōtoku hōō teisetsu, norito*. Tōkyō: Nihon koten zenshū kankō-kai jushi, 1933. P. 25); 上宮聖徳法王帝説. 聖徳太子御伝叢書. 東京: 金尾文淵堂, 1942. 頁47. (Jōgū Shōtoku hōō teisetsu. *Shōtoku-taishi go-den sōsho*. Tōkyō: Kanao bun'endō, 1942. P. 47).

[33] 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[34] 宗像大菩薩御縁起. 宗像郡誌. 中編. 若松: 深田千太郎, 1944. 頁376. (Munakata daibosatsu go-engi. *Munakata-gun-shi*. Vol. 2. Wakamatsu: Fukada Sentarō, 1944. P. 376); 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[35] 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[36] 二中歴. 史籍集覧. 東京: 近藤出版部, 1926. 第二十三冊. 頁36. (Ni-chū-reki. *Shiseki shūran*. Tōkyō: Kondō shuppanbu, 1926. Vol. 23. P. 36).

[37] 茅窓漫録. 日本經濟叢書. 東京: 日本經濟叢書, 1917. 巻十九. 頁57. (Bōsō man-roku. *Nihon keizai sōsho*. Tōkyō: Nihon keizai sōsho kankō-kai, 1917. Vol. 19. P. 57).

[38] 如是院年代記. 群書類従. 東京: 経済雑誌社, 1893. 第拾七輯. 頁862. (Nyoze-in nendai-ki. *Gunsho ruijū*. Tōkyō: Keizai zasshi-sha, 1893. Iss. 17. P. 862); 如是院年代記. 群書類従. 東京: 経済雑誌社, 1902. 第十六輯. 頁862. (Nyoze-in nendai-ki. Gunsho ruijū. Tōkyō: Keizai zasshi-sha, 1902. Iss. 16. P. 862); 如是院年代記. 新校 群書類従. 東京: 内外書籍, 1937. 第二十巻. 頁251. (Nyoze-in nendai-ki. *Shinkō gunsho ruijū*. Tōkyō: Naigai shoseki, 1937. Vol. 20. P. 251); 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[39] 宗像大菩薩御縁起. 宗像郡誌. 中編. 若松: 深田千太郎, 1944. 頁57. (Munakata daibosatsu go-engi. *Munakata-gun-shi*. Vol. 2. Wakamatsu: Fukada Sentarō, 1944. P. 57).

[40] 如是院年代記. 群書類従. 東京: 経済雑誌社, 1893. 第拾七輯. 頁862. (Nyoze-in nendai-ki. *Gunsho ruijū*. Tōkyō: Keizai zasshi-sha, 1893. Iss. 17. P. 862); 如是院年代記. 群書類従. 東京: 経済雑誌社, 1902. 第十六輯. 頁862. (Nyoze-in nendai-ki. *Gunsho ruijū*. Tōkyō: Keizai zasshi-sha, 1902. Iss. 16. P. 862); 如是院年代記. 新校 群書類従. 東京: 内外書籍, 1937. 第二十巻. 頁251. (Nyoze-in nendai-ki. Shinkō gunsho ruijū. Tōkyō: Naigai shoseki, 1937. Vol. 20. P. 251).

[41] ср. 成文 яп. *сэйбун*, кит. *чэ́нвэ́нь*ˊ – 2) сформулировать на бумаге, правильно выразить письменно (БКРС, IV, с. 256).

[42] 宗像大菩薩御縁起. 宗像郡誌. 中編. 若松: 深田千太郎, 1944. 頁376. (Munakata daibosatsu go-engi. *Munakata-gun-shi*. Vol. 2. Wakamatsu: Fukada Sentarō, 1944. P. 376); 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[43] 文書 яп. *бунсё*, кит. *вэ́ньшӯ (шу́)* – 1) официальный документ; казенная бумага; служебное письмо (БКРС, IV, с. 60).

[44] 出来 *вм.* 出來 яп. *дэкиру*, кит. *чӯлáй* – 1) выходить наружу, 2) вылезать (БКРС, II, с. 389).

[45] 二中歴. 史籍集覧. 東京: 近藤出版部, 1926. 第二十三冊. 頁36. (Ni-chū-reki. *Shiseki shūran*. Tōkyō: Kondō shuppanbu, 1926. Vol. 23. P. 36); 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

к тому, что при дворе Ямато овладели письменностью в должной мере, в результате чего старые способы фиксации и передачи информации стали не нужны – по этой причине узелковое письмо и резы на дереве вышли из употребления. Видимо, вместо вырезания знаков на дереве стали писать эти знаки тушью на деревянных дощечках [51, с. 186–187]. В связи с этим исследователи отмечают, что к середине VI в. двор Ямато использовал письменные записи для того, чтобы улучшить ведение административных дел и, таким образом, расширить и укрепить свой политический контроль [13, p. 311], и для ведения международной деятельности. В этот период между японским и пэкческим двором осуществлялась активная переписка. Так, в 10-й день 2-й луны 550 г. государь Киммэй отправил в Пэкче повеление (письмо), приведенное в «Нихон-сёки»[46] [46, с. 51–52; 19, p. 118; 52, p. 64].

В 552 г. в Южной Корее возникла сложная ситуация. Силласцы еще до полного подчинения всех земель Кая (это произойдет в 562 г.), уже в 552 г. (заручившись поддержкой просилланской группировки в Кая) провозгласили себя хозяевами каяских территорий, что фактически означало объявление войны Пэкче, также претендовавшему на эти земли [53, с. 157]. Это вызвало беспокойство у правителей Пэкче, Тэгая (яп. Кара) и Ара-Кая. После разгрома Когурё единственной страной, которая могла бы попытаться остановить агрессию Силла, по мнению этих правителей, была Япония. Кроме того, как сообщают «Нихон-сёки» и подтверждает «Самгук-юса» [53, с. 220, п. 52], выяснилось, что Силла в нарушение соглашений с Пэкче заключила тайный союз с Когурё, направленный против Пэкче [40, с. 139, 146]. Поэтому в 8-й день 5-й луны 552 г. из Южной Кореи в Ямато прибыло объединенное посольство этих трех государств с просьбой о помощи [53, с. 97, 220, п. 52; 546, с. 52]. Отвечая на прошение корейцев, Киммэй еще раз подтвердил свою верность союзу с Пэкче, пообещав помощь [46, с. 52; 53, с. 157].

В 552 г. войско из Ямато в Корею еще не прибыло. Чтобы добиться более скорой присылки помощи и упрочить союз с Ямато, Сон-*ван* в 10-й луне 13-го года правления Киммэя (552) прислал буддийские дары: буддийскую литературу, культовую утварь, а его посланники познакомили двор Ямато с буддизмом[47] [43, с. 69; 3, с. 58–59; 53, с. 157]. Дипломатический замысел Сон-*ван*а заключался в использовании японской помощи для дальнейшей экспансии в северокаяские регионы и активной борьбы против Когурё [40, с. 138; 41, p. 12].

В японской хронике «Нэндай-ки» (984), цитируемой в «Сун-ши», дата 552 г. как года официального принятия буддизма при дворе Ямато подтверждается. «Ама-куни Осихараки Хиронива-но *сумэра-микото*, еще именуют Киммэй-*тэннō*, в 13-й год от вступления на престол (в 540 г.), циклический год *жэнь-шэнь* (яп. *мидзуноэ-сару*, 9-й год цикла) (552 г. [54, с. 134]) – впервые передали Закон Будды из государства Боцзи (кор. Пэкче-*кук*). [Данный год] выпадает в этой земле на 1-й год *Чэ́н-шэ́н* (552 г. (БКРС, I, с. 157)) династии Лян» (其 «年代記» 所記云:『天國排開廣庭天皇、亦 名ㇾ欽明天皇。即位十三年 壬申歳、始 傳ㇾ佛法 於百濟國、當ㇾ此土 梁ノ承聖元年』[48]) (Сун-ши, св. 491-й, Жибэнь-го, [«Нэндай-ки»], год жэнь-шэнь (552), 1-й год *Чэ́н-шэ́н* (552)).

«Нихон-сёки» о событиях 552 г. сообщает, что в 10-й луне из Пэкче были присланы статуя Будды, сутры и другие предметы буддийского культа [46, с. 53; 40, с. 138]. «Зимой в 10-ю луну [*ван*] Пэкче Сонм[ё]н, также называемый [*ван*] Сон, послал ([человека] из рода [46, с. 53]) Хи-*си* из Западного округа <…> *тальсоля* Ноиса Чхикье и других, [которые] преподнесли [императору] статую [46, с. 53] Будды Шакья[муни] из золота [с] мед[дью], несколько стягов[49] и зонтов[50], несколько свитков сутр (и шастр[51]). В отдельной записке[52] [Сонмён] воздал хвалу распространению [Закона[53]] и прославил [его] достоинства» [цит. по: 47, с. 361; 46, с. 53; 19, p. 119; 52, p. 65]. Записка (объемом около сотни слов [46, с. 53; 47, с. 361]) была прочитана государю Киммэю: «В тот день император, дослушав [содержание «Записки»], возрадовался» [47, с. 361; 46, с. 53]. Это же событие упомянуто в указе от 8-го дня 8-й луны 645 года: «На 13-м году правления Поднебесной государем[54] из дворца Си-

[46] 日本書紀 (国史大系). 東京: 吉川弘文館, 1957. 第一部、第2巻. 頁75. (Nihon-shoki (Kokushi-taikei). Tōkyō: Yoshikawa kobunkan, 1957. Part I. Vol. II. P. 75).

[47] 元興寺伽藍縁起. 大日本仏教全書. 東京: 仏書刊行会, 1922. 第118巻. 頁12, 15. (Gangōji garan engi. *Dai-nihon bukkyō zensho*. Tōkyō: Bussho kankōkai, 1922. Vol. 118. P. 12, 15).

[48] 宋史 (二十四史全譯). 上海: 漢語大詞典出版社, 2004. 第十六册. 頁10487. (*Song-shi* (Er shi si shi quan yi). Shanghai: Han yü dacidian chubanshe, 2004. Vol. XVI. P. 10487).

[49] стяги, которые вывешивались на крыше буддийских храмов и внутри них в качестве символа мудрости и добродетели будд и бодхисатв [46, с. 313, п. 95].

[50] шелковые зонты с длинной ручкой, использовавшиеся в церемониях с участием государя и высшей знати [46, с. 313, п. 96].

[51] 經論 (Nihon-shoki, p. 77) [19, p. 119], где 經 кит. *цзӣн – будд.* Сутра, 經論律 сутры, шастры и виная (БКРС, II, с. 86).

[52] 別表 досл. отдельном докладе, где 表 яп. *хё̄*, кит. *бя̌о* – официальный документ (меморандум), доклад (БКРС, III, 884).

[53] т.е. учения Будды [46, с. 53].

[54] Киммэем [46, с. 342, п. 34].

кисима (т. е. в 552 г.), *ван* Мён из Пэкче передал государю Ямато Закон Будды» [46, с. 145–146]. В «Нихон-рёики» сказано: «Внутренние же писания[55] доставили в правление государя Киммэй, который повелевал Поднебесной из дворца Канадзаси, что в Сикисима» [55, с. 33] (磯城ノ金刺宮ニ御宇 欽明天皇ノ代、内典 來 也[56]) (Нихон-рёики, св. 1-й, Предисловие).

«Фусō-рякки» также рассказывает о событиях 552 г.: Киммэй, 13-й год, «10-я луна, правитель Пэкче [Сон]мён-*ван* поднёс статую будды Амида[57] 【высотой 1 *сяку* 5 *сун* (ок. 45 см)】, статую Канъон сэйси («мощи достигшей»)[58] 【высотой 1 *сяку* (ок. 30 см)】. В докладе (表 яп. *хё̄*) говорилось: «[Пусть] услышат министры, [что] среди множества (букв. десяти тысяч) законов, Закон Будды – самый лучший. [Из всех] учений этого мира, Закон Будды – превыше всего». Государь [Ямато] (*сумэра-микото*), Его Величество (кит. *бйся̀*, яп. *хэйка*), тоже должен изучать буддийскую веру (яп. *сюгё̄*, кит. *сюсúн*). Поэтому благоговейно приняли статуи Будды, сутры, учителей (яп. *хōси*) (религиозной) доктрины, вкупе посол поднес дань. Должно [было] уверовать [в Закон Будды] и взяться за осуществление [его] на практике (как адепты [буддизма])» (十月、百濟明王 獻ㇾ阿彌陀佛像【長一尺五寸】、觀音勢至像【長一尺】。表 云:『臣 聞: 萬法之中、佛法最善。世間之道、佛法最上。天皇陛下、亦應 修行。』故敬捧ㇾ佛像。經 教法師, 附使貢獻。宜信行者[59]).

В надписи «Дзёроку кōмэй» 609 г. (?), сделанной на изображении Будды высотой в шесть *дзё̄* из храма Гангō-*дзи* (цитируемой в «Гангōдзи гаран энги»), об этом написано: «В правление императора (*сумэра-микото*) по имени Хиронива (*Киммэя*), пребывавшего во дворце Сикисима, *ван* страны Пэкче по имени Мён (он же Сонмён-*ван* [46, с. 426, п. 46]) сообщил императору: «Пусть услышат министры, что Закон Будды из всех Законов – наилучший. Император также должен почитать его». *Ван* отправил императору изображения будд, сутры и учителей Закона. Император повелел великому министру Сога по имени Инамэ почитать этот Закон. Так впервые на земле Ямато был утверждён Закон Будды» [цит. по: 46, с. 424] (丈六光銘 曰: 天皇 名ㇾ廣庭、在ㇾ斯歸斯麻宮 時、百濟ノ明王 上啓:『臣 聞、所謂ㇾ佛法 既是 世間 無上之法、天皇 亦 應修行。』擎奉ㇾ佛像 經 教法師。天皇 詔ㇾ巷哥 名ㇾ伊奈米ノ大臣、修行ㇾ茲法。故 佛法始 建ㇾ大倭[60]). Об этом же говорится в пространной надписи, сделанной в 5-й день 1-й луны 651 г. на основании шпиля пагоды храма Гангō-*дзи* (процитированной «Гангōдзи гаран энги»): «Во времена, когда страной Ямато из дворца Сикисима повелевал [император] Амэ-куни-оси-хараки Хиронива (*государь Киммэй*), а ему служил главный министр Сога по имени Инамэ, *ван* Сонмён из страны Пэкче сообщил императору: «Из всех законов Закон Будды – наилучший». Услышав эти слова, император и главный министр рекли: «Как прекрасно. Мы примем Закон Будды и утвердим его в стране Ямато»» [цит. по: 47, с. 423] (授塔露盤銘:『大和國天皇斯歸斯麻宮治天下 名 阿末久爾意斯波羅岐比里爾波ノ彌己等之 奉仕 巷宜 名 伊那米大臣ノ時、百濟國ノ正明王 上啓 云:『萬法之中 佛法 最上 也。』是以 天皇 并 大臣 聞 食之宣:『善哉。則受ㇾ佛法、造立ㇾ倭國』[61]).

О событиях, связанных с распространением буддизма, говорится в отрывках из «Дзэнкодзи энги» (процитированных в св. 3-м «Фусō-рякки») [3, с. 60]: «"Дзэнкодзи энги" говорит: в правление государя (*сумэра-микото*) Ама-куни-оси-хараки Хиронива [Киммэя], [в] 13-й год *мидзуноэ-сару* (9-й год цикла) (552 г. [54, с. 134]), 10-ю луну, 13-й день, из государства Кудара (кор. Пэкче-*кук*) [статуя] (будды) Амида [и] три категории высокочтимого[62], плывя по волнам[63], прибыли в знаменитую гавань Нанива области Сэццу в Японской стране» (善光寺緣記 云、天國排開廣庭 [欽明]天皇治十三年壬申 十月 十三日。從 百濟國、阿彌

[55] т.е. буддийские сутры (Nihon-koku genhō zen'aku ryōiki, с. 74, п. 2).

[56] 日本國現報善惡靈異記. 群書類從. 東京: 経済雑誌社, 1902. 第十六輯. 頁20. (Nihon-koku genhō zen'aku ryōiki. *Gunsho ruijū*. Tōkyō: Keizai zasshi-sha, 1902. Iss. 16. P. 20).

[57] 阿彌陀佛 Амитабха – одна из трех форм Будды (三身, санскр. *trikāya*) (БКРС, II, с. 1066).

[58] 觀音 *будд*. кит. Гуань-инь, богиня Милосердия (Авалокитешвара) (БКРС, IV, с. 460).

[59] 扶桑略記. 国史大系. 東京: 経済雑誌社, 1901. 第六巻. 頁483. (Fusō-ryakki. *Kokushi-taikei*. Tōkyō: Keizai zasshi-sha, 1901. Vol. VI. P. 483); 扶桑略記. 史籍集覧. 東京: 近藤出版部, 1906. 第一巻. 頁28. (Fusō-ryakki. *Shiseki shūran*. Tōkyō : Kondō shuppanbu, 1906. Vol. I. P. 28).

[60] 元興寺伽藍緣起. 大日本仏教全書. 東京: 仏書刊行会, 1922. 第118巻. 頁144. (Gangōji garan engi. *Dai-nihon bukkyō zensho*. Tōkyō: Bussho kankōkai, 1922. Vol. 118. P. 144); 元興寺丈六光背銘. 假名源流孝. 東京: 國定教科書共同販売所, 1911. 第1巻. 頁36. (Gangō-ji jō-roku kōhaimei. *Kana-genryū-kō*. Tōkyō: Kokutei kyōkasho kyōdō hanbaijo, 1911. Vol. I. P. 36); 丈六光銘. 元興寺伽藍緣起并流記資財帳.『寧樂遺文』中巻、東京堂出版. (Jōroku kōmei. Gangōji garan engi narabi-ni ruki shizaichō. *Neiraku ibun* ("The flourishing unpublished compositions", 2nd scroll. Tōkyō: Tōkyō-dodehan)). Режим доступа: http://home.p07.itscom.net/strmdrf/kyusyu _ref23.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[61] 元興寺伽藍緣起. 大日本仏教全書. 東京: 仏書刊行会, 1922. 第118巻. 頁143. (Gangōji garan engi. *Dai-nihon bukkyō zensho*. Tōkyō: Bussho kankōkai, 1922. Vol. 118. P. 143); 元興寺露盤銘. 假名源流孝. 東京: 國定教科書共同販売所, 1911. 第1巻. 頁30–31. (Gangō-ji roban-mei. *Kana-genryū-kō*. Tōkyō: Kokutei kyōkasho kyōdō hanbaijo, 1911. Vol. I. P. 30–31); 元興寺露盤記. 大日本金石史. 大阪: 好尚会出版部, 1921. 第一巻. 頁15. (Gangō-ji roban-ki. *Dai-nihon kinseki-shi*. Ōsaka: Kōshō-kai shuppan-bu, 1921. Vol. I. P. 15).

[62] 三尊 яп. *сансон*, кит. *сāньцзӯнь – будды, каноны, монашествующие* (БКРС 7, II, с. 31).

[63] 浮浪 яп. *фурō* – букв. скитаясь (БКРС, III, с. 13) [50, с. 355].

陀 尊　浮浪來、著日本國攝津國難波津[64]) (Фусō-рякки, св. 3-й, Киммэй, 13-й год, 10-я луна, цитата из «Дзэнкодзи энги»). Подобная информация содержится в «Кэнкодзи энги» и в других, менее известных «храмовых историях» [3, с. 60].

Поэтому 552 г. можно признать датой официального принятия буддизма при дворе государя Ямато не принцем Хиронива, а теперь уже, разумеется, государем Киммэем (хотя неофициально буддизм начал распространяться в Японии раньше – в первой половине VI в. [1]).

Влияние буддизма на приобщение японцев к письменной культуре

Дж. Б. Сэнсом указывает, что, несомненно, введение буддизма сильно стимулировало использование письменности, когда японцы с энтузиазмом принялись копировать сутры [56, с. 87, п. 1]. Правда, ныне ни одной копии сутр или китайской классической литературы, привезенных в Японию с континента в период до конца VI в., не сохранилось [13, p. 159].

Л. М. Ермакова отмечает, что чтение монахами буддийских сутр, произносимых по китайским японизированным чтениям, и сейчас непонятно верующим на слух, да и в общем на взгляд тоже – китайский язык сутр невозможно было прочитать без длительной специальной подготовки. То есть можно сказать, что для японцев сутра представляет собой ритмизированный магический текст, понимание которого невозможно и не ожидается без многолетнего периода ученичества [57, с. 66, п. 17]. Наличие в буддизме письменного канона предполагало, что японские монахи должны были в той или иной степени овладевать письменностью, которая давала им доступ к письменным источникам как конфессиональных, так и внеконфессиональных знаний. Признание же ими Китая в качестве своей духовной родины способствовало поддержанию постоянных контактов с материком. В этом отношении японские монахи всегда проявляли бóльшую активность, чем общество в целом [58, с. 38; 59, с. 94; 3, с. 67; 13, p. 454].

С середины VI в. культурное влияние континента вызвало в Японии новую волну интереса к образованию. С того времени книги и учёные в области буддизма, конфуцианства, даосизма, литературы и истории стали высоко цениться в Японии [13, p. 159, 171]. Из «Нихон-сёки» известно, что в середине VI в. в Ямато в период до 2-й луны 554 г. находились буддийский монах Тосим и еще шесть монахов, а также «старший учёный»[65] Пятикнижия Ма Чонъан [46, с. 57] (Нихон-сёки, св. 19-й, Киммэй, 15-й год правления, 2-я луна). В 553 г. специально отправленное в Пэкче посольство привезло из Кореи книги по медицине, магии и календарь. «[553 г.] *6-я луна*. Ути-но *оми* отправлен в Пэкче послом <…> Он преподнёс [*ван*у] <…> (подарки). В послании[66], <…> кроме того, говорилось: "Смени лекарей, прорицателей и знатоков календаря[67]. Настало время для замены людей, указанных выше. Пусть их сменщики присоединятся к [нашему] послу. Пусть будут также присланы книги по прорицанию[68], календари[69] и разные лекарства"» [46, с. 54–55] (Нихон-сёки, св. 19-й, Киммэй, 14-й год, 6-я луна). Исследователи отмечают особые требования, выдвигаемые японским правителем, касающихся поставок книг и присылки учёных – специалистов в разных отраслях знаний, глубокий интерес к китайской учености [13, p. 171]. В 7-й день 8-й луны 553 г. государь Пэкче прислал большой доклад (кит. *бяо*), который был прочитан при дворе Киммэя[70] [46, с. 55–56; 19, p. 119; 52, p. 69–70].

На следующий год (в 554 г.) в ответ на просьбу Киммэя из Пэкче был прислан специалист по календарю (яп. *рэки-хакасэ*) [60, с. 192; 19, p. 119; 52, p. 68] Ван Посон, старший ученый Пятикнижия (五經博士 кит. *у-цзīн бó′шù*, яп. *го-кē-но хакасэ* [46, с. 83; 19, p. 120; 52, p. 72]) Ван Югви (он заменил прежнего знатока Пятикнижия – Ма Чонъана), профессор прорицания Ван Торян, профессор медицины Ванъю Нынтха, профессоры лекарственных дел Пон Нянпхун и Чон Ютха, буддийский монах Тамхе по главе восьми других монахов (они заменили монаха Тосима и шестерых других монахов) [46, с. 57; 13, p. 171] (Нихон-сёки, св. 19-й, Киммэй, 15-й год, 2-я луна). Таким образом, постепенно японцы познакомились с новой системой счета лет и месяцев [61, 頁157]. М. В. Воробьев считает, что это были буддийские календари [49, с. 227]. А. Р. Садокова полагает, что данный календарь 553 г. стал первым официальным японским календарем, и просуществовал он вплоть до 604 г. Однако более подробные сведения об этом календаре отсутствуют [62, с. 162].

В связи с этим следует обратить внимание на сообщение «Мунаката дай-босацу го-энги», в котором отмечается: «В 1-й год *Хōсэй* [554 г.] из Великого

[64] 扶桑略記. 国史大系. 東京: 経済雑誌社, 1901. 第六巻. 頁483. (Fusō-ryakki. *Kokushi-taikei*. Tōkyō: Keizai zasshi-sha, 1901. Vol. VI. P. 483); 扶桑略記. 史籍集覧. 東京: 近藤出版部, 1906. 第一巻. 頁28. (Fusō-ryakki. *Shiseki shūran*. Tōkyō : Kondō shuppanbu, 1906. Vol. I. P. 28).

[65] 博士 кит. *бó′шù*, яп. *хакасэ* (БКРС, III, с. 58).

[66] указе (勅 *вм*. 敕 яп. *микотонори*, кит. *чù* (БКРС, III, с. 562; Nihon-shoki, p. 79)) государя Киммэя правителю Пэкче.

[67] 暦ノ博士 яп. *коёми-но хакасэ* [46, с. 77; 19, p. 119].

[68] 卜書 яп. *ура-но фуми* (Nihon-shoki, p. 79).

[69] 暦本 яп. *коёми-но хон* – досл. «книги по календарям» (Nihon-shoki, p. 79).

[70] 日本書紀（国史大系）. 東京: 吉川弘文館, 1957. 第一部. 第2巻. 頁79–80. (Nihon-shoki (Kokushi-taikei). Tōkyō: Yoshikawa kobunkan, 1957. Part I. Vol. II. P. 79–80).

Китая [тексты] буддийского Закона впервые (*хадзимэтэ*) были перевезены [в Японию]» (法清元年 仁 自 大唐 仏法 始天 渡 𠂉 也[71]) (Мунаката дай-босацу го-энги, *Хōсэй*, 1-й год). Сходная информация дана в «Ни-тю-рэки»: «[Девиз правления] *Хōсэй* – [продолжительность] четыре года (начало эры [приходится] на год *киноэ-ину*, 11-й год цикла [554 г.]; [в этом году] тексты [буддийского] Закона[72] [из] Китая переправили буддийские монахи, передавшие глубочайшую мудрость[73]» (法清四年 (554)【元 𠂉 甲戌、法文文 唐 渡 𠂉 僧 善知傳】[74]) (Ни-тю-рэки, “Нэндай-рэки”, *Хōсэй*, 1-й год, *киноэ-ину*).

Степень овладения китайской письменностью при дворе Ямато в середине IV в. может характеризовать следующий факт. Анализ сведений «Нихон-сёки» показал, что в данном источнике можно выделить (по характеру материалов) две части. Первую – традиционную часть (до середины правления Киммэя, т.е. до 555 г.); и вторую – историческое повествование официально-китайского типа (начиная со второй половины царствования Киммэя) [49, с. 118]. Следовательно, с середины 50-х гг. VI в. в Японии при дворе Ямато появились люди, способные составлять исторические записи правильным китайским языком.

Заключение

Таким образом, утверждения некоторых китайских династийных историй об отсутствии письменности в Ямато до распространения буддизма не подтверждаются ни эпиграфическими, ни историческими материалами. Распространение буддизма и его письменных текстов в 40–50-е гг. VI в. стимулировали в Японии усиление процесса обучения письму и использования письменности, что повлекло за собой отказ от традиционных способов фиксации и передачи информации при помощи узелкового письма и резов. Всё это в совокупности привело к тому, что во второй половине VI в. в определенных кругах Японии (прежде всего, среди буддистов и учёных) китайская письменность была освоена уже на должном уровне.

Литература

1. Суровень Д. А. Роль китайских переселенцев из государств Лян и Северная Вэй в распространении буддизма в Японии в 20-е – 30-е годы VI века // Китай: история и современность: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 22–24 ноября 2011 г.) Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2012. С. 133–142.

2. Мещеряков А. Н. История как метаязык раннеяпонской словесности // Дискуссионные проблемы японской истории. М.: Наука, 1991. С. 112–126.

3. Мещеряков А. Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М.: Наука, 1987. 192 с.

4. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. II. 336 с.

5. Sources of the Japanese tradition / comp. Ryūsaku Tsunoda, Wm. Theodore de Bary, Donald Keene. N. Y.-London: Routledge and Kegan Paul, 1965. Vol. I. xxvi, 928 p.

6. Japan in the Chinese dynastic histories: Later Han through Ming Dynasties / transl. Ryusaka Tsunoda, ed. L. Carrington Goodrich. Perkins Asiatic Monographs, no. 1. South Pasadena, 1951. 187 p.

7. Пак М. Н. Очерки по историографии Кореи. М.: Наука, 1987. 148 с.

8. Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М.: Наука, 1979. 182 с.

9. Мещеряков А. Н. «Нихон-сёки»: историческая мысль и культурный контекст // Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. С. 71–110.

10. Воробьев М. В., Соколова Г. А. Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. М.: Наука, 1976. 230 с.

11. История Японии. Т. I. С древнейших времен до 1868 года / отв. ред. А. Е. Жуков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 659 с.

12. Мещеряков А. Н., Грачёв М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002. 512 с.

[71] 宗像大菩薩御縁起. 宗像郡誌. 中編. 若松: 深田千太郎, 1944. 頁376. (Munakata daibosatsu go-engi. *Munakata-gun-shi*. Vol. 2. Wakamatsu: Fukada Sentarō, 1944. P. 376); 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[72] 法文文 др.-яп. *нори-но пумибуми*, совр.-яп. *хōбунбун*, кит. *фа́ вэ́ньвэ́нь* (Ни-тю-рэки, с. 36; Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei), где 法文 кит. *фа́ вэ́нь* – юр. текст закона (БКРС, IV, с. 954).

[73] 善知傳 (Ни-тю-рэки, с. 36; Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei); ср.: 善知識 кит. *шàнь-чжī-ши́ – будд., даос.* глубочайшую мудрость познавший, глубокомудрый (об учёном монахе) (БКРС, II, с. 464).

[74] 二中歴. 史籍集覧. 東京: 近藤出版部, 1926. 第二十三冊. 頁36. (Ni-chū-reki. *Shiseki shūran*. Tōkyō: Kondō shuppanbu, 1926. Vol. 23. P. 36); 大宝以前の逸年号−逸年号史料集成 (Kawanishi Yoshihiro. Taihō-izen-no itsu nengō shiryō shūsei). Режим доступа: http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/Appendix.htm (дата обращения: 28.05.2018).

13. The Cambridge history of Japan. Vol. I: Ancient Japan. Ed. Delmer M. Brown. Cambridge-N. Y.: Cambridge University Press, 1993. 602 p.

14. Hall J. W. Japan: from prehistory to modern times. Michigan: Center for Japanese studies, Univ. of Michigan, 1991. 397 p.

15. 土肥 俊郎, 河西 敏雄, 中島 利治, 佐光 大和. 埼玉古墳からの出土品（金錯銘鉄剣）再現加工に関する研究 // 日本機械学会文集（C 編）. 1995. 61巻. 591号. 頁375–381.

16. 上田 正明, 森 浩一, 山田 宗睦. 日本古代史. 東京: 筑摩書房, 1980. viii, 334頁.

17. 松本 清張. 清張通史. 東京: 講談社, 1977. 第二巻. 280頁.

18. 山尾 幸久. 日本古代王権形成史論. 東京: 岩波書店, 1983. 486, 15頁.

19. Hong Wontack. Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. Seoul: Kudara International, 1994. 328 p.

20. Murayama Shichiro, Miller R. A. The Inariyama tumulus sword inscription // Journal of Japanese studies. 1979. Vol. 5. № 2. P. 405–438.

21. 日本の建国. 東京: 東京大学出版會, 1957. 246頁.

22. 日本全史. 東京: 東京大学出版会, 1958. 第一冊. 321頁.

23. 古代。平安. 東京, 1976. 一部. 115頁.

24. 中田 興吉. 大王と大后 ー その成立と性格 // 日本歴史. 2007. 第708号. 頁1–16.

25. 中田 興吉. 発生期のミヤケと王権 // 日本歴史. 2011. 第759号. 頁1–16.

26. 吉村 武彦. 六世紀における氏・姓制の研究 ー 氏の成立を中心として // 明治大学人文科学研究所紀要. 1996. 第39冊. 頁321–332.

27. 北村 優季. 記紀にみえる日本古代の宮号 // 山形大学歴史・地理・人類学論集. 2003. 第4号. 頁1–12.

28. 川本 芳昭. 倭国について対外交渉の変遷について // 史淵（九州大学）. 2006. 第143号. 頁27–64.

29. 堤 克彦.「江田船山古墳」の被葬者と「鞠智城」築城の背景をさぐる // 研究紀要（熊本県高等学校地歴・公民科研究会）. 2010. 第40号. 頁26–84.

30. Черевко К. Е. «Кодзики» («Запись о деяниях древности») VIII в. и становление японского этноса, его языка и письменности. М.: Дип. академия МИД России, 2002. 336 с.

31. Суровень Д. А. Китайско-корейские переселенцы аябито в Японии начала V века // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 169–194.

32. Суровень Д. А. Влияние китайско-корейских переселенцев аябито на государственность и культуру Ямато V в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 20–35.

33. Суровень Д. А. Японо-корейские и японо-китайские отношения и внешняя политика государства Ямато в конце 50-х – 70-е годы V века // Уральское востоковедение: Международный альманах. 2008. № 3. С. 4–29.

34. Суровень Д. А. О времени начала использования письменности при дворе государства Ямато // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы: материалы заочной науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Гурьян, О. А. Трофименко. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2010. С. 120–125.

35. Суровень Д. А. О распространении навыков письма при дворе Ямато во второй половине IV века // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. заочной науч.-практич. конф. / отв. ред. Н. В. Гурьян, О. А. Трофименко. Уссурийск: Изд-во ДВФУ, 2011. С. 176–188.

36. Ким Бусик. Самкук саги. М.: Изд-во вост. лит., 1959. Т. I. 384, VI, 202, VII с.

37. 野口 義廣.「防長学」事始め -『大内盛衰記』に見る大内氏の古代伝承を考える // 山口県立大学国際文化学部紀要. 1997. 第3号. 頁27–64, 101.

38. Seeley Ch. A history of writing in Japan. Leiden-N. Y.-Kobenhavn-Köln: E. J. Brill, 1991. 243 p.

39. Суровень Д. А. Первые исторические сочинения и использование письменности в Японии конца V – первой половины VI веков // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. заочной науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Гурьян, О. А. Трофименко. Владивосток: ДВФУ, 2014. С. 86–106.

40. Тихонов В. М. История Кореи: с древнейших времен до 1876 года. М.: Муравей, 2003. Т. I. 464 с.

41. Bowring R. J. The religious traditions of Japan, 500–1600. Cambridge: Cambridge university press, 2005. 485 p.

42. Сёдзан энги – Сказания о горах // Синто: путь японских богов / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2002. Т. II. С. 216–225.

43. Игнатович А. Н. Буддизм в Японии: очерк ранней истории. М.: Наука, 1987. 319 с.

44. Синто: путь японских богов / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2002. Т. II. 496 с.

45. 三橋 正. 仏教受容と神祇信仰の形成: 神仏習合の源流 // 宗教研究. 2007. 第81(2)号. 頁333–358 (123–148).

46. Нихон-сёки: Анналы Японии; пер. и комм. Е. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. II. 432 с.

47. Буддизм в Японии / отв. ред. Т. П. Григорьева. М.: Наука, 1993. 704 с.
48. Кодзики: Записи о деяниях древности; пер., предисл. и комм. Е. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова.. СПб.: Шар, 1994. Т. II. 256 с.
49. Воробьев М. В. Япония в III–VII веках. М.: Наука, 1980. 344 с.
50. Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.: Русск. яз., 1977. 680 с.
51. Суровень Д. А. Способы фиксации, сохранения и передачи исторической информации в период раннего Ямато // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. заочной науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Гурьян, О. А. Трофименко. Уссурийск: Изд-во ДВФУ, 2012. С. 178–189.
52. Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697; transl. by W. G. Aston. London: Allen, 1956. Part II. 444 p.
53. Тихонов В. М. История каяских протогосударств (вторая половина V в. – 562 г.). М.: Вост. лит. РАН, 1998. 256 с.
54. Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Наука, 1987. 384 с.
55. Нихон-рёики: Японские легенды о чудесах; пер., предисл. и коммент. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995. 256 с.
56. Сэнсом Дж. Б. Япония: Краткая история культуры. СПб.: Евразия, 1999. 576 с.
57. Ермакова Л. М. «Нихон-сёки» – культурный полицентризм и выбор культуры // Нихон-сёки: Анналы Японии; пер. и комм. Е. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. С. 5–70.
58. Мещеряков А. Н. Внешний фактор в культуре Японии // Азия – диалог цивилизаций. СПб.: Гиперион, 1996. С. 17–55.
59. Мещеряков А. Н. «Нихон сёки»: историческая мысль и культурный контекст // Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. С. 71–110.
60. Конрад Н. И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк // История Японии. М.: Евролинц – Русская панорама, 2004. С. 158–340.
61. 佐野 大和. 日本のあけぼの. 東京: 小峰書店, 1959. 282頁.
62. Садокова А. Р. Официальный и народный земледельческий календари японцев // Календарь в культуре народов мира. М.: Наука, 1993. С. 162–170.

INFLUENCE OF BUDDHISM ON THE EXPANSION OF WRITING IN THE MID SIXTH CENTURY YAMATO

Dmitriy A. Surowen [a, @]

[a] *Ural State Law University, 21, Komsomolskaya St., Ekaterinburg, Russia, 620137*
[@] *Yamato.ur@mail.ru*

Received 07.07.2018. Accepted 05.12.2018.

Keywords: ancient Japan, talking knots, cuts on wooden plates, prince Hironiwa, Kimmei, Song-wang

Abstract: The article features the influence of Buddhism, which appeared in Japan in the first half of the VI century, on the expansion of writing and written culture in Yamato. The author believes that the Chinese dynastic stories underestimated the expansion of writing in Japan during the VI century in their wish to link the appearance of the written language with Buddhism, which contradicts the finds of ancient Japanese epigraphic inscriptions on swords and mirrors made in the V century. The confusion in the Chinese sources probably arose from the ancient tradition of talking knots and cuts on wooden plates in the early VI century. Yamato had to refuse from this practice when Buddhism entered Japan in the early VI century. First, Buddhism was introduced at the court of the unrecognized Yamato ruler, prince Hironiwa (future Kimmei) in 538 A.D. It was officially recognized during his rule in 552 A.D., which was confirmed by the Chinese dynastic histories. To read Buddhist literature and write in good Chinese, new Japanese adepts and scientists had to master thieroglyphic writing.

For citation: Surowen D. A. Vliianie buddizma na rasprostranenie pis′mennosti v Iamato v seredine VI v. [Influence of Buddhism on the Expansion of Writing in the Mid Sixth Century Yamato]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 79–92. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-79-92

References

1. Suroven D. A. Rol′ kitaiskikh pereselentsev iz gosudarstv Lian i Severnaia Vei v rasprostranenii buddizma v Iaponii v 20-e – 30-e gody VI veka [The role of Chinese immigrants from the Liang state and the Northern Wei state in the spread of Buddhism in Japan in 520s–530s A.D.]. *Kitai: istoriia i sovremennost′: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 22–24 noiabria 2011 g.)* [China: Past and Present: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf. (Yekaterinburg, November 22–24, 2011)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural′skogo universiteta, 2012, 133–142.

2. Meshcheriakov A. N. Istoriia kak metaiazyk ranneiaponskoi slovesnosti [History as metalanguage of the early Japanese literature]. *Diskussionnye problemy iaponskoi istorii* [Discussion problems of Japanese history]. Moscow: Nauka, 1991, 112–126.

3. Meshcheriakov A. N. *Drevniaia Iaponiia: buddizm i sintoizm* [Ancient Japan: Buddhism and Shintoism]. Moscow: Nauka, 1987, 192.

4. Bichurin N. Ia. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collecting information about the peoples living in Central Asia in ancient times]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. II (1950): 336.

5. *Sources of the Japanese tradition*. Comp. Ryūsaku Tsunoda, Wm. Theodore de Bary, Donald Keene. N. Y.-London: Routledge and Kegan Paul, vol. I (1965): xxvi, 928.

6. *Japan in the Chinese dynastic histories: Later Han through Ming Dynasties*. Transl. Ryusaka Tsunoda. Ed. Carrington Goodrich L. Perkins Asiatic Monographs, no. 1. South Pasadena, 1951, 187.

7. Pak M. N. *Ocherki po istoriografii Korei* [Notes on Korean historiography]. Moscow: Nauka, 1987, 148.

8. Dzharylgasinova R. Sh. *Etnogenez i etnicheskaia istoriia koreitsev po dannym epigrafiki* [Ethnogenesis and ethnic history of Koreans according to an epigraphics]. Moscow: Nauka, 1979, 182.

9. Meshcheriakov A. N. «Nikhon-sëki»: istoricheskaia mysl′ i kul′turnyi kontekst [Nihon-shoki: historical thought and cultural context]. *Nikhon-sëki: Annaly Iaponii* [Nihon-shoki: Annals of Japan]. Saint-Petersburg: Giperion, vol. I (1997): 71–110.

10. Vorob′ev M. V., Sokolova G. A. *Ocherki istorii nauki, tekhniki i remesla v Iaponii* [Notes on the history of science, equipment, and craft in Japan]. Moscow: Nauka, 1976, 230.

11. *Istoriia Iaponii. T. 1. S drevneishikh vremtn do 1868 goda* [History of Japan. Vol. 1. From the most ancient times to 1868]. Ed. Zhukov A. E. Moscow In-t vostokovedeniia RAN, 1999, 659.

12. Meshcheriakov A. N., Grachev M. V. *Istoriia drevnei Iaponii* [History of ancient Japan]. Saint-Petersburg: Giperion, 2002, 512.

13. *The Cambridge history of Japan. Vol. I: Ancient Japan*. Ed. Delmer M. Brown. Cambridge-N. Y.: Cambridge University Press, 1993, 602.

14. Hall J. W. *Japan: from prehistory to modern times*. Michigan: Center for Japanese studies, Univ. of Michigan, 1991, 397.

15. Doi Toshirō, Kasai Toshio, Nakajima Toshiharu, Samitsu Yamato. Saitama-kofun-kara-no sutsudohin (kinsaku-mei tetsuken)-no saigen kakō-ni kan-suru kenkū. *Nihon kikai gakkai bunshū ("C" hen)*, 61, no. 591 (1995): 375–381.

16. Ueda Masaaki, Mori Kōichi, Yamada Munemutsu. *Nihon kodai-shi.* Tōkyō: Chikuma shobo, 1980, viii, 334.

17. Matsumoto Seichō. *Seichō-tsūshi*. Tōkyō: Kōdansha, vol. II (1977): 280.

18. Yamao Yukihisa. *Nihon kodai ōken-keisei shiron*. Tōkyō: Iwanamishoten, 1983, 486, 15.

19. Hong Wontack. *Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan*. Seoul: Kudara International, 1994, 328.

20. Murayama Shichiro, Miller R. A. The Inariyama tumulus sword inscription. *Journal of Japanese studies*, 5, no. 2 (1979): 405–438.

21. *Nihon-no kengoku*. Tōkyō: Tōkyō-daigaku shuppankai, 1957, 246.

22. *Nihon zenshi*. Tōkyō: Tōkyō-daigaku shuppankai, vol. I (1958): 321.

23. *Kodai. Heian*. Tōkyō, part I (1976), 115.

24. Nakada Kōkichi. Ō-kimi to ō-kisaki – sono seiritsu to seikaku. *Nihon rekishi*, no. 708 (2007): 1–16.

25. Nakada Kōkichi. Hassei-ki-no miyake to ōken. *Nihon rekishi*, no. 759 (2011): 1–16.

26. Yoshimura Takehiko. Roku-seiki-ni okeru uji-kabane-sei-no kenkū – uji-no seiritsu-wo Chūshin-to. *Meiji-daigaku jimbun-kagaku kenkūjo kiyō*, vol. 39 (1996): 321–332.

27. Kitamura Masaki. Ki-ki-ni mieru nihon-kodai-no miya-gō. *Yamagata-daigaku rekishi, chiri, jinruigaku ronshū*, no. 4 (2003): 1–12.

28. Kawamoto Yoshiaki. Wa-koku-ni okeru taikaikōshō-no hensan-ni tsuite. *Shien* (Kyūshū-daigaku), no. 143 (2006): 27–64.

29. Tsutsumi Katsuhiko. "Eda Funayama-kofun"-no hisōsha to Kikuchi-shiro chikujō-no haikei-wo saguru. *Kenkyū kiyō* (Kumamoto-ken kōtōgakkō chi-reki kōminka kenkūkai), vol. 40 (2010): 26–84.

30. Cherevko K. E. *"Kodziki" ("Zapis' o deianiiakh drevnosti") VIII v. i stanovlenie iaponskogo etnosa, ego iazyka i pis'mennosti* ["Kojiki" ("Record on ancient matters") 8th century and formation of the Japanese ethnos, his language and writing]. Moscow: Dip. akademiia MID Rossii, 2002, 336.

31. Suroven D. A. Kitaisko-koreiskie pereselentsy aiabito v Iaponii nachala V veka [Chinese-Korean ayabito migrants in early 5th century Japan]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2: Gumanitarnye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 1 (2011): 169–194.

32. Suroven D. A. Vliianie kitaisko-koreiskikh pereselentsev aiabito na gosudarstvennost′ i kul′turu Iamato V v. [Chinese-Korean Ayabito migrants' influence on the statehood and culture]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2: Gumanitarnye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 2 (2011): 20–35.

33. Suroven D. A. Iapono-koreiskie i iapono-kitaiskie otnosheniia i vneshniaia politika gosudarstva Iamato v kontse 50-kh – 70-e gody V veka [The Japanese-Korean and Japanese-Chinese relations and foreign policy of the Yamato state in the late 450s – 470s A.D.]. *Ural'skoe vostokovedenie: Mezhdunarodnyi al'manakh = Ural Survey of Oriental Studies*, no. 3 (2008): 4–29.

34. Suroven D. A. O vremeni nachala ispol′zovaniia pis′mennosti pri dvore gosudarstva Iamato [About time of the beginning of use of writing at the Court of the Yamato state]. *Aktual'nye voprosy vostokovedeniia: problemy i perspektivy: materialy zaochnoi nauch.-prakt. konf.* [Actual questions of Oriental studies: problems and prospects: Proc. correspondence Sci.-Prac. Conf.]. Ed. Guryan N. V., Trofimenko O. A. Ussuriisk: Izd-vo UGPI, 2010, 120–125.

35. Suroven D. A. O rasprostranenii navykov pis′ma pri dvore Iamato vo vtoroi polovine IV veka [On the propagation of writing skills at the Yamato court during the second half of the IV century]. *Aktual'nye voprosy vostokovedeniia: problemy i perspektivy: materialy II Mezhdunar. zaochnoi nauch.-prakt. konf.* [Actual questions of Oriental studies: problems and prospects: Proc. II Intern. correspondence Sci.-Prac. Conf.]. Ed. Guryan N. V., Trofimenko O. A. Ussuriisk: Izd-vo DVFU, 2011, 176–188.

36. Kim Busik. *Samkuk sagi* [Samguk Saga]. Moscow: Izd-vo vost. lit., vol. I (1959): 384, VI, 202, VII.

37. Noguchi Yoshihiro. "Bochō-gaku"-koto hajime – "Ōuchi seisui-ki"-ni miru Ōuchi-uji-no kodai denshō-wo kangaeru. *Yamaguchi-kenritsu kokusai bungaku-bu kiyō*, no. 3 (1997): 27–64, 101.

38. Seeley Ch. *A history of writing in Japan*. Leiden-N. Y.-Kobenhavn-Köln: E. J. Brill, 1991, 243.

39. Suroven D. A. Pervye istoricheskie sochineniia i ispol′zovanie pis′mennosti v Iaponii kontsa V – pervoi poloviny VI vekov [The first historical compositions and use of writing in Japan of the late V – early VI centuries A.D.]. *Aktual'nye voprosy vostokovedeniia: problemy i perspektivy: materialy V Mezhdunar. zaochnoi nauch.-prakt. konf.* [Actual questions of Oriental studies: problems and prospects: Proc. V Intern. correspondence Sci.-Prac. Conf.]. Ed. Guryan N. V., Trofimenko O. A. Vladivostok: DVFU, 2014, 86–106.

40. Tikhonov V. M. *Istoriia Korei: s drevneishikh vremen do 1876 goda* [History of Korea: from the most ancient times to 1876]. Moscow: Muravei, vol. I (2003): 464.

41. Bowring R. J. *The religious traditions of Japan, 500–1600*. Cambridge: Cambridge university press, 2005, 485.

42. Sedzan engi – Skazaniia o gorakh [Shozan engi – Legends on mountains]. *Sinto: put' iaponskikh bogov* [Shinto – the way of the Japanese gods]. Ed. Ermakova E. M., Komarovskii G. E., Meshcheriakov A. N. Saint-Petersburg: Giperion, vol. II (2002): 216–225.

43. Ignatovich A. N. *Buddizm v Iaponii: ocherk rannei istorii* [The Buddhism in Japan: outline of early history]. Moscow: Nauka, 1987, 319.

44. *Sinto: put' iaponskikh bogov* [Shinto – the way of the Japanese gods]. Ed. Ermakova E. M., Komarovskii G. E., Meshcheriakov A. N. Saint-Petersburg: Giperion, vol. II (2002): 496.

45. Mitsuhashi Masashi. Bukkyō-juyō to jingi-shinkō-no keisei: shimbutsu-shūgō-no gtnryū. *Shūkyō-kenkyū*, no. 81(2) (2007): 333–358 (123–148).

46. *Nikhon-seki: Annaly Iaponii* [Nihon-shoki: Annals of Japan]. Transl. and comm. Ermakova E. M., Meshcheriakov A. N. Saint-Petersburg: Giperion, vol. II (1997): 432.

47. *Buddizm v Iaponii* [The Buddhism in Japan]. Ed. Grigoyeva T. P. Moscow: Nauka, 1993, 704.

48. *Kodziki: Zapisi o deianiiakh drevnosti* [Kojiki: Records of ancient matters]. Saint-Petersburg: Shar, vol. II (1994): 256.

49. Vorob′ev M. V. *Iaponiia v III–VII vekakh* [Japan in III – VII centuries]. Moscow: Nauka, 1980, 344.

50. Fel′dman-Konrad N. I. *Iaponsko-russkii uchebnyi slovar' ieroglifov* [Japanese-Russian educational dictionary of hieroglyphs]. Moscow: Russk. iaz., 1977, 680.

51. Suroven D. A. Sposoby fiksatsii, sokhraneniia i peredachi istoricheskoi informatsii v period rannego Iamato [The methods of fixation, preservation, and transmission of historical information in the early Yamato]. *Aktual'nye voprosy vostokovedeniia: problemy i perspektivy: materialy III Mezhdunar. zaochnoi nauch.-prakt. konf.* [Actual questions of Oriental studies: problems and prospects: Proc. III Intern. correspondence Sci.-Prac. Conf.]. Ed. Guryan N. V., Trofimenko O. A. Ussuriisk: Izd-vo DVFU, 2012, 178–189.

52. *Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697.* Transl. Aston W. G. London: Allen, part II (1956): 444.

53. Tikhonov V. M. *Istoriia kaiaskikh protogosudarstv (vtoraia polovina V v. – 562 g.)* [History of Kaya proto-states (second half. V century – 562)]. Moscow: Vost. lit. RAN, 1998, 256.

54. Tsibul′skii V. V. *Lunno-solnechnyi kalendar′ stran Vostochnoi Azii* [Lunisolar calendar of the countries of East Asia]. Moscow: Nauka, 1987, 384.

55. *Nikhon-reiki: Iaponskie legendy o chudesakh* [Nihon-ryōiki: Japanese legends of miracles]. Transl. and comm. Meshcheriakov A. N. Saint-Petersburg: Giperion, 1995, 256.

56. Sansom G. B. *Iaponiia: Kratkaia istoriia kul'tury* [Japan: Short cultural history]. Saint-Petersburg: Evraziia, 1999, 576.

57. Ermakova L. M. «Nikhon-seki» – kul′turnyi politsentrizm i vybor kul′tury [Nihon-shoki – cultural polycentrism and the choice of culture]. *Nikhon-seki: Annaly Iaponii* [Nihon-shoki: Annals of Japan]. Transl. and comm. Ermakova E. M., Meshcheriakov A. N. Saint-Petersburg: Giperion, vol. I (1997): 5–70.

58. Meshcheriakov A. N. Vneshnii faktor v kul′ture Iaponii [External factor in the culture of Japan]. *Aziia – dialog tsivilizatsii* [Asia is a dialogue of civilizations]. Saint-Petersburg: Giperion, 1996, 17–55.

59. Meshcheriakov A. N. «Nikhon seki»: istoricheskaia mysl′ i kul′turnyi kontekst [«Nihon-shoki»: historical thought and cultural context]. *Nikhon-seki: Annaly Iaponii* [Nihon-shoki: Annals of Japan]. Transl. and comm. Ermakova E. M., Meshcheriakov A. N. Saint-Petersburg: Giperion, vol. I (1997): 71–110.

60. Konrad N. I. Iaponiia. Narod i gosudarstvo. Istoricheskii ocherk [Japan. People and state. Historical outline]. *Istoriia Iaponii* [History of japan]. Moscow: Evrolints – Russkaia panorama, 2004, 158–340.

61. Sano Yamato. *Nihon-no akebono.* Tōkyō: Shōhō shoten, 1959, 282.

62. Sadokova A. R. Ofitsial′nyi i narodnyi zemledel′cheskii kalendari iapontsev [Official and national agricultural calendars of Japanese]. *Kalendar′ v kul'ture narodov mira* [Calendar in the culture of the peoples of the world]. Moscow: Nauka, 1993, 162–170.

УДК 94(47).081/.083:348.819.3:343.81

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ФУНКЦИЯ МОНАСТЫРЕЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Игорь Г. Фёдоров [a, b, ID1]***; Аида А. Терскова*** [c, @, ID2]

[a] *Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89*
[b] *Средняя общеобразовательная школа № 2 им. Ю. А. Гагарина, 663094, Россия, г. Дивногорск, ул. Саянская, 12*
[c] *Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79*
[@] *teraida@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0003-3202-9126*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0003-4557-7957*

Поступила в редакцию 22.05.2018. Принята к печати 09.11.2018.

Ключевые слова: монастырь, епитимийцы, уголовное наказание, Енисейская епархия, духовенство, пенитенциарная система

Аннотация: Предметом исследования является пенитенциарная деятельность монастырей Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Цель работы заключается в изучении состава заключенных в православных монастырях Енисейской епархии и характеристике правовых норм, регулирующих положение епитимийцев в обителях региона. В работе использованы сравнительно-исторический метод и метод критического анализа источников, которые позволили уточнить численность епитимийцев в монастырях епархии, условия их содержания, а также охарактеризовать основные особенности пенитенциарной работы обителей. Монастыри Енисейской епархии выступали против этой роли, действуя в рамках общероссийских тенденций. Один из главных результатов работы нам видится в том, что анализ правовых норм и практик изоляции епитимийцев в монастырях региона позволяет сделать вывод об уменьшении значения и в итоге освобождении монастырей от пенитенциарной деятельности к началу XX в.

Для цитирования: Фёдоров И. Г., Терскова А. А. Пенитенциарная функция монастырей Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 93–99. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-93-99

Введение

Православные монастыри России использовались для содержания преступников на протяжении многих веков, однако со второй половины XIX в. правительство постепенно освобождало обители от пенитенциарной функции под давлением меняющейся общественно-политической ситуации в стране. В монастырях Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. находилось незначительное число епитимийцев-кровосмесителей. Обители епархии к началу XX в., как и все монастыри России, постепенно утратили пенитенциарную функцию в отношении уголовных преступников, но оставались местами заключения для представителей духовного сословия. В преддверии 320-летия основания первой православной иноческой обители на берегах Енисея в среде Восточно-Сибирских историков заметно усиливается интерес к монастырской истории. Среди многих ее аспектов наименее изученным выглядит вопрос о пенитенциарной практике православных монастырей.

Российскими историками достаточно подробно исследовано содержание епитимийцев в монастырях центральной России и на Русском Севере [1–4]. Пенитенциарная деятельность монастырских обителей в XVII–XVIII вв. в Восточной Сибири получила освещение в работах Л. П. Шорохова [5], С. О. Шаляпина [6], А. В. Дулова и А. П. Санникова [7]. Однако, характеризуя деятельность монастырей Сибири, исследователи пока не затрагивали вопрос о монастырских заключенных Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. В данной статье на основе документов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) мы выявим практику наказаний, реализуемых в форме изоляции от общества в монастырях епархии, определим характеристику численности монастырских заключенных, охарактеризуем освобождение монастырей региона от пенитенциарной работы.

Пенитенциарная деятельность монастырей Енисейской епархии

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX – начала XX вв., потому что в 1861 г. была образована Енисейская епархия, наиболее активная деятельность которой приходилась на дореволюционный период. Границы епархии совпадали с территорией Енисейской губернии.

С середины XIX в. монастыри принимали заключенных, руководствуясь следующими документами: Уставом Духовной консистории в редакциях 1841 и 1883 годов и Уложением о наказаниях уголовных и исправительных в редакциях 1845, 1866 и 1885 годов[1]. Согласно Уложению церковное покаяние (епитимия) назначалось при уклонении от исполнения уставов Церкви, исповеди и причастия; при нарушении семейных норм или при противозаконном сожительстве неженатого мужчины с незамужней женщиной; в случаях мужеложества или скотоложества; в случае вступления в брак при наличии другого брака, также были статьи, в которых покаяние назначалось за случайное причинение смерти человеку, убийство в драке, покушение на самоубийство и другие преступления[2]. Епитимия налагалась на духовенство согласно Уставу Духовной консистории за пьянство, неправильное повенчание браков или иные нарушения церковного законодательства[3]. Лица, несущие епитимию, как правило, должны были находиться в приходских церквях под надзором духовников. В монастыри для церковного покаяния попадали только представители духовенства или преступники, осужденные за преступления сексуального характера.

Задача, стоящая перед церковью и системой наказания, заключалась в том, чтобы преступники исправились. Церковное право способствовало постепенной трансформации цели наказания от устрашения к перевоспитанию преступника [1, с. 258]. В связи с гуманизацией системы наказания, изменением роли церкви и монастырей в обществе церковь с середины XIX в. постепенно отказывалась от заточения в монастыри светских лиц и передавала их на попечение приходского духовенства; освобождала из монастырского заключения женщин, заменяя его поселением в удаленные регионы Восточной Сибири[4] [1, с. 262].

Приенисейские монастыри были местами ссылки и заточения для нарушивших закон. Численность епитимийцев в монастырях Енисейской епархии можно проследить с 60-х гг. XIX в., с момента образования епархии, до начала XX в. В монастыри епитимийцы попадали за кровосмесительную связь. В этом случае осужденные поступали в монастыри на вечное жительство в тяжелые работы и покаяние. Узники содержались в кельях, часто без охраны, не могли покидать стен монастыря и привлекались к труду. В монастырях Енисейской епархии во второй половине XIX в. за различные преступления содержалось до десяти человек. В обителях Приенисейской Сибири в пореформенный период вовсе не содержалось раскольников, в отличие, например, от Вологодских монастырей [4, с. 116–122].

60–70-е гг. XIX в.

Численность заключенных в монастырях Енисейской епархии в 60-е гг. XIX в. приведена в таблице 1[5]. Из нее видно, что в трех монастырях Енисейской епархии находились девять заключенных. Выходцы из податных сословий несли наказание за кровосмесительную связь, а представители духовенства – за пьянство и буйство. В отчетах монастырского начальства указывалось, что епитимийцы поведения плохого и исправления не предвидится. Исключение составляет только запись в деле Марии Бабенковой: «Эпитимью исполняет усердно и чистосердечное раскаяние в содеянном преступлении. На исповеди и причастии была. Поведения хорошего. К трудам усердна и скромна»[6].

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Т. XX. 1845 г. Отделение первое. Спб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1845. 1045 с.; ПСЗРИ. Собрание Второе. Том XLI. Отделение первое. Спб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1866. 1081 с.; ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIV. Отделение первое. Спб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1861. 839 с.

[2] ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XX. 1845 г. Отделение первое. Спб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1845. С. 628–644.

[3] ПСЗРИ. Собрание Второе. Том XLI. Отделение первое. Спб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1866. С. 326.

[4] ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIV. Отделение первое. Спб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1861. С. 661–662.

[5] Составлено по: Дело о помещении в Енисейский женский монастырь крестьянки Марфы Михайловны Вотиловой. 1860–1863 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 390. Л. 1–1 об.; Дело о предании епитимии лиц разного звания. 1867–1869 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 5104. Л. 195–196; Манифест Александра II. Указы Синода Томской духовной консистории. Журнал входящих документов за 1861 г. // ГАКК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 162. Л. 14–16 об., 31–31 об.; Отчет об остатке восковых свеч в Енисейском Спасском монастыре. Ведомости о приходе и расходе церковных сумм, об епитимийцах, содержащихся в Енисейском Спасском монастыре за 1862 г. // ГАКК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 165. Л. 5–6; Указы Енисейской духовной консистории. Отношения Енисейского духовного правления, Енисейского епархиального попечительства. Рапорты настоятельницы Енисейского Христорождественского девичьего монастыря о состоянии монастыря. Список монашествующих и служителей Енисейского Спасского монастыря. 1865 // ГАКК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 175. Л. 10–11 об.; Указы Томской духовной консистории. Отношения Енисейской казенной палаты, Енисейской экспедиции о ссыльных Туруханского отдельного управления. Журналы входящих и исходящих документов. Ведомости о приходе и расходе церковных и экономических денежных сумм, о свечных доходах Туруханского Троицкого монастыря в 1860 году. Клировая ведомость Туруханского Троицкого монастыря. 1861 // ГАКК. Ф. 594. Оп. 1. Д. 161. Л. 40–47, 152–153.

[6] Дело о предании епитимии лиц разного звания. 1867–1869 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 5104. Л. 196.

Таблица 1. Количество епитимийцев в монастырях Енисейской епархии в 60-е гг. XIX в.
Table 1. The number of those under epitimia in the monasteries of the Yenisei diocese in the 1860s

Монастыри Енисейской епархии	Имя, фамилия, возраст, сословная принадлежность епитимийцев	С какого времени в монастыре, за какое преступление
Енисейский Христорождественский женский монастырь	Мелания Вилкова	За кровосмешение. При ней незаконнорожденный сын Илья 8 лет
	Марфа Вотилова, из крестьян	За кровосмешение, в монастыре с 1860 г.
	Мария Каменская, 42 года, из крестьян	За кровосмешение с родным братом, в монастыре с 1857 г.
	Мария Бабенкова, 17 лет, из крестьян	За кражу и блудную жизнь, в монастыре с 1867 г. на пять месяцев
Енисейский Спасский мужской монастырь	Иеромонах Самуил	За пьянство и буйство
	Дьячок Протасий Зубов	За пьянство
	Иван Докучаев, из ссыльных	За кровосмешение
	Павел Иванов, из помещичьих крестьян	За кровосмешение
Туруханский Троицкий мужской монастырь	Иеромонах Самуил	За пьянство и буйство
	Захар Печатальщиков	–

Благодаря изменению законодательства от пенитенциарной функции освобождены были женские обители указом 1859 г.[7] Женский Христорождественский монастырь г. Енисейска издавна использовался как место заточения преступниц, об этом упоминал исследователь начала XX в. А. С. Пругавин [3]. В архивах Красноярского края нет сведений о епитимийцах в этом монастыре после 1869 г. Вероятно, после большого пожара в г. Енисейске в 1869 г., когда женский монастырь пострадал, он перестал быть местом заточения. Кроме того, при монастыре было открыто и действовало женское церковно-приходское училище, в котором девочки-сироты обучались рукоделию и получали образование. Монастырь воспользовался новым законодательством и отказался от пенитенциарной функции.

Количество епитимийцев в монастырях Енисейской епархии в 70-е гг. XIX в. уменьшилось. Их численность составила три человека. Заключенные содержались только в мужских обителях, принадлежали к податному сословию и духовенству, несли наказание за кровосмешение и разные предосудительные поступки, что видно из таблицы 2[8].

Таблица 2. Количество епитимийцев в монастырях Енисейской епархии в конце 70-е гг. XIX в.
Table 2. The number of those under epitimia in the monasteries of the Yenisei diocese in the late 1870s

Монастыри Енисейской епархии	Имя, фамилия, возраст, сословная принадлежность епитимийцев	С какого времени в монастыре, за какие преступления
Енисейский Спасский мужской монастырь	Григорий Коваленко, 57 лет, из бессрочно отпускных рядовых. Был заключен в тюрьму на 3 года 4 месяца, а затем помещен в монастырь	За кровосмешение с родной сестрой, в монастыре с 1875 г.
	Фотий Стеблянский, 64 года, из крестьян	За кровосмешение во второй степени родства (сам о себе свидетельствует, что с двоюродной сестрой), в монастыре с 1855 г.
Туруханский Троицкий мужской монастырь	Павел Герасимов, запрещенный священник	Наказание за разные предосудительные поступки, в монастыре с 1875 г.

[7] ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXIV. Отделение первое. Спб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1861. С. 661–662.

[8] Составлено по: Прошение Павла Герасимова о разрешении ему выехать в г. Красноярск из Туруханского монастыря. 1875–1879 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1330. Л. 4–21; Ведомость о епитимейцах, содержащихся в женских и мужских монастырях. 1897–1898 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2544. Л. 112; Сведения о лицах, находящихся в Енисейском Спасском монастыре, на которых наложена епитимья. 1890 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 5552. Л. 2 об. – 3.

С созданием Енисейской епархии в исследуемый период наблюдался процесс увеличения числа монастырских обителей. Кроме трех старых монастырей Енисейска и Туруханска возникли новые обители около губернского центра: Красноярский Знаменский мужской скит, Красноярский Успенский мужской монастырь, Красноярский Знаменский женский монастырь. Епархиальное начальство использовало вновь созданные монастыри для содержания заключенных.

Конец XIX в.

Из приведенной ниже таблицы 3[9] видно, что численность заключенных в монастырях Енисейской епархии возросла в последнее десятилетие XIX в. Также следует отметить, что среди епитимийцев в монастырях епархии нет представителей духовного сословия, только выходцы из податных сословий. К концу XIX в. епархиальное начальство перестало использовать Туруханский Троицкий монастырь в качестве пенитенциарного монастыря. Связано это было с тем, что Туруханский монастырь, находясь на севере Приенисейского региона, не имел достаточного количества земель и со временем обеднел. Численность братии Туруханского монастыря стала очень незначительной. Монахи, живущие в тяжелых климатических условиях, не имели средств на содержание обители и на прокорм. О бедности монастыря и об отказе от пенитенциарной деятельности докладывал епархиальному начальству настоятель монастыря в 1897 г.[10] [8, с. 55].

Заключенные, находящиеся на исправлении в монастырях региона, не отличались добрым поведением, приносили хлопоты монахам и были тягостны для монастырей. Так, в 1897 г. епископ Енисейский и Красноярский Акакий писал губернскому начальству: «В трех монастырях Енисейской епархии нет ни помещений для таких пожизненных арестантов, ни лиц для надзора за ними. Наличный штат монахов в мужских монастырях Енисейской епархии состоит из нескольких монахов, дряхлых, болезненных, требующих за собой ухода. Люди эти большею частью смиренные старцы, принадлежащие к священству и посветившие себя иночеству при последних годах жизни. Напротив того, эпитимийцы, будучи весьма испорченной нравственности и не имеющие за собой никакого надзора, никаких работ при монастыре исполнять не желают, пьянствуют, добывают себе средства кражею у тех же старцев. Таким образом, вместо

Таблица 3. Количество епитимийцев в монастырях Енисейской епархии в 90-е гг. XIX в.
Table 3. The number of those under epitimia in the monasteries of the Yenisei diocese in the 1890s

Монастыри Енисейской епархии	Имя, фамилия, возраст, сословная принадлежность епитимийцев	С какого времени в монастыре, за какое преступление
Енисейский Спасский мужской монастырь	Григорий Коваленко, 57 лет, из бессрочно отпускных рядовых. Был заключен в тюрьму на 3 года 4 месяца, а затем в монастырь	За кровосмешение с родной сестрой, в монастыре с 30 января 1875 г.
	Фотий Стеблянский, 64 года, из крестьян	За кровосмешение во второй степени (сам о себе свидетельствует с двоюродной сестрой), в монастыре с декабря 1855 г.
	Григорий Петров, 66 лет, из крестьян. Был заключен в тюрьму на 3 года 4 месяца, а затем в монастырь	За половое сожитие с родной дочерью, в монастыре с 15 апреля 1888 г.
	Григорий Ордан, 59 лет, из крестьян	За половое сожитие с родной дочерью, в монастыре 25 ноября 1895 г.
	Максим Федоров (умер в 1896 г.)	За кровосмешение с сестрой, в монастыре с 1894 г.
Красноярский Успенский общежительный мужской монастырь	Яков Соколов, 56 лет, казак	За кровосмешение, в монастыре с сентября 1891 г.
	Павел Вербицкий, 67 лет, из крестьян	В монастыре с января 1897 г.
	Федор Маньков, 34 года, из крестьян	В монастыре с 22 ноября 1891 г.

[9] Составлено по: Ведомость о епитимейцах, содержащихся в женских и мужских монастырях. 1897–1898 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2544. Л. 112, 114; Сведения о лицах, находящихся в Енисейском Спасском монастыре, на которых наложена епитимья. 1890 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 5552. Л. 2 об. – 3.

[10] Ведомость о епитимейцах, содержащихся в женских и мужских монастырях. 1897–1898 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2544. Л. 28.

духовного врачевания от глубокой нравственной испорченности, епитимийцы эти лишь с большею дерзостью развивают свои преступные наклонности, бьют монахов и держат их в полном страхе, и оградить иноков от обид нет решительно никаких средств. Имею честь ходатайствовать, не изволите ли признать содержание епитимийцев при монастырях Енисейской губернии несоответствующим, заменив этот вид наказания выселением названных преступников в отдаленные и малолюдные округа вверенного вам края»[11]. На основании этой записки Енисейский губернатор Л. К. Теляковский просил Иркутского генерал-губернатора освободить монастыри от епитимийцев.

Действительно, общественное мнение к концу XIX в. видело в монастырях центры благотворительной и просветительской деятельности. Практика оставлять епитимийцев на местах жительства закрепилась в системе церковного права, а особенных результатов исправления содержание узников за монастырскими стенами не давало. Именно поэтому монастыри тяготились своими пенитенциарными функциями, являющимися пережитком прошлых столетий. Правительство и Святейший Синод пошли на уступки монастырям: Указ Святейшего Синода от 21 апреля 1897 г. № 3, Указ Синода от 28 февраля 1898 г. № 1205, Высочайшее повеление императора от 14 января 1898 г. о том, что признание бесполезным или невозможным содержать в монастырях лиц, принужденных к пожизненному в них заключению, освободить таковых из монастырей[12]. Иркутский военный генерал-губернатор 26 июня 1898 г. дал распоряжение Енисейскому губернатору и местному архиерею освободить из монастырей епитимийцев-кровосмесителей, коих согласно высочайшему повелению, изложенному в Указе Правительствующего Сената от 31 января 1898 г. № 1060, водворить на поселение[13]. К 1898 г. епитимийцы находились в Красноярском Успенском общежительном монастыре, из которого они были выпущены 24 июля 1898 г.[14] В Енисейском Спасском монастыре епитимийцы проживали еще год и не были выселены из-за отсутствия распоряжений епархиального начальства[15]. Только 14 декабря 1899 г. в монастырях Енисейской епархии согласно отчету епархиального архиерея пожизненных епитимийцев больше не содержалось[16].

Начало XX в. – 1918 г.

Епитимия и заключение в монастырь сохранились в начале XX в. только в рамках церковного законодательства и применялись для лиц духовного звания. После 1900 г. монастыри около губернского города использовались властями как места для заключения и исправления духовных лиц, о чем свидетельствуют данные таблицы 4[17].

После Февральской революции в епархии произошла смена архиерейской власти, в церковном управлении стали принимать участие миряне и духовенство. Несмотря на демократизацию церковной

Таблица 4. Количество епитимийцев в монастырях Енисейской епархии в 1900–1910-е гг.
Table 4. The number of those under epitimia in the monasteries of the Yenisei diocese in 1900–1910

Монастыри Енисейской епархии	Имя, фамилия, сословная принадлежность епитимийцев	С какого времени в монастыре, за какие преступления
Красноярский Знаменский общежительный мужской скит	Петр Климовский, псаломщик	За пьянство и буйство, 1901–1910
	Иеромонах Серафим	За неблагоповедение
	Иеродиакон Нил	–
	Монах Митрофан	1903–1910
	Николай Дубровин, священник	–
	Петр Торопов, священник	–
Красноярский Успенский монастырь	Монах Митрофан	1902–1903
	Монах Иоанн, кандидат богословия	За пьянство и буйство, 1902–1903

[11] Ведомость о епитимейцах, содержащихся в женских и мужских монастырях. 1897–1898 // ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2544. Л. 36–36 об., 37, 39.

[12] Там же, л. 65.

[13] Там же, л. 50.

[14] Там же, л. 52.

[15] Там же, л. 65.

[16] Там же, л. 68.

[17] Составлено по: Указы Енисейской духовной консистории за 1901 г. // ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 11. Л. 75–75 об.; Указы Енисейской духовной консистории. Ведомость. Послужные списки. 1901–1904 // ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 12. Л. 22, 25, 28; Указы Енисейской духовной консистории, прошения и заявления послушников Успенского монастыря, мещан, крестьян и других о принятии послушников в Скит. 1902–1903 // ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 22, 23, 75–78; Указы Енисейской духовной консистории за 1910 г. // ГАКК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 14. Л. 100.

жизни, практика использования православных обителей для наказания духовных лиц продолжалась вплоть до установления советской власти в Приенисейском крае, что отражено в таблице 5[18].

Заключение

Таким образом, к началу XX в. в связи с трансформацией традиционного общества и с изменением роли церкви и монастырей в сторону более активной общественной работы церковное покаяние становится частным делом приходского священника и виновного, а монастыри, все более тяготясь ролью тюрем для содержания преступников, желают освободиться от заключенных. Государственная судебно-исправительная система к началу XX в., учитывая эти настроения, освобождает сначала женские монастыри, а затем и мужские от пенитенциарной деятельности, оставляя в стенах обителей лишь представителей духовного сословия, подлежащего церковному суду. Енисейские монастыри, среди которых только мужские имели немногочисленных епитимийцев к началу XX в., также лишились пенитенциарной функции в отношении светских преступников, но оставались местом исправления для духовенства региона.

Таблица 5. Количество епитимийцев в монастырях Енисейской епархии в 1918 г.
Table 5. The number of those under epitimia in the monasteries of the Yenisei diocese in 1918

Монастыри Енисейской епархии	Имя, фамилия, возраст, сословная принадлежность епитимийцев	С какого времени в монастыре, за какие преступления
Красноярский Успенский монастырь	Васильев, священник Данилов, псаломщик Иванов, псаломщик Страшенко, псаломщик Забелин, псаломщик	Определяются на труды и на клиросное послушание по усмотрению отца Настоятеля. Также определенные в монастырь лица должны за свое содержание уплатить монастырю по сорок рублей

Литература

1. Дорская А. А. Взаимодействие уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. № 11. С. 255–269.

2. Матвеева Е. С. Особенности развития пенитенциарной практики монастырей во 2-й половине XIX – начале XX века (на материалах Орловской епархии) // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 212–219.

3. Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: К вопросу о веротерпимости. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1905. 132 с.

4. Рожина А. В. Пенитенциарная практика монастырей Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7. С. 116–122.

5. Шорохов Л. П. Узники Сибирских монастырей в XVIII веке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. С. 294–307.

6. Шаляпин С. О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 240 с.

7. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск: Межрегиональный ин-т общественных наук при Иркутском гос. ун-те, 2006. 323 с.

8. Федоров И. Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. Красноярск: Поликом, 2017. 160 с.

[18] К ликвидации «церковного» большевизма // Енисейские епархиальные ведомости. 1918. № 16–17. С. 20–21.

THE PENITENTIARY FUNCTION OF MONASTERIES IN THE YENISEI PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Igor G. Fedorov [a, b, ID1]***; Aida A. Terskova*** [c, @, ID2]

[a] *V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 89, Lebedeva St., Krasnoyarsk, Russia, 660049*
[b] *Yu. A. Gagarin Secondary school No 2, 12, Sayanskaya St., Divnogorsk, Russia, 663094*
[c] *Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041*
[@] *teraida@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0003-3202-9126*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0003-4557-7957*

Received 22.05.2018. Accepted 09.11.2018.

Keywords: monasteries, penance, criminal punishment, Yenisei province, clergy, penitentiary system

Abstract: The research features the prison practice in the monasteries of the Yenisei diocese in the second half of XIX – early XX centuries. The research objective was to study the composition of the prison population in the Orthodox monasteries of the Yenisei diocese and the legal rules governing the status of the epitimizes in the mansions of the region. The work uses the comparative historical method and critical analysis of historical sources, which made it possible to specify the number of those under penance (epitimia) in the monasteries of the diocese, the conditions of their detention, and to highlight the main features of the prison work of the monasteries. The analysis revealed that the penal role of the monasteries had decreased by the beginning of XX century. Eventually, the monasteries of the Yenisei diocese were relieved of this function, which corresponded with the national trends.

For citation: Fedorov I. G., Terskova A. A. Penitentsiarnaia funktsiia monastyrei Eniseiskoi eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The Penitentiary Function of Monasteries in the Yenisei Province in the Second Half of XIX – Early XX Centuries]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 93–99. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-93-99

References

1. Dorskaya A. A. Vzaimodeistvie ugolovnogo i protsessual'nogo prava Rossiiskoi imperii s tserkovnym pravom [Interaction of criminal and procedural law of the Russian Empire with the Church law]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, no. 11 (2005): 255–269.

2. Matveeva E. S. Osobennosti razvitiia penitentsiarnoi praktiki monastyrei vo 2-i polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Orlovskoi eparkhii) [Features of development of the penitentiary practice of monasteries in the 2nd half of XIX – early XX century (on materials of Orel eparchy)]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian messenger of social Sciences,* no. 1 (2014): 212–219.

3. Prugavin A. S. *Monastyrskie tiur'my v bor'be s sektantstvom: K voprosu o veroterpimosti* [Monastic prisons in the fight against sectarianism: On the issue of religious tolerance]. Moscow: Tipolitografiia T-va I. N. Kushnerev i Ko, 1905, 132.

4. Rozhina A. V. Penitentsiarnaia praktika monastyrei Vologodskoi gubernii v kontse XVIII – nachale XX vv. [Penitentiary practice of monasteries of Vologda province in the late XVIII – early XX centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Ekonomika. Informatika = Research Bulletin of Belgorod State University. Economics. Informatics*, no. 7 (2011): 116–122.

5. Shorokhov L. P. Uzniki Sibirskikh monastyrei v XVIII veke [Prisoners of Siberian monasteries in the XVIII century]. *Ssylka i obshchestvenno-politicheskaia zhizn' v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [Exile and social and political life in Siberia (XVIII – early XX century)]. Novosibirsk: Nauka, 1978, 294–307.

6. Shaliapin S. O. *Tserkovno-penitentsiarnaia sistema v Rossii XV–XVIII vekov* [Church-penitentiary system in Russia XV–XVIII centuries]. Arkhangel'sk: IPTs SAFU, 2013, 240.

7. Dulov A. V., Sannikov A. P. *Pravoslavnaia tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII – nachale XX vekov* [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – early XX centuries]. Irkutsk: Mezhregional′nyi in-t obshchestvennykh nauk pri Irkutskom gos. un-te, 2006, 323.

8. Fedorov I. G. *Ocherki po istorii monastyrei Prieniseiskoi Sibiri v dosovetskii period* [Essays on the history of monasteries of the Yenisei Siberia in the pre-Soviet period]. Krasnoiarsk: Polikom, 2017, 160.

УДК 94(518)

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ДАУРСКОМ АВТОНОМНОМ ХОШУНЕ МОРИН-ДАВА В 1958–1984 ГГ.*

Базар Д. Цыбенов [a, @, ID]

[a] *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6*
[@] *bazar74@mail.ru*
[ID] *http://orcid.org/0000-0002-0404-7207*

Поступила в редакцию 24.08.2018. Принята к печати 17.10.2018.

Ключевые слова:
дауры, народная коммуна, производственная бригада, культурная революция, реформа

Аннотация: Предметом изучения статьи является сельское хозяйство Даурского автономного хошуна Морин-Дава. Цель состоит в исследовании сельскохозяйственного развития национальной автономии дауров со времени ее основания в 1958 г. и до окончания первого этапа социально-экономических реформ в Китайской Народной Республике в 1984 г. Используются зарубежные и отечественные источники, применяются хронологический, ретроспективный и конкретно-исторический методы исследования. В результате изучения впервые в отечественной исторической науке получили освещение вопросы становления и развития народных коммун и производственных бригад в автономном хошуне, развертывания на его территории сельскохозяйственных мероприятий в годы Большого скачка, «культурной революции», политики реформ и открытости. Также изучены вопросы уменьшения плодородия пахотных земель и деградации пастбищ в период «культурной революции». Полученные результаты могут найти применение в дальнейших научных и научно-практических исследованиях сельского хозяйства национальных меньшинств Китайской Народной Республики, в сравнительно-сопоставительном изучении национальных хозяйственных комплексов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Сделан вывод о тесной взаимосвязи развития сельского хозяйства даурской национальной автономии с общегосударственными процессами, происходившими в сельском хозяйстве Китайской Народной Республики в изучаемый период.

Для цитирования: Цыбенов Б. Д. Развитие сельского хозяйства в Даурском автономном хошуне Морин-Дава в 1958–1984 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 100–105. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-100-105

Введение

К малоизученным вопросам востоковедной науки можно отнести и проблемы развития сельского хозяйства в приграничных районах Китайской Народной Республики (КНР). Особенно это касается национальных автономных образований уездного уровня, населенных малочисленными этносами Китая. Имеющиеся материалы по сельскохозяйственному развитию трех провинций Северо-Восточного Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин) и автономного района Внутренняя Монголия фактически не затрагивают сельское хозяйство указанных выше административно-территориальных единиц. Мы предприняли попытку восполнить этот пробел, обратившись к изучению сельского хозяйства Даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958–1984 гг. В то же время признаем, что нами рассматривается лишь небольшая часть большой проблемы, и полученные итоги не всегда применимы к показателям других национальных районов КНР. Хронологические рамки работы ограничены созданием Даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958 г. и завершением первого этапа социально-экономического обновления КНР в 1984 г. За этот короткий промежуток времени сельское хозяйство национальной автономии дауров претерпело ряд серьезных изменений, вызванных претворением в жизнь политических и социально-экономических мероприятий.

* Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

Сельское хозяйство даурской автономии в эпоху кардинальных перемен

1958 г. ознаменовал начало нового этапа в жизни даурского народа. 15 августа 1958 г. было официально провозглашено создание Даурского автономного хошуна Морин-Дава [1, с. 120–121]. Ядро даурского этноса в лице бутхаских дауров обрело относительную самостоятельность во внутренних делах. Образование национальной автономии дауров совпало по времени с политикой Большого скачка. За два дня до официального объявления о создании даурской автономии, 13 августа 1958 г. газета «Жэньминь жибао» опубликовала рекомендацию Мао Цзэдуна, в которой отмечалась необходимость создания народных коммун. Как утверждал Мао Цзэдун, «[народные коммуны] позволят объединить рабочих, крестьян, торговцев, учащихся и солдат, что облегчит руководящую работу» [2, с. 65].

Ход дальнейших событий свидетельствовал о поддержке идей Великого кормчего на уровне высшего партийного руководства. Так, 29 августа 1958 г. в Бэйдайхэ состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, на котором было принято «Решение ЦК КПК по вопросу образования в деревне народных коммун». Отныне волости подлежали замене сельскими народными коммунами [3, с. 319]. В Даурском автономном хошуне Морин-Дава народные коммуны (жэньминь гуншэ) были созданы в сентябре 1958 г. Всего на территории хошуна появилось 11 народных коммун. Их основой стали 11 деревень, 1 город, 208 сельскохозяйственных кооперативов высшего типа [4, p. 61]. По другим данным в период создания народных коммун в автономном хошуне насчитывалось 192 крупные производственные бригады высшей ступени, 507 обычных производственных бригад. В их состав входило 13968 дворов с общей численностью в 64420 человек. Из них крестьянских дворов было 11300, в них насчитывалось 51264 крестьянина. Сельское хозяйство стало полностью коллективным, все земельные угодья принадлежали народной коммуне [5, p. 85]. Управление народными коммунами находилось в руках административных органов государственной власти. Волостная администрация фактически встала во главе народных коммун.

Контролируя местные органы власти, руководство страны могло оказывать влияние на организацию трудовой деятельности коллективных хозяйств, ему были доступны обобществленные средства производства. Общественный фонд коммун вобрал в себя всю собственность крестьян, вплоть до подсобного хозяйства, скота, фруктовых насаждений [6, с. 192]. Равное распределение, являвшееся одним из столпов народной коммуны, на деле было несправедливым, поскольку в расчет не принимались качество и количество труда. Положение усугублялось недосягаемыми планами, поставленными перед народными коммунами. Все это привело к угасанию производственного энтузиазма крестьян. К ним добавились тяжелые три года стихийных бедствий. Условия жизни крестьян были крайне тяжелыми [5, p. 85].

Мы не располагаем конкретными данными о деятельности народных коммун в Даурском автономном хошуне Морин-Дава в период Большого скачка. По всей видимости, следуя государственному лозунгу соединения сельского хозяйства с промышленностью, крестьяне 11 народных коммун предпринимали попытки развития собственной местной промышленности. Часть населения, возможно, была направлена на ирригационные стройки или подъем целинных земель. Как и во всем Северо-Восточном Китае, в даурских районах, очевидно, проходила кампания за глубокую вспашку земли. Предполагалось, что данный метод обработки почвы приведет к повышению урожайности зерновых, бобовых и других сельскохозяйственных культур в два раза. Однако произошло снижение плодородия почвы. Мероприятия и кампании, начатые в период становления народных коммун, отрицательно повлияли на развитие сельского хозяйства [6, с. 195]. Этот период в целом характеризовался погоней за выполнением высоких показателей, «слепым» управлением, сочинительством результатов. Из-за ошибок крайне левых развитие автономного хошуна замедлилось, производственная активность народных масс была снижена. Население в целом негативно отнеслось к идее обобществления имущества и средств производства. Мао Цзэдун был осведомлен об этом и в феврале 1959 г. выступил с осуждением ошибок, допущенных крайне левыми.

Начиная с зимы 1960 г. ситуация в Даурском автономном хошуне Морин-Дава стала меняться в лучшую сторону. ЦК КПК стал исправлять ошибки, допущенные крайне левыми[1]. По некоторым данным в снижении объемов сельскохозяйственного производства в КНР большую роль сыграли утечка людских ресурсов и чрезмерные государственные закупки зерна у крестьян. Цель быстрой индустриализации страны основывалась на иллюзии быстрой трансформации мелких хозяйств в крупномасштабные механизированные производства. Среди причин неудачи Большого скачка основным является отвлечение людских ресурсов из сельского хозяйства в 1958–1961 гг. К другим не менее важным причинам можно отнести чрезмерные заготовки зерновых, подорвавшие физические силы крестьянства, а также плохие погодные условия [7, p. 840, 842–843]. Что касается Даурской национальной автономии, то здесь наблюдалась серьезная диспропорция

[1] Molidawa dawuerzu zizhiti gaikuang (Краткий очерк даурского автономного хошуна Морин-Дава). Minzu chubanshe, 2007. P. 61–62.

в производственной структуре сельского хозяйства. После трехлетнего периода стихийных бедствий сельское хозяйство находилось в тяжелом положении, уровень материального благосостояния крестьян упал до критического уровня. В период Великого китайского голода (1959–1961) сбор урожая зерновых во всем Даурском автономном хошуне Морин-Дава снизился до 24 тыс. т. Эти показатели едва составили половину всего урожая, получаемого хошуном в урожайные годы. Создание многоотраслевого народного хозяйства, основанного на земледелии и второстепенных отраслях (животноводство, лесное хозяйство), на самом деле обернулось мероприятиями по поднятию целины. Крупные лесные массивы, пастбища и луга были вспаханы и превращены в земледельческие площади. Подсобные промыслы подверглись резкой критике, рассматриваясь как курс на капиталистическое развитие. Таким образом, под прикрытием критики и осуждений уничтожались пастбища и леса [5, p. 90–91]. Так было положено начало повсеместному уничтожению природы и последующим экологическим проблемам.

В январе 1961 г. ЦК КПК провозгласил новый курс на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение». Для улучшения жизни в народных коммунах были приняты следующие меры: разрешено использование приусадебных участков, владение скотом, открытие сельских рынков, оказание государственной помощи отстающим коммунам. В результате положение дел в сельском хозяйстве постепенно стабилизировалось. Развитие механизации сельского хозяйства наряду с использованием системы производственной ответственности способствовало поднятию жизненного уровня крестьян и в целом подъему сельскохозяйственного производства [5, p. 85]. Вышеотмеченные меры по поддержке народных коммун более известны в КНР как система «сань цзы бао» (три свободы – свобода продажи излишней продукции на рынке, наделение крестьян приусадебными участками, создание мелких предприятий – и одно обеспечение – несение личной ответственности за прибыли и убытки перед коммуной). В этот период большую работу проводили кадровые работники, разъяснявшие крестьянам положения о собственности коммун, о возможности ведения личного хозяйства в небольших размерах [6, с. 197]. В 1965 г. в Даурском автономном хошуне Морин-Дава насчитывалось 17 народных коммун, 140 крупных производственных бригад высшей ступени (шэнчань дадуй), 501 производственная бригада низшей ступени (шэнчань сяодуй). Ежегодный доход автономного хошуна в этот период составлял 671 млн 120 тыс. юаней, в то время как ежегодные расходы – 325 млн 410 тыс. юаней. В коллективных хозяйствах насчитывалось 76 тыс. 279 человек, поэтому в среднем на одного человека приходилось 36 юаней [5, p. 85].

После этого небольшого периода успешного развития наступила «культурная революция» (1966–1976), ознаменовавшая приход смутного времени новых испытаний. Прежние курсы в сельском хозяйстве, звучавшие как «с помощью сельского хозяйства выйти на первое место» и «взять зерно в качестве основы и обеспечить всестороннее развитие», были сведены к курсу «отрицания собственности на пути к классовой революции». Пастбища, леса, подсобные промыслы и приусадебные участки крестьян находились под угрозой уничтожения, что привело к опасной диспропорции в производственной структуре сельского хозяйства. Большие масштабы приняло уничтожение лесных площадей, пастбищ, промысловых территорий. В результате планомерного уничтожения лесных массивов в Даурском автономном хошуне Морин-Дава леса остались лишь в северной части хошуна. Степень покрытия лесами территории хошуна существенно уменьшилась. Подверглись резкому сокращению и размеры пастбищ. По сравнению с 1945 г. площади для выпаса скота сократились в три раза. Растительный покров пастбищ был уничтожен, наблюдалось ухудшение экологической среды, почвенная эрозия во всем хошуне достигла 4523 км^2. Снизилось плодородие пахотных земель в разных частях хошуна. Для поддержания необходимого объема производства зерновых оставалось лишь опираться на применение химических удобрений. Падение объемов производства зерновых в 1966 г. по сравнению с 1957 г. составило в среднем 9,68 %. Дисбаланс во внутренней структуре сельского хозяйства стал способствовать сокращению сельскохозяйственного производства [5, p. 91].

В целом по всей стране в годы «культурной революции» резко увеличилась нагрузка на сельскохозяйственное производство, сопровождаемая системной неэффективностью и пренебрежением к созданию технологических условий для его развития. Надо заметить, что на протяжении всей маоистской эпохи проявлялось более предвзятое отношение к развитию промышленности. Высокий уровень инвестиций в промышленность поддерживался за счет присвоения сельскохозяйственных доходов (посредством так называемых ценовых ножниц, чей механизм заключается в снижении цен на сельскохозяйственную продукцию). Вслед за ростом промышленности, по мнению китайских специалистов, должен был произойти подъем сельскохозяйственного производства. Однако, как показала история, его не произошло. Из-за озабоченности КПК промышленным развитием страны планируемые расходы на производство сельскохозяйственных орудий и товаров, а также инвестиции в ирригацию, электрификацию сельского хозяйства, были ограничены периодом переналадки в первой половине 1960-х гг. Партия продолжала полагаться на деятельность крупномасштабных

сельскохозяйственных коллективов и автономные инвестиции сельского населения. Хотя появление подобных коллективов привело к масштабной экономии труда, они все же оказывали маргинальный эффект на общую производительность.

С самого начала степень участия сельского населения в коллективном труде была сравнительно низкой, и имелось мало альтернатив для неработающих сельских рабочих [8, p. 45, 48]. В Даурском автономном хошуне Морин-Дава крестьяне продолжали сеять традиционные виды зерновых, включая гречиху и просо. В то же время все большую роль стали играть кукуруза, гаолян, пшеница. В эти трудные годы в автономном хошуне набирала темпы механизация сельского хозяйства. Неуклонно увеличивалось количество тракторов, комбайнов, грузовых автомашин. Успешно работали технические кружки, в которых повышали свою квалификацию механизаторы, трактористы и рядовые крестьяне; в некоторых сомонах развернули деятельность МТС[2]. Несмотря на развитие механизации сельского хозяйства, общее положение дел в данной отрасли оставалось тяжелым.

Ситуация начала быстро меняться с окончанием «культурной революции» в 1976 г. Большую роль сыграл 3-й пленум ЦК КПК в 1978 г., на котором была разработана и утверждена стратегия перехода к рынку. Данная стратегия основывалась на следующих положениях: семейное подрядное хозяйство – основная форма производительной деятельности в сельском хозяйстве на длительное время; развитие многоотраслевой структуры сельской экономики; сохранение принципа оплаты по труду как основной формы распределения доходов, допущение других источников доходов и др. [9, с. 7]. На этом пленуме было намечено направить главные силы на обеспечение скорейшего подъема сельского хозяйства с помощью введения постоянного объема государственных закупок зерна, повышения закупочных цен на зерно (на 20 % для плановых и на 50 % для сверхплановых закупок) и снижения цен на средства сельскохозяйственного производства. Таким образом, началось решение вопроса о неэквивалентном обмене между городом и деревней. В 1979 г. началась организация сельхозпроизводства на подрядной основе и выделение в составе производственных бригад мелких операционных групп. Им передавались в пользование пахотная земля, рабочий скот, инвентарь. В свою очередь они брали на себя ряд обязательств по выполнению производственных планов, объему закупок различных видов сельхозпродукции, отчислениям в коллективные фонды. Основным принципом «большого подряда» стала формула «обеспечь причитающееся государству, отчисли причитающееся коллективу и возьми себе остальное» [3, с. 231, 223]. По мере того как крестьяне становились более платежеспособными, они начали приобретать материально-технические ресурсы и промышленные товары для своих хозяйств. В Конституции Китая были закреплены имущественные права граждан, поощряющие частную инициативу на селе. С 1981 г. 98 % сельскохозяйственных земель обрабатывались крестьянскими семьями [10, с. 60].

В начале 80-х гг. XX в. в Даурском автономном хошуне появились так называемые испытательные площадки для исполнения «дворовыми хозяйствами обязательства за сбор урожая по намеченному плану», что возымело хороший эффект. Известно, что в качестве таковых были выбраны село Халличен и механизированная земледельческая площадка Каядурбэн сомона Арала. Их успешное развитие вызвало появление и других селений, где началось использование опыта «закрепления производственных заданий за отдельными крестьянскими дворами». В 1981 г. 65 % производственных бригад использовали коллективный и семейный подряд. Оба подряда также применяли 85 % крестьянских дворов. Практика показала, что одновременное применение этих подрядов в значительной степени повышает жизненный уровень крестьянства. Выгода от семейной подрядной ответственности, при которой оплата труда зависела от его результатов, стала очевидной, и наметились видимые улучшения. В ряде даурских сел крестьяне стали сажать технические культуры, в основном сою. Например, в деревне Шаварт, входящей в сельское поселение Шуанлун, соя стала основной посевной культурой. В то же время из-за сужения каналов сбыта табака началось сокращение табачных насаждений. Дауры издавна выращивали табак, и каждая семья имела участок для его выращивания [5, p. 85–86]. Теперь крестьяне были ориентированы на рынок, поэтому выращивание тех или иных культур находилось в тесной зависимости от конъюнктуры рынка.

Заключение

Как показало наше исследование, сельское хозяйство национальной автономии дауров в своем развитии прошло те же этапы, что и другие регионы КНР. Годы Большого скачка и «культурной революции» явились серьезным испытанием для всего населения Даурского автономного хошуна Морин-Дава. Земледелие, являвшееся основой сельского хозяйства дауров, претерпело кардинальные перемены. От традиционного выращивания гречихи и проса дауры перешли к выращиванию новых зерновых

[2] Morindabaγa daγur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qošiγun-u toyimu bayidal (Обозрение даурского автономного района Морин-Дава). Hohhot: Obor Mongγol-un arad-un keblel-un horig-a, 1988. P. 111.

и технических культур. Даурские крестьяне испытывали те же трудности, каким подвергалось сельское население и в других регионах КНР. Большие масштабы в исследуемый период приняло уничтожение лесных площадей, пастбищ, промысловых территорий. Несмотря на многие негативные тенденции в сельском хозяйстве, руководство хошуна еще до первого этапа реформ 1978–1984 гг. предпринимало удачные попытки механизации сельского хозяйства. В годы социально-экономического обновления в хошуне были проведены успешные работы по созданию передовых экспериментальных площадок на базе некоторых даурских сел. Впоследствии этот опыт, перенесенный на другие селения автономного хошуна, способствовал подъему сельского хозяйства национальной автономии дауров.

Литература

1. Цыбенов Б. Д., Юй Ш. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 22. С. 113–123.

2. Крушинский А. С. От эйфории – к гладомору // Азия и Африка сегодня. 2009. № 4. С. 60–65.

3. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. IX. Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016. 996 с.

4. Zhuoren M. D. Molidawa dawuerzu zizhiti zhi (1993–2005 nian) (Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава (1993–2005 гг.). Neimenggu wenhua chubanshe, 2008. 1028 p.

5. Qi Hoijun, Cong Jingzhu. Chuantong yu xiandai: dawoerzu nongmin shenghuo (Традиции и современность: условия жизни даурских крестьян). Beijing: Zhongyang minzu daxue chubanshe, 2006. 289 p.

6. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Книга 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. / гл. ред. В. Л. Ларин. Владивосток: Дальнаука, 2004. 344 с.

7. Wei Li, Dennis Tao Yang. The Great Leap Forward: Anatomy of a Central Planning Disaster // Journal of Political Economy. 2005. Vol. 113. № 4. P. 840–877.

8. Brødsgaard K. E., Rutten K. Primitive Socialist Accumulation, Readjustment and Reform (1953–1978) // From Accelerated Accumulation to Socialist Market Economy in China. Brill, 2017. P. 17–52. Режим доступа: http://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctt1w8h2tj.7 (дата обращения: 09.06.2018).

9. Шамин А. Е., Вождаева Н. Г. Опыт решения аграрных проблем в сельском хозяйстве Китая // Вестник НГИЭИ. 2011. № 2. С. 5–19.

10. Потаев В. С. Сельское хозяйство Китая: реформы, состояние и перспективы // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2014. № 3. С. 59–64.

DEVELOPMENT OF RURAL ECONOMY OF THE MORIN-DAWA DAUR AUTONOMOUS REGION IN 1958–1984*

Bazar D. Tsybenov [a, @, ID]

[a] *Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, 6, Sakhyanovoy St., Ulan-Ude, Russia, 670047*
[@] *bazar74@mail.ru*
[ID] *http://orcid.org/0000-0002-0404-7207*

Received 24.08.2018. Accepted 17.10.2018.

Keywords: Daur, people's communes, production brigades, cultural revolution, reform

Abstract: The subject of this study is the agriculture of the Morin-Dawa Daur Autonomous region. The purpose of the article is to study the agricultural development of the national autonomy of the Daur people in 1958–1984. The author used foreign and Russian sources and employed chronological, retrospective, and concrete historical methods of research. The article features the formation and development of people's communes and production brigades in the autonomous region, as well as their agricultural activities during the years of the "big leap", "cultural revolution", and "reform and opening up" in China. The author also studied the degradation of agriculture and pastures

* The research was performed within the framework of the state task of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 0338-2016-0003 "Intercultural interaction, ethnic, and socio-political processes in Central Asia".

during the "cultural revolution". The results of the research can be applied in scientific and practical studies of the agriculture of the national minorities of the People's Republic of China, in a comparative study of the national economic complexes of the Russian Federation and the People's Republic of China. The author concludes that the development of agriculture of the Morin-Dawa Daur Autonomous region was an integral part of the nation-wide processes in the Chinese agriculture.

For citation: Tsybenov B. D. Razvitie sel′skogo khoziaistva v Daurskom avtonomnom khoshune Morin-Dava v 1958–1984 gg. [Development of Rural Economy of the Morin-Dawa Daur Autonomous Region in 1958–1984]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 4 (2018): 100–105. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-100-105

References

1. Tsybenov B. D., Yui Sh. Istoriia sozdaniia daurskogo avtonomnogo khoshuna Morin-Dava (1945–1958 gg.) [The history of the creation of the Daur autonomous region Morin-Dawa (1945–1958)]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia = Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*, vol. 22 (2017): 113–123.

2. Krushinsky A. S. Ot eiforii – k gladomoru [From euphoria to famine]. *Aziia i Afrika segodnia = Asia and Africa today,* no. 4 (2009): 60–65.

3. *Istoriia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XXI veka. T. IX. Reformy i modernizatsiia (1976–2009)* [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century. Vol. IX. Reforms and modernization (1976–2009)]. Ed. Vinogradov A. V. Moscow: Nauka, 2016, 996.

4. Zhuoren, Meng Dawei. *Molidawa dawuerzu zizhiti zhi (1993–2005 nian)* [The review of the Morin-Dawa Daur Autonomous region (1993–2005)]. Neimenggu wenhua chubanshe, 2008, 1028.

5. Qi Hoijun, Cong Jingzhu. *Chuantong yu xiandai: dawoerzu nongmin shenghuo* [Traditions and modernity: living conditions of Daur peasants]. Beijing: Zhongyang minzu daxue chubanshe, 2006, 289.

6. *Istoriia Severo-Vostochnogo Kitaia XVII–XX vv. Kniga 3. Severo-Vostochnyi Kitai v 1945–1978 gg.* [The history of Northeast China in the XVII–XX centuries. Book 3. Northeast China in 1945–1978]. Ed. Larin V. L. Vladivostok: Dal'nauka, 2004, 344.

7. Wei Li, Dennis Tao Yang. The Great Leap Forward: Anatomy of a Central Planning Disaster. *Journal of Political Economy*, 113, no. 4 (2005): 840–877.

8. Brodsgaard K. E., Rutten K. *Primitive Socialist Accumulation, Readjustment and Reform (1953–1978). From Accelerated Accumulation to Socialist Market Economy in China*. Brill, 2017, 17–52. Available at: http://www.jstor.org/stable/10.1163/j.ctt1w8h2tj.7 (accessed 09.06.2018).

9. Shamin A. E., Vozhdaeva N. G. Opyt resheniia agrarnykh problem v sel'skom khoziaistve Kitaia [The experience of solving agrarian problems in agriculture in China]. *Vestnik NGIEI = Herald NGIEI*, no. 2 (2011): 5–19.

10. Potaev V. S. Sel'skoe khoziaistvo Kitaia: reformy, sostoianie i perspektivy [Agriculture in China: Reforms, Status, and Prospects]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment = Bulletin of Buryat State University. Economics and Management*, no. 3 (2014): 59–64.

УДК 159.9

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Елена В. Аршинова [a]***; Марина А. Билан*** [a, @]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *lma_05-80@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.09.2018. Принята к печати 03.12.2018.

Ключевые слова:
ценностные ориентации, ценностно-смысловые характеристики, профессиональные ценности, студенты вуза, деонтологический профиль

Аннотация: Цель статьи – описать динамику интернализации профессиональных ценностей студентов вуза деонтологического направления подготовки в процессе обучения. В качестве методов исследования использовались: тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, опросник уровня субъективного контроля, тест М. Рокича. Представлены результаты лонгитюдного исследования интернализации профессиональных ценностей будущих специалистов деонтологического профиля на различных этапах обучения в вузе. На выборке из 120 студентов доказаны достоверные различия ценностно-смысловых характеристик, проведен сравнительный анализ ценностно-смысловых ориентаций студентов разной профессиональной направленности обучения. В ходе исследования выявлена динамика качественных изменений ценностно-смысловых ориентаций студентов. Охарактеризованы отличия динамики интернализации профессиональных ценностей у студентов деонтологического профиля, заключающиеся в более интенсивной динамике ценностей профессиональной самореализации, ценностей межличностных отношений, а также наличии альтруистических ценностей и ценностей принятия других. Обосновывается позиция о влиянии организации учебного процесса на структуру ценностно-смысловых ориентаций студентов вуза. Отмечено, что применение практико-ориентированных методов помогает студентам более успешно справиться с кризисом профессионального становления. Полученные результаты могут быть использованы в организации учебно-воспитательного процесса различных учебных заведений, консультировании студентов по проблемам личностного и профессионального становления.

Для цитирования: Аршинова Е. В., Билан М. А. Динамические аспекты интернализации профессиональных ценностей будущих специалистов деонтологического профиля // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 106–116. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-106-116

Введение

Значимым институтом развития системы ценностей и смысложизненных ориентаций в юношеском возрасте становится образовательная и социальная среда вуза. Как отмечают А. Н. Леонтьев и др., период обучения в вузе является важнейшим и сензитивным для молодого человека, поскольку в этот период происходит личностное и профессиональное становление [1–3]. В этом возрасте оформляются в индивидуальную систему и интегрируются во временную перспективу усвоенные ранее социальные ценности, личностные смыслы, а также обретает направленность ценностный тип сознания [4].

Обучение в высшем учебном заведении состоит из двух взаимосвязанных процессов формирования профессиональных знаний и воспитания будущего профессионала. Воспитание как процесс формирования личностных качеств студента имеет особое значение в подготовке специалистов деонтологических профессий. Одной из профессий дентологического профиля является профессия психолога. Деятельность практического психолога включает в себя такие направления работы, как психопрофилактическая, психодиагностическая, развивающая и психокоррекционная, консультативная. Реализация успешной практической деятельности предполагает, что психолог должен обладать особыми индивидуальными качествами и системой ценностей. По мнению А. Ф. Бондаренко, «для практикующего психолога проблематика, связанная с этической стороной его деятельности, является, по существу, предельно широкой: это целая совокупность задач,

мотивов, смыслов и ценностей, мировоззренческая, теоретическая и социокультурная по своему диапазону; это область, охватывающая личностные структуры психолога в целом, а не просто затрагивающая тот или иной способ решения конкретных затруднений или противоречий, с которыми он может столкнуться в профессиональной деятельности, <...> значимость этической проблематики определяется тем, что она играет ведущую роль в формировании особого – деонтологического – менталитета целой профессиональной группы» [5, с. 64–65].

Профессия психолога строится на деонтологических принципах, поэтому особое значение для нас имеет развитие ценностно-смысловой сферы и нравственного поведения студентов-психологов, будущих специалистов. По мнению А. В. Серого и М. С. Яницкого, в структуре профессионально-важных качеств специалистов деонтологического профиля ценностно-смысловые ориентации занимают основополагающее и интегрирующее значение [6; 7]. Будущие специалисты, входя в среду профессиональной деятельности, профессионального общения и ценностей в ходе процесса воспитания приобретают новые качества. Главным механизмом такого преобразования становится интернализация профессиональных ценностей. Преподаватели вуза выступают носителями профессиональных ценностей и, кроме непосредственного обучения, всеми своими поступками, словами, образом мышления влияют на ценности студентов. Ряд исследований показывает, что профессиональные ценности формируются в практической деятельности [8–10]. В ходе трудовой деятельности студенты активно взаимодействуют с профессионалами, перенимая у них сформировавшееся отношение к профессиональной деятельности, усваивая ценности и смысл работы. Интернализация, возможно, и будет протекать успешно только в совместной деятельности, где ценности и смыслы из категории абстрактных знаний посредством интернализации становятся личностными образованиями студента, формируя его отношение к профессиональной деятельности.

Рассмотрение проблем интернализации ценностей невозможно без понимания психологических закономерностей профессиональных кризисов. Сами профессиональные кризисы являются важнейшим этапом становления профессионала и предшествуют профессионально-значимым личностным новообразованиям. Разумеется, что процесс становления профессионала является динамическим явлением, поэтапным, опосредствованным профессиональными кризисами путем интернализации профессиональных ценностей [10–12]. Соответственно, профессиональные кризисы, динамика личностных изменений при обучении в вузе и процесс интернализации профессиональных ценностей являются для нас ключевыми понятиями в данном исследовании. Цель исследования состоит в изучении динамических аспектов ценностно-смысловых ориентаций личности студентов деонтологического направления подготовки.

Методы

Исследование проводилось в 2016–2017 гг. на базе Кемеровского государственного университета. Выборку составили студенты 1–4 курсов, обучающиеся по направлениям подготовки *Психология* и *Филология*. Всего в исследовании приняли участие 120 респондентов, средний возраст – 20 лет. Из них 60 человек – студенты дневной формы обучения направления *Филология*, по 15 человек с каждого курса, и 60 человек – студенты дневной формы обучения направления *Психология*, также по 15 человек с каждого курса. Группа студентов направления *Филология* выступала в качестве контрольной, а группа студентов направления *Психология* являлась экспериментальной. В качестве методов исследования использовались следующие методики: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [13]; опросник уровня субъективного контроля (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд) [14]; тест М. Рокича в модификации Д. А. Леонтьева [15]. Сравнительный анализ проводился при помощи псевдолонгитюда. Обработка количественных данных осуществлялась с помощью методов математической статистики: U-критерия Манна-Уитни, t-критерия Стьюдента, частотного (процентного) анализа. Расчеты проводились с помощью программного обеспечения STATISTICA 9.0.

Результаты и обсуждение эмпирического исследования

При исследовании динамики смысложизненных ориентаций у студентов контрольной и экспериментальной групп были обнаружены некоторые особенности (таблица 1).

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что показатели по шкале общей осмысленности жизни (ОЖ) студентов практически не отличаются на первых двух курсах, тогда как на 3–4 курсах различия существенно значимы. У студентов направления подготовки *Психология* на 3 курсе отмечается существенный подъём данного параметра, тогда как у студентов направления подготовки *Филология* можно отметить противоположную тенденцию. Повышение степени осмысленности жизни (ОЖ) у студентов-психологов на 2–4 курсах можно объяснить наличием в программе обучения различных дисциплин прикладной и тренинговой направленности, таких как психология личности, основы консультативной психологии, основы личностного тренинга, психология личностного развития, которые способствуют личностному росту студентов. Как отмечает

Таблица 1. Динамика смысложизненных ориентаций у студентов направлений подготовки *Психология* и *Филология* с 1 по 4 курсы
Table 1. Dynamics of meaningful life orientations in first and fourth-year students of *Psychology* and *Philology*

Курс	Направление подготовки	Шкалы СЖО					
		ОЖ	Цель	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-Жизнь
		M	M	M	M	M	M
1 курс	Психология	103,95	29,56	32,52	25,46*	22,87	30,15
	Филология	100,74	30,41	31,09	23,92*	21,56	30,27
2 курс	Психология	104,11	29,16	32,48	25,81*	23,63	31,55*
	Филология	100,81	28,41	29,53	23,27*	22,41	29,73*
3 курс	Психология	109,32*	32,78*	32,59*	28,35*	27,13*	33,34*
	Филология	95,97*	30,1*	29,17*	23,28*	24,17*	28,14*
4 курс	Психология	104,53*	30,75	27,95	25,63*	25,47*	30,08*
	Филология	96,96*	28,7	28,78	23,14*	23,42*	28,54*

Прим.: * – отмечены статистически значимые различия в группах на уровне $p \leq 0,05$.

А. В. Серый, тренинговое обучение позволяет студенту идентифицировать себя в контексте профессиональной деятельности, осмыслить полученные компетенции и перевести их в личностные качества [16]. Незначительный спад показателей шкалы осмысленности жизни (ОЖ) на последнем курсе может быть обусловлен нормативным кризисом профессионального становления, связанный с тем, что ближайшее будущее для многих студентов является неопределенным, возникают сомнения в правильности профессионального выбора, потерей интереса к учебной деятельности, дальнейшей проблемой трудоустройства. Данная тенденция отмечена нами в более ранних публикациях [17].

Сравнительный анализ по временному локусу будущего (шкала *Цель*) двух групп показал, что динамика осмысленности целей по большей части совпадает, но в группе психологов интенсивность процессов изменения заметно выше, в особенности на 3–4 курсах. Это говорит о том, что студенты-психологи на этих курсах считают, что их цели в жизни имеют временную перспективу. На последнем курсе наблюдается спад данного параметра в обеих группах, который также можно объяснить психологическим кризисом, связанным с последним годом обучения. Показатели удовлетворённости процессом жизни (шкала *Процесс жизни*) выше у студентов-психологов на протяжении почти всего периода обучения, но статистически значимые различия обнаружены только на 3 курсе. Более высокие показатели шкалы *Процесс жизни* у студентов-психологов свидетельствуют о том, что сам жизненный процесс воспринимается ими более насыщенно. Отметим значительный спад удовлетворённости процессом жизни у студентов-психологов на 4 курсе.

Интересные данные были получены при сравнении контрольной и экспериментальной групп по шкале *Результат*. У студентов экспериментальной группы показатели оказались значимо выше на всех этапах процесса обучения. Данный факт свидетельствует о том, что студенты-психологи в большей степени склонны воспринимать прошлый опыт позитивно и в целом больше удовлетворены своими достижениями.

Динамика локуса контроля Я (ЛК-Я) в целом схожа в обеих группах испытуемых, постепенно повышается на первых трёх курсах и немного снижается на четвертом. В данном случае можно констатировать более интенсивную динамику данного параметра у студентов-психологов на 2, 3 курсах, это говорит о представлении испытуемых о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора, верой в свои силы. На наш взгляд, формированию внутреннего локуса контроля способствуют практико-ориентированные формы обучения, реализуемые в специализированных учреждениях по профилю подготовки направления. Отчётливо продемонстрировано, что студенты направления *Филология* в большей степени фаталистичны по сравнению со студентами направления *Психология*, которые склонны верить, что сами определяют свою судьбу и способны воплотить свои планы в жизнь.

Схожие динамические аспекты интернализации профессиональных ценностей наблюдаются по тесту УСК, где мы оценивали уровень интернальности студентов на протяжении всего периода обучения в вузе. Достоверные различия по всем показателям шкал интернальности имеются только на последних курсах. Как отмечает М. С. Яницкий, обучение на первых курсах сопровождается адаптацией студентов к новому виду деятельности и социальным условиям [18]. Достоверно более высокий уровень интернальности по всем шкалам теста на 3 курсе обучения. К 4 курсу показатели в обеих группах становятся незначительно выше.

Таблица 2. Показатели по тесту УСК у студентов направлений подготовки *Психология* и *Филология* с 1 по 4 курсы
Table 2. Indicators on the USK test in first and fourth-year students of *Psychology* and *Philology*

Курс	Направление подготовки	Шкалы УСК						
		Ио	Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из
		M	M	M	M	M	M	M
1 курс	Психология	4,33	5,41	4,27	4,88	4,76	4,6	5,47
	Филология	4,35	5,32	4,44	4,74	4,58	4,89	5,7
2 курс	Психология	4,38	5,31	4,25	4,81	4,79	4,65	5,48
	Филология	4,29	5,38	4,35	4,71	4,51	4,83	5,82
3 курс	Психология	5,03*	5,93*	5,08*	6,23*	6*	6,37*	5,67
	Филология	4,24*	5,4*	4,34*	5,16*	4,32*	5,96*	5,66
4 курс	Психология	5,32*	6,15*	5,73*	6,12*	6*	6,98*	5,54
	Филология	4,9*	5,59*	4,66*	4,66*	4,83*	6,17*	5,59

Прим.: * – отмечены статистически значимые различия в группах на уровне $p \leq 0,05$.

Показатели по шкале общей интернальности (Ио) практически не различаются у студентов экспериментальной и контрольной групп на 1–2 курсах. В процессе обучения уровень шкалы общей интернальности у студентов-психологов повышается на 3–4 курсах и становится достоверно более высоким, это указывает на такие особенности личности, которым имманентно присуще рассматривать происходящие в жизни события с точки зрения влияния на них и как результат собственной деятельности. Для таких людей характерен высокий уровень ответственности, вера в свои силы, позитивное восприятие текущих событий. В то время как уровень общей интернальности студентов-филологов в целом повышается, но на 3 курсе наблюдается её резкое снижение. Отсутствие данного понижения у студентов экспериментальной группы можно объяснить тем, что обучение в социально-психологическом институте построено таким образом, что на 2–3 курсе студенты проходят дисциплины, направленные на интенсивное формирование профессиональных компетенций, способствующих личностному росту студентов. Возможно, это связано с тем, что многие студенты в это время начинают работать по специальности.

По шкале интернальности в области достижений (Ид) явно прослеживается схожая тенденция, как и по предыдущей шкале, практически одинаковые показатели на 1–2 курсах как в экспериментальной, так и в контрольной группе. К третьему курсу различия становятся очевидными и достоверно значимыми, студенты-психологи всё больше чувствуют ответственность за события, происходящие в их жизни и за свои достижения.

Интернальность в области неудач (Ин) повышается у студентов экспериментальной группы к 3 курсу и становится достоверно более высоким показателем на 3–4 курсах, что говорит о склонности принимать ответственность за неблагоприятные события собственной жизни.

Динамики интернальности в области семейных отношений (Ис) на 1–2 курсах значимых различий между группами испытуемых не выявлено, в то время как на 3–4 курсах различия в экспериментальной и контрольной группах статистически достоверны. Высокий показатель по данной шкале говорит о том, что студенты – будущие психологи чувствуют ответственность за значимые события, происходящие в семье.

Достоверно значимые различия между студентами экспериментальной и контрольной группами по уровню интернальности в области производственных отношений (Ип) получены только у студентов 3–4 курсов. Низкие показатели по данной шкале у студентов-филологов на 3 курсе можно объяснить началом кризиса профессионального становления, который студенты-психологи переживают в более мягкой и неявной форме в силу особенностей обучения.

Достоверно значимые показатели по шкале интернальности в области межличностных отношений (Им) получены у студентов 3–4 курсов. Можно сказать, что студенты способны устанавливать партнерские отношения с другими людьми и выстраивать формальные и неформальные контакты. Именно в этот период у студентов социально-психологического института большая часть занятий проходит в форме тренингового обучения. Актуализация ценностей студентов в условиях тренингового обучения позволяет придать получаемым знаниям действительно ценностно-смысловой характер.

В целом наблюдается четкое выраженное поступательное повышение уровня интернальности по всем шкалам у студентов социально-психологического института от курса к курсу. Студенты экспериментальной группы к концу обучения в вузе достоверно

более интернальны, что говорит о большей степени готовности брать на себя ответственность, управлять событиями в своей жизни, отвечать за результаты своей деятельности. Процесс интернализации можно рассматривать как основу, создающую предпосылки для личностного развития студента, включающую и развитие ценностно-смысловой сферы.

Структуру и динамику ценностных ориентаций в исследуемой выборке обуславливают особенности данного возраста, принадлежность к студенческому сообществу. Помимо этого, учебный процесс в рамках определенного направления подготовки способствует формированию профессиональной системы ценностей и профессионального образа мира [19]. По методике М. Рокича в обеих исследуемых группах на первом курсе обучения преобладают такие ценности, как *активная деятельная жизнь*, *здоровье*, *любовь*, *наличие хороших и верных друзей*, *уверенность в себе*, которые можно отнести к индивидуальным ценностям.

По большей части содержание предпочитаемых терминальных ценностей совпадает, что, скорее всего, объясняется возрастными особенностями испытуемых контрольной и экспериментальной групп. При анализе инструментальных ценностей обращает на себя внимание преобладание в экспериментальной группе ценностей *ответственность*, *независимость* и *широта взглядов*, тогда как в контрольной группе преобладают ценности общения *воспитанность*, *жизнерадостность*, *честность*.

В таблице 4 представлена групповая иерархия предпочитаемых ценностей в экспериментальной и контрольной группах на втором курсе обучения. По содержанию терминальные и инструментальные ценности в обеих группах практически не изменились по сравнению с первым годом обучения, однако можно отметить в экспериментальной группе появление терминальной ценности *материально обеспеченная жизнь*, в экспериментальной группе – наличие терминальной ценности *свобода*. В группе инструментальных ценностей у студентов-психологов появилась ценность *воспитанность*, у студентов-филологов – *независимость*. Это объясняется тем, что данный набор ценностей является актуальным на всём протяжении данного возрастного этапа. Схожие результаты были получены в исследованиях Н. А. Журавлевой, А. В. Петрова, А. В. Соколова, И. О. Щербаковой, В. Е. Семенова, Н. А. Буравлевой [20–25].

Таблица 3. Групповые иерархии предпочитаемых ценностей у студентов направлений подготовки *Психология* и *Филология* на первом курсе обучения

Table 3. Group hierarchies of favoured values in first-year students of *Psychology* and *Philology*

Ценности студентов направления *Психология*	Средний ранг	Групповой ранг	Ценности студентов направления *Филология*	Средний ранг	Групповой ранг
Терминальные ценности					
Активная деятельная жизнь	5,45	1	Любовь	6,10	1
Здоровье	5,53	2	Активная деятельная жизнь	6,12	2
Любовь	6,00	3	Наличие хороших и верных друзей	6,80	3
Наличие хороших и верных друзей	6,32	4	Здоровье	6,82	4
Уверенность в себе	6,45	5	Уверенность в себе	6,88	5
Свобода	6,82	6	Материально обеспеченная жизнь	7,20	6
Инструментальные ценности					
Образованность	4,90	1	Образованность	5,32	1
Широта взглядов	5,30	2	Честность	5,74	2
Жизнерадостность	5,90	3	Воспитанность	7,10	3
Ответственность	6,40	4	Твердая воля	7,20	4
Независимость	6,43	5	Жизнерадостность	7,57	5
Честность	7,44	6	Ответственность	7,90	6

Таблица 4. Групповые иерархии предпочитаемых ценностей у студентов направлений подготовки *Психология* и *Филология* на втором курсе обучения
Table 4. Group hierarchies of favoured values in second-year students of *Psychology* and *Philology*

Ценности студентов направления *Психология*	Средний ранг	Групповой ранг	Ценности студентов направления *Филология*	Средний ранг	Групповой ранг
Терминальные ценности					
Активная деятельная жизнь	5,87	1	Здоровье	6,15	1
Любовь	6,11	2	Наличие хороших и верных друзей	6,75	2
Здоровье	6,94	3	Любовь	7,07	3
Наличие хороших и верных друзей	7,35	4	Активная деятельная жизнь	7,15	4
Материально обеспеченная жизнь	8,29	5	Свобода	7,45	5
Уверенность в себе	8,44	6	Материально обеспеченная жизнь	7,84	6
Инструментальные ценности					
Образованность	5,53	1	Образованность	4,97	1
Воспитанность	5,75	2	Воспитанность	5,19	2
Ответственность	6,10	3	Жизнерадостность	6,10	3
Жизнерадостность	7,24	4	Независимость	6,34	4
Независимость	8,35	5	Честность	6,75	5
Честность	8,61	6	Ответственность	7,15	6

На 3–4 курсах можно отметить качественное изменение содержания предпочитаемых терминальных ценностей (таблицы 5–6) в экспериментальной группе. В структуре предпочитаемых ценностей появляются *счастливая семейная жизнь*, *интересная работа*, *развитие*, которые можно отнести к активным ценностям, что свидетельствует о переходе на новый этап личностного развития, причиной которого является окончание обучения в вузе. В структуре инструментальных ценностей также произошёл качественный сдвиг в группе студентов-психологов, а именно появление ценностей *рационализм* и *эффективность в делах*, которые относятся к группе ценностей профессиональной самореализации.

Таблица 5. Групповые иерархии предпочитаемых ценностей у студентов направлений подготовки *Психология* и *Филология* на третьем курсе обучения
Table 5. Group hierarchies of favoured values in third-year students of *Psychology* and *Philology*

Ценности студентов направления *Психология*	Средний ранг	Групповой ранг	Ценности студентов направления *Филология*	Средний ранг	Групповой ранг
Терминальные ценности					
Любовь	5,12	1	Любовь	5,95	1
Счастливая семейная жизнь	6,15	2	Здоровье	6,34	2
Здоровье	7,24	3	Материально обеспеченная жизнь	6,45	3
Активная деятельная жизнь	7,37	4	Уверенность в себе	6,87	4

Ценности студентов направления *Психология*	Средний ранг	Групповой ранг	Ценности студентов направления *Филология*	Средний ранг	Групповой ранг
Интересная работа	7,64	5	Активная деятельная жизнь	6,98	5
Наличие хороших и верных друзей	7,78	6	Счастливая семейная жизнь	7,39	6
Инструментальные ценности					
Образованность	5,91	1	Образованность	5,27	1
Жизнерадостность	5,98	2	Независимость	6,17	2
Ответственность	6,12	3	Жизнерадостность	6,95	3
Эффективность в делах	7,17	4	Честность	7,25	4
Независимость	7,23	5	Ответственность	7,78	5
Широта взглядов	7,40	6	Воспитанность	7,79	6

Таблица 6. Групповые иерархии предпочитаемых ценностей у студентов направлений подготовки *Психология* и *Филология* на четвертом курсе обучения
Table 6. Group hierarchies of favoured values in fourth-year students of *Psychology* and *Philology*

Ценности студентов направления *Психология*	Средний ранг	Групповой ранг	Ценности студентов направления *Филология*	Средний ранг	Групповой ранг
Терминальные ценности					
Здоровье	5,72	1	Здоровье	5,47	1
Интересная работа	6,27	2	Любовь	5,97	2
Любовь	7,20	3	Материально обеспеченная жизнь	6,95	3
Развитие	7,77	4	Уверенность в себе	7,29	4
Счастливая семейная жизнь	7,78	5	Счастливая семейная жизнь	7,36	5
Активная деятельная жизнь	7,82	6	Активная деятельная жизнь	7,67	6
Инструментальные ценности					
Образованность	5,40	1	Образованность	5,80	1
Ответственность	6,34	2	Воспитанность	6,10	2
Независимость	6,62	3	Ответственность	7,11	3
Широта взглядов	7,41	4	Жизнерадостность	8,25	4
Рационализм	7,44	5	Независимость	8,57	5
Эффективность в делах	7,98	6	Честность	8,70	6

В целом можно отметить, что на протяжении всего периода обучения у студентов обеих групп содержание предпочитаемых терминальных и инструментальных ценностей оставалось практически неизменным, изменялся лишь ранг этих ценностей в групповой иерархии. Данный факт обусловлен, прежде всего, влиянием двух основных факторов – принадлежностью испытуемых к одной социокультурной среде, особенностями возрастного периода и обучением на гуманитарных направлениях подготовки. Тем не менее есть ряд качественных отличий, которые проявляются на последних курсах обучения у студентов экспериментальной группы. Данные отличия характеризуются более интенсивной динамикой ценностей профессиональной самореализации, ценностей межличностных отношений, а также наличием альтруистических ценностей и ценностей принятия других.

Заключение

Ключевым направлением формирования личности в процессе обучения является развитие ценностно-смысловых ориентаций студента, которое можно рассматривать одновременно и в качестве цели, и в качестве результата педагогического процесса. В период обучения в вузе происходит идентификация себя с субъектом будущей профессиональной деятельности. Результаты исследования свидетельствуют о том, что ценностно-смысловые ориентации находятся в динамике. Структура ценностно-смысловых ориентаций претерпевает изменения, заключающиеся в том, что интернализируются ценности и смыслы, связанные с будущей профессиональной деятельностью. Качественные изменения показателей по всем проводимым нами методикам свидетельствуют о переживании кризиса профессионального становления на последних курсах обучения, итогом которого является формирование профессиональной идентичности. Особая роль в формировании индивидуальной системы ценностно-смысловых ориентаций в образовательной среде принадлежит учебной деятельности. Следовательно, ярко выраженные отличия на 3–4 курсах в динамике интернализации профессиональных ценностей студентов-психологов обусловлены спецификой организации учебно-профессиональной деятельности. Организация процесса обучения в социально-психологическом институте основана на применении практико-ориентированных методов, что способствует анализу рефлексии будущего *Я-профессионала* и создает условия для более легкого преодоления студентами нормативного кризиса профессионального становления.

Литература

1. Леонтьев А. Н. Психологические вопросы формирования личности студента // Психология в вузе. 2003. № 1-2. С. 232–241.

2. Антилогова Л. Н. Профессиональное самоопределение личности в условиях современного образования // Педагогическое образование и наука. 2015. № 1. С. 133–135.

3. Шамионов Р. М. Личностное и профессиональное самоопределение как эффекты социализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8. № 1. С. 90–95.

4. Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 175–180.

5. Бондаренко А. Ф. Личностное и профессиональное самоопределение отечественного психолога-практика // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 1. С. 63–76.

6. Серый А. В. Осмысленное отношение к профессиональной деятельности как условие развития профессионально значимых качеств психологов-практиков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2005. № 2. С. 158–162.

7. Яницкий М. С., Серый А. В. Развитие системы ценностно-смысловых ориентаций личности в профессиональной деятельности специалистов деонтологического статуса // Личность и профессиональная деятельность / под ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. Т. 1. С. 147–159.

8. Лукьянова С. П., Пахомова Е. В. Ценностно-смысловые ориентации студентов-психологов на завершающем этапе обучения в контексте профессионального становления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 17. С. 47–51.

9. Карпушина Л. В., Капцов А. В. Психология ценностей российской молодежи. Самара: Изд-во Самарский науч. центр РАН, 2009. 252 с.

10. Яницкий М. С., Серый А. В., Иванов М. С., Утюганов А. А., Хакимова Н. Р. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд. Кемерово: КРИРПО, 2017. 202 с.

11. Манукян В. Р. Психологическое содержание и факторы возникновения кризиса профессионального развития у студентов вуза // Психологическая наука и образование. 2011. № 4. С. 109–117.

12. Буслаева Е. Л. Кризисы профессионального становления студентов-психологов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 233–235.

13. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992. 16 с.

14. Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд А. М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152–162.

15. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с.

16. Серый А. В. Тренинговое обучение в вузе как условие интернализации смысла будущей профессии // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 181–185.

17. Аршинова Е. В., Билан М. А. Ценностно-смысловые аспекты переживания кризисов профессионального становления в процессе обучения в вузе // Психология индивидуальности: материалы V Междунар. науч. конф. (09–11 декабря 2015 г.). М., 2015. С. 219–221.

18. Яницкий М. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов на первом и втором курсах обучения в вузе // Вопросы общей и дифференциальной психологии: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 60–69.

19. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 12.

20. Журавлева Н. А. Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 30–39.

21. Журавлева Н. А. Современные тенденции в ценностных ориентациях российской молодежи // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 3. С. 139–146.

22. Соколов А. В., Щербакова И. О. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 115–123.

23. Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. 83–90.

24. Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.

25. Буравлева Н. А. Ценностные ориентации студентов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 124–129.

DYNAMIC ASPECTS OF THE INTERNALIZATION OF PROFESSIONAL VALUES IN STUDENTS OF DEONTOLOGY

Yelena V. Arshinova [a]***; Marina A. Bilan*** [a, @]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *lma_05-80@mail.ru*

Received 28.09.2018. Accepted 03.12.2018.

Keywords: value orientation, value-semantic characteristics, professional values, the students of the University, deontological profile

Abstract: The paper features the dynamics of the internalization of the professional values in university students of deontology direction during their training. The research employed such research methods as D.A. Leontyev's test of life-sense orientations, the questionnaire of the level of subjective control, and M. Rokich's test. The paper presents some results of a longitudinal study of the internalization of the professional values in the future specialists of the deontological profile at various stages of study at the university. The authors used a sample group of 120 students to prove some significant differences in value-semantic characteristics. They conducted a comparative analysis of the value-semantic orientations of the students, who majored in various subjects. The students of the deontological profile revealed a stronger internalization of professional values, as well as stronger professional self-realization, interpersonal relations, altruistic values, and values of the acceptance of others. The authors believe that the organization of educational process influences the structure of value-semantic orientations of university students. They prove that practice-oriented methods help students cope with the crisis of professional development. The results of the research can be used in the educational process at various educational institutions, as well as in consulting students on the problems of personal and professional development.

For citation: Arshinova Y. V., Bilan M. A. Dinamicheskie aspekty internalizatsii professional′nykh tsennostei budushchikh spetsialistov deontologicheskogo profilia [Dynamic Aspects of the Internalization of Professional Values in Students of Deontology]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 106–116. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-106-116

References

1. Leontiev A. N. Psikhologicheskie voprosy formirovaniia lichnosti studenta [Psychological issues of the formation of the personality of the student]. *Psikhologiia v vuze = Psychology in high school*, no. 1-2 (2003): 232–241.

2. Antilogova L. N. Professional′noe samoopredelenie lichnosti v usloviiakh sovremennogo obrazovaniia [Professional identity of a personality under the conditions of the modern education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical education and science*, no. 1 (2015): 133–135.

3. Shamionov R. M. Lichnostnoe i professional'noe samoopredelenie kak effekty sotsializatsii [Personal and professional self-determination as socialization's effects]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filosofiia. Psikhologiia. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 8, no. 1 (2008): 90–95.

4. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Prokonich O. A. Osobennosti vremennoi perspektivy lichnosti predstavitelei razlichnykh tsennostnykh tipov massovogo soznaniia [Peculiarities of personality temporal perspective among representatives of different value types of mass consciousness]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki = Bulletin KRAUNZ. Humanitarian sciences*, no. 2 (2012): 175–180.

5. Bondarenko A. F. Lichnostnoe i professional′noe samoopredelenie otechestvennogo psikhologa-praktika [Personal and professional self-determination of the domestic psychologist-practice]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal = Moscow psychotherapeutic journal*, no. 1 (1993): 63–76.

6. Seryy A. V. Osmyslennoe otnoshenie k professional′noi deiatel′nosti kak uslovie razvitiia professional′no znachimykh kachestv psikhologov-praktikov [Meaningful attitude to professional activity as a condition for the development of professionally significant qualities of practicing psychologists]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2005): 158–162.

7. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Razvitie sistemy tsennostno-smyslovykh orientatsii lichnosti v professional′noi deiatel′nosti spetsialistov deontologicheskogo statusa [Development of the system of value-semantic orientations of the individual in the professional activity of specialists in deontological status]. *Lichnost' i professional'naia deiatel'nost'* [Personality and professional activity]. Eds. Dikaia L. G., Nevstrueva T. Kh. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, vol. 1 (2008): 147–159.

8. Lukyanova S. P., Pakhomova E. V. Tsennostno-smyslovye orientatsii studentov-psikhologov na zavershaiushchem etape obucheniia v kontekste professional′nogo stanovleniia [Values and life-meaning orientations of psychological students on finishing phase of education in context of professional self-determination]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Psikhologiia = Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*, no. 17 (2010): 47–51.

9. Karpushina L. V. Kaptsov A. V. *Psikhologiia tsennostei rossiiskoi molodezhi* [Psychology of values of Russian youth]. Samara: Izd-vo Samarskii nauch. tsentr RAN, 2009, 252.

10. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Khakimova N. R. *Postneklassicheskaia pedagogicheskaia psikhologiia: tsennostno-smyslovoi trend* [Post-nonclassical pedagogical psychology: the value-semantic trend]. Kemerovo: KRIRPO, 2017, 202.

11. Manukyan V. R. Psikhologicheskoe soderzhanie i faktory vozniknoveniia krizisa professional′nogo razvitiia u studentov vuza [Psychological content and genesis factors of professional development crisis among students of higher education institutions]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, no. 4 (2011): 109–117.

12. Buslaeva E. L. Krizisy professional′nogo stanovleniia studentov-psikhologov [Professional formation crises of psychology students]. *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitetaIzvestia = Voronezh State Pedagogical University*, no. 4 (2017): 233–235.

13. Leontiev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZHO)* [Test the meaning of life orientations (LSO)]. Moscow: Smysl, 1992, 16.

14. Bazhin E. F., Golynkina E. A., Etkind A. M. Metod issledovaniia urovnia sub”ektivnogo kontrolia [The method of research of the level of subjective control]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 5, no. 3 (1984): 152–162.

15. Leontiev D. A. *Metodika izucheniia tsennostnykh orientatsii* [Methodology for the study of value orientations]. Moscow: Smysl, 1992, 17.

16. Seryy A. V. Treningovoe obuchenie v vuze kak uslovie internalizatsii smysla budushchei professii [Training education as the condition of internalization of mean of future profession in higher educational establishment]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, no. 26 (2007): 181–185.

17. Arshinova Y. V., Bilan M. A. Tsennostno-smyslovye aspekty perezhivaniia krizisov professional′nogo stanovleniia v protsesse obucheniia v vuze [Value-semantic aspects of experiencing the crises of professional development in the learning process in the university]. *Psikhologiia individual'nosti: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (09–11 dekabria 2015 g.)* [Psychology of individuality: Proc. V Intern. Sci. Conf. (December 09–11, 2015)]. Moscow, 2015, 219–221.

18. Yanitskiy M. S. Osnovnye psikhologicheskie mekhanizmy adaptatsii studentov na pervom i vtorom kursakh obucheniia v vuze [The main psychological mechanisms of teaching students in the first and second

courses at the university]. *Voprosy obshchei i differentsial'noi psikhologii* [Questions of general and differential psychology]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 60–69.

19. Belinskaya E. P. Izmenchivost′ Ia: krizis identichnosti ili krizis znaniia o nei? [The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it?]. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 8, no. 40 (2015): 12.

20. Zhuravleva N. A. Tsennostnye orientatsii lichnosti v izmeniaiushchemsia rossiiskom obshchestve [Persons value orientations in the changing Russian society]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 33, no. 1 (2012): 30–39.

21. Zhuravleva N. A. Sovremennye tendentsii v tsennostnykh orientatsiiakh rossiiskoi molodezhi [Modern tendencies in virtues orientation of Russian youth]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda = Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*, no. 3 (2011): 139–146.

22. Sokolov A. V., Shcherbakova I. O. Tsennostnye orientatsii postsovetskogo gumanitarnogo studenchestva [Value orientations of the post-Soviet humanitarian students]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, no. 1 (2003): 115–123.

23. Petrov A. V. Tsennostnye predpochteniia molodezhi: diagnostika i tendentsii izmenenii [Value preferences of young people: diagnostics and trends of change]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, no. 2 (2008): 83–90.

24. Semenov V. E. Tsennostnye orientatsii sovremennoi molodezhi [Contemporary youth value orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, no. 4 (2007): 37–43.

25. Buravlyova N. A. Tsennostnye orientatsii studentov [Value orientations of students]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 6 (2011): 124–129.

УДК 159.922

ОБРАЗ ТЕЛА ЖЕНЩИН В ПЕРИОД МЕНОПАУЗАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА

Ксения Н. Белогай [a, @, ID]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *belogi@mail.ru*
[ID] *http://orcid.org/0000-0002-7033-6584*

Поступила в редакцию 10.07.2018. Принята к печати 03.12.2018.

Ключевые слова:
образ тела, менопауза, нормативное недовольство внешностью, Обеспокоенность формами тела, Комментарии о внешности

Аннотация: В статье представлены результаты исследования образа тела женщин 40–55 лет, находящихся на этапе менопаузального перехода – в пре-, перименопаузе и менопаузе. Исследование, проведенное на русскоязычной выборке женщин, показывает, что для них, как и для женщин во многих других культурах, характерен в целом негативный образ тела и *нормативное недовольство внешностью*. Женщины обеспокоены весом и формами, недовольны функциональными характеристиками тела, причем образ их тела не связан с наличием / отсутствием менструаций, что согласуется с данными исследований по всему миру, демонстрирующими, что *менопауза как болезнь* – это культурный, а не биологический феномен. Наши данные показывают, что образ тела зрелых женщин взаимосвязан с индексом массы тела, однако вес – далеко не единственный фактор, определяющий рассматриваемый феномен. В работе удалось продемонстрировать культурную специфику образа тела зрелых женщин – например, в переведенной и валидизированной нами методике *Verbal Commentary on Physical Appearance Scale* (Комментарии о внешности) на русскоязычной выборке не выделился положительный фактор *Позитивное представление о весе и формах тела*.

Для цитирования: Белогай К. Н. Образ тела женщин в период менопаузального перехода // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 117–124. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-117-124

Введение

Женщины испытывают многочисленные гормональные изменения на протяжении всей своей жизни. Эти изменения варьируются от ежедневных колебаний и месячных циклов до значительных жизненных событий, таких как половое созревание, беременность, роды и менопауза. Существует долгая история медицинских исследований, авторы которых диагностируют и описывают эти изменения в организме женщины. Сегодня накоплено огромное количество информации относительно физиологии репродуктивной функции женщины, в том числе о завершающих ее этапах, однако психологические процессы, связанные с этими событиями в жизни женщины, по-прежнему не имеют системности описания и интерпретации. В англоязычных исследованиях даже вводится понятие *менопаузального перехода* [1].

По определению Всемирной организации здоровья, менопауза – это постоянное прекращение менструации, которое происходит в результате потери фолликулярной активности яичников и признается после 12 месяцев аменореи, для которой нет другой очевидной причины. В естественных условиях (когда речь не идет о лечении) менопауза возникает у женщин в возрасте от 45 до 55 лет. В процесс менопаузального перехода входят следующие этапы: пременопауза (сохранение репродуктивной функции); перименопауза (гормональные изменения, приводящие к аменорее); менопауза (отсутствие менструаций в течение 12 месяцев); постменопауза (исчезновение репродуктивной функции).

В нашем обществе отношение к менопаузе формируется под влиянием культурных представлений о зрелых женщинах, а переход в менопаузу часто воспринимается как время изменения эмоционального и физического здоровья. Тем не менее антропологические исследования показали, что менопауза может быть положительным событием, особенно когда она означает изменение социального статуса [2]. Помимо гормональных изменений в период менопаузы происходят существенные изменения в образе тела женщин.

Исследования показывают, что существует возрастная динамика в образе тела женщин, но результаты исследований довольно противоречивы. Например, M. Tiggemann и A. McCourt отмечают, что удовлетворенность образом тела у женщин увеличивается с возрастом [3]. В то же время работа C. Runfola с коллегами, проведенная на большой

выборке женщин (1789 человек) старше 50 лет, демонстрирует, что только 12,2 % женщин этого возраста удовлетворены своим телом. Эта группа женщин имеет более низкий индекс массы тела (ИМТ) и сообщает о меньшем числе симптомов, характеризующих нарушения пищевого поведения и более высокой степенью удовлетворенности как весом, так и внешностью в целом. При этом контроль веса не отличался значимо между группами удовлетворенных и неудовлетворенных телом женщин [4]. Описанное исследование проводилось при помощи метода силуэтов, широко используемого в зарубежных исследованиях.

Другие авторы показывают, что в группе зрелых женщин испытуемые, удовлетворенные своим телом, весили значительно меньше, чем неудовлетворенные [5–7]. К тому же большинство удовлетворенных телом женщин (88 %) имели нормальный ИМТ, 40 % из них сообщили, что увеличение веса на 5 фунтов (примерно на 2,5 кг) чрезвычайно расстроило бы их. 77,1 % женщин сообщают, что вес и формы тела играют основную роль в их самооценке [4].

Исследование L. McLaren с соавторами показало, что существует взаимосвязь между удовлетворенностью телом у женщин после 50 лет, весом и ростом опрошенных женщин на разных возрастных этапах. 933 женщины среднего возраста представили данные о самооценке относительно своего веса в возрасте 54 лет и данные о росте и весе в возрасте 7, 11, 15, 20, 26, 36, 43 и 54. Также собирались данные о репродуктивном здоровье женщин. При помощи иерархического линейного моделирования и множественного регрессионного анализа было показано, что женщины, которые были недовольны весом в середине жизни, были тяжелее в возрасте 7 лет по сравнению со сверстниками и показали более быстрый рост ИМТ с возрастом. Более позднее наступление менопаузы, гормональная заместительная терапия до менопаузы были связаны с меньшей неудовлетворенностью [6].

Изменения в образе тела, о которых пишут зарубежные исследователи, по нашему мнению, нельзя объяснить только гормональными перестройками в организме зрелой женщины. Особую роль в появлении негативных феноменов, связанных с образом тела, играют социокультурные факторы. Традиционно женское тело рассматривается либо как нечистое (что связано с менструациями, родами, послеродовыми кровотечениями), либо как тело матери, лишенное сексуальности, святое и чистое. Такую дихотомию можно объяснить христианскими традициями, в результате чего в культуре закрепилось даже не амбивалентное, а полярно-конфликтное отношение к женскому телу [8]. Современная женщина интернализует стереотип о том, что естественное тело непривлекательно, нуждается в постоянной трансформации, в результате чего в обществе все больше распространяется «нормативное недовольство внешностью» [9]. Стереотипом уже давно стал контроль за весом, который для многих женщин является своеобразным ритуалом. При этом исследования показывают, что поведение по контролю веса зависит от негативного образа тела [10].

Л. В. Харланова отмечает, что наступление менопаузы является столь же ярким событием в жизни женщины, как и наступление менархе у девушки. Чаще всего акцент в научно-популярных работах делается на негативной симптоматике менопаузы. Замещающая гормональная терапия, появившаяся еще в 1937 г., стала предлагаться практически всем зрелым женщинам. Снижение эстрогенов в организме сегодня трактуется как симптом болезни, требующий лечения [8]. Даже коррекцию психологических изменений, связанных с менопаузальным переходом, предлагается проводить при помощи гормональной терапии. В результате многие женщины начинают лечение, опираясь не на собственные ощущения, а под давлением стереотипов. В современном мире женственность часто заканчивается там, где заканчивается репродуктивная функция, т. е. женщина зрелого возраста часто рассматривается как неженственная. Мы полагаем, что в зрелом возрасте, как и в подростковом и юношеском, обратная связь, получаемая женщиной от партнера, может стать своеобразным *буфером* на пути негативной информации и негативных стереотипов. Например, N. L. Wood-Barcalow, T. L. Tylka и C. L. Augustus-Horvath вводят термин *защитный фильтр*, который помогает не допустить негативную для самооценки информацию или изменить ее таким образом, чтобы она перестала быть опасной для образа тела [11].

Организация и методы исследования

Проведенное нами исследование было направлено на выявление содержательных характеристик образа тела женщин в возрасте 40–55 лет, находящихся на стадии менопаузального перехода. В исследовании приняли участие 86 женщин: 36 женщин на стадиях пременопаузы (появился ряд симптомов менопаузы, но менструации регулярны) и перименопаузы (появились нарушения менструального цикла) и 50 женщин на этапе менопаузы и постменопаузы. Для проведения исследования были использованы следующие методики.

1. Комментарии о внешности (КОВ) – *Verbal Commentary on Physical Appearance Scale* [12] – опросник, переведенный и валидизированный нами для целей исследования [13]. Позволяет оценить социокультурные аспекты образа тела и в русскоязычной версии содержит две основные шкалы – Негативное представление о весе и формах тела (включающую субшкалы Негативные комментарии о весе и формах тела и Эмоциональная реакция на негативные комментарии) и Общий позитивный образ

внешности (включающую субшкалы Позитивные комментарии о внешности и Эмоциональная реакция на позитивные комментарии).

2. Обеспокоенность формами тела (ОФТ) – *The 34-item Body Shape Questionnaire* [14] – опросник, переведенный и валидизированный нами для целей исследования [13]. Содержит одну шкалу, описывающую обеспокоенность весом и формами тела.

3. Методика «Мое тело», созданная нами на основе психосемантического дифференциала, включающая шкалы Оценка, Активность, Телосложение и Функциональность [13].

4. Опросник «Образ тела», разработанный нами совместно с И. С. Морозовой и содержащий оценочный, функционально-регулятивный и эмоциональный компоненты (принятие) [13].

5. Методика «Жизненная динамика удовлетворенности внешним обликом» Е. В. Белугиной [15].

6. Методика «Силуэты» М. Фельденкрайза [13].

7. Анкетирование.

Статистическую обработку полученных результатов производили с помощью пакета прикладных программ Statistica 6.0. Для анализа результатов использовался метод сравнения выборочных средних, факторный и корреляционный анализ.

Обсуждение результатов

Рассмотрим некоторые описательные статистики обследованной группы. Средняя оценка здоровья, которую поставили себе зрелые женщины по 10-балльной шкале, составила 6,27 (медиана – 7, стандартное отклонение – 1,8 балла). Оценка соответствия тела внешним стандартам привлекательности составила 52 %, а внутренним идеалам – 55 % (медианы, соответственно, 50 % и 50 %; стандартные отклонения – 23,5 и 21,3, т.е. разброс вариантов достаточно велик). По мнению женщин, партнеры оценивают их тело на 7,9 баллов по 10-балльной шкале (медиана – 9, стандартное отклонение – 2,8). Средний суммарный балл по методике ОФТ составил 71,7 (медиана – 62, стандартное отклонение – 28,3). Судя по данным авторов методики ОФТ, показатели свыше 80 баллов говорят о выраженности обеспокоенности формами тела. В нашей группе женщин с отсутствием обеспокоенности формами тела было 40 %, низкая степень обеспокоенности характерна для 30 % женщин и еще 30 % характеризуются умеренной и выраженной обеспокоенностью формами тела. Таким образом, зрелые женщины – представительницы русскоязычной выборки – демонстрируют низкую степень принятия своего тела. Больше половины из них обеспокоены формами тела, большинство считают, что тело не соответствует не только внешним стандартам привлекательности, но и собственным внутренним идеалам. 15 % женщин имеют признаки нарушения пищевого поведения – безудержное объедание пищей, применение мочегонных средств с целью снизить вес, вызывание рвоты с той же целью.

Перейдем к описанию структурных характеристик выборки. Сравнивая разные группы внутри нашей выборки, мы обнаружили, например, что женщины, регулярно занимающиеся физкультурой или спортом, отмечают значимо больше положительных комментариев о внешности (комплиментов), их эмоциональная реакция на комплименты также более выражена по сравнению с группой женщин, не занимающихся спортом ($p \leq 0{,}003$). В то же время различий между группами женщин, ограничивающих себя в питании и не ограничивающих, обнаружено не было.

Рассмотрим факторную модель, получившуюся при анализе результатов методики «Мое тело» (таблица 1).

Таблица 1. Факторные нагрузки на пункты методики «Мое тело»
Table 1. Factor loads on the points of the method "My body"

№	Пункт опросника		Шкалы			
			Оценка	Функциональность	Активность	Телосложение
1	Обаятельное	Непривлекательное	0,77	–	–	–
2	Слабое	Сильное	–	0,75	–	–
3	Неуклюжее	Грациозное	0,72	–	–	–
4	Деятельное	Пассивное	–	–	0,54	–
5	Вялое	Энергичное	0,63	–	–	–
6	Напряженное	Расслабленное	0,44	–	–	–
7	Здоровое	Больное	–	0,79	–	–
8	Тяжелое	Легкое	0,71	–	–	–
9	Пропорциональное	Непропорциональное	–	–	0,63	–
10	Суетливое	Спокойное	–	–	–	0,52

№	Пункт опросника		Шкалы			
			Оценка	Функциональность	Активность	Телосложение
11	Красивое	Некрасивое	0,61	–	–	–
12	Быстрое	Медленное	–	0,80	–	–
13	Уверенное	Неуверенное	–	–	0,73	–
14	Выносливое	Невыносливое	–	0,66	–	–
15	Ловкое	Неловкое	–	0,68	–	–
16	Полное	Худое	–	–	–	0,79
17	Мелкое	Крупное	–	–	–	0,85
18	Сексуальное	Несексуальное	0,65	–	–	–
19	Крепкое	Некрепкое	–	0,82	–	–
20	Женственное	Неженственное	–	–	0,62	–
21	Гибкое	Негибкое	–	–	0,58	–
22	Пластичное	Непластичное	0,65	–	–	–
	Доля общей дисперсии		19 %	17 %	11 %	11 %

В нашем исследовании принимали участие женщины разного возраста, и мы обнаружили, что факторные модели для зрелых и более молодых женщин отличаются по наполнению факторов. Для женщин старше 40 лет выделились 4 основных фактора, объясняющих суммарно 58 % общей дисперсии. В первый фактор вошли такие характеристики тела, как *обаятельное, грациозное, энергичное, напряженное, легкое, красивое, сексуальное* и *пластичное*. Этот фактор, таким образом, содержит когнитивные и эмоциональные оценки своего тела зрелыми женщинами. Отметим, что из характеристики *напряженное / расслабленное* именно полюс *напряженное* вошел в этот фактор с плюсом, т. к. из-за снижения общего тонуса для женщин этого возраста напряженность тела воспринимается позитивно. Второй фактор объединил такие функциональные характеристики тела, как *сильное, здоровое, быстрое, выносливое, ловкое* и *крепкое*. Третий фактор объединил следующие характеристики тела: *деятельное, пропорциональное, уверенное, женственное* и *гибкое*. Таким образом, этот фактор, в первую очередь, описывает активность и энергетические характеристики тела. Наконец, четвертый фактор объединил три характеристики: *мелкое, худое и суетливое*, т. е. описывает телосложение.

Описательные статистики обследованной группы приведены в таблице 2. Хотя обеспокоенность формами тела по выборке в целом является нормативной, выделяется группа женщин с высокой и очень высокой обеспокоенностью. Если говорить о комментариях о внешности, у автора методики выделено три шкалы соответствующего опросника: негативное представление о весе и формах тела; позитивное представление о весе и формах тела; общий позитивный образ внешности. Однако при валидизации методики мы обнаружили, что у русских женщин нейтральные комментарии «Ты очень изменилась с тех пор, как мы виделись» или «Ты любишь тренировки?» включаются в фактор негативного представления о теле. Позитивное представление о весе и формах тела на нашей выборке не выделилось вовсе. В связи с этим в итоговой версии опросника осталось две шкалы с комментариями и две шкалы с эмоциональными реакциями на комментарии.

Сравнение выборочных средних женщин, находящихся на этапах пери- и пременопаузы, с выборочными средними женщин на этапе менопаузы и постменопаузы не показало значимых различий между показателями ($p \leq 0,05$), таким образом рассматриваемая группа является достаточно однородной в отношении характеристик образа тела.

Расчет корреляционных взаимосвязей показателей использованных в работе методик с объективными параметрами образа тела – ростом, весом и ИМТ – показал, что существуют значимые положительные взаимосвязи обеспокоенности формами тела с весом и ИМТ (таблица 3). Принятие тела имеет обратную корреляцию с ИМТ, т. е. женщины с высоким ИМТ в меньшей степени принимают свое тело. Оценка телосложения имеет обратную корреляцию с весом, т. е. женщины с большим весом ниже оценивают свое телосложение. Частота позитивных комментариев о внешности обратным образом взаимосвязана с весом и ИМТ. А эмоциональная реакция на негативные комментарии более

выражена у женщин, имеющих больший вес. Корреляций с ростом выявлено не было. Полученные на русскоязычной выборке данные согласуются с данными зарубежных исследований, описанных в теоретической части настоящей статьи.

Сравнивая выбранные женщинами силуэты, отражающие реальное тело и идеальное, мы обнаружили, что только 20 % женщин выбрали одинаковые силуэты в том и другом случае, что свидетельствует о принятии своего тела. 27 % женщин выбрали в качестве идеального более стройный силуэт (при этом выбраны соседние силуэты). 53 % женщин в качестве идеального выбрали более стройный силуэт, отстоящий от реального более чем на одну позицию, т. е. разница была существенной, а желаемый силуэт можно было бы назвать нереалистичным.

Таблица 2. Описательные статистики в исследуемой группе женщин
Table 2. Descriptive statistics in the study group

Шкалы методик	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
Методика «Мое тело»			
оценка	13,2	14,8	11,3
телосложение	3,5	4,1	4,1
активность	21,0	22,0	16,9
функциональность	6,8	7,8	7,5
ОФТ	35,9	31,0	15,1
КОВ			
Негативные комментарии о весе и формах тела	15,4	14,0	4,14
Эмоциональная реакция на негативные комментарии	14,2	14,0	7,00
Позитивные комментарии о внешности	11,2	10,0	4,29
Эмоциональная реакция на позитивные комментарии	6,9	7,0	3,52
Опросник «Образ тела»			
оценка	11,3	15,0	9,45
функциональность	6,5	6,0	9,82
принятие	3,9	6,0	6,96

Таблица 3. Корреляционные взаимосвязи субъективных и объективных характеристик образа тела (p≤0,05)
Table 3. Correlation relationships of subjective and objective characteristics of the body image (p≤0,05)

	Вес	ИМТ
ОФТ	–	0,43
Опросник «Образ тела»		
оценка	–	–
функциональность	–	–
принятие	–	-0,42
Методика «Мое тело»		
оценка	–	–
телосложение	-0,40	–
активность	–	–
функциональность	–	–
КОВ		
Негативные комментарии о весе и формах тела	–	–
Эмоциональная реакция на негативные комментарии	–	0,42
Позитивные комментарии о внешности	-0,39	-0,41
Эмоциональная реакция на позитивные комментарии	–	–

Сопоставляя ретроспективные оценки тела в разные возрастные периоды, мы обнаружили существенный разброс в оценках. Самая высокая оценка телу дается для возрастного периода 20–30 лет. Ниже оценивается тело в подростковом возрасте, но самые низкие оценки женщины дают своему пятидесятилетнему телу (таблица 4). Таким образом, идеи разных авторов о существующем стереотипе непривлекательности зрелого тела находят свое подтверждение в нашей работе.

Таблица 4. Ретроспективная оценка тела в разные возрастные периоды
Table 4. Retrospective assessment of the body in different age periods

Возраст	Средняя оценка
5	8,1
10	7,9
15	7,3
20	9,3
25	8,1
30	8,0
35	7,8
40	7,6
45	7,3
50	6,2
В настоящий момент	6,4

Выводы

Анализируя данные зарубежных исследований и данные, полученные на русскоязычной выборке зрелых женщин, мы обнаруживаем, что менопаузальный переход является важным этапом в репродуктивном цикле и возрастном развитии современной женщины. С одной стороны, менопауза – это существенные гормональные перестройки организма, с другой – восприятие перехода в современной культуре достаточно негативно, что приводит к нарушению образа тела – его сдвигу в сторону негативного. Для российских женщин старше 40 лет характерна низкая степень удовлетворенности телом, умеренная степень беспокойства о формах тела, преобладание числа отмеченных негативных комментариев о внешности над комплиментами, амбивалентное отношение даже к нейтральным комментариям. Женщины также характеризуются низкой степенью принятия и низкими оценками функциональности своего тела. При этом вес и индекс массы тела связаны с указанными параметрами – чем больше вес женщины, тем более выражены негативные тенденции в характеристике образа тела.

Одновременно анализируя анкеты, заполненные участницами исследования, и результаты, полученные при помощи опросников, мы приходим к выводу, что с возрастом в образе тела появляется акцент не на внешности, а на здоровье тела, его тонусе, активности, функциональных характеристиках. И именно такой акцент может быть полезен, чтобы препятствовать снижению удовлетворенности образом тела у зрелых женщин. Наши данные совпадают с данными зарубежных исследований. Например, M. Tiggemann [17] полагает, что менопаузальный переход выступает катализатором проблем с образом тела. В то же время акцент на физических упражнениях, направленных на здоровье, а не на внешность, помогает сохранить удовлетворенность образом тела.

Литература

1. Pearce G. Changing bodies: symptoms, body image, health and wellbeing over the menopausal transition: a thesis of dissertation. UK, 2013. 254 p. Режим доступа: http://etheses.bham.ac.uk/4403/1/Pearce13PhD.pdf (дата обращения: 07.06.2018)

2. Nülüfer E. Attitudes towards menopause and depression, body image of women during menopause // Alexandria Journal of Medicine. 2018. Vol. 54. Iss. 3. P. 241–246. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ajme.2017.05.012

3. Tiggemann M., McCourt A. Body appreciation in adult women: Relationships with age and body satisfaction // Body Image. 2013. Vol. 10. Iss. 4. P. 624–627. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.bodyim.2013.07.003

4. Runfola C. D., Von Holle A., Peat C. M., Gagne D. A., Brownley K. A., Hofmeier S. M., Bulik C. M. Characteristics of Women with Body Size Satisfaction at Midlife: Results of the Gender and Body Image (GABI) Study // Women Aging. 2013. Vol. 25(4). P. 287–304. DOI: 10.1080/08952841.2013.816215

5. Anderson L. A., Eyler A. A., Galuska D. A., Brown D. R., Brownson R. C. Relationship of satisfaction with body size and trying to lose weight in a national survey of overweight and obese women aged 40 and older // Preventive Medicine. 2002. Vol. 35. Iss. 4. P. 390–396. DOI: https://doi.org/10.1006/pmed.2002.1079

6. McLaren L., Hardy R., Kuh D. Women's body satisfaction at midlife and lifetime body size: A prospective study // Health Psychology. 2003. Vol. 22(4). P. 370–377. DOI: 10.1037/0278-6133.22.4.370

7. Millstein R. A., Carlson S. A., Fulton J. E., Galuska D. A., Zhang J., Blanck H. M., Ainsworth B. E. Relationships between body size satisfaction and weight control practices among US adults // Medscape Journal of Medicine. 2008. Vol. 10(5). P. 119–124.

8. Харланова Л. В. Социокультурные стратегии регуляции репродуктивного телесного опыта женщины // Психосоматика: телесность и культура / под ред. В. В. Николаевой. М.: Академический Проект, 2009. С. 198–240.

9. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности. СПб.: Питер, 2009. 256 с.

10. Johnson F., Wardle J. Dietary restraint, body dissatisfaction, and psychological distress: A prospective analysis // Journal of Abnormal Psychology. 2005. Vol. 114(1). P. 119–125. DOI: 10.1037/0021-843X.114.1.119

11. Wood-Barcalow N. L., Tylka T. L., Augustus-Horvath C. L. «But I like my body»: Positive body image characteristics and a holistic model for young-adult women // Body Image. 2010. Vol. 7. Iss. 2. P. 106–116. DOI: 10.1016/j.bodyim.2010.01.001

12. Herbozo S. The development and validation of the Verbal Commentary on Physical Appearance Scale: Graduate Theses and Dissertations. Tampa, 2004. Режим доступа: http://scholarcommons.usf.edu/etd/1077 (дата обращения: 07.06.2018).

13. Белогай К. Н., Морозова И. С. Психология телесности: проблемы становления, направления исследований, технологии психологической помощи. Кемерово: КемГУ, 2018. 204 с.

14. Cooper P. J., Taylor M. J., Cooper Z. Fairburn C. G. The development and validation of the Body Shape Questionnaire // International Journal of Eating Disorders. 1986. Vol. 6(4). P. 485–494.

15. Белугина Е. В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2003. 199 с.

16. Tiggemann M. Body image across the adult life span: Stability and change // Body Image. 2004. Vol. 1. Iss. 1. P. 29–41. DOI: https://doi.org/10.1016/S1740-1445(03)00002-0

WOMEN'S BODY IMAGE DURING THE MENOPAUSAL TRANSITION

Ksenia N. Belogai [a, @, ID]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *belogi@mail.ru*
[ID] *http://orcid.org/0000-0002-7033-6584*

Received 10.07.2018. Accepted 03.12.2018.

Keywords: body image, menopause, standard discontent with appearance, The 34-item Body Shape Questionnaire, Verbal Commentary on Physical Appearance Scale

Abstract: The article presents the results of a study of the body image in women aged 40–60 who are at the stage of menopausal transition, i.e. in premenopause, perimenopause and menopause itself. A study conducted on a group of Russian-speaking women showed that they had a negative image of their own body and experience the so-called "standard discontent with appearance", like women in many other cultures. The women were concerned with their weight and shape and dissatisfied with the functional characteristics of their bodies. The body image, however, was not related to the presence or absence of menstruation, which is consistent with research data around the world demonstrating that "menopause as a disease" is a cultural rather than a biological phenomenon. The study shows that the body image of mature women correlates with the body mass index, but weight is by no means the only factor determining the phenomenon under consideration. The present research demonstrates the cultural specificity of the image of the body in mature women: the authors validated and translated Verbal Commentary on Physical Appearance Scale, and it revealed no Positive Idea of Body Weight and Shape factor.

For citation: Belogai K. N. Obraz tela zhenshchin v period menopauzal′nogo perekhoda [Women's Body Image during the Menopausal Transition]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 117–124. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-117-124

References

1. Pearce G. *Changing bodies: symptoms, body image, health and wellbeing over the menopausal transition*. A thesis of dissertation. UK, 2013, 254. Available at: http://etheses.bham.ac.uk/4403/1/Pearce13PhD.pdf (accessed 07.06.2018).

2. Nülüfer E. Attitudes towards menopause and depression, body image of women during menopause. *Alexandria Journal of Medicine*, 54, Iss. 3 (2018): 241–246. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ajme.2017.05.012

3. Tiggemann M., McCourt A. Body appreciation in adult women: Relationships with age and body satisfaction. *Body Image*, 10, Iss. 4 (2013): 624–627. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.bodyim.2013.07.003

4. Runfola C. D., Von Holle A., Peat C. M., Gagne D. A., Brownley K. A., Hofmeier S. M., Bulik C. M. Characteristics of Women with Body Size Satisfaction at Midlife: Results of the Gender and Body Image (GABI) Study. *Women Aging*, vol. 25(4) (2013): 287–304. DOI: 10.1080/08952841.2013.816215

5. Anderson L. A., Eyler A. A., Galuska D. A., Brown D. R., Brownson R. C. Relationship of satisfaction with body size and trying to lose weight in a national survey of overweight and obese women aged 40 and older. *Preventive Medicine*, 35, Iss. 4 (2002): 390–396. DOI: https://doi.org/10.1006/pmed.2002.1079

6. McLaren L., Hardy R., Kuh D. Women's body satisfaction at midlife and lifetime body size: A prospective study. *Health Psychology*, vol. 22(4) (2003): 370–377. DOI: 10.1037/0278-6133.22.4.370

7. Millstein R. A., Carlson S. A., Fulton J. E., Galuska D. A., Zhang J., Blanck H. M., Ainsworth B. E. Relationships between body size satisfaction and weight control practices among US adults. Medscape *Journal of Medicine*, vol. 10(5) (2008): 119–124.

8. Kharlanova L. V. Sotsiokulturnye strategii reguliatsii reproduktivnogo telesnogo opyta zhenshhiny [Sociocultural strategies for regulating the reproductive bodily experience of women]. *Psihosomatika: telesnost' i kultura* [Psychosomatics: physicality and culture]. Ed. Nikolaeva V. V. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2009, 198–240.

9. Rumsey N., Harcourt D. *Psikhologiia vneshnosti* [The psychology of appearance]. Saint-Petersburg: Piter, 2009, 256.

10. Johnson F., Wardle J. Dietary restraint, body dissatisfaction, and psychological distress: A prospective analysis. *Journal of Abnormal Psychology*, vol. 114(1) (2005): 119–125. DOI: 10.1037/0021-843X.114.1.119

11. Wood-Barcalow N. L., Tylka T. L., Augustus-Horvath C. L. «But I like my body»: Positive body image characteristics and a holistic model for young-adult women. *Body Image*, 7, Iss. 2 (2010): 106–116. DOI: 10.1016/j.bodyim.2010.01.001

12. Herbozo S. *The development and validation of the Verbal Commentary on Physical Appearance Scale*. Graduate Theses and Dissertations. Tampa, 2004. Available at: http://scholarcommons.usf.edu/etd/1077 (accessed 07.06.2018).

13. Morozova I. S., Belogai K. N. *Psikhologiia telesnosti: problemy stanovleniia, napravleniia issledovanii, tekhnologii psikhologicheskoi pomoshchi* [Psychology of corporeality: problems of formation, directions of research, technology of psychological help]. Kemerovo: KemGU, 2018, 204.

14. Cooper P. J., Taylor M. J., Cooper Z. Fairburn C. G. The development and validation of the Body Shape Questionnaire. *International Journal of Eating Disorders*, vol. 6(4) (1986): 485–494.

15. Belugina E. V. *Otnoshenie k svoemu vneshnemu obliku v period serediny zhizni*. Diss. kand. psikhol. nauk [Attitude to appearance at midlife. Cand. Psychol. Sci. Diss.]. Rostov-on-Don, 2003, 199.

16. Tiggemann M. Body image across the adult life span: Stability and change. *Body Image*, 1, Iss. 1 (2004): 29–41. DOI: https://doi.org/10.1016/S1740-1445(03)00002-0

УДК 159.923

СУБЪЕКТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРА СИБИРИ С ОТСУТСТВИЕМ И НАЛИЧИЕМ ПРОБЛЕМЫ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ*

Татьяна Г. Бохан [a, ID1]***; Эдуард В. Галажинский*** [a]***; Анна Л. Ульянич*** [a, @, ID2]***; Ольга В. Терехина*** [a, ID3]***; Ксения А. Боженкова*** [a, ID4]

[a] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36*
[@] *FiALe@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0003-1454-3869*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0003-3154-3756*
[ID3] *https://orcid.org/0000-0003-0964-9175*
[ID4] *https://orcid.org/0000-0003-4193-1613*

Поступила в редакцию 18.10.2018. Принята к печати 03.12.2018.

Ключевые слова: субъективное качество жизни, личностный потенциал, личностный ресурс, молодежь Сибири, алкогольная зависимость

Аннотация: Статья посвящена выявлению индивидуально-специфичных закономерностей личностного потенциала у представителей сельской молодежи Севера Сибири с отсутствием и наличием проблемы алкогольной зависимости. Методы исследования: опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой, тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой, опросник рефлексии Д. А. Леонтьева, шкала удовлетворенности жизнью E. Diener, опросник удовлетворенности качеством жизни M. Ritsner, шкала базисных убеждений R. Janoff-Bulman, шкала самодетерминации B. Scheldon в модификации Е. Н. Осина. В результате установлены общие тенденции в структуре личностного потенциала представителей сельской молодежи Севера Сибири. Выделены типы деформаций личностного потенциала у лиц молодого возраста с формированием синдрома алкогольной зависимости. Выявление ресурсов и дефицитов личностного потенциала позволит определить мишени психологической коррекции, выбор психотерапевтических и психокоррекционных методов при оказании специализированной медико-психологической помощи в профилактике, терапии и реабилитации лиц молодого возраста с проблемами алкогольной аддикции.

Для цитирования: Бохан Т. Г., Галажинский Э. В., Ульянич А. Л., Терехина О. В., Боженкова К. А. Субъективное качество жизни в структуре личностного потенциала у представителей молодежи Севера Сибири с отсутствием и наличием проблемы алкогольной зависимости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 125–133. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-125-133

Введение

В настоящее время аддиктивное поведение молодежи является одной из острых социальных проблем России [1–3]. Во многих субъектах Российской Федерации отмечается, что именно в сельской местности возрастает число больных алкоголизмом [4; 5]. Молодежь является той возрастной категорией, которая, с одной стороны, более уязвима к формированию алкогольного поведения, с другой – более сензитивна к психопрофилактическому и психокоррекционному воздействию в плане образования тех личностных ресурсов, которые препятствуют алкоголизации.

В качестве такого личностного ресурса может быть рассмотрен личностный потенциал как результат возрастного развития, который, по мнению Д. А. Леонтьева, необходимо понимать как системную организацию личностных особенностей, образующих «стержень личности» и отражающих уровень личностной зрелости [6]. Личностный потенциал как целое представляет собой неспецифическую систему устойчивых, но поддающихся целенаправленному развитию и изменению, индивидуально-психологических характеристик, связанную с успешностью деятельности в ситуации неопределенности, достижения и давления, и релевантную задачам выбора и осуществления деятельности в изменяющихся условиях [6; 7]. В возрасте молодости, когда собственная активность человека начинает определять

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 18-18-00480 «Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни».

его сознание, менять формы его бытия, обращение к проблеме личностного потенциала, обусловливающего не только возможности саморегуляции, но и самореализации как проявления процесса саморазвития человека, позволит определить личностные условия устойчивости жизни молодежи в меняющемся мире [8–11].

Особую актуальность в депривированных условиях жизнедеятельности (условия Севера, удаленная сельская местность, ограниченные возможности получения специализированной медицинской помощи, образования, культурного досуга, выбора профессиональной реализации и т. д.) вызывает субъективное качество жизни во взаимосвязи с компонентами личностного потенциала [12; 13]. Субъективное качество жизни, представленное субъективным удовлетворением человека собой и миром, эмоциональным статусом и самочувствием [14; 15], является важным компонентом результирующих переменных личностного потенциала [6]. Как отмечает А. А. Кулик, в условиях снижения качества жизни, неудовлетворенности средой проживания, переживания отсутствия условий для самореализации возрастает значение субъективного критерия [13]. Дефицит личностных ресурсов может блокировать процесс самореализации, в результате чего возрастает неудовлетворенность качеством собственной жизни, что, в свою очередь, может приводить к негативным социальным последствиям [8; 11; 16; 17]. Мы предполагаем, что уязвимость к формированию аддиктивного поведения связана с дефицитами личностного потенциала, определяющими трудности саморегуляции [7] и блокирующими процесс самореализации при выходе молодежи в режим самостояния, в результате чего формируется неудовлетворенность собой и жизнью, то эмоциональное напряжение, которое может находить выход в аддиктивных реализациях [18; 19].

Учитывая, что взаимодействие различных компонентов и подсистем личностного потенциала, согласно мнению Д. А. Леонтьева и др., носит более сложный характер, чем их механическое суммирование [20], нами была определена основная цель исследования – выявить индивидуально-специфичные закономерности личностного потенциала у представителей сельской молодежи Севера Сибири с отсутствием и наличием проблемы алкогольной зависимости. В результате предполагалось получить новые данные об общих закономерностях состояния личностного потенциала как фактора, указывающего на степень личностной готовности к совладанию с жизненными задачами в процессе саморазвития у представителей сельской молодежи, а также о дефицитах и деформациях структуры личностного потенциала при формировании синдрома алкогольной зависимости.

Составляющие личностного потенциала [6; 20] в данном исследовании представлены компонентами результирующих переменных личностного потенциала – субъективным качеством жизни, общей оценкой счастья, представлениями о возможности самореализации в условиях села, базисными убеждениями; компонентами ресурсов саморегуляции – самодетерминацией, жизнестойкостью, рефлексивностью; компонентом инструментальных ресурсов – самоорганизацией деятельности.

Методы исследования

Использованы следующие методики: опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой [21], тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой [22], опросник рефлексии Д. А. Леонтьева [23], шкала удовлетворенности жизнью E. Diener [цит. по: 24], опросник удовлетворенности качеством жизни M. Ritsner [цит. по: 25], шкала базисных убеждений R. Janoff-Bulman [цит. по: 6], шкала самодетерминации B. Scheldon в модификации Е. Н. Осина [цит. по: 6]. Для определения индивидуально-специфичных закономерностей личностного потенциала у респондентов в «норме» и при формировании синдрома алкогольной зависимости использован кластерный анализ с последующим сравнением кластерных групп по компонентам личностного потенциала.

В исследовании приняли участие 140 человек в возрасте от 20 до 35 лет, из которых 90 человек – представители мужского пола, 50 человек – женского пола, проживающие в сельском муниципальном образовании Томской области Севера Сибири РФ. Из них 70 человек – лица, находящиеся на лечении в связи с выявленным синдромом зависимости от алкоголя (экспериментальная группа) и 70 человек с отсутствием синдрома алкогольной зависимости (контрольная группа, условно – «норма»).

Результаты исследования

Выявление индивидуально-специфичных закономерностей личностного потенциала в группах сельской молодежи в общем и в группе респондентов с синдромом алкогольной зависимости осуществлялось с помощью метода кластерного анализа. Для проведения кластерного анализа были использованы агломеративный и дивизивный методы кластеризации.

Агломеративная кластеризация дает возможность предположить, что наиболее информативным для выполнения задач исследования будет являться более подробное изучение и интерпретация двух и четырех кластеров. Дивизивная кластеризация методом K-means Clustering (кластеризация k-средними) позволила разбить эмпирические данные на два кластера, которые имеют значимые различия по всем изучаемым переменным личностного

потенциала, за исключением шкал *планирование* и *цель* опросника самоорганизации, шкалы *системная рефлексия* и шкал *справедливость мира, контролируемость мира*, *случайность как принцип распределения происходящих событий*, *степень самоконтроля* опросника базисных убеждений. Респонденты экспериментальной группы доминирующим количеством составили Кластер 2, респонденты контрольной группы распределились в Кластер 1. Исключение составили пять человек группы «норма», которые попали в Кластер 2, и семь человек экспериментальной группы, которые оказались в Кластере 1 (рис. 1).

При этих общих тенденциях в общей выборке молодежи значимые различия между переменными

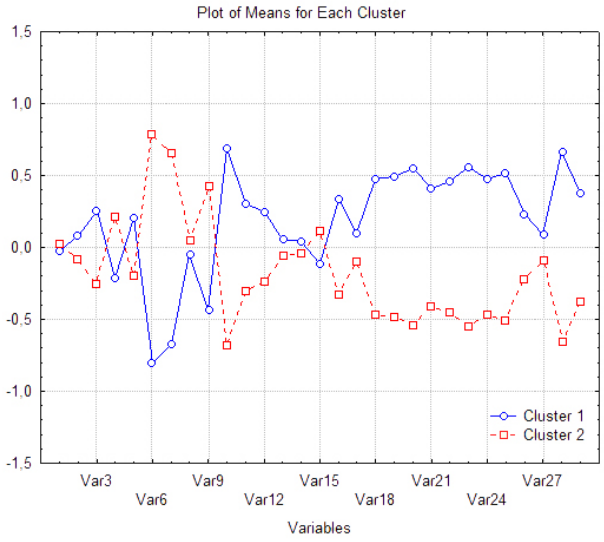


Рис. 1. Результаты кластерного анализа первого этапа исследования
Fig. 1. The results of cluster analysis at the first stage of the study

Кластера 1 и Кластера 2 на уровне p=0,05 свидетельствуют, что на результирующем уровне личностного потенциала у респондентов Кластера 1 выше оценка качества жизни, удовлетворенность возможностями самореализации, они более открыты по отношению к окружающему миру и людям, у них выше ценность собственного «Я» и уверенность в своих возможностях и удачах. Значимые различия в ресурсах саморегуляции проявляются в том, что возможности самодетерминации более выражены также у респондентов Кластера 1. Респонденты Кластера 1 в своих рефлексивных возможностях менее склонны к сосредоточенности на собственном состоянии, собственных переживаниях, а больше – к квазирефлексии, направленной на объект, не имеющей отношения к актуальной жизненной ситуации. Респонденты Кластера 1 способны активнее проявлять волевые усилия, более гибкие, в том числе и в своем психологическом времени, способнее к поиску различных средств для достижения целей.

Для понимания индивидуально-специфичных закономерностей личностного потенциала при формировании алкогольной зависимости мы обратились к результатам кластерного анализа, который разделил выборку респондентов на четыре группы. Такое обращение было оправдано тем, что три кластера из четырех были представлены доминирующим большинством респондентов экспериментальной группы. Кластер 1 представляют 27 респондентов: из них 25 респондентов экспериментальной группы, Кластер 3 включает 28 респондентов, из которых 26 респондентов экспериментальной группы, Кластер 4 состоит из 22 респондентов, из которых 19 человек – представители экспериментальной группы. В Кластер 2 вошли 60 респондентов контрольной группы. Выделенное количество кластеров среди респондентов с формированием алкогольной зависимости указывает на индивидуально-специфические, типологические особенности ресурсов личностного потенциала для данной выборки респондентов.

С помощью критерия Краскела-Уоллиса не обнаружено значимых различий между кластерами по показателям шкал *справедливость мира, контролируемость мира, случайность как принцип распределения происходящих событий, степень самоконтроля* опросника базисных убеждений, системной рефлексии, что соответствует представленным выше результатам сравнения двух основных кластерных групп и указывает на общие тенденции в характеристиках личностного потенциала представителей сельской молодежи.

Анализ значимых различий по остальным исследуемым переменным личностного потенциала позволил получить следующие результаты (рис. 2).

На результирующем уровне личностного потенциала между кластерными группами выявлены значимые различия (p=0,000) по показателям качества

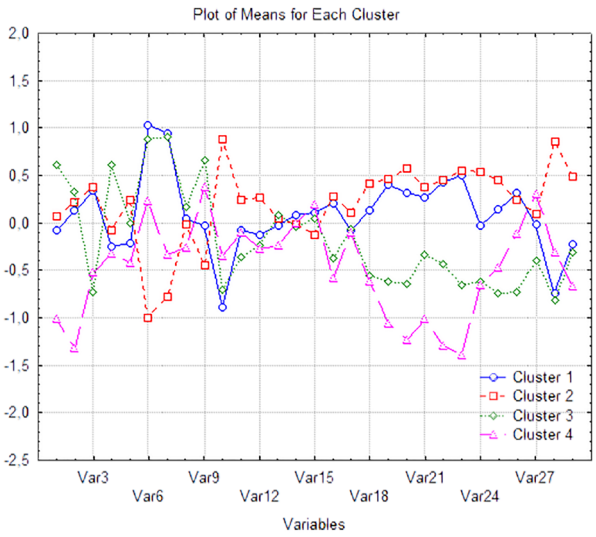


Рис. 2. Результаты кластерного анализа второго этапа исследования
Fig. 2. The results of cluster analysis at the second stage of the study

жизни, удовлетворенности жизнью (p=0,000) и удовлетворенности самореализацией (p=0,000) – более высокие показатели данных характеристик у респондентов Кластера 2, далее по выраженности идут показатели Кластера 1, Кластера 3 и Кластера 4. Менее удовлетворенными качеством своей жизни оказались респонденты Кластера 4. Также значимые различия между группами отмечаются по базисным убеждениям. В своих базисных убеждениях респонденты Кластера 2 более позитивно относятся к миру (p=0,057), людям (p=0,053), к себе (p=0,001), по сравнению с другими группами. У респондентов Кластера 3 самый низкий показатель убеждения в справедливости мира. Более низкие показатели базисного убеждения в доброте людей в Кластерах 3 и 4. Показатель ценности собственного *Я* самый низкий в Кластере 4.

На уровне ресурсов саморегуляции установлены значимые различия (p=0,000) между кластерными группами по выраженности особенностей рефлексии. Сосредоточенность на своем состоянии и переживаниях в большей степени характерна в процессах рефлексии у респондентов Кластера 3, менее они выражены у респондентов Кластера 4, Кластера 1 и самый низкий показатель в Кластере 2. Эти данные подтверждают результаты, выявленные в отношении рефлексии при анализе двух основных кластеров – респондентам группы «норма» в меньшей степени по сравнению с другими свойственны сосредоточенность на своих состояниях, самокопание. Значимые (p=0,000) различия установлены в показателях самодетерминации – аутентичности, способности к самовыражению и самостоятельному выбору. Более выражены они в Кластере 2. Показатель аутентичности снижается в Кластере 1, еще менее выражен в Кластере 3 и самый низкий показатель самодетерминации отмечается в Кластере 4.

В отношении различий в инструментальных ресурсах личностного потенциала в кластерных группах получены следующие результаты – показатели самоорганизации между респондентами кластерных групп значимо различаются у шкал *планирование* (p=0,000), *цель* (p=0,000), *настойчивость* (p=0,000), *время* (p=0,000), *фиксация (ригидность*) (p=0,001), *самоорганизация* (p=0,046), что ранее не было выявлено в анализе двух основных кластеров. В этом случае мы можем предположительно считать ресурсы самоорганизации деятельности индивидуально-специфическим показателем, дефициты которого дифференцируют группы респондентов «норма» и с проблемой алкогольной зависимости. Так, респонденты Кластера 3 оказались более устремленными строить планы, планировать цели, далее по степени выраженности таких способностей стоят респонденты Кластера 2, Кластера 1, Кластера 4. То есть у респондентов Кластера 4 самые низкие способности к планированию и стремление к постановке и реализации целей. Волевые качества, настойчивость представлены в Кластере 3 самым низким показателем по сравнению с другими. Наиболее высокий уровень волевых качеств выявлен у респондентов Кластера 2, далее по степени снижения этого показателя представлен Кластер 1 и Кластер 4. Показатель ригидности выше также в Кластере 3, он снижается в Кластере 2, еще белее низкий – в Кластере 1, самый низкий показатель ригидности в Кластере 4. Более лабильными оказались респонденты Кластера 4. Общая способность к самоорганизации выше в Кластере 2. В отношении психологического времени значимые различия в группах свидетельствуют, что респонденты Кластера 1 в большей мере фиксированы на настоящем, в то время как респонденты Кластера 2 оказались менее «связанными» в своей временной трансспективе.

Обсуждение результатов

Согласно данным описательной статистики и сравнительного анализа, можно отметить, что общими тенденциями для большинства представителей сельской молодежи является вера в справедливость мира, в то, что события происходят не случайно, а закономерно, в возможности самоконтроля над происходящими событиями. При этом ресурсы саморегуляции и инструментальные ресурсы личностного потенциала у представителей сельской молодежи Севера Сибири характеризуются недостаточно развитыми навыками планирования, предпочтением не задумываться о своём будущем, несамостоятельным и ситуативным выдвижением своих целей, что свидетельствует о дефицитах целеполагания, низком уровне притязаний, низкой осмысленности собственной жизни. Способность к системной рефлексии, связанной с самодистанцированием и взглядом на себя со стороны, позволяющей охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта, у многих из них является дефицитарной.

Кластерный анализ позволил выявить группы респондентов, схожих по индивидуально-специфическим показателям характеристик личностного потенциала, что позволяет, на наш взгляд, определить типы дефицитов личностного потенциала, представляющие риски формирования трудностей саморегуляции и самореализации у представителей сельской молодежи, в том числе и при проблеме формирования алкогольной зависимости.

Особенности личностного потенциала доминирующего большинства представителей сельской молодежи с отсутствием проблемы алкогольной зависимости свидетельствуют, что они значимо более удовлетворены своей жизнью и возможностями самореализации. Они позитивно настроены по отношению к миру, людям, уверены в себе, способны. Их способность быть аутентичными, свободно выражать себя

и осуществлять собственный выбор представляет важный ресурс в обеспечении процессов саморегуляции. В то же время выявленные у данных представителей сельской молодежи дефицит системной рефлексии и чрезмерная опора на квазирефлексию могут «уводить» молодых людей от решения задач актуальной реальности в иллюзорность мира, что снижает их ресурсы саморегуляции. Несмотря на то, что они выражают готовность к волевым усилиям, их динамическая составляющая, представленная целями и планированием своего будущего, свидетельствует о низком уровне притязаний, дефицитах жизненных стремлений, низкой осмысленности собственной жизни.

Три другие кластерные группы представлены респондентами с проблемой алкогольной зависимости. Анализ полученных значимых переменных трех кластеров позволяет сделать предположение о существовании трех типов дефицитов и деформаций личностного потенциала при формировании алкогольной зависимости у представителей сельской молодежи. Можно предположить, что эти типы могут существовать изолированно, как результат личностного развития в онтогенезе, так и отражать динамику формирования алкогольной зависимости, связанную с деформацией личностного потенциала.

Личностный потенциал респондентов Кластера 1 представлен следующими отличиями: снижением, по сравнению с группой «норма», оценки качества жизни, уровня удовлетворенности жизнью, веры в благосклонность мира и доброту людей, ценности собственного *Я*. При этом у большинства из респондентов отмечается дефицит уверенности в возможности самоконтроля над событиями собственной жизни. Снижение ресурсов саморегуляции проявляется в противоречии – при более выраженных, по сравнению с другими группами респондентов с проблемами алкогольной зависимости, возможностях самодетерминации (быть аутентичным, свободно выражать себя и осуществлять собственный выбор), у них отмечается низкий уровень рефлексивных способностей, что, вероятно, и обусловливает низкую осмысленность собственной жизни, что проявляется в склонности *плыть по течению*, жить *здесь и сейчас*, не задумываясь о своем будущем, о своих целях и средствах их реализации. Они не столь обязательны в завершении начатого, легко перестраиваются на новую деятельность, что подтверждает дефицит целеустремленности, ориентации на достижения, результат.

Система структурных компонентов личностного потенциала респондентов Кластера 3 характеризуется более низкой, по сравнению с респондентами Кластера 1, оценкой качества жизни и удовлетворенностью жизнью в целом, переживанием ограничения самореализации в условиях проживания в сельской местности. Они менее, по сравнению с респондентами Кластера 1, верят в доброту людей, в ценность собственного *Я* и в свою удачу. Также им свойственна неуверенность в возможности самоконтроля жизни. При этом большинство респондентов данной группы испытывают самую высокую, по сравнению с другими респондентами с синдромом алкогольной зависимости, степень недоверия окружающему миру, депрессивный взгляд на мир. Трудности саморегуляции могут быть связаны с дефицитом способности осуществлять собственный выбор, чрезмерной концентрацией на своих состояниях и переживаниях при сниженных способностях к системной рефлексии. Их процессы самоорганизации характеризуются несогласованностью: с одной стороны – стремление к планированию, определению целей, с другой – низкая волевая активность и высокая ригидность, которые препятствуют активному поиску различных средств для реализации целей.

Большинство респондентов Кластера 4 имеют самые низкие среди респондентов с синдромом алкогольной зависимости показатели качества жизни и удовлетворенности жизнью, при этом возможности их самореализации не являются предметом их переживаний (в среднем удовлетворяют их), что может свидетельствовать о низком уровне целеполагания и осмысленности жизни. Они более недоверчиво относятся к людям, имеют самую низкую среди респондентов всех групп самооценку, больше всех испытывают неуверенность в себе, более склонны чувствовать себя неудачниками. Трудности саморегуляции проявляются в неспособности быть аутентичным, свободно выражать себя, делать собственный выбор; при дефиците системной рефлексии они более склонны к квазирефлексии, направленной на объекты, не имеющие отношения к актуальной жизненной ситуации, и концентрации на своих переживаниях и состояниях. Самые низкие показатели ресурсов самоорганизации, свидетельствующие об их тотальном дефиците, отмечаются среди респондентов с синдромом алкогольной зависимости. Они не задумываются о своём будущем, цели выдвигают ситуативно и несамостоятельно, не проявляют особых жизненных стремлений, не способны преодолевать препятствия при столкновении с трудностями, не обязательны в завершении начатого, ограничены в активности по поиску и осуществлению средств для реализации целей. Таким образом, в Кластере 4 выявлены дефициты ресурсов личностного потенциала во всех компонентах структурных уровней.

Заключение

На основании описанных выше особенностей каждого кластера можно говорить об общих тенденциях в структуре личностного потенциала представителей сельской молодежи Севера Сибири, а также о трех специфических типах организации личностного потенциала при формировании

алкогольной зависимости в молодом возрасте, в основе которых – доминирование определенных дефицитов и деформаций личностного потенциала, затрудняющих процесс самореализации. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. На основании описанных выше особенностей каждого кластера можно говорить об общих тенденциях в структуре личностного потенциала представителей сельской молодежи Севера Сибири, а также о трех специфических типах организации личностного потенциала при формировании алкогольной зависимости в молодом возрасте, в основе которых – доминирование определенных дефицитов компонентов структурных уровней личностного потенциала, затрудняющих процессы саморегуляции и самореализации.

2. Выделенные типы деформаций личностного потенциала у лиц молодого возраста с формированием синдрома алкогольной зависимости позволяют сделать предположение о возможной динамики деформаций структуры личностного потенциала, связанной с увеличением количества дефицитов компонентов всех структурных уровней личностного потенциала, в процессе формировании синдрома алкогольной зависимости у представителей молодежи, проживающих в отдаленных районах Севера Сибири.

3. Выявление ресурсов и дефицитов личностного потенциала позволит определить мишени психологической коррекции, выбор психотерапевтических и психокоррекционных методов при оказании специализированной медико-психологической помощи в профилактике, терапии и реабилитации лиц молодого возраста с проблемами алкогольной аддикции.

Литература

1. Гришко И. В. Взаимосвязь аддиктивного поведения и здоровья молодежи в современной России: автореф. дис. … канд. социол. наук. Краснодар, 2006. 26 с.

2. Лилюхин А. М. Аддиктивное поведение российской молодежи: условия формирования, особенности стратегии и практик: автореф. дис. … канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2016. 30 с.

3. Бохан Н. А., Воеводин И. В., Лукьянова Н. А., Пушкаренко А. Б. Аддиктивные и тревожно-депрессивные расстройства у студентов Томской области: динамика, половозрастной и миграционный аспекты // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2017. № 3. С. 38–45.

4. Злотникова Т. С., Летина Н. Н., Гапонова Ж. К. Молодежь в современной российской провинции: социокультурная рефлексия // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1. С. 115–132.

5. Бохан Н. А., Мандель А. И., Кузнецов В. Н. Алкогольная смертность в отдаленных сельских районах Западной Сибири // Наркология. 2011. № 9. С. 43–47.

6. Личностный потенциал: структура и диагностика / под науч. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 675 с.

7. Леонтьев Д. А. Саморегуляция и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.

8. Бохан Т. Г., Кузнецов В. Н., Берлизова Т. Б., Галажинская О. Н., Немцев А. В. Дефициты личностного потенциала у сельской молодежи с проявлениями алкогольной зависимости // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 52–62.

9. Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский гос. ун-т, 2005. 174 с.

10. Зинченко Ю. П., Первичко Е. И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л. С. Выготского-А. Р. Лурия // Национальный психологический журнал. 2012. № 2. С. 32–45.

11. Бохан Т. Г., Пешковская А. Г. Трудности самореализации в субъективной картине жизненного пути больных алкоголизмом // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 2. С. 34–40.

12. Бохан Н. А., Мандель А. И., Кузнецов В. Н., Рахмазова Л. Д., Аксенов М. М., Перчаткина О. Э., Репецкий Д. Н. Алкоголизм и факторы суицидальности среди коренного населения районов, приравненных к Крайнему Северу // Суицидология. 2017. Т. 8. № 1. С. 68–76.

13. Неяскина Ю. Ю., Кулик А. А., Сурикова Я. А., Ширяева О. С. Специфика качества жизни в контексте экстремальных климатогеографических и особых социокультурных условий жизнедеятельности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 85–93.

14. Sheldon K. M., Hoon T. H. The multiple determination of well-being: independent effects of positive traits, needs, goals, selves, social supports, and cultural context // Journal of Happiness Studies. 2007. Vol. 8. Iss. 4. P. 565–592.

15. Рябова М. Г. Смыслообразование в структуре саморегуляции личности с психологической зависимостью в юношеском возрасте: автореф. дис. … канд. психол. наук. Тамбов, 2010. 22 с.

16. Снегирева Т. В. Психологические факторы деформаций готовности личности к самореализации в исследованиях отечественных психологов // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3. С. 61–68.

17. Bokhan N. A., Ovchinnikov A. A. Dissociative model of addictions formation. Saint-Louis, MO, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2014. 324 p.

18. Бохан Н. А., Мандель А. И., Иванова С. А., Прокопьева В. Д., Артемьев И. А., Невидимова Т. И., Мастерова Е. И., Воеводин И. В., Аболонин А. Ф., Шушпанова Т. В. Старые и новые проблемы наркологии в контексте междисциплинарных исследований // Вопросы наркологии. 2017. № 1. С. 26–62.

19. Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю., Осин Е. Н., Плотникова А. В., Рассказова Е. И. Опыт структурной диагностики личностного потенциала // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 8–31.

20. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.

21. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД). Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.

22. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.

23. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия: материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2008. Режим доступа: https://publications.hse.ru/chapters/78753840 (дата обращения: 12.10.2018).

24. Рассказова Е. И. Методика оценки качества жизни удовлетворенности: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 81–90.

25. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140.

SUBJECTIVE QUALITY OF LIFE IN THE STRUCTURE OF PERSONAL POTENTIAL AMONG THE NORTH-SIBERIAN YOUTH WITH AND WITHOUT ALCOHOL DEPENDENCE*

Tatiana G. Bokhan [a, ID1]***; Edward V. Galazhinsky*** [a]***; Anna L. Ulyanich*** [a, @, ID2]***; Olga V. Terekhina*** [a, ID3]***; Ksenia A. Bozhenkova*** [a, ID4]

[a] *Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050*
[@] *FiALe@yandex.ru*
[ID1] *https://orcid.org/ 0000-0003-1454-3869*
[ID2] *https://orcid.org/ 0000-0003-3154-3756*
[ID3] *https://orcid.org/ 0000-0003-0964-9175*
[ID4] *https://orcid.org/ 0000-0003-4193-1613*

Received 18.10.2018. Accepted 03.12.2018.

Keywords: subjective quality of life, personal potential, personal resource, youth of Siberia, alcohol dependence

Abstract: The paper features the identification of individual-specific patterns of personal potential among the rural youth of the North of Siberia with and without alcohol dependence. The research methods included E. Y. Mandrikova's questionnaire "Self-activity", S. Maddi's test in resilience (adapted by D. A. Leontiev and E. I. Rasskazova), D. A. Leontiev's questionnaire "Reflection", E. Diener scale of subjective well-being, M.Ritsner's questionnaire of quality of life satisfaction, R. Janoff-Bulman's scale of basic beliefs, and B. Scheldon's scale of self-determination. The research revealed some general trends in the structure of personal potential among the rural youth of the North of Siberia. It also made it possible to establish the types of deformations of personal potential among the young people with alcohol dependence syndrome. The resources and personal potential deficiencies identified by the present research may help to determine the targets of psychological correction, as well as to choose psychotherapeutic and psychocorrectional methods in the provision of specialized medical and psychological assistance in the prevention, therapy, and rehabilitation of young people with alcohol addiction.

* The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation, project No 18-18-00480 "Subjective indicators and psychological predictors of quality of life".

For citation: Bokhan T. G., Galazhinsky E. V., Ulyanich A. L., Terekhina O. V., Bozhenkova K. A. Sub"ektivnoe kachestvo zhizni v strukture lichnostnogo potentsiala u predstavitelei molodezhi Severa Sibiri s otsutstviem i nalichiem problemy alkogol′noi zavisimosti [Subjective Quality of Life in the Structure of Personal Potential among the North-Siberian Youth with and without Alcohol Dependence]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 125–133. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-125-133

References

1. Grishko I. V. *Vzaimosviaz′ addiktivnogo povedeniia i zdorov'ia molodezhi v sovremennoi Rossii*. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk [Correlation of addictive behavior and health of young people in modern Russia. Cand. Sociol. Sci. Diss. Abstr.]. Krasnodar, 2006, 26.

2. Liliukhin A. M. *Addiktivnoe povedenie rossiiskoi molodezhi: usloviia formirovaniia, osobennosti strategii i praktik*. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk [Addictive behavior of the Russian youth: conditions of formation, features of strategy and practices. Cand. Sociol. Sci. Diss. Abstr.]. Rostov-on-Don, 2016, 30.

3. Bokhan N. A., Voevodin I. V., Lukiyanova N. A., Pushkarenko A. B. Addiktivnye i trevozhno-depressivnye rasstroistva u studentov Tomskoi oblasti: dinamika, polovozrastnoi i migratsionnyi aspekty [Addictive, anxiety, and depressive disorders among students of the Tomsk Region: dynamics, gender, age, and migration aspects]. *Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii = Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*, no. 3 (2017): 38–45.

4. Zlotnikova T. A., Letina N. N., Gaponova Zh. K. Molodezh′ v sovremennoi rossiiskoi provintsii: sotsio-kul′turnaia refleksiia [Youth in contemporary Russian provinces: socio-cultural reflection]. *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika = Sociological science and social practice,* no. 1 (2015): 115–132.

5. Bokhan N. A., Mandel′ A. I., Kuznetsov V. N. Alkogol′naia smertnost′ v otdalennykh sel′skikh raionakh Zapadnoi Sibiri [Alcohol mortality in remote rural districts of West Siberia]. *Narkologiia = Narcology*, no. 9 (2011): 43–48.

6. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Ed. Leontiev D. A. Moscow: Smysl, 2011, 675.

7. Leontiev D. A. Samoreguliatsiia i lichnostnyi potentsial [Autoregulation, resources, and personality potential]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian psychological journal,* no. 62 (2016): 18–37.

8. Bokhan T. G., Kuznetsov S. N., Berlizova T. B., Galazhinskaya O. N., Nemtzev A. V. Defitsity lichnostnogo potentsiala u sel′skoi molodezhi s proiavleniiami alkogol′noi zavisimosti [Deficiency of personal potential in rural youth with manifestations of alcohol dependence]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian psychological journal*, no. 50 (2013): 52–62.

9. Klochko V. E. *Samoorganizatsiia v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniia mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyi analiz)* [Self-organization in psychological systems: problems of formation of mental space of the personality (introduction to the transsperspective analysis)]. Tomsk: Tomskii gos. un-t, 2005, 174.

10. Zinchenko Iu. P., Pervichko E. I. Postneklassicheskaia metodologiia v klinicheskoi psikhologii: nauchnaia shkola L. S. Vygotskogo-A. R. Luriia [Postnonclassical methodology in clinical psychology: Vygotsky-Luria school]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal,* no. 2 (2012): 32–45.

11. Bokhan T. G., Peshkovskaia A. G. Trudnosti samorealizatsii v sub”ektivnoi kartine zhiznennogo puti bol′nykh alkogolizmom [Difficulties of self-realization in the subjective picture of the life path of patients with alcoholism]. *Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii = Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*, no. 2 (2011): 34–40.

12. Bokhan N. A., Mandel′ A. I., Kuznetsov V. N., Rakhmazova L. D., Aksenov M. M., Perchatkina O. E., Repetskii D. N. Alkogolizm i faktory suitsidal′nosti sredi korennogo naseleniia raionov, priravnennykh k Krainemu Severu [Alcoholism and suicide factors among indigenous population of the territories with the Far North status]. *Suitsidologiia = The Suicidology*, 8, no. 1 (2017): 68–76.

13. Neiaskina Iu. Iu., Kulik A. A., Surikova Ia. A., Shiriaeva O. S. Spetsifika kachestva zhizni v kontekste ekstremal′nykh klimatogeograficheskikh i osobykh sotsiokul′turnykh uslovii zhiznedeiatel′nosti [Specificity of the quality of life in the context of extreme climatogeographic and special socio-cultural conditions of life]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki = Vestnik KRAUNC. Humanitarian science*, no. 1 (2014): 85–93.

14. Sheldon K. M., Hoon T. H. The multiple determination of well-being: independent effects of positive traits, needs, goals, selves, social supports, and cultural context. *Journal of Happiness Studies*, vol. 8, Iss. 4 (2007): 565–592.

15. Riabova M. G. *Smysloobrazovanie v strukture samoreguliatsii lichnosti s psikhologicheskoi zavisimost'iu v iunosheskom vozraste*. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Sense formation in the structure of self-regulation of personality with psychological dependence in adolescence. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Tambov, 2010, 22.

16. Snegireva T. V. Psikhologicheskie faktory deformatsii gotovnosti lichnosti k samorealizatsii v issledovaniiakh otechestvennykh psikhologov [Psychological factors of deformations of readiness of the person to self-

realization in researches of domestic psychologists]. *Vestnik nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Vestnik Nizhnevartovsk State University*, no. 3 (2009): 61–68.

17. Bokhan N. A., Ovchinnikov A. A. *Dissociative model of addictions formation.* Saint-Louis, MO, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2014, 324.

18. Bokhan N. A., Mandel′ A. I., Ivanova S. A., Prokop′eva V. D., Artem′ev I. A., Nevidimova T. I., Masterova E. I., Voevodin I. V., Abolonin A. F., Shushpanova T. V. Starye i novye problemy narkologii v kontekste mezhdistsiplinarnykh issledovanii [Old and new problems of addiction in the context of interdisciplinary research]. *Voprosy narkologii = Journal of Addiction Problems*, no. 1 (2017): 26–62.

19. Leont′ev D. A., Mandrikova E. Iu., Osin E. N., Plotnikova A. V., Rasskazova E. I. Opyt strukturnoi diagnostiki lichnostnogo potentsiala [Experience of structural diagnostics of personal potential]. *Psikhologicheskaia diagnostika = Psychological diagnostics*, no. 1 (2007): 8–31.

20. Leontiev D. A., Osin E. N. Refleksiia "khoroshaia" i "durnaia": ot ob”iasnitel′noi modeli k differentsial′noi diagnostike [Reflection "good" and "bad ": from explanatory model to differential diagnosis]. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher school of Economics*, 11, no. 4 (2014): 110–135.

21. Mandrikova E. Iu. Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deiatel′nosti (OSD) [Development of a self-organization questionnaire]. Psikhologicheskaia diagnostika = Psychological diagnostics, no. 2 (2010): 87–111.

22. Leontiev D. A., Rasskazova E. I. *Test-zhiznestoikosti* [Test Hardiness]. Moscow: Smysl, 2006, 63.

23. Osin E. N., Leontiev D. A. *Aprobatsiia russkoiazychnukh versii dvukh shkal ekspress-otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiia: materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Approbation of Russian versions of two scales of express assessment of subjective well-being: Proc. III all-Russian Sociol. Congress]. Moscow: Izd-vo Instituta psihologii RAN, 2008. Available at: https://publications.hse.ru/chapters/78753840 (accessed 12.10.2018).

24. Rasskazova E. I. Metodika otsenki kachestva zhizni udovletvorennosti: psikhometricheskie kharakteristiki russkoiazychnoi versii [Evaluation of quality of life enjoyment and satisfaction: psychometric properties of a Russian-language measure]. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher school of Economics*, 9, no. 4 (2012): 81–90.

25. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identichnost′ kak dinamicheskaia ierarkhicheskaia sistema: sotsial′nyi i kul′turnyi kontekst formirovaniia [Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 2 (2018): 131–140.

УДК 159.922.62; 159.9:35

ФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНВАРИАНТ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Альбина А. Бучек [a, ID1]***; Андрей В. Ермоленко*** [a, @, ID2]

[a] *Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85*
[@] *andrey.ermolenko.2014@mail.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-6689-7389*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0003-3632-6646*

Поступила в редакцию 27.10.2018. Принята к печати 05.12.2018.

Ключевые слова: когнитивные стили, управленческие умения, полезависимость, поленезависимость, широкий диапазон эквивалентности, узкий диапазон эквивалентности, импульсивность

Аннотация: В статье приведены результаты исследования, направленного на построение модели акмеологических инвариант профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций. Приводится анализ основных концепций профессионализма в отечественной психологии, в частности профессионализма руководителей в сфере профессионального образования. Установлено, что профессионализм руководителей в сфере образования может рассматриваться с точки зрения компетентностного подхода. Анализируется понятие *когнитивный стиль* как индивидуальный способ обработки информации, рассматриваемый в качестве метакогнитивной способности. Проведено исследование акмеологических инвариант профессионализма, включающих личностные особенности, управленческие умения руководителей профессиональных образовательных организаций, мотивационную и ценностную сферы, когнитивные особенности обработки информации. Описываются факторы профессионализма, полученные в ходе реализации эксплораторного факторного анализа, результатом которого стало выделение четырех блоков акмеологических инвариант профессионализма, состоящих из профессиональных, личностных, ценностных и социальных компонентов. В заключение проводится анализ ведущих составляющих полученной модели. Отмечается ведущая роль обратной связи между руководителем и его коллегами, значимость социальной составляющей, выраженной в умении руководителя построить систему коммуникации с подчиненными, обусловленность данных факторов когнитивными стилями, которые непосредственно входят в структуру основных факторов модели.

Для цитирования: Бучек А. А., Ермоленко А. В. Факторная модель акмеологических инвариант профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 134–143. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-134-143

Введение

Личностно-профессиональное развитие как сложный и многоаспектный феномен стоит рассматривать через призму анализа различных взглядов и подходов ученых, изучавших проблемы развития личности профессионала в системе образования. В отечественной психологии основной моделью развития профессионала, на основе которой базируются остальные, можно считать модель развития человека как субъекта труда. Е. А. Климов понимает человека как систему, способную к осуществлению саморегуляции, важнейшими психическими регуляторами активности которой являются потребности, интересы, идеалы, идейные убеждения, другими словами, направленность личности [1–3].

Иной подход предлагают Т. В. Кудрявцев и его коллеги, где профессионализм рассматривается как целостный процесс формирования профессиональной и социальной зрелости. По мнению автора, профессиональное становление – не кратковременный акт, охватывающий лишь период обучения и воспитания в стенах одного из типов профессиональных учебных заведений. Он представляет собой длительный, динамичный, многоуровневый процесс, состоящий из четырех основных четко выраженных и логически последовательных стадий:

– *первая стадия* профессионального становления характеризуется возникновением профессиональных намерений и поступлением в профессиональное учебное заведение. Критерий этого

этапа – социально и психологически обоснованный выбор профессии;

– *вторая стадия* охватывает период профессионального обучения. Цель этой стадии – репродуктивное усвоение профессиональных знаний, навыков и умений. Психологический критерий этой стадии – профессиональное самоопределение;

– *третья стадия* – процесс вхождения в профессию и нахождение своего места в системе производственного коллектива. Критерием этой стадии являются достаточно высокие производственные показатели деятельности, определенный уровень развития профессионально важных качеств и психологический комфорт;

– *четвертую стадию* отличает всецелая личностная реализация в самостоятельном профессиональном труде, которая характеризуется как освоением в значительной степени операционной сферы профессиональной деятельности, так и творческим подходом к ее осуществлению, выработкой индивидуального стиля, иными словами конкретной системой отношений и качеств личности, в том числе неустанным устремлением к самосовершенствованию [4, с. 14].

Переход к каждой последующей стадии закладывается в ходе предыдущей и сопровождается возникновением у субъекта ряда противоречий и нередко даже кризисных ситуаций.

Попыткой обобщения понимания профессионализма как феномена является акмеологический подход, в котором развивается концепция личностно-профессионального развития, реализуемая в законах акмеологии: законе *личностно-профессионального развития* и законе *приращения личного потенциала в условиях профессиональной деятельности.* Следствием законов в рамках акмеологии является акмеологическая концепция развития профессионала, которая характеризуется наличием двух традиционных плоскостей представления данной системы: содержательной и структурно-процессуальной.

Содержательное развитие субъекта труда до уровня профессионала рассматривается А. А. Деркачом и Е. В. Селезнёвой, которые определяют его в контексте общего расширения субъектного пространства личности, ее профессионального и нравственного «обогащения», включающего повышение ответственности, чувства долга, совести и чести, отхода от неадекватных личностных установок и стандартов. Процессуальное же развитие субъекта труда до уровня профессионала следует рассматривать с системных позиций, а именно в связи с изменениями и развитием подсистем профессионализма личности и деятельности, нормативной регуляции, мотивации на саморазвитие и профессиональные достижения, рефлексивной самоорганизации и в плане раскрытия творческого потенциала личности [5, с. 28].

Раскрывая суть профессионализма, Э. Ф. Зеер в своей работе, посвященной профессиональному развитию человека, сопоставил различные трактовки понимания характеристик субъекта деятельности. Автор выделил в структуре профессионализма когнитивные функции, включающие:

– деятельностные знания – знания о предметных действиях, или процедурные знания;

– сенсомоторные и познавательные процессы (способности);

– оценивание, включающее в себя контроль и самоконтроль [6].

Личностно-профессиональное развитие как сложный и многоаспектный феномен стоит рассматривать через призму анализа различных взглядов и подходов ученых, изучавших проблемы развития личности профессионала в системе образования. Одним из значимых подходов к проблеме развития личности в системе образования является подход, предложенный А. Р. Фонаревым, который предлагает рассматривать личностно-профессиональное развитие руководителя образовательной организации в динамическом аспекте процесса его становления, сущность которого понимается с учетом психологической закономерности трансформации модусов работника [7]. При этом в своих работах автор указывает: «Нами выделено три модуса существования человека: обладания, социальных достижений и служения. Модус жизнедеятельности – это целостная характеристика взаимодействия человека с миром, представленная множеством взаимосвязанных друг с другом отношений, которые определяют, каким образом структурируется все бытие человека. Модус жизнедеятельности определяет не только отношение к различным явлениям бытия человека, но и функционирование различных его индивидуальных особенностей. Указанные модусы являются этапами становления личности в профессии, а в соответствии с законом трансформации развития какого-либо явления в структурные уровни его организации, они отражают также уровень профессионализма индивида» [7, с. 6].

Дальнейшее развитие взгляды А. Р. Фонарева получили в работах А. Н. Кузибецкого, который, основываясь на представлении об изменяющихся модусах *развивающегося* руководителя, предположил, что структурный и качественный аспекты развития необходимо понимать как восхождение профессионала к акмеологически значимым модусам, а именно: специалист, профессионал, мастер, модератор-консультант [8]. По мнению А. Н. Кузибецкого, помощь руководителям в развитии посредством специального обучения, содержащего профессиональные программы в области экономики и управления, предопределяет их личностно-профессиональное развитие и называется «культурно-компетентностной подготовкой» [9, с. 155].

Говоря отдельно об особенностях данного взгляда на развитие профессионализма в образовании, можно сказать, что культурно-компетентностная подготовка актуализирует адаптивную и развивающую стратегии личностно-профессионального развития руководителя образовательной организации. Суть подхода А. Н. Кузибецкого можно определить как восхождение руководителя к акмеологически значимым модусам, с достижением которых руководитель развивает соответствующие профессионально-личностные новообразования, такие как управленческая ориентировка, управленческая готовность, профессионально-управленческая компетентность, личностно-профессиональная компетентность, интегральная личностно-профессиональная компетентность [10].

Отмечается, что процесс личностно-профессионального развития руководителя характеризуется последовательностью, которая, по мнению А. Н. Кузибецкого, изоморфна полному циклу *культурного развития*, ключевым элементом которого является опосредствование как присвоение знакового средства и соответствующего ему рефлексивно обобщенного способа действия, его ориентировки. В частности, в работах П. Г. Нежнова, которые опираются на представление Л. С. Выготского о *культурном генезе, цикле культурного развития,* предполагается прохождение индивидуумом в процессе овладения культурным действием трех качественно различных уровней опосредствования:

− внешне-формальный уровень опосредствования подразумевает присвоение индивидуумом формы культурного образца в виде правил или алгоритмов действия в регламентированной ситуации;

− предметно-сущностный уровень характеризуется тем, что индивидуум уясняет сущностное отношение, лежащее в основе способа действия и задающее основание возможных преобразований в предметной области;

− проблемно-действенный уровень опосредствования предусматривает концептуальное видение способа в целом и обретение свободы в его использовании при решении проблем в различных ситуациях неопределенности.

В теоретической модели профессионального развития руководителя образовательной организации целью личностно-профессионального развития функционирующего руководителя и руководителя-специалиста является достижение первого и второго уровней опосредствования в становлении «культурной формы управленческого действия». В то время как для руководителя-профессионала и руководителя-мастера / модератора-консультанта это будет стремление совершенствовать второй и овладевать третьим уровнем опосредствования [11].

Исходя из данных представлений о специфике культурно-компетентностной подготовки в сфере личностно-профессионального развития, А. Н. Кузибецкий предложил модель личностно-профессионального развития руководителей образовательных организаций. Данная модель включает две формы направленности: компетенциарную и компетентностную. Компетенциарная направленность подразумевает освоение *культурной формы* управленческого действия, что, в нашем понимании, тождественно развитию управленческих умений и навыков, другими словами, данная направленность отражает ветвь личностно-профессионального развития руководителя как менеджера и служит критерием для оценки продвижения руководителя по модусам в профессиональной жизни. Компетентностная направленность личностно-профессионального развития выражает субъективные и личностные изменения руководителя образовательной организации, автором подразумевается, что при продвижении руководителя по модусам профессиональной жизни руководитель сможет *эксплицировать* полученные личностно-профессиональные образования, выраженные, по мнению автора, в различных компетенциях, таких как личностно-профессиональная, интегрально-личностная и профессионально-управленческая. Дальнейшее развитие компетентностный подход получил в работах Л. А. Ибрагимовой и А. С. Родикова, которые утверждают, что ведущая роль в структуре профессиональных компетенций руководителя образовательной организации принадлежит педагогической компетенции [12].

Такое понимание развития профессионализма руководителей образовательных организаций, на наш взгляд, сближает авторов с акмеологическим подходом, в рамках которого основной движущей силой личностно-профессионального развития являются личность и профессиональная деятельность человека. Это выражается в том, что содержательно личностно-профессиональное развитие представлено качественным скачком в развитии субъекта труда [10].

Процессуальное развитие субъекта труда до уровня профессионала согласно акмеологической концепции следует рассматривать с системных позиций, а именно в связи с изменениями и развитием подсистем профессионализма личности и деятельности, нормативной регуляции, мотивации на саморазвитие и профессиональные достижения, рефлексивной самоорганизации и раскрытия творческого потенциала личности [13].

Таким образом, модель личностно-профессионального развития А. Н. Кузибецкого позволяет дать четкую оценку уровня развития руководителя образовательной организации, изучить динамику становления руководителя как профессионала и личности. При этом наличие компетенциарной направленности позволяет отнести данное направление к компетентностному подходу. Компетентностный подход в образовании, помимо организации самого

образовательного процесса, обращен на подготовку и личностно-профессиональное развитие руководителей образовательных организаций. В русле данного подхода авторы предполагают наличие определенных ключевых компетенций в структуре профессионализма руководителей образовательных организаций. Стоит отметить, что содержательно список компетенций достаточно вариативен в различных авторских концепциях, однако в большинстве они имеют общие черты в описании необходимых компетенций руководителя [8; 10; 12; 14–20].

Отдельное место в системе представлений о специфике профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций занимает концепция С. П. Машовца, который в рамках своих работ предлагает новый взгляд на проблему профессионализма. Автор акцентирует внимание на том, что системы образовательных организаций являются сверхсложными гуманитарными системами, которые имеют ряд особенностей. Автор подчеркивает, что управление образовательными организациями – это ценностноличностное взаимодействие субъектов, направленное на совместное выявление проблем и актуализацию совместных духовно-нравственных усилий, ведущее к успешному развитию образовательного учреждения и саморазвитию ее членов [21].

Мы в своем исследовании ориентированы на то, чтобы устранить имеющийся в научно-методической литературе пробел, касающийся изучения влияния когнитивно-стилевого своеобразия поведения руководителей профессиональных образовательных учреждений на уровень их профессионализма с точки зрения акмеологического подхода.

Рассматривая конкретные элементы когнитивных функций субъекта деятельности, мы видим, что деятельностные знания представляют собой осведомленность субъекта о способах, приемах выполнения конкретной деятельности. В их основе лежат представления о предметах и явлениях, их преобразованиях, динамике, последовательности действий. Данный вид знаний обеспечивает профессиональный опыт специалиста. Формирование процедурных знаний возможно и в процессе организованного или стихийного обучения. Учитывая специфику когнитивных функций субъекта профессиональной деятельности, логично предположить, что как элемент профессионализма, содержащий познавательные способности, можно выделить стилистическую характеристику когнитивных функций субъекта профессиональной деятельности.

Как известно, когнитивные стили в отличие от способностей как сформированных психических механизмов, отвечающих за правильность (точность) и скорость процесса переработки информации, являются индикаторами сформированности психических механизмов, отвечающих за управление процессом переработки информации. Данный подход мы обнаруживаем в работах М. А. Холодной, которая считает, что когнитивные стили при таком понимании их психологического значения могут рассматриваться как метакогнитивные способности, проявление которых – в виде особенностей стилевого поведения – обусловливается особенностями организации ментального опыта субъекта [22].

Ориентируясь на данные подходы, нами было проведено исследование, направленное на изучение компетенциарной стороны профессионального развития (управленческие навыки), а также построение модели взаимосвязи данной стороны профессионального развития с личностными особенностями руководителей образовательных организаций.

Мы предположили, что значимую роль в структурной модели профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций занимают когнитивные стили, личностные особенности, управленческие умения и структура мотивационно-ценностной сферы руководителей.

Методы и материалы

С целью построения модели акмеологических инвариант профессионализма нами был использован комплекс диагностических методик: опросник К. Л. Вилсона «Цикл управленческих умений», диагностика мотивации достижения, опросник терминальных ценностей И. Г. Сенина, пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка», методика «Свободная сортировка», тест фигуры Готшальдта, методика «Сравнения похожих рисунков».

Исследование проводилось в 2017/2018 году на базе профессиональных образовательных организаций Белгородской и Воронежской области. В качестве респондентов выступали руководители профессиональных образовательных организаций. Всего в исследовании приняли участие 233 человека (средний возраст 38 лет).

В рамках исследования нами был проведен эксплораторный факторный анализ, направленный на построение модели профессионализма руководителей образовательных организаций. Был применен факторный анализ, алгоритм главных компонент, метод вращения варимакс Г. Кайзера. При определении числа факторов использовался критерий отсеивания Р. Кеттела (график каменистой осыпи). Предварительно были получены показатели, подтверждающие возможность применения факторного анализа. Для общей выборки руководителей: критерий Кайзера-Майера-Олкина – 0,76; критерий сферичности Бартлетта – $p<0,000$.

Результаты

Были выделены 4 основных фактора с общей кумулятивной дисперсией 60,8 %. Наглядно результаты факторного анализа представлены в таблице.

Таблица. Факторная структура личностно-профессиональных особенностей руководителей образовательных организаций
Table. Factor structure of personal and professional features of the heads of educational institutions

Наименование фактора	Процент дисперсии	Содержание фактора	Вес
Фактор 1. Компетентность менеджера	32,30 %	Обратная связь	0,834
		Планирование рабочего процесса	0,818
		Разъяснение целей и задач	0,796
		Создание команды	0,718
		Обеспечение необходимыми условиями	0,704
		Включенность в работу	0,683
		Взаимоотношение с подчиненными	0,638
		Компетенция менеджера	0,635
		Поощрение за хорошо выполненную работу	0,59
		Профессиональная компетентность подчиненных	0,586
		Ориентация на людей	0,573
		Делегирование полномочий	0,56
		Заинтересованность в должностном росте	0,509
		Развитие себя	0,456
		Собственный престиж	0,43
		Высокое материальное положение	0,42
		Достижения	0,464
		Профессиональная жизнь	0,442
		Количество ошибок в сравнении похожих рисунков	0,399
Фактор 2. Иерархия ценностей	12,40 %	Обучение и образование	0,804
		Семейная жизнь	0,775
		Собственная индивидуальность	0,75
		Увлечения	0,719
		Креативность	0,678
		Духовное удовлетворение	0,658
		Количество групп в стиле широкий / узкий диапазон эквивалентности	0,656
Фактор 3. Социальные навыки менеджера	8,60 %	Общественная жизнь	0,673
		Уровень напряженности	0,67
		Качество работы	0,546
		Сплоченность группы	0,51
		Эмоциональная устойчивость	0,491
		Мотивация успеха	0,473
		Коэффициент категоризации	0,466
		Активные социальные контакты	0,421
		Климат	0,402
		Отношение к людям	0,385
		Полезависимость / поленезависимость	0,326

Наименование фактора	Процент дисперсии	Содержание фактора	Вес
Фактор 4. Личностная компонента	7,30 %	Мотивация цели	-0,857
		I – экстраверсия / интроверсия	-0,667
		II – привязанность / обособленность	-0,598
		III – самоконтроль / импульсивность	-0,523
		IV – эмоциональная неустойчивость / эмоциональная устойчивость	*
		V – экспрессивность / практичность	-0,464
		Время сравнения похожих рисунков	-0,389

Прим.: IV фактор не вошел в модель, т. к. нагрузка составила 0,078.

Рассматривая полученную факторную структуру, можно увидеть, что переменные, составляющие основу первого фактора, содержат компоненты менеджерских умений, отраженных в цикле управления К. Л. Вилсона. Исходя из этого данный фактор можно наименовать как *компетентность менеджера.* В него входят основные функции менеджера, организация работы подчиненных, уровень знаний руководителя, стремление развивать себя и своих работников, также в данный фактор вошел показатель когнитивного стиля *импульсивность / рефлективность*, а именно количество ошибок, данный показатель характеризует точность, безошибочность при принятии решения во время обработки информации. На наш взгляд, данный показатель отражает специфику управленческой деятельности, просчет возможных вариантов и принятие верного решения, минимизацию ошибок. Данный фактор характеризуется ценностной составляющей, профессиональная жизнь как ценность руководителя связана с компетентностью менеджера, которая требует постоянного личностного роста, напряженного взаимодействия с подчиненными, что отражается на духовном удовлетворении личности, более того, несколько отягощает деятельность руководителя специфика организации, в рамках которой руководитель осуществляет руководство педагогическим коллективом и коллективом учащихся [18].

Основу второго фактора составляют ценности руководителей, в основе которых лежит обучение и образование, отражающее сущность менеджера, находится в постоянном развитии, т. к. система, которой управляет менеджер, постоянно изменяется, развиваясь под воздействием внешних и внутренних факторов, поэтому обучение и образование руководителя должны идти параллельно с развитием системы. Немаловажное место в структуре ценностей занимает ценность семейной жизни, что, на наш взгляд, отражает соотношение *работа / жизнь*. В современных системах управления персоналом и развития профессионализма весомую роль занимает сохранение баланса *работа / жизнь*, отражающего раздельность между профессиональной деятельностью и личной активностью профессионала. Подтверждает данный факт последующие ступени иерархии ценностей, выраженных в ценностях сохранения собственной индивидуальности, увлечений, креативности, духовного удовлетворения. В структуре данного фактора также находится показатель аналитичности мышления, характеризующий узкий диапазон эквивалентности, учитывая, что данный фактор находится среди компоненты из ценностной сферы руководителей, можно предположить, что данный тип обработки информации представляет собой одну из ценностей для руководителей. С другой стороны, обращая внимание на неоднозначность когнитивных стилей, появление данного показателя в ценностной компоненте может говорить о соотнесенности данного показателя с одной из ценностей.

Третья компонента, наименованная *Социальные навыки менеджера*, сосредоточила умения менеджера оказывать влияние и контролировать подчиненных как социальную группу – коллектив. Вполне закономерным в структуре данного фактора является наличие характеристики полезависимости / поленезависимости, данный стиль как проявление ориентации на окружающую среду (поле) или собственные ощущения олицетворяет сущность управления коллективом, при этом входит в структуру данной компоненты с отрицательным значением, что говорит о поленезависимости. Интересным обстоятельством является отнесенность к данному фактору показателя *коэффициент категоризации,* который характеризует содержательную составляющую диапазона эквивалентности. Можно предположить, что выделение категориальной составляющей в обрабатываемой информации распространяется на восприятие деятельности, что отражается на выделении в деятельности социальной категории.

Четвертый фактор составляют личностные особенности руководителей образовательных организаций, дополнительно в данный фактор вошли мотивация цели как умение реализовывать поставленные задачи, идти по четко поставленной линии и показатель импульсивности в переработке информации (отрицательный показатель), что говорит о рефлективном стиле. Что касается личностных особенностей, то они входят в данный фактор с отрицательным показателем.

Описанные результаты дают основания полагать, что модель профессионала – руководителя образовательной организации – состоит из четырех относительно независимых блоков. В структуре профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций данные блоки взаимодействуют. Полученная структура позволяет построить технологии для развития профессионализма начинающих руководителей образовательных организаций. Учитывая, что вопрос руководителей образовательных организаций разработан несколько хуже, чем проблема профессионализма директоров школ, можно говорить о некоторой относительности модели, требующей проверки на практике.

Заключение

Результаты исследования позволяют назвать основополагающие структуры профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций. Современные условия управления диктуют новые требования профессионалу, руководителю необходимо в своей работе обеспечивать обратную связь своим коллегам и подчиненным, в особенности данный фактор играет ведущую роль во взаимодействии с новым поколением сотрудников, характеризующихся стремлением к свободе и гибкости в работе. Более того, руководитель отвечает за командную работу своих сотрудников, их условия работы, а также вовлеченность в дела образовательной организации. Обращает на себя внимание тот факт, что личность руководителя играет ведущую в роль в успешном функционировании профессиональной образовательной организации, в частности, ценностная сфера, которая (судя по полученным результатам) подразумевает ценность развития и увлеченности своей профессией, включая ценности общества, ценности семьи и т. д. Немаловажным является и социальная сторона в структуре профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций, отражающая построение адекватного социального поведения и понимания ценностей общества. Заключительным аккордом в модели профессионализма является его обусловленность когнитивными особенностями познавательных процессов, которые пронизывают всю структуру факторной модели профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций. Полученная структура в дальнейшей перспективе позволит создать технологию развития профессионализма будущих руководителей профессиональных образовательных организаций и обеспечить адекватный подбор и отбор кандидатов на замещение управленческих должностей в сфере профессионального образования.

Литература

1. Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. 350 с.

2. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: МГУ, 1995. 158 с.

3. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. 512 с.

4. Психологические основы профессионально-технического обучения / под ред. Т. В. Кудрявцева, А. И. Сухаревой. М.: Педагогика, 1988. 144 с.

5. Деркач А. А., Селезнёва Е. В. Акмеология в вопросах и ответах. М.: МПСИ, 2007. 248 с.

6. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М.: Академический проект, 2015. 336 с.

7. Фонарев А. Р. Психология личностного становления профессионала. М.: ИП РАН, 1998. 347 с.

8. Кузибецкий А. Н. Интегральная личностно-профессиональная компетентность руководителя в сфере образования: теоретическая модель // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 6. С. 32–36.

9. Кузибецкий А. Н. Личностно-профессиональное развитие руководителя образовательной организации при освоении дополнительных профессиональных программ: теоретическая модель // Грани познания. 2015. № 7. С. 154–160.

10. Баюта Д. В., Богачев С. В. Личностно-профессиональное развитие молодого специалиста: акмеологический подход // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 5. С. 191–193.

11. Нежнов П. Г. Опосредствование и спонтанность в модели «культурного развития» // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2007. № 1. С. 133–147.

12. Ибрагимова Л. А., Родиков А. С. Роль педагогической компетентности в составе профессиональной компетентности руководителя общеобразовательной организации // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. № 4. С. 1–9.

13. Акмеология и социальная психология на рубеже XXI века / науч. ред. Е. В. Селезнева. М.: Изд-во РАГС, 2001. 277 с.

14. Бичева И. Б., Нуреева М. А. Успешность личности в устойчивом личностно-профессиональном развитии // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 10. С. 76–78.

15. Бобришева Л. С. Акмеологическое образование в процессе становления профессиональной деятельности личности // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. 2017. № 2. С. 19–23.

16. Бучек А. А., Аванесян Г. М., Герасимова А. С., Ермоленко А. В. Акмеологические инварианты профессионализма руководителей образовательных организаций // Армянский журнал психического здоровья. 2017. № 8(2). С. 20–25.

17. Валькович О. Н., Булаева К. Ю., Сирченко А. Е. Современные подходы к профессиональному развитию и обучению персонала // Экономика устойчивого развития. 2016. № 2. С. 50–53.

18. Виноградов А. А. Гетерохронность развития профессионально важных качеств личности управленцев в ходе повышения квалификации: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2001. 25 с.

19. Кашапов М. М. Акмеологические принципы как когнитивная ресурсная основа профессионального и личностного развития субъекта // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018. № 1. С. 26–35.

20. Кашапов М. М. Акмеология. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 112 с.

21. Машовец С. П. Сущность и особенности управления образовательными учреждениями // Педагогическое образование и наука. 2012. № 6. С. 51–54.

22. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.

FACTOR MODEL FOR ACMEOLOGICAL INVARIANTS OF PROFESSIONALISM OF HEADS OF VOCATIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Albina A. Buchek [a, ID1]***; Andrey V. Ermolenko*** [a, @, ID2]

[a] *Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015*
[@] *andrey.ermolenko.2014@mail.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-6689-7389*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0003-3632-6646*

Received 27.10.2018. Accepted 05.12.2018.

Keywords: cognitive styles, management skills, utility dependence, field independence, wide range of equivalence, narrow range of equivalence, impulsiveness

Abstract: The present research features a model of acmeological invariants of professionalism inherent to heads of vocational educational institutions. The paper provides an analysis of the basic concepts of professionalism in the national psychology, in particular, the professionalism of managers in the field of vocational education. It was established that the professionalism of managers in the field of education can be considered in terms of competence approach. The article describes the concept of "cognitive style" as an individual way of information processing, considered as metacognitive ability. The authors conducted a study of acmeological invariants of professionalism, including personal characteristics, management skills, motivational and value spheres, and cognitive features of information processing displayed by the heads of vocational educational institutions. The article describes the factors of professionalism obtained during the implementation of the expolatory factor analysis. As a result, the authors allocated four blocks of acmeological invariants of professionalism. They include professional, personal, value, and social components. The paper also contains an analysis of the main components of the model. The authors note the leading role of feedback between the director and the employees, the importance of the social component expressed in the ability of the director to build a system of communication with the subordinates, and the importance of cognitive styles, which are directly included in the structure of the main factors of the model.

For citation: Buchek A. A., Ermolenko A. V. Faktornaia model′ akmeologicheskikh invariant professionalizma rukovoditelei professional′nykh obrazovatel′nykh organizatsii [Factor Model for Acmeological Invariants of Professionalism of Heads of Vocational Educational Institutions]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 134–143. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-134-143

References

1. Klimov E. A. *Vvedenie v psikhologiiu truda* [Introduction to Labor Psychology]. Moscow: Kul′tura i sport, IuNITI, 1998, 350.

2. Klimov E. A. *Obraz mira v raznotipnykh professiiakh* [The image of the world in different types of professions]. Moscow: MGU, 1995, 158.

3. Klimov E. A. *Psikhologiia professional'nogo samoopredeleniia* [Psychology of professional self-determination]. Rostov-on-Don: Feniks, 1996, 512.

4. *Psikhologicheskie osnovy professional'no-tekhnicheskogo obucheniia* [Psychological foundations of vocational training]. Ed. Kudriavtsev T. V., Sukhareva A. I. Moscow: Pedagogika, 1988, 144.

5. Derkach A. A., Selezneva E. V. *Akmeologiia v voprosakh i otvetakh* [Acmeology in questions and answers]. Moscow: MPSI, 2007, 248.

6. Zeer E. F. *Psikhologiia professii* [Psychology of the professions]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2015, 336.

7. Fonarev A. R. *Psikhologiia lichnostnogo stanovleniia professionala* [Psychology of personal development of a professional]. Moscow: IP RAN, 1998, 347.

8. Kuzibetsky A. N. Integral′naia lichnostno-professional′naia kompetentnost′ rukovoditelia v sfere obrazovaniia: teoreticheskaia model′ [Integral personal and professional competence of the heads of educational institutions: theoretical model]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity*, no. 6 (2009): 32–36.

9. Kuzibetsky A. N. Lichnostno-professional′noe razvitie rukovoditelia obrazovatel′noi organizatsii pri osvoenii dopolnitel′nykh professional′nykh programm: teoreticheskaia model′ [Personal and professional development of the head of an educational institution in the development of additional professional programs: a theoretical model]. *Grani poznaniia = Verge of knowledge*, no. 7 (2015): 154–160.

10. Bayuta D. V., Bogachyov S. V. Lichnostno-professional′noe razvitie molodogo spetsialista: akmeologicheskii podkhod [Personal and professional development of the young expert: acmeological approach]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series Humanities*, no. 5 (2012): 191–193.

11. Nezhnov P. G. Oposredstvovanie i spontannost′ v modeli «kul′turnogo razvitiia» [Mediation and spontaneity in the model of "cultural development"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14: Psikhologiia = Moscow University Psychology Bulletin*, no. 1 (2007): 133–147.

12. Ibragimova L. A., Rodikov A. S. Rol′ pedagogicheskoi kompetentnosti v sostave professional′noi kompetentnosti rukovoditelia obshcheobrazovatel′noi organizatsii [The role of pedagogical competence in professional competence of an educational institution head]. *Internet-zhurnal "Naukovedenie" = The online magazine "Science"*, no. 4 (2015): 1–9.

13. *Akmeologiia i sotsial'naia psikhologiia na rubezhe XXI veka* [Acmeology and social psychology at the turn of the XXI century]. Ed. Selezneva E. V. Moscow: Izd-vo RAGS, 2001, 277.

14. Bicheva I. B., Nureeva M. A. Uspeshnost′ lichnosti v ustoichivom lichnostno-professional′nom razvitii [Success of the personality in sustainable personal and professional development]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia = Humanities scientific researches*, no. 10 (2015): 76–78.

15. Bobrisheva L. S. Akmeologicheskoe obrazovanie v protsesse stanovleniia professional′noi deiatel′nosti lichnosti [Acmeological education in the process of formation of the professional activity of the individual]. *Vestnik Luganskogo natsional'nogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko = Bulletin of the Luhansk National University named after Taras Shevchenko*, no. 2 (2017): 19–23.

16. Buchek A. A., Avanesian G. M., Gerasimova A. S., Ermolenko A. V. Akmeologicheskie invarianty professionalizma rukovoditelei obrazovatel′nykh organizatsii [Acmeological invariants of professionalism of heads of educational organizations]. *Armianskii zhurnal psikhicheskogo zdorov'ia = Armenian journal of mental health*, no. 8(2) (2017): 20–25.

17. Valkovich O. N., Bulaeva K. Y., Sirchenko A. E. Sovremennye podkhody k professional′nomu razvitiiu i obucheniiu personala [Modern approaches to professional development and staff training]. *Ekonomika ustoichivogo razvitiia = Economics of sustainable development*, no. 2 (2016): 50–53.

18. Vinogradov A. A. *Geterokhronnost' razvitiia professional'no vazhnykh kachestv lichnosti upravlentsev v khode povysheniia kvalifikatsii*. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Heterochronous development of

professionally important personal qualities of managers in the course of advanced training. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2001, 25.

19. Kashapov M. M. Akmeologicheskie printsipy kak kognitivnaia resursnaia osnova professional′nogo i lichnostnogo razvitiia sub"ekta [Acmeological principles as a cognitive resource basis of the subject's professional and personal development]. *Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog = Human factor: Social psychologist,* no. 1 (2018): 26–35.

20. Kashapov M. M. Akmeologiia [Acmeology]. Yaroslavl: IarGU, 2011, 112.

21. Mashovets S. P. Sushchnost′ i osobennosti upravleniia obrazovatel′nymi uchrezhdeniiami [The gist and peculiarities of guiding an educational institution]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical education and science*, no. 6 (2012): 51–54

22. Kholodnaia M. A. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter, 2004, 384.

УДК 159.95+378.6

ОБРАЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БУДУЩЕГО КУРСАНТОВ ВУЗА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В СПОРТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Андрей В. Кузнецов [a]***; Алексей А. Утюганов*** [a, @, ID]

[a] *Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 630114, Россия, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2*
[@] *outioganov@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-9641-7174*

Поступила в редакцию 26.10.2018. Принята к печати 27.11.2018.

Ключевые слова: образ профессионального будущего, спортивная деятельность, учебная деятельность, курсанты-спортсмены, психология спорта, ценностно-смысловая сфера, военное образование

Аннотация: *Цель работы* состоит в выявлении взаимосвязи между содержанием образа профессионального будущего и степени вовлеченности в спортивную деятельность у курсантов военного вуза. *Методы*: в исследовании приняли участие курсанты военного вуза в количестве 170 человек, которым было предложено написать сочинение на тему «Мое профессиональное будущее». Тексты сочинений анализировались с помощью контент-анализа и качественного психосемантического анализа. Также применялся анкетный опрос, включающий субъективное шкалирование показателей сформированности образа будущего. *Результаты*: показано, что образ профессионального будущего лучше сформирован у курсантов со средним уровнем вовлеченности в спорт. По содержанию образа профессионального будущего курсанты-спортсмены отличаются от своих товарищей, не занимающихся спортом – их профессиональное будущее чаще предполагает реализацию истинных ценностей офицера в противовес спортивным достижениям. Область применения результатов. Результаты могут использоваться при организации физкультурно-спортивной деятельности в военных вузах. Делается *вывод* о том, что спортивная деятельность играет важную роль в подготовке офицера войск национальной гвардии, выступая необходимым условием формирования образа профессионального будущего как части ценностно-смысловых оснований профессиональной идентичности будущего офицера.

Для цитирования: Кузнецов А. В., Утюганов А. А. Образ профессионального будущего курсантов вуза войск национальной гвардии Российской Федерации в зависимости от степени вовлеченности в спортивную деятельность // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 144–156. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-144-156

Введение

В соответствии с Федеральными государственными стандартами военного образования и квалификационными требованиями к военно-профессиональной подготовке вузовское военное образование предполагает большой объем физической подготовки в структуре образовательных программ подготовки офицеров войск национальной гвардии. Это обусловлено самой спецификой профессии офицера, к которой всегда предъявлялись высокие требования в части физической подготовки. Физическая сила, быстрота, ловкость, меткость, навыки в единоборствах всегда были предметом одобрения в профессиональной среде и фактором успешности офицера в профессиональной деятельности.

Единство профессиональной и физической подготовки офицера способствует тому, что многие курсанты военных вузов занимаются спортивной деятельностью, т. е. тренируются более интенсивно, чем требуется образовательной программой, вступают в спортивные организации, выбирают вид спорта, участвуют в соревнованиях, получают спортивные разряды и звания. Традиционно увлечение спортом поддерживается в образовательной среде военных вузов, спортивная деятельность курсанта рассматривается как способствующая его профессиональному становлению и развитию. Когда спортивные тренировки или соревнования накладываются на учебные занятия, к курсантам-спортсменам всегда относятся с пониманием, в преподавательской среде существует разделяемое всеми убеждение, что спорт не может мешать подготовке офицера. Практика показывает, что да, не может, по крайней мере в части организации – если курсант прикладывает усилия, он успевает и учиться, и заниматься спортом.

Действительно, военно-профессиональная деятельность офицера и спортивная деятельность тесно взаимосвязаны, однако это не одно и то же. У них разное содержание и, что наиболее важно, разные цели и профессиональное будущее. Многие курсанты являются спортсменами высокого уровня мастерства, фактически профессионалами, что позволяет им рассматривать спорт как дополнительную или даже альтернативную сферу профессионализации. Это приводит к тому, что в сознании таких курсантов сочетаются различные стратегии профессиональной самореализации. Вероятно, эти сочетания могут быть гармоничными, основанными на синергии военно-профессиональной и спортивной подготовки, или конфликтными, основанными на противоречии жизненных целей, связанных с выбором разных вариантов профессионализации, а возможно, могут быть и просто незрелыми из-за неспособности молодого человека согласовать в сознании свое психологическое будущее сразу по двум направлениям развития.

Цель данного исследования – основываясь на разработанном в психологии понятии образа будущего, выявить взаимосвязь между сформированностью образа профессионального будущего и интенсивности спортивной деятельности у курсантов военного вуза, описать ее психолого-педагогические факторы сочетания учебной и спортивной деятельности.

Теоретические основы

Определяющая роль физической подготовки в системе профессионального образования офицера войск национальной гвардии определяется требованиями Росгвардии, в соответствии с которыми каждый военнослужащий должен обладать необходимыми военно-прикладными и служебно-прикладными двигательными навыками по профессиональному предназначению на основе формирования высокого уровня физической подготовленности и развития основных физических качеств – выносливости, силы, быстроты и ловкости, уверенным владением боевыми приемами борьбы.

Спортивная деятельность по своему психологическому содержанию в высокой степени согласуется с профессиональной деятельностью офицера – по сходству целей, ценностей, смыслов. Анализируя формирующее воздействие спортивной деятельности на личность, Е. Н. Гогунов и Б. И. Мартьянов отмечают, что согласно общему направлению воспитания в спорте, у спортсменов в процессе спортивной деятельности формируются в том числе моральные чувства любви к Родине, дружбы, товарищества, коллективизма, общественного долга, миролюбия, гуманизма, а также волевые качества, необходимые в каждом виде деятельности – целеустремленность, инициативность, решительность, смелость, самообладание, настойчивость, стойкость [1]. Все эти качества являются профессионально-важными, и для профессии офицера их формирование является целью военного образования.

В психолого-педагогической литературе физическая подготовка и спортивная деятельность часто объединяются под общим термином *физкультурно-спортивная деятельность*, большинство исследований в этой области связано с изучением мотивации вовлечения студентов и курсантов в эту деятельность [2–6]. Сравнивая психолого-педагогические показатели курсантов военного вуза, занимающихся и не занимающихся спортом, Е. Л. Комаровская и В. В. Маркелов отмечают, что у курсантов-спортсменов выше успеваемость, ниже склонность к риску и агрессивность, чем у их коллег, не занимающихся спортом [7]. Изучая личностную организованность курсантов-спортсменов, Н. А. Фомина приходит к выводу, что их поведенческая активность и подвижность снижают тревожность и беспокойство, блокируют переживание негативных эмоций, что способствует выработке умений и навыков, необходимых для планирования и четкой организации своей деятельности [8].

При всей общей позитивности физкультурно-спортивной деятельности психологические исследования спортивной деятельности показывают, что занятия физкультурой, даже интенсивные, и спортивная деятельность – это не одно и то же. В этой связи А. В. Родионов указывает, что спортсмен – это личность, действующая в специфических условиях спортивной деятельности и оказывающаяся при этом в специфических психических состояниях [9]. Спортивная деятельность, особенно спорт высших достижений, захватывает личность целиком, подчиняя себе ее мотивы и цели, формируя соответствующие ценности и смыслы, образ жизни и стратегии самореализации. Так, В. А. Плахтиенко и Ю. М. Блудов [10] определяют спортивную деятельность как активный, целенаправленный на высшие спортивные достижения процесс совершенствования мастерства спортсмена.

Спортивная деятельность предполагает спортивную карьеру, т.е. жизненный путь профессионального развития личности в спорте, многолетнюю спортивную деятельность, нацеленную на достижение высоких спортивных результатов и связанную с постоянным самосовершенствованием спортсмена в одном или нескольких видах спорта [11]. Изучая психологическую готовность к спортивной деятельности, Н. В. Сизикова с соавторами указывает, что для спортсмена – это готовность посвятить жизнь спорту, достичь высоких спортивных результатов, которые бы стали его основными жизненными достижениями, это готовность к построению спортивной карьеры и подлинной самореализации в спортивной деятельности [12].

Исследования спортивной карьеры и особенностей спортивной деятельности указывают на тот

факт, что спорт высших достижений весьма непросто сочетается с другими сферами жизнедеятельности, в первую очередь, с такими, как семья, учеба, другая профессиональная деятельность. Анализируя кризисы спортивной карьеры, Н. Б. Стамбулова отмечает, что наиболее сложным с точки зрения «увязывания» спортивной карьеры и жизни выступает третий по счету из семи кризисов – кризис перехода из массового спорта в спорт высших достижений. Именно здесь, по мнению автора, обостряется «необходимость согласования спортивных целей с другими жизненными целями (выбором профессии, например), соответствующая перестройка образа жизни, его подчинение целям спортивной карьеры» [13].

Доказанная сложность совмещения спортивной деятельности с другими видами деятельности убеждает в обоснованности нашего исходного предположения о возможном противоречивом сочетании профессии офицера и спортсмена в формирующемся образе профессионального будущего у курсантов.

По устоявшейся в отечественной психологии традиции понятие образа как феномена психического отражения относят к основным категориям психологии наряду с категориями действия, мотива, отношения, переживания. Анализируя понятийный аппарат теории психологии, А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский называют образ центральным элементом «ядерной триады» категорий психологии, включающей также категории мотива и действия [14].

Анализируя проблему образа в психологии, Б. Ф. Ломов с соавторами отмечает, что в отечественной психологии изучение категории образа началось еще И. М. Сеченовым, продолжилось Н. Н. Ланге и получило очень глубокую разработку в трудах многих ученых советского периода. Было сформулировано общее положение о предметности психического образа (любого уровня сложности), т. е. о его отнесенности к предметам объективной действительности. Доказана субъективность образа, которая заключается в пристрастности, зависимости образа от потребностей, мотивов, целей, установок, эмоций человека. Изучен и описан процесс отражения, в ходе которого непрестанно происходит реконструкция образа в направлении повышения уровня его адекватности предмету и в зависимости от целей деятельности, которые человек ставит перед собой [15].

Большой вклад в изучение проблемы образа внес А. Н. Леонтьев, предложив понятие *образ мира*. Как отмечает в данном контексте В. П. Серкин, «проводя аналогию, можно сказать, что как понятие *образ* является интегрирующим для описания восприятия предмета (в широком смысле слова), так понятие *образ мира* является интегрирующим понятием для описания всей феноменологии восприятия мира [16]. *Образ мира* – понятие, введенное А. Н. Леонтьевым для описания интегральной системы значений человека. Образ мира построен на основе выделения значимого (существенного, функционального) для системы реализуемых субъектом деятельностей опыта (признаков, впечатлений, чувств, представлений, норм и пр.). Образ мира не приписывается миру субъективно, это наполнение образа реальности значениями и тем самым построение его. Образ мира формируется в сознании человека через познание им объективной реальности. Понятие «образ мира» введено для описания содержания изменяющегося в процессе деятельности человеческого сознания.

С позиции психологии феномен образа будущего рассматривала Т. Г. Бохан с соавторами, они определяют его роль в современной психологической науке как конструкт развития человека. Анализируя понятие образа будущего, авторы пришли к выводу, что «в литературе оно трактуется как результат внутренней проективной деятельности человека, в котором отражаются возможности, жизненные стремления, ценностные ориентации человека, перспективы его развития и самореализации» [17]. Авторы упоминают о том, что образ будущего изучал Л. С. Выготский. Он был убежден, что анализ действия личности и самой личности должен происходить не только в связи с прошлым, но и с будущим. Л. С. Выготский утверждал, что нельзя понять личность, если рассматривать ее вне жизненного плана, превращающего «историю жизни человека из ряда бессвязных и разрозненных эпизодов в связный, единый биографический процесс» [18].

Изучая проблемы смыслообразования, Б. С. Братусь приходит к выводу, что в сложных формах активности человек действует не ради достижения самого предмета потребности, он действует ради целостного образа новой жизни, в которую будет включен этот предмет. Им установлены особые закономерности смыслопорождения: смыслы более простых, замкнутых на себе деятельностей порождаются отношением мотива к цели, а смыслы жизни порождаются образом будущего, творящим настоящее [19].

Подходя к проблеме образа будущего в русле феноменологической психологии, Т. В. Гаврилюк описывает два возможных подхода к изучению понятия – *кантианский*, основанный на философии И. Канта, и *гуссерлианский*, основанный на подходе Э. Гуссерля и А. Шюца. Первый подход исходит из того, что будущее недоступно чувствам, а значит и восприятию, и поэтому образ будущего может формироваться только воображением, которое и воссоздает образ будущего в категориях рассудка и апперцепции несуществующего объекта как форма априорного познания возможного опыта. Второй подход предполагает учет категории темпоральности – внутреннего переживания времени, а также описанного Э. Гуссерлем феномена ретроспективного обнаружения типического в человеческом опыте, на основании чего

может происходить типизация ожиданий будущего поведения. Это позволяет понимать образ будущего типизации предшествующего опыта в его соотнесенности с индивидуальным переживанием времени [20].

Рассматривая образ будущего в контексте профессионального самоопределения, Д. А. Леонтьев отмечает, что проектирование и конструирование возможных вариантов будущего базируется на сложных когнитивных процессах, которые требуют перспективного анализа множества факторов и условий, поливариативности выбора и последствий принятия решений [21].

Е. А. Климов использует понятие *образ мира будущей профессии* как важнейшую составляющую сознания и регулятор профессионального поведения, который опирается на профессионально-ориентированные смыслы, соединяющие личностные потребности человека с особенностями профессиональной среды [22]. Н. С. Пряжников использует понятие личный профессиональный план как образ желаемого будущего [23]. Другая традиция исследований в этой области связана с понятиями временной перспективы, жизненной перспективы личности, психологического или субъективного времени личности (К. А. Абульханова-Славская, Е. И. Головаха, С. Л. Рубинштейн и др.). Жизненную перспективу Е. И. Головаха понимает как целостную картину будущего в противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, с которыми человек связывает смысл своей жизни, свое жизнеосуществление [24].

Анализируя состояние проблемы образа профессионального будущего, Т. Г. Бохан с соавторами отмечает, что «специальных исследований, посвященных собственно образу профессионального будущего, относительно немного» и определяет его как применение понятия образа будущего «в контексте проблем профессионального становления в процессе вузовского образования, акмеологии личности, субъекта профессиональной деятельности» [18]. В современной психологической науке конструктом, обозначающим направленность развития человека, признается образ будущего. В литературе он трактуется как результат внутренней проективной деятельности человека, в котором отражаются возможности, жизненные стремления, ценностные ориентации человека, перспективы его развития и самореализации. В исследовании образа профессионального будущего у студентов-медиков С. Г. Заболотная понимает его как интегративное профессионально-личностное образование, самопроектируемое в процессе профессионального развития личности, характеризующееся совокупностью ценностных представлений о будущей профессиональной деятельности. По мнению автора, образ профессионального будущего включает временную перспективу (временной масштаб ожидаемых событий), а также содержательную наполненность и может быть выражен в виде личного профессионального плана, который, в свою очередь, характеризуется насыщенностью планируемыми событиями, достижимостью, конкретностью, проспективностью и целостностью [25].

В нашем исследовании мы понимаем образ профессионального будущего как часть образа будущего, имеющую отношение к профессиональной деятельности, существующей в сознании в единстве представлений, смыслов и чувств, отражающую возможный и желаемый вариант существования мира и себя в нем в будущем в профессиональной сфере жизни, детализированную в событиях, динамичную и внутренне согласованную. Образ профессионального будущего характеризуется следующими показателями: 1) определенность – основной показатель, отражающий ясность и четкость образа будущего в противовес его размытости и смутности; 2) насыщенность – масштаб представленности в сознании, количество событий; 3) достижимость – уверенность субъекта в том, что это будущее будет достигнуто; 4) конкретность – наличие в образе будущего конкретных объектов, событий, названий, дат и т. п.; 5) проспективность – темпоральные характеристики, последовательность событий; 6) целостность – внутренняя согласованность образа будущего, непротиворечивость.

Методы

Базой эмпирического исследования выступил Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации г. Новосибирска. В качестве метода исследования выступил анкетный опрос, включающий оценивание сформированности образа профессионального будущего, построенное по принципу биполярной шкальной техники; сочинение по предложенному плану на тему «Мое профессиональное будущее» с последующим контент-анализом и качественным психосемантическим анализом текстов. При обработке данных применялся частотный (процентный анализ), сравнительный анализ t-критерия Стьюдента, корреляционный анализ. В исследовании приняли участие 170 курсантов, из которых 64 % курсантов 3 курса, 27 % – 5 курса, 7 % – 1, 2, 4 курсов. Все испытуемые мужского пола. Средний возраст испытуемых – 21–26 лет.

Результаты

Физическое воспитание проходит весь период обучения курсантов в военном вузе и включает в себя обязательные ежедневные полуторачасовые занятия по физической подготовке, утреннюю физическую зарядку, внутридневные физкультурные паузы, физическую подготовку при выполнении

практических занятий, прохождении полевых стажировок и войсковых практик.

Кроме занятий физической подготовкой, большинство курсантов военного вуза занимаются активной спортивной деятельностью, имеют спортивные достижения и спортивные разряды. Так, на вопрос анкеты «Совмещаете ли Вы обучение в вузе с активной спортивной деятельность?» 89 % курсантов ответили утвердительно. По видам спорта 40 % курсантов-спортсменов занимаются единоборствами, 10 % – игровыми видами спорта, 50 % – другими видами спорта (циклические, скоростно-силовые, многоборья).

По уровню спортивного мастерства 4 % имеют звание мастеров спорта (МС), 21 % – кандидаты в мастера спорта (КМС); 23 % имеют I спортивный разряд, 7 % – II или III разряды.

Интенсивность спортивной деятельности курсанта оценивалась по ряду показателей: интенсивность тренировочного процесса (количество тренировок в неделю и количество времени, затрачиваемого на тренировки), интенсивность соревновательной деятельности (количество участий в соревнованиях в год). Большинство курсантов достаточно сильно вовлечены в спортивную деятельность. Так, 5 % тренируются по несколько раз в день, 22 % тренируются 6 раз в неделю, 33 % – 4–5 раз в неделю, 25 % – 3 раза в неделю. В среднем курсанты тренируются 11,7 часа в неделю, при этом 7 % тренируются 20 и более часов в неделю, что соответствует интенсивности тренировок спортсменов-профессионалов высокого уровня, 10 % – от 15 до 20 часов в неделю, 17 % – от 10 до 15 часов в неделю, 40 % – от 6 до 10 часов в неделю и только 18 % тренируются менее 6 часов в неделю. Анализ активности соревновательной деятельности показывает, что 61 % курсантов регулярно участвуют в соревнованиях, в том числе 8 % курсантов участвуют в соревнованиях 12 и более раз в году, 12 % – от 6 до 12, 12 % – от 3 до 6, 28 % – менее 3 раз в году.

Отдельно были проанализированы особенности и проблемы совмещения курсантами учебной и спортивной деятельности. Данные по некоторым вопросам анкеты, имеющим отношение к учебной деятельности и проблемах ее сочетания со спортивной, приведены в таблицах 1–2.

Таблица 1. Ответы на вопросы анкеты, имеющие отношение к учебной деятельности, среди курсантов-спортсменов с разным уровнем спортивных достижений (%)
Table 1. Answers to questions related to training activities among cadet-athletes with different levels of sporting achievements (%)

Варианты ответов	Не занимаются спортом	Уровень спортивных достижений (1 – не имеет разряда; 2 – III или II разряд; 3 – I разряд; 4 – КМС; 5 – МС)				
	0	1	2	3	4	5
Обычно сколько дней в неделю Вы посещаете аудиторные занятия в вузе?						
6–7	100	98	83,3	95	69,4	66,7
4–5	0	2	16,7	2,5	16,7	33,3
3 и менее	0	0	0	2,5	13,9	0
Вы посещаете дополнительные занятия, факультативы?						
Да	65,4	69	71,4	75	83,8	57,1
Нет	30,8	29,3	14,9	22,5	13,5	28,6
Как часто Вы занимаетесь учебой самостоятельно (выполнение домашних заданий, подготовка к аудиторным занятиям, чтение учебной литературы и т. п.)?						
Занимаюсь почти каждый день	100	96,6	100	100	81,1	57,1
Занимаюсь 1–2 раза в неделю	0	1,7	0	0	5,4	14,9
Занимаюсь редко	0	0	0	0	2,7	0
Ваша успеваемость в вузе (на какие оценки Вы учитесь)?						
На 5	0	3,4	14,9	2,5	5,4	0
На 4–5	61,5	79,3	57,1	60	62,2	42,9
На 4	26,9	12	14,9	27,5	21,6	14,9
На 3–4	7,7	3,4	0	7,5	5,4	28,6

Варианты ответов	Не занимаются спортом	Уровень спортивных достижений (1 – не имеет разряда; 2 – III или II разряд; 3 – I разряд; 4 – КМС; 5 – МС)				
	0	1	2	3	4	5
Охарактеризуйте свое отношение к учебе						
Стараюсь взять от обучения максимум, занимаюсь дополнительно, делаю больше, чем требуют преподаватели	65,4	65,5	42,6	70	62,2	28,6
Отношусь средне, делаю основное, что требуется	30,8	31	42,6	25	35,1	57,1
Пока удается только делать минимум, достаточный для получения диплома	0	0	0	0	0	0

Таблица 2. Ответы на вопросы анкеты, имеющие отношение к сочетанию спортивной и учебной деятельности, среди курсантов-спортсменов с разным уровнем спортивных достижений (%)
Table 2. Answers to the questions related to the combination of sports and training activities among cadet-athletes with different levels of sporting achievements (%)

Варианты ответов	Не занимаются спортом	Уровень спортивных достижений (1 – не имеет разряда; 2 – III или II разряд; 3 – I разряд; 4 – КМС; 5 – МС)				
	0	1	2	3	4	5
Вам приходилось не посещать учебные занятия по несколько дней для участия в соревнованиях?						
Да, много раз	3,8	8,6	0	10	35,1	71,4
Да, 1–2 раза	0	24,1	28,6	40	51,4	14,9
Нет, не приходилось	50	51,7	42,6	40	10,8	0
У Вас бывают проблемы с учебой из-за Ваших занятий спортом?						
Да, постоянно	0	0	0	0	0	0
Да, иногда бывают	0	3,4	0	2,5	21,6	28,6
Нет	100	84,5	100	92,5	75,7	57,1
Насколько Вам сложно «увязывать» учебу и спорт?						
Сложно	0	0	0	0	2,7	0
Не очень сложно, но этим приходится заниматься	3,8	15,5	14,9	22,5	32,4	28,6
Это вообще не проблема	46,2	70,7	57,1	70	56,6	57,1
Как относятся преподаватели и руководство вуза к Вашим занятиям спортом?						
В большинстве случаев положительно, поддерживают, идут навстречу	26,9	65,5	42,6	67,5	32,4	57,1
По-разному	11,5	8,6	14,9	15	54	28,6
Чаще без понимания, «твой спорт – твои проблемы»	3,8	3,4	0	7,5	5,4	0

Анализируя данные таблицы 1, можно отметить, что отношение к учебной деятельности у курсантов, активно занимающихся спортом, не хуже, чем у курсантов, не занимающихся спортом, и не сильно зависит от степени вовлеченности в спортивную деятельность. Снижение активности и результативности учебной деятельности наблюдается лишь при сверхвысокой включенности в спортивную деятельность – у мастеров спорта, которые тренируются обычно по 20 и более часов в неделю. Курсанты-спортсмены вплоть до уровня I разряда демонстрируют более серьезное отношение к учебе, чем курсанты, не занимающиеся спортом, а успеваемость среди спортсменов вплоть до уровня кандидата в мастера

спорта также выше, чем у не имеющих отношения к спорту, к тому же они активнее занимаются самостоятельно и чаще посещают факультативы.

Анализируя данные, представленные в таблице 2, в целом можно отметить, что с ростом уровня спортивных достижений, а следовательно, и вовлеченности в спортивную деятельность курсантам становится все сложнее совмещать ее с учебной деятельностью. Так, растет количество вынужденных пропусков занятий, становится сложнее «увязывать» учебу и спорт, преподаватели начинают реже идти навстречу. Однако серьезные проблемы с «увязыванием» спорта и учебы отметили лишь несколько человек – 2,7 % из числа кандидатов в мастера спорта; понимания с преподавателями не находят 7,5 % перворазрядников и 5,4 % кандидатов в мастера спорта. При переходе на уровень мастера спорта проблемы с учебой, наоборот, снижаются, поскольку преподаватели ожидаемо лучше относятся к столь серьезным спортсменам.

Далее были проанализированы показатели сформированности образа профессионального будущего. Для того чтобы более методологически точно показать связь между показателями образа профессионального будущего и сочетанием обучения со спортивной деятельностью, была введена характеристика, названная «вовлеченность в спортивную деятельность», включающая в себя и уровень спортивных достижений курсанта, и показатели интенсивности спортивной деятельности. По этому показателю выборка была разделена на 3 группы: 1) в группу с низкой вовлеченностью в спортивную деятельность вошли курсанты, тренирующиеся 3 раза в неделю, не более 10 часов, а также, как правило, имеющие уровень спортивного мастерства не выше I разряда и участвующие в соревнованиях не более 6 раз в год (54 % от общего числа испытуемых); 2) в группу со средней вовлеченностью вошли курсанты, тренирующиеся до 20 часов в неделю, имеющие, как правило, звание кандидата в мастера спорта и участвующие в соревнованиях до 12 раз в год (39 % испытуемых); 3) в группу с высокой вовлеченностью вошли курсанты, тренирующиеся более 20 часов в неделю, в основном мастера спорта, участвующие в соревнованиях более 12 раз в год (7 % испытуемых). В таблице 3 приведены данные по оценкам показателей сформированности образа профессионального будущего в зависимости от вовлеченности в спортивную деятельность с указанными значимыми различиями в парах.

По данным, представленным в таблице 3, видно, что субъективные оценки сформированности образа профессионального будущего среди курсантов в целом достаточно высокие – по большинству показателей превышают 6 баллов по 7-балльной шкале. Это означает, что в целом у будущих офицеров войск национальной гвардии достаточно сформированные представления о своем профессиональном

Таблица 3. Оценки по вопросам анкеты о сформированности образа профессионального будущего в зависимости от вовлеченности в спортивную деятельность (7-балльная шкала)

Table 3. Questions about the maturity of the image of the professional future according to the degree of sport engagement (7-point scale)

Вопросы анкеты, связанные с образом профессионального будущего	Вовлеченность в спортивную деятельность			Значимые различия в парах при p<0,05
	Низкая	Средняя	Высокая	
Я очень ясно представляю себе свое будущее	6,00	6,58	6,33	1–2, 2–3
Я точно знаю, как именно я буду зарабатывать на жизнь	6,15	6,62	6,40	1–2
Я знаю, в какой сфере я буду работать	5,85	6,47	6,33	–
Я знаю, кем я стану в профессиональном плане	6,23	6,59	6,41	–
Я хорошо представляю себе свою профессиональную карьеру	6,15	6,45	6,24	–
Моя работа будет тесно связана со специальностью, которую я сейчас получаю в вузе	6,00	6,24	6,48	–
Я знаю, чего я хочу достичь в профессиональном плане	6,54	6,71	6,67	–
Я спокоен за свое профессиональное будущее	6,31	6,32	6,48	–

будущем. Анализируя данные по группам вовлеченности в спортивную деятельность, можно заметить, что показатели при средней вовлеченности почти по всем показателям выше, чем при низкой и высокой вовлеченности, а по вопросам «Я очень ясно представляю себе свое будущее» и «Я точно знаю, как именно я буду зарабатывать на жизнь» эти различия имеют статистическую значимость.

Далее проанализируем данные о содержании образа профессионального будущего у курсантов. В результате качественного психосемантического анализа текстов сочинений были оценены показатели образа профессионального будущего (определенность, насыщенность, достижимость, конкретность, проспективность, целостность), а также выделены содержательные категории, представленные в образах профессионального будущего курсантов. Усредненные оценки по этим показателям приведены в таблице 4.

Далее сочинения на тему «Мое профессиональное будущее», написанные курсантами с опорой на предложенный план, были подвергнуты контент-анализу, в результате чего элементы содержания образа будущего были сгруппированы по категориям. В таблице 5 представлена встречаемость элементов содержания образа будущего по категориям в зависимости от вовлеченности в спортивную деятельность.

Анализ описаний образа профессионального будущего по содержанию показывает, что для подавляющего большинства курсантов профессиональное будущее представляется вполне определенным и не имеющим вариативности – работа строго по получаемой специальности, т. е. военная служба в качестве офицера войск национальной гвардии (91 %). Как уже ранее было отмечено при анализе показателей конкретности и насыщенности, образ профессионального будущего у курсантов не слишком детализирован – это подтверждает и анализ

Таблица 4. Показатели сформированности образа профессионального будущего в зависимости от вовлеченности в спортивную деятельность (5-балльная шкала)
Table 4. Indicators of the maturity of the image of the professional future according to the degree of sport engagement (5-point scale)

Показатели сформированности образа профессионального будущего	Вовлеченность в спортивную деятельность			Все
	Низкая	Средняя	Высокая	
Определенность	3,27	3,60	3,00	3,29
Насыщенность	2,67	2,20	2,25	2,37
Достижимость	3,33	3,40	3,75	3,49
Конкретность	2,40	2,40	2,25	2,35
Проспективность	2,47	2,30	2,75	2,51
Целостность	3,20	3,30	3,50	3,33

Результаты анализа данных, представленных в таблице 4, показывают, что в целом по выборке наиболее высокие оценки получены по показателям достижимости (3,49), целостности (3,33) и определенности (3,29), а наиболее низкие оценки получены по показателям конкретности (2,35) и насыщенности образа профессионального будущего (2,37). Сравнение оценок между группами не показывает статистически значимых различий, но о некоторых тенденциях все же говорить можно, в том числе по наиболее важному показателю *Определенность*. Курсанты со средней вовлеченностью в спортивную деятельности получили наиболее высокие оценки (3,6), чем курсанты с низкой (3,27) и высокой (3,0) вовлеченностью в спортивную деятельность. Эти данные согласуются с результатами субъективных оценок сформированности образа профессионального будущего, где также лучшие результаты получены в группе со средней вовлеченностью в спортивную деятельность.

по содержанию. Большинство описаний сводятся к формулировкам вроде «Буду служить офицером войск национальной гвардии» и не содержат конкретизации.

Сравнивая содержание образа профессионального будущего между группами курсантов с разной вовлеченностью в спортивную деятельность, статистически подтверждается значимость различий по содержанию направленности на карьерный рост. Коэффициент корреляции представленности этого элемента с вовлеченностью в спортивную деятельность составляет $r=0,61$ при $p<0,05$. Курсанты с низкой вовлеченностью в спортивную деятельность довольно часто (40 % от общего числа испытуемых) описывают свое профессиональное будущее исключительно с карьерных позиций, не скрывая своих карьерных устремлений, зачастую детально описывая, как именно они собираются получать все более высокие военные должности и воинские звания. Среди курсантов-спортсменов с высокой вовлеченностью в спорт карьерных содержаний в образе будущего

вообще не встречается, а в группе со средней увлеченностью встречается редко (10 %). При этом даже если карьерные устремления и встречаются в этих группах, они сочетаются с ценностями офицера, другими мотивами и целями, в отличие от курсантов с низкой вовлеченностью в спортивную деятельность, у которых карьерные устремления часто представлены как основные и единственные элементы в образе профессионального будущего.

на территории военного вуза, где обучаются и имеют все необходимые условия для занятия спортом. Проблемы сочетания обучения и спортивной деятельности, проявляющиеся в снижении успеваемости и отношения к учебе, появляются лишь при высокой вовлеченности в спортивную деятельность, соответствующую уровню спортсменов-профессионалов, которых в военном вузе относительно немного.

Таблица 5. Представленность семантических категорий в описании образа профессионального будущего в зависимости от вовлеченности в спортивную деятельность (%)
Table 5. Representation of semantic categories in the description of the image of the professional future according to the degree of sport engagement (%)

Семантические категории в описании образа профессионального будущего	Вовлеченность в спортивную деятельность			Все
	Низкая	Средняя	Высокая	
Военная служба как будущая работа	93	80	100	91
Наличие узких интересов в военной профессии	0	10	25	12
Будущая работа связана с получаемой профессией, но это не военная служба	7	0	0	2
Наличие планов иметь вторую работу, кроме военной службы, в т. ч. заниматься предпринимательской деятельностью	7	20	0	9
Спорт как профессия и работа (тренерская, организатор в спорте)	0	20	0	7
Описание образа будущего содержит многочисленные размышления, рассуждения	20	10	0	10
Получить право ношения крапового берета	13	0	0	4
Намерение достигать целей за счет собственных усилий	27	30	50	36
Намерение достигать целей за счет образования	33	20	25	26
Намерение закончить Военную академию	13	0	25	13
Образ будущего содержит апелляцию к ценностям офицера (воинский долг, забота о подчиненных и т. п.)	27	20	0	16
Профессиональное будущее содержит направленность на карьерный рост	40	10	0	17
При описании профессионального будущего упоминаются непрофессиональные сферы жизни (семья и др.)	20	0	25	15
Описаны разные варианты образа будущего	7	10	0	6

Заключение

Представленные результаты исследования позволяют сделать следующие основные выводы.

1. В военном образовании учебная и спортивная деятельность тесно связаны. Подавляющее большинство курсантов совмещают обучение и спорт, причем делают это достаточно эффективно, чему во многом способствует специфика военного образования и соответствующая ей психолого-педагогическая среда. Курсанты постоянно проживают

2. Курсанты-спортсмены характеризуются высокой сформированностью образа профессионального будущего, причем наиболее высокие показатели сформированности имеют курсанты со средней вовлеченностью в спортивную деятельность. Курсанты, не вовлеченные в спортивную деятельность или слабо вовлеченные, имеют значимо более низкие показатели сформированности образа профессионального будущего. Это может указывать на то, что спортивная деятельность как способ физической подготовки,

являясь частью подготовки офицера войск национальной гвардии, способствует профессиональному развитию и выступает необходимым условием (или индикатором) успешной профессионализации. При этом высокая вовлеченность в спортивную деятельность, наоборот, препятствует обучению и профессиональному становлению будущего офицера, снижает успеваемость, что проявляется в снижении сформированности образа профессионального будущего. Это вполне закономерно, поскольку спорт высших достижений представляет собой сложную деятельность с самостоятельными целями, трудно сочетаемую с другими видами деятельности, что доказано многочисленными психологическими исследованиями.

3. Содержание образа профессионального будущего курсантов военного вуза в целом вполне определенное, не имеет вариативности ни в индивидуальных проявлениях, ни по группе в целом и состоит в подавляющем большинстве в стремлении к военной службе в качестве офицера войск национальной гвардии. Кроме высокой определенности, образ профессионального будущего курсантов также имеет высокие оценки достижимости, т. е. уверенности в том, что желаемое будущее будет достигнуто, и целостности, т. е. внутренней согласованности, непротиворечивости. При этом образ профессионального будущего курсантов, не занимающихся спортом или слабо вовлеченных, значимо отличается от образа профессионального будущего курсантов-спортсменов по содержанию в нем карьерных устремлений. Не занимающиеся или мало занимающиеся спортом курсанты намного чаще сводят свои представления о профессиональном будущем к карьерному росту, причем зачастую в описании образа будущего у них не встречается больше ничего, кроме карьерных устремлений. Образ профессионального будущего курсантов-спортсменов намного реже определяется карьерными устремлениями, хотя и может их содержать, но не как основную цель профессии, а как побочную, дополнительную к реализации основных целей и ценностей офицера.

Карьерные устремления, направленность на рост по должности и званию в целом не порицается в военных вузах, поэтому многие курсанты его не скрывают, а даже с гордостью подчеркивают. Однако данные нашего исследования показывают, что этот «карьеризм» зачастую сочетается с отсутствием стремления к реализации истинных профессиональных ценностей. Причем очень часто в этом случае курсант не занимается активно спортом, возможно, считая, что спорт ему не будет нужен для реализации карьерных планов. Возможно, наоборот, изначальное отсутствие выраженного интереса к профессии, выражающееся и в отсутствии желания в интенсивном физическом совершенствовании, приводит к карьерным планам, кажущимся таким курсантам более легким способом эффективного профессионального развития. Так или иначе, вовлеченность в спортивную деятельность выступает значимым индикатором, а возможно, и условием сформированности образа профессионального будущего, а значит, и эффективной профессионализации будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации.

Литература

1. Гогунов Е. Н., Мартьянов Б. И. Психология физического воспитания и спорта. М.: Академия, 2000. 288 с.

2. Кузнецов М. Б. Мотивация курсантов образовательных организаций МВД России к занятию спортом, как основной критерий повышения здоровья и профессиональных качеств // Наука-2020. 2017. № 2. С. 189–192.

3. Сивак А. Н., Сыромятников О. В. Обоснование показателей, определяющих готовность курсовых офицеров вузов внутренних войск МВД России к самообразованию в сфере физической подготовки и спорта // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения: труды VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием (22–24 ноября 2012 г.). СПб., 2012. С. 283–287.

4. Ахметов Р. С. Особенности мотивации курсантов образовательных организаций МВД России к физкультурно-спортивной и профессиональной деятельности // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2017. № 6. С. 23–28.

5. Вараксин А. Н. Приобщение курсантов вузов войск национальной гвардии РФ к занятию спортом и физической культурой // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2017. № 4. С. 222–225.

6. Веселов Е. А. Исследование мотивации к занятиям физической подготовкой и спортом студентов (курсантов) образовательного учреждения // Концепт. 2017. № Т36. С. 8–12.

7. Комаровская Е. Л., Маркелов В. В. Влияние занятий спортом на интеграцию свойств личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1. С. 35–37.

8. Фомина Н. А., Храмов М. Ю. Связи психологических особенностей личностной организованности и темперамента курсантов-спортсменов // Человеческий капитал. 2017. № 10. С. 15–24.

9. Родионов А. В. Проблемы психологии спорта // Теория и практика физической культуры. 2006. № 6. С. 2–4.

10. Плахтиенко В. А., Блудов Ю. М. Надежность в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1983. 176 с.

11. Стамбулова Н. Б. Психологические модели и описания спортивной карьеры // Теоретические и прикладные вопросы психологии. СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 2. С. 35–49.

12. Сизикова Н. В., Иванов М. С. Проблемы изучения готовности к спортивной деятельности в психологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2007. № 1. С. 25–28.

13. Стамбулова Н. Б. Кризисы спортивной карьеры // Теория и практика физической культуры. 1997. № 10. С. 13–17.

14. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.

15. Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986. 172 с.

16. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М.: ПЧЕЛА, 2008. 382 с.

17. Бохан Т. Г., Алексеева Л. Ф., Шабаловская М. В., Морева С. А. Структурно-содержательные характеристики образа профессионального будущего и их динамика на этапах профессионального образования у студентов медицинских специальностей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5. С. 182–188.

18. Бохан Т. Г., Алексеева Л. Ф., Языков К. Г., Шабаловская М. В., Морева С. А. Образ профессионального будущего у студентов на «кризисных» этапах обучения в вузе // Высшее образование в России. 2013. № 11. С. 30–37.

19. Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.

20. Гаврилюк Т. В. Понятие «Образ будущего» в категориальном поле феноменологической психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 5. С. 57–59.

21. Леонтьев Д. А., Шелобанова Е. В. Профессиональное самоопределение как построение образов будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57–65.

22. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ. 1995. 223 с.

23. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. Воронеж: МОДЭК, 2006. 256 с.

24. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка. 1988. 144 с.

25. Заболотная С. Г. Образ профессионального будущего студентов медицинского вуза в понятийном поле педагогики // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 4. С. 49–56.

THE IMAGE OF THE PROFESSIONAL FUTURE AND SPORT ENGAGEMENT OF THE CADETS OF THE INSTITUTE OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Andrei V. Kuznetsov [a]***; Aleksei A. Utyuganov*** [a, @, ID]

[a] *Novosibirsk Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, 6/2, Kluch-Kamyshinskoye Plato, Novosibirsk, Russia, 630114*
[@] *outioganov@mail.ru*
[ID] *http://orcid.org/0000-0001-9641-7174*

Received 26.10.2018. Accepted 27.11.2018.

Keywords: the image of the professional future, sports activities, educational activities, cadets-athletes, sports psychology, value-semantic sphere, military education

Abstract: *The research* defines the relationship between the content of the image of the professional future and sport engagement in the future National Guardsmen. *Methods*: the study involved 170 cadets of the military institute. They were asked to write an essay entitled «My professional future». The texts were studied with the help of the content analysis and qualitative psychosemantic analysis. Besides, a questionnaire survey was used: the participants were to rank the maturity indicators of the image of the future. *Results*: cadets with an average level of sport involvement showed a better image of professional future. According to the content of the image, athletes demonstrated a deeper understanding of the true values of the officer as opposed to utilitarian and selfish aspirations displayed by those not involved in sports. *The scope of the results*: the results can be used in the organization of sports activities in military schools. *Summary*: sports activities play an important role in the training of an officer of the National Guard troops: it is a necessary condition for the formation of the image of the professional future as part of the value-semantic foundations of the professional identity of the future officer.

For citation: Kuznetsov A. V., Utyuganov A. A. Obraz professional′nogo budushchego kursantov vuza voisk natsional′noi gvardii Rossiiskoi Federatsii v zavisimosti ot stepeni vovlechennosti v sportivnuiu deiatel′nost′ [The Image of the Professional Future and Sport Engagement of the Cadets of the Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 144–156. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-144-156

References

1. Gogunov E. N., Mart′ianov B. I. *Psikhologiia fizicheskogo vospitaniia i sporta* [Psychology of physical education and sport]. Moscow: Akademiia, 2000, 288.

2. Kuznetsov M. B. Motivatsiia kursantov obrazovatel′nykh organizatsii MVD Rossii k zaniatiiu sportom, kak osnovnoi kriterii povysheniia zdorov′ia i professional′nykh kachestv [Motivation of students of educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs in sports as a basic criterion of improvement of health and professional qualities]. *Nauka-2020 = Science 2020*, no. 2 (2017): 189–192.

3. Sivak A. N., Syromiatnikov O. V. Obosnovanie pokazatelei, opredeliaiushchikh gotovnost′ kursovykh ofitserov vuzov vnutrennikh voisk MVD Rossii k samoobrazovaniiu v sfere fizicheskoi podgotovki i sporta [Justification of indicators that determine the readiness of officers of higher educational institutions of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia for self-education in the field of physical training and sports]. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniia: trudy VII Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (22–24 noiabria 2012 g.)* [Health is the basis of human potential: problems and their solutions: Proc. VII All-Russian Sci. Conf. from Intern. participation (November 22–24, 2012)]. Saint-Petersburg, 2012, 283–287.

4. Akhmetov R. S. Osobennosti motivatsii kursantov obrazovatel′nykh organizatsii MVD Rossii k fizkul′turno-sportivnoi i professional′noi deiatel′nosti [Special aspects of cadets' motivation at educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia for physical education, sports and professional activities]. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta = Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft*, no. 6 (2017): 23–28.

5. Varaksin A. N. Priobshchenie kursantov vuzov voisk natsional′noi gvardii RF k zaniatiiu sportom i fizicheskoi kul′turoi [The admission of students of universities of National Guard troops of the Russian Federation to sports and physical culture]. *Izvestiia Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki = News of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences*, no. 4 (2017): 222–225.

6. Veselov E. A. Issledovanie motivatsii k zaniatiiam fizicheskoi podgotovkoi i sportom studentov (kursantov) obrazovatel′nogo uchrezhdeniia [A study of motivation for physical education and sports in students (cadets) of an educational institution]. *Kontsept = Concept*, no. T36 (2017): 8–12.

7. Komarovskaia E. L., Markelov V. V. Vliianie zaniatii sportom na integratsiiu svoistv lichnosti [Influence of sport on the integration of a person's qualities]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement,* no. 1 (2012): 35–37.

8. Fomina N. A., Khramov M. Iu. Sviazi psikhologicheskikh osobennostei lichnostnoi organizovannosti i temperamenta kursantov-sportsmenov [Links of psychological peculiarities of the personal organization and the temperament of the coursants-sportsmen]. *Chelovecheskii capital = Human capital*, no. 10 (2017): 15–24.

9. Rodionov A. V. Problemy psikhologii sporta [Problems of sports psychology]. *Teoriia i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*, no. 6 (2006): 2–4.

10. Plakhtienko V. A., Bludov Iu. M. *Nadezhnost' v sporte* [Reliability in sports]. Moscow: Fizkul′tura i sport, 1983, 176.

11. Stambulova N. B. Psikhologicheskie modeli i opisaniia sportivnoi kar′ery [Psychological models and descriptions of sports career]. *Teoreticheskie i prikladnye voprosy psikhologii* [Theoretical and applied questions of psychology]. Saint-Petersburg, Iss. 3, part 2 (1997): 35–49.

12. Sizikova N. V., Ivanov M. S. Problemy izucheniia gotovnosti k sportivnoi deiatel′nosti v psikhologii [Problems of studying the readiness for sports activities in psychology]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2007): 25–28.

13. Stambulova N. B. Krizisy sportivnoi kar′ery [Sports career crises]. *Teoriia i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*, no. 10 (1997): 13–17.

14. Petrovskii A. V., Iaroshevskii M. G. *Osnovy teoreticheskoi psikhologii* [Fundamentals of theoretical psychology]. Moscow: INFRA-M, 1998, 528.

15. Zavalova N. D., Lomov B. F., Ponomarenko V. A. *Obraz v sisteme psikhicheskoi reguliatsii deiatel'nosti* [Image in the system of mental regulation of activity]. Moscow: Nauka, 1986, 172.

16. Serkin V. P. *Metody psikhologii sub"ektivnoi semantiki i psikhosemantiki* [Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics]. Moscow: PCHELA, 2008, 382.

17. Bokhan T. G., Alekseeva L. F., Shabalovskaia M. V., Moreva S. A. Strukturno-soderzhatel′nye kharakteristiki obraza professional′nogo budushchego i ikh dinamika na etapakh professional′nogo obrazovaniia u studentov meditsinskikh spetsial′nostei [Structural and substantial characteristics of the image of the professional future and their dynamics at stages of professional education of medicine students]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 5 (2013): 182–188.

18. Bokhan T. G., Alekseeva L. F., Yazykov K. G., Shabalovskaia M. V., Moreva S. A. Obraz professional′nogo budushchego u studentov na "krizisnykh" etapakh obucheniia v vuze [The image of professional future in crisis stages of training]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*, no. 11 (2013): 30–37.

19. Bratus′ B. S. K probleme cheloveka v psikhologii [To the problem of man in psychology]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 5 (1997): 3–19.

20. Gavriliuk T. V. Poniatie "Obraz budushchego" v kategorial′nom pole fenomenologicheskoi psikhologii [The "image of the future" concept in the categorical field of the phenomenological psychology]. *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 5 (2016): 57–59.

21. Leontiev D. A., Shelobanova E. V. Professional′noe samoopredelenie kak postroenie obrazov budushchego [Vocational choice as anticipation of images of possible future]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 1 (2001): 57–66.

22. Klimov E. A. *Obraz mira v raznotipnykh professiiakh* [The image of the world in different types of professions]. Moscow: Izd-vo MGU, 1995, 223.

23. Priazhnikov N. S. *Professional'noe i lichnostnoe samoopredeleniia* [Professional and personal self-determination]. Voronezh: MODEK, 2006, 256.

24. Golovakha E. I. *Zhiznennaia perspektiva i professional'noe samoopredelenie molodezhi* [Life perspective and professional self-determination of youth]. Kiev: Naukova dumka, 1988, 144.

25. Zabolotnaia S. G. Obraz professional′nogo budushchego studentov meditsinskogo vuza v poniatiinom pole pedagogiki [The image of the professional future of medical students in the conceptual field of pedagogy]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki = Scientific Review. Pedagogical sciences*, no. 4 (2017): 49–56.

УДК 159:942+316:47

КАК ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПРОЯВЛЯЕТСЯ В ПРЕДПОЧТЕНИИ СПОСОБОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ И ГОЛЛАНДСКОЙ КУЛЬТУР

Елена С. Синельникова [a, @, ID]

[a] *Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, 190031, Россия, г. Санкт-Петербург, пр-т Московский, 9*
[@] *elena.sinelni@yandex.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/X-7482-2018*

Поступила в редакцию 12.09.2018. Принята к печати 02.11.2018.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, конфликтные ситуации, способы взаимодействия в конфликте, российские респонденты, голландские респонденты

Аннотация: Статья посвящена описанию результатов сравнительного исследования проявления эмоционального интеллекта в предпочтении способов взаимодействия в конфликтных ситуациях. С помощью специально разработанной для данного исследования методики изучались особенности проявления эмоционального интеллекта в конфликтных ситуациях. Участникам исследования предлагались конфликтные ситуации, респонденты оценивали целесообразность применения того или иного способа взаимодействия в каждой из конфликтных ситуаций по 7-балльной шкале. Измерение эмоционального интеллекта проводилось с помощью методики «Эмоциональный интеллект» Н. Шутте. Выборка исследования на основном этапе составила 271 человека: 146 российских респондентов (40,4 % мужчин, 59,6 % женщин; средний возраст – 20,15) и 125 голландских респондентов (33,6 % мужчин, 66,4 % женщин; средний возраст – 21,62). Показатель эмоционального интеллекта позволяет предсказать предпочтения способов взаимодействия в конфликте у представителей обеих культурных групп. Были выявлены как общие черты, так и культурные особенности. Российские и голландские участники исследования, имеющие более высокие показатели эмоционального интеллекта, предпочитали открытое и конструктивное выражение эмоций в эмоционально насыщенных конфликтных ситуациях. Российские респонденты с более высокими показателями эмоционального интеллекта также оценили способ межличностного взаимодействия в конфликтных ситуациях, предполагающий выдвижение конструктивных предложений, на основе учета интересов обеих сторон конфликта. Голландские респонденты с более высокими показателями эмоционального интеллекта были менее ироничны в предложенных конфликтных ситуациях, проявили меньшую готовность к косвенному выражению агрессии.

Для цитирования: Синельникова Е. С. Как эмоциональный интеллект проявляется в предпочтении способов взаимодействия у представителей российской и голландской культур // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 157–164. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-157-164

Введение

Важной специфической особенностью конфликтных ситуаций, затрудняющей их конструктивное разрешение, является высокая эмоциональная насыщенность. Участники конфликта, как правило, переживают интенсивные эмоции, преимущественно негативные. Несмотря на столь значительную роль эмоций и эмоциональной регуляции во взаимодействии в конфликте, эмпирические исследования в данной области немногочисленны. В одном из немногих исследований, посвященных этой проблеме, эмпирическом исследовании Е. Гальперина и др. (Halperin et all), было показано, что успешная регуляция негативных эмоций является фактором предпочтения конструктивных стратегий и отвержения деструктивных стратегий урегулирования межэтнического конфликта [1].

Одним из важнейших современных направлений изучения эмоциональной сферы личности является концепция эмоционального интеллекта. Наиболее известным, теоретически обоснованным и эмпирически верифицированным зарубежным подходом является подход Дж. Майера, П. Сэловея и Д. Карузо [2]. Данный теоретический подход основан на эмпирических исследованиях в области взаимосвязей эмоций и мышления Дж. Майера. Дж. Майер и его коллеги рассматривают эмоциональный интеллект как вид интеллекта, направленный на переработку

эмоциональной информации. В рамках обозначенного подхода эмоциональный интеллект определяется как «способность понимать эмоции и использовать эмоции и эмоциональное знание для повышения эффективности мышления» [2, p. 511]. Предлагается четырехкомпонентная иерархическая структура эмоционального интеллекта, включающая следующие компоненты: идентификация эмоций, применение эмоций в мышлении и деятельности, понимание эмоций, управление эмоциями. Учеными теоретически обосновывается и эмпирически доказывается соответствие эмоционального интеллекта, операционализированного в рамках данного подхода, основным критериям, предъявляемым к интеллекту Г. Гарднером [2; 3].

Отечественным исследователем Д. В. Люсиным был предложен подход к изучению эмоционального интеллекта на основе теории множественного интеллекта Г. Гарднера [3]. В соответствии с теоретическим подходом Г. Гарднера Д. В. Люсиным выделяются следующие структурные компоненты эмоционального интеллекта: внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект [4]. С точки зрения ученого, развитие эмоционального интеллекта зависит от когнитивных способностей (скорости и точности переработки информации), индивидуальных особенностей эмоциональной сферы личности (чувствительности и устойчивости), субъективной значимости эмоции для личности [4]. В исследовании Л. Д. Камышниковой эмоциональный интеллект операционализируется через успешное решение задач в социальных ситуациях [5].

Необходимо отметить работы О. К. Тихомирова [6], Н. В. Казариновой [7], В. В. Овсянниковой [8], посвященные глубокому исследованию отдельных компонентов эмоционального интеллекта. В эмпирических исследованиях научной школы О. К. Тихомирова изучались проблемы взаимосвязей эмоций и мышления, роли эмоций на различных этапах решения задач [6]. В исследованиях В. В. Овсянниковой изучается проблема когнитивных и эмоциональных факторов распознавания эмоций [8; 9]. В работах Н. В. Казариновой рассматриваются проблемы понимания эмоций [7; 10]. В качестве основного критерия понимания эмоций Н. В. Казаринова рассматривает возможность их представления в знаковой форме. Социальные нормы родной культуры могут препятствовать осознанию тех или иных эмоций и чувств, как и негативный индивидуальный опыт [10]. Проблемы переживания и регуляции эмоций и эмоциональных состояний рассматриваются в работах А. О. Прохорова [11] и других отечественных исследователей.

Эмпирические исследования эмоционального интеллекта в конфликте немногочисленны. В исследовании Н. Шутте и др., проведенном с применением известной дилеммы узника, было выявлено, что эмоциональный интеллект проявляется в большей готовности к сотрудничеству с партнером [12]. В исследовании Р. Каужала и С. Т. Квантеса, проведенном с применением опросников, было показано, что эмоциональный интеллект негативно связан с выбором стратегии доминирования в конфликте [13].

Также эмпирически подтверждено на российской выборке, что высокий уровень эмоционального интеллекта проявляется в ориентации на решение проблемы, а низкий уровень эмоционального интеллекта – в сосредоточении на актуальной ситуации и переживаемых негативных эмоциях [14]. Респонденты, имеющие высокий уровень эмоционального интеллекта, проявили большую доброжелательность и меньшую враждебность по сравнению с респондентами, имеющими низкий уровень эмоционального интеллекта. В то же время было показано, что эмоциональный интеллект не влияет на готовность к обвинению партнера в конфликтной ситуации [14]. Более того, в исследовании Ю. В. Гордеевой [15] были выявлены положительные взаимосвязи между способностью к управлению эмоциями других людей и предпочтением стратегии соперничества в конфликте. Эти данные как будто бы противоречат данным Н. Шутте и Р. Каужала и С. Т. Квантеса, поскольку с отказом от доминирования и предпочтением стратегии сотрудничества положительно взаимосвязан общий уровень эмоционального интеллекта, а с предпочтением соперничества – способности к регуляции эмоций других людей. Возможно, высокое развитие способностей к регуляции эмоций других при не очень высоком уровне развития способностей к их пониманию способствует предпочтению стратегии соперничества. Ю. В. Гордеевой приводятся данные, что межличностный эмоциональный интеллект и его компонент *межличностное понимание* негативно взаимосвязаны с избеганием конфликта [15]. В исследовании М. А. Алферовой были выявлены негативные взаимосвязи показателей эмоционального интеллекта (общий уровень, межличностный эмоциональный интеллект, понимание эмоций, управление эмоциями) с предпочтением стратегии избегания конфликта [16].

В целом результаты эмпирических исследований свидетельствуют, что эмоциональный интеллект как способность к пониманию и регуляции эмоций других проявляется в трудных ситуациях межличностного взаимодействия в сотрудничестве с партнером, ориентации на решение проблемы. Люди, умеющие понимать эмоции других людей и регулировать их, в меньшей степени склонны избегать конфликтных ситуаций. Поскольку исследования проводились с участием представителей одной культуры, остается неясным, в какой степени проявление эмоционального интеллекта в конфликте является универсальным или культурно

специфическим. Целью настоящего эмпирического исследования было сравнительное исследование проявления эмоционального интеллекта в предпочтении способов взаимодействия в конфликтных ситуациях у представителей российской и голландской культур, выявление общих черт и специфических особенностей.

Организация и методы исследования

Общий объем выборки на основном этапе исследования составил 271 человека: 146 российских респондентов (40,4 % мужчин, 59,6 % женщин; средний возраст респондентов – 20,15 лет) и 125 голландских респондентов (33,6 % мужчин, 66,4 % женщин; средний возраст – 21,62 года) (таблица 1). В состав обеих выборок (русской и голландской) вошли студенты различных направлений подготовки. Голландские респонденты – студенты различных направлений подготовки университета Рэдбауд, г. Неймегена. Российские респонденты – студенты Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики и Санкт-Петербургского государственного института культуры [18].

Таблица 1. Характеристика выборки
Table 1. Characteristics of the research sample

	Мужчины	Женщины	Не указали свой пол	Всего	Средний возраст респондентов
Российские респонденты (Р)	57	87	2	146	20,15
Голландские респонденты (Г)	42	83	0	125	21,62

В исследовании применялись следующие методики: опросник «Эмоциональный интеллект» [17], методика поведенческих сценариев «Конфликтные ситуации», разработанная Е. С. Синельниковой совместно с профессором университета Рэдбауд Д. Вигболдусом [18]. Для измерения уровня эмоционального интеллекта применялся опросник Н. Шутте и др. [17]. Респондентам предлагалось оценить свое согласие с предложенными утверждениями по 7-балльной шкале. Методика имеет однофакторную структуру, позволяет получить общий показатель эмоционального интеллекта. Теоретической основой методики является ранняя версия теоретического подхода Дж. Майера, П. Сэловея, методика имеет хорошие психометрические показатели.

Методика «Конфликтные ситуации» включает описание 4 конфликтных ситуаций в деловых и личных отношениях, с равными и вышестоящими партнерами. Например, одна из конфликтных ситуаций представляла конфликт с руководителем, который поручал подчиненному дополнительную работу и обещал повышение в должности. Подчиненный достойно справился с поручением, однако руководитель не выполнил своего обещания и назначил на эту должность другого человека, ссылаясь на то, что он был вынужден это сделать согласно внутренней политике компании. Респондентам предлагается оценить по 7-балльной шкале степень предпочтения определенных способов взаимодействия в конфликте: признание чувств и позиции партнера, выражение своих чувств и позиции, предложение решения проблемы, обвинение партнера и ирония. Под способами взаимодействия в конфликте понималось высказывание, направленное на прояснение позиций сторон и выражение отношения к партнеру и / или к конфликтной ситуации [18].

В рассмотренной выше конфликтной ситуации предложение решения проблемы со стороны подчиненного было сформулировано следующим образом: «Я понимаю, что Вы не можете дать мне повышение, но, может быть, Вы заплатите мне за работу, которую я выполнил?». Ирония: «Это была блестящая идея пообещать мне повышение! Вы нашли лучший способ заставить меня делать дополнительную работу!». Обвинение: «Вы – нечестный человек. Я больше не могу доверять Вам». Выражение своих чувств и позиции: «Я чувствую разочарование, потому что Вы обещали мне повышение, но я его не получил». Методики предъявлялись респондентам на родном языке (русском и голландском). Математико-статистическая обработка данных проводилась с применением программы SPSS Statistics.

Результаты

На первом этапе анализа данных был проведен анализ первичных статистик по методикам (таблицы 2 и 3).

Был проведен сравнительный анализ предпочтения способов взаимодействия в конфликте. Была проведена проверка нормальности распределения по критерию Колмогорова-Смирнова. Результаты позволили подтвердить нормальность распределения переменных: признание чувств партнера, предложение решения проблемы, обвинение партнера. Для сравнительного анализа данных по переменным, имеющим нормальное распределение, применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок, сравнительный анализа данных по переменным, распределение которых отличается от нормального,

проводился с применением U-критерия Манна-Уитни. Голландские респонденты по сравнению с российскими респондентами в большей степени предпочитали способы, предполагающие прямую коммуникацию [19], открытое выражение своего мнения в конфликтной ситуации: признание чувств и позиции партнера ($t=4,45$; $p<0,001$), выражение своих чувств и позиции ($U=7367,5$; $p<0,05$), обвинение партнера ($t=2,89$; $p<0,01$). Российские респонденты по сравнению с голландскими респондентами в большей степени предпочитали косвенный способ выражения своего отношения к ситуации и партнеру в конфликтной ситуации *ирония* ($U=7183,5$; $p<0,01$). В исследовании не были выявлены статистически достоверные различия в предпочтении способа взаимодействия, предполагающего предложение решения проблемы с учетом интересов всех сторон конфликта.

Затем был проведен линейный регрессионный анализ, метод включения (критерий включения: $p<0,05$) с целью выявления роли эмоционального интеллекта в предпочтении способов взаимодействия в конфликте в обеих выборках. Математико-статистические расчеты выполнялись с помощью программы SPSS-17. Результаты исследования представлены в таблицах 4 и 5.

Регрессионный анализ выявил, что показатели эмоционального интеллекта позволяют предсказать предпочтение способов взаимодействия в конфликте в обеих выборках. Российские респонденты, имеющие более высокие показатели эмоционального интеллекта, в большей степени склонны предпочитать способы взаимодействия в конфликте *предложение конструктивного решения проблемы* и *выражение своих чувств и позиции в конфликте*. Голландские респонденты, имеющие более высокие показатели эмоционального интеллекта, в большей степени предпочитают способ взаимодействия в конфликте *выражение своих чувств и позиции в конфликте* и в меньшей степени склонны к ироничному взаимодействию в конфликте.

Таблица 2. Эмоциональный интеллект: описательные статистики
Table 2. Emotional intelligence: descriptive statistics

Переменная	Среднее значение	Стандартное отклонение	Дисперсия	Минимальное значение	Максимальное значение
Общий уровень эмоционального интеллекта (Р)	158,39	22,92	525,24	88	219
Общий уровень эмоционального интеллекта (Г)	157,58	15,75	248,23	94	189

Таблица 3. Предпочтение способов взаимодействия в конфликте: описательные статистики
Table 3. Preferences for conflict interaction tactics: descriptive statistics

Переменная	Среднее значение	Стандартное отклонение	Дисперсия	Минимальное значение	Максимальное значение
Признание чувств партнера (Р)	14,68	4,29	18,43	4	28
Признание чувств партнера (Г)	16,91	3,91	15,32	9	25
Выражение чувств (Р)	21,95	4,9	24,1	5	28
Выражение чувств (Г)	23,66	2,94	8,64	13	28
Предложение решения проблемы (Р)	19,39	5,14	24,39	4	28
Предложение решения проблемы (Г)	18,72	3,65	13,31	8	28
Обвинение (Р)	11,75	5,18	26,89	4	28
Обвинение (Г)	13,37	3,77	14,23	5	22
Ирония (Р)	9,55	4,1	16,86	4	23
Ирония (Г)	8,06	3,14	9,84	4	19

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа (российская выборка)
Table 4. Regression analyses (Russian sample)

	β	R-квадрат	p-уровень
Выражение своих чувств и позиции	0,3	0,09	0,00
Предложение решения проблемы	0,42	0,18	0,00

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа (голландская выборка)
Table 5. Regression analyses (Dutch sample)

	β	R-квадрат	p-уровень
Выражение своих чувств и позиции	0,249	0,062	<0,01
Ирония	-0,22	0,048	<0,05

Обсуждение результатов

Проведенное эмпирическое исследование отразило, что показатель эмоционального интеллекта как способности к пониманию и регуляции эмоций позволяет предсказать предпочтение способов взаимодействия в конфликтных ситуациях как российскими, так и голландскими респондентами. Представители обеих культурных групп, имеющие более высокие показатели эмоционального интеллекта, в большей степени предпочитают открыто выражать свои чувства в эмоционально острой ситуации, но при этом сделать это в конструктивной форме, избегая выражения враждебного отношения к партнеру. Для того чтобы выразить свои чувства и позицию во взаимодействии в конфликте в конструктивной форме, необходимо понимать переживаемые эмоции и их причины и в то же время успешно управлять своим эмоциональным состоянием, не допуская неконтролируемого возрастания интенсивности негативных эмоций. Важно предугадать, какой может быть эмоциональная реакция партнера на различные формы выражения чувств и позиции в конфликте и выбрать оптимальную форму выражения своих чувств. Обладая хорошо развитыми способностями к пониманию и регуляции эмоций, респонденты, по-видимому, испытывают большую уверенность в своей способности разрешить конфликтную ситуацию, что согласуется с данными М. А. Алферовой [16] и Ю. В. Гордеевой [17] о негативной взаимосвязи эмоционального интеллекта и предпочтения стратегии избегания конфликта.

Также российские респонденты, имеющие более высокие показатели эмоционального интеллекта, в большей степени предпочитают способы взаимодействия, предполагающие предложение конструктивного решения проблемы с учетом интересов обеих сторон. Способность осознать свои негативные эмоции и совладать с ними в сочетании со способностью к пониманию и регуляции эмоций партнера способствуют лучшей децентрации и, как следствие, большей готовности учитывать как свои интересы, так и интересы партнера. Данные нашего исследования согласуются с результатами исследования С. П. Деревянко о направленности российских респондентов, имеющих более высокий уровень эмоционального интеллекта, на решение проблемы [14].

Голландцы, имеющие более высокий уровень эмоционального интеллекта, проявили меньшую готовность к ироничному взаимодействию в конфликте. Ироничное взаимодействие предполагает косвенное выражение враждебного отношения к партнеру в конфликтной ситуации и, скорее всего, может быть связано с определенными трудностями в осознании и регуляции своих эмоций. Выявление данной закономерности только в голландской выборке может быть связано с преобладанием в Нидерландах прямого коммуникативного стиля [19], который способствует меньшей социальной приемлемости иронии, что продемонстрировали и результаты сравнительного анализа предпочтения способов взаимодействия российскими и голландскими респондентами.

Заключение

По результатам эмпирического исследования предпочтения способов взаимодействия в конфликте российскими и голландскими студентами, а также роли эмоционального интеллекта в предпочтении взаимодействия в конфликте мы можем сделать следующие выводы.

1. Существуют культурные различия в предпочтении способов взаимодействия в конфликте российскими и голландскими респондентами.

2. Голландские респонденты как представители культуры с преобладающим прямым стилем коммуникации по сравнению с российскими студентами в большей степени предпочитают способы взаимодействия, предполагающие открытое выражение чувств, позиции и отношения к партнеру в конфликте. В конфликтной ситуации в большей степени отдают предпочтение способам взаимодействия, предполагающим признание чувств и интересов партнера, выражение своих чувств и позиции в конфликтной ситуации, обвинению партнера.

3. Российские респонденты как представители культуры с преобладающим непрямым стилем коммуникации в большей степени, чем голландские, предпочитают непрямую коммуникацию с партнером в конфликтной ситуации, а именно ироничное

взаимодействие, которое позволяет им выразить свои негативные чувства в косвенной форме.

4. Эмоциональный интеллект как способность к пониманию и регуляции эмоций проявляется в предпочтении способов взаимодействия в конфликте у представителей обеих культур.

5. В эмпирическом исследовании выявлены общие черты и культурные различия в проявлении эмоционального интеллекта в конфликте.

6. Эмоциональный интеллект проявляется в большей готовности к открытому выражению своих чувств и позиции в конфликте у представителей обеих культур. Таким образом, эмоциональный интеллект способствует большей эмоциональной открытости в ситуации конфликтного взаимодействия у представителей обеих культур.

7. Эмоциональный интеллект проявляется в большей готовности к предложению решения проблемы, основанного на учете интересов обеих сторон, только у представителей российской культуры.

8. Эмоциональный интеллект проявляется в меньшей склонности к ироничному взаимодействию только у представителей голландской культуры.

Литература

1. Halperin E., Porat R., Tamir M., Gross J. J. Can Emotion Regulation Change Political Attitudes in intractable conflicts? From the laboratory to the field // Psychological Science. 2013. Vol. 24. № 2. P. 106–111. DOI: 10.1177/0956797612452572

2. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. Emotional Intelligence: a new ability or eclectic traits? // American Psychologist. 2008. Vol. 63. № 6. P. 503–517. DOI: 10.1037/0003-066X.63.6.503

3. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта. М.: И. Д. Вильямс, 2007. 512 с.

4. Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям. М.: ИП РАН, 2009. С. 264–278.

5. Камышникова Л. Д. Структура эмоционального интеллекта в контексте социальных ситуаций: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2012. 22 с.

6. Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во Московского университета, 1980. 192 с.

7. Матьяш О. И., Погольша В. М., Казаринова Н. В., Биби С. А., Зарицкая Ж. В. Межличностная коммуникация. Теория и жизнь. СПб.: Речь, 2011. 560 с.

8. Овсянникова В. В. Роль когнитивных факторов в распознавании эмоциональных состояний: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2007. 26 с.

9. Овсянникова В. В. Влияние эмоционального состояния на распознавание эмоций // Психология. Журнал высшей школы экономики. Т. 11. № 1. 2014. С. 86–101.

10. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

11. Прохоров А. О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: ИП РАН, 2009. 352 с.

12. Schutte N. S., Malouff J. M, Bobik C., Coston T. D., Greeson C., Jedlika C., Rhodes E., Wendorf G. Emotional Intelligence and Interpersonal Relationships // The Journal of Social Psychology. 2001. Vol. 141. № 4. P. 523–536.

13. Kaushal R., Kwantes C. T. The role of culture and personality in choice of conflict management strategy // International Journal of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30. № 5. P. 579–603.

14. Деревянко С. П. Ситуативные аспекты актуализации эмоционального интеллекта // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. М.: ИП РАН, 2009. С. 90–113.

15. Гордеева Ю. В. Взаимосвязь саморегуляции и поведения в конфликте с эмоциональным интеллектом у студентов гуманитарных специальностей // Молодежь третьего тысячелетия. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. С. 665–667.

16. Алферова М. А. Связь стратегий поведения в конфликте с тенденциями образа Я и эмоциональным интеллектом // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 6-2. С. 76–79.

17. Schutte N. S., John M. M., Lena E. H., Donald J. H., Cooper J. T., Charles J. G., Dornheim L. Development and validation of a measure of emotional intelligence // Personality and Individual Differences. 1998. Vol. 25. P. 167–177.

18. Синельникова Е. С. Эмоциональный интеллект как фактор взаимодействия в конфликте: кросс-культурный аспект: дис. … канд. психол. наук. СПб., 2015. 195 с.

19. Лебедева Н. М. Этнопсихология. М.: Юрайт, 2014. 647 с.

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND CONFLICT INTERACTION TACTICS PREFERENCES IN RUSSIAN AND DUTCH CULTURES

Elena S. Sinelnikova [a, @, ID]

[a] *Alexander I St. Petersburg State Transport University, 9, Moskovsky Ave., St.-Petersburg, Russia, 190031*
[@] *elena.sinelni@yandex.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/X-7482-2018*

Received 12.09.2018. Accepted 02.11.2018.

Keywords: emotional intelligence, culture, conflict situations, conflict interaction tactics, Russian participants, Dutch participants

Abstract: The present research features manifestation of emotional intelligence in preferences for conflict interaction tactics in Russian and Dutch test groups. The experiment included 146 Russian (40.4 % men, 59.6% women, mean age 20.15) and 125 Dutch students (33.6 % men, 66.4 % women, mean age 21.62). The method of behavioral scenarios was applied to evaluate preferences of tactics in a conflict situation. The participants were presented with interpersonal conflict scenarios with high power and equal partners in interpersonal and business relations. Their emotional intelligence was measured by Self-Report Emotional Intelligence Test. The research showed that emotional intelligence predetermined preferences for constructive emotion expression in both groups. In addition, the Russian test group showed preferences for constructive problem solving, while the Dutch participants demonstrated less irony and showed no readiness for indirect aggression.

For citation: Sinelnikova E. S. Kak emotsional′nyi intellekt proiavliaetsia v predpochtenii sposobov vzaimodeistviia u predstavitelei rossiiskoi i gollandskoi kul′tury [Emotional Intelligence and Conflict Interaction Tactics Preferences in Russian and Dutch Cultures]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018):157–164. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-157-164

References

1. Halperin E., Porat R., Tamir M., Gross J. J. Can Emotion Regulation Change Political Attitudes in intractable conflicts? From the laboratory to the field. *Psychological Science*, 24, no. 2 (2013): 106–111. DOI: 10.1177/0956797612452572.

2. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. Emotional Intelligence: a new ability or eclectic traits? *American Psychologist*, 63, no. 6 (2008): 503–517. DOI: 10.1037/0003-066X.63.6.503

3. Gardner H. *Struktura razuma: teoriia mnozhestvennogo intellekta* [Frames of mind: the theory of multiple intelligences]. Moscow: I. D. Vil′iams, 2007, 512.

4. Liusin D. V. Oprosnik na emotsional′nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye [EmoInmental intellectual intelligence questionnaire: new psychometric data]. *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot modelei k izmereniiam* [Social and emotional intelligence: from models to measurements.]. Moscow: IP RAN, 2009, 264–278.

5. Kamyshnikova L. D. Struktura emotsional′nogo intellekta v kontekste sotsial′nykh situatsii. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [The structure of emotional intelligence in the context of social situations. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2012, 22.

6. Vasil′ev I. A., Popluzhnyi V. L., Tikhomirov O. K. *Emotsii i myshlenie* [Emotions and thinking]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1980, 192.

7. Mat′iash O. I., Pogol′sha V. M., Kazarinova N. V., Bibi S. A., Zaritskaia Zh. V. *Mezhlichnostnaia kommunikatsiia. Teoriia i zhizn′* [Interpersonal communication. Theory and life]. Saint-Petersburg: Rech′, 2011, 560.

8. Ovsyannikova V. V. *Rol′ kognitivnykh faktorov v raspoznavanii emotsional'nykh sostoianii.* Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [The role of cognitive factors in the recognition of emotional states. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2007, 26.

9. Ovsyannikova V. V. Vliianie emotsional′nogo sostoianiia na raspoznavanie emotsii [Influence of emotional states on emotion recognition]. *Psikhologiia. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, no. 1 (2014): 86–101.

10. Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., *Pogol'sha V. M. Mezhlichnostnoe obshchenie* [Interpersonal communication]. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 544.

11. Prokhorov A. O. *Smyslovaia reguliatsiia psikhicheskikh sostoianii* [Semantic regulation of mental states]. Moscow: IP RAN, 2009, 352.

12. Schutte N. S., Malouff J. M, Bobik C., Coston T. D., Greeson C., Jedlika C., Rhodes E., Wendorf G. Emotional Intelligence and Interpersonal Relationships. *The Journal of Social Psychology*, 141, no. 4 (2001): 523–536.

13. Kaushal R., Kwantes C. T. The role of culture and personality in choice of conflict management strategy. *International Journal of Intercultural Relations*, 30, no. 5 (2006): 579–603.

14. Derevianko S. P. Situativnye aspekty aktualizatsii emotsional′nogo intellekta [Situational aspects of the actualization of emotional intelligence]. *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot protsessov k izmereniiam* [Social and emotional intelligence: from processes to measurements]. Moscow: IP RAN, 2009, 90–113.

15. Gordeeva J. V. Vzaimosviaz′ samoreguliatsii i povedeniia v konflikte s emotsional′nym intellektom u studentov gumanitarnykh spetsial′nostei [Interrelation of self-control and conflict behavior modes with the emotional intelligence at students of humanitarian specialties]. *Molodezh' tret'ego tysiacheletiia* [Youth of the Third Millennium]. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2016, 665–667.

16. Alferova M. A. Sviaz′ strategii povedeniia v konflikte s tendentsiiami obraza Ia i emotsional′nym intellektom [Connection of behavior strategies in conflict with trends of image and emotional intelligence]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, no. 6-2 (2018): 76–79.

17. Schutte N. S., John M. M., Lena E. H., Donald J. H., Cooper J. T., Charles J. G., Dornheim L. Development and validation of a measure of emotional intelligence. *Personality and Individual Differences*, vol. 25 (1998): 167–177.

18. Sinelnikova E. S. *Emotsional'nyi intellekt kak faktor vzaimodeistviia v konflikte: kross-kul'turnyi aspekt.* Diss. kand. psikhol. nauk [Emotional intelligence as a factor of interaction in a conflict: cross-cultural aspect. Cand. Psychol. Sci. Diss.]. Saint-Petersburg, 2015, 195.

19. Lebedeva N. M. *Etnopsikhologiia* [Ethnopsychology]. Moscow: Iurait, 2014, 647.

УДК 159.9

ОСНОВНЫЕ ТРАКТОВКИ ПОНИМАНИЯ ВОЛИ В РАМКАХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Ольга Ю. Смирнова [a, @, ID1]***; Владимир П. Серкин*** [a, ID2]

[a] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, г. Москва, Армянский переулок, 4, стр. 2*
[@] *o.smirnovau@mail.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-9467-3956*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0003-1752-4372*

Поступила в редакцию 02.11.2018. Принята к печати 03.12.2018.

Ключевые слова:
воля, энергия, волевое усилие, энергетический потенциал, личность, сила, активность, волевой ресурс, энергетический подход

Аннотация: Целью статьи является историко-философско-психологический анализ понятия *воля* в рамках энергетического подхода. Отмечено существование различных подходов к определению воли, обоснована необходимость ее рассмотрения в новой перспективе с учетом ее энергетической составляющей. Описывается история развития понятия *энергия* и делается сравнительный анализ его определений в философской и психологической литературе, который позволяет заключить, что многие философы трактуют энергию как физическую сущность, в то время как психологи акцентируют внимание на психической составляющей данного понятия. Представлен детальный обзор отечественной и зарубежной научной литературы, в которой при описании характеристик волевых качеств и воли отмечаются энергетические затраты, энергетические усилия, энергетический ресурс действия, а также понятие *энергия* используется в процессе исследования поведения, мотивации, саморегуляции и т. д. В заключение на основании проведенного анализа литературы предлагается определенная трактовка воли в рамках энергетического подхода. Кроме того, сделано предположение, что энергия воли вызывает изменение состояний сознания, в конечном счете приводящее к определенным целенаправленным действиям или деятельности в целом. Результаты исследования позволят, с одной стороны, некоторым образом раскрыть одну из граней сложного и трудно объективируемого понятия *энергия* в психологии, с другой – помогут в исследовании и определении не менее сложного и противоречивого понятия *воля*.

Для цитирования: Смирнова О. Ю., Серкин В. П. Основные трактовки понимания воли в рамках энергетического подхода // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 165–174. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-165-174

Введение

В психологической науке проблема воли до сих пор остается актуальной, поскольку, по мнению исследователей, является одной из наиболее сложных и до сих пор не до конца разрешенных (В. И. Селиванов, В. А. Иванников, Е. П. Ильин, А. Р. Батыршина, А. С. Маркон, В. П. Прядеин, К. Р. Сидоров, M. Brass, M. T. Lynn, J. Demanet, D. Rigoni и др.). В современной психологии существует целый ряд подходов к определению воли. Основными из них являются мотивационный подход, подход «свободного выбора» и регуляционный подход [1]. Воля также рассматривается как волюнтаризм, долженствование, контроль за действием [2], как волевая активность, способность совершать действия, вызванные необходимостью справляться с препятствиями [3] и др. Мы, вслед за В. А. Иванниковым, считаем волю сложным, системно построенным образованием [1]. В статье отмечается, что системность построения воли проявляется не только в связи воли с эмоциями, аффектами, вниманием, мышлением, мотивацией, саморегуляцией, самодетерминацией, самоконтролем и т. д., но и в том, что воля как сложный психический процесс имеет в своей основе значительную энергетическую составляющую. В научной литературе энергетическая составляющая различных психических процессов не раз упоминалась учеными. Следует, однако, отметить, что в поле зрения большинства исследователей не попадает энергетическая составляющая воли, изучение которой, на наш взгляд, внесет определенный вклад в разработку этого сложного и многопланового понятия, ведь понятие энергии сегодня является одной из мировоззренческих и философских универсалий, связывающих воедино все явления природы. Неразрывную связь человека и энергии еще в конце XVIII в. отмечал французский философ П. А. Гольбах, подчеркивая,

что «все, что он (человек) делает и что происходит в нем, является следствием <…> энергии» [4, с. 118]. К. Г. Юнг также отмечал, что «все психологические явления можно рассматривать как проявления энергии, точно так же, как понимаются уже все явления физические, с тех пор как Р. Майер открыл закон сохранения энергии» [цит по: 5, с. 19]. В унисон этой точке зрения звучит мнение В. М. Бехтерева о том, что жизнь и психика производны от энергии, которой обязаны все материальные и психические проявления [6]. Авторы статьи «К вопросу о становлении понятия "энергии"» (2015), исследуя динамику появления и развития понятия энергии в физике и философии, утверждают очевидность значения этого понятия для тщательного изучения личности [7]. Следует, однако, разграничивать понятия физической энергии и психической энергии, на которую многие ссылаются как на особый вид энергии (*личностная энергия, жизненная энергия, психическая энергия* и т. д.) и феноменологически ее описывают (З. Фрейд, К. Г. Юнг, К. А. Абульханова, Т. Н. Березина, У. Джеймс, С. Д. Максименко и др.), модель которой до сих пор не описана.

Трактовка воли в рамках энергетического подхода представляется особенно перспективной в настоящее время, когда научное знание вступило в постнеклассический период своего развития, характеризующийся необходимостью более полного и глубокого изучения явлений для получения адекватной картины мира и создания «общенаучной картины мира на основе принципов универсального эволюционизма» [8, с. 457]. В настоящей статье впервые предлагается детальный обзор научных работ, в которых воля определяется через категорию энергии.

История развития понятия *энергия*

Известно, что понятие *энергия* уходит корнями в античное время и ассоциируется с именем Аристотеля, который тесно связывал его с понятием *энтелехия*. Под энергией Аристотель понимал деятельностный акт, акт совершения возможного, в то время как энтелехия возникает вследствие осуществления вышеуказанного деятельностного акта; это то, что происходит с вещью, когда она из потенциального состояния переходит в реальное бытие [9].

История развития энергии (как физической величины) нашла свое отражение в целом ряде работ [7; 10] и др.). Исследователи отмечают, что еще в 1686 г. Г. В. Лейбниц был близок к тому, что соответствует современным представлениям о механической энергии, хотя и не употреблял этого термина. В 1807 г. английский ученый Томас Юнг, один из основоположников волновой теории света, ввел его в научный обиход, придав тем самым этому понятию научный статус [7]. Понятие *кинетическая энергия* было впервые применено британским физиком и механиком У. Томсоном [10; 11].

В 1847 г. на заседании физического общества в Берлине Г. Гельмгольц впервые ввел термин *потенциальная энергия* в механику, понимая под ней энергию напряженных сил [12; 13], а также описал и математически обосновал закон сохранения силы (энергии) [12]. По мнению других авторов [10], понятие *потенциальная энергия* было в первый раз использовано в 1853 г. шотландским инженером, механиком и физиком, одним из основателей технической термодинамики У. Ранкиным. Лауреат Нобелевской премии Р. Фейнман, отмечая разнообразные формы существования энергии, пишет: «Есть энергия, связанная с движением (кинетическая энергия); энергия, связанная с гравитационным взаимодействием (она называется потенциальной энергией тяготения); тепловая, электрическая и световая энергия; энергия упругости в пружинах; химическая энергия и, наконец, энергия, которой обладает частица в силу одного своего существования, – эта энергия прямо зависит от массы» [14, с. 61].

Соотношение понятий *энергия* и *воля* в философии и психологии

В философии энергетический подход берет свое начало с энергетической теории В. Ф. Оствальда, который рассматривал энергию как «общую субстанцию, которая вместе с тем является общей акциденцией» [15, с. 105]. Энергия как субстанция понималась В. Ф. Оствальдом как существующая и неизменчивая в пространстве и времени, в то время как энергия в качестве акциденции – случайно возникающая, изменчивая, преходящая в пространстве и времени. Такое представление об энергии имеет много общего с пониманием энергии хронотопа В. П. Зинченко [16]. Полагаем, что авторы во многом сходным образом описывали сущностные характеристики энергии. В. Ф. Оствальд называет субстанцией то, что В. П. Зинченко описывает как «пространственно-временные в физическом смысле этого слова телесные ограничения», а акциденция В. Ф. Оствальда – это «безграничность времени и пространства, т. е. вечность и бесконечность» у В. П. Зинченко [16, с. 314]. Другими словами, энергия характеризуется двумя чертами: субстанцией, ограниченной в пространстве и времени, и акциденцией, обладающей свойством случайности, изменчивости. В. Ф. Оствальд трактовал энергию не только через вышеуказанные категории (субстанции и акциденции), но и определял ее через категорию *работа* [15, с. 114], что сближает его трактовку с пониманием энергии другими учеными-философами. Представляется необходимым проследить различие в определениях энергии, предложенных философами и психологами, которое, на наш взгляд, значительно. Сравнительный анализ определений понятия *энергия* в представлении философов и психологов отражен в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Сравнительный анализ определений понятия *энергия* в философии
Table 1. Comparative analysis of the definitions of the concept of *energy* in philosophy

Грот Н. Я. (1897)	«Способность деятеля (тела) совершать <…> работу, т.е. движение, вопреки препятствиям» [17, с. 268]
Оствальд В. Ф. (1903)	«Работа, т.е. все, что может происходить из работы и быть превращаемо в работу» [15, с. 114]
Розенталь М. М., Юдин П. Ф. (1954)	«Мера движения материи» [18, с. 691]
Гуревич П. С. (2007)	«Деятельность, активность, сила в действии» [19, с. 790]
Новая философская энциклопедия (2010)	«Действие, осуществление» [20, с. 442]

Таблица 2. Сравнительный анализ определений понятия *энергия* в психологии
Table 2. Comparative analysis of the definitions of the concept of *energy* in psychology

Юнг К. Г. (2001)	«В смысле субъективном и психологическом понимается как *желание*. Я называю ее либидо, <…> *либидо* можно понимать как жизненную энергию» [цит по: 5, с. 19]
Головин С. Ю. (1998)	1. «Мера движения». 2. «Мера способности производить работу». 3. «Деятельная сила<…> в осуществлении цели» [23, с. 296]
Бодалев А. А., Деркач А. А., Лаптев Л. Г. (2001)	«Форма психической активности, сила выражения состояний, способностей, потребностей, вызывающих интенсивные изменения при воздействии» [24, с. 76]
Ребер А. (2000)	«Этот термин обычно используется как приблизительный эквивалент понятий *сила* или *мощь*, как описание психологической активности» [25]
Немов Р. С. (2007)	«Реальность, отличная от материи и являющаяся источником существующих в мире движений и преобразований» [22, с. 495–496]

Из таблицы 1 видно, что в философских источниках прослеживается тенденция определять энергию в рамках классической науки в соответствии с физическим пониманием энергии. Причем данная тенденция, на наш взгляд, не потеряла своей актуальности и по сей день. Современные исследователи Ю. Т. Глазунов и К. Р. Сидоров, авторы ряда статей, посвященных теме воли, предлагают понятие волевого ресурса, обозначая им «количественную меру возможности проявления волевых усилий для преодоления препятствий на пути достижения цели», подчеркивая при этом, что «трудно не заметить сходства приведенного определения с понятием энергии как способности тела совершать работу» [21, с. 64]. Представляется, что авторы попытались совместить физическую и психологическую реальности в единую целостную картину.

Иная тенденция наблюдается в определениях энергии, данных психологами, большинство из которых актуализируют психологическую составляющую этого понятия, а именно энергию психическую, а не физическую, представляющую собой «гипотетический вид энергии, лежащей в основе психических (психологических) явлений и / или связанной с работой материального органа психики – головного мозга» [22, с. 495–496].

Из таблицы 2 очевидно, что при определении понятия *энергия* один из основных акцентов делается на ее активностную составляющую, на ее действующий, деятельный компонент. По мнению М. И. Лисиной, понятие *активность* используется для обозначения трех различных явлений: активность как деятельность, активность как противоположность пассивности и активность как противоположность реактивности. При этом обозначенные ипостаси активности имеют нечто общее, некоторое объединяющее начало, указывающее «на наличие энергии и ее мобилизованность» [26, с. 19]. Когда говорится об активности как таковой, имеется «в виду как раз центральный энергетический заряд, кроющийся в обозначаемых им вариантах явлений. Поэтому синонимом «активности» выступают такие словосочетания, как *умственная энергия* (Ч. Спирмен), *нервно-психическая энергия* (А. Ф. Лазурский)» [26, с. 19]. Данное положение, а также приведенные выше трактовки энергии свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что в понятии энергии присутствует неизменный и отличительный признак – активность.

Следует отметить, что психологи, которые пишут о психической энергии, далеко не всегда[1] дают четкое определение этого понятия, но при этом оперируют такими понятиями, как энергия, энергозатраты, личностная энергия, энергетические усилия и т. д.

В. А. Ганзен, разрабатывающий системный подход в психологии, предлагает четыре общенаучных понятия для описания любого объекта или субстрата: время, пространство, энергия и информация [27]. В. Д. Балин добавляет к этим характеристикам понятие *вещество / материя* и соотносит их с отделами нервной системы. Автор объединяет материю и энергию в одну категорию, которой соответствует вегетативная система, связанная, по его мнению, с питанием и энергозатратами [28].

К. А. Абульханова и Т. Н. Березина, исследуя движущие силы личности, («личность в ее темпоральной сущности» [29, с. 22]), предлагают конкретизировать понятие *активность личности* понятием *личностная энергия* [29, с. 285], которая, по их мнению, раскрывает активность личности не только с субъектно-объектной позиции, «но как субъекта, включенного в Мир, Вселенную» [29, с. 286], придавая тем самым масштабный статус субъектности личности. Активность и энергия рассматриваются в качестве основы всех душевных процессов и проявлений человека и Л. В. Куликовым, который даже прирожденную одаренность объясняет общим потенциальным запасом нервно-психической энергии [30].

В монографии «Методология психологии» рассматривается энергийная проекция человека со ссылкой на С. С. Хоружего, который следующим образом описывает представление о человеке, получившее развитие в аскетической антропологии: «Человек – (само)деятельный центр, энергии – разнонаправленные, разнородные, взаимодействующие "ростки деятельностей" этого центра, образующие совокупную систему, меняющуюся конфигурацию – проекцию человека в план энергии, которую естественно назвать энергийным образом человека» [31, с. 85].

В классическом психоанализе (З. Фрейд) и в современной психоаналитической традиции особое внимание уделяется психической энергии, под которой понимается внутренний опыт, ощущения, возникающие в сознании, которые имеют соматические свойства (P. Russell).

Несмотря на возрастающий интерес к понятию энергии в психологии и относительно частое его использование в качестве объяснительной категории, природа энергии остается неясной. Неслучайно В. П. Зинченко отмечает, что «мы подходим к одному из самых трудных пунктов, к вопросу о природе энергии. <…> Психологии, да и науке в целом, до таких высот подниматься рановато» [16, с. 316]. Таким образом, понятие энергии, которое существует как некое абстрактное движимое начало, имеющее свое обозначение в философии и достаточно устойчиво закрепившееся в ней, не является в настоящее время полноправной категорией в психологической науке. Тем не менее, несмотря на различные трудности проникновения этого понятия в психологию, многие авторы используют его при описании волевых процессов и воли в целом. Так, В. В. Зеленский, определяя волю, подчеркивает ее энергетическую составляющую. Воля, согласно В. В. Зеленскому, представляет собой «*энергетический*[2] аспект сознания, или силу сознания, в отношении к бессознательному вообще и к инстинктам в частности» [32, с. 263].

Ряд исследователей при описании воли или волевых усилий используют термины *энергия, жизненная энергия, энергичная воля*. У. Джеймс, например, отмечая различные состояния сознания в зависимости от их способности вызывать движение, пишет о том, что порой в деятельности возникают застои, паузы, приводящие к пробуждению в нас лени, «которую можно преодолеть только при помощи *энергичного* усилия воли» [33, с. 381]. Кроме того, У. Джеймс, разделяя людей на тех, кто характеризуется повышенной волевой активностью, и тех, кто имеет пониженную активность воли, утверждает, что нельзя определить, кто из данной типологии имеет большее количество «жизненной энергии» [33, с. 383].

П. В. Симонов, полагающий в качестве филогенетической предпосылки воли «рефлекс свободы», описанный И. П. Павловым, считает, что преградой к достижению цели могут выступить конкурирующие мотивы. Последние могут быть преодолены, по мнению автора, как с помощью потребности в совершении поступка, так и с помощью «той дополнительной активности, *энергии*, источником которой служит собственно воля, как реакция на преграду» [34, с. 86]. Данное положение отчетливо показывает неразрывную связь воли и энергии.

Б. М. Теплов отмечает бесспорный факт, заключающийся в том, что под волей разумеется сложное сочетание свойств, таких как «сила характера, мужество, решительность, *энергия*, упорство и т. д.» [35, с. 227].

П. Я. Гальперин предлагает оригинальную трактовку воли как такой формы ориентировочной деятельности человека, когда «ни интеллектуальной, ни аффективной оценки уже недостаточно» [36, с. 188]. Эти положения требуют от субъекта способности принять на себя ответственность, выработать оптимальное решение в сложившейся ситуации морального выбора, причем, «усилие, связанное с волевым решением, предполагает известные *энергетические* затраты» [37, с. 141]. Во многом это положение

[1] Скорее, никогда, но мы не претендуем на обзор всей литературы по теме.

[2] Здесь и далее выделение слов энергетический, энергия наше.

П. Я. Гальперина перекликается с одним из пятнадцати тезисов «возможной автономной теории воли» Г. Г. Кравцова. Речь идет о девятом тезисе: «Волевые действия требуют больших *энергетических* затрат, и поэтому они эпизодичны и относительно кратковременны. Невозможно все время стоять на цыпочках и быть на голову выше самого себя» [38, с. 34].

В. А. Ананьев утверждает, что воля реализует «*энергетически*-волевое обеспечение» поведения [39, с. 21], подчеркивая тем самым роль воли как энергетического регулятора поведения. Кроме того, ученый прослеживает связь воли-энергии-информации, говоря о том, что в случае, когда человек владеет информацией, его энергия направлена на цель, в обратном случае, когда информации недостаточно или она отсутствует, энергия воли способна деструктировать личность «через нарастание душевной энтропии» [39, с. 21]. Автор, таким образом, раскрывает важный механизм возникновения дестабилизирующего поведения личности, заключающийся в отсутствии поступающей информации и, как следствие, приводящий к беспорядочному круговороту психической энергии. Данная точка зрения относительно деструктивных проявлений личности, причиной которых выступает скопившаяся энергия, находит свое подтверждение у М. И. Владиславлева, утверждающего, что «при таком ненормальном положении личности возможны фатальные скопления *энергии* в желаниях поверхностных, неглубоких, которые, будучи осуществленными, служат знаком падения человека в нравственном и общественном отношениях» [40, с. 534].

Е. П. Ильин, описывая точку зрения В. А. Иванникова относительно волевого поведения, пишет, что трудности, которые настигают субъекта, по В. А. Иванникову, разрешаются заменой более слабого мотива более сильным. При этом «старый мотив "занимает" *энергию* у нового, более значимого мотива» [2, с. 34].

Продолжая тему мотива как одного из звеньев в структуре деятельности, необходимо особо отметить точку зрения К. Левина. Потребности, по К. Левину, это не биологические и социальные потребности, имеющие специфические физиологические механизмы, а чисто психические энергии, и именно эти «психические *энергии*, т. е. системы психических напряжений, которые происходят от давления воли или потребности, являются всегда необходимым условием появления психического явления» [цит. по 41, с. 69].

В. И. Селиванов, исследуя волевое усилие, приходит к выводу о том, что оно появляется в тех случаях, когда человек при достижении цели обнаруживает дефицит энергии и для достижения успеха начинает осуществлять сознательную мобилизацию [42]. Автор неоднократно обращается к понятию энергии при описании воли как активного, развитого процесса: «развитая воля предполагает экономное расходование нервно-психической *энергии*, когда сознательные импульсы направлены не только на усиление и ускорение процессов, но при необходимости – и на их ослабление или замедление» [42, с. 13].

Важное значение энергии в психологии придавал М. И. Владиславлев. К примеру, описывая процесс возрождения, взращивания личности, в котором участвует воля, автор оперирует категорией энергии: «Собираясь со своей *энергией* в себе, он, (человек), решительно отрицает все фальшиво наросшее в его воле и начинает новую жизнь, на основе глубоких первоначальных данных своей воли» [40, с. 535].

Особого внимания заслуживает точка зрения О. Ю. Герасимовой, которая определяет волю как реально существующее явление психики, означающее «*энергетический* потенциал действий человека» [43, с. 118], как «мощный *энергетический* источник осуществления задуманного» [43, с. 119]. Интересно, что О. Ю. Герасимова считает, что воля затрагивает духовную сторону развития личности: «воля есть проводник высокоактивного потока *энергии*» [43, с. 119], относящегося к духовной жизни человека. Косвенным подтверждением этого служат результаты проведенного нами исследования, целью которого являлся анализ представлений о воле в обыденном сознании методами психосемантики. На основе логарифмического критерия неслучайности ассоциаций (при n=102) и при ρ=0,01 [44] были установлены значимые ассоциации на стимул *воля, волевой*, среди которых такие ассоциации, как сила, цель, сила духа, характер, человек и др., занимают наивысшие по частоте ранги[3].

Ю. Т. Глазунов, К. Р. Сидоров, определяя волю в рамках регулятивного подхода, оперируют понятием волевого ресурса [21]. Авторы отмечают, что «понятие волевого ресурса тесно связано с внутренней *энергией* организма, предназначенной им на преодоление препятствий, возникающих на пути достижения цели» [21, с. 72].

Зарубежные исследователи, изучающие проблему воли, также затрагивали тему энергии. Так, M. T. Gailliot, R. F. Baumeister, C. N. DeWall и др. пишут о том, что волевое поведение требует больших усилий и немалых *энергетических затрат*, и по этой причине затрачивает гораздо больше *энергии* на свое осуществление, нежели поведение, не основывающееся на волевой силе [45]. R. F. Baumeister, E. Bratslavsky, M. Muraven, M. Tice Dianne исследуют суть процесса саморегуляции

[3] Результаты магистерской работы «Психосемантический анализ представлений о воле» О. Ю. Смирновой (НИУ ВШЭ), написанной в 2016 г.

и предлагают три его модели: саморегуляция как навык, как устойчивая когнитивная структура, схема, выполняющая операции и вызывающая реакции, и, наконец, саморегуляция как проявление *энергии*. Третий вид модели саморегуляции представляет в основе своей энергию. В данном случае речь идет о том, что акты саморегуляции вызывают определенное напряжение, которое затрачивает энергию, сокращая допустимый ее запас. Таким образом, механизм саморегуляции, в котором принимает участие воля, определяется через категорию энергии [46, p. 1254]. Leshan Li, приводя в своей диссертации метафору F. Weinert, характеризующую волю как процесс принятия решения, пишет, что при таком понимании волю можно определить как *независимый источник энергии* и как регуляцию или контролирующую функцию [47, p. 59]. Avi Sion считает, что воля запускает механизм, позволяющий *внутренней энергии* трансформироваться и порождать определенные физические процессы [48, p. 162]. K. Kivinen, ссылаясь на J. Kuhl, отмечает, что воля направляет и контролирует интеллектуальную, эмоциональную и поведенческую *энергию*, направленную на достижение академических и других целей [49, p. 32]. Интересно, что зарубежные исследователи и психотерапевты исследуют особую сферу психологии – *энергетическую психологию*, различные ее подходы и методы, которые находят широкое практическое применение в психотерапии, в частности, в случаях посттравматического стрессового расстройства и предоперационного стрессового состояния [50–52].

Заключение

Таким образом, детальный обзор литературы позволяет сделать следующие выводы.

1. В настоящее время воля, понимаемая как в специфическом (онтологическом), так и широком смысле (и феномен, и понятие), вновь привлекает пристальное внимание исследователей, о чем свидетельствуют многочисленные недавно появившиеся работы, посвященные волевой проблематике.

2. Понятие *энергия* имеет многовековую историю изучения и рассматривается как минимум в двух основных аспектах: а) как физическая реальность (в философских трактовках); б) как философская, психическая и психологическая феноменология (наряду с личностью, сознанием, мотивами, психическими свойствами и др.).

3. Психологи, изучающие волю и ее составляющие, в основном опираются на описание воли как энергетического феномена, упуская из виду или откладывая необходимость объяснения изучаемого.

4. При анализе определений энергии была выявлена общая черта подавляющего числа определений последней – ее активная составляющая.

В заключение предлагаем определение воли в рамках энергетического подхода, основанное на синтезе имеющихся точек зрения. Воля – составляющая активности, проявляемая как энергетический потенциал деятельности, направленной на решение проблем, и обнаруживающая себя в трех аспектах: 1) как источник дополнительной энергии, направленной на достижение цели [34; 39; 43]; 2) как структура, контролирующая и направляющая энергию [47; 49]; 3) как усилие в условиях дефицита энергии (волевое усилие), вызывающее последующую сознательную мобилизацию [33; 37; 42; 45]. Представляется, что энергия воли способствует изменению состояния сознания, что в итоге приводит к определенным целенаправленным действиям или деятельности в целом.

Литература

1. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. 3-е изд. СПб.: Питер, 2006. 208 с.

2. Ильин Е. П. Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 368 с.

3. Батыршина А. Р., Мазилов В. А. Историческая представленность категорий «воля» и «волевая регуляция» в отечественных учебниках психологии // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 214–222.

4. Гольбах П. А. Д. Избранные произведения. В 2 т. / под общ. ред. Х. Н. Момджяна. М.: Соцэкгиз, 1963. Т. 1. 714 с.

5. Аналитическая психология и психотерапия / сост. В. М. Лейбин. СПб.: Питер, 2001. 512 с.

6. Бехтерев В. М. Психика и жизнь. СПб.: К. Л. Риккер, 1904. 206 с.

7. Яцевич О. Е., Тарасова О. В. К вопросу о становлении понятия «энергия» // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19. С. 184–186.

8. Степин В. С. Философия и методология науки. М.: Акад. проект: Альма Матер, 2015. 716 с.

9. Аристотель. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.

10. Казиев З. В., Кучер М. И. Развитие представлений об энергии, энергетике и возможностей альтернативной энергетике // Студенческий научный форум: материалы VIII Междунар. студ. электр. науч. конф. 2017. Режим доступа: https://scienceforum.ru/2017/article/2017030463 (дата обращения: 11.06.2018).

11. Макаровский В. Взгляд на мироздание. М.: Издательские решения, 2015. 210 с.

12. Гельмгольц Г. О сохранении силы / под общ. ред. А. Д. Архангельского, В. А. Костицына, Н. К. Кольцова, П. П. Лазарева, Л. А. Тарасевича. М.: Гос. изд-во, 1922. 72 с.

13. Алексеев Г. Н. Преобразование энергии. М.: Наука, 1966. 193 с.
14. Фейнман Р. Ф. Характер физических законов / пер. с англ. В. П. Голышева, Э. Л. Наппельбаума. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1987. 160 с.
15. Оствальд В. Ф. Философия природы / пер. с нем. О. А. Давыдовой; под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. 326 с.
16. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 314 с.
17. Грот Н. Я. Понятие души и психической энергии в психологии // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. II(37). С. 239–300.
18. Краткий философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. 704 с.
19. Гуревич П. С. Психологический словарь. М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА Пресс Образование, 2007. 800 с.
20. Энергия // Новая философская энциклопедия / ред. В. С. Степин. В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 442.
21. Глазунов Ю. Т., Сидоров К. Р. Волевой ресурс и его распределение // Сибирский психологический журнал. 2018. № 67. С. 62–76. DOI: 10.17223/17267080/67/5
22. Немов Р. С. Психологический словарь. М.: ВЛАДОС, 2007. 560 с.
23. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 551 с.
24. Рабочая книга практического психолога: пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А. А. Бодалёва, А. А. Деркача, Л. Г. Лаптева. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 640 с.
25. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. М.: Вече: АСТ, 2000. 591 с.
26. Лисина М. И. Развитие познавательной активности детей в ходе общения со взрослыми и сверстниками // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 18–35.
27. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.
28. Балин В. Д. Практикум по психофизиологии. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2015. 148 с.
29. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
30. Куликов Л. В. Психология личности в трудах отечественных психологов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Питер, 2009. 464 с.
31. Василюк Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г., Петровский В. А., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Методология психологии: проблемы и перспективы / под ред. Т. Г. Щедриной. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 509 с.
32. Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Когито-Центр, 2008. 336 с.
33. Джеймс У. Психология / под ред. Л. А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
34. Симонов П. В. О филогенетических предпосылках воли // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 84–88.
35. Теплов Б. М. Избранные труды. В 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т. 1. 328 с.
36. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука / под ред. А. И. Подольского. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 480 с.
37. Гальперин П. Я. Введение в психологию. 2-е изд. М.: Университет, 2000. 336 с.
38. Кравцов Г. Г. Онтогенез воли // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2012. № 15. С. 29–41.
39. Ананьев В. А. Основы психологии здоровья. Кн. 1: Концептуальные основы психологии здоровья. СПб.: Речь, 2006. 384 с.
40. Владиславлев М. И. Психология. Исследования основных явлений душевной жизни. СПб., 1881. Т. 2. 628 с.
41. Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 510 с.
42. Селиванов В. И. Воспитание воли в условиях соединения обучения с производственным трудом. М.: Высш. школа, 1980. 95 с.
43. Герасимова О. Ю. Воля как проявление энергии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7. С. 118–122.
44. Серкин В. П. Решение задачи о случайности / неслучайности количества групповых ассоциаций: критерий оценки и валидный набор ассоциаций // Психологическая диагностика. 2009. № 4. С. 22–31.
45. Gailliot M. T., Baumeister R. F., DeWall C. N., Maner J. K., Plant E. A., Tice D. M., Brewer L. E., Schmeichel B. J. Self control relies on glucose as a limited energy source: willpower is more than a metaphor. // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. № 92. P. 325–336. DOI:10.1037/0022-3514.92.2.325
46. Baumeister R. F., Bratslavsky E., Muraven M., Tice D. M. Ego depletion: is the active self a limited resource? // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. № 74. P. 1252–1265. DOI:10.1037/0022-3514.74.5.1252

47. Leshan Li. Action theory and cognitive psychology in industrial design: user models and user interfaces. Academic dissertation. 1999. 177 p. Режим доступа: http://opus.hbk-bs.de/files/7/DISS.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

48. Sion Avi. Volition and allied causal concepts. 2004. 408 p.

49. Kivinen K. Assessing motivation and the use of learning strategies by secondary school students in three international schools. Academic dissertation. 2003. 228 p.

50. Church D., Feinstein D. Energy psychology in the treatment of PTSD: Psychobiology and clinical principles. Eds. In T. Van Leeuwen, M. Brouwer // Psychology of trauma. Hauppage, NY: Nova Science, 2013. P. 211–224.

51. Thomas R. M., Cutinho S. P., Darryl M. S. Aranha emotional freedom techniques (EFT) reduces anxiety among women undergoing surgery // Energy psychology: theory, research, and treatment. 2017. № 1. P. 18–25. DOI: 10.9769/EPJ.2017.9.1.RT

52. Burk L. Single session EFT (emotional freedom techniques) for stress-related symptoms after motor vehicle accidents // The energy psychology journal. 2010. Vol. 2. № 1. P. 65–71. DOI: 10.9769/EPJ.2010.2.1.LB

THE BASIC INTERPRETATIONS OF VOLITION IN THE FRAMEWORK OF THE ENERGETIC APPROACH

Olga Y. Smirnova [a, @, ID1]***; Vladimir P. Serkin*** [a, ID2]

[a] *National Research University Higher School of Economics, buil. 2, 4, Armenian lane, Moscow, Russia, 101000*
[@] *o.smirnovau@mail.ru*
[ID1] *https://orcid.org/0000-0002-9467-3956*
[ID2] *https://orcid.org/0000-0003-1752-4372*

Received 02.11.2018. Accepted 03.12.2018.

Keywords: volition, energy, volition effort, energetic capacity, personality, power, activity, volition resource, energetic approach

Abstract: The article features a historical, philosophical, and psychological analysis of the concept of volition in the framework of the energetic approach. While acknowledging the existence of different approaches to volition, the authors justify the necessity to investigate this phenomenon from a new angle taking into consideration its energy component. The paper describes the history of the development of the concept of energy and gives a comparative analysis of its definitions in philosophical and psychological literature, which makes it possible to state that philosophers treat energy as a physical phenomenon, whereas psychologists focus on the psychic component of this concept. The authors offer a detailed review of the literature (domestic and foreign) in which volition and volitional qualities are defined through energy costs, energy efforts, and the concept of energy is used when studying behaviour, motivation, self-regulation, etc. In conclusion, the authors give their own interpretation of volition within the energetic approach based on the synthesis of the points of view described. The authors also make an assumption that the energy of volition changes the state of consciousness, which, in the long run, leads to some purposeful actions. The research results will make it possible to disclose, to some extent, one of the aspects of the complicated concept of energy in psychology. It will also help to investigate and define the intricate and contradictory concept of volition.

For citation: Smirnova O. Y., Serkin V. P. Osnovnye traktovki ponimaniia voli v ramkakh energeticheskogo podkhoda [The Basic Interpretations of Volition in the Framework of the Energetic Approach]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 165–174. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-165-174

References

1. Ivannikov V. A. *Psikhologicheskiie mekhanizmy volevoi reguliatsii* [Psychological mechanisms of volitional regulation]. Saint-Petersburg: Piter, 2006, 208.

2. Il′in E. P. *Psikhologiia voli* [Psychology of the will]. Saint-Petersburg: Piter, 2009, 368.

3. Batyrshina A. R., Mazilov V. A. Istoricheskaia predstavlennost′ kategorii "volia" i "volevaia reguliatsiia" v otechestvennykh uchebnikakh psikhologii [Historical representation of the "will" and "volitional regulation" categories in local psychology textbooks]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2, no. 4 (2014): 214–222.

4. Golbakh P. A. D. *Izbrannyie proizvedeniia* [Selected works]. Ed. Momdzhian Kh. N. Moscow: Sotsekgiz, vol. 1 (1963): 714.

5. *Analiticheskaia psikhologiia i psikhoterapiia* [Analytical psychology and psychotherapy]. Comp. Leibin V. M. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 512.

6. Bekhterev V. M. *Psikhika i zhizn′* [Mind and life]. Saint-Petersburg: K. L. Rikker, 1904, 206.

7. Yatsevich O. E., Tarasova O. V. K voprosu o stanovlenii ponyatiia "energiia" [Concerning formation of the "energy" concept]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and Practice of Social Development*, no. 19 (2015): 184–186.

8. Stepin V. S. *Filosofiia i metodologiia nauki* [Philosophy and methodology of science]. Moscow: Akad. proekt: Al′ma Mater, 2015, 716.

9. *Aristotel′. Sochineniia* [The collected works]. Moscow: Mysl′, vol. 3 (1981): 613.

10. Kaziiev Z. V. Kucher M. I. Razvitiie predstavlenii ob energii, energetike i vozmozhnostei alternativnoi energetike [The development of ideas about energy, energy and alternative energy opportunities]. *Studencheskii nauchnyi forum: materialy VIII Mezhdunar. stud. elektr. nauch. konf.* [Student Sci. Forum: Proc. VIII Intern. Stud. Electr. Conf.]. 2017. Available at: https://scienceforum.ru/2017/article/2017030463 (accessed 11.06.2018).

11. Makarovskii V. *Vzgliad na mirozdaniie* [A look at the universe]. Moscow: Izdatel′skie resheniia, 2015, 210.

12. Gelmgolts G. *O sokhranenii sily* [About saving power]. Eds. Arkhangel′skii A. D., Kostitsyn V. A., Kol′tsov N. K., Lazarev P. P., Tarasevich L. A. Moscow: Gos. Izd-vo, 1922, 72.

13. Alekseev G. N. *Preobrazovanie energii* [Energy convertion]. Moscow: Nauka, 1966, 193.

14. Feynman R. F. *Kharakter fizicheskikh zakonov* [The character of physical law]. Transl. Golyshev V. P., Nappel′baum E. L. Moscow: Nauka, 1987, 160.

15. Ostvald V. F. *Filosofiia prirody* [Philosophy of nature]. Transl. Davydova O. A.; ed. Radlov E. L. Saint-Peterburg: Brokgauz-Efron, 1903, 326.

16. Zinchenko V. P., Morgunov E. B. *Chelovek razvivaiushchiisia. Ocherki rossiiskoi psikhologii* [A developing human. Essays on Russian psychology]. Moscow: Trivola, 1994, 304.

17. Grot N. Ia. Poniatiie dushi i psikhicheskoi energii v psikhologii [The concept of soul and psychic energy in psychology]. *Voprosy filosofii i psikhologii = Questions of philosophy and psychology*, book II(37) (1897): 239–300.

18. *Kratkii filosofskii slovar* [The shorter philosophical dictionary]. Eds. Rozental′ M. M., Iudin P. F. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1954, 704.

19. Gurevich P. S. *Psikhologicheskii slovar* [The psychological dictionary]. Moscow: OLMA Media Grupp, OLMA Press Obrazovanie, 2007, 800.

20. Energiia [Energy]. *Novaia filosofskaia entsiklopediia* [The new philosophical encyclopedia]. Ed. Stepin V. S. Moscow: Mysl′, vol. 4 (2010): 442.

21. Glazunov Yu. T., Sidorov K. R. Volevoi resurs i ego raspredelenie [Volitional resource and its distribution]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, no. 67 (2018): 62–76. DOI: 10.17223/17267080/67/5

22. Nemov R. S. P*sikhologicheskii slovar* [The psychological dictionary]. Moscow: VLADOS, 2007, 560.

23. Golovin S. Iu. *Slovar prakticheskogo psikhologa* [The dictionary of practical psychology]. Minsk: Kharvest, 1998, 551.

24. *Rabochaia kniga prakticheskogo psikhologa: posobie dlia spetsialistov, rabotaiushchikh s personalom* [The workbook of the practical psychologist]. Eds. Bodalev A. A., Derkach A. A., Laptev L. G. Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2001, 640.

25. Reber A. *Bolshoi tolkovyi psikhologicheskii slovar* [The comprehensive psychological dictionary]. Moscow: Veche: AST, 2000, 591.

26. Lisina M. I. Razvitie poznavatelnoi aktivnosti detei v khode obshcheniia so vzroslymi i sverstnikami [The development of children's cognitive activity in the course of communication with adults and peers]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 4 (1982): 18–35.

27. Ganzen V. A. *Sistemnye opisaniia v psikhologii* [The system descriptions in psychology]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1984, 176.

28. Balin V. D. *Praktikum po psikhofiziologii* [The Workshop on psychophysiology]. Saint-Petersburg: Saint-Peterb. gos. un-t, 2015, 148.

29. Abulkhanova K. A., Berezina T. N. *Vremia lichnosti i vremia zhizni* [The personality time and life time]. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2001, 304.

30. Kulikov L. V. *Psikhologiia lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [The personality psychology in the works of domestic psychologists]. Saint-Petersburg: Piter, 2009, 464.

31. Vasiliuk F. E., Zinchenko V. P., Meshcheriakov B. G., Petrovskii V. A., Pruzhinin B. I., Shchedrina T. G. *Metodologiia psikhologii: problemy i perspektivy* [The methodology of psychology: problems and prospects]. Ed. Shchedrina T. G. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012, 509.

32. Zelenskii V. V. *Tolkovyi slovar po analiticheskoi psikhologii* [The dictionary of analytical psychology]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2008, 336.

33. James W. *Psikhologiia* [Psychology]. Ed. Petrovskaiia L. A. Moscow: Pedagogika, 1991, 368.

34. Simonov P. V. O filogeneticheskikh predposylkakh voli [On the phylogenetic prerequisites of the will]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 4 (1971): 84–88.

35. Teplov B. M. *Izbrannyye trudy* [The selected works]. Moscow: Pedagogika, vol. 1 (1985): 328.

36. Gal′perin P. Ia. *Psikhologiia kak ob"ektivnaia nauka* [Psychology as an objective science]. Ed. Podolskii A. I. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: MODEK, 1998, 480.

37. Gal′perin P. Ia. *Vvedenie v psikhologiiu* [Introduction to psychology]. Moscow: Universitet, 2000, 336.

38. Kravtsov G. G. Ontogenez voli [The ontogenesis of the will]. *Vestnik RGGU. Seriia: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye = Bulletin of the RSUH. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, no. 15 (2012): 29–41.

39. Anan′ev V. A. *Osnovy psikhologii zdorovia. Kn. 1: Kontseptualnye osnovy psikhologii zdorov'ia* [The basics of health psychology. Book 1: Conceptual foundations of health psychology]. Saint-Petersburg: Rech′, 2006, 384.

40. Vladislavlev M. I. *Psikhologiia. Issledovaniia osnovnykh iavlenii dushevnoi zhizni* [Psychology. Studies of the main phenomena of mental life]. Saint-Petersburg, vol. 2 (1881): 628.

41. Antsyferova L. I. *Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii* [Personality development and gerontopsychology problems]. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2006, 510.

42. Selivanov V. I. *Vospitanie voli v usloviiakh soedineniia obucheniia s proizvodstvennym trudom* [The Education will in the conditions of the connection of training with industrial labor]. Moscow: Vyssh. shkola, 1980, 95.

43. Gerasimova O. Iu. Volia kak proiavlenie energii [The will as a manifestation of energy]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik Orenburg State University*, no. 7 (2010): 118–122.

44. Serkin V. P. Reshenie zadachi o sluchainosti / nesluchainosti kolichestva gruppovykh assotsiatsii: kriterii otsenki i validnyi nabor assotsiatsii [Solution of the problem of randomness / non-randomness of the number of group associations: an evaluation criterion and a valid set of associations]. *Psikhologicheskaia diagnostika = Psychological Diagnostics*, no. 4 (2009): 22–31.

45. Gailliot M. T., Baumeister R. F., DeWall C. N., Maner J. K., Plant E. A., Tice D. M., Brewer L. E., Schmeichel B. J. Self control relies on glucose as a limited energy source: willpower is more than a metaphor. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 92 (2007): 325–336. DOI:10.1037/0022-3514.92.2.325

46. Baumeister R. F., Bratslavsky E., Muraven M., Tice D. M. Ego depletion: is the active self a limited resource? *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 74 (1998): 1252–1265. DOI:10.1037/0022-3514.74.5.1252

47. Leshan Li. *Action theory and cognitive psychology in industrial design: user models and user interfaces*. Academic dissertation. 1999, 177. Available at: http://opus.hbk-bs.de/files/7/DISS.pdf (accessed 06.05.2018).

48. Sion Avi. Volition and allied causal concepts. 2004, 408.

49. Kivinen K. *Assessing motivation and the use of learning strategies by secondary school students in three international schools*. Academic dissertation. 2003, 228.

50. Church D., Feinstein D. Energy psychology in the treatment of PTSD: Psychobiology and clinical principles. Eds. In T. Van Leeuwen, M. Brouwer. *Psychology of trauma.* Hauppage, NY: Nova Science, 2013, 211–224.

51. Thomas R. M., Cutinho S. P., Darryl M. S. Aranha emotional freedom techniques (EFT) reduces anxiety among women undergoing surgery. *Energy psychology: theory, research, and treatment*, no. 1 (2017): 18–25. DOI: 10.9769/EPJ.2017.9.1.RT

52. Burk L. Single session EFT (emotional freedom techniques) for stress-related symptoms after motor vehicle accidents. *The energy psychology journal*, 2, no. 1 (2010): 65–71. DOI: 10.9769/EPJ.2010.2.1.LB

УДК 81’276

ФАКТОРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА НОМИНАЦИЙ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Евгения В. Архипова [a]***; Андрей Г. Фомин*** [a, @]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *andfomin67@mail.ru*

Поступила в редакцию 27.02.2018. Принята к печати 26.10.2018.

Ключевые слова: лингвокультурный трансфер, социально значимые заболевания, диахрония, ассимиляция, факторы лингвокультурного трансфера

Аннотация: В статье рассматриваются процессы лингвокультурного трансфера номинаций сферы социально значимых заболеваний в диахроническом аспекте, а также факторы, приведшие к появлению и закреплению в языке новых языковых единиц. Материалом исследования послужили номинации, связанные со сферой социально значимых заболеваний, отобранные из двуязычных и многоязычных медицинских словарей, словарей иностранных слов, научной и научно-популярной литературы. По степени проникновения в язык можно выделить следующую диахроническую классификацию английских слов, заимствованных русским языком: 1) неассимилированные англицизмы; 2) частично ассимилированные англицизмы; 3) полностью ассимилированные слова. К экстралингвистическим факторам лингвокультурного трансфера можно отнести взаимодействие и взаимовлияние культур, значимость языка-источника; к внутрилингвистическим – отсутствие в родном языке эквивалентного слова для новой номинации, тенденцию к использованию одного слова вместо описательного оборота, отсутствие в языке возможности образования производных от имеющегося в данном языке слова.

Для цитирования: Архипова Е. В., Фомин А. Г. Факторы лингвокультурного трансфера номинаций сферы социально значимых заболеваний в диахроническом аспекте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 175–181. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-175-181

Введение

В статье рассматриваются процессы лингвокультурного трансфера номинаций сферы социально значимых заболеваний в диахроническом аспекте, а также экстралингвистические и внутрилингвистические факторы, приведшие к появлению и закреплению в языке новых единиц. Диахронический аспект изучения заключается в рассмотрении исторического развития номинаций, относящихся к сфере социально значимых заболеваний, а именно изменений, произошедших с конкретной номинацией благодаря лингвокультурологическим процессам. Под факторами в статье понимаются причины процесса лингвокультурного трансфера, определяющие его характер или отдельные его черты. Материалом исследования послужили номинации, связанные со сферой социально значимых заболеваний в количестве 680 единиц, взятые методом сплошной выборки из двуязычных и многоязычных медицинских словарей, словарей иностранных слов, научной и научно-популярной литературы, опубликованной в XX–XXI вв. (номинации отобраны за период с XVIII в. до настоящего времени). Методологическим основанием исследования явилось положение о взаимосвязи и взаимообусловленности языка, мышления и познания. Кроме метода сплошной выборки в исследовании применялся сопоставительно-типологический метод. Новизна подхода к исследуемому материалу заключается в использовании лингвокультурологического подхода в качестве основы анализа процессов номинации, основанной на заимствованиях в медицинской сфере в диахроническом ракурсе.

В современной лингвистике язык представляется как творческий процесс, отражающий особенности мировоззрения людей, пользующихся им в своей повседневной жизни. Язык является не просто средством коммуникации, но и системой, не только отражающей природу человека, но и накапливающей всю необходимую информацию и знания человека о мире и самом себе. Язык обусловливает связь мышления каждого человека с теми представлениями, которые сложились в обществе, является связующим звеном между культурой и этнокультурным сообществом. По мнению Н. Н. Бочеговой, язык является не только инструментом выражения идей, но и средством категоризации опыта [1]. Язык – это естественная

основа культуры, затрагивающая все ее слои, служащая средством упорядочения мира и средством закрепления этнического мировоззрения. Следовательно, язык является основной частью каждой национальной культуры, а социальный опыт, характерный для каждой национальной культуры, накладывает на него определенный отпечаток, так же как и развитие, взаимодействие и взаимовлияние разных языковых систем непосредственно связано с историей народов, создателей и носителей этих языков. При этом для выражения реалий и объектов люди, представляющие разные языковые культуры, используют различные реалии, отражающие их жизненный уклад, обычаи и традиции. Таким образом, в языке репрезентируется духовная составляющая народа, иначе говоря, его менталитет.

В научной литературе термин *менталитет* связан с восприятием наивной картины мира через призму этнокультурного сознания каждого народа. С. Г. Тер-Минасова утверждает, что менталитет включает в себя сознание, мироощущение, восприятие действительности и психологию каждого человека и общества в целом [2]. По мнению М. Ю. Кондратьева, менталитет представляет собой специфику психической жизни людей, обусловленную экономическим и политическим развитием общества, но при этом данная специфика несет надсознательный характер [3]. А. Т. Хроленко утверждает, что менталитет также включает в себя всю гамму чувств, мнений и настроений, которые управляют человеком на подсознательном уровне [4].

Таким образом, менталитет неразрывно связан с окружающей действительностью человека, его кругом общения, и, значит, повторяет менталитет соотечественников. Неоднородное восприятие мира людьми, говорящими на разных языках, подтверждает то, что родной язык может формировать характер и восприятие мира человека. Следовательно, процесс обмена информацией будет включать использование разнообразных языковых средств. Диахронический подход в данном случае помогает осознать, как сложилась и функционирует конкретная языковая система. Согласно современной лингвистике диахронический аспект следует рассматривать как процесс исторического развития системных отношений, где основные языковые процессы объясняются с позиции законов развития различных языковых систем и определяются стремлением к наилучшей организации составляющих ее единиц. Язык рассматривается как система, функционирующая не только в настоящем времени, но и в прошлом. Однако, даже если люди представляют собой одну лингвокультурную общность, владеют одним и тем же языком, различия, например, в культурном опыте или восприятии, часто приводят к разного рода сбоям в процессе коммуникации. Из-за неизбежности процесса глобализации, открытости информации и доминирования определенных лингвокультур в некоторых сферах, например в медицинской сфере, все больше и больше реалий проходят через процесс лингвокультурного трансфера.

Факторы лингвокультурного трансфера в диахроническом аспекте

Процесс лингвокультурного трансфера представляет собой перенос, передачу или заимствование элементов одной лингвокультуры в другую. Трансфер может наблюдаться как в рамках одной лингвокультуры, например между различными слоями общества, так и среди нескольких лингвокультур, в особенности если речь идет о такой глобальной сфере, как здравоохранение [5].

Стадию трансфера проходят все иностранные слова, но период вхождения конкретного слова может разниться. Факт лингвокультурного трансфера слова еще не говорит об его полной ассимиляции. С освоением и употреблением слова в устной и письменной речи его форма постепенно стабилизируется, приближаясь к нормам языка-реципиента. Затем наступает следующий этап – этап заимствования. Именно в этот период влияние языка-источника на заимствованное слово носит наиболее сильный характер. Данное явление, вероятно, объясняется расширением сферы употребления слова. Здесь не последнюю роль играют люди, непосредственно связанные с языком-источником (педагоги, переводчики, научное сообщество, писатели).

Как показывает практика, многие из современных медицинских терминов и номинаций сферы социально значимых заболеваний относятся к словам древних языков, принятых в среде медицины и науки того времени, а именно греческого и латинского языков. Медицинская терминология и сфера социально значимых заболеваний русского языка обогатилась большим количеством заимствований из классических языков (древнегреческого и латинского). Например, номинация *сатириазис* (лат. *sauriasis*, нем. Satyriasis, англ. satyriasis) – форма проказы – произошла от греческого слова satyr – сатир. Если рассматривать эту номинацию с семантической точки зрения, то можно заметить, что в основе семантического развития лежит изменение лицевой структуры, вызывающее по внешнему признаку ассоциацию с сатиром. Другой признак, относящийся к данному персонажу мифов и легенд, а именно необузданность и неразборчивость в сексуальной сфере, привел к тому, что номинация *satiriasis* стала применяться в области психиатрии. В итоге *внутренняя форма* данного слова перешла сначала в научный язык, а затем и в общелитературный язык многих лингвистических систем.

В Европе первым языком, используемым для создания специальной медицинской лексики, в том

числе и лексики сферы социально значимых заболеваний, стал древнегреческий язык. Скорее всего, это связано с тем, что структура греческого языка являлась лучшей основой для конструирования терминологических систем различных наук. И несмотря на то, что в течение долгого времени основным языком европейских ученых был латинский, он использовался, прежде всего, как трансфер греческих номинаций. Примерами могут служить названия болезней, пришедших из греческого и латинского языков, не имеющие в русском языке других аналогов: *гастрит* (гр. *gastritis* – заболевание желудка), *туберкулез* (лат. *tuberculum* – бугорок); *эндокардит* (гр. *endocarditis* – внутри, сердце); *контузия* (лат. *contusio* – ушиб)[1].

Сфера социально значимых заболеваний заимствовала многие «готовые» номинации из европейских и даже из восточных языков. Таковыми являются, прежде всего, номинации, пришедшие благодаря лингвокультурному трансферу из французского, английского, реже – испанского и других языков мира. Например: *грипп* (франц. *grippe*, англ. *grippe*)[2] – вирусная болезнь, характеризующаяся острым началом, непродолжительным течением с явлениями общей интоксикации, поражением слизистой оболочки дыхательных путей; *коклюш* (франц. *cogueluche*) – острая инфекционная болезнь, характеризующаяся циклическим течением и приступами спазматического кашля; *транс* (англ. *trance*, франц. *transe*) – ряд изменённых состояний сознания; *алкоголизм* (англ. *alcoholism*) [6] – заболевание, характеризующееся психо-физической зависимостью от алкоголя; *скарлатина* (англ. *scarlatina*, итал. *scarlattina* багровый цвет) – острое инфекционное заболевание, вызываемое стрептококком группы А; *малярия* (англ. *malaria*, итал. *malaria*) – острое протозойное заболевание, вызываемое малярийными плазмодиями; *кокаинизм* (англ. *cocainism*, испанск. *cocaína*) – форма наркомании, при которой предметом пристрастия служит кокаин и т. д. [7].

Номинации, пришедшие в русский язык благодаря лингвокультурному трансферу, могут представлять собой и словосочетания, образующиеся на их основе, например, сочетание заимствованной номинации и исконной номинации: *rickettsiosis tsutsugamushi* (лат.) – *краснотелково-клещевая лихорадка*, *endemic typhus* (англ.) – *эндемический сыпной тиф*[3].

Постоянно развивающиеся социокультурные, а также экономические и политические отношения между различными государствами неизменно приводят к расширению лингвистических контактов различных языков, и, в частности, русского языка с английским языком – международным языком медицины, политики, науки, искусства. Политическая позиция многих стран в области здравоохранения основывается на том, что здоровье и жизнь граждан являются основополагающим условием обеспечения национальной безопасности всего государства.

Говоря об англицизмах в русском языке, следует заметить, что они появились в результате сравнительно недавних языковых контактов различной интенсивности. Отличия русской и английской языковых систем, а также сравнительно небольшой ряд слов, попавших в русский язык, стали результатом того, что в русском языке практически нет словообразовательных единиц, пришедших из английского языка. Можно говорить лишь о некоторых звуковых сочетаниях, помогающих передать фонетику английского языка. Например, сочетания *нг, дж, уа, уи*: *демпинг-синдром, триггер, скрининг* [8].

По степени проникновения в язык можно выделить следующую диахроническую классификацию английских слов, заимствованных русским языком:

1) неассимилированные англицизмы – слова, прошедшие лингвокультурный трансфер, но не утратившие связи с языком-источником. В результате слово получает лишь фонетическое и грамматическое оформление русскими средствами. Например, слова, проникшие в русский язык в XIX в.: *антисептик* (англ. *antiseptic*) – *асептика* (англ. *aseptic*), *придаток – аппендикс* (англ. *appendix*) [9];

2) частично ассимилированные англицизмы – слова, вошедшие в структуру языка, но сохраняющие внутреннюю связь с языком-источником. На данном этапе происходит семантическое преобразование, адаптация и развитие слова в новой языковой системе. Например, *цветовая слепота – дальтонизм* (англ. *daltonism*), *медицинское учреждение – диспансер* (англ. *dispensary*), *печень – ливер* (англ. *liver*), *сокращение – тик* (англ. *tic*) [10];

3) полностью ассимилированные слова – слова, характеризующиеся отрывом от языка-источника, имеющие высокую степень ассимиляции. Слово приспосабливается к чужой лексической системе, трансформируется и начинает функционировать в новой для него языковой системе. Например, *генетика* (англ. *genetics*), *геном* (англ. *genome*), *донор* (англ. donor) [11, p. 107–109], *лазер* (англ. *laser*) [12].

Говоря о медицинских терминах и номинациях сферы социально значимых заболеваний английской этимологии, следует отметить, что большинство заимствований относится к клинической сфере и фармацевтике, однако встречаются номинации, относящиеся к анатомической системе.

[1] Бекишева Е. В., Потапова Г. И., Остапенко Э. Б. и др. Словарь иноязычных заимствований в медицине. Самара: Офорт, 2013. 99 с.

[2] Mosby. Mosby's Medical Dictionary. St. Louis: Elsevier: Health Sciences Division, 2012. 1984 p.

[3] Martin E. New Concise Medical Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2015. 840 p.

В исследуемых номинациях социально значимых заболеваний наряду с заимствованными единицами существуют традиционно русские и английские названия болезней, которые были заменены или видоизменены благодаря лингвокультурному трансферу. Например, *грудная жаба – стенокардия*: название заболеванию дал английский врач Вильям Геберден в 1768 г. Считалось, что ночью ведьмы превращаются в жаб, садятся человеку на грудь и начинают душить, в дальнейшем из греческого языка на смену пришла номинация *стенокардия* – ведущий симптом ишемической болезни сердца (ИБС), развивающейся в результате сужения или закупорки сосудов сердца. *Лихоманка* и *трясовица* – лихорадка: в старину так называли все болезни, сопровождающиеся жаром. *Падучая – эпилепсия*: древние греки называли припадки божественным вмешательством, в России же они считались проявлением одержимости бесами. *Чахотка – туберкулез*: название болезни произошло от слова чахнуть, позже на смену пришла номинация от латинского слова tuberculum – бугорок. *Венерические болезни – заболевания, передающиеся половым путём (ЗППП); инфекции, передаваемые половым путем (ИППП)*: название заболевания дал в 1527 г. французский врач Жак де Батенкур в честь древнеримской богини любви Венеры и т. д. [13]. На данный момент (в отличие от XVII–XVIII вв., когда в основном использовалась традиционные номинации) наблюдается устойчивая тенденция к применению международного ряда терминов греко-латинского происхождения. В какой-то мере это связано с тем, что присутствие греко-латинских терминов в национальных терминологических системах сопровождается процессом их демотивации, что снимает полисемию и позволяет более строго выполнить требования однозначности и единства терминологии.

В целом лингвокультурный трансфер номинаций из английского языка представляет собой значительный вклад в состав русского языка. Основными источниками лингвокультурного трансфера в русском языке являются средства массовой информации и Интернет. Факторы лингвокультурного трансфера номинаций и языковых единиц разного уровня можно разделить на две основные группы – экстралингвистические и внутрилингвистические.

К экстралингвистическим факторам лингвокультурного трансфера можно отнести:

1) взаимодействие и взаимовлияние культуры одной страны на другую;

2) различного рода контакты между культурами стран, говорящих на разных языках;

3) авторитетность языка-источника в научных или социальных кругах;

4) повышенный интерес к изучению языка, вызванный обстоятельствами различного характера.

К внутрилингвистическим факторам относятся:

1) отсутствие в языке-реципиенте эквивалента для новой номинации *(иммунитет, инфекция, лазер, клон, мигрень)* [13];

2) использование одного слова вместо описательной конструкции (*петехии* – мелкие кровоизлияния, *адаптация* – период привыкания) [14];

3) отсутствие в языке-реципиенте возможностей образовывать производные от имеющегося в языке-источнике слова (признак – *симптом, симптоматический,* ощупывание – *пальпация, пальпируемый*)[4].

История англо-русских взаимоотношений и лингвистических контактов свидетельствует о глубокой связи истории языка с историей общества, а также предоставляет богатый материал для исследования многих вопросов сферы лингвистики. Взаимоотношения между Россией и Англией начали складываться с развитием торгово-транспортных отношений в XVI в. (а затем и с США). С тех пор состав русского языка был пополнен рядом номинаций из английского языка (как британского, так и американского варианта). В настоящее время многие лингвисты отмечают проникновение в русский язык огромного количества американизмов, в том числе и в исследуемой предметной области.

Основным этапом трансфера английских слов в русский язык являются 20-е гг. XIX в. В качестве основных этапов на пути этого процесса необходимо отметить период правления Екатерины II, который носил отчетливую англофильскую направленность, учреждение переводческого общества для перевода иностранных, в том числе и английских книг, появление Эдинбургского салона Е. Дашковой, а также формирование российского научного сообщества и контингента русских переводчиков и лексикографов, обучающихся в английских высших учебных заведениях.

Значительному росту популярности английского языка в России способствовал интерес к английской и американской классической литературе XVIII–XIX вв. Также интерес к английскому языку и англо-американской культуре восходит к периоду Второй мировой войны, в частности, ко времени создания антигитлеровской коалиции, объединившей СССР, Великобританию и США.

40–50-е гг. XX в., напротив, отличались от остальных периодов не только в историческом плане, но и в языковом. Данный период характеризовался негативным отношением ко всему иностранному, в том числе к иноязычным словам. Это было связано, в первую очередь, с политической обстановкой в мире в то время. Процесс лингвокультурного трансфера английских номинаций в это время был

[4] Rawson H. A dictionary of euphemisms and other doubletalk. N. Y.: Crown Publishers, Inc., 1981. 312 p.

выражен очень слабо. В общей массе появился ряд технических терминов, характерных для узкоспециальной сферы употребления *(бульдозер, грейдер)*[5], а также слова, носящие номенклатурный характер, например, названия английских и американских автомобилей, появившихся в Советском Союзе в результате лендлиза *(студебеккер, форд, додж, виллис)*[6].

Последние десятилетия отмечены интенсивным развитием медицины, внедрением результатов научно-технического прогресса в медицинскую сферу, возникновением новых методов лечения и диагностики, приборов и инструментов медицинского назначения. Существенный прогресс в различных областях медицины, в том числе биохимии, молекулярной биологии, генетики и других наук, постоянное внедрение методов информатики и биологической кибернетики во многом изменили представление о ряде патологических процессов и состояний, что позволило по-новому подойти к трактовке наиболее тонких механизмов жизнедеятельности. Все это нашло свое отражение и в медицинской лексике. В XX в. медицинская сфера обогатилась такими номинациями, как *аутбридинг* (англ. *out* – вне и *breeding* – разведение)[7] – один из методов разведения, представляющий собой неродственное скрещивание; *кроссинговер* (англ. *crossing over* – пересечение)[8] – процесс обмена участками гомологичных хромосом; *клиренс-тест* (англ. *clearance* выведение) – название функциональных проб, определяющих скорость выведения веществ; *гаспинг-дыхание* (англ. *gas ping* – судорожный, спазматический); *предагональное дыхание*[9] и др. В научный обиход вошли общемедицинские слова: *скрининг* (англ. *screening* – отбор, сортировка), *триггер* (англ. *trigger* – спусковой крючок)[10] и др. Современная медицинская литература содержит множество терминов и номинаций, появившихся в течение последних лет. Ряд номинаций обрели дополнительные или абсолютно новые значения. Например, имена известных ученых-медиков были использованы в ряде эпонимических номинаций социально значимых заболеваний *(болезнь Альцгеймера, болезнь Хортона, операция Бека)*. Номинации, пришедшие из английского языка, также можно проследить в названиях медицинской техники, инструментов, хирургии, неврологии, психологии и психиатрии: *шприц, дефибриллятор, троакар, ланцет, бор, катетер, скальпель*.

Заключение

Проанализировав 680 номинаций, связанных со сферой социально значимых заболеваний, отобранных из двуязычных и многоязычных медицинских словарей, словарей иностранных слов, научной и научно-популярной литературы за период с XVIII в. до настоящего времени можно заключить: по степени проникновения в язык можно выделить следующую диахроническую классификацию английских слов, заимствованных русским языком: 1) неассимилированные англицизмы; 2) частично ассимилированные англицизмы; 3) полностью ассимилированные слова. К экстралингвистическим факторам лингвокультурного трансфера можно отнести взаимодействие и взаимовлияние культур, значимость языка-источника; к внутрилингвистическим – отсутствие в родном языке эквивалентного слова для новой номинации, тенденцию к использованию одного слова вместо описательного оборота, отсутствие в языке возможности образования производных от имеющегося в данном языке слова.

Исследование факторов лингвокультурного трансфера номинаций английского языка в русский язык представляет интерес не только с позиций анализа русско-английских исторических связей, но также с точки зрения исследования языковых взаимодействий между языком-источником и языком-реципиентом. Благодаря существенному интересу к лексике западноевропейской этимологии все большее количество ученых предпочитают использовать заимствованные слова, нежели их русские аналоги, учитывая емкость заимствованных слов и более широкую распространенность. Например, *систола* вместо *сокращение*, *аккомодация* вместо *приспособление*, *латентный* вместо *скрытый*, *мембрана* вместо *перегородка* и т. д.

Постоянный лингвокультурный трансфер из английского в другие языки говорит о его значимости в настоящее время. Английский язык сейчас исполняет те же функции, что и греческий и латинский язык в эпоху Средневековья или французский язык в XVIII–XIX вв. Важной частью языковой культуры, влияющей на процесс лингвокультурного трансфера, является наличие или отсутствие политики, регулирующей появление или устранение в языке иноязычных языковых элементов.

[5] Longman dictionary of English language and culture. London: Longman Group UK Limited, 1992. 1528 p.

[6] Random house unabridged dictionary. CD-ROM Version 1.7. Random House, Inc. 1995.

[7] Stedman's medical dictionary. Baltimore, Philadelphia: A Waverly Company, 1995. 717 p.

[8] Thorne T. Dictionary of modern slang / Словарь современного слэнга. M: Вече, Персей, Bloomsbury Publishing, 1996. 592 c.

[9] Webster' New Collegiate Dictionary. London: G. Bell & Sons LTD, Springfield Mass.: G. & C. Merriam Co, 1951. 1214 p.

[10] Bosworth J., Toller T. N. Anglo-Saxon dictionary based on manuscript Collection of Joseph Bosworth. Oxford, 1954.

Литература

1. Бочегова Н. Н., Гришкова Л. В., Портнягин Д. В., Степаненко О. А., Цыцаркина Н. Н. Теория и практика филологического анализа текста и дискурса. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. 250 с.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
3. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М.: Per Se, 2007. 464 с.
4. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2008. 184 с.
5. Fomin A. G., Arkhipova E. V. Linguistic and cultural transfer in euphemistic naming of social diseases // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11. № 1. С. 63–70.
6. Hymes Dell. Studies in the history of linguistics: traditions and paradigms. London: Indiana univ. press. 2008. Vol. VIII. 519.
7. Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. В. И. Покровский. М.: Медицина, 2001. 960 с.
8. Fray Mac. Understanding medical terminology. St. Louis. 2005, 246 p.
9. Василенко И. А. Диалог культур, диалог цивилизаций // Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66. № 5. С. 394–402.
10. Andrews D. R. Sociocultural perspectives on language change in diaspora. Soviet immigrants in the United States. Philadelphina, PA: John Benjamins, 1998. 347 p.
11. Crystal. D. English as a global language. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
12. Efrangeon. R. Medical terms. Their origin and construction. London: Heinemmann medical books, 1971. 102 p.
13. Schmidt I. E. Structural units of medical and biomedical terms. Springfield: Charles and Thomas Publisher, 1987. 172 p.
14. Food W. E. Scientific words. Their structure and meaning. Greenwood press, 2010. 220 p.

FACTORS OF LINGUISTIC AND CULTURAL TRANSFER IN NAMING UNITS OF SOCIAL DISEASES: A DIACHRONIC APPROACH

Evgeniia V. Arkhipova [a]***; Andrei G. Fomin*** [a, @]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *andfomin67@mail.ru*

Received 27.02.2018. Accepted 26.10.2018.

Keywords: linguistic and cultural transfer, social disease, diachrony, assimilation, factors of linguistic and cultural transfer

Abstract: This article deals with the processes of linguistic and cultural transfer of nominations of the social diseases sphere in the diachronic aspect, as well as the factors that lead to the appearance and consolidation of new linguistic units in the language. The study features nominations related to the social diseases and medical spheres taken from bilingual and multilingual medical dictionaries and dictionaries of foreign words, scientific and popular science literature. We can distinguish the following diachronic classification of English words in Russian language: 1) non-assimilated anglicisms; 2) partially assimilated anglicisms; 3) fully assimilated anglicisms. The extralinguistic factors of linguistic and cultural transfer may include the interaction of cultures and the authority of the source language. The intralinguistic factors may include the absence of the equivalent in the native language, the tendency to use one word instead of a descriptive phrase, impossibility of formation of derivatives in the native language.

For citation: Arkhipova E. V., Fomin A. G. Faktory lingvokul′turnogo transfera nominatsii sfery sotsial′no znachimykh zabolevanii v diakhronicheskom aspekte [Factors of Linguistic and Cultural Transfer in Naming Units of Social Diseases: a Diachronic Approach]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 175–181. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-175-181

References

1. Bochegova N. N., Grishkova L. V., Portniagin D. V., Stepanenko O. A., Tsytsarkina N. N. *Teoriia i praktika filologicheskogo analiza teksta i diskursa* [Theory and practice of philological analysis of text and discourse]. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2011, 250.

2. Ter-Minasova S. G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and cross-cultural communication]. Moscow: Slovo, 2008, 264.

3. Kondrat'ev M. Iu., Il'in V. A. *Azbuka sotsial'nogo psikhologa-praktika* [The alphabet of the practicing social psychologist]. Moscow: Per Se, 2007, 464.

4. Khrolenko A. T. *Osnovy lingvokul'turologii* [Basics of cultural linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 2009, 184.

5. Fomin A. G., Arkhipova E. V. Linguistic and cultural transfer in euphemistic naming of social diseases. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 11, no. 1 (2018): 63–70.

6. Hymes Dell. *Studies in the History of Linguistics: Traditions and Paradigms*. London: Indiana Univ. Press, vol. VIII (2008): 519.

7. *Entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov* [The encyclopedic dictionary of medical terms]. Ed. Pokrovskii V. I. Moscow: Meditsina, 2001, 960.

8. Fray, Mac. *Understanding Medical Terminology*. St. Louis. 2005, 246.

9. Vasilenko I. A. Dialog kul'tur, dialog tsivilizatsii [Dialogue of cultures, dialogue of civilizations]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 66, no. 5 (1996): 394–402.

10. Andrews D. R. *Sociocultural perspectives on language change in diaspora. Soviet immigrants in the United States*. Philadelphina, PA: John Benjamins, 1998, 347.

11. Crystal. D. *English as a global language*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2003, 212.

12. Efrangeon. R. *Medical terms. Their origin and construction*. London: Heinemmann medical books, 1971, 102.

13. Schmidt I. E. *Structural units of medical and biomedical term*s. Springfield: Charles and Thomas Publisher, 1987, 172.

14. Food W. E. *Scientific words. Their structure and meaning*. Greenwood press, 2010, 220.

УДК 821.161.1

РЕВОЛЮЦИЯ И НАРОД Л. ЛЕОНОВА И В. ШАРОВА: ИСТОРИОСОФСКИЙ ДИАЛОГ ДВУХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ирина В. Ащеулова [a, @]

[a] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *asheulova@mail.ru*

Поступила в редакцию 29.12.2017. Принята к печати 31.10.2018.

Ключевые слова:
образ революции, образ народа, художественная историософия, русская история

Аннотация: В статье рассматриваются переклички исторического мышления двух писателей – Л. М. Леонова (роман «Пирамида») и В. Шарова (романы «Репетиции», «До и во время», «Воскрешение Лазаря», «Будьте как дети»). Для анализа выбираются центральные художественные образы и мотивы романов – русской революции и народа. Гипотеза статьи состоит в обнаружении точек схождения между авторскими историософскими концепциями. Русская история у обоих писателей подвергается многомерному анализу, во многом демифологизируется как образ революции, открывшей возможности создания нового мира (рая на земле) и нового человека, так и образ народа-богоносца, утратившего веру в погоне за социальными чудесами. Оба писателя видят в революции центральный историософский образ всей русской истории; обнаруживают катастрофичность и эсхатологичность революции для основ русской жизни, традиции, бытия; выделяют символику огня, костра, пожарища, пожирающего и Россию, и народ, и отдельного человека. Революция предстает бездной, в которой исчезли миллионы людей и страна в целом. Л. Леонов, придерживаясь теории цикличности русской истории, видит феноменологическую сущность революции, это странное и страшное наваждение, захватившее человека, страну, народ. В. Шаров доказывает обычность, повторяемость революции в русской истории, для писателя очевидна цикличность истории. Художественная стратегия В. Шарова заключается в воспроизведении индивидуального слова как реакции на революцию, слова как выражения отношения к реальности и метафизическому миру, Богу. История сохраняет следы присутствия индивида, имеет память.

Для цитирования: Ащеулова И. В. Революция и народ Л. Леонова и В. Шарова: историософский диалог двух писателей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 182–189. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-182-189

Введение

Современная отечественная литература, литературный процесс «сегодняшнего дня» исследуется активно и многоаспектно. За последние годы опубликовано достаточно качественных учебных пособий [1; 2] о литературном процессе, дисциплина *Современный отечественный литературный процесс* прочно входит в учебные планы филологических факультетов классических университетов. В современной отечественной литературоведческой науке предметом изучения становятся трехуровневая структура современного литпроцесса (элитарная литература, массовая литература, беллетристика), жанры, отдельные аспекты авторских художественных стратегий. Безусловно, можно говорить о ситуации концептуального осмысления новейшей литературы. В этом смысле особое значение приобретает изучение и осмысление *ближних, дальних, удаленных* контекстов творчества отдельных писателей, что позволяет выявлять закономерности литературного процесса.

1990-е гг. в контексте развития современной новейшей литературы по праву можно называть *переходными*. Это десятилетие не только вернуло литературу к ее исконным русским истокам (от советской к российской), подвело итоги XX в., но и открыло новые имена, направления, дискурсы, определило новые контексты. В 1990-е гг. классики XX в. Л. М. Леонов, В. П. Астафьев, А. И. Солженицын публикуют итоговые произведения, в которых обнаруживаются катастрофический исторический личностный опыт и пессимистические прогнозы о судьбе народа и России. Думается, что многое осталось неуслышанным, неосмысленным и откровенно непрочитанным. Именно поэтому следует возвращаться к размышлениям 1990-х и находить переклички с современной проблематикой.

Проблематика статьи

Одной из самых важных проблем литературы 1990-х гг. становится национальная идентичность, оценка нации в исторических обстоятельствах XX в. Итоговые произведения Л. М. Леонова, А. И. Солженицына, В. П. Астафьева затрагивают историческую проблематику и особенности национального русского характера. В этом смысле *итоговость* размышлений писателей советской эпохи совпадает с зарождением авторских художественных историософских концепций 1990-х (В. Пьецух, В. Шаров, Ю. Буйда, В. Пелевин), старшее литературное поколение с определенным историческим опытом вдруг во многом совпадает с молодым, только вступающим в литературу. Таким образом, обнаруживаются *удаленные* контексты для развития исторической реалистической, постмодернистской квазиисторической, альтернативно-фантастической исторической прозы. Дискурс исторического повествования становится тем интеллектуальным полем, где сходятся многие авторские интенции.

Исходя из обозначенной проблематики целью данной статьи следует считать обнаружение возможного историософского диалога между итоговым романом Л. Леонова «Пирамида» (1994) и прозой В. Шарова.

Прозу В. Шарова исследователи (М. Липовецкий, И. Скоропанова, В. Курицын) вписывают в постмодернистский квазиисторический контекст, сопоставляя с такими именами, как В. Пьецух, В. Пелевин, Ю. Буйда, Саша Соколов. Но нам представляется, что проза В. Шарова, проявляя постмодернистскую эстетику (сослагательность истории, ирония, формы фантасмагории, деконструкция исторических мифов и образов исторических личностей), может быть изучена и в аспекте реалистических форм исторической прозы, поскольку смешивает разные дискурсы (нередко стилизуя повествовательные формы) и разные жанровые модели, становясь то повествованием о народном жизнестроительстве, то судьбой личности в обстоятельствах прошлого, то воплощением исторических идей прошлого, не реализованных в действительности[1]. Поэтому обращение к роману Л. Леонова важно для выявления стратегии современного писателя.

При том что «Пирамида» неплохо изучена в отечественном литературоведении [4–10], не оставляет сомнения связь романа с Ф. М. Достоевским и Н. С. Лесковым, с философско-эстетическими исканиями и художественными открытиями Серебряного века, возникает проблема в прочтении и осмыслении романа-наваждения для новейшей отечественной литературы. Например, такие ключевые фигуры современного литпроцесса, как А. Варламов, Д. Быков, З. Прилепин, активно позиционируют собственное творчество как продолжение леоновской традиции. Перечисленные писатели известны и как авторы эссе о Л. Леонове и биографии Л. Леонова в серии «Жизнь замечательных людей» [11; 12]. Однако в современной критике не прослеживается попыток увидеть в «Пирамиде» ближайший контекст современной историософской прозы в ее типологическом разнообразии.

В. Шаров не называет имени Л. Леонова близким себе, но в интервью, романах, эссе проговаривает те категории, что важны в художественном мире Л. Леонова: пирамида, цикличность истории, отношения человека с Богом. Мы остановимся на двух концептуальных историософских образах, позволяющих увидеть творческий диалог двух писателей – это образы русской революции и народа.

Образ революции в романе Л. Леонова «Пирамида» и прозе В. Шарова

Подчеркнуто эсхатологический смысл усматривает писатель в событии русской революции. В «Пирамиде» о революции размышляют три центральных персонажа: о. Матвей Лоскутов, Вадим Лоскутов, Сталин. И все три, независимо от занимаемого положения и особенностей мышления, приходят к пониманию революции как конечного исторического события, очистительного костра, в котором сгорает старая жизнь, традиции, вера, старая сущность человека и осуществляется богоборческий проект по воплощению Царства Небесного на земле, руками самого человека, вне диалога с Богом. Приведем несколько цитат.

О. Матвей: «Из искры возродившееся пламя быстро становилось *повсеместной огненной бурей*[2], в которой пылала и плавилась всяческая сорная старина – святыни, обряды, потребности, ремесла, включая тысячелетнюю государственность и самую веру русских. *В середине первой пятилетки, куда ни глянь, по всему горизонту стлалось незримое, обжигающее душу зарево*»[3]; «Воистину обширная, незримая зола простирается ноне кругом нас: *экое кострище из России содеяли* – еще полвека отполыхает, пока не прогорит дотла!»[4]; «И вот, чуть сумерки, все мы, обреченное, слепнущее старичье, *мысленно бродим по своей неостылой погорельщине* и в потемках, благоговейно подымая

[1] Подробнее о данной тенденции см. [3].

[2] Здесь и далее по тексту примеров слова выделены курсивом автором статьи.

[3] Леонов Л. М. Пирамида. М.: Голос, 1994. Т. 1. С. 55.

[4] Там же, с. 56.

из-под ног обугленные головешки, на ощупь пытаемся опознать, чем это было раньше»[5].

Вадим Лоскутов: «*Воспламененным* благородной идеей, чтобы отныне все стало лучше, дешевле, обильней, качественней и вообще доступней для трудящихся, история предоставляла обширное поле деятельности независимо от ихнего образования»[6]. Вадиму же принадлежит поэтическое сравнение революции с огнедышащей стихией, открывающей для человека новые и невиданные до настоящего дня горизонты. Показательно стихотворение «Икар», найденное при аресте Вадима в его архиве. Стихотворение посвящено самому себе и раскрывает мысль Вадима о возможности самосожжения в огне революции[7].

Сталин: «последним средством оздоровить мир у нас остается *предание его огню*, чтоб не восторжествовало зло»[8].

Не составит труда заметить во всех высказываниях сравнение революционных преобразований с огнем. Огонь становится маркером революции, ее символом и означает гибель России в революционном огне, что сближает революцию с темой Апокалипсиса. Мы не станем подробно останавливаться на данной метафоре, лишь отошлем к глубокой и интересной статье Н. А. Непомнящих «От факела Прометея к самосожжению: символика огня у Л. М. Леонова и ее литературные аллюзии» [13].

В художественной историософии В. Шарова событие русской революции занимает центральное место. В. Шаров убежден, что русской истории свойственна революционность, это не феномен, не что-то привнесенное извне, заимствованное, но органически присущее русской жизни, русской ментальности, русской государственности. Писатель выделяет *верховые* революции-пожары (активно-революционная реформаторская деятельность власти) и *низовые* революции (активность народа, возникающая либо как противодействие верховной власти, либо как самостоятельная инициатива). Обратим внимание на совпадение у Л. Леонова и В. Шарова историософских метафор. Леоновский Сталин в разговоре с ангелом Дымковым озвучивает два возможных вектора движения к всеобщему раю, счастью: верхний маршрут и низовой маршрут. «Ибо разуверившись в непосильном для всех *верхнем* маршруте по заоблачным горным хребтам, иное резвое поколенье может предпочесть *низовой*, покороче, путь к заветной цели – возвратом к обычаю прошлых времен, где универсальное райское блаженство жителей достигалось отсутствием соблазнов»[9]. У В. Шарова данные маршруты превращаются в *верховой пожар* идей и реформ сильной верховной власти, увлекающей народ к свершению утопических проектов (к «заоблачным горным хребтам») и *низовой пожар* ответных проектов народа. Художественная стратегия Л. Леонова совпадает со стратегией В. Шарова в плоскости пересечения идей, и того и другого писателя интересует идея как отправная точка в процессе движения истории. Зарождение идеи, ее развитие, интерпретация, преобразование и конечный результат становится основным сюжетом всех романов В. Шарова. В этом смысле идея революционности русской жизни отражается в метафоре *верховых* и *низовых* пожаров.

Одной из первых революционных идей верховной власти В. Шаров считает теорию «Москва – Третий Рим», в результате воплощения которой произошла перестройка русской государственности (русский царь – избранник Божий, особая мессианская роль России в мировой истории, русская святая земля) и русской ментальности (русские – избранный народ, народ-богоносец). Художественная интерпретация данной идеи воплощена писателем в романе «Репетиции» (1992). В сюжете романа персонажем, воплощающим идею в реальность, становится патриарх Никон. С его точки зрения (он полагает себя избранным носителем истинной веры, жизненаправляющей идеи, поэтому в детстве Бог несколько раз спасал его от смерти), возможность создания теократического государства на Руси позволит осуществить преображение Руси в Святую землю, Новый Иерусалим, что возложено на избранный русский народ, призванный приближать грядущий конец времен и наступления Царствия Небесного. Точная формулировка идеи, перспективы, ею открываемые, позволяют Никону начать перестройку русской реальности, которая должна развиваться по установке Никона в двух направлениях. С одной стороны, перестройка пространства, ландшафта с целью воссоздания Святой земли, куда возможен второй приход Христа (строительство монастырского комплекса на Истре – Новый Иерусалим, переименование рек, озер, сел). С другой стороны, перестройка сознания русского православного человека (сознания царя Алексея Михайловича, сознания духовенства, сознания простых обывателей) с целью торжества благочинного, «чистого» православия. В сюжете романа начинается длительный процесс осуществления метафизической воли, реализации верховной властью революционной идеи, сопровождающейся насилием, казнями,

[5] Там же.

[6] Леонов Л. М. Пирамида. М.: Голос, 1994. Т. 2. С. 39.

[7] Там же, с. 45.

[8] Там же, с. 598.

[9] Там же, с. 596.

расколом. «Репетиции» можно воспринимать как авторскую версию В. Шарова о механизмах русского религиозного раскола XVII в.

Соответственно, алгоритм развития русской истории предстает в авторском мышлении В. Шарова как циклическое повторение *верховых* и *низовых* революций. Реформы Ивана IV, Петра I, политические репрессии 1930-х гг. являются инициативой власти. Примерами прорыва *низового пожара* В. Шаров считает восстание И. Болотникова (1606–1607), крестьянскую войну Е. Пугачева (1773–1775), холерные бунты 1830-х гг., поведение русского казачества до возведения его в статус военного сословия, русское духовное подполье. В образе революции В. Шаров соединяет черты хаотичности, утопичности, эсхатологичности, присущие русской истории в целом. Революция, однозначно, в художественном мире писателя воплощает и отражает смысл и образ русской истории. Собственно революция и есть историософверт русской истории, ее логика, формула и модель. О революции и ее последствиях все романы В. Шарова, его историография: «След в след» (1989), «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993), «Мне ли не пожалеть…» (1995), «Старая девочка» (1998), «Воскрешение Лазаря» (2003), «Будьте как дети» (2007), «Возвращение в Египет» (2013).

Таким образом, оба писателя видят в революции центральный историософский образ всей русской истории. Оба обнаруживают катастрофичность и эсхатологичность революции для основ русской жизни, традиции, бытия. Оба выделяют символику огня, костра, пожарища, пожирающего и Россию в целом, и народ, и отдельного человека. Революция предстает бездной, в которой исчезли миллионы людей и страна. Но если Л. Леонов, придерживаясь теории цикличности русской истории, видит феноменологическую сущность революции, это странное и страшное наваждение, то В. Шаров доказывает обычность, повторяемость революции в русской истории. Потому так различны финалы, итоги «Пирамиды» и романов В. Шарова. У Л. Леонова нет выхода из огня революции, роман заканчивается апокалиптическими картинами исчезновения Старо-Федосеева и всей России. Автор и повествователь остается погорельцем среди пожарища: «Столбы искр взвивались в отемневшее небо, когда подкидывали новую охапку древесного хлама на перемол огню. Они красиво реяли и гасли, опадая пеплом на истоптанный снег, на просторную окрестность по ту сторону поверженного наземь Старо-Федосеева, на мою подставленную ладонь погорельца»[10]. Герои В. Шарова из романа в роман способны преодолеть дурную бесконечность повторяемости событий и представить собственную версию события, зафиксированную в индивидуальном слове, тексте, дневнике, цикле рассказов и т. д. Память становится тем духовным импульсом, что позволит выйти из хаоса революции невредимым, сохраняя надежду на воскрешение, возрождение, бессмертие.

Образ народа у Л. Леонова и В. Шарова

В научной литературе о «Пирамиде» неоднократно повторяется мысль о соблазне народа революцией. И в авторском жанровом определении романа, и в слове *наваждение* (навада – соблазн, искушение) соблазн, обнаруживающийся в революции для человека, для народа как быстром средстве достичь рая на земле, определяет и поступки, и мысли, и характер «нового человека». Соблазн в романе Л. Леонова многообразен: соблазнительное отпадание о. Матвея от Бога (ересь Лоскутова), соблазн-западня для Дымкова, соблазн отказа от веры и семьи для Вадима Лоскутова, соблазн власти (по словам Сталина исторический путь «сквозь дым и живое мясо») и т. д. Но, на наш взгляд, центральная авторская историософская мысль состоит в соблазне отказа человека и народа от телеологического алгоритма истории. Л. Леонов посредством монологов многих персонажей в романе обозначает те концептуальные позиции, на которых сосредотачивается народное сознание в своем стремлении уйти от исторических законов метафизической телеологии.

Во-первых, это мысль о схожести христианской и революционной доктрин, в этом смысле православие вполне заменяется верой в революцию, отменившую религиозный ритуал, но представшей как обнаженное христианство, несущее возможность преображения мира, человека, Бога. Расколы, смуты, гражданские войны, неизбежно возникающие как следствия революционных изменений, обнаруживают трагический, хаотический, бесчеловечный характер истории-революции, но не отменяют значение жертвенного подвига, страстей, страданий во имя веры, отсюда образы революционеров-мучеников в русской истории, которые ничуть не уступают христианским святым. Об этом подробно говорит Сталин в беседе с Дымковым[11], предвидя возможность появления сверхлюдей – революционных святых – в результате процессов насильственной переделки человека: «если раньше идея наша выгодно опиралась на подспудную веру здешних жителей в некое праведное царство, теперь расчет велся на близость цели, которая в условиях отчаянья делает подвиг нормой человеческого поведенья,

[10] Там же, с. 684.

[11] Там же, с. 598.

а отравленные мечтой не чуют и боли к тому же»[12]. Поэтому выбор народа в пользу революции, активная реализация революционного проекта народом закономерны как попытка противопоставить свою активность Богу.

Во-вторых, это обида на Бога, на созданный им мир, на существующие Божьи законы и нормы. В романе мотив обиды проявляется в вопрошаниях и мыслях о. Матвея, его бредовом сне, когда Христос остается в одиночестве, в сцене взрыва храма, в апокалиптических видениях Дуни Лоскутовой, в монологе фининспектора Гаврилова. Обида народа связана с осознанием собственной ущербности, случайности, малости, духовной нищеты. О. Матвей, размышляя о необходимости создания человека, перебирает разные мотивы Творца – от скуки до хозяйственной необходимости и приходит к мысли оставленности человека небом: «ничком валился на щербатый, выхоженный пол и, не простужаясь, по часу и дольше лежал распластанный, шепча сто тридцать восьмой псалом, и так был насторожен слух, что слышал паденье оторвавшейся от купола снежинки инея. <…> И не было о. Матвею ни намека, ни хотя бы утвердительного лучика в ответ, всего лишь курлыкали вверху слетевшиеся на ночлег иззябшие голуби, да вечерний сквозняк шевелил ржавые листы порванной кровли»[13].

От сознания собственной ненужности, случайности, ошибки происходит в народе, по мысли автора, стремление унизить проект Творца, переделать мир под собственные лекала, отсюда тезисы равенства, братства, социальной справедливости, переработанные в уравниловку, торжество посредственности, скудоумия, насилия, жестокости, зла.

И в-третьих, обида человека рождает собственный комментарий к тексту, данному Творцом. События русской истории предстают как процесс комментирования народом Священного Писания, это то, как народ понимает, интерпретирует данное и сказанное Богом. Отсюда не только искажения, но и тупики, абсурд, хаос и бессмысленность истории, создаваемой народом, человеком. Отсюда и пессимизм, мизантропия Л. Леонова. По мысли А. Ю. Майдурова, «в процессе секуляризации человек не только замахнулся на бытие Божественное, но и лишился основания собственного бытия. Произошла деонтологизация, и для восстановления собственного онтологического статуса, для возвращения ценности индивидуальному и коллективному существованию людям необходим пересмотр всех сфер человеческой жизни как последняя возможность вернуться к Богу» [14, с. 121].

Переходя к В. Шарову, можно отметить, что все вышесказанное абсолютно приложимо к пониманию последним историософской сущности народа. Народ в русской истории предстает в романах В. Шарова в различных воплощениях. Во-первых, народ разделяется на два типа: народ веры (старообрядцы, сектанты, толстовцы, преследуемые властью христиане, новообращенные), выстраивающий свое существование в повседневной жизни и в истории как постоянный диалог с Богом; и народ света, светской жизни (светские дамы, чекисты, обыватели, военные и солдаты), живущий в соответствии с правилами и законами существующей верховной власти. Однако, и те, и другие являются носителями некой идеи, осуществление которой составляет главную цель жизни. Поэтому объединенный идеей народ становится некой безликой массой, *фоном* для великих деяний исторических личностей («коллективное тело» по замечанию критика Д. Бавильского) или *хором* без выделения индивидуальностей, послушным воле дирижера («Мне ли не пожалеть...», 1995). В этом смысле историческая деятельность народа сводится к послушанию и молчанию, равнодушному орудию в чужих руках. С другой стороны, в народной среде выделяются некие голоса (солисты в хоре), способные не только к фиксации происходящего в истории, но и рефлексии, аналитике. Так рождаются народные рассказчики, с помощью которых автор и читатель может не только воспроизвести *подлинный* ход события, но и попытаться рассмотреть *версию, модель* развития того или иного события, без мифологизации, свойственной официальным, из учебников, концепциям исторического процесса. Это, безусловно, маргинальная народная история, некое духовное историческое подполье, остающееся за пределами истории государственной, ибо, как правило, подполье не имеет подлинных исторических документов, но воплощает несколько проектов поиска Правды, что и является комментарием народа к Святому Писанию: онтологический – создание мирообраза (в религиозно-мистическом смысле), в котором единственным идеалом, Правдой является вера («Репетиции», 1992); социальный – осуществление революционных преобразований как попытки переделать реальность с позиций Правды и справедливости («Мне ли не пожалеть...», 1995); социально-философский – множественность вариантов и идей по поиску Правды и воплощения ее в реальность («Воскрешение Лазаря», 2003, «Будьте как дети», 2007, «Возвращение в Египет», 2013).

Заключение

«Большая» история России, реализующаяся как бесконечно повторяющийся революционный проект по переделке реальности, не имеет цели и смысла

[12] Там же, с. 599.

[13] Леонов Л. М. Пирамида. М.: Голос, 1994. Т. 1. С. 58.

в прогрессистском значении. Историческое сознание В. Шарова, как и Л. Леонова, прозревает в алгоритме развития русской истории одни и те же элементы, этапы, вехи, ведущие в тупик или обнажающие блуждание по кругу в погоне за утопическими идеями. Л. Леонов говорил об этом так: «В России, кроме климатических зим, бывают еще зимы исторические, не менее суровые, когда все, скованное континентальным морозом, погружается в спасительную спячку, на грани смерти, так что пищеварение происходит, но душевный пульс уже не прощупывается. Периодом между замерзанием и оттаиванием и мерится исторический шаг этой страны» [15]. По мысли Л. Леонова, исторические тупики обнажают поучительный опыт России, необходимый другим народам и странам. В размышлениях о. Матвея Лоскутова авторская мысль проявляется следующим образом: «Нас взяли на заманку всемирного братства... Боюсь, что вскоре Господь накажет нас исполнением желаний... – ибо оглянися, как жутко и страстно железкой выскребаем разум из собственного черепа своего, стремимся погасить высший дар Его... кровью застилается рассудок от созерцанья неотвратимых последствий... Невольная приходит на ум догадка – не в том ли заключалось историческое предназначенье России, чтобы с высот тысячелетнего величия и на глазах у человечества рухнуть наземь и тем самым собственным примером предостеречь грядущие поколения от повторных затей учинить на земле без Христа и гения райскую житуху? И вот лукавый бес ночной шепчет мне под руку полюбоваться – как причудливо выполняется у нас нагорное пророчество о примате нищих духом в царстве Божием»[14].

Поэтому В. Шаров, как и Л. Леонов, скорее пессимистичен в прогнозе будущего и осознании настоящего. Но с той разницей, что ищет и описывает духовные импульсы живых людей, пытающихся в индивидуальном слове вернуть смысл жизни из хаоса, смерти, ужаса, забвения, абсурда. Его художественная стратегия заключается в воспроизведении индивидуального слова как реакции на революцию, слова как выражения отношения к реальности и метафизическому миру, Богу. История сохраняет следы присутствия индивида, имеет память.

В интервью В. Шаров говорит об этом так: «Я пытаюсь вернуть огромный пласт жизни или даже чаще просто помянуть миллионы людей, которые жили, рожали детей, воевали и много о чем думали. Большинство из них погибло. Но у них была своя правда, и, какие бы ошметки, ничтожные обрывки от нее ни остались, восстанавливать эту правду необходимо. Иначе мы ничего не поймем в нашей общей судьбе. Мир так устроен, что и при жизни человека, и после его смерти здесь, на земле, справедливости немного. От кого-то, например белых и красных, сохранилось огромное количество документов, а от других, чья роль в русском XX веке была не меньшей, – почти ничего. Тысячи и тысячи проповедников, странников были бесписьменными, они передавали свои знания из уст в уста. И найти то, во что они веровали, чего ждали и на что надеялись, непросто. В любом случае я пытаюсь это понять» [16].

Думается, что мысль о возможности духовного преодоления (посредством памяти, создания индивидуального текста, слова) исторических тупиков и бездн осталась вне художественного сознания Л. М. Леонова, при том что историософские положения «Пирамиды» открывают для современной исторической прозы возможности поиска истинных механизмов движения русской истории XX в. Искушение революцией, по мысли Л. Леонова, привело Россию к концу истории. Стратегия постмодернистского квазиисторического романа позволяет увидеть в ситуации конца сослагательность, версионность, фантасмагоричность, деконструкцию и иронию истории. Стратегия реалистического исторического романа возвращает читателя к подлинности событий, реконструирует ход истории, чтобы объяснить ее логику, в том числе и эсхатологическую. Проза В. Шарова в этом смысле оказывается на пересечении различных стратегий, фиксируя в авторской историософии сложность и многомерность русской истории, ее зацикленность на утопических мессианских идеях, ведущую к внутреннему расколу, в котором, потеряв единство и надежду, народ оказывается в замкнутом трагическом круге. Спасение В. Шаровым обнаруживается в воскрешении памяти, воссоздании (пусть фантасмагорическом) текстов, исчезнувших в бездне истории людей, которые пытались рассказать свою правду и обрести смысл в абсурдной исторической реальности. Прояснить авторскую стратегию в контексте современной исторической прозы позволяет обращение к возможным *удаленным* контекстам, каковым и становится «Пирамида» Л. Леонова для В. Шарова.

Литература

1. Русская проза рубежа XX–XXI веков / ред. Т. М. Колядич. М.: Флинта, 2011. 520 с.

2. Тимина С. И., Маркова Т. Н., Кякшто Н. Н., Катаев В. Б., Валиева Ю. М., Ковтун Е. Н., Васильев В. Е., Воронина О. Ю., Черняк М. А., Левченко М. А., Черняк В. Д., Мартьянова И. А. Современная русская литература конца XX – начала XXI века / ред. С. И. Тимина. М.: Академия, 2011. 384 с.

[14] Леонов Л. М. Пирамида. М.: Голос, 1994. Т. 1. С. 57.

3. Ащеулова И. В. Историческая проза В. Шарова в контексте русской исторической прозы второй половины XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственнго университета. Филология. 2013. № 1. С. 80–97.

4. Вьюгин В. Ю. Роман Л. Леонова «Пирамида». III научный семинар // Русская литература. 1998. № 2. С. 222–228.

5. Запевалов В. Н. Международная научная конференция «Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания» // Русская литература. 1998. № 4. С. 239–249.

6. Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке / ред. Т. М. Вахитова. СПб.: Наука, 2002. 168 с.

7. Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания / сост. Т. М. Вахитова, В. П. Муромский. СПб.: Наука, 2004. 472 с.

8. Саликова О. Р. Роман Л. М. Леонова «Пирамида»: художественная функция экзистенциального опыта героев: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2016. 189 с.

9. Хрулев В. И. Символические образы культуры и истории в прозе Леонида Леонова // Бельские просторы. 2018. № 4. С. 116–126.

10. Якимова Л. П. Мотивная структура романа Л. Леонова «Пирамида». Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 248 с.

11. Варламов А. Н. Наваждение Леонида Леонова // Москва. 1997. № 4. С. 140–149.

12. Прилепин З. Подельник эпохи: Леонид Леонов. М.: Астрель, 2012. 832 с.

13. Непомнящих Н. А. От факела Прометея к самосожжению: символика огня у Л. М. Леонова и ее литературные аллюзии // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы средневековья и нового времени. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2009. С. 296–310.

14. Майдурова А. Ю. Роман Л. М. Леонова «Пирамида»: проблема художественной антропологии: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 188 с.

15. Леонова Н. Л., Макаров Н. А. Леонид Леонов. Из записной книжки. 1950–1960-е годы // Наше наследие. 2001. № 58.

16. Шаров В. «Пытаюсь написать душу истории» (интервью провел А. Мирошкин) // Книжное обозрение. 2003. № 5.

THE REVOLUTION AND THE PEOPLE OF L. LEONOV AND V. SHAROV: HISTORIOSOPHICAL DIALOGUE OF TWO WRITERS

Irina V. Ashcheulova [a, @]

[a] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *asheulova@mail.ru*

Received 29.12.2017. Accepted 31.10.2018.

Keywords: the image of the revolution, the image of the people, artistic historiosophy, Russian history

Abstract: The article examines the historical communication between two writers – Leonid Leonov («The Pyramid») and V. Sharov («Rehearsals», «Before and During», «Raising Lazarus», «Be like children»). The analysis featured the central artistic images and motifs of their novels, namely the Russian revolution and the people. According to the hypothesis, there are points of convergence between their historiosophical concepts. The Russian history, the way it was presented in their novels, was subjected to a multidimensional analysis, which revealed its catastrophism and eschatology. The revolution was largely demythologized by both Leonov and Sharov: they did not see it as an event that opened the possibility of creating a new world (paradise on earth) and a new man. So was the image of a God-bearing people who lost faith in the pursuit of social miracles. Both writers saw the revolution as the central historiosophical image of all Russian history. Both authors stressed the catastrophic and eschatological effect the revolution had for the foundations of Russian life, traditions, and Existence. Both authors used the symbolism of fire devouring Russia, its people, and every individual. In their novels, the revolution was an abyss which devoured millions of people and the

country itself. L. Leonov followed the theory of cyclical nature of Russian history; for him, the phenomenological essence of the revolution was a strange and terrible delusion that captured the country and its people. V. Sharov was trying to prove the usual, repeatable character of revolution in Russian history: the cyclical nature of history was obvious to the writer. Sharov's artistic strategy was to reproduce the individual word as a reaction to the revolution, words as expressions of attitudes towards reality, the metaphysical world, and God. History, according to Sharov, retains the traces of individual presence: it has a memory of its own.

For citation: Ashcheulova I. V. Revoliutsiia i narod L. Leonova i V. Sharova: istoriosofskii dialog dvukh pisatelei [The Revolution and the People of L. Leonov and V. Sharov: Historiosophical Dialogue of Two Writers]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 182–189. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-182-189

References

1. *Russkaia proza rubezha XX–XXI vekov* [Russian prose of the turn of the XX–XXI centuries]. Ed. Koliadich T. M. Moscow: Flinta, 2011, 520.

2. Timina S. I., Markova T. N., Kiakshto N. N., Kataev V. B., Valieva Iu. M., Kovtun E. N., Vasil′ev V. E., Voronina O. Iu., Cherniak M. A., Levchenko M. A., Cherniak V. D., Mart′ianova I. A. *Sovremennaia russkaia literatura kontsa XX – nachala XXI veka* [Contemporary Russian literature of the late XX – early XXI centuries]. Ed. Timina S. I. Moscow: Akademiia, 2011, 384.

3. Ashcheulova I. V. Istoricheskaia proza V. Sharova v kontekste russkoi istoricheskoi prozy vtoroi poloviny XX – nachala XXI v. [V. Sharov's historical prose in the Russian historical fiction of second half of XX – early XXI centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvenngo universiteta. Filologiia = Tomsk State University Journal of Philology*, no. 1 (2013): 80–97.

4. V′iugin V. Iu. Roman L. Leonova "Piramida". III nauchnyi seminar [L. Leonov's novel "The Pyramid". III scientific seminar]. *Russkaia literatura = Russian literature*, no. 2 (1998): 222–228.

5. Zapevalov V. N. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "Roman L. Leonova "Piramida". Problema miroopravdaniia» [International scientific conference "L. Leonov's novel "The Pyramid". The Problem of the Justification of the World]. *Russkaia literatura = Russian literature*, no. 4 (1998): 239–249.

6. *Poetika Leonida Leonova i khudozhestvennaia kartina mira v XX veke* [Leonid Leonov's poetics and the artistic picture of the world in the XX century]. Ed. Vakhitova T. M. Saint-Petersburg: Nauka, 2002, 168.

7. *Roman L. Leonova "Piramida". Problema miroopravdaniia* [L. M. Leonov's novel "The Pyramid". The problem of world justification]. Comp. Vakhitova T. M., Muromskii V. P. Saint-Petersburg: Nauka, 2004, 472.

8. Salikova O. R. *Roman L. M. Leonova "Piramida": khudozhestvennaia funktsiia ekzistentsialnogo opyta geroev.* Diss. kand. filol. nauk [L. M. Leonov's novel "The Pyramid": artistic function of the existential experience of characters. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Tambov, 2016, 189.

9. Khrulev V. I. Simvolicheskie obrazy kul′tury i istorii v proze Leonida Leonova [Symbolic images of culture and history in Leonid Leonov's prose]. *Bel'skie prostory = Belsky expanses*, no. 4 (2018): 116–126.

10. Yakimova L. P. *Motivnaia struktura romana L. Leonova "Piramida"* [The motive structure of L. M. Leonov's novel "The Pyramid"]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2003, 248.

11. Varlamov A. N. Navazhdenie Leonida Leonova [Leonid Leonov's obsession]. *Moskva = Moscow,* no. 4 (1997): 140–149.

12. Prilepin Z. *Podel'nik epohi: Leonid Leonov* [Accomplice of the era: Leonid Leonov]. Moscow: Astrel', 2012, 832.

13. Nepomniashchikh N. A. Ot fakela Prometeia k samosozhzheniiu: simvolika ognia u L. M. Leonova i ee literaturnye alliuzii [From the Prometheus flame to self-immolation: the symbolism of fire in Leonid Leonov and its literary allusions]. *Narrativnye traditsii slavianskikh literatur. Povestvovatelnye formy srednevekov'ia i novogo vremeni* [Narrative traditions of Slavic literatures. Narrative Forms of the Middle Ages and New Times]. Novosibirsk: Institut filologii SO RAN, 2009, p. 296–310.

14. Maidurova A. Yu. *Roman L. M. Leonova "Piramida": problema hudozhestvennoi antropologii.* Diss. kand. filol. nauk [L. Leonov's novel "The Pyramid": the problem of artistic anthropology. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Volgograd, 2007, 188.

15. Leonova N. L., Makarov N. A. Leonid Leonov. Iz zapisnoi knizhki. 1950–1960-e gody [Leonid Leonov. From the notebook. 1950–1960s]. *Nashe nasledie = Our Heritage*, no. 58 (2001).

16. Sharov V. "Pytaius' napisat dushu istorii". Interv'iu provel A. Miroshkin ["I'm trying to write the soul of history". Interview conducted by A. Miroshkin]. *Knizhnoe obozrenie = Book Review*, no. 5 (2003).

УДК 821.111(73)

ОБРАЗЫ СТРАН В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВ АМЕРИКА И ЕВРОПА)*

Екатерина С. Баландина [a, @, ID]

[a] *Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76*
[@] *nenash_ek@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-1360-7413*

Поступила в редакцию 28.07.2018. Принята к печати 31.10.2018.

Ключевые слова: психолингвистика, языковое сознание, образ, ассоциативное поле, реакции

Аннотация: В статье рассматриваются способы репрезентации образов *Америка* и *Европа* в языковом сознании носителей арабской культуры. Актуальность выбранной темы обусловлена современными геополитическими факторами и экономическими предпосылками современного общества. Объектом исследования является языковое сознание носителей арабской культуры. Предмет изучения – образы стран, сложившиеся в нем. Результаты исследования основываются на материале, полученном в ходе проведенного свободного ассоциативного эксперимента среди носителей арабской культуры. Анализ построенных ассоциативных полей позволил разделить полученные вербальные реакции на ассоциации смежности и сходства, выделить наиболее частотные ответы на предъявляемые стимулы, оценить ценностно-эмоциональную составляющую исследуемых образов и увидеть сходства и различия в восприятии исследуемых стран арабскими студентами, показать иерархию семантических связей в оценках стимулов. Предложенные выводы позволяют судить о том, что языковое сознание является динамическим явлением, на формирование которого большое влияние оказывают современные политические, экономические и социокультурные изменения и преобразования.

Для цитирования: Баландина Е. С. Образы стран в языковом сознании носителей арабской культуры (на примере образов *Америка* и *Европа*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 190–197. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-190-197

Введение

Межкультурная коммуникация является важной частью информационного поля общества. От её успешного использования зависит эффективность реализации разного рода социальных, коммерческих и политических проектов. При этом становится необходимым изучение исторических, социологических, культурологических, лингвистических аспектов межкультурной коммуникации с целью углубления знаний о народе, который является партнером в общении [1]. В отечественной науке психолингвистический подход к межкультурному общению ведётся на основе изучения взаимоотношения языка, культуры и сознания.

Образы стран – это фрагменты языкового сознания, существующие как социальные автостереотипы (у представителей анализируемой страны) и как национальные предрассудки (у иностранцев). Подобные ментальные образования трактуются в современной философии и социальной психологии как социальные мифы, формируемые в так называемом рефлексивном слое сознания. Образы рефлексивного слоя сознания, в том числе и социальные мифы, конструируются в относительном отрыве от реальной действительности, с которой они связаны через другие – чувственные – образы, прямо, непосредственно отображающие реальное бытие людей [2]. Однако, с нашей точки зрения, глобализация мирового пространства, развитие экономических связей привели к тому, что представления, мировоззрения людей и общественное сознание в значительной мере стали формироваться средствами массовой информации. Практически все сферы человеческой жизни находятся под их влиянием. Правильный выбор адресатов и механизмов во многом определяет успех имиджевых технологий [3]. Следовательно, на восприятие образов стран в настоящее время политических игр и экономических разногласий также оказывают существенное воздействие современные средства массовой информации, которые воздействуют на формирование

* Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013), соглашение № 02.A03.21.0011.

образа той или иной страны за счет различных манипуляционных стратегий.

Помимо этого, каждый этнос характеризуется своими особыми системами восприятия мира. Они формируются в процессе практической деятельности людей на основе их собственного опыта и традиций, унаследованных от предыдущих поколений [4]. Этнокультурные стереотипы и этнические предубеждения, формируемые при этом, играют значимую роль в моделировании определенного образа той или иной страны [5]. Под этнокультурным стереотипом понимается обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Под этническим предубеждением понимается предвзятое мнение о национальных свойствах какого-либо этноса, возведенное во враждебную психологическую установку по отношению к данному этносу [6].

Стереотипное представление об определенной стране складывается из образа самой страны и образа населяющего ее народа. Образ страны складывается из представлений о внешней и внутренней политике государства, экономике и культуре. Образ нации складывается из представления о национальном характере и национальных пристрастиях, внешнем виде представителя того или иного народа, особенностей образа жизни [7]. Выявление таких особенностях восприятия представляет огромный интерес.

Цель данной статьи состоит в выявлении, фиксации и анализе фрагмента языкового сознания арабских студентов, содержащего осознаваемые и неосознаваемые знания об Америке и Европе.

Актуальность представленной темы во многом объясняется современной геополитической обстановкой, когда на первый план выходят вопросы, связанные с построением дружественных отношений между государствами и нормализацией политической обстановки в целом. Состояние мира в условиях глобализации обусловлено не только позитивными результатами интеграционных процессов, но и обострением противоречий и конфликтов. Это приводит к тому, что в настоящий момент становится особенно важным выстроить межкультурное общение между представителями различных стран, основанное на доверии и взаимоуважении. В подобном эффективном взаимодействии значимую роль играют образы стран, сложившиеся в языковом сознании, на формирование которых влияют экономическая ситуация, социокультурная среда, образование, религия и политическая обстановка. Таким образом, значимость подобных исследований обусловлена необходимостью фундаментальных разработок лингвистической науки, связанных с проблемами восприятия и отражения действительности и способами ее фиксации и репрезентации в языковом сознании. Изучение образов сознания позволит оптимизировать межкультурное общение, предотвратить межэтнические конфликты, грамотно построить государственную политику в сфере межкультурных отношений [8].

Среди научных работ, посвященных сформулированной проблеме, можно выделить различные направления исследования: изучение образов стран представителями российской культуры, анализ образов стран в политическом дискурсе, межкультурной коммуникации, метафорическое моделирование образов-стран и т. д. Научная новизна представленных результатов обусловлена тем, что впервые была предпринята попытка целенаправленного исследования образов стран, сложившихся в языковом сознании носителей арабской культуры определенной возрастной группы (19–23 года), выстроена схема анализа полученного материала, позволяющая описать всестороннее содержание анализируемых образов.

Методология исследования

Теоретической основой исследования послужило обоснованное в психолингвистике представление о том, что явления действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения, отображаются в его языковом сознании. Это отображение не только фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемые в ходе восприятия, но и обладает определенной этнокультурной обусловленностью, динамичностью и вариативностью [9].

Одним из средств доступа к сознанию, а также базой для исследования национально-культурной специфики образов языкового сознания является ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент – ценный источник информации, способствующий вскрытию объективно существующих в психике носителей языка семантических связей слов, он является одним из способов доступа к сознанию с целью изучения содержания того или иного фрагмента языкового сознания [10]. Методологическим основанием применения ассоциативного эксперимента стало положение о том, что ассоциации на каждое конкретное слово-стимул формируют естественно-языковое поле, имеющее не только структурно-лексикографический, но и онтологический статус [11]. По мнению В. Ф. Петренко, категории сознания задают определенную рамку восприятия мира, в контексте которой строятся более частные, так называемые имплицитные теории, или имплицитные модели, т. е. слабо упорядоченные и плохо рефлексируемые формы организации знаний субъекта в различных содержательных областях его обыденного сознания и житейского опыта [12]. Проанализированный и классифицированный определенным образом материал позволяет вскрыть внутреннее содержание и смыслы рассматриваемых образов.

В качестве испытуемых для эксперимента было привлечено 100 арабских студентов в возрасте 19–23 лет, обучающихся на различных факультетах Багдадского университета. Полученный синхронный срез языка, представляющий собой построенные ассоциативные поля, дает возможность описывать образы сознания определенной возрастной группы носителей выбранной культуры, поскольку он овнешняет знания, ассоциированные со словом-стимулом в данной конкретной национальной культуре. Достоверность результатов, полученных в ходе эксперимента, подтверждается положением о том, что в практике психолингвистики для проведения анализа образа и включения данных в словарь достаточным является ассоциативное поле, состоящее из 100 ассоциатов [13]. В нашем эксперименте на предъявляемые стимульные слова от 100 респондентов мы получили 100 реакций, тем самым ни один студент не пропустил интересующий нас стимул. Важно отметить, что анкеты, предлагаемые студентам в ходе эксперимента, были составлены на их родном языке, однако в данной статье для удобства восприятия анализируемые реакции были переведены на русский язык при сохранении формально грамматических характеристик ассоциаций.

Результаты исследования

Рассмотрим более подробно характеристику ответов-реакций на глубинном уровне отношений, существующих между содержаниями слов-ассоциатов.

Стимульное слово *Америка* вызвало определенные ассоциации у опрошенных нами студентов, которые мы можем классифицировать следующим образом. К *ассоциациям по предметно-смысловой смежности* относятся ассоциативные пары слов, не имеющие общих существенных признаков в своем содержании, в основных значениях членов которых отражаются реальные отношения смежности между предметами и явлениями действительности или содержаниями абстрактных понятий [14]. Среди ответов, данных арабскими студентами, мы выделили 64 % реакций, которые отнесли к данной группе: الحرية – свобода (11), القوة – сила (9), حلم – мечта (8), الحرب – война (7), الجيش – армия (5), أفلام – кино (4), تدمير – разрушения (2), ديمقراطية – демократия, أغنية – песня, مشاكل – проблемы, تقنيات المستقبل – технологии будущего, الربيع العربي – арабская весна, حلمي – моя мечта, مجد – слава, الجنة – рай, تقدم – прогресс, حبي – моя любовь, اكتئاب – депрессия, رأسمالية – капитализм, الصلابة – твердость, اقتصاد – экономика, فقر – бедность, عمل – работа, العالمية – мир, لنا – наша.

В свою очередь, *ассоциации по сходству* можно разделить на две подгруппы. *Классификационные* – ассоциативные пары, члены которых имеют в своих содержаниях хотя бы один общий существенный признак. К ним относятся реакции, соотносимые с элементами различного рода лексических объединений парадигматического характера. В арабском ассоциативном поле могут быть выделены следующие ассоциаты, относящиеся к данной группе и составляющие 8 % от общего количества полученных ответов: بلد – страна (3), أمريكا اللاتينية – Латинская Америка, اليابان – Япония, أفريقيا – Африка, مكان – место, تمثال الحرية – статуя свободы.

Детерминационные – к ним относятся ассоциативные пары, в которых содержание ответа-реакции входит в содержание слова-стимула в качестве одного из признаков этого содержания. В построенном нами ассоциативном поле арабских студентов можно выделить следующий ряд ассоциатов, относящихся к данной подгруппе (25 %): словоформы и словосочетания, выявляющие качественные характеристики образа: قوي – сильная (6), عظيم – великая (5), سيئة – плохая (4), ذكي – умная (3), ضخم – огромная, بعيد – далекая, بلد عظيم – великая страна, فقير – бедная; несогласованные со словом-стимулом глаголы: السفر – путешествовать (2), قارن – контролировать. Следует также отметить, что на данный стимул было получено 2 отказа на ассоциирование.

На стимульное слово *Европа* мы получили список реакций, которые представлены следующим списком. К *ассоциациям по предметно-смысловой смежности* относятся реакции, составляющие 66 % от общего числа ответов: أجنبي – иностранец (14), سفر – путешествие (11), تطور – развитие (7), سياحة – туризм (5), ثقافة – культура (4), حلم – мечта (4), علم – наука (3), احترام – уважение (2), المنظمات – организации, تأشيرة – виза, حلمي – моя мечта, عدالة – справедливость, ليس حلمي – не моя мечта, تنوع – разнообразие, تقدم – прогресс, هجرة – иммиграция, أغنية – песня, قصة – история, البحر – море, العالمية – мир, اقتصاد – экономика, خريطة – карта, خريطة – красивая жизнь.

Классификационные ассоциации составили 27 %: انجلترا – Англия (6), فرنسا – Франция (5), أرض – земля (4), الاتحاد – Союз (2), آسيا – Азия, روسيا – Россия, الوطن – Родина, البيت الثاني – второй дом, البلد – страна, قارة – континент, مكان – место, أرض الأحلام – место мечты, حضارة – цивилизация.

Детерминационные – 7 % ассоциативного поля: أكبر – большая (4), عظيم – великая (2), جميل – красивая.

Таким образом, наиболее частотными ассоциациями на выбранные стимульные слова являются реакции предметно-смысловой смежности, характеризующие широкий спектр предметов и явлений, связанных в языковом сознании носителей арабской культуры с исследуемыми образами. Классификационные реакции в полученных ассоциативных полях составляют примерно 25 % от всех ответов, тогда как наименьший процент имеют группы детерминационных ассоциаций.

На следующем этапе анализа было рассмотрено ядро исследуемых ассоциативных полей. Относительно объема ядра и принципов его выделения ученые придерживаются различных точек зрения, поскольку эти довольно неоднозначные определения не дают возможности выделить основные характеристики ядерных ассоциаций [15]. В статье мы будем придерживаться мнения, что ядро ассоциативного поля составляет около 47 % от общего числа ответов, т. е. одиночные реакции и реакции, имеющие небольшой индекс частотности, относятся к периферии ассоциативного поля [16].

Для арабских студентов наиболее частотные реакции на стимульное слово *Америка* представлены следующим списком ответов: الحرية – свобода (11), القوة – сила (9), حلم – мечта (8), الحرب – война (7), قوي – сильная (6), عظيم – великая (5), الجيش – армия (5). Выделенные реакции демонстрируют две противоположные точки зрения респондентов на исследуемый стимул. С одной стороны, Америка представляется сильной, великой страной-мечтой, где свобода как наивысшая ценность стала своеобразным символом, олицетворяющим данное государство. С другой стороны, внешнеполитические конфликты с арабским миром несомненно оказали влияние на восприятие образа Америки, что объясняет значительную частотность реакций الحرب – война (7) и الجيش – армия (5). Таким образом, ценностно-эмоциональный спектр ядра исследуемого стимульного слова представлен 75 % положительными и 24 % отрицательных реакций. Следовательно, несмотря на некоторую напряженность в отношениях, существующую между Америкой и арабскими странами, опрошенные студенты воспринимают анализируемый образ в большей степени с положительной точки зрения. Данную мысль подтверждает и анализ полного ассоциативного поля, где распределение ценностно-эмоциональных положительных и отрицательных ассоциатов соотносится как 74 % к 26 %.

Образ *Европа* вызвал следующие наиболее частотные реакции: أجنبي – иностранец (14), سفر – путешествие (11), تطوير – развитие (7), انجلترا – Англия (6), فرنسا – Франция (5), سياحة – туризм (5). Европа в языковом сознании арабских студентов ассоциируется, в первую очередь, с путешествиями, поскольку общая частотность родственных реакций سفر – путешествие (11) и سياحة – туризм (5) опережает частотность ассоциата أجنبي – иностранец (14). Европа представляется развитой أرض – землей (4), الاتحاد – Союзом (2) и связана, прежде всего, с такими странами, как انجلترا – Англия (6) и فرنسا – Франция (5). Ценностно-эмоциональный спектр всего ассоциативного поля составляют исключительно положительно окрашенные слова-ответы, отражающие многоаспектное восприятие исследуемого образа.

Далее нам представляется интересным классифицировать полученные ответы по семантическим полям. Тем самым мы получим возможность более глубокого изучения содержания исследуемых образов (таблицы 1 и 2).

Таблица 1. Семантические поля образа *Америка*
Table 1. Semantic fields of the image of *America*

Семантическое поле	%	Реакции
Характеристики:	19 %	
– положительные	10 %	عظيم – великая (5), ذكي – умная (3), ضخم – огромная, بلد عظيم – великая страна
– отрицательные	8 %	سيئة – плохая (4), فقير – бедная, отказ ассоциирования (3)
– нейтральные	1 %	بعيد – далекая
(Военный) конфликт	16 %	الحرب – война (7), الجيش – армия (5), تدمير – разрушения (2), مشاكل – проблемы, ربيع الحروب – арабская весна
Мощь и величие страны	16 %	القوة – сила (9), قوي – сильная (6), الصلابة – твердость
Личные ассоциации	11 %	حلم – мечта (8), حلمي – моя мечта, حبي – моя любовь, لنا – наша
Ценности	11 %	الحرية – свобода (11)
Место	9 %	بلد – страна (3), أمريكا اللاتينية – Латинская Америка, اليابان – Япония, أفريقيا – Африка, مكان – место, الجنة – рай, العالمية – мир
Социальная сфера	6 %	أفلام – кино (4), أغنية – песня, مجد – слава
Экономическая сфера	4 %	كآبة – депрессия, اقتصاد – экономика, فقر – бедность, عمل – работа
Действия	3 %	السفر путешествовать (2), مراقبة контролировать
Политическая сфера	2 %	ديمقراطية – демократия, رأسمالية – капитализм
Научная сфера	2 %	تقنيات المستقبل – технологии будущего, تقدم – прогресс

Таблица 2. Семантические поля образа *Европа*
Table 2. Semantic fields of the image of *Europe*

Семантическое поле	%	Реакции
Путешествия	32 %	أجنبي – иностранец (14), سفر – путешествие (11), سياحة – туризм (5), تأشيرة – виза, خريطة – карта
Место	23 %	انجلترا – Англия (6), فرنسا – Франция (5), أرض – земля (4), الاتحاد – Союз (2), آسيا – Азия, روسيا – Россия, البلد – страна, قارة – континент, مكان – место, العالمية – мир
Научная сфера	11 %	تطوير – развитие (7), علم – наука (3), تقدم – прогресс
Личные ассоциации	7 %	حلم – мечта (4), حلمي – моя мечта, ليس حلمي – не моя мечта, أرض الأحلام – место мечты
Положительные характеристики	7 %	أكبر – большая (4), عظيم – великая (2), جميل – красивая
Традиции и история	6 %	ثقافة –культура (4), قصة – история, حضارة – цивилизация
Социальная сфера	3 %	تنوع – разнообразие, أغنية – песня, خريطة – красивая жизнь
Ценности	3 %	احترام – уважение (2), عدالة – справедливость
Экономическая сфера	3 %	المنظمات – организации, هجرة – иммиграция, اقتصاد – экономика
Дом	2 %	الوطن – Родина, البيت الثاني – второй дом

Полученные данные позволяют сделать вывод, что в содержательном плане доминируют два семантических поля, демонстрирующие глубинное восприятие образа: семантическое поле мощи и силы как признания могущества Америки и ее обширного влияния и семантическое поле (военного) конфликта как отражение современного политического и военного противостояния между государствами. Семантическое поле характеристик составляет 19 % и представлено относительно ровным распределением положительно и отрицательно окрашенных ассоциатов, свидетельствующих о двух противоположных точках зрения на исследуемый образ. Далее по наполнению следуют семантическое поле ценностей, представленное единичным, но наиболее частотным ответом, группа личностно-ориентированных реакций и семантическое поле места, отражающее географические ассоциативные связи образа. Оставшиеся выделенные семантические поля фиксируют наиболее важные, яркие аспекты и сферы влияния, которыми характеризуется анализируемый образ в языковом сознании арабских студентов: политика, экономика, наука, социальная жизнь (кино, шоу-бизнес).

Приведенные данные показывают, что основными смысловыми ассоциациями на анализируемый образ являются ответы, входящие в семантические поля путешествия и места. Тем самым мы можем судить о том, что образ *Европа* вызывает у молодых людей ассоциации, связанные с отдыхом, что приводит к отсутствию в семантическом поле характеристик отрицательных ассоциатов и выделению группы реакций, связанных с определением культуры и традиций исследуемого образа. Третьим по значимости и процентному соотношению выступает семантическое поле ответов, связанных с развитием и прогрессом, что указывает на признание научной базы Европейского Союза. Интересным, с нашей точки зрения, является не только выделение в отдельную группу личных ассоциаций حلم – мечта (4), حلمي – моя мечта и т. д., но и появление двух реакций в семантическом поле Дом, отражающих восприятие исследуемого образа в качестве второй Родины.

Заключение

Представленные семантические поля позволяют увидеть сходства и различия между исследуемыми образами. В образах Америка и Европа опрошенные респонденты в одинаковой степени акцентировали внимание на группе ассоциаций, связанных с личными мечтами и желаниями жить, учиться, работать или просто посмотреть эти места. Однако целостное восприятие значительно отличается. Америка представляется, с одной стороны, страной-мечтой, с провозглашенной ценностью свобода, а с другой – страной, породившей военный конфликт. Европа, наоборот, в языковом сознании арабских студентов связана с отдыхом и научным прогрессом, поэтому не вызывает отрицательных реакций.

Следовательно, на основе анализа образов Америка и Европа мы можем сделать вывод, что языковое сознание является динамическим и подвижным явлением, изменяющимся под воздействием внешних факторов – экономических, политических и социально-культурных условий. Содержание

существующих в нем образов репрезентирует не только устойчивые отношения в долговременной перспективе, но и оперативно дополняется новыми, порой кратковременными ассоциативными связями, отражающими современное состояние общественного мнения и языкового сознания в целом.

Литература

1. Кечина Э. А., Гришенина Ю. А. Образ России как авто- и гетеростереотип в языковом сознании русских и арабских студентов // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8-5. С. 112–114.

2. Тарасов Е. Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69–73.

3. Савельева Н. Х., Пихтовникова Ю. В. Формирование образа российского государства в британских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-1. С. 56–58.

4. Уфимцева Н. В. Содержание ценности «жизнь» в языковом сознании при межкультурном сопоставлении // Вопросы психолингвистики. 2017. № 34. С. 116–123.

5. Трифонова С. А. Этнопсихология и конфликтология. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 140 с.

6. Жуков И. В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998–2000 гг.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2002. 26 с.

7. Тарасенко В. В., Красноперова Ю. В. Моделирование стереотипов «Россия», «Великобритания», «США» на материале ассоциативного эксперимента // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. № 1. С. 87–99.

8. Балясникова О. В., Черкасова Г. А., Степанова А. А., Уфимцева Н. В. Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 4. С. 1161–1170.

9. Уфимцева Н. В. Динамика и вариативность языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

10. Полякова Н. В. Фитонимический образ России (по данным ассоциативного эксперимента) // Альманах современной науки и образования. 2013. № 4. С. 146–148.

11. Жданова В. Ассоциативный эксперимент в изучении языкового сознания (на примере оппозиции «свой – чужой») // Beiträge der Europäischen Slawistischen Linguistik (POLYSLAV). 2002. Vol. 5. P. 295–303.

12. Петренко В. Ф. К проблеме построения образа мира: психосемантический аспект // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. С. 155–177.

13. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯз РАН, 2000. С. 24–33.

14. Мартинович Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 93–99.

15. Сергиева Н. С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании. СПб.: Наука, 2009. 316 с.

16. Зубкова Т. И., Сахарный Л. В., Штерн А. С. Психолингвистика // Прикладное языкознание / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 245–267.

THE IMAGES OF AMERICA AND EUROPE IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF NATIVE ARABIC SPEAKERS*

Ekaterina S. Balandina [a, @, ID]

[a] *South Ural State University (national research university),76, Lenin Ave., Chelyabinsk, Russia, 454080*
[@] *nenash_ek@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-1360-7413*

Received 28.07.2018. Accepted 31.10.2018.

Keywords:
psycholinguistics, linguistic consciousness, image, associative field, associations

Abstract: The article deals with the representations of the images of America and Europe in the linguistic consciousness of students from Arab countries. The relevance of the chosen topic is due to the current geopolitical factors and the economic prerequisites governing the modern society. The object of the present study is the linguistic consciousness of the native Arab speakers. The subject is the country images that are formed in the mind of Arab culture members. The results of the research are based on the material obtained in the course of the free associative experiment. An analysis of the constructed associative fields made it possible to divide the verbal reactions into contiguity and similarity associations; to select the most frequent responses to the presented stimuli; to evaluate the value-emotional component of the images and to see the similarities and differences in the perception of the countries by Arab students; to show the hierarchy of semantic links and fields in estimates of incentives. The results of the study show that linguistic consciousness is a dynamic phenomenon, the formation of which is influenced by the modern political, economic, and sociocultural changes and transformations.

For citation: Balandina E. S. Obrazy stran v iazykovom soznanii nositelei arabskoi kul′tury (na primere obrazov Amerika i Evropa) [The Images of America and Europe in the Linguistic Consciousness of Native Arabic Speakers]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 190–197. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-190-197

References

1. Kechina E. A., Grischenina Y. A. Obraz Rossii kak avto- i geterostereotip v iazykovom soznanii russkikh i arabskikh studentov [The image of Russia as an autostereotype and a heterostereotype in the linguistic consciousness of Russian and Arab students]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, no. 8-5 (2016): 112–114.

2. Tarasov E. F. Obraz Rossii: metodologiia issledovaniia [The image of Russia: research methodology]. *Voprosy psikholingvistiki = Questions of psycholinguistics*, no. 4 (2006): 69–73.

3. Savel'eva N. Kh., Pikhtovnikova Yu. V. Formirovanie obraza rossiiskogo gosudarstva v britanskikh SMI [Formation of the image of the Russian state in the British mass media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Theory and practice*, no. 3-1 (2018): 56–58.

4. Ufimtseva N. V. Soderzhanie tsennosti "zhizn" v iazykovom soznanii pri mezhkul'turnom sopostavlenii [The content of the "life" value in linguistic consciousness in cross-cultural studies]. V*oprosy psikholingvistiki = Questions of psycholinguistics*, no. 34 (2017): 116–123.

5. Trifonova S. A. *Etnopsihhologiia i konfliktologiia* [Ethnopsychology and conflictology]. Yaroslavl': YArGU, 2013, 140.

6. Zhukov I. V. *Kriticheskii analiz diskursa pechatnykh SMI: osobennosti osveshcheniia severokavkazskogo konflikta 1998–2000 gg.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Critical analysis of the print media discourse: features of the North Caucasus conflict 1998–2000. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Tver', 2002, 26.

7. Tarasenko V. V., Krasnoperova Yu. V. Modelirovanie stereotipov "Rossiia", "Velikobritaniia", "SShA" na materiale assotsiativnogo eksperimenta [Modeling of the stereotypes "Russia", "Great Britain" and "the USA" using the associative experiment data]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Questions of journalism theory and practice*, no. 1 (2018): 87–99.

8. Balyasnikova O. V., Cherkasova G. A., Stepanova A. A., Ufimtseva N. V. Etnolingvisticheskii aspekt regional'nogo iazykovogo soznaniia [Ethnopsycholinguistic aspect of regional linguistic consciousness]. V*estnik*

* The article was supported by the Government of the Russian Federation (Decree No. 211 of 03.16.2013), Agreement No. 02.A03.21.0011.

Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Teoriia Iazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, no. 4 (2017): 1161–1170.

9. Ufimtseva N. V. *Dinamika i variativnost' iazykovogo soznaniia* [Dynamics and variability of linguistic consciousness]. Moscow: Institut iazykoznaniia RAN, 2011, 252.

10. Polyakova N. V. Fitonimicheskii obraz Rossii (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) [Fitonimic image of Russia (according to the associative experiment)]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia = Almanac of modern science and education*, no. 4 (2013): 146–148.

11. Zhdanova V. Associativnyi eksperiment v izuchenii iazykovogo soznaniia (na primere oppozitsii "voi – chuzhoi") [Associative experiment in the study of linguistic consciousness (the case of the opposition "us – them")]. *Beiträge der Europäischen Slawistischen Linguistik* (POLYSLAV), vol.5 (2002): 295–303.

12. Petrenko V. F. K probleme postroeniia obraza mira: psikhosemanticheskii aspekt [To the problem of constructing the image of the world: the psychosemantic aspect]. *Obshchenie. Iazykovoe soznanie. Mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Communication. Linguistic consciousness. Intercultural communication]. Kaluga: KGPU im. K. E. Tsiolkovskogo, 2005, 155–177.

13. Tarasov E. F. Aktual'nye problemy analiza iazykovogo soznaniia [Actual problems of the linguistic consciousness analysis]. *Iazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and the world image]. Ed. Ufimtseva N. V. Moscow: IIaZ RAN, 2000, 24–32.

14. Martinovich G. A. Opyt kompleksnogo issledovaniia dannykh assotsiativnogo eksperimenta [Experience of complex research of associative experiment data]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology,* no. 2 (1993): 93–99.

15. Sergieva N. S. *Prostranstvo i vremia zhiznennogo puti v russkom iazykovom soznanii* [Space and lifetime in the Russian linguistic consciousness]. Saint-Petersburg: Nauka, 2009, 316.

16. Zubkova T. I., Saharnyi L. V., Shtern A. S. Psikholingvistika [Psycholinguistics]. *Prikladnoe iazykoznanie* [Applied linguistics]. Saint-Petersburg: SPbGU, 1996, 245–267.

УДК 81-139

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА КРАУДСОРСИНГА В РАМКАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Мария В. Данильчук [a, @, ID]

[a] *Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, Наб. реки Мойки, 48*
[@] *maryanadan@yandex.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/W-9170-2018*

Поступила в редакцию 17.06.2018. Принята к печати 26.10.2018.

Ключевые слова: краудсорсинг, краудсорсинговый проект, лингвистический эксперимент, фоносемантика

Аннотация: В статье рассмотрен метод краудсорсинга в рамках лингвистического эксперимента. Предложен алгоритм проведения эксперимента, включающий этапы постановки задачи, создания и тестирования анкеты. Даны рекомендации по организации краудсорсингового проекта, рассмотрены вопросы мотивации респондентов, привлекательности анкеты для сбора данных, выбора краудсорсинговой платформы, экспорта данных. На примере проведенного методом краудсорсинга лингвистического эксперимента установлена возможность получения информации по оценке потенциала фоносемантического анализа при решении вопросов номинации в маркетинге. Полученные данные выявили возможность совпадения ассоциаций разработчика названия с ассоциациями, возникающими в большой группе респондентов, находящейся в сети Интернет. Эксперимент показал, что краудсорсинг в условиях становления общества как сетевого является доступным методом, позволяющим получить объективные данные и показывающим высокий исследовательский потенциал. Описанная процедура по организации краудсорсингового проекта может быть использована в качестве руководства и рекомендована к применению в рамках других лингвистических исследований.

Для цитирования: Данильчук М. В. Потенциал использования метода краудсорсинга в рамках лингвистического эксперимента // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 198–204. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-198-204

Введение

Термин *краудсорсинг*[1] введен Д. Хау в январе 2006 г. в журнале *Wired*, издающемся в Сан-Франциско и в Лондоне [1]. Уже через полгода автором отмечена[2] высокая скорость распространения как термина, так и самого метода. В настоящее время метод краудсорсинга находит применение в области маркетинга, политики, различных областях науки. Оценка потенциала использования краудсорсинга в лингвистике является целью данной статьи.

Под краудсорсингом в работах Д. Хау понималось действие организации, принимающей на себя функцию, ранее выполняемую ее сотрудниками, и передача выполнения этой функции произвольной (и обычно большой) группе лиц в сети Интернет, работающей бесплатно. С течением времени толкование термина несколько изменилось. Делегирование задач стало возможным не только организацией, но и частным лицом, спектр делегируемых задач расширился. Для оптимального выполнения задачи её делегирование может производиться не произвольной группе лиц, а целевой аудитории, для которой можно задать определенные параметры: территория проживания, возраст, пол, профессия и т. д., что позволяет исключить тех, кто не подходит для решения конкретной задачи. Далее под термином *краудсорсинг* будем понимать привлечение респондентов в сети Интернет на добровольной основе или за вознаграждение для сбора данных в рамках лингвистического эксперимента.

Метод краудсорсинга можно сравнить с методом Дельфи или методом фокус-групп. Несмотря на внешнюю схожесть, эти методы имеют существенные различия. Под методом фокус-групп понимается групповая дискуссия, в которой внимание концентрируется

[1] Портал крауд-сервисов. Режим доступа: http://crowdsourcing.ru/article/what_is_the_crowdsourcing (дата обращения: 01.05.2018); The rise of crowdsourcing // Wired. Режим доступа: https://www.wired.com/2006/06/crowds/ (дата обращения: 01.05.2018).

[2] Howe J. Crowdsourcing. 02.06.2006. Режим доступа: http://crowdsourcing.typepad.com/cs/2006/06/Crowdsourcing_a.html (дата обращения: 01.05.2018).

на конкретном вопросе, а итоговыми данными для анализа являются ответы респондентов, информация о которых фиксируется и может учитываться [2]. Метод Дельфи отличается от метода фокус-групп анонимностью ответов, отсутствием дискуссии (нет возможности поменять точку зрения, слушая ответы других респондентов) и опорой на мнение экспертов. В дискуссии, проводимой по методу фокус-групп, присутствует модератор, который фиксирует ответы, анализирует их и делает выводы. В случае с использованием метода Дельфи сбором и анализом ответов может заниматься организованная группа исследователей. Преимуществом метода краудсорсинга является способность расширить количество участников дискуссии или группу экспертов до всех пользователей сети Интернет и существенно отличается тем, что опирается на мнение большого количества непрофессионалов [3]. Однако есть мнение [4–7], что «толпа» при решении, например, задач компании, которые ранее решались ограниченным количеством штатных специалистов, при определенных условиях практически всегда превзойдет любое число штатных сотрудников по всем возможным параметрам: скорость решения задачи, оригинальность и др. Такой задачей, например, может быть оценка перевода названия бренда, выходящего на новый рынок. При решении подобной задачи метод краудорсинга способен дать широкий обзор мнений от потенциальных потребителей продукции, а значит обеспечит возможность получения максимально объективной оценки и, как следствие, будет способствовать коммерческому успеху бренда.

Для создания успешного краудсорсингового проекта (сбора данных методом краудсорсинга) необходимо принять во внимание несколько аспектов: мотивацию респондентов, привлекательность анкеты, предлагаемой для сбора данных, выбор платформы для краудсорсинга [6]. Рассмотрим особенности указанных аспектов краудсорсингового проекта, определяющих его результаты.

Мотивация респондентов

Несмотря на то, что коммуникация в сети Интернет является наиболее актуальной и востребованной в современном мире, и для респондента подключиться к какому-либо краудсорсинговому проекту психологически легко, необходимо наличие дополнительных мотивирующих факторов. При рассмотрении краудсорсингового проекта с точки зрения мотивации респондентов должны быть приняты во внимание следующие факторы: экономический, социальный и психологический.

Экономическая мотивация заключается в получении респондентом дополнительного заработка или иного вида вознаграждения в рамках краудсорсингового проекта.

Кроме того, при реализации проекта могут быть задействованы внеэкономические факторы: социальные и психологические. При участии в краудсорсинговом проекте действие социально-психологических факторов может быть реализовано следующими способами:

− респонденты повышают свою самооценку и социальный статус в обществе, осознавая себя частью масштабного проекта, например, решают маркетинговые задачи известной компании-производителя: расширить линейку продуктов, выбрать название для нового продукта, придумать дизайн упаковки и др.;

− респонденты реализуют потребность в общении, осознавая, что они являются частью массового проекта – они – частица большой «толпы», участвующей в глобальном проекте – «философия соучастия» [8];

− респонденты реализуют потребность в творчестве, имея возможность реализовать свой талант, например, выполняют творческие задания в рамках конкурса [4];

− респонденты реализуют потребность в получении новых знаний, понимая, что они смогут ознакомиться с итоговыми результатами исследования;

− респонденты реализуют потребность в развлечении, находясь в «атмосфере состязательности или детского веселья» [8].

Метод краудсорсинга предполагает использование средств электронной коммуникации, в том числе социальных сетей, для привлечения к участию в решении конкретной задачи. Таким образом, перечисленным мотивирующим факторам способствует становление общества как сетевого [9], что связано с активным развитием технологий социальных сетей [3]. Респонденты наиболее мотивированы во время коммуникации в сети Интернет, чем при сборе данных во время живого общения или по телефону.

Привлекательность анкеты для сбора данных

Для исследования в рамках краудсорсингового проекта используются анкеты, привлекающие внимание потенциальных участников и оформленные определенным образом. Существенными обстоятельствами при формировании анкеты являются:

− наличие инструкции по заполнению анкеты;

− время заполнения анкеты;

− дизайн анкеты.

Анкета с заданиями или вопросами должна содержать простую и логичную инструкцию по заполнению, чтобы на ее изучение респонденту не пришлось тратить много времени. Количество вопросов может варьироваться в зависимости от сложности самих вопросов и их типа (открытые или закрытые). Время для ответов на вопросы не должно занимать более 10 минут, чтобы снизить риск преждевременного прекращения заполнения и быть комфортным

для респондента. На платформах для размещения опросов в Интернете предлагаются готовые шаблоны анкеты, включающие нейтральные по цвету варианты, которыми можно воспользоваться. Некоторые платформы за дополнительную оплату предоставляют возможность создания собственного дизайна, загрузки логотипа и изображений.

Выбор краудсорсинговой платформы

Краудсорсинговая платформа – это Интернет-ресурс, на котором имеется возможность создать анкету для проведения эксперимента методом краудсорсинга. Такими платформами являются, к примеру, сервисы для проведения онлайн-опросов *SurveyMonkey* и *Google Forms*. Сервис *SurveyMonkey* в бесплатной версии имеет определенные ограничения: количество вопросов не более 10 и ответов не более 100, а также в нем отсутствуют некоторые функции, доступные в платной версии: загрузка изображений в вопросы, создание собственного дизайна анкеты (загрузка логотипа) и др.

Сервис *Google Forms* является бесплатным и имеет оптимальный набор функций, необходимых для создания анкеты: создание открытых и закрытых вопросов без ограничений по их количеству с выбором вариантов ответа, возможность экспорта данных как с помощью графиков и круговых диаграмм, так и в формате *Excel*, возможность просмотра каждого ответа по отдельности. При организации краудсорсингового проекта частным лицом целесообразнее воспользоваться платформой *Google Forms*, оптимальной по функциям для решения частных задач. Если же проект организовывается представителями того или иного бренда, фирмой, то рекомендуется использовать сервис *SurveyMonkey*, т. к. на данном сервисе компания сможет дополнить дизайн элементами своего фирменного стиля и разместить графики, фотографии и другие изображения.

Основные типы краудсорсингового проекта

Выделим два основных типа краудсорсинговых проектов:

− решение конкретной задачи в формате открытого конкурса (например, придумать дизайн продукта, название компании и т. д.);

− организация исследования и последующий сбор статистически достоверных данных для анализа (мнение о вкусе продукта, определение предпочтений целевой аудитории, мнение о звучании названия бренда, о качестве перевода и т. д.).

Применительно к лингвистическому исследованию потенциала фоносемантического анализа в процессе номинации в маркетинге краудсорсинговый проект второго типа может помочь получить актуальные данные по восприятию потенциальными потребителями тех или иных звуков и их комбинаций.

Основные этапы организации краудсорсингового проекта

Рассмотрим основные этапы организации краудсорсингового проекта на примере создания краудсорсингового проекта на платформе *Google Forms* – площадки для проведения опросов.

Этап 1. Постановка задачи. При постановке задачи необходимо оценить ожидания от краудсорсингового проекта: какие и в каком виде данные должны быть получены для успешной реализации проекта.

Этап 2. Выбор целевой аудитории. Если поставленная задача на этапе 1 требует получения данных только от конкретной группы респондентов, вносятся ограничения по возрасту, полу, виду деятельности, локации или другим параметрам для привлечения к проекту необходимой аудитории.

Этап 3. Создание и оформление анкеты. Вопросы анкеты составляются так, чтобы полученные ответы предоставили необходимые данные для выполнения задач.

Этап 4. Тестирование анкеты и внесение корректировок. Тестирование анкеты проводится методом фокус-групп или методом Дельфи. При этом исследователи оценивают время, которое тратят респонденты на ответ, при необходимости корректируют количество вопросов, оценивают уровень мотивации респондента при ответе. Проводится оценка совпадения полученных результатов с заданными ожиданиями от краудсорсингового проекта, оценка уровня выполнения поставленных задач на этапе 1.

Этап 5. Перенос анкеты на платформу *Google Forms*. Тестирование процесса анкетирования на платформе *Google Forms*, внесение корректировок.

Этап 6. Распространение ссылки на анкету в социальных сетях (Вконтакте, *Facebook* и др.). Размещение ссылки на анкету в сообществах с большим количеством участников способствует максимально быстрому достижению необходимого количества ответов.

Этап 7. Экспорт полученных данных с последующим анализом. Способ выгрузки данных должен способствовать анализу и получению выводов.

Краудсорсинговый проект на примере лингвистического эксперимента

Рассмотрим этапы краудсорсингового проекта на конкретном примере проведенного лингвистического эксперимента.

Основная задача в проводимом эксперименте состояла в оценке потенциала фоносемантического анализа при разработке нового названия для бренда и получении ответа на вопрос: может ли разработчик названия, заложив определенные ассоциации посредством специфического звучания названия бренда, ожидать аналогичное восприятие названия от респондентов.

В данном случае целевая аудитория была представлена всеми людьми, проживающими на территории Российской Федерации и являющимися носителями русского языка, поэтому специальные ограничения при формировании тестовой группы респондентов, а также при распространении анкеты в сети Интернет не вводились.

Анкета для предварительного тестирования состояла из 14 закрытых вопросов, предлагающих варианты ответа и тестирующих пары фантазийных (искусственно созданных) слов *Эвелоун* и *Зиппег*, *Тикитон* и *Раола*. Каждая пара относится к разным типам звукосимволизма [10]. Первая пара слов, принадлежащая одному из основоположников экспериментальной фоносемантики А. П. Журавлеву [11], была использована в рамках его эксперимента с подбором изображений для краев озера. Эксперимент показал, что озеро с названием *Зиппег* для большинства респондентов должно иметь острые края, а с названием *Эвелоун* – пологие. Эксперимент в рамках данного исследования проводился с целью проверить, как будут работать данные слова применительно к названиям товаров. Будет ли ассоциация, причина которой – явление звукосимволизма, так же приоритетна, как и в эксперименте А. П. Журавлева, или появятся другие, более весомые факторы, влияющие на выбор, сделанный респондентами. Пара *Тикитон – Раола* была создана самостоятельно по аналогии с фантазийными словами *mil* и *mal* Сепира [12]: задачей было придумать такие слова, в одном из которых были бы преимущественно узкие (по широте раствора рта) гласные верхнего подъема, а в другом – широкие (по широте раствора рта) гласные нижнего подъема.

Тестирование анкеты производилось методом фокус-групп. Респондентами в рамках групповой дискуссии были 34 студента филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. Им было предложено заполнить анкету и письменно дать комментарии к выбранным вариантам ответов, если они могли это сделать. После сбора анкет была проведена групповая дискуссия, во время которой респонденты могли вслух обсудить выбранные варианты ответов. Уже в ходе данной дискуссии стало понятно, что кроме непосредственно звуковых ассоциаций, вызванных явлением звукосимволизма, оказались важны звуковые ассоциации с конкретными языками: респондент подсознательно пытается определить происхождение того или иного продукта (*Зиппег* – что-то немецкое, *Раола* – что-то финское и т. д.). В случае с экспериментом с названиями озер данная особенность не могла проявиться, т. к. характеристика по месту происхождения при постановке вопроса о форме краев озер не являлась релевантной.

После тестового эксперимента был проведен анализ ответов и корректировка анкеты. Для чистоты эксперимента были добавлены пары фантазийных слов (*Лиовьель – Бритринг и Ринти – Гауварра*). Так как метод краудсорсинга не предполагает групповой дискуссии, были добавлены открытые вопросы, при ответе на которые респондент мог бы описать ассоциации, вызванные словом. Таким образом, количество вопросов увеличилось до 36. Все вопросы были перенесены на платформу *Google Forms*. Дополнительно анкета тестировалась на двух испытуемых мужского и женского пола, ранее не принимавших участия в тестовом эксперименте, чтобы оценить время, которое затратят респонденты. При проверке оба испытуемых ответили на 36 вопросов менее чем за 10 минут, что являлось для них комфортной временной отметкой.

Ссылка на анкету рассылалась в мессенджерах, а также в социальных сетях *Facebook* и Вконтакте. Разместить ссылку на анкету в группах с большим количеством пользователей и высокой активностью можно было за дополнительную оплату. Количественные характеристики ответов на вопросы, предполагающие выбор ответа из предложенных, показаны в виде круговой диаграммы (рис. 1). Количественные характеристики ответов на открытые вопросы показаны отдельно и предполагают редакцию и анализ данных «вручную» в связи с необходимостью приведения разных токенов к лексеме (рис. 2). Способ экспорта данных позволяет анализировать анкету каждого респондента по отдельности и выгрузить все ответы в формате *Excel*.

Для определения объема выборки (количества респондентов, заполнивших анкету) использовался онлайн-калькулятор[3]. Расчет проводился с целью определения количества респондентов, обеспечивающих экстраполяцию на генеральную совокупность (все люди, постоянно проживающие на территории

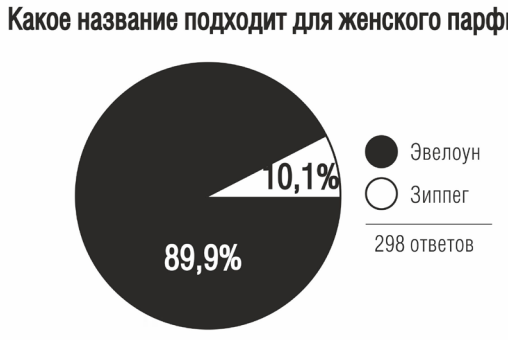
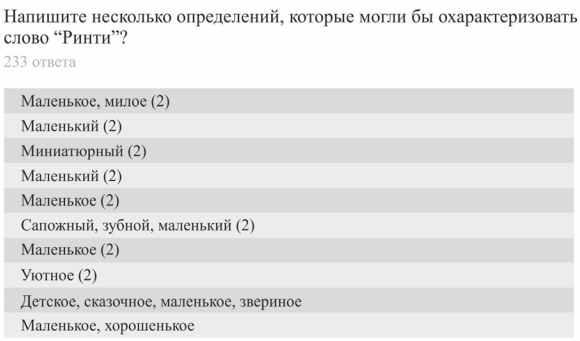


Рис. 1. Соотношение ответов респондентов на конкретные стимулы
Fig. 1. The percentage of respondents' answers on the concrete stimuli

[3] Как правильно рассчитать объем выборки // Анкетолог. Режим доступа: https://blog.anketolog.ru/2015/12/vyborka/ (дата обращения: 01.05.2018).


Напишите несколько определений, которые могли бы охарактеризовать слово “Ринти”?
233 ответа

Маленькое, милое (2)
Маленький (2)
Миниатюрный (2)
Маленький (2)
Маленькое (2)
Сапожный, зубной, маленький (2)
Маленькое (2)
Уютное (2)
Детское, сказочное, маленькое, звериное
Маленькое, хорошенькое

Рис. 2. Представление информации в виде таблицы с ответами респондентов на открытые вопросы в *Google Forms*
Fig. 2. The presentation of information in a table format with answers on the open questions in Google Forms

Российской Федерации и являющиеся носителями русского языка). В данном эксперименте для максимальной точности необходимо 666 респондентов. Для дополнительного контроля полученных результатов на определенном этапе необходимо сделать срез ответов респондентов, зафиксировать их. В данном эксперименте было решено сделать срез на этапе, когда на вопросы анкеты ответили 300 респондентов. Затем после увеличения количества респондентов на 50 % от имеющегося количества необходимо было проследить изменения результатов: оценить, произошли ли существенные отклонения от уже ранее полученных данных. На основании сравнения срезов с полученными ответами можно сделать вывод о возможности завершения сбора данных и об окончании проведения эксперимента. После завершения эксперимента данные подлежат выгрузке, обработке и анализу, после чего формулируются выводы.

На момент написания статьи сбор данных находился на этапе первого среза, когда имелась возможность сделать предварительные выводы и сравнить их с ожиданиями, которые были сформулированы на первом этапе краудсорсингового проекта. Предположения, сделанные на этапе постановки задачи, были подтверждены данными, полученными во время тестирования анкеты методом фокус-групп, и затем подтверждены данными первого среза, полученными методом краудсорсинга. По результатам эксперимента можно сделать предварительные выводы:

− благодаря явлению звукосимволизма в фантазийное слово, используемое для названия бренда, можно заложить определеные характеристики товара или услуги (консистенция, геометрическая форма, размер, скорость) и ожидания по их стоимости и стране происхождения;

− респонденты оценивают название бренда с точки зрения страны его происхождения и на основании звучания слова делают определенные выводы;

− на ассоциации респондентов кроме звучания влияет также длина слова, скорость артикуляции и другие факторы.

Результаты, полученные с помощью метода краудсорсинга в рамках описанного лингвистического эксперимента, в дальнейшем помогут сформировать рекомендации по созданию новых имен для брендов, которые будут создавать необходимый для разработчика образ в сознании потребителей и привлекать нужную целевую аудиторию.

Заключение

В XXI в. краудсорсинг является доступным методом, позволяющим получить объективные данные для исследований в области лингвистики. Нами предложен алгоритм проведения лингвистического эксперимента методом краудсорсинга, включающий в себя этапы постановки задачи, тестирования анкеты, переноса анкеты на краудсорсинговую платформу, экспорта полученных данных с последующим анализом. На примере конкретного лингвистического эксперимента с использованием метода краудсорсинга показана возможность получения объективных данных при решении вопросов номинации в маркетинге. Эксперимент показал возможность совпадения ассоциаций, закладываемых в название его разработчиком, и ассоциаций, возникающих у большой группы респондентов в сети Интернет, что свидетельствует о высоком потенциале фоносемантического анализа.

Предложенная процедура по проведению эксперимента методом краудсорсинга показала свою состоятельность, удобство, высокий исследовательский потенциал и может быть использована для решения различных задач в рамках лингвистических исследований.

Литература

1. Howe J. The Rise of Crowdsourcing // Wired. 06.01.2006. Режим доступа: https://www.wired.com/2006/06/crowds/ (дата обращения: 01.05.2018).

2. Дмитриева Е. Фокус-группы в маркетинге и социологии. М.: Центр, 1988. 144 с. Режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/144428/Fokus-gruppy_v_marketinge_i_sociologii.pdf (дата обращения: 01.05.2018).

3. Kietzmann Jan H. Crowdsourcing: a revised definition and introduction to new research // Business horizons. 2016. P. 1–3.

4. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012. 288 с.

5. Шуровьески Дж. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М.: И. Д. Вильямс, 2007. 304 с.

6. Čibej Jaka, Fišer Darja, Kosem Iztok. The role of crowdsourcing in lexicography // Electronic lexicography in the 21st century: linking lexical data in the digital age. Proc. eLex 2015 Conf. (11–13 August, 2015). P. 70–83.

7. Ивашнева С. В. Возможности использования краудсорсинга в системе повышения квалификации педагогических работников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 157–162.

8. Панкрухин А. П. Краудсорсинг – соблазнительный маркетинговый агрессор: принципы, содержание, технологии // Практический маркетинг. 2011. № 1. С. 3–10.

9. Курочкин А. В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1. С. 78–81.

10. Данильчук М. В. Потенциал фоносемантического анализа в процессе номинации в маркетинге // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2016. № 181. С. 29–35.

11. Журавлев А. П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991. 177 с.

12. Wagner R. The Psychological Reality of Iconism and its Impact on the English Language. The Psychological Reality of Iconism and its Impact on the English LanguageReid Wagner. California State University, Chico. 64 p. Режим доступа: https://www.academia.edu/7038443/The_Psychological_Reality_of_Iconism_and_its_Impact_on_the_English_Language (дата обращения: 01.05.2018).

THE POTENTIAL OF THE CROWDSOURCING AS A METHOD OF LINGUISTIC EXPERIMENT

Maria V. Danilchuk [a, @, ID]

[a] *Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moika River Embankment, Saint-Petersburg, Russia, 191186*
[@] *maryanadan@yandex.ru*
[ID] *http://www.researcherid.com/rid/W-9170-2018*

Received 17.06.2018. Accepted 26.10.2018.

Keywords:
crowdsourcing,
crowdsourcing project,
linguistic experiment,
phonosemantics

Abstract: The present research considers crowdsourcing as a method of linguistic experiment. The paper features an experiment with the following algorithm: 1) problem statement, 2) development, 3) and questionnaire testing. The paper includes recommendations on crowdsourcing project organization, as well as some issues of respondents' motivation, questionnaire design, choice of crowdsourcing platform, data export, etc. The linguistic experiment made it possible to obtain data on the potential of the phonosemantic analysis in solving naming problems in marketing. The associations of the brand name designer matched those of the majority of the Internet pannellists. The experiment showed that crowdsourcing proves to be an available method within the network society. It gives an opportunity to receive objective data and demonstrates high research capabilities. The described procedure of the crowdsourcing project can be used in various linguistic experiments.

For citation: Danilchuk M. V. Potentsial ispol′zovaniia metoda kraudsorsinga v ramkakh lingvisticheskogo eksperimenta [The Potential of the Crowdsourcing as a Method of Linguistic Experiment]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 198–204. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-198-204

References

1. Howe J. The Rise of Crowdsourcing. *Wired*. 06.01.2006. Available at: https://www.wired.com/2006/06/crowds/ (accessed 01.05.2018).

2. Dmitrieva E. *Fokus-gruppy v marketinge i sotsiologii* [Focus groups in marketing and sociology]. Moscow: Tsentr, 1988, 144. Available at: http://www.e-reading.by/bookreader.php/144428/Fokus-gruppy_v_marketinge_i_sociologii.pdf (accessed 01.05.2018).

3. Kietzmann Jan H. Crowdsourcing: a revised definition and introduction to new research. *Business horizons*, (2016): 1–3.

4. Howe J. *Kraudsorsing. Kollektivnyi razum kak instrument razvitiia biznesa* [Crowdsourcing. Collective mind as an instrument of business development]. Moscow: Al′pina Pablisher, 2012, 288.

5. Surowiecki J. *Mudrost' tolpy. Pochemu vmeste my umnee, chem poodinochke, i kak kollektivnyi razum formiruet biznes, ekonomiku, obshchestvo i gosudarstvo* [The wisdom of crowds. Why the many are smarter than the few and how collective wisdom shapes business, economies, societies, and nations]. Moscow: I. D. Vil′iams, 2007, 304.

6. Čibej Jaka, Fišer Darja, Kosem Iztok. The role of crowdsourcing in lexicography. *Electronic lexicography in the 21st century: linking lexical data in the digital age.* Proc. eLex 2015 Conf. (11–13 August, 2015), 70–83.

7. Ivashneva S. V. Vozmozhnosti ispol′zovaniia kraudsorsinga v sisteme povysheniia kvalifikatsii pedagogicheskikh rabotnikov [Possibilities of crowdsourcing use in the skills development system of the teaching stuff]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Serires "Humanitarian and Social Sciences"*, no. 5 (2014): 157–162.

8. Pankrukhin A. P. Kraudsorsing – soblaznitel′nyi marketingovyi agressor: printsipy, soderzhanie, tekhnologii [Crowdsourcing – seductive marketing aggressor: principles, content, and technologies]. *Prakticheskii marketing = Practical marketing*, no. 1 (2011): 3–10.

9. Kurochkin A. V. Kraudsorsing kak novyi metod politicheskogo upravleniia v usloviiakh setevogo obshchestva [Crowdsourcing as a new method of the political management under network society]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*, no. 9-1 (2013): 78–81.

10. Danil′chuk M. V. Potentsial fonosemanticheskogo analiza v protsesse nominatsii v marketing [Phonosemantic analysis potential in the process of naming in marketing]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, no. 181 (2016): 29–35.

11. Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl* [Sound and sense]. Moscow: Prosveshchenie, 1991, 177.

12. Wagner R. *The Psychological Reality of Iconism and its Impact on the English Language*. California State University, Chico, 64. Available at: https://www.academia.edu/7038443/The_Psychological_Reality_of_Iconism_and_its_Impact_on_the_English_Language (accessed 01.05.2018).

УДК 81'366.584

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В ПОРТУГАЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Павел Э. Егизарян [a, @, ID]

[a] *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1*
[@] *pavel@egizaryan.ru*
[ID] *https://researcherid.org/rid/V-3255-2018*

Поступила в редакцию 29.04.2018. Принята к печати 31.07.2018.

Ключевые слова: темпоральность, языковое время, будущее время, португальская лингвистическая традиция, история лингвистических учений

Аннотация: В статье изучаются представления о будущем времени, обнаруживаемые в лингвистических трудах португальской традиции. Поскольку португальская лингвистика зарождалась и развивалась в контексте европейской лингвистической традиции, в первой части статьи мы рассматриваем основные взгляды относительно футуральности с Древности до эпохи Возрождения. Во второй части статьи показано, как будущее время описывается в португальских лингвистических трудах XVI – начала XX вв.: в грамматиках латинского, португальского и других европейских языков, а также в работах, посвящённых неевропейским языкам. Наше исследование демонстрирует, что уже учёные эпохи Возрождения поднимают вопросы, актуальные в лингвистике по сей день: они касаются проблематики относительных времён, временной дистанции, различий в выражении будущего времени в языках разного строя, времени как комплексной функционально-семантической категории, не ограниченной глагольными средствами, тесной взаимосвязи футуральности и модальности. С каждым веком эти вопросы освещались всё подробнее, и к началу XX в. мы наблюдаем языковые описания, близкие к современным.

Для цитирования: Егизарян П. Э. Будущее время в португальской лингвистической традиции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 205–210. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-205-210

Введение

Будущее время как функционально-семантическая категория активно изучается в современном романском языкознании. Эта категория представляет собой сложную структуру морфологических и лексических языковых средств, каждое из которых обладает рядом особенностей.

Настоящая статья посвящена истории исследования будущего времени, истокам изучения языкового времени, начиная с Античности. Португальская лингвистическая традиция видится нами как естественное продолжение общеевропейской, ее развитие рассматривается в период с XVI в. до начала XX в.

Изучение категории будущего времени от Античности до Нового времени

Вопросы темпоральности и футуральности в языке интересовали еще античных учёных. Во-первых, древние философы впервые сформулировали проблемы делимости времени, особенностей его восприятия, проблему нереальности будущего (это видно по трудам Зенона, Аристотеля и др., вплоть до Августина, стоящего на пороге Средневековья) [1, с. 19–68]. Во-вторых, античные грамматисты (стоики, александрийская и римская традиции) сформировали понятийную основу для всех дальнейших исследований языкового времени [2, с. 11, 12].

В Средние века рассмотрение времени во многом было сосредоточено на осмыслении вечности. Самые яркие работы о философии времени, принадлежавшие Боэцию, Ансельму Кентерберийскому, Фоме Аквинскому и др., сфокусированы именно на этой проблеме и мало что дают для понимания сущности будущего времени[1].

Философы и учёные эпохи Возрождения и более поздних периодов истории критиковали схоластику, но оставались наследниками её методов и сохраняли метафизический подход к исследованию времени (можно упомянуть Декарта, Ньютона, Локка, Юма). К этому неизбежно присоединяется естественно-научное и психологическое рассмотрение проблематики[2].

[1] об их взглядах см. [1, с. 68–88].

[2] обзор произошедших изменений см. [1, с. 97–99].

В Средние века изучение времени как такового отделилось от изучения категории времени в языке. Отметим, что средневековое исследование языка начиналось с практических работ: с пособий по переводу и поэзии, глоссариев латинского языка. Значительная часть грамматического описания основывалась на трудах Доната[3] и Присциана[4], относившихся к римской традиции[5].

Постепенно грамматисты обратились к народным языкам. Уже в XII–XIV вв. на их основе началось активное развитие литературы, и стало понятно, что не только латынь пригодна для обслуживания культуры. Как показали ранние грамматики народных языков, языки романской и германской групп можно описывать терминологией, разработанной ещё греческими учёными. Формируется идея, что все языки принципиально сходны между собой, предпринимаются попытки объяснить логику языка, и такой подход преобладает над дескриптивным и прескриптивным описанием [2, с. 42–45].

Принцип объяснения языковой логики применительно к различным языкам взят за основу «Грамматики Пор-Рояля» (1660) [4]. Авторы традиционно обращают внимание на трёхчастность временной системы. При этом они описывают не только свойства относительных времён, но и феномен отдалённости во времени, влияющий на выбор глагольной формы. Это относится в том числе к будущему: описывая греческое ближайшее будущее, они переводят его на французский перифразой *aller+Inf.* в отличие от простого футурума. Авторы пытаются проследить, какие языки более, а какие менее последовательно придерживаются этих структур [4, с. 160–164]. Безусловно, это весьма широкий взгляд, значительно отличающийся от грамматических работ Средневековья.

Дальнейшее развитие лингвистики было определено именно желанием изучить принципы организации языка, проследить отличия языков друг от друга и найти причины отличий. Это стремление привело к появлению сравнительно-исторического метода, в рамках которого лингвистические исследования стали близки к современным: учёные обращаются к истории развития языка, привлекают данные родственных языков, занимаются типологией. Именно с позиций компаративистики и истории языка рассматривались и вопросы категории времени.

Изучение будущего времени в португальской традиции

Первая грамматика португальского языка, написанная Ф. де Оливейрой, была издана в 1536 г. [5], и всего через четыре года издаётся грамматика Ж. де Барруша [6]. Ранние грамматики, небольшие по объёму, весьма кратко описывают португальскую временную систему и никак не пытаются теоретически осмыслить сущность языкового времени. И Ф. де Оливейра, и Ж. де Барруш упоминают простой футурум, ничего не говоря о сложном футуруме и будущем в прошедшем.

Дальнейшее развитие португальской грамматической традиции приводит к тому, что тема будущего времени развивается всё подробнее. Мы не можем согласиться с распространённым мнением, что впервые принципы универсальной грамматики использовались в «Грамматике Пор-Рояля»: ещё за 41 год до её появления в Португалии был издан труд *Methodo grammatical para todas as Linguas* А. де Робореду (1619; мы пользуемся изданием [7]), который также обращался к вопросам общей основы языков [8, p. 13].

В *Methodo grammatical*… сравниваются латынь и португальский. Нам необходимо обратить внимание на следующее:

1) с точки зрения образования говорится о трёх основах латинского глагола в противовес португальской системе с, как правило, одной основой;

2) в системе будущего приводятся следующие соответствия:

порт. *amarei* – лат. *amabo*
порт. *amaria*, *amara*, *amasse* – лат. *amarem*
порт. *amar*, *tiver*, *terei amado* – лат. *amavero*
порт. *seria*, *fora*, *fosse amado* – лат. *amarer*
порт. *serei amado* – лат. *amabor* [8, p. 13–17];

3) латинские времена признаются более ёмкими (*abundantes*), чем португальские [8, p. 33, 34];

4) вкратце поднимается вопрос согласования времён, в том числе будущего времени [7, p. 78];

5) перифраза *haver de* используется для перевода некоторых футуральных средств латыни, хотя автор не акцентирует на ней внимания в других разделах работы [7, p. 192].

Итак, несмотря на то, что А. де Робореду не занимался теоретическими вопросами, сам метод сравнительного исследования, напоминающий типологическое изучение [8, p. 43], обращает на себя внимание.

[3] Donatus A. Ars maior // Corpus grammaticorum latinorum. Режим доступа: https://scholar.princeton.edu/kaster/links/corpus-grammaticorum-latinorum (дата обращения: 04.03.2018); Donatus A. Ars minor // Corpus grammaticorum latinorum. Режим доступа: https://scholar.princeton.edu/kaster/links/corpus-grammaticorum-latinorum (дата обращения: 04.03.2018).

[4] Priscianus. Institutiones // Corpus grammaticorum latinorum. Режим доступа: https://scholar.princeton.edu/kaster/links/corpus-grammaticorum-latinorum (дата обращения: 04.03.2018).

[5] об опоре ренессансной традиции на античную см. [3, с. 8].

На идеях А. де Робореду основан двухтомный труд Л. А. Вернея (1746) [9; 10]. Больше ста лет понадобилось, чтобы были восприняты критические взгляды А. де Робореду относительно современных ему методов преподавания, и именно с работы Л. А. Вернея началась реформа преподавания латыни (её начали изучать через посредство португальского) и введение преподавания португальского языка [11, с. 351, 365].

Возвращаясь к XVII в., обратимся к грамматике Н. де Леана (1606) [12]. В ней мало информации по морфологии португальского языка, в основном рассматриваются вопросы языковых изменений и заимствования лексики, делаются попытки сравнения с другими языками (с латынью, итальянским, французским и испанским). Н. де Леан обращает внимание, что ни в одном из рассматриваемых народных языков нет причастия будущего времени, что является их недостатком по сравнению с латынью [12, p. 119].

Небезынтересна работа М. Северина де Фарии *Descursos varios politicos* (1624; мы пользовались изданием [13]). Во второй речи, посвящённой защите и прославлению родного языка [13, p. 115], автор явно опирался на упомянутые выше труды. Так, он говорит, что в народных языках действительно нет причастия будущего и некоторых других форм, однако португальский преодолевает эти ограничения. Более того, только он обладает формами личного инфинитива и конъюнктива будущего времени [13, p. 136, 137].

Другая грамматика, иллюстрирующая тенденции португальской грамматической традиции XVII в., – труд Б. Перейры [14]. Б. Перейра также ориентировался на традиции описания латыни, однако сделал это подробнее, упомянув предбудущее время и будущее в прошедшем. Кроме того, здесь отмечается использование форм будущего в императивных значениях, что указывает на желание автора не только описать основные функции каждой из форм, но и, говоря современным языком, рассмотреть различные средства выражения определённых семантических категорий.

Португальских лингвистов той эпохи интересуют не только европейские языки, но и например древнееврейский. В качестве примера можно привести грамматику Ф. де Таворы [15]. В данном труде приводится спряжение глаголов в различных породах[6] по временам, лицам и числам. Автор расшифровывает используемые лингвистические термины и даёт краткое описание категорий различных частей речи. Наряду с традиционной латинской терминологией Ф. де Тавора использует и еврейские названия для некоторых категорий.

Португальская лингвистика XVI–XVII вв. примечательна и появлением так называемых миссионерских грамматик. В этих трудах описывались языки народов, среди которых велась миссионерская работа. Особенно следует отметить труды Ж. де Аншьеты (1595), Т. Эштевана (1640), Л. Фигейры (1621), рассматриваемые в работе [17].

Для примера рассмотрим труд Ж. де Аншьеты (доступен в переиздании [18]). Это описание языка тупи, в котором приводятся основные сведения по его синтаксису, морфологии и словообразованию. Здесь рассматриваются формы футурума индикатива, конъюнктива и оптатива, взаимозаменяемость некоторых из них с формами презенса [18, p. 25–37]. Привлекает внимание описание именной категории времени и краткий анализ её использования [18, p. 46, 47]. Немаловажно, что лингвисты того времени готовы воспринимать время как категорию, которая потенциально не ограничена одним лишь глаголом.

Переходя к XVIII в., необходимо отметить грамматику Ж. де Арготе [19]. Работа построена в форме дидактического диалога (структура весьма напоминает *Ars minor* Доната[7]). Автор объясняет, что в общем смысле время – это «часы, дни и года», и бывает три типа времени; сделан вывод, что времена глагола – это языковые средства, позволяющие привязать глагол к одному из времён. Далее приводятся примеры к каждому из времён и разбираются конкретные формы. По поводу будущего Ж. де Арготе говорит, что есть два будущих времени в индикативе, два в конъюнктиве, одно в императиве и одно в инфинитиве, причём:

1) под будущим временем императива имеется в виду использование футурума в императивном значении;

2) автор выделяет два типа сложного *Futuro do Conjuntivo: haja de+Inf.*, а также *tiver+P. P.*;

3) под будущим временем инфинитива автор понимает перифразу *haver de+Inf.* [19, p. 55–93].

Отметим, что подобный подход уникален по сравнению как с трудами XVII в., так и с грамматиками XIX в.

Следующим важным этапом в истории португальской лингвистики становится XIX – начало XX вв., когда были изданы несколько грамматик, поднимавших важные вопросы футуральности. Среди них

[6] Порода – грамматическая категория семитских языков, «принятое в русской семитологической традиции обозначение производных глагольных основ, образующих парадигматически связанную систему. Породы модифицируют первичное значение глагола в отношении образа действия или состояния в качественном, количественном, направительном значениях» [16, с. 386]. В отношении иврита может также использоваться заимствованный термин «биньян». В рассмотренной грамматике породы обозначаются латинским словом conjugatio.

[7] Donatus A. Ars minor // Corpus grammaticorum latinorum. Режим доступа: https://scholar.princeton.edu/kaster/links/corpus-grammaticorum-latinorum (дата обращения: 04.03.2018).

можно перечислить грамматики Ж. Барбозы [20], Ф. Коэльо [21], А. Кортезана [22].

Каждая из них написана достаточно простым языком, однако в них заложены важные идеи, которые получили своё дальнейшее развитие в лингвистической науке. По сравнению с более старыми грамматиками мы наблюдаем здесь более системный подход и попытки рефлексии над теоретическими вопросами португальской грамматики.

Кроме основных вопросов, понятных уже с древности, в названных грамматиках затрагиваются и другие теоретические проблемы: делается указание на футуральную семантику императива и возможную императивность футурума [20, p. 204, 206], выделяются так называемые *tempos por-fazer*, находящиеся на стыке деонтической модальности и темпоральности и в современной традиции обычно не считающиеся временами глагола как таковыми [22, p. 23].

Заключение

Итак, уже в Античности складываются первичные философские и лингвистические представления о футуральности. Изучение языкового времени не зашло далеко, однако была заложена основа для дальнейших лингвистических работ. Средневековью свойственно развитие науки о языке скорее в практической сфере, в теории же нет значительных изменений по сравнению с наукой Античности. Средневековая философия времени, в отличие от античной, была всецело занята богословскими вопросами, слабо применимыми к языковой теории. Дальнейшее развитие языкознания требовало научного рассмотрения национальных языков, что привело к попыткам сравнить известные языки, изучить их внутренние механизмы, найти универсалии. Была изучена более подробно и категория времени. В итоге необходимость систематизировать знания о национальных языках и о законах их развития привела к формированию сравнительно-исторического метода, оказавшего серьёзное влияние в том и числе на изучение темпоральности.

Все эти тенденции проявлялись и в португальской традиции. Вопросы темпоральности в португальских грамматических трудах затрагивались при описании самого португальского языка, при сопоставлении романских языков друг с другом и с латинским, а также при изучении неевропейских языков. По мере развития этой традиции сформировалось комплексное представление относительно футуральности (и взаимосвязанных с ней феноменов), которое будет подробно разрабатываться уже в Новейшее время.

Литература

1. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.

2. Алпатов В. М. История лингвистических учений. 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.

3. Косарик М. А. Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии. Т. I: Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи. М.: МАКС Пресс, 2013. 228 с.

4. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / пер. с фр., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1990. 272 с.

5. Oliveira F. d. Grammatica da lingoagem portuguesa. Lisboa: Germam Galharde, 1536. 38 p. Режим доступа: http://purl.pt/120/3/#/1 (дата обращения: 04.03.2018).

6. Barros J. d. Grammatica da lingua Portuguesa. Lisboa: Lodovicus Rotorigius, 1540. 60 p. Режим доступа: http://purl.pt/12148/5/#/3 (дата обращения: 04.03.2018).

7. Roboredo A. d. Methodo grammatical para todas as Linguas / ed. M. A. Kossarik. Lisboa: Imprensa Nacional-Casa de Moeda, 2002. 350 p.

8. Kossarik M. A. A obra de Amaro de Roboredo. Questões de historiografia linguística portuguesa // Roboredo A. d. Methodo grammatical para todas as Linguas / ed. M. A. Kossarik. Lisboa: Imprensa Nacional-Casa de Moeda, 2002. P. 7–63.

9. Verney L. A. Verdadeiro metodo de estudar. Em 2 t. Valensa: Antonio Balle, 1746. T. 1. 327 p. Режим доступа: http://purl.pt/118/4/ (дата обращения: 04.03.2018).

10. Verney L. A. Verdadeiro metodo de estudar. Em 2 t. Valensa: Antonio Balle, 1746. T. 2. 302 p. Режим доступа: http://purl.pt/118/4/ (дата обращения: 04.03.2018).

11. Leite M. Q. Considerações sobre uso e Norma na Gramática Portuguesa – O Methodo Grammatical para todas as Linguas (1619), de Amaro de Roboredo // Filologia e Linguistica Portuguesa. Vol. 13. № 2. 2011. P. 337–368.

12. Lião D. N. d. Origem da lingoa portuguesa. Lisboa: Pedro Crasbeeck, 1606. 150 p. Режим доступа: http://purl.pt/50/1 (дата обращения: 04.03.2018).

13. Severim de Faria M. Discursos varios politicos / Novamente reimpressos e corrigidos segundo a Edição feita em Evora no anno de 1624. Lisboa: Impressão Regia, 1805. 348 p. Режим доступа: http://purl.pt/966/1 (дата обращения: 04.03.2018).

14. Pereira B. Ars grammaticae pro lingua lusitana addiscenda latino. Lugdunum: Laurentius Anisson, 1672. 323 p. Режим доступа: https://play.google.com/books (дата обращения: 04.03.2018).

15. Távora F. d. Grammatica hebraea novissime edita. Conimbrica: I. Alvarus, 1566. 69 p. Режим доступа: http://purl.pt/23236/1 (дата обращения: 04.03.2018).

16. Порхомовский В. Я. Порода // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 386.

17. Косарик М. А. Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. М.: МАКС Пресс, 2013. 208 с.

18. Anchieta J. d. Arte de grammatica da lingua mais usada na costa do Brasil. Lipsia: B. G. Teubner, 1874. 82 p. Режим доступа: https://play.google.com/books (дата обращения: 04.03.2018).

19. Argote J. C. d. Regras da lingua portugueza, espelho da lingua latina, ou disposição para facilitar o ensino da lingua latina pelas regras da portugueza. Lisboa: Officina da musica, 1725. 360 p. Режим доступа: http://purl.pt/10/3/#/1 (дата обращения: 04.03.2018).

20. Barboza J. S. Grammatica philosophica da lingua portugueza ou principios da grammatica geral applicados á nossa linguagem. 2 ed. Lisboa: Academia Real das Sciencias, 1830. 458 p. Режим доступа: http://www4.iel.unicamp.br/biblioteca/gramatica.php (дата обращения: 04.03.2018).

21. Coelho F. A. Noções elementares de grammatica portugueza. Porto: Lemos & C.A, 1891. 130 p. Режим доступа: https://bibdig.biblioteca.unesp.br/handle/10/26050 (дата обращения: 04.03.2018).

22. Cortesão A. A. Nova gramática portuguesa. 7.ª ed. Coimbra: F. França Amado, 1907. 160 p. Режим доступа: https://bibdig.biblioteca.unesp.br/handle/10/26051 (дата обращения: 04.03.2018).

FUTURE TENSE IN THE PORTUGUESE LINGUISTIC TRADITION

Pavel E. Egizaryan [a, @, ID]

[a] *Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*
[@] *pavel@egizaryan.ru*
[ID] *https://www.researcherid.com/rid/V-3255-2018*

Received 29.04.2018. Accepted 31.07.2018.

Keywords: temporality, tense, future tense, Portuguese linguistic tradition, history of linguistics

Abstract: The paper deals with the concept of the Future tense found in the Portuguese linguistic tradition. As the Portuguese linguistics appeared in the context of the European linguistic tradition, the first part of the article features the main views on the Future tense from the Antiquity to the Renaissance. The second part of the article is devoted to the Future tense in the Portuguese linguistics in XVI – early XX century, namely Latin and Portuguese grammar books, as well as those on other European and some non-European languages. The present research has shown that the Renaissance scholars already raised the questions that remain topical in the current linguistics. Those included the problems of relative tenses, the tense distance, the differences of the Future tense expression in languages with different structures, the tense as a complex functional semantic category that is not limited by the verb features, the close connection between the Future tense and the modality. Linguists of the subsequent epochs contributed to the investigation of these issues: the descriptions made in the early XX century are very close to the modern ones.

For citation: Egizaryan P. E. Budushchee vremia v portugal′skoi lingvisticheskoi traditsii [Future Tense in the Portuguese Linguistic Tradition]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 205–210. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-205-210

References

1. Gaydenko P. P. *Vremia. Dlitelnost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeiskoy filosofii i nauke* [Time. Duration. Eternity. Problem of time in the European philosophy and science]. Moscow: Progress-Traditsiia, 2006, 464.

2. Alpatov V. M. *Istoriia lingvisticheskikh uchenii* [History of the linguistic doctrines]. 4th ed. Moscow: Iazyki slavyanskoy kultury, 2005, 368.

3. Kosarik M. A. *Opisanie iazykovoi sistemy v rannikh lingvisticheskikh pamiatnikakh Portugalii. T. I: Fonetika. Morfemika. Morfologiia imennykh chastei rechi* [Description of the language system in the early linguistic documents of Portugal. Vol. 1: Fonetics. Morphemics. Morphology of the nominal parts of speech]. Moscow: MAKS Press, 2013, 228.

4. Arnauld A., Lancelot C. *Grammatika obschaia i ratsionalnaia Por-Roialia* [General and rational grammar of Port-Royal]. Ed. Stepanov Yu. S. Moscow: Progress, 1990, 272.

5. Oliveira F. d. *Grammatica da lingoagem portuguesa.* Lisboa: Germam Galharde, 1536, 38. Available at: http://purl.pt/120/3/#/1 (accessed 04.03.2018).

6. Barros J. d. *Grammatica da lingua Portuguesa*. Lisboa: Lodovicus Rotorigius, 1540, 60. Available at: http://purl.pt/12148/5/#/3 (accessed 04.03.2018).

7. Roboredo A. d. *Methodo grammatical para todas as Linguas*. Ed. Kossarik M. A. Lisboa: Imprensa Nacional-Casa de Moeda, 2002, 350.

8. Kossarik M. A. A obra de Amaro de Roboredo. Questões de historiografia linguística portuguesa. Roboredo A. d. *Methodo grammatical para todas as Linguas*. Ed. Kossarik M. A. Lisboa: Imprensa Nacional-Casa de Moeda, 2002, 7–63.

9. Verney L. A. *Verdadeiro metodo de estudar*. Valensa: Antonio Balle, t. 1 (1746): 327. Available at: http://purl.pt/118/4/ (accessed 04.03.2018).

10. Verney L. A. *Verdadeiro metodo de estudar.* Valensa: Antonio Balle, t. 2 (1746): 302. Available at: http://purl.pt/118/4/ (accessed 04.03.2018).

11. Leite M. Q. Considerações sobre uso e Norma na Gramática Portuguesa – O Methodo Grammatical para todas as Linguas (1619), de Amaro de Roboredo. *Filologia e Linguistica Portuguesa*, 13, no. 2 (2011): 337–368.

12. Lião D. N. d. *Origem da lingoa portuguesa*. Lisboa: Pedro Crasbeeck, 1606, 150. Available at: http://purl.pt/50/1 (accessed 04.03.2018).

13. Severim de Faria M. *Discursos varios politicos. Novamente reimpressos e corrigidos segundo a Edição feita em Evora no anno de 1624*. Lisboa: Impressão Regia, 1805, 348. Available at: http://purl.pt/966/1 (accessed 04.03.2018).

14. Pereira B. *Ars grammaticae pro lingua lusitana addiscenda latino.* Lugdunum: Laurentius Anisson, 1672, 323. Available at: https://play.google.com/books (accessed 04.03.2018).

15. Távora F. d. *Grammatica hebraea novissime edita*. Conimbrica: I. Alvarus, 1566, 69. Available at: http://purl.pt/23236/1 (accessed 04.03.2018).

16. Porkhomovskii V. Ia. Poroda [Conjugation]. *Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary]. Ed. Iartseva V. N. Moscow: Bol′shaia Rossiiskaia entsiklopediia 1998, 386.

17. Kosarik M. A. *Sotsiolingvisticheskaia problematika v rannikh portugal'skikh sochineniiakh o iazyke* [Sociolinguistic problems in the early Portuguese writings on language]. Moscow: MAKS Press, 2013, 208.

18. Anchieta J. d. *Arte de grammatica da lingua mais usada na costa do Brasil*. Lipsia: B. G. Teubner, 1874, 82. Available at: https://play.google.com/books (accessed 04.03.2018).

19. Argote J. C. d. *Regras da lingua portugueza, espelho da lingua latina, ou disposição para facilitar o ensino da lingua latina pelas regras da portugueza*. Lisboa: Officina da musica, 1725, 360. Available at: http://purl.pt/10/3/#/1 (accessed 04.03.2018).

20. Barboza J. S. *Grammatica philosophica da lingua portugueza ou principios da grammatica geral applicados á nossa linguagem*. 2 ed. Lisboa: Academia Real das Sciencias, 1830, 458. Available at: http://www4.iel.unicamp.br/biblioteca/gramatica.php (accessed 04.03.2018).

21. Coelho F. A. *Noções elementares de grammatica portugueza*. Porto: Lemos, 1891, 130. Available at: https://bibdig.biblioteca.unesp.br/handle/10/26050 (accessed 04.03.2018).

22. Cortesão A. A. *Nova gramática portuguesa.* 7.ª ed. Coimbra: F. França Amado, 1907, 160. Available at: https://bibdig.biblioteca.unesp.br/handle/10/26051 (accessed 04.03.2018).

УДК 811.111; 811.161.1

НАРУШЕНИЕ НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ B1-C1)

Ольга В. Кобзева [a, @, ID]

[a] *Высшая школа перевода (г.Пиза), 56126, Италия, Пиза, Виа Санта Мария, 155*
[@] *olgakobzeva80@gmail.com*
[ID] *https://www.researcherid.com/rid/X-9754-2018*

Поступила в редакцию 25.09.2018. Принята к печати 22.10.2018.

Ключевые слова: буквализм, итальянский язык, калькирование, межъязыковая интерференция, переводческие ошибки, русский язык как иностранный

Аннотация: Статья посвящена проблеме нарушения норм литературного языка со стороны итальянских студентов в процессе выполнения наиболее сложного вида речевой деятельности – перевода. Предметом настоящего исследования являются речевые ошибки студентов Высшей школы перевода, а также начинающих переводчиков. Низкое качество перевода технических текстов и большое количество ошибок в современных переводах обусловило цель настоящей статьи – привлечь внимание учёных к данной проблеме, обобщить практику перевода и выработать рекомендации по недопущению переводческих ошибок. Для достижения целей использовались общенаучные (обобщение, анализ, синтез) и эмпирические методы исследования. Выдвигаются возможные причины совершения ошибок, главными и опасными с точки зрения засорения русского языка являются, по нашему мнению, межъязыковая интерференция и калькирование. Приводятся случаи допустимого, спорного и недопустимого калькирования. Также приводятся конкретные нарушения морфологических, синтаксических и лексических норм, указываются причины их совершения, предлагаются рекомендации по их недопущению. Результаты данного исследования могут применяться не только в учебных целях для подготовки профессиональных переводчиков, но и в практических целях при непосредственной работе с заказчиком. Сделан вывод, что избежать ошибок невозможно, так как преодолеть интерференции, находясь в родной языковой среде, не удаётся. Однако вполне допустимо снизить количество ошибок. Статья состоит из вводной части, где указываются цели и задачи работы, основной части – нарушений норм учащимися, и заключения, в котором предлагаются рекомендации по эффективной работе в процессе обучения.

Для цитирования: Кобзева О. В. Нарушение норм литературного языка при переводе (уровень языковой компетенции B1-C1) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 211–222. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-211-222

Введение

В процессе перевода с итальянского языка на русский студентами нарушаются нормы литературного русского языка. Нарушение норм подрывает авторитет переводчика, создаёт сомнения в его компетентности, ведет к буквализму и засорению языка, а также мешает коммуникации. Анализ ошибок показывает, что в основном нарушаются грамматические и лексические нормы (материалом для исследования послужили письменные переводы), а одной из причин совершения ошибок является межъязыковая интерференция. Под межъязыковой интерференцией здесь понимаются случаи отрицательного переноса на русский язык чуждых ему слов и грамматических конструкций.

Актуальность темы состоит в том, что на сегодняшний день на рынке представлено большое количество некачественных переводов, выполняемых непрофессиональными начинающими переводчиками. Если обратить внимание на эту проблему сейчас, возможно, удастся снизить количество некачественных переводов, увеличить количество качественных переводов.

В данной статье под *ошибкой* в переводе понимается нарушение норм литературного русского языка. Отметим сразу, что избежать ошибок невозможно: ошибки наблюдаются в течение всего цикла обучения независимо от уровня языковой компетенции студентов. Однако можно снизить количество нарушений, работая над их причиной. Именно такая цель видится нам – обратить внимание на часто встречающиеся ошибки, понять их причину и попытаться систематизировать. Дополнительная цель работы – обобщение практики пе-

ревода с итальянского языка на русский, выработка рекомендаций по переводу и недопущению переводческих ошибок. Указанные цели обусловили постановку и решение следующих задач: помочь учащимся избежать нарушений в будущем, снизить влияние межъязыковой интерференции, выработать меры по улучшению качества знаний, повысить профессиональный уровень переводчика путем указания на необходимые методы познания и проверки и улучшить тем самым качество перевода.

В предлагаемой статье рассматриваются наиболее типичные нарушения учащихся на протяжении трёхгодичного цикла обучения в вузе (Высшая школа перевода) с приведением примеров и объяснений – в чём конкретно выразилось нарушение нормы.

Как писал Д. Э. Розенталь: «Понятие нормы очень важно для литературного языка» [1; 2]. Между тем, чтобы понять, является ли нарушение действительно нарушением нормы, необходимо сначала уяснить, что такое норма. Словарь С. И. Ожегова предлагает следующее определение этого термина: «Норма – узаконенное установление, признанный обязательным порядок. Нормы литературного языка»[1]. Таким образом, норма представляет собой установленный обязательный порядок. Этот порядок существует в первую очередь для правильного образования и употребления слов и грамматических конструкций.

Исходя из определения нормы выводим определение нарушения – употребление слов и грамматических конструкций, не предусмотренных нормой, а иногда идущих в разрез с ней.

Понятия нормы и нарушения нормы тесно связаны с качеством перевода. Использование в тексте перевода слов и грамматических конструкций, не соответствующих норме, в значительной степени снижает качество перевода, а порой и вовсе представляет собой не перевод, а откровенное калькирование, искажающее при этом коммуникацию. Приведем несколько примеров: услуга эвакуатора в пределах 25 км от места ***инцидента***; приметы ***репрезентируют*** основные интересы общества; приобретайте данный ***сервис***; ***приглашаем консультировать*** наш сайт. Конечно, абсолютно совершенный перевод создать невозможно. Однако переводчик должен стремиться представить реципиенту такой текст, из которого не видно, что это перевод. В этом и состоит компетентность переводчика.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены нарушения нормы на следующих уровнях: морфологическом, лексическом, синтаксическом[2].

Материалы для исследования: работы студентов первого года обучения, уровень языковой компетенции – B1 (темы для перевода: праздники, традиции, путешествия); работы студентов второго года обучения, уровень языковой компетенции – B2 (темы для перевода: инструкции по эксплуатации, экономика); работы студентов третьего (последнего) года обучения, уровень языковой компетенции – B2-C1 (темы для перевода: политика, юриспруденция, медицина); работы начинающих переводчиков, выпускников Высшей школы перевода. В целях выявления нарушений нормы литературного языка использовались словари и справочники, нормативные правовые акты.

1. Нарушения морфологических норм

1.1. Имя существительное

Нарушение в употреблении числа имён существительных:

− È possibile avere tutte le informazioni necessarie – Вы можете получить *все необходимые информации* (правильно: *всю необходимую информацию*);

− Vestiti acquistati all'estero non si può né cambiare, né restituire – *Одежды, купленные* за границей, нельзя обменять или вернуть (правильно: *одежду, купленную*).

Причина нарушений: грамматический перенос, слова *informazioni* и *vestiti* в итальянском языке имеют форму множественного числа[3].

Словарь Ожегова слову *одежда* даёт форму множественного числа *одежды*. Однако во множественном числе это слово приобретает дополнительную стилистическую окраску и характерно для литературно-художественного стиля (например «Белые одежды» В. Дудинцева).

− Stituzioni di istruzione superiore dovranno sviluppare politiche per riconoscere l'apprendimento non formale o informale – Образовательные организации высшего образования должны разработать *политики* в сфере признания неформального или информального обучения.

Причина нарушения: грамматический перенос. По нормам русского языка в отношении слова политика как абстрактного понятия, включающего в себя деятельность властных органов, использование множественного числа создает искусственность высказывания. Мы можем компенсировать множественное число путем добавления – направления в политике – или лексической замены: стратегии, подходы, меры.

[1] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд, перераб. М.: Мир и Образование, 2016. Режим доступа: http://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 21.08.2018). Далее – словарь Ожегова.

[2] Выявить нарушения орфоэпических норм не представилось возможным ввиду того, что исследовались только письменные работы.

[3] Нарушение имеет постоянный характер у студентов первого года обучения (уровень языковой компетенции B1).

1.2. Имя прилагательное

А. Употребление полной формы прилагательного вместо краткой:

− I russi sono noti per la loro ospitalità – Русские *известные* своей гостеприимностью (правильно: *известны*).

Употребление краткой формы прилагательного вместо полной:

− L'acqua del lago Baikal è fredda – Вода в озере Байкал *холодна*.

Б. Смешение простой и сложной формы превосходной степени:

− Il lago Baikal è la riserva più grande del mondo dell'acqua dolce – Озеро Байкал – *самый крупнейший* источник пресной воды.

Причина нарушений: недостаточно практических навыков употребления прилагательных[4].

1.3. Местоимение

Неупотребление местоимения *это* там, где это необходимо:

− È una festa importante – *Он* важный праздник (правильно: *Это*);

Употребление местоимения *это* там, где это не нужно:

− È importante un'attenzione, non un regalo – *Это* важно внимание, не подарок (правильно: *Важно внимание, не подарок*);

− la lingua ufficiale è il russo – официальный язык – *это* русский (правильно: *официальный язык русский*).

Причина нарушений: грамматический перенос, желание отразить в переводе глагол-связку *essere*[5].

1.4. Имя числительное

Неизменение в падеже неопределённо-количественных числительных много, несколько:

− Per tanti anni – В течение *много* лет (правильно: *многих*);

− Per diversi mesi – В течение *несколько* месяцев (правильно: *нескольких*).

Причина нарушений: недостаточно знаний[6].

1.5. Глагол

А. Неправильное спряжение глаголов:

− глаголы с чередованием согласных (*dire* – сказать – сказают),

− глаголы с утерей суффикса (*dare* – давать – давают, *utilizzare* – использовать – используют, *esistere* – существовать – существуют),

− незнание группы спряжения (*appartenere* – принадлежать – принадлежают, *contenere* – содержать – содержают).

− незнание вида глагола (*diranno* – будут сказать, *scriveranno* – будут написать).

Причина нарушений: недостаточно знаний, мало практических навыков[7].

Б. Неправильное употребление глаголов НСВ (глаголов несовершенного вида) и СВ (глаголов совершенного вида):

− Le persone si preparano per l'evento in anticipo – Люди *приготовятся* к этому событию заранее (правильно: *готовятся*);

− In Russia, sono molto affezionati a fare regali – В России очень любят *подарить* подарки (правильно: *дарить*, т. к. любят указывает на регулярность действия);

− Per numerosi anni i partecipanti alle fiere di Mosca hanno alloggiato in questo hotel – В течение многих лет участники выставок и фестивалей *остановились* в этой гостинице (правильно: *останавливались*, т. к. в течение многих лет указывает на регулярность действия);

− Non mettere il bollitore e il suo basamento su una superficie calda – *Не поставьте* чайник и его основание на горячую поверхность (правильно: *не ставьте*).

Причина нарушений: отсутствие вида глагола как грамматической категории в итальянском языке порождает непонимание в особенностях употребления русского вида глагола. Студенты владеют теоретическими знаниями, но им не всегда удается применять их на практике[8].

Решение: развивать практические навыки в употреблении вида глагола путем представления различных вариантов перевода, где чётко прослеживается разница в значении и употреблении. Можно привести похожие конструкции в итальянском языке с использованием грамматической категории времени и эмфатических конструкций. Например:

а) случай употребления глагола НСВ в прошедшем времени, где говорящий показывает, что не имеет отношения к совершенному действию:

− Окно открыто. Это ты *открыл* окно? – Нет, *я не открывал* – La finestra è aperta. *Sei stato tu ad aprirla*? – *No, non sono stato io ad aprirla*;

б) употребления глагола НСВ в прошедшем времени, где говорящий показывает, что действие имело место в прошлом:

− Я *дал* свои книги другу (сейчас книг у меня нет) – *Ho dato* i miei libri all'amico; Я *давал* свои книги другу (книги сейчас у меня) – *Avevo dato* i miei libri all'amico ma poi me li *ha restituiti*;

[4] Нарушение имеет постоянный характер у студентов первого года обучения (уровень языковой компетенции B1).

[5] То же.

[6] Нарушение наблюдается у студентов первого года обучения (уровень языковой компетенции B1).

[7] То же.

[8] Нарушение имеет постоянный характер у студентов первого (уровень языковой компетенции B1), второго года обучения (уровень языковой компетенции B2) и иногда третьего (уровень языковой компетенции B2-C1).

в) употребление глагола СВ в императиве как предостережение от совершения нежелательного действия:

− Осторожно, *не упади! – Stai attento a non cadere.*

Однако при переводе инструкций по эксплуатации употребляются глаголы НСВ, если при глаголе стоит отрицательная частица *НЕ*:

СВ	НЕ + НСВ
Откройте	Не открывайте
Закройте	Не закрывайте
Поставьте	Не ставьте
Установите	Не устанавливайте
Нажмите	Не нажимайте
Возьмите	Не берите

Использование глаголов НСВ с частицей *не* в данном случае объясняется тем, что ни при каких обстоятельствах (никогда) не допускается совершение указанного действия.

В. Неправильное употребление глаголов на *-ся*:

− Le feste di Natale durano fino alla Befana – Рождественские праздники *продолжают* до католического праздника Бефана (правильно: *продолжаются*).

Причина нарушений: недостаточно знаний, мало практических навыков, а также отрицательный перенос, поскольку в итальянском языке глагол *durare* употребляется без частицы *si (durarsi)*[9].

2. Нарушения лексических норм

2.1. Смешение понятий

А. Студенты испытывают трудности в различении слов *много* и *многие*:

− In questa città ci sono molti alberghi – В этом городе есть *многие гостиницы* (правильно: *много гостиниц*).

Много употребляется после глаголов *существует*, *есть* (а также в случае опущения глагола):

− A Firenze ci sono molti bei posti da vedere – Во Флоренции *есть* много красивых мест, которые стоит посмотреть;

− Nel nostro albergo ci sono molte camere economiche con vista mare – В нашей гостинице *много* недорогих номеров с видом на море (глагол *есть* опущен).

Многие употребляется как определение к существительному (часто к одушевлённому: люди, студенты, туристы) и находится в начале предложения:

− In molte camere c'è l'aria condizionata – *Во многих номерах* есть кондиционер;

− Molti turisti scelgono il nostro albergo proprio per questo motivo – *Многие туристы* выбирают нашу гостиницу именно по этой причине;

− Molti palazzi di San Pietroburgo sono stati costruiti su progetto di architetti italiani – *Многие здания* Санкт-Петербурга построены по проекту итальянских архитекторов;

− Molti preferiscono viaggiare in macchina – *Многие* предпочитают путешествовать на машине.

Причина нарушений: недостаточно знаний и практических навыков, смешение понятий[10].

Б. Неправильный перевод притяжательного местоимения *suo*:

− Alessandro III ha dichiarato la sua intenzione di erigere una chiesa – Александр III объявлял о *его* намерении построить церковь (правильно: объявлял о *своём* намерении. ***Причина нарушений:*** недостаточно знаний и практических навыков);

− I belgi credono che la cosa importante in un regalo sia il suo senso – В Бельгии считается, что главное в подарке – *свой* смысл (правильно: *его* смысл);

− Il lago Bajkal è caratterizzato da un ambiente atipico per un lago: le sue acque sono molto ricche d'ossigeno – Озеро Байкал характеризуется нетипичной средой: *свои воды* очень богаты кислородом (правильно: *его воды*).

Следует помнить, что в именительном падеже *свой* не употребляется (исключения составляют некоторые эмфатические конструкции).

Причина нарушений: неправильный синтаксический анализ предложения. Например, в предложении «В Бельгии считается, что главное в подарке – *свой* смысл» слово *свой* трактуется как часть группы дополнения и как к объекту действия употребляют определение свой. Однако в данном примере *свой* – часть группы субъекта в именительном падеже. В последнем примере («Озеро Байкал характеризуется нетипичной средой: *свои* воды очень богаты кислородом») предложение также является сложным, и *le sue acque* – это группа подлежащего придаточного предложения (именительный падеж). В этом случае (если не удается определить синтаксическую функцию члена предложения) следует разделить предложение на два простых. Например:

− Il lago Bajkal è caratterizzato da un ambiente atipico per un lago. Le sue acque sono molto ricche d'ossigeno.

Сейчас чётко видно, что *Le sue acque* – это подлежащее (именительный падеж) и поэтому *sue* нельзя перевести как *свои*. Во всех других падежах, если объект, о котором идёт речь, принадлежит субъекту действия, то *suo* переводим как *свой* в нужном роде, числе и падеже (употребление свой обязательно в третьем лице, иначе создаётся двусмысленность).

Решение: развивать практические навыки перевода слова *suo*, приводить много примеров, где чётко прослеживается разница в значении и употреблении (чаще – в сложных предложениях), приводить

[9] Нарушение наблюдается у студентов первого и второго года обучения (уровень языковой компетенции B1, B2).

[10] Нарушение наблюдается у студентов первого года обучения (уровень языковой компетенции B1).

похожие конструкции в итальянском языке, указывать на случаи двусмысленности. Например:

− La sua famiglia vive all'estero – *Его* семья живёт за границей (*sua* – часть группы подлежащего, именительный падеж);

− Dopo la morte di suo padre si trasferì in città – После смерти *своего* отца он переехал в город (*suo* – часть группы дополнения, родительный падеж) (здесь можно указать на случай двусмысленности, если *suo* перевести как *его*: После смерти *его* отца... (отца кого? Отца производителя действия или другого лица?);

− È famoso per il suo atteggiamento nei confronti dei comunisti – Он известен *своим* отношением к коммунистам (*suo* – часть группы дополнения, творительный падеж);

− È diventato famoso per un semplice fatto: sua madre ha vinto le elezioni – Он стал известным очень просто: *его* мать победила на выборах (*sua* – часть группы подлежащего в придаточном предложении, именительный падеж);

− Nessuno sapeva che suo padre fosse andato in pensione – Никто не знал, что *его* отец вышел на пенсию (*suo* – часть группы подлежащего в придаточном предложении, именительный падеж);

− Il suo celebre romanzo Dostoevskij lo scrisse in due anni – *Свой* знаменитый роман Достоевский написал за два года (объект действия *il suo celebre romanzo* принадлежит субъекту действия, винительный падеж);

− Il suo celebre romanzo l'ho letto in una settimana – *Его* знаменитый роман я прочитал за неделю (объект действия *il suo celebre romanzo* не принадлежит субъекту действия, винительный падеж).

Единственный случай, когда *свой* употребляется в именительном падеже – это случай, если *свой* означает *собственный*: Ogni camera dispone di un bagno privato – В каждом номере есть *свой (собственный)* туалет.

В. Неправильный перевод *come* в предложении с перечислением:

− Nella città lavoravano eminenti studiosi come il fondatore dell'Università di Mosca Michail Lomonosov, l'inventore della radio Aleksandr Popov, lo scienziato-chimico Dmitrij Mendeleev e altri – В городе и работали выдающиеся учёные, *как* основатель Московского университета М. В. Ломоносов, изобретатель радио А. С. Попов, учёный-химик Д. И. Менделеев и другие (правильно: *такие как*).

Решение: усилить действие литературной нормы путем указания на её императивность, *come* переводится *как* только в сравнении:

− È bello come il sole – Он красив *как* Бог;

− È lontana come una stella – Далека *как* звезда.

В случае же, если после *come* идёт перечисление, то его следует переводить с помощью *такой как* в нужном роде, числе и падеже, *come – такой как* (такая как, такое как, такие как):

− I Paesi europei come Italia, Spagna, Francia e altri hanno adottato l'euro come moneta unica – Европейские страны, *такие как* Италия, Испания, Франция и другие, приняли решение о введении единой валюты – евро.

2.2. Неправильный перевод некоторых лексических единиц (случаи межъязыковой интерференции)

− La qualità della merce non corrisponde al contratto – Качество продукции *не корреспондирует* с договором;

− I turisti possono consultare il nostro sito Internet per saperne di più – Туристы могут *консультировать* наш сайт, чтобы узнать больше;

− La cosa più importante che offre la nostra ditta è la possibilità di personificare i vostri mobili – Самое главное в нашей фирме – возможность *персонализировать* свою мебель.

Случаи интерференции при переводе эмфатических конструкций:

− Sono i cittadini che eleggono il capo del Paese – Это граждане, которые выбирают главу государства.

Решение: развивать практические навыки перевода эмфатических конструкций[11].

2.3. Непередача экспрессивной функции исходного текста

− *Potrete scegliere voi* un posto dove andare – Вы можете выбрать место, куда поехать.

В приведённом итальянском тексте автор путем инверсии субъект-предикат *potrete scegliere voi* (вместо неэмфатического *voi potrete scegliere*) желает подчеркнуть важность того, что турист сам решает, куда ему поехать. Однако в переводе на русский язык автор перевода не передал этот важный экспрессивный компонент. Правильно: Вы можете *сами* выбрать место, куда поехать.

Причина нарушений: отсутствие навыков перевода[12].

2.4. Нарушения лексической сочетаемости

− Il segnale lanciato dal popolo inglese mette in discussione il progetto Europa – *Сигнал*, *запущенный* английским народом ставит под сомнение весь проект «Европа» (правильно: *поданный*, т. к. сигнал сочетается с глаголом *подать*: подать сигнал);

− Il risultato del referendum Brexit ha causato una vera onda d'urto sui mercati finanziari e sull'economia mondiale – Результат референдума по Brexit *причинил* настоящую ударную волну финансовым рын-

[11] Нарушение наблюдается у студентов первого (уровень языковой компетенции B1), второго года обучения (уровень языковой компетенции B2) и иногда третьего (уровень языковой компетенции B2-C1).

[12] Нарушение наблюдается у некоторых студентов первого (уровень языковой компетенции B1).

кам мировой экономике (правильно: *вызвал*, т. к. волна сочетается с глаголом *вызвать*: вызвать волну, правильный перевод здесь: Результат референдума по Brexit *вызвал* настоящую ударную волну на финансовых рынках и в мировой экономике);

− I compiti dell'Assemblea generale sono <…> *fare raccomandazioni* per promuovere la cooperazione internazionale – Задачи Генеральной Ассамблеи...: *делать рекомендации* в целях содействия международному сотрудничеству (словарь Ожегова применительно к слову рекомендации предлагает глагол *давать / дать*);

− Mosca ha il potere di veto come Washington – Москва *владеет правом* вето, как и Вашингтон (Большой юридический словарь А. Б. Борисова[13] к слову *право* применяет глагол *обладать*: обладать правом, а не владеть правом).

2.5. Смешение паронимов

− *Экономический – экономичный*: L'estrazione del carbone a cielo aperto è il più *economico* – Открытая добыча угля в России самая *экономическая* (правильно: *экономичная* (дешёвая)).

− *Федеральный – федеративный*: L'Italia è una repubblica parlamentare non *federale* – Италия – это парламентская республика, *не федеральная* (правильно: *федеративная*, поскольку это форма государственного устройства).

− *Драматический – драматичный*: Il fenomeno delle grandi migrazioni internazionali costituisce una delle più *drammatiche* e complesse questioni del nostro tempo – Феномен большой международной миграции представляет собой одну из самых *драматических* и сложных задач нашего времени (правильно: *драматичных*).

Причина всех нарушений: недостаточно знаний и практических навыков перевода, неумение пользоваться словарём.

Решение: больше читать по-русски. Прежде чем переводить текст, прочитать похожие тексты на русском языке.

3. Калькирование

3.1. Случаи допустимого калькирования

В соответствии с п. 6 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке. Таким образом, закон не запрещает заимствований в тех случаях, когда в русском языке отсутствуют аналоги того или иного термина. Мы же, в частности, определяем, что калькирование (или копирование путем буквального перевода) является единственно возможным приемом при переводе некоторых юридических и медицинских терминов:

− Delega di poteri – *Делегирование полномочий;*

− La presunzione di innocenza – *Презумпция невиновности*;

− Presidente del Consiglio sceglie i ministri e *coordina* la loro attività – Председатель Совета выбирает Министров и *координирует* их деятельность;

− L'effetto dell'allergene sull'organismo precedentemente da esso *sensibilizzato* – Воздействие аллергена на ранее *сенсибилизированный* этим аллергеном организм;

− Malattia *autoimmune* – *Аутоиммунное* заболевание[14];

− La forma ricorrente della patologia nella fase *terminale* può indurre la necessità di un trapianto d'organo – Хроническая форма заболевания в *терминальной* стадии может привести к необходимости пересадки органа;

− In questo quadro, tuttavia l'Ue, *sta incontrando* molteplici e talora insormontabili difficoltà ad agire in modo unitario – Между тем в решении данного вопроса ЕС *встречается* с многочисленными и иногда непреодолимыми трудностями, работая в едином ключе[15].

Однако, по нашему мнению, лучшим вариантом перевода в последнем примере будет *сталкивается с трудностями*, поскольку по своей семантике глагол *встречаться* больше употребляется в контексте *встречаться с кем?* и имеет скорее положительное значение. Тогда как *сталкиваться*, имея скорее отрицательное наполнение, больше подходит в контексте *с трудностями*.

3.2. Случаи спорного калькирования

Под случаями спорного калькирования понимается использование буквального перевода (копирования) слов и выражений при наличии в русском языке их прямых эквивалентов. Опасность такого приема перевода заключается в том, что он приводит к засорению русского языка путем внесения в него неестественных высказываний и создания для отдельных лексем несвойственных им контекстов.

− La causa delle malattie è l'insufficienza di uno o un altro fermento *responsabile* della sintesi di aminoacidi – Причина заболеваний – недостаточность того или иного фермента, *ответственного* за синтез аминокислот;

[13] Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.

[14] Аутоиммунные заболевания. Режим доступа: http://immuninfo.ru/immunologiya/autoimmunnye-zabolevaniya/ (дата обращения: 30.08.2018).

[15] Словарь Ожегова действительно к слову *встречаться* (с чем?) приводит пример *встречаться с трудностями.*

− Ci sono diversi gas serra responsabili di un più intenso riscaldamento dell´atmosfera: questi sono prodotti dagli esseri umani – Существуют различные парниковые газы, *ответственные* за интенсивное потепление: они производятся людьми.

Словарь Ожегова следующим образом определяет слово *ответственный*: 1. Обладающий достаточными правами и обязанностями для того, чтобы дать полный отчёт в своих действиях и принять на себя вину за ошибки, плохой ход дела и т. п. *Человек, о. за сохранение порядка. О. работник*; 2. Существенно важный, очень серьёзный. *О. момент.* Ответственный по словарю Ожегова не содержит такого толкования слова, как в представленных переводах, поэтому предлагаем перефразировать:

− La forma ricorrente della patologia è spesso *responsabile* di alterazioni infiammatorie significative a carico del sistema escretore – *Из-за этой формы заболевания* часто происходят значительные воспалительные изменения в мочевыделительной системе;

− Ci sono diversi gas serra *responsabili* di un più intenso riscaldamento dell´atmosfera: questi sono prodotti dagli esseri umani – Существуют различные парниковые газы, *из-за которых / по причине которых* происходит интенсивное потепление: они производятся людьми.

− Il presidente del Consiglio è il capo del governo ed è *responsabile* delle attività del governo – Председатель Совета Министров является главой Правительства и *является ответственным* за деятельность Правительства). Перефразируем, используя расщеплённое сказуемое: Председатель Совета Министров является главой правительства и *несёт ответственность* за деятельность Правительства.

− *Contratto* (trattato) internazionale – Международный *контракт*.

В соответствии с п. «а» ст. 2 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) международный договор РФ означает международное соглашение, заключенное РФ с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры (далее – иное образование), в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (в ред. ФЗ от 01.12.2007 № 318-ФЗ)[16]. В тексте закона отсутствует термин *контракт*. Некоторые учебники по русскому языку как иностранному предлагают тем не менее использовать термин *контракт* («термин контракт обычно применяется для внешнеэкономических договора, т. е. для договоров с нерезидентами» [3, с. 54]), а не *договор*, смешивая таким образом эти два понятия. Хотим обратить внимание на то, что термин *контракт* как разновидность соглашения двух и более лиц согласно Гражданскому кодексу употребляется только в случае, если стороной в договоре (заказчиком) выступает *государственный или муниципальный орган* (ст. 528 ГК РФ)[17]. Используя в переводе термин *контракт*, а не *договор*, по нашему мнению, переводчик значительно искажает коммуникацию. Термин *контракт* вызывает у получателя перевода положительные ассоциации, т. к. средства по такому контракту – бюджетные, что гарантирует исполнение обязательств. Между тем такое понимание не соответствует действительности: контрагент по сделке – частный хозяйствующий субъект, и средства тоже частные, не государственные.

3.3. Случаи недопустимого калькирования

В следующих примерах применение калькирования как переводческого приема невозможно, поскольку такой перевод несёт в себе коммуникативно значимые ошибки и искажает смысл текста оригинала.

− I residenti locali il Baikal lo chiamano il mare – Местные *резиденты* называют Байкал морем.

В соответствии с подп. «а» п. 6 ст. 1 ФЗ от 10.12.2003 № 173-ФЗ (в ред. от 18.07.2017) «О валютном регулировании и валютном контроле»[18], *резиденты – физические лица, являющиеся гражданами РФ*, за исключением граждан РФ, постоянно проживающих в иностранном государстве не менее одного года, в том числе имеющих выданный уполномоченным государственным органом соответствующего иностранного государства вид на жительство, либо временно пребывающих в иностранном государстве не менее одного года на основании рабочей визы или учебной визы со сроком действия не менее одного года или на основании совокупности таких виз с общим сроком действия не менее одного года (в ред. ФЗ от 06.12.2011 № 406-ФЗ). Ст. 207 Налогового кодекса РФ устанавливает, что налогоплательщиком налога на доходы физических лиц признаются физические лица, являющиеся *налоговыми резидентами* РФ. Налоговый резидент – физическое лицо, фактически находящееся

[16] О международных договорах Российской Федерации. 15.07.1995. № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 17.07.1995. № 29. Ст. 2757.

[17] ГК РФ. 30.11.1994. № 51-ФЗ. Ч. 1 // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301; ГК РФ. 26.01.1996. № 14-ФЗ. Ч. 2 // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

[18] О валютном регулировании и валютном контроле. 10.12.2003. № 173-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4859.

в РФ не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев[19].

− I limatologi sono sicuri che il mondo si sta riscaldando. E quasi certi che la causa di questo è dato dalle *emissioni* antropiche di gas a effetto serra – Клималоги уверены, что Земля нагревается. И почти уверены, что причиной этого являются антропогенные *эмиссии* парниковых газов.

Согласно определению, который предлагает *Энциклопедический словарь экономики и права*, слово *эмиссия* в русском языке имеет совсем другое значение: 1) выпуск в обращение денежных знаков во всех формах, акций, сертификатов, облигаций и других государственных ценных бумаг; ведет к увеличению денежной массы в обороте; 2) любой вид ценных бумаг компании или процесс выпуска в обращение таких бумаг[20].

− Inglesi e americani hanno *denunciato* le mosse russe sul terreno – Англичане и американцы *денонсировали* российские действия на этой территории (правильно: *осудили*). Термин *денонсировать* предлагает электронный словарь *Lingvolive*[21]. Итальянско-русский словарь *ilKovalev*[22] предлагает термин *денонсировать* в контексте: *denunciare un trattato* – денонсировать договор (денонсировать = признать недействительным. Такое признание будет только в судебном порядке). ***Вывод:*** термин существует, но у него очень узкое применение, и в данном контексте не подходит.

− Senza che l'incidente si verifichi, si sviluppa un attacco di panico – *Без того, чтобы* авария произошла, у пациента развивается приступ паники. Словарь Ожегова предлагает следующие варианты употребления предлога *без*: предлог с род. п. 1. Указывает на неимение, недостаток, отсутствие кого-чего-н. *Б. денег. Б. потерь. Оставить письмо б. ответа, Б. четверти час. Б. сомнения* (несомненно); 2. В отсутствие кого-н. *Б. нас не начинать. Не без чего – с (но с меньшей степенью утверждения). Не без интереса.* В приведенном определении отсутствует сочетание «без того чтобы». Кроме того, такой перевод представляет собой неестественное, искусственное сочетание для русского получателя и вследствие этого отпадает. Вариант перевода: Авария ещё не произошла, а у пациента уже развивается приступ паники.

В следующем примере переводчик осуществил перевод слова без учёта исторического контекста:

− In seguito la Cattedrale di San Basilio non è stata demolita, ma il suo difensore, Petr Baranovskij, è stato *deportato* per attività antisovietica – В результате храм Василия Блаженного не был разрушен, однако его защитник, Пётр Барановский, был *депортирован* за антисоветскую деятельность.

В данном случае при таком переводе имеет место коммуникативная ошибка (искажение информации), поскольку за антисоветскую деятельность не депортировали, а ссылали или высылали[23].

Причина всех нарушений: недостаточно когнитивных знаний, опыта и практических навыков перевода; неумение пользоваться словарем, нежелание заниматься поиском нужного эквивалента, а калькирование представляет собой самый простой способ «перевода».

Решение: больше читать по-русски. Прежде чем переводить текст, прочитать похожие тексты на русском языке.

4. Нарушения синтаксических норм

4.1. Неверное согласование сказуемого с группой подлежащего

− Nel mondo di oggi esistono tante lingue – Сегодня в мире *существуют* много языков (правильно: *существует*);

− In Russia, ci sono più di 400 aziende italiane – В России *находятся* более 400 итальянских предприятий (правильно: *находится*).

Причина нарушений: недостаточно знаний. Согласование по смыслу. Однако в данном случае необходимо делать грамматическое согласование: главное слово группы подлежащего – много (более) + сказуемое в единственном числе.

4.2. Нарушения при управлении, использование неправильных падежных окончаний, неверный выбор предлога

− Durante i festeggiamenti i ragazzi sceglievano future spose, le ragazze si cercavano fidanzati – Во время празднования парни выбирали *будущие невесты*, девушки искали *женихи* (правильно: *будущих невест; женихов*, выбирать кого? Искать кого?);

− L'Italia è ricca del suo patrimonio architettonico – Италия богата *своего архитектурного наследия* (правильно: *своим архитектурным наследием*, богат чем?);

− Il Presidente russo si congratula con tutti i cittadini – Президент России *поздравляется со*

[19] НК РФ. 05.08.2000. № 117-ФЗ (с изм. и доп.). Ч. 2 // СЗ РФ. 07.08. 2000. № 32. Ст. 3341.

[20] Эмиссия // Энциклопедический словарь экономики и права, 2005. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/18372/ЭМИССИЯ (дата обращения: 30.08.2018).

[21] Онлайн-переводчик ABBYY Lingvo Live. Режим доступа: https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/it-ru/denunciare (дата обращения: 30.08.2018).

[22] Kovalev V. Dizionario russo-italiano ilKovalev / Zanichelli, quarta edizione, 2013, p. 2496.

[23] Пётр Барановский отбывал наказание в ГУЛАГе.

всеми гражданами (правильно: *поздравляет всех граждан*, поздравлять кого? С чем?);

− Per la festa si preparavano in anticipo – *Для праздника* готовились заранее (правильно: *к празднику*, готовиться к чему?);

− I russi sono famosi per la loro ospitalità – Русские известны *для своей гостеприимности* (правильно: *своей гостеприимностью*, известны чем? без предлога).

Причина нарушений: грамматический перенос[24].

Неизменение в падеже имён собственных:

− I monumenti architettonici significativi del XIX secolo sono la Cattedrale di Kazan' dell'architetto Andrej Nikiforovič Voronichin... – Значительными архитектурными памятниками XIX века являются Казанский собор архитектора *Андрей Никифорович Воронихин*... (правильно: *Андрея Никифоровича Воронихина*).

4.3. Неправильное употребление пассивных конструкций и неопределённо-личных предложений

Пассивные конструкции:

− Si decora l'albero di Natale – Украшается *Рождественскую ёлку* (правильно: *украшается Рождественская ёлка*);

− Si apre una bottiglia di champagne – Открывают *бутылка* шампанского (правильно: *бутылку*);

− Per ecologia si intende la scienza che studia la natura – Под экологией понимается *науку*, которая изучает природу (правильно: *наука*).

Неопределённо-личные предложения:

− Si congeda il Vecchio anno e si incontra il Nuovo – *Провожаются* Старый год и *встречаются* с Новым годом (правильно: *провожают Старый год и встречают Новый*).

Причина нарушений: недостаточно знаний и отрицательный перенос[25].

4.4. Нарушения при переводе конструкций в творительном падеже при актуальном членении в случае, если порядок слов обратный

− Uno dei simboli della festa di Capodanno è l'abete decorato – *Один* из символов праздника является *новогодней ёлкой* (правильно: *одним* из символов праздника является *новогодняя ёлка*);

− L'obiettivo della conferenza è stato l'approvazione dell'accordo internazionale sulla riduzione delle emissioni dei gas a effetto serra – *Цель* конференции была *одобрением* международного договора по уменьшению выбросов парниковых газов (правильно: *целью* конференции было *одобрение* международного договора по уменьшению выбросов парниковых газов).

Причина нарушений: неумение вычленить тему и рему[26].

В таких случаях предлагаем давать следующее объяснение:

− Если даём определение, *термин – определение*, порядок слов прямой: Новый год является самым любимым праздником россиян; Новогодняя ёлка всегда была символом Нового года; Компьютер является электронной системой.

− Если выделяем термин, то *определение – термин*, порядок слов обратный: Самым любимым праздником россиян является Новый год; Символом Нового года всегда была новогодняя ёлка; Электронной системой является компьютер.

Важно: термин никогда не может быть в творительном падеже.

4.5. Неправильное образование пассивных причастий

− Progettata da Alfred Parland nello stile tipico delle chiese russe – *Проектированная* Альфредом Парландом в типичном стиле русских церквей (правильно: *спроектированная*, от глагола СВ *спроектировать*).

4.6. Неправильное употребление полной и краткой формы пассивных причастий (употребление краткой вместо полной)

− A San Pietroburgo ci sono tanti bei palazzi costruiti da architetti russi e quelli stranieri – В Петербурге очень много красивых зданий *построены* русскими и зарубежными архитекторами (правильно: *построенных*).

Причина нарушений: недостаточно знаний[27].

Сохранение пассивной конструкции в переводе:

− *l'Europa è stata travolta* dal flusso dei migranti dal Medio Oriente – *Европа была наводнена* потоком мигрантов с Ближнего и Среднего Востока.

Однако в переводе возможно было использовать активную конструкцию путем помещения объекта действия в начало предложения: Европу *наводнил / захлестнул* поток мигрантов с Ближнего и Среднего Востока.

4.7. Трудности при переводе причастий, образуемых от глаголов НСВ и СВ

− Settesoli, che in questo momento è la bottiglia più *venduta* in Italia nella fascia dei 3–4 euro… – Вино Сеттесоли, которое в Италии в настоящий момент самое *проданное* в категории 3–4 евро... (правильно: *продаваемое*, т. к. речь идет о событии в настоящем времени);

− Oggi il 70 % delle 20 mila bottiglie *prodotte* ogni anno (che rappresenta il 55 % del vino totale prodotto) finisce all'estero – Сегодня 70 % из 20 тысяч бутылок,

[24] Нарушение имеет постоянный характер у студентов первого года обучения (уровень языковой компетенции B1).

[25] То же.

[26] Нарушение имеет постоянный характер у студентов первого и второго года обучения.

[27] Нарушение имеет постоянный характер у студентов первого, а иногда и второго года обучения.

произведённых каждый год (что составляет 55 % от общего количества вина), оказывается на зарубежных рынках (правильно: *производимых*, т. к. речь идет о регулярном действии – каждый год);

− La maggior parte di gas serra proviene dalla combustione dei carburanti fossili *usati* dalle automobili – Большая часть парниковых газов возникает из-за горения ископаемого топлива, *использованного* в автомобилях (правильно: *используемого*, т. к. речь идет о событии в настоящем времени).

Причина нарушений: невнимательность, не учитывается контекст, грамматический перенос: в итальянском языке *participio passato* используется как для передачи действия в настоящем времени, так и для передачи действия в прошлом[28].

− Il Presidente della Repubblica è un organo costituzionale *eletto* dal Parlamento – Президент Республики является конституционным органом, *избранным* Парламентом (правильно: *избираемым*).

Следует иметь в виду, что в текстах официально-делового стиля (законов) используется настоящее время глагола в любых его грамматических проявлениях, в данном случае – в форме пассивного причастия, в целях передачи должного (единственно возможного и поэтому всегда правильного) поведения.

− Il potere giudiziario *è esercitato* dalla Magistratura – Судебная власть *осуществлена* судами (правильно: *осуществляется*).

Сочетание двух ошибок:

− Il Presidente della Repubblica è un organo costituzionale *eletto* dal Parlamento – Президент Республики является конституционным органом, *избран* Парламентом (правильно: *избираемым*, полная форма и настоящее время причастия).

4.8. Ошибки при переводе герундия

При переводе абсолютной конструкции итальянского герундия:

− Aumentando la temperatura mondiale, si verificheranno più spesso situazioni climatiche estreme – *Повышаясь мировая температура*, чаще будут возникать критические ситуации.

В данном случае необходимо перефразировать с использованием выражения причины: простое предложение: *Из-за повышения глобальной температуры* чаще будут возникать экстремальные климатические ситуации; сложное предложение: *Из-за того что повышается глобальная температура*, чаще будут возникать экстремальные климатические ситуации.

Итальянские конструкции *senza+глагол*:

− È possibile acquistare i biglietti aerei senza lasciare l'albergo – Можно купить билеты на самолет *без покидать* гостиницу (правильно: *не покидая*).

Причина нарушений: грамматический перенос[29].

4.9. Нарушение порядка слов в придаточном предложении при актуальном членении

− È un processo infiammatorio che interessa uno od entrambi i polmoni – Это воспалительный процесс, в котором одно или оба лёгких поражаются (правильно: Это воспалительный процесс, в котором *поражаются одно или оба лёгких*).

В придаточном предложении препозиция группы сказуемого.

5. Нарушения, связанные со стилистической окраской слова

Употребление терминов с дополнительной коннотацией, не соответствующей контексту:

− Per la ricorrenza si *fanno* regali, si *imbandisce* la tavola – К празднику *даруются* подарки, стол *уставляется яствами* (правильно: *дарятся* подарки; стол *накрывается*);

− Nel giorno di festa non si *lavorava* – В день праздника не *трудились* (правильно: *работали*);

− Nei giorni festivi erano aperte *le fiere* – В выходной день были открыты *базары* (правильно: *ярмарки*);

− *In effetti,* le persone dovrebbero pensare al futuro del nostro pianeta – *На самом деле* люди должны думать о будущем нашей планеты (правильно: *действительно / в действительности*).

Причина нарушений: недостаточно знаний и практических навыков перевода, неумение пользоваться словарем.

Заключение

Как видно из анализа нарушений, причиной в основном является недостаточность знаний и практических навыков перевода, межъязыковая интерференция, калькирование, неумение пользоваться словарем. Ошибок не избежать. При изучении русского языка в искусственной языковой среде студенту не удается полностью преодолеть языковую интерференцию. Начинающий переводчик – это ещё неопытный переводчик, поэтому вместо смыслового перевода он чаще калькирует с родного языка. Однако, допуская ошибки, происходит естественный процесс познания. Ведь в процессе перевода сопоставляются два языка, две культуры, а перевод является наиболее сложным видом речевой деятельности [4–10]. Ошибаясь, приобретается опыт, а задача преподавателя – направить студента, показать, как именно следует работать со словарями и справочниками, научить самостоятельно обнаруживать, анализировать и исправлять свои ошибки, преодолевая межъязыковую интерференцию. При переводе узкоспециальных текстов (юридических,

[28] Нарушение имеет постоянный характер у студентов первого и второго года обучения.

[29] Нарушение наблюдается у студентов первого и второго года обучения.

медицинских) – советовать студентам пользоваться не только словарями и справочниками, но и специальными пособиями данной тематики (на языке перевода), выделяя языковые и стилевые черты того или иного текста.

Как способ снижения количества и качества нарушений можно предложить преподавателям регулярно проводить контрольные работы (может быть, две в семестр) с целью повторения грамматического и лексического материала с обязательным разбором ошибок, постоянной работой над ошибками. После каждой контрольной работы повторять тот грамматический материал, недостаток которого обнаружила проверка. Обязательно предлагать студентам делать собственный глоссарий после каждой пройденной темы и составлять перечень «ложных друзей переводчиков». Кроме того, эффективным является заучивание перевода наизусть и как метод контроля – чтение с листа (чтение исходного текста с одновременным переводом). Такой процесс активизирует память, лучше происходит усвоение грамматических конструкций, лучше запоминается лексика, активизируется внимание.

Подходя творчески к организации урока, можно предложить урок в виде игры. Студенты переводят текст (отрывок из текста), потом меняются и проверяют переводы друг у друга. В процессе такой работы обсуждаются различные лексические варианты, синонимичные грамматические конструкции. И т. к. студенты в ходе работы-игры принимают на себя роль преподавателя, они более раскрепощены, активны, а работа становится продуктивнее. Преподавателем при этом ведется учет наиболее интересных, творческих переводов, поощряются переводческие инновации (в том числе уместные экспрессии с помощью лексических и грамматических средств). Также в виде поощрения можно предложить студентам публикацию удачных переводов в журнале учебного заведения.

Литература

1. Розенталь Д. Э. Русский язык. Справочник-практикум: Управление в русском языке. Практическая стилистика. М.: Оникс; Мир и Образование, 2009. 752 с.

2. Розенталь Д. Э. Универсальный справочник по русскому языку. Орфография. Пунктуация. Практическая стилистика. М.: Мир и образование, 2016. 704 с.

3. Маркина Н. А., Романова С. В. Русский язык для делового общения. М.: Русский язык. Курсы, 2013. 264 с.

4. Будильцева М. Б., Новикова Н. С., Пугачёв И. А., Серова Л. К. Культура русской речи. М.: Русский язык. Курсы, 2012. 232 с.

5. Тороп П. Тотальный перевод. Таллин: Tartu University Press, 1995. 220 с.

6. Kobzeva O. V. Impariamo a tradurre in russo (B2-C1). Stile giornalistico. Pisa, Arnus: Edizioni il Campano, 2016. 137 p.

7. Kobzeva O. V. Impariamo a tradurre in russo (B1). Pisa, Arnus: Edizioni il Campano, 2016. 144 p.

8. Розова О. Г., Лысакова И. П., Хрымова М. Б., Канский А. Ю., Остович Е. Н., Мартинович Г. А., Федорова Н. А. Практическая стилистика русского языка. Для учащихся с неродным русским языком. М.: Русский язык. Курсы, 2007. 168 с.

9. Солганик Г. Я., Дроняева Т. С. Стилистика и культура речи русского языка. 6-е изд., испр. М.: Академия, 2012. 256 с.

10. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология Три, 2002. 416 с.

VIOLATION OF LINGUISTIC NORMS IN TRANSLATION IN B1-C1 STUDENTS

Olga V. Kobzeva [a, @, ID]

[a] *Pisa Higher School of Interpreters and Translators, 155, Via Santa Maria, Pisa, Italy, 56126*
[@] *olgakobzeva80@gmail.com*
[ID] *https://www.researcherid.com/rid/X-9754-2018*

Received 25.09.2018. Accepted 22.10.2018.

Keywords:
word-for-word translation, Italian language, loan translation, interlingual interference, translation errors, Russian as a foreign language

Abstract: The present study features speech errors Italian students make in translation as the most complex form of speech activity. The examined speech errors were made by both students at the Higher School of Translation and budding traslators. The low quality of technical translation and the large number of translation errors determined the scope of the present research: to draw the scientists' attention to the problem in question, to generalize the translation practice, and to work out recommendations on preventing translation errors. The research employed general scientific methods (generalization, analysis, synthesis) and empirical research methods. The author puts forward some possible causes of error making, e.g. interlingual and cross-language interference, loan translations, etc. The author gives examples of the most typical student errors, indicates the specific reasons behind them, and offers recommendations for error prevention. The results of this study can be used for training and practical purposes. The author comes to the conclusion that it is impossible not to make errors due to the fact that the students cannot overcome interference while in their native linguistic environment. However, it is quite possible to reduce the number of errors. The article is composed of three parts. The introduction specifies the aims and tasks of the work. The main body of the article introduces some specific examples of student errors. In the conclusion, the author sums up recommendations for effective work in the learning process.

For citation: Kobzeva O. V. Narushenie norm literaturnogo iazyka pri perevode (uroven′ iazykovoi kompetentsii B1-C1) [Violation of Linguistic Norms in Translation in B1-C1 Students]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 211–222. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-211-222

References

1. Markina N. A., Romanova S. V. *Russkii iazyk dlia delovogo obshcheniia* [The Russian language for business communication]. Moscow: Russkii iazyk. Kursy, 2013, 264.

2. Rozental D. E. *Russkii iazyk. Spravochnik-praktikum: Upravlenie v russkom iazyke. Prakticheskaia stilistika* [The Russian language. Handbook-workshop: Management in Russian. Practical style]. Moscow: Oniks; Mir i Obrazovanie, 2009, 752.

3. Rozental D. E. *Universal'nyi spravochnik po russkomu iazyku. Orfografiia. Punktuatsiia. Prakticheskaia stilistika* [Universal guide to the Russian language. Spelling. Punctuation. Practical style]. Moscow: Mir i obrazovanie, 2016, 704.

4. Budil′tseva M. B., Novikova N. S., Pugachem I. A., Serova L. K. *Kul'tura russkoi rechi* [The culture of the Russian language]. Moscow: Russkii iazyk. Kursy, 2012, 232.

5. Torop P. *Total'nyi perevod* [Total translation]. Tallinn: Tartu University Press, 1995, 220.

6. Kobzeva O. V. *Impariamo a tradurre in russo (B2-C1). Stile giornalistico*. Pisa, Arnus: Edizioni il Campano, 2016, 137.

7. Kobzeva O. V. *Impariamo a tradurre in russo (B1)*. Pisa, Arnus: Edizioni il Campano, 2016, 144.

8. Rozova O. G., Lysakova I. P., Khrymova M. B., Kanskii A. Iu., Ostovich E. N., Martinovich G. A., Fedorova N. A. *Prakticheskaia stilistika russkogo iazyka. Dlia uchashchikhsia s nerodnym russkim iazykom* [Practical style of the Russian language. For non-native Russian speakers]. Moscow: Russkii iazyk. Kursy, 2007, 168.

9. Solganik G. Y., Droniaeva T. S. *Stilistika i kul'tura rechi russkogo iazyka* [Stylistics and speech culture of the Russian language]. 6th ed. Moscow: Akademiia, 2012, 256.

10. Fedorov A. V. *Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): dlia institutov i fakul'tetov inostr. iazykov* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems): for institutes and faculties of foreigners. languages]. 5th ed. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul′tet SPbGU; Moscow: Filologiia Tri, 2002, 416.

УДК 81'243:378.147

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРУЖКИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ТЕОРИИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ОТКЛИКА ПРИ ОБУЧЕНИИ ЭКСТЕНСИВНОМУ ЧТЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ВУЗЕ

Инна Н. Кошелева [a, @, ID]

[a] *Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской федерации, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76*
[@] *ipozdnysheva@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-6392-580X*

Поступила в редакцию 17.05.2018. Принята к печати 10.07.2018.

Ключевые слова:
экстенсивное чтение, теория читательского отклика, литературный кружок, студентоцентрированный подход, совместное обучение

Аннотация: Обучение экстенсивному чтению в вузе имеет большой потенциал для развития лингвистических, мыслительных и творческих навыков студентов. Охватывая содержание того или иного произведения, обучаемые расширяют свой словарный запас, увеличивают арсенал грамматических конструкций. При этом литературные тексты часто содержат спектр социальных, морально-этических проблем и характеризуются конфликтами различного рода. Их осознание и понимание происходят благодаря интерпретации литературного материала и зависят от жизненного опыта и установок, культурных и моральных ценностей читателей. В связи с этим актуальной можно считать теорию читательского отклика, которая рассматривает чтение как транзакцию (взаимодействие) читателя и текста, т.е. смысл не просто раз и навсегда заложен автором, а будет истолковываться всегда по-разному несколькими читателями. Соответственно, не существует единственно правильной интерпретации определенного произведения. Предметом данного исследования является проблема обучения экстенсивному чтению на английском языке в вузе с привлечением теории читательского отклика. Цель статьи – представить постулаты этой теории, обосновывая эффективность ее применения, и описать принципы работы литературного кружка как частного примера данной научной парадигмы. Методологическую базу проведенного исследования составляют коммуникативный подход к обучению английскому языку, метод коммуникативных заданий, принципы студентоцентрированного подхода в условиях совместного обучения. Показано, что работа литературных кружков осуществляется в группе, где каждый студент выполняет свою роль, и через совместное обсуждение выявляются разные уровни понимания литературного текста. Результаты исследования могут представлять интерес для преподавателей иностранного языка, а также для специалистов, занимающихся прикладными вопросами методики обучения экстенсивному чтению. В заключение делаются выводы о том, что литературные кружки благотворно влияют как на создание мотивации у студентов к экстенсивному чтению, так и на повышение эффективности обучения английскому языку в вузе.

Для цитирования: Кошелева И. Н. Литературные кружки как средство реализации теории читательского отклика при обучении экстенсивному чтению на английском языке в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 223–231. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-223-231

Введение

Существует распространенное мнение о том, что для усовершенствования знания иностранного языка самый лучший способ – уехать в страну, где на нем говорят, и пожить там. Следующим по своей актуальности может считаться утверждение о том, что нужно читать в большом объеме книги на иностранном языке, т.е. уделять внимание экстенсивному чтению [1, p. 68]. Последнее представляет обучающемуся возможность «погружаться» в разнообразные контексты, наблюдать употребление грамматических структур, расширять словарный запас, знакомиться с различными культурами, тем самым расширяя свой кругозор. Чтение студентами различных литературных произведений способствует формированию навыков понимания себя и мира вокруг них. Более того, после прочтения первых нескольких книг на иностранном языке большинство могут читать быстрее и легче понимать содержание.

В связи с вышеприведенными преимуществами экстенсивного чтения в процессе овладения иностранным языком становится очевидной необходимость проведения занятий, где уделяется достаточно времени определенному произведению с последующим анализом – дискуссией по главам или отрывкам. Часто (но необязательно) само чтение происходит внеаудиторно, а обсуждение – в классе. Поскольку литературные тексты нередко содержат социальные дилеммы и пронизаны различного рода конфликтами, то их прочтение требует личного отклика читателей, что подразумевает привнесение ими своего мировоззрения и культурно-социального багажа в трактовку того или иного произведения. В данном случае читатели-студенты имеют дело с активным, аналитическим, наводящим на размышления чтением. Формирование мощных навыков интерпретации связано с осознанием этих факторов, а также с тем, что первоначальное восприятие текста подвержено влиянию сравнения своих взглядов на ту или иную проблему со взглядами остальных, что в свою очередь способствует развитию разносторонних интерпретационных возможностей. Продемонстрируем преимущество применения литературных кружков по сравнению с традиционным подходом к обучению экстенсивному чтению.

Часто занятия по данному аспекту проходят в рамках работы по специально составленному пособию. Так, студентам предлагается ответить на вопросы к главе (главам) или рассказу, сделать парафраз или объяснить несущие смысловую нагрузку отрывки произведения; определить то, что автор имел в виду, вводя тот или иной образ, описание; найти в тексте соответствующие эквиваленты русским словам или фразам; дать комментарий к тем или иным страноведческим реалиям. В противоположность этому практика организации литературных кружков с присвоением определенных ролей каждому участнику создает новую платформу для обучения экстенсивному чтению, где студенты берут на себя ответственность за определенное задание (роль), обсуждая содержание литературного произведения. И тем самым они создают новые смыслы его прочтения, опираясь на различные точки зрения, развивают навыки совместного обучения. Следовательно, обсуждение, построенное на заданиях, подготовленных самими обучаемыми, вносит разнообразие в ход работы, основанной только на учебном пособии. Вопросы на понимание часто носят не просто информативный характер, а затрагивают отношение читателя к определенной проблеме. Таким образом, подобная беседа обогащает студентов как интеллектуально, так и духовно, избавляет их от навязанных общепринятых взглядов и развивает эстетические чувства.

Эти положения и определяют научную новизну настоящего исследования. Цель статьи – представить теорию читательского отклика, описать работу литературного кружка как частного примера реализации данной парадигмы. Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи: 1) дать краткий обзор исследований, предпринятых как отечественными, так и зарубежными учеными в области экстенсивного чтения и уточнить понятие этого рецептивного вида речевой деятельности; 2) изложить подходы, в рамках которых выполнена настоящая работа; 3) раскрыть сущность теории читательского отклика и описать преимущества ее использования в учебном процессе; 4) привести пример реализации указанной теории посредством создания литературного кружка и описания принципов его функционирования. Для решения задач дадим краткий обзор теоретических представлений о данном виде чтения.

Теоретические аспекты изучения экстенсивного чтения

В сфере интересов отечественных исследователей находятся такие моменты изучения экстенсивного чтения, как организация самого процесса, акцент на самостоятельную работу студентов, автономию обучаемых [2–5], повышение мотивации студентов к изучению иностранного языка посредством данного вида рецептивной деятельности [6] и обучение интерпретации художественного текста на основе теории читательского отклика [7]. Под *экстенсивным чтением* в данном случае понимается вид учебного чтения, который предполагает умение читать значительные по объему тексты с общим охватом содержания. Внимание при этом сосредоточено на содержании текста, а не на его форме, а синтез преобладает над анализом. Важное значение при экстенсивном чтении имеет смысловая догадка, с помощью которой преодолеваются трудности понимания смысла текста. Этот вид чтения рекомендуется для самостоятельной работы обучающихся с текстом с последующим контролем преподавателем на классных занятиях [8, с. 353]. Стоит отметить, что некоторые ученые используют термин *домашнее чтение* (внеаудиторное чтение), подразумевающий форму организации внеаудиторной учебной работы, при которой обучаемый читает рекомендованный или самостоятельно отобранный текст (тексты) во внеаудиторное время (дома). Контроль за чтением осуществляется на занятии или во внеаудиторное время [8, с. 66].

В трудах зарубежных ученых по данной тематике особо отмечается тенденция к студентоцентрированному подходу к обучению экстенсивному чтению, где мотивация считается существенной составляющей в успешном прохождении данного курса. Такая позиция предполагает предоставление обучающимся большего контроля над своей учебой, свободный выбор книг для чтения, совместное обучение

и изменение роли преподавателя. Последний часто выступает в роли фасилитатора при групповых обсуждениях, а также стремится к повышению своего читательского уровня и часто читает при студентах, подавая им тем самым пример [9–13]. Вместе с тем при анализе методической литературы преподавателю не так просто найти определение экстенсивному чтению, которое охватывало бы все существенные элементы этого понятия, поскольку оно зависит от содержания конкретного исследования. Но большинство дефиниций этого рецептивного вида речевой деятельности содержат по крайней мере три важных элемента: количество прочитанного материала, фокус на значении прочитанного и общем понимании, более быстрый темп чтения.

П. Каррелл и Дж. Карсон предлагают определение, куда включены три вышеперечисленных элемента: быстрое прочтение больших объемов материала или длительное чтение целых книг с целью общего понимания, ориентированного, как правило, на значение литературного произведения, а не на языковое оформление [14, p. 49–50]. Для других исследователей важен уровень сложности материала для чтения. Так, В. Грейб и Ф. Столлер считают экстенсивное чтение процессом, в котором обучающиеся читают большое количество материала, соответствующего их языковому уровню [15, p. 286]. Немаловажным параметром в обучении экстенсивному чтению можно считать и его продолжительность. Поскольку эффект от данного вида чтения не является мгновенным, от обучаемых требуется вложение существенного количества времени в данный процесс. В среднем на это может уйти от полугода до года или даже больше. В своем исследовании С. Крашен пришел к выводу о том, что эффект от экстенсивного чтения с большой долей вероятности будет сильнее и наиболее продолжительным, когда студенты уделяют внимание чтению на протяжении всего года [16]. Эта точка зрения поддерживается результатами метаанализа экстенсивного чтения, проведенного Т. Наканиши, согласно которым продолжительное чтение в больших объемах производит более устойчивый эффект [17]. В. Грейб утверждает, что экстенсивное чтение на постоянной основе в течение долгого времени приводит к лучшему пониманию содержания того или иного литературного материала, а также улучшает и другие языковые навыки [18, p. 328]. Поскольку положительное влияние экстенсивного чтения на изучение языка проявляется только после продолжительного периода времени, мотивация приобретает ключевое значение. Так, специалист в области изучения мотивации к чтению С. Мори включает ее в свое определение, полагая, что если обучаемые не читают интересные увлекательные материалы, удовлетворяющие их мотивационные потребности, вскоре им станет скучно и они перестанут читать. По мнению С. Мори, чтение на иностранном языке требует развития когнитивных и лингвистических навыков, и мотивация является необходимым условием данного процесса [19, p. 129].

Согласно вышеизложенным фактам можно заключить, что *экстенсивное чтение* – это чтение в течение продолжительного периода времени обучающимися иностранному языку больших объемов мотивирующих и занимательных текстов (это могут быть как газетные и журнальные статьи, так и онлайн-публикации, но в данной статье речь идет именно о литературных произведениях), которые соответствуют их языковому уровню. Оно происходит с достаточной скоростью и ставит своей целью общее понимание содержания. Вместе с этим данный вид чтения может использоваться в дополнение к интенсивному чтению. И стратегии, используемые в последнем (выведение значения слова из контекста, краткое изложение литературного материала, сопоставление прочитанного с жизненным опытом студентов, их интересами), могут применяться обучаемыми при прохождении курса экстенсивного чтения.

Методология исследования

Для четкой организации таких занятий, проводящихся в увлекательной, живой, плодотворной и свободной от стресса обстановке, важно опираться на положения наиболее актуальных и эффективных подходов и методов в преподавании иностранных языков. Таким образом, в настоящем исследовании мы используем следующую методологическую базу. Поскольку одной из важных целей экстенсивного чтения по праву считается достижение свободного владения иностранным языком, то построение учебного процесса, в основе которого лежит создание литературного кружка, соответствует принципам *коммуникативного подхода* к преподаванию неродного языка. Литературный кружок предполагает образование дискуссионной группы, где происходит естественное и плодотворное взаимодействие студентов путем обсуждения смысла прочитанного, уточнения, а иногда и исправления в трактовке определенных моментов с использованием коммуникативных стратегий.

Кроме того, данная форма организации учебной деятельности соотносится с положениями *метода коммуникативных заданий*. В частности, введение языкового материала, подходящего языковому уровню студентов, обеспечивается за счет прочтения текста произведения и взаимодействия обучаемых во время дискуссии. Обратная связь, ожидаемая после высказывания с выбором тех или иных лингвистических средств, может даваться как самими обучающимися, так и сочетаться с общими комментариями преподавателя по выполнению определенного задания. Более того, литературные

кружки создают условия для мотивированного чтения и последующего рассмотрения вопросов содержательного и интерпретационного характера. Большая степень вовлеченности студентов в процесс создания самих заданий для обсуждения, возможность дополнять ответы других или прояснять свою позицию в том или ином вопросе, выстраивать свое отношение к тексту под влиянием чужих взглядов, аргументированно не соглашаться с высказываемыми точками зрения позволяют нам говорить о реализации *студентоцентрированного подхода* в условиях *совместного обучения*. Помимо этого, сама идея литературного кружка соотносится с теорией читательского отклика Л. Розенблатт. Остановимся подробнее на ее основных положениях.

Теория читательского отклика Л. Розенблатт

В противоположность рассмотрению чтения как процесса восприятия только тех идей, которые были заложены автором, Л. Розенблатт выдвинула тезис о том, что чтение – это слияние текста и читателя [20]. Так, смысл порождается читающим при его взаимодействии с текстом под влиянием его (ее) жизненного опыта, типа личности, мировоззрения. Согласно этой точке зрения, читатели играют активную роль в построении смысла. Другим важным аспектом этой теории является то, что в зависимости от читательских установок чтение может быть *эфферентным*, нацеленным на извлечение определенных знаний, информации из текста, и *эстетическим* – на «проживание» событий, описанных в произведении на основе эмоциональных и чувственных ассоциаций. Оба вида чтения важны при восприятии любого текста. Но когда читатель имеет дело с художественной литературой, то эстетическое чтение превалирует над эфферентным. В этом случае он оценивает книжных героев, опираясь на личностный смысл действительности, свой опыт и чувства. Также это называют чтением для удовольствия и развлечения. Оно позволяет читающим сфокусироваться на «проживании» опыта, который они получают в процессе *транзакции* (взаимодействия) с литературным текстом [21, p. 24]. Н. Кэролайдс развивает эту мысль, считая, что транзакция имеет важное значение в выражении отношений *читатель – текст*. Под транзакцией понимается ситуация взаимного влияния, т. е. читатель и текст оказывают действие друг на друга, определяют характер такого соприкосновения [22, p. 5]. Подход к обучению экстенсивному чтению с позиции данной теории помогает преподавателю вовлекать студентов в осмысленное прочтение того или иного литературного произведения с последующим обсуждением, дающим не только одну правильную интерпретацию книги (ее отрывка или главы), а их разнообразие. К тому же это дает обучающимся возможность развивать навыки критического мышления, выявлять разные слои смысла при трактовке произведения. Такая организация учебного процесса смещает вектор подачи информации от прямой трансляции мыслей и идей преподавателя к обучаемым к построению смысла текста самими студентами.

Далее рассмотрим литературный кружок как частный пример реализации теории читательского отклика.

Принципы работы литературного кружка

Американский специалист Х. Дэниелс, тщательно исследовавший проблему организации литературных кружков, дает им следующее описание: это небольшие дискуссионные группы, созданные с той целью, чтобы ее участники читали одно и то же литературное произведение и делились своими интерпретациями прочитанного. Поставленная цель достигается посредством распределения между членами группы различных ролей или же определенных заданий, сфокусированных на раскрытии смысла текста. Встреча групп происходит на регулярной основе. Вклад участников в обсуждение зависит в значительной степени от того, как они подготовили свою роль [23, p. 2]. Литературные кружки не только служат мощным средством вовлечения обучаемых в процесс экстенсивного чтения, но и являются по своей сущности совместной деятельностью студентов, способствующей развитию учебной автономии. При этом ключевыми моментами являются нижеперечисленные:

1) студенты сами выбирают материалы для чтения;

2) небольшие временные группы образуются на основе выбора книги;

3) разные группы читают разные книги;

4) группы встречаются на постоянной основе, по заранее спланированному расписанию;

5) студенты записывают или делают графические записи для управления как процессом чтения, так и дискуссии;

6) дискуссионные темы заявляются обучаемыми;

7) встречи направлены на открытый, естественный разговор о книгах, где приветствуются связи содержания прочитанного с личным опытом участников, отклонения от темы, вопросы, требующие развернутого ответа;

8) преподаватель выступает в роли фасилитатора, а не участника группы, т. е. больше поддерживает коммуникацию, делает ее успешной, следит за соблюдением правил проведения беседы;

9) оценивание осуществляется при помощи наблюдения преподавателем за работой студентов и их взаимных комментариев о результатах обсуждения;

10) создание атмосферы игры, отличающейся доброжелательностью и увлекательностью;

11) по прочтению книги студенты делятся со своими одногруппниками впечатлениями, и затем образуются новые группы в зависимости от новых читательских предпочтений [23, p. 18].

Практическое применение концепции литературных кружков часто требует внесения важных изменений в представленную версию организации. Так, в основном это касается пунктов 1–3 и 11. Вполне оправдана точка зрения М. Фёрра на принятие решения преподавателем какую книгу читать. Он обосновывает такой выбор тем, что для изучающих иностранный язык суть успешно организованного литературного кружка заключается в том, чтобы дать им возможность участвовать в реалистичных, полноценных обсуждениях литературного текста. Преподавателю же проще подыскать «правильный» материал, который способствовал бы свободному чтению и дискуссии [24]. Однако признавая за обучающим определенные основания для выбора той или иной книги в соответствии с языковым уровнем студентов, мы считаем, что все же читательская мотивация только выиграла бы от того, если бы студенты выбрали книгу сами. На наш взгляд, одним из выходов из сложившейся ситуации может быть предоставление выбора из двух-трех книг, предложенных преподавателем.

Соответственно, и пункт, касающийся создания самих групп, подвержен изменению. Как правило, небольшую группу студентов до 8 человек не имеет смысла делить, нужно рассматривать ее как одно объединение обучаемых, читающих одну и ту же книгу. И по ее завершению они могут подготовить финальное обсуждение прочитанного.

Принцип распределения ролей несет большое значение для проведения дискуссии и создает условия для дальнейшего развития лингвистических компетенций по мере того, как обучающиеся продвигаются к более полному пониманию текста. На основе работ М. Фёрра и Х. Дэниелса можно выделить основные роли: *дискуссионный лидер* (отвечает за составление необычных вопросов, требующих развернутого ответа), *комментатор* (отвечает за краткое содержание прочитанного материала), *мастер слова* (ответственный за подбор оригинальных слов и выражений с подачей их в контексте и определением), *комментатор увлекательных эпизодов, посредник* (отвечает за проведение параллелей между героями, событиями произведения и реальной жизнью), *культурный посредник* (отвечает за культурные сходства и отличия литературного материала с культурой обучаемых), *художественный оформитель* (отвечает за графическое представление значимых эпизодов, сцен из книги). Обратимся к конкретному примеру, показывающему, как эти роли могут быть адаптированы к определенному литературному произведению.

Пример создания литературного кружка на основе романа А. Кристи *Why didn't they ask Evans?*

Студентам, обучающимся по направлению подготовки *Менеджмент в области управления внешнеэкономической деятельностью*, и чье владение английским языком определяется как B1–B2 по шкале Совета Европы, было предложено на выбор две книги: *Dead cert* Дика Фрэнсиса и *Why didn't they ask Evans*? Агаты Кристи. Обучаемые предпочли вторую книгу, поскольку несколько человек являются поклонниками творчества этой писательницы, а остальными была поддержана их инициатива. Группа состояла из семи человек. Соответственно, каждому досталась своя роль. Некоторые из них были видоизменены и отличались от представленных выше. Также нами были введены новые роли, поскольку, на наш взгляд, они более актуальны для интерпретации данного произведения. Опишем их и дадим краткий комментарий:

− дискуссионный лидер (готовит как минимум 8 нетривиальных вопросов, побуждающих к дискуссии);

− культурный посредник (отвечает за поиск культурных реалий и представление информации о них; так, в романе описана классовая система Великобритании 30-х гг. прошлого века, упоминаются частные автомобили дорогих марок, расследование, ведущееся коронером, англиканская церковь, Эванс как самая распространенная фамилии в Уэльсе);

− графический оформитель (схематически представляет этапы развития событий или дает описание места или части образа героев в наброске или карикатурной форме и просит остальных догадаться, о чем эта сцена, и только потом дает свои пояснения);

− комментатор увлекательных эпизодов (представляет несколько эпизодов, несущих смысловую нагрузку, и просит участников прокомментировать их, но в конце применяет стратегию *Save the last word for me,* давая свою интерпретацию);

− лицо, ставящее условия (предлагает несколько ситуаций участникам, выдвигая условия, например, *What if you were character A in situation B, what would you do?*);

− составитель списка героев (ведет список героев, начинает его, дополняет или удаляет персонажей, которые больше не появляются в повествовании; прослеживает развитие их образов);

− мастер слова (выбирает как минимум 10 слов и выражений, описывая контекст их употребления, и составляет упражнение на нахождение соответствия между самими словами / выражениями и их определениями).

Обсуждение результатов исследования

При организации литературного кружка на основе вышеперечисленных ролей происходит формирование важных, на наш взгляд, компетенций.

1. *Коммуникативная компетенция.* В процессе обсуждения литературного произведения студентам приходится активировать знание лексических единиц, грамотно строить предложения, логично оформлять высказывания. При обсуждении вопросов участники группы учатся слушать друг друга и корректно, уважительно реагировать на комментарии своих одногруппников.

2. *Аналитическая компетенция.* На занятиях обучаемые должны подвергать анализу прочитанный материал, делать определенные выводы на основе полученной информации, систематизировать ее, критически оценивать действия героев и эпизоды, играющие важную роль, интерпретировать ключевые моменты произведения, опираясь на свою систему ценностей.

3. *Социокультурная компетенция.* При знакомстве с тем или иным произведением читающие имеют возможность обогащаться лингвострановедческими знаниями, встречать в тексте лексические единицы с национально-культурной семантикой, анализировать художественное произведение в культурологическом аспекте, проводить сравнение между родной культурой и культурой, описанной автором.

4. *Исследовательская компетенция.* Выполнение заданий, входящих в ту или иную роль, подразумевает поиск информации, знакомство с литературой критического характера, умение пользоваться словарями, производить отбор лексических единиц, необходимых для обсуждения романа по главам.

5. *Информационная компетенция.* Связана с предыдущей, поскольку в ней существенную роль играет умение самостоятельно отбирать и анализировать необходимую информацию (например отрывки для комментариев), преобразовывать и представлять ее участникам группы при помощи информационных технологий. При подготовке своих ролей студенты часто создают презентации, поскольку это помогает наглядно передать содержание задания, что позволяет эффективно работать остальным студентам.

Таким образом, часть из вышеперечисленных компетенций составляют основу так называемых гибких навыков (*soft skills*) – умение общаться, аналитически и критически мыслить, решать поставленные задачи, взаимодействовать с участниками группы на основе уважительного, корректного отношения друг к другу. Эти личностные качества, позволяющие действенно и гармонично выстраивать отношения с другими людьми, являются крайне важными в будущей профессии студентов.

Во время работы с детективным романом *Why didn't they ask Evans*? было проведено в общей сложности тринадцать встреч литературного кружка, на двенадцати из которых обсуждались главы романа: по три главы на каждую встречу, а на тринадцатой проводилось заключительное обсуждение произведения. Оно было построено на обмене общими впечатлениями, описаниях образов понравившихся героев, определении правдоподобности и неправдоподобности фактов, представленных в книге. За время функционирования литературного кружка студенты менялись ролями, и у них была возможность с разных ракурсов подойти к интерпретации текста.

Эффективность работы студентов в литературном кружке оценивалась при помощи анонимного анкетирования в конце семестра. Так, обучаемым предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. How did the literature circle influence your motivation for reading the book?
2. Of what educational value is the literature circle for you?
3. How did it help you to understand another culture?
4. Is it a good stimulus for language acquisition?
5. Did it help you to develop your critical thinking?
6. Did you like having your own role in the discussion? Which roles did you like best?
7. Did you feel like you were reevaluating the literary text?
8. Did the literature circle encourage you to talk about your feelings and opinions?
9. Did it help you to enhance your communication skills?
10. Did you like the teacher's role as a facilitator?

На основе ответов на эти вопросы были сформулированы выводы о действенности литературных кружков при обучении экстенсивному чтению. Данный вид работы повышает мотивацию к чтению, студенты внимательно читают каждую главу, обдумывая значимость действия героев, сцен, развитие персонажей. Литературный кружок был единодушно признан нестандартной формой работы, поскольку студенты получили бóльшую свободу в подготовке собственных материалов, отвечали самостоятельно за каждый вид работы, имели возможность взаимного исправления ошибок, что положительно сказывалось на общей атмосфере занятий.

Заключение

В заключение стоит отметить, что создание литературных кружков как формы организации обучения экстенсивному чтению оказывает благоприятное влияние, прежде всего, на мотивацию студентов, их увлеченность и заинтересованность в чтении литературных произведений. Описанный вид работы дает простор для творчества, поскольку от обучаемых требуется порождение своих собственных мыслей о прочитанном, создает атмосферу доброжелательности и терпимости по отношению друг к другу, снижает уровень стресса на занятии и помогает студентам выработать навыки совместного обучения. Это обусловлено тем, что преподаватель выступает в роли

фасилитатора, отвечающего за успешное проведение коммуникации, соблюдение правил общения, очередности в высказывании мнений и дающего необходимые комментарии и отзывы на работу студентов. При выполнении заданий обучающиеся несут бóльшую ответственность за свой вклад в обсуждение, они имеют выбор в создании своих вопросов, комментариев, высказываний своих взглядов и точек зрения, что соответствует принципам студентоцентрированного подхода в образовании и стимулирует учебную автономию. Более того, литературные кружки – надежный способ интеграции чтения, говорения и аудирования. Таким образом, данный вид учебной деятельности позволяет не только вырабатывать полезную привычку к чтению, но и повышать эффективность обучения английскому языку в вузе.

Литература

1. Nuttall C. Teaching reading skills in a foreign language (Practical language teaching). London: Heinemann educational books, 1982. 233 p.

2. Ачкасова Н. Н. Важность использования в вузе экстенсивного чтения на иностранном языке // Аксиология иноязычного образования: сборник научных трудов участников V Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. Вып. 3. С. 315–322.

3. Жиркова О. П. Методика проведения экстенсивного домашнего чтения произведений художественной литературы при обучении немецкому языку студентов второй языковой специальности педагогического вуза: дис. … канд. пед. наук. Владимир, 2004. 131 с.

4. Борщева В. В. Организация программы экстенсивного чтения как механизм развития учебной автономии учащихся в процессе изучения иностранного языка // Rhema. Рема. 2015. №1. С. 96–100.

5. Константинова Н. А. Домашнее чтение как одна из форм самостоятельной работы студентов при изучении немецкого языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 224–227.

6. Романов П. С. Экстенсивное чтение в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе (к постановке проблемы) // Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе: сборник трудов по материалам II Междунар. науч.-практ. конф. М.: Научный консультант, 2015. С. 126–149.

7. Стул Т. Г. Обучение чтению и пониманию иноязычного художественного текста как активный творческий процесс // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2017. № 38. С. 70–77.

8. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.

9. Day R., Bassett J., Bowler B., Parminter S., Bullard N., Furr M., Prentice N., Mahmood M., Stewart D., Robb T. Bringing extensive reading into the classroom. Oxford: Oxford university press, 2011. 112 p.

10. Jacobs G., Farrell T. Teachers sourcebook for extensive reading. Charlotte, NC: Information age publishing, 2012. 126 p.

11. Jacobs G. M. Reading alone together: enhancing extensive reading via student-student cooperation in second language instruction. 2000. 16 p. Режим доступа: https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED444377.pdf (дата обращения: 14.05.2018).

12. Krashen S. Free voluntary reading. Santa Barbara: Libraries unlimited, 2011. 104 p.

13. Jacobs G., Renandya W. Making extensive reading even more student centered // Indonesian journal of applied linguistics. 2015. Vol. 4. № 2. P. 102–112. DOI: http://dx.doi.org/10.17509/ijal.v4i2.691

14. Carrell P. L., Carson J. G. Extensive and intensive reading in an EAP setting // English for specific purposes. 1997. Vol. 16. Iss. 1. P. 47–60.

15. Grabe W., Stoller F. Teaching and researching: reading (applied linguistics in action). London, N. Y.: Routledge, 2011. 344 p.

16. Krashen S. The power of reading: insights from the research. Portsmouth, NH: Heinemann, 2004. 199 p.

17. Nakanishi T. A meta-analysis of extensive reading research // Tesol Quarterly. 2015. Vol. 49. Iss. 1. P. 6–37. DOI: https://doi.org/10.1002/tesq.157.

18. Grabe W. Reading in a second language: moving from theory to practice (Cambridge applied linguistics). Cambridge: Cambridge university press, 2008. 484 p.

19. Mori S. If you build it, they will come: from a "Field of dreams" to a more realistic view of extensive reading in an EFL context // Reading in a foreign language. 2015. Vol. 27. № 1. P. 129–135.

20. Rosenblatt L. Literature as exploration. N. Y.: The modern language association of America, 1995. 341 p.

21. Rosenblatt L. The reader, the text, the poem: the transactional theory of the literary work. Carbondale: Southern Illinois university press, 1978. 196 p.

22. Karolides N. Reader response in secondary and college classrooms. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum associates, 2000. 374 p.

23. Daniels H. Literature circles: voice and choice in book clubs and reading groups. Portland, Maine: Stenhouse publishers, 2002. 272 p.

24. Furr M. Literature circles for the EFL classrooms // Proceedings of the 2003 TESOL Arabia Conference. TESOL Arabia: Dubai, UAE, 2004. Режим доступа: http://www.eflliteraturecircles.com/litcirclesforEFL.pdf (дата обращения: 14.05.2018).

LITERATURE CIRCLES AS AN IMPLEMENTATION OF READER-RESPONSE THEORY WHEN TEACHING EXTENSIVE READING IN ENGLISH AT UNIVERSITY

Inna N. Kosheleva [a, @, ID]

[a] *Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russia, 119454*
[@] *ipozdnysheva@yandex.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0001-6392-580X*

Received 17.05.2018. Accepted 10.07.2018.

Keywords: extensive reading, reader-response theory, literature circle, student-centered approach, collaborative learning

Abstract: Teaching extensive reading at university has a great potential for development of students' linguistic, thinking and creative skills. By embracing the content of a literary work, students expand their vocabulary and increase their range of grammar constructions. Moreover, literary texts comprise a variety of social, ethical, and moral problems and are characterized by diverse conflicts. They are perceived and understood as a result of literary interpretation and are determined by readers' life experience and attitudes, cultural and moral standards. Therefore, the reader-response theory becomes relevant, since it considers reading as transaction (interaction) between the reader and the text. It means that the meaning wasn't put by the author once and for all but will be interpreted differently by different readers. Accordingly, there is no single interpretation of the literary work. The subject of this research is the problem of teaching extensive reading in English at university through reader-response theory. The purpose of the article is to introduce the premises of this theory making a case for its application and to describe the operation of literature circles as a local example of the scientific paradigm. The methodological framework of the research was comprised of the communicative approach to teaching English, task-based language learning and the student-centered approach in collaborative learning. The article demonstrates that literature circles function in a group where each student performs his/her role and different layers of understanding of the literary text are uncovered through peer discussion. The results of the research can be of interest to both foreign language teachers and to the researchers dealing with applied methodology of teaching literature. The author proves that literature circles favorably affect both students' motivation for extensive reading and English teaching enhancement at university.

For citation: Kosheleva I. N. Literaturnye kruzhki kak sredstvo realizatsii teorii chitatel′skogo otklika pri obuchenii ekstensivnomu chteniiu na angliiskom iazyke v vuze [Literature Circles as an Implementation of Reader-Response Theory when Teaching Extensive Reading in English at University]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 223–231. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-223-231

References

1. Nuttall C. *Teaching reading skills in a foreign language (Practical language teaching)*. London: Heinemann educational books, 1982, 233.

2. Achkasova N. N. Vazhnost' ispolzovaniia v vuze ekstensivnogo chteniia na inostrannom iazyke [The importance of extensive reading in ELT with the university students]. *Aksiologiia inoiazychnogo obrazovaniia: sbornik nauchnykh trudov uchastnikov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Axiology of foreign language education: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf.]. Moscow, Iss. 3 (2016): 315–322.

3. Zhirkova O. P. *Metodika provedeniia ekstensivnogo domashnego chteniia proizvedenii khudozhestvennoi literatury pri obuchenii nemetskomu iazyku studentov vtoroi iazykovoi spetsial'nosti pedagogicheskogo vuza.* Diss. kand. ped. nauk [Methodology of conducting extensive reading of fictional works when teaching German to the students of the second language major in a teacher's training university. Cand. Ped. Sci. Diss]. Vladimir, 2004, 131.

4. Borshcheva V. V. Organizatsiia programmy ekstensivnogo chteniia kak mekhanizm razvitiia uchebnoi avtonomii uchashchikhsia v protsesse izucheniia inostrannogo iazyka [Organization of extensive reading program as a mechanism of developing learner autonomy in the course of learning a foreign language]. *Rema = Rhema*, no. 1 (2015): 96–100.

5. Konstantinova N. A. Domashnee chtenie kak odna iz form samostoiatel'noi raboty studentov pri izuchenii nemetskogo iazyka [Home reading as a form of self-study of German]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2-2 (2013): 224–227.

6. Romanov P. S. Ekstensivnoe chtenie v obuchenii inostrannym iazykam v neiazykovom vuze (k postanovke problemy) [Extensive reading in foreign language teaching in a non-linguistic university (an outline of the problem)]. *Innovatsionnye i prioritetnye napravleniia v prepodavanii gumanitarnykh distsiplin v tekhnicheskom vuze: sbornik trudov po materialam II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative and priority areas in Humanities teaching in a technical university: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf.]. Moscow: Nauchnyi konsul′tant, 2015: 126–149.

7. Stul T. G. Obuchenie chteniiu i ponimaniiu inoiazychnogo khudozhestvennogo teksta kak aktivnyi tvorcheskii protsess [Teaching reading and understanding a fictional text as an active creative process]. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty = Foreign languages: linguistic and methodological aspects*, no. 38 (2017): 70–77.

8. Azimov E. G., Shchukin A. N. *Novyi slovar′ metodicheskikh terminov i poniatii (teoriia i praktika obucheniia iazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (the theory and practice of language teaching)]. Moscow: Ikar, 2009, 448.

9. Day R., Bassett J., Bowler B., Parminter S., Bullard N., Furr M., Prentice N., Mahmood M., Stewart D., Robb T. *Bringing extensive reading into the classroom*. Oxford: Oxford university press, 2011, 112.

10. Jacobs G., Farrell T. *Teachers sourcebook for extensive reading.* Charlotte, NC: Information age publishing, 2012, 126.

11. Jacobs G. M. *Reading alone together: enhancing extensive reading via student-student cooperation in second language instruction*. 2000, 16. Available at: https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED444377.pdf (accessed 14.05.2018).

12. Krashen S. *Free voluntary reading*. Santa Barbara: Libraries unlimited, 2011, 104.

13. Jacobs G., Renandya W. Making extensive reading even more student centered. *Indonesian journal of applied linguistics*, 4, no. 2 (2015): 102–112. DOI: http://dx.doi.org/10.17509/ijal.v4i2.691

14. Carrell P. L., Carson J. G. Extensive and intensive reading in an EAP setting. *English for specific purposes*, 16, Iss. 1 (1997): 47–60.

15. Grabe W., Stoller F. *Teaching and researching: reading (applied linguistics in action)*. London, N. Y.: Routledge, 2011, 344.

16. Krashen S. *The power of reading: insights from the research*. Portsmouth, NH: Heinemann, 2004, 199.

17. Nakanishi T. A meta-analysis of extensive reading research. *Tesol Quarterly,* 49, Iss. 1 (2015): 6–37. DOI: https://doi.org/10.1002/tesq.157

18. Grabe W. R*eading in a second language: moving from theory to practice (Cambridge applied linguistics)*. Cambridge: Cambridge university press, 2008, 484.

19. Mori S. If you build it, they will come: from a "Field of dreams" to a more realistic view of extensive reading in an EFL context. *Reading in a foreign language*, 27, no. 1 (2015): 129–135.

20. Rosenblatt L. *Literature as explorati*on. N. Y.: The modern language association of America, 1995, 341.

21. Rosenblatt L. *The reader, the text, the poem: the transactional theory of the literary work*. Carbondale: Southern Illinois university press, 1978, 196.

22. Karolides N. *Reader response in secondary and college classrooms.* Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum associates, 2000, 374.

23. Daniels H. *Literature circles: voice and choice in book clubs and reading groups*. Portland, Maine: Stenhouse publishers, 2002, 272.

24. Furr M. *Literature circles for the EFL classrooms. Proceedings of the 2003 TESOL Arabia Conference.* TESOL Arabia: Dubai, UAE, 2004. Available at: http://www.eflliteraturecircles.com/litcirclesforEFL.pdf (accessed 14.05.2018).

УДК [811.161:811.161.2]’373.7

МИКРОКОНЦЕПТ «ДЕТИ / ДІТИ» В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ПАРЕМИЙНЫХ КАРТИНАХ МИРА

Жанна В. Марфина [a, @, ID]

[a] *Луганский национальный аграрный университет, 91008, Украина, г. Луганск, городок ЛНАУ, 1*
[@] *lib_lnpu@ukr.net*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-5838-4954*

Поступила в редакцию 31.07.2018. Принята к печати 06.11.2018.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, паремийная картина мира, лингвокультурный концепт, макроконцепт, микроконцепт, паремия, концептуальная цепочка

Аннотация: Статья посвящена апробации приемов интроспективного концептуально-семантического анализа на материале паремий с антропономенами *дети, дитя / діти, діточки, дитина* и их вторичными номинациями. Проанализированы лингвокультурологические соответствия между составляющими украинской и русской паремийных картин мира, которые охватывают наиболее полно контексты, вербализирующие ценностно-аксиологическое наполнение микроконцепта *дети / діти*. Сопоставительное исследование паремийных картин мира близкородственных языков (украинского и русского) с микроконцептом *дети / діти* показало преобладание сходных концептуально-семантических направлений оценки роли и родителей, и детей, и их окружения, места проживания, отражающихся на взаимоотношениях в семьях. Также установлены отличия в лексико-грамматическом оформлении одной и той же сентенции. Сделан вывод о том, что в украинских паремиях с микроконцептом *діти* более отчетлив этнокультурный компонент, установлена апелляция к предметным ассоциатам тех или иных концептов-проводников, в русских же паремиях отмечено преобладание сакральных ассоциатов. Зафиксированы несоответствия в вербализации тех или иных моральных принципов, которые постулируют паремийные контексты близкородственных языков. И русская, и украинская паремийные картины мира концептуализировали базовые оппозиционные (*свои – чужие, малые – большие, свои – родные*) и неоппозиционные смыслы для отражения ценностно-аксиологического содержания микроконцепта *дети / діти*. Основные фреймы таких паремий – воспитание, любовь, защита, поддержка, материальное и духовное состояние рода.

Для цитирования: Марфина Ж. В. Микроконцепт «дети / діти» в русской и украинской паремийных картинах мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 232–239. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-232-239

Введение

В последние годы объектом исследования лингвистов все чаще становятся языковые явления в проекции на их национально-культурную специфику. Такой интерес обусловлен тем, что лингвокультурологический подход (наряду с антропоцентрическим) стал одним из определяющих в современном языкознании. В работах Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, В. А. Масловой, И. А. Стернина, В. В. Жайворонка, В. И. Кононенко, Е. А. Селивановой, Л. В. Савченко, А. П. Бабушкина, Г. Г. Слышкина и др. рассматривались вопросы взаимодействия языка и культуры, в частности такие значимые понятия, как *код культуры, концептуальная картина мира, национальная языковая картина мира, концепт, лингвокультурный концепт, фразеологизм, паремия, паремийная картина мира*.

Национально-культурная специфика языка наиболее ярко выражена во фразеологических единицах, в паремиях, которые отражают мировоззрение народа, сформированное общественной практикой, в результате которой происходит бесконечный процесс отмирания одних образцов и рождение других, их шлифовка, расширение или сужение [1, с. 54–55].

В языковой картине мира определенного этноса проявляют себя ключевые (ценностные, знаковые) концепты (комплексы, компоненты), отражающие систему важнейших ценностей его традиционной культуры. К таким относятся названия родства, которые, по мнению исследователей, являются значимым сегментом фиксации эволюционных изменений в структуре общественных отношений [2, с. 3]. Ценностно отмеченные концепты автоматически становятся предметом лингвокультурологического анализа. Кроме общесемантических, лингвокогнитивных

подходов в выделении и описании концептов и их вербализаторов как знаков культуры, он предполагает элементы сопоставления с такими же знаками других национальных культур с целью установления общих и отличительных особенностей как семантики языковых знаков в целом, так и их ассоциативно-образных качеств. Важен и учет культурно-исторического знания, которое охватывает та или иная лингвокультурема (например, фразеологизм / паремия), концепт как зеркало национальной бытовой культуры, его лексемы-вербализаторы (среди них – антропономены) [3; 4].

Среди концептуально-знаковых образований, имеющих основополагающее значение для формирования антропокультуры, в том числе повседневной, наиболее важны названия родства. Они являются неотъемлемым компонентом любой национальной языковой картины мира. Тем не менее обрядовый, фольклорный, паремийный фонды сохраняют определенные отличительные особенности их смыслового наполнения, связь с конкретными сценариями повседневного общения / поведения.

Важно отметить, что особенность названий родства в том, что их структурно-семантическая парадигма является, наверное, одной из наиболее сложных, многоуровневых. Эти единицы вербализируют одно из семантических направлений реализации в языке концепта *родство*, который воплощается, в частности, в субконцепте *названия родства*. Последний же дальше разворачивается в ряде макро- и микроконцептов. Макроуровнем является дифференциация названий родства по линиям (прямая (например, *отец – сын*) и боковая (например, *дядя – племянник*)) и степеням (например, *внуки и деды / бабушки*) родства. Микроуровень вербализации представлен системой соответствующих антропономенов (*мать, отец, дочь, сын, брат, сестра* и т. д.). Паремийная картина мира сохраняет высказывания, в которых вербализируется микроконцепт *дети* (система соответствующих антропономенов), ассоциативно и семантически связанный с другими макро- и микроконцептами – *семья, родители, мать, отец*.

Отметим, что паремийные контексты с антропономеном *дети* неоднократно становились объектом лингвистических исследований. Особенности концептуализации ребенка в украинской языковой картине мира исследовали В. В. Калько, О. В. Величанова, Н. В. Левун. Сопоставительный лингвокультурологический анализ семантической структуры паремий с компонентом *дети* в различных языках представлен в работах З. Г. Коцюбы, В. А. Рожиной, Т. А. Шайхуллина, М. Николич, А. Рахман, С. М. Адамовой, А. С. Головина, З. А. Биктагировой и др. В отдельных работах микроконцепт *дети* рассматривается как структурный компонент концепта *семья*. Исследователи единодушно высказывают мысль о том, что данный концепт является ключевым для всех языков, однако его актуализация в каждом из них «характеризуется особым восприятием окружающей действительности, обусловленным особенностями этнокультуры и ценностными установками народов – носителей языков» [5].

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что вне поля зрения исследователей остаются лингвокультурологические соответствия между составляющими украинской и русской паремийных картин мира, которые охватывают наиболее полно контексты, вербализирующие ценностно-аксиологическое наполнение микроконцепта *дети / діти*. Широта используемых источников определяет, с одной стороны, устремление к наиболее полному представлению процессов, направлений концептуализации роли и места детей в повседневной национальной культуре, а с другой – к поиску новых приемов описания лингвокультурного концепта.

Цель данной статьи – продемонстрировать использование предложенного интроспективного концептуально-семантического анализа на материале паремий с антропономеном *дети / діти*.

Предметом исследования является сопоставительное исследование паремийных картин мира близкородственных языков (украинского и русского) с микроконцептом *дети / діти*.

Основу методологии исследования составили приемы интроспективной методики анализа вербализации концепта, в частности моделирование семантической структуры высказывания. Методика такого моделирования состоит в том, что в концептуальных цепочках / парах (триадах), выделяемых в процессе анализа с помощью фигурных скобок ({}), устанавливается конфигурация моделей семантизации указанных единиц, которые обобщают сценарии повседневно-бытовой коммуникации. Выделенные с помощью квадратных скобок ([]) микроконцепты обозначивают семантические секторы, пересекающиеся в анализируемых высказываниях. Между ними с помощью нескольких графических инструментов отмечается направление семантического взаимодействия, сопоставления семантики каждого из знаков (↔, ←; →; =; ≠): микроконцептов родства между собой, а также макро- и микроконцептов с семой *родство* с другими элементами концептуальной (языковой) картины мира, ср.: представление архетипической семантики микроконцепта *мать* в концептуальной цепочке {[***мать ↔ питательница, кормилица***]}. Косыми линиями (//) и курсивом отделены элементы семантики (конкретно-предметной, оценочно-квалификационной) того или иного высказывания, указывающие на конкретную семантическую корреляцию между микроконцептами в структуре определенных паремий. По нашему мнению, предложенная

методика позволяет установить типы семантического сопоставления названий родства с другими понятиями, а также выделить фреймы, обусловленные ходом познавательно-отождествляющего процесса представления знания о роде и семье в народной культуре.

Такой концептуальный подход к анализу фразеологизмов / паремий уже нашел свое обоснование. Так, например, известный фразеолог В. Д. Ужченко считает, что «каждый фразеологизм как единство его инварианта и вариантов глубоко врастает в экстралингвистическую почву, пронизывая многочисленными корнями-формулами и одновременно реализуя, вербализируя структуры сознания, представляя своеобразную матрицу некоторой стойкой стандартной ситуации» [6, с. 50]. Важным аргументом для моделирования во фразеологии является и мысль А. Е. Гусевой, которая отмечает, что, определяя фразеологические вербализаторы концепта, во внимание важно брать как семантический характер компонентов фразеологизмов / паремий, так и общий ситуативный смысл всего стойкого словосочетания [7, с. 44]. Поскольку фразеологизмы / паремии являются предикативными структурами, то учитывается, что характеристика того или иного микроконцепта (названия родства) должна сопровождаться установлением его отношений с другими компонентами ситуации, а шире – со всем текстом. Определяющим является и учет роли предиката как главного носителя пропозиционного знания и приписывание ему роли фактора описывания имени концепта.

Составление концептуальных цепочек как интроспективный анализ вербализаций того или иного микроконцепта проецируется на компонентный анализ в его классическом представлении, поскольку он предполагает «не исследование семантики слова, а выделение существенных характеристик объектов реальной действительности, средством номинации которых служит то или иное слово» [8, с. 21].

Материалом для нашего исследования послужили паремийные контексты с антропонимом *дети / діти* (*дитя / дитина*), зафиксированные в лексикографических источниках[1].

Моделирование концептуальных цепочек с ключевой номинацией *дети*

Понятийное содержание выделенного микроконцепта необходимо, прежде всего, дифференцировать в связи с универсальной концептуальной оппозицией «свой – чужой». В связи с этим отмечаем паремии с оценочно-квалификационнными эпитетами *мой, свій*, которые подчеркивают интимизацию отношений родителей и детей (концептуальная цепочка {[**родители**] → */мой / мій, свой / свій/* → [**дети, дитя / діти**]}): *Своё дитя завсегда жалко; Каждый своего дитёнка жалкует; Моя дитина кому, як постіл, а мені, як сокіл; Хто не хоче свої діти пестити, той буде сучині любити*.

Преимущественно в русских паремиях, меньше – в украинских, любимые дети ассоциированы с котенком (котятами), такой же заботой, которую могли наблюдать и фиксировать в обыденном сознании поколения родителей (концептуальная цепочка {[**родители**] = [**коты**] ↔ [**дети**] = [**котята**]}): *У кошки котя – тоже дитя; У княгини княжа, у кошки котя – тоже дитя; Не умела родить ребенка, корми серого котенка; Ласкай и кота, коли не родила дитя; У матери дитя, а у кошки – котя: всякому мило свое дитя // У матері – дитя, у кішки – котя: всякому миле своє дитя; І задрипана ворона своїм дітям оборона*.

В паремиях с концептуальной цепочкой {[**родители**] → */чужой / чужий/* → [**дети / діти**]} сильнее выражено противопоставление *чужой (людей, соседские) – свой (мой, наш)*. В них также актуализированы оценочные компоненты вторичных номинаций детей *чортенята – паненята, волченок*, ср.: ***Чужие** детки шалят – нам смех, а **свои** – горе; **Чужие** дети невидко растут; **Чужа** дитина не **своя**; У **людей** діти – любо поглядіти; З **чужого чортеняти** не зробиш **свого дитяти**; **Сусідські діти** найпустіші; Як **чужі діти** пустують, то на сміх, а як **наші** – то горе; **Чужі** діти скоро ростуть, а **свої** помалу; **Чужі діти** череваті й головаті і багато їдять, а вже **мої** – як **паненята***.

Паремии утверждают, что чужое дитя – объект и особого внимания, и ограниченного влияния, поэтому и наложено определенное табу вмешательства в его воспитание ({[**родители**] ≠ */защита, забота/* ≠ [*чужие / чужі* **дети / діти**]}): ***Чужими детьми** не торгуй; **Чужими детками** не загадывай* [*распоряжаться*]; *Не пекися (Не плачь, Не сохни, Не тужи), мати, о **чужом дитяти***.

И в украинской, и в русской паремийных картинах мира представлены высказывания с сакрализированной оценкой наличия детей в семье, что позволяет выделить концептуальную триаду {[**Бог**] → [**родители**] → */защита = подушка/* → [**дети**]}. Во-первых, появление ребенка в семье характеризуется как подарок свыше: *Дети – благодать божья; Дети – благословение Божие; Не мы на детей находим (походим), а они на нас; Дай, боже, дитину, а корова буде*. Поэтому рождение детей параллельно сопровождается и помощью в их обеспечении: *На деток Господь подаст*. Сакральность рождения ребенка объясняет и «охранительную» функцию

[1] Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. В 2-х т. СПб.: Литера: Виан, 1997. Т. 1. 416 с.; Мокиенко В. М. Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа групп, 2010. 1026 с.; Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. Н. Новгород: Рус. Купец: Братья славяне, 1996. 620 с.; Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / упоряд. М. М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1990. 522 с.

Бога и ангелов в жизни ребенка. В связи с этим в некоторых паремийных текстах актуализирован предметный концепт *подушка*. Его семантика включает символическое значение *смягчение ударов судьбы, защита от невзгод, неприятностей, трудностей* и т. д.: ***Як дитина падає, то Бог подушку підстилає**, а як наш брат упаде, то або на драбину, або на граблі; **Дитина паде – ангел подушку кладе**, старий паде – дідько камінь кладе*. Во-вторых, процесс воспитания (кормления) также сопровождается осознанием благословения свыше ({[**Бог-Отец**] → [**отец**] →/*защита*/ →[**дети**]}): *Дай, **Бог**, кому **детей родить**, тому их и **вскормить**!* В-третьих, подчеркивается роль отца как прообраза Бога в семье, на земле и, таким образом, его определяющей роли в воспитании детей: ***Бог** до людей, а **отец** до детей; Как **Бог** до людей, так **отец** до детей.*

Дети в семьях восточных славян всегда были залогом счастья (*У кого дети, у того счастье*): {[**родители**] → /*счастье, покой, радость*/ → [**дети / діти**]. Бездетную семью считали неполноценной, безрадостной, несчастливой (***Без дітей** тихо, та на старості лихо; Хата з дітьми – базар, **без дітей** – **пустка***), а также семьей, которая несет на себе грехи рода: *У кого детей нет – во грехе живут*. Однако ряд паремий утверждает и обратное: *Кто детей не имеет, тот и **горестей** не знает // Хто дітей не має, той **горя** не знає [той **біди** не знає / той **лиха** не знає / той **клопоту** не знає]; Без детей гребты не знаешь; У кого нет детей, нет и заботы; У кого детки, у того и заботы; У кого детки, у того [и] бедки; Детки – родителям кручина.*

Противоречивость качества жизни супружеской пары с детьми и без детей отражает ряд пословиц, построенных по модели противопоставления определенных оценок: *С детьми дом – **содом**, без детей – **могила**; Без детей **сухота**, с детьми **грохота (перхота)**; Без детей **тоскливо**, с детьми **водливо** (вередливо); Без детей – **горе**, а с детьми – **вдвое**; **Горе** з дітьми, горе й **без дітей**; **Біда** з дітьми, а ще гірше без них; Без дітей **скучно**, а з дітьми **душно**; Без дітей **тихо**, та на старості **лихо***.

Одной из составляющих характеристики семьи с детьми является архетипическая концептуальная пара {[**дети / діти**] ↔ [**изба / хата**]}: ***Изба** детьми весела; Журись **хатою**, за дітей не журись – будуть*. Характерно, что русская паремия утверждает веселье в избе с детьми, а украинская предостерегает от лишнего беспокойства о детях, ибо хорошая, добротная хата – основа потомства в роду.

Для отца и матери дети – опора в жизни, его смысл, источник вдохновения и силы: *Якби усі діти спали, то не були б батьки старі, а якби дітки не мерли, то вони б і небо підперли.*

Паремийная картина мира отражает и биологическое сходство родителей и детей (либо отсутствие такового) (концептуальная цепочка {[**родители**] ↔ /*внешнее и психологическое сходство*/ ↔ [**дети / діти**]}): *Какая мати, такие и дети; Не мы на детей походим, а они на нас; Дети походят почитай всегда на родителей; Дети удаются (бывают) в родителей; Одна матка, да не одни детки; Дети от одной матери и те разные бывают / Однієї матері діти, та не однакі; Одного тата діти, а не одної натури; Який талан мамці, такий і дитятці.*

Самую многочисленную группу пословиц с номинацией *дети / діти* составляют те, в которых раскрыт социокультурный опыт и особенности этнопедагогики. Концептуальная цепочка {[**родители**] → /*воспитание*/ → [**дети / діти**]} имеет несколько способов воплощения. Центральное место занимают обобщающие паремии с ключевым словом *воспитание* (и его контекстуальными синонимами): *Детей воспитать – не курочек пересчитать; Не устанешь, детей рожаючи, устанешь на место сажаючи*. Такие выражения подчеркивают сложность процесса воспитания.

Сему *воспитание* несут в себе и паремии с концептуальной цепочкой {[**родители**] → /*любить, учить, поливать / растить, гнуть, глядеть*/ → [**дети / діти**]}, построенной на народно-песенном метафорическом механизме отождествления процесса воспитания-учения с выращиванием растений (цветов, деревьев). В таких пословицах-поучениях содержатся предостережения, наставления: *Умел дитя родить, умей и научить; Учи дитя, пока поперёк лавочки лежит, а как вдоль лавочки ляжет, тогда поздно учить; Детей учи без людей!; Люби дитину, як душу, а тряси її як грушу; Діти, як квіти: поливай – рости будуть; Вчи жінку без дітей, а дітей без людей; Учи дітей не страшкою, а ласкою; Гни дерево, поки молоде, учи дітей, поки малі; Ой, мамо, мамо, не пести так сина, бо бідна на світі пещена дитина; Діти – не поле засіяне, їх треба доглядати; Від доброго дерева добрий і пагінець, од доброго батька піде і добра дитина; Детей учить – не лясы точить; Детей растить – не мёд хлебать.* Аналогичные паремии – это своеобразные дидактические сентенции, формулы, пожелания.

Пословицы-предостережения относительно сформированных черт характера детей отражают смысл, воплощаемый в оппозиционных концептуальных цепочках: {[**родители**] → /*добрый / добрий, хороший*/ → [**дети / діти**]} и {[**родители**] → /*худой, плохой, злой / злий, ледачий*/ → [**дети / діти**]}. Противопоставленными являются актуальные атрибуты *добрый / добрий, хороший – худой, плохой, злой (злий), ледачий: Детки хороши – отцу, матери венец, худы (плохи) – отцу, матери конец; Дети наши, а воля у них своя; сердце само скажет, кто кого полюбит // Добрі діти — батькам вінець, а злі діти – кінець; Добрі діти доброго слова послухають, а лихі й дрючка не бояться; Добрі діти – потіха, злії – гризота; Добрі діти їдять кашу, злії –*

серце й душу нашу; Добре дитя боїться й кива, а ледаче не боїться й кия.

Пословицы-максимы, определяющие ценностно-духовные идеалы детей, также включены в ряд паремий с семой *воспитание*. Выделены следующие ключевые идеалемы:

– **покорство, послушность**: *Покорному дитяти все кстати; Добра – то дитина: коли спить, то не плаче;*

– **трудолюбие**: *Работные дети отцу хлеб (хлеба); Родители трудолюбивы, и дети не ленивы; Счастье родителей – честность и трудолюбие детей; Трудящі діти, як комахи: скоро все рознесуть; Ледача та дитина, котрої батько не вчив;*

– **правдивость, откровенность**: *Доброе дитя скорее пролжётся; Дитина і п'яний усе правду скажуть; Діти і дурні говорять правду; Діти мають великі вуха і довгий язик; Дитина до семи літ правду каже;*

– **резвость**: *Діти – як роса, тут є, тут нема*.

Заслуживают внимания паремии, определяющие этнокультурные особенности способа воспитания ребенка, который в каждой семье индивидуален (*Що вчать дома діти, то не знають і сусіди*). Патриархальные традиции семейного воспитания отражены в паремиях, где положительно оценивается битье как воспитательный метод (концептуальная цепочка {[**родители**] → /**воспитание = битье / биття** → [**дети / діти**]; [**дети / діти**] /**не слушают**/ ← /**воспитание = битье** / **биття**/ ← [**родители**]}): *Кто отца и матери не слушает, тот послушает телячьей кожи // Не вмів слухати [Не хотів слухати] батька, слухай собачої шкури; Наказуй детей в юности – упокоят тебя в старости; Розгой в могилу ребенка не вгониш, а калачом не виманиш; Добре дитя не потребує биття; Дитина без прута не виросте; Хто не слухає вітця-матері, нехай слухає песької [баранячої] шкіри.* Однако в паремийной картине мира восточных славян встречаем контексты, отрицающие положительный результат битья: *Хто б'є дитину, той не виховує добру людину; Дитина не втікає від калача, але від бича*.

Как противоречивые квалифицируем пословицы, в которых дана оценка воли в воспитании детей: *Дай дитині волю, а собі неволю – Дитині волю не давай.* Негативно оценивается и балованье, излишнее внимание к ребенку: *Гарна мазана паляниця, а не дитина / Мазані пироги добрі, а діти не дуже.*

Этой группе паремий противопоставлены по мерам, способам воздействия на детей паремии, которые утверждают позитивную роль:

– **похвалы**: *Не вчи дитину штурханцями, хорошими слівцями; Боги й діти живуть там, де їх хвалять;*

– **игры, забавы**: *Детям не порча игрушка, а порча худая прислужка; Не доспи, не доїж, а дитину потіш; Чим би дитина не бавилася, аби не плакала*;

– **суровости, строгости родителей**: *Ой мамо, мамо, не пести так сина, бо бідна на світі пещена дитина; Дитину серцем люби, а руками гнети // Дитину сердцем люби, да в руках держи.*

– **призыва к стыду**: *Детей наказывай стыдом, а не грозою и бичом;*

– **присмотр, внимание**: *У семи нянек дитя урод (калека); У семи мамок (мамак) дитя без глаза (без глазу) // У семи няньок дитина без носа; Когда нянек много, дитя безного; Где нянек много, там дитя безного // Багато няньок – дитина без носа // Де багацько няньок, там дитя каліка [там дитя без лялька / там дитя без голови]; Двадцять няньок – дитина бита; Де багацько няньок, там дитя – каліка; Сім баб – сім рад, а дитя безпупе и пр.*

В то же время негативно оценен народный опыт потакания детям: *Кто **детям потакает**, сам **слезу утирает**.*

Процесс воспитания в паремийной картине мира отождествлен и с кормлением. Таким образом, выстраивается концептуальная цепочка {[**родители**] → /воспитание = кормление / годування/ → [*дети / діти*]}: *Детки годовать – век коротать; Кому діти родити, тому їх і кормити; Дітей годувати, як камінь глитати [свій вік коротати]; Дітей годувати – то не меду лизати.*

Украинские и русские паремии констатируют осознание ответственности за воспитание ребенка, а также то, что с его появлением в семье заканчивается беззаботная жизнь: *У кого детки, у того бедки; Соловей співа, поки дітей нема; До зубів наїсися, а до дітей наспися; Детки подросли – батьку [отца] растрясли; Були колись чорти, та бідного чоловіка діти з'їли.* В таких случаях микроконцепт *дети / діти* приобретает обобщение предыдущего опыта (опыта предыдущих поколений), выстраиваемое в пословицах-максимах с концептуальной цепочкой {[**родители**] → /*воспитание*/ → [**дети**] = /*бедность, беда, огорчение, недоедание, недосыпание*/}. Эта концептуальная цепочка воплощена в ряде ритмизированных текстов, причем таких, что имеют вариативность. Ср. русскую поговорку «*Дети, дети, да куда ж мне вас дети?*» и украинские варианты: *Діти, діти, де вас подіти?; На піч покидати та їсти не дати? [Чи на піч заганяти, чи горщик каші дати?; В трубу сховати, кілком заткати?]; Діти, діти, добре з вами вліті, а зимою хоч об комин (камінь) головою.*

В ряде пословиц утверждается мысль о том, что с годами ребенок требует больше родительских усилий и внимания. Этот смысл актуализируют вербальные компоненты *не наешься, не дают поесть, пожить, спать, дышать* и т.д. На причинно-следственную связь указывает квалификационный компонент *малые / малі* (концептуальная цепочка {[**родители**] → /*воспитание*/ → [**малые дети**] = /*бедность, тягость, беда, печаль, огорчение,*

недоедание, недосыпание, хлопоты/}: *Малые дети тяжелы на коленях, а большие – на сердце; Малые (Малыя) дети – малая печаль, большие (большия) дети – большая печаль; Детки маленьки – поесть не дадут, детки велики – пожить не дадут; Детки маленьки спать не дадут, детки велики – сам не уснёшь; Малые дети съесть, а большие зносить не дадут; Малые дети не дают спать, а большие дышать (жить) // Малими були діти, то спати матері не давали, а виросли, то й дихать не дають; Малые детки – малые бедки, а большие детки – большие бедки; Маленькие детки – маленькие бедки, а вырастут велики – будут большие; Малые детки – мало хлопот, а возмужают, так отца испужают // Малі діти – малий клопіт, а підростуть буде великий; С малыми детками горе, с большими вдвое // Малі діти – мала жура, великі діти – велика жура; Мала дитина – не виспишся, більша дитина – не наїсися, велика дитина – не уберешся; Мала дитина відбирає родичам сон, більша – хліб від рота, а велика і сорочку з тіла здере; Мала дитина – мала болячка; Більшають діти – більшають і клопоти.* На фоне негативной аксиологии таких паремий зафиксированы единичные высказывания, в которых малое дитя сравнивают с чем-либо сладким – медом, пряником: ***Малы деточки*** *в дому* ***как пряженики в меду***.

Зафиксированные в лексикографических источниках пословицы-максимы с концептуальной цепочкой {[**родители**] → /*воспитание*/ → [**дети / діти**]} построены по лексико-грамматическим схемам:

– **растить, учить, родить N ≠ легкое дело**: *Детей растить – осинку глотать; Детей учить – не лясы точить; Детки родить – не ветки сломить / не веток ломить; Легко дитя нажить, нелегко вырастить; Не строй семь церквей, пристрой семь детей;*

– **N = положительное или отрицательное явление**: *Детки – кручина родительская; Детки – радость, дети – горе / Діти – радість, діти і горе; Діти такий народ, що вдень мовчить, а вночі кричить; Діти – чужа користь; Діти – найбільша радість в світі;*

– **N что / как / як / мов…**: *Ребенок, что поросенок; Ребенок, что жеребенок; Ребенок – что воск: что хочеш, то и сольешь / Дитятка – что тесто: как замесил, так и выросло; Дитина, як година: і добра, і погана; Дитина, як дзеркало: все відбиває; Дитина, мов порожня посудина, що в неї влиєш, те й держить.*

Метонимические образы *сердца, головы* традиционно выступают словесными символами душевных переживаний родителей, образ *рук* – символом больших физических усилий, образ *запаски* – материального жизнеобеспечения: *Малое дитя* ***грудь*** *сосёт, а большое –* ***сердце****; Одно дитя –* ***руки*** *нет, два дитя – двух нет; Своё детище – вар у* ***сердца****; Малые дети едят хлеб, а большие –* ***сердце*** *// Малі діти деруть* ***запаску****, а великі –* ***серце****; Маленькие дети –* ***руки*** *болят, большие дети –* ***серце****; Детки –* ***на руках*** *железо [мозоль / сети]; Малі діти їдять хліб, а великі –* ***серце****; Від малих дітей болить* ***голова****, а від великих –* ***серце***. Этнический субкод восточнославянской культуры сохраняет устойчивые положительные ассоциации ребенка с кладом, цветами, ягодками (плодами, звездочками на небе): *Дети – цветы жизни; У кого детки – у того и ягодки // У кого дітки, у того і ягідки; Малые детишки – что часты звездочки: и светят, и радуют в тёмную ноченьку // Малі діточки – то ясні зірочки: і світять, і радують у темну нічку; На що ліпший клад, коли в дітках лад.*

Ассоциатом материнского сопереживания является плач ребенка. Органичность такого психофизиологического состояния также сохраняет паремийная картина мира: *Дитя плачет, а у матери сердце болит / Дитина плаче, а в матері серце болить; Дитя не заплачет – мать не услышит / Дитина не плаче, мати не чує; Дитя не плачет – мать не разумеет (не слышит); Дитина плаче, а матері боляче.*

Паремийные тексты отражают один из самых важных аспектов отношений детей и родителей – любовь. Поэтому в определенных пословицах представлена концептуальная цепочка {[**родители**] → /*воспитание = любовь*/ → [**дети**]}: *Всякому свое дитя милее; Цілуй, чоловіче, дитину дома, бо на ярмарку не дотовпишся; Рад би до дітей небо прихилити та зорями вкрити.* В паремиях отражено отношение и к нежеланным детям: они обделены вниманием, их не жалеют, бьют: ***Нелюбимое дитя*** *больше ест;* ***Нелюбимое дитя*** *– хлыстом, любимое – дубьём; На* ***нелюбое детище*** *и смерти нет.*

Жизнь с детьми в любви в украинских и русских паремийных текстах ассоциируется с радостью (концептуальная цепочка {[**родители**] ← /*радость*/ → [**дети**]}): *Те счастливцы дети, от коих отец и мать радость может иметь.* Среди русских пословиц находим тексты, в которых подчеркнуто сравнение ребенка со сладким медом (концептуальная цепочка {[**родители**] ← /*сладость*/ → [**дети**]}): *Мед сладок, ребенок еще слаще*. Объединяющей для украинской и русской паремийных картин мира является концептуальная цепочка {[**отец**, **мать**] → [/*милое, родное* / **дитя**] /*сопливое, кривое, худое, горбатое*/}: *Своё дитя и сопливо мило; Свое дитя и горбато, да мило; Дитя хоть и криво (хило), а (да) отцу-матери (отцу, матери, отцу с матерью) мило // Дитина хоч кривенька, та батькові-матері миленьке; Хоть дитя худое, а отцу да матери родное // Хоч дитя худеньке, та батькові й матері рідненьке; Дитя худенько, а отцу, матери (отцу-матери) миленько.*

Паремийный фонд сохраняет и обобщения, связанные с возрастными изменениями родителей и детей –

старостью, мудростью одних и взрослением других: ***Детки поспели – батьки** без веку **доспели**; **Детки поспеют – и родителей доспеют.***

Микроконцепт *дети / діти* объединяет и паремии, в которых можно структурировать концептуальную цепочку {[**родители**] ← /*смерть*/ → [**дети**]}. С одной стороны, это тексты, в которых утверждается, что детей рожают не для старости (*На рать сена не накосишься, на смерть детей не нарожаешься*), с другой стороны, это тексты, в которых оценивается степень горя от смерти родителей или их детей: *Легше камінь глодати [Ліпше терня збирати], як дітей ховати; Коли умре дитина, то мала долина, а як умре мама, то велика яма [то мала щербина, а як тато або мама, то велика яма]*.

Количество детей в семье также аксиологически отмечено в микроконцепте *дети / діти*. У восточных славян семья традиционно была многодетной. Однако сложные социальные и экономические условия, в которых развивался институт семьи, сформировали у определенной части общества неоднозначное восприятие многодетности. Например, зафиксированы паремии, в которых представлено ироническое предостережение относительно роста количества детей в семье, например: *Обложився дітьми, як дід онучами*. Позитивную оценку получило качество много (*У кого детей **много**, тот не забыт от Бога; Одна дитина – не дитина, а **много** дітей – радість; Діток **повен** куток; Подумай жениться, то й діток **копиця***), причем вербализируется и осознание того, что количество детей только ухудшает материальное благосостояние в семье, но не забирает ощущение радости, Божьей поддержки. Негативную оценку получило качество один, два: ***Одно** дитя – **не дитя**; А як росте **одна** дитина, то на старість **трудна** година; Як **двоє** дітей у батька, то так **як одно**: а як одно, то як ні одного.*

Украинские паремии указывают на наиболее активные периоды зачатия детей – Рождество (метонимия – *кутя*), после Успенского поста (метонимия – *жнива*): *Вони збилися з пуття: як кутя, то й дитя; Що жнива, то й дитина нова.*

Заключение

Таким образом, в украинской и русской паремийных картинах мира отмечаем преобладание сходных концептуально-семантических направлений оценки роли и родителей, и детей, и их окружения, места проживания, отражающихся на взаимоотношениях в семьях. Отличия в основном касаются лексико-грамматического оформления одной и той же мысли. По нашему мнению, в украинских паремиях с микроконцептом *діти* более отчетлив этнокультурный компонент, апелляция к предметным ассоциатам тех или иных концептов-проводников (*подушка – защита, кутя – Рождество*), в русских же паремиях – преобладание сакральных ассоциатов. Есть несоответствия в вербализации тех или иных моральных принципов. Тем не менее и русская, и украинская паремийные картины мира концептуализировали базовые оппозиционные (*свои – чужие, малые – большие, свои – родные*) и неоппозиционные смыслы для отражения ценностно-аксиологического содержания микроконцепта *дети / діти*. Основные фреймы таких паремий – воспитание, любовь, защита, поддержка, материальное и духовное состояние рода.

Литература

1. Колоїз Ж. В., Малюга Н. М., Шарманова Н. М. Українська пареміологія: навчальний посібник / под. ред. Ж. В. Колоїз. Кривий Ріг: КПІ ДВНЗ «Криворізький національний університет», 2014. 350 с.

2. Николич М. Национально-культурный компонент семантики родства-свойства в русской и сербской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2016. 17 с.

3. Кубрякова Е. С. Концепт. Концептуализация. Концептуальная система или структура // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90–95.

4. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВорГУ, 1999. 30 с.

5. Адамова С. М. Паремии, репрезентирующие межличностные отношения в семье (на материале лакского и английкого языков) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 465. Режим доступа: https://science-education.ru/pdf/2014/4/209.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

6. Ужченко В. Д. Когнітивні аспекти вивчення фразеології в Україні // Лінгвістика. 2008. № 2. С. 46–59.

7. Гусева А. Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2008. 44 с.

8. Гинзбург Н. С. Значение слова и методика компонентного анализа // Иностранные языки в школе. 1978. № 5. С. 21–26.

MICROCONCEPT "CHILDREN" IN RUSSIAN AND UKRAINIAN PAROEMIOLOGICAL WORLD IMAGES

Zhanna V. Marfina [a, @, ID]

[a] *Lugansk National Agrarian University, 1, LNAU town, Lugansk, Ukraine, 91008*
[@] *lib_lnpu@ukr.net*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-5838-4954*

Received 31.07.2018. Accepted 06.11.2018.

Keywords: conceptual worldimage, paroemiological worldimage, linguocultural concept, macroconcept, microconcept, paroemia, conceptual chain

Abstract: The article features an introspective conceptual and semantic analysis of paroemias with anthroponyms *children / child* and their secondary nominations. The analysis included linguoculturological correspondence between the components of Ukrainian and Russian paroemiological world images, verbalizing the value-axiological content of the microconcept *children*. A comparative study of the paroemiological world images in closely related languages (Ukrainian and Russian) in the microconcept *children* showed the predominance of similar conceptual and semantic directions for assessing the role of both parents and children and their environment, places of residence, reflection on family relationships, and differences in lexico-grammatical formalization. In Ukrainian paroemia with the microconcept *children*, the ethno-cultural component proved to be more obvious; an appeal to the subject associates of certain conductor concepts was revealed. In Russian, sacred associates predominated. There were inconsistencies in the verbalization of those or other moral principles that postulate paremean contexts of closely related languages. Both Russian and Ukrainian paroemiological world images conceptualized the basic oppositional (*us – them, small – large, natives – relatives*) and non-oppositional meaning to reflect the value-axiological content of the microconcept *children*. The basic frames of such paroemias are education, love, protection, support, and material and spiritual state of the family.

For citation: Marfina Zh. V. Mikrokontsept "deti / diti" v russkoi i ukrainskoi paremiinykh kartinakh mira [Microconcept "Children" in Russian and Ukrainian Paroemiological World Images]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 232–239. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-232-239

References

1. Kolois Zh. V., Maliuga N. M., Sharmanova N. M. *Ukrains'ka paremiologiia: Navchal'nii posibnik* [Ukranian paramiology. Study guide]. Ed. Kolois Zh. V. Krivoi Rog: KPI DVNZ "Krivoroz'skii natsional'nii universitet", 2014, 350.

2. Nikolich M. *Natsionalno-kulturnii component semantiki rodstva-svoistva v russkoi i serbskoi iazikovoi kartine mira.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [National-cultural component of semantics of cognation-property in the Russian and Serbian language world images. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2016, 17.

3. Kubriakova E. S. Kontsept. Kontseptualizatsiia. Kontseptual′naia sistema ili struktura [Concept Conceptualization. Conceptual system or structure]. *Kratkii slovar' kognitivnikh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Ed. Kubriakova E. S. Moscow: Izd-vo MGU, 1996, 90–95.

4. Popova Z. D., Sternin I. A. *Poniatie "kontsept" v lingvisticheskikh issledovaniiakh* [The term "concept" in linguistic research]. Voronezh: VorGU, 1999, 30.

5. Adamova S. M. Paremii, reprezentiruiushchie mezhlichnostnye otnosheniia v sem′e (na materiale lakskogo i angliikogo iazykov) [Paroemias presenting interpersonal relationships in the family in the Lak and English languages]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 4 (2014): 465. Available at: https://science-education.ru/pdf/2014/4/209.pdf (accessed 15.01.2018).

6. Uzhchenko V. D. Kognitivnie aspekti izucheniia frazeologii v Ukraine [Cognitive aspects of studying phraseology in Ukraine]. *Lingvistika = Linguistic*, no. 2 (2008): 46–59.

7. Guseva A. E. *Osnovi lingvokognitivnogo modelirovaniia leksiko-frazeologicheskikh polei v nemetskom i russkom iazikakh.* Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Fundamentals of linguocognitive modeling of lexico-phraseological fields in German and Russian languages. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2008, 44.

8. Ginzburg N. S. Znachenie slova i metodika komponentnogo analiza [The meaning of the word and the methodology of component analysis]. *Inostrannie iaziki v shkole = Foreign languages in school*, no. 5 (1978): 21–26.

УДК 811.112.2`36

О СТАТУСЕ АППОЗИЦИОННЫХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Светлана В. Муратова [a, @]

[a] *Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А*
[@] *lichtlana@bk.ru*

Поступила в редакцию 16.07.2018. Принята к печати 31.10.2018.

Ключевые слова: аппозиция, связанная аппозиция, свободная аппозиция, композитная аппозиция, рестриктивное определение, нерестриктивное определение, аппозиционный сдвиг, расширяющие имена

Аннотация: Объектом исследования статьи являются структуры, трактуемые многими современными лингвистами как аппозиция. Спектр таких конструкций широк и разнообразен. Выявление релевантных признаков категории аппозиции в современном немецком языке позволяет отграничить аппозиционные от смежных и сходных синтаксических образований. Главным признаком аппозиционных конструкций, наиболее полно отражающим их специфику, является идентичная денотативная соотнесённость компонентов. В структурном плане существуют две модели аппозиции – свободная и связанная. Основными критериями деления аппозиционных конструкций на свободные и связанные служат способность группы аппозитива к расширению и интонационное оформление: слитное или разделённое паузами интонирование. Обособленный вариант приложения полностью отвечает главному признаку аппозиции. Анализ структур, относимых к группе связанного приложения, с использованием метода элиминирования компонентов позволил сузить группу аппозиционных конструкций. Структурная формула связанной аппозиции (N-N в монофлективе) становится базой для формирования конструкций с отличной от аппозиции семантикой.

Для цитирования: Муратова С. В. О статусе аппозиционных структур в современном немецком языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 240–246. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-240-246

Введение

Теме аппозиции уделялось достаточно внимания в лингвистической литературе. При этом многие исследователи отмечали размытость границ приложения, что объясняется отсутствием единых критериев при определении категории аппозиции и, как следствие, появляются разные трактовки данной проблемы в лингвистике. Научная новизна представленной работы заключается в попытке оспорить статус многих структур, относимых к аппозиции, т. к. лишь немногие из них полностью отвечают ведущим релевантным признакам аппозиции – кореферентность субстантивно выраженных конституентов бинарной конструкции – и, таким образом, сузить спектр структур, трактуемых как аппозиции. Конструкции, не отвечающие полностью релевантным маркерам аппозиции, предлагается исключить из модели аппозиции и трактовать их иначе, в зависимости от их структурно-семантических особенностей.

В научной литературе существуют две основные точки зрения на грамматическую природу приложений, а именно:

1) приложение – подвид определения;

2) приложение – второстепенный член предложения, отличный от определения.

Традиционно аппозиционными считаются бинарные структуры, морфологическая принадлежность составных частей которых ограничена именами существительными или их эквивалентами, являющимися названиями одного и того же предмета, явления действительности. По степени спаянности компонентов аппозиционных структур принято различать *свободную* (обособленную) и *несвободную* (необособленную) аппозицию. Так, А. А. Шахматов вводит различение *собственно приложения*, которое «сливается с господствующим словом в одно представление» (связанное приложение), и *придаточного приложения,* которое «поддерживает наличность двух моментов в возникающем благодаря приложению сложном представлении» (свободное приложение) [1, с. 273]. При этом основными критериями деления аппозиционных конструкций на свободные и несвободные (связанные) служат следующие характеристики:

1) способность / неспособность группы аппозитива к расширению за счёт факультативных распространителей;

2) интонационное оформление: слитное интонирование в случае одной акцентной группы у связанного приложения и разделённое паузами при наличии двух акцентных групп у свободного приложения, что обусловливается семантическим взаимоотношением между элементами аппозиции. При этом обращает на себя внимание функциональная разнородность структурных единиц, причисляемых к аппозиционным:

− модели с так называемым необособленным приложением относятся к области словосочетания – *Professor Richter, die Stadt Berlin;*

− модели, содержащие обособленное приложение, представляют собой конструкции, выходящие за рамки словосочетания – Beringia, das Gebiet um die Beringstraße, blieb auch auf dem Höhenpunkt der letzten Eiszeit gletscherfrei[1];

− определённый тип сложных слов (appositional compounds) – fisherman (англ.), Prinzgemahl (нем.).

Термин *приложение* указывает и на особый характер связи между определяемым и определением на началах параллелизма (О. С. Ахманова, В. Г. Адмони, Л. Зюттерлин, Г. Пауль, Г. Штарке, Г. Дроздовский, В. Мотш). Определительные отношения, характерные для приложений, близки к предикативным и в известной степени из них вытекают, ведь в генеалогическом плане приложение, предположительно, развилось из копулятивного предложения, в котором оно выступало в роли предикатива, а определяемое существительное – подлежащего. А. А. Шахматов прямо связывал возможность для существительного выступать в определительной функции с его способностью употребляться в качестве сказуемого [1, с. 279–280]: *Max ist Student im achten Semester*. → *Max*, *Student im achten Semester*, *macht sein Praktikum in der Schule* (= приложение).

Л. Теньер отмечал, что приложение «чётко отличается, с одной стороны, от атрибутного определения, с другой – от предикатива, которые связаны по вертикали с существительным – центром субстантивного узла; связь приложения с последним идёт не по вертикали, а, напротив, по горизонтали» [2, с. 179].

Как особую, отличную от предикативной и атрибутивной, А. А. Шахматов выделял связь аппозиционную, которая возникает в результате сопоставления господствующего представления о субстанции или явлении действительности с другим представлением, по существу, однородным, но вызывающим представление о признаках, характерных для господствующего представления. Приобретение признакового характера одним из имён при их соположении ведёт, по мнению Е. С. Кубряковой, к возможности развития субстантивных значений в значения атрибутивные в атрибутивной группе и в глагольные значения в группе предикативной [3, с. 39].

Особый статус приложения подтверждают и наблюдения А. А. Потебни, из которых следует, что оно имеет сходные признаки и с простым атрибутом, и с предикативным атрибутом. С простым атрибутом приложение роднит то, что и простой атрибут, и приложение выражают готовые признаки предмета, данные до глагольного действия, и, следовательно, оба они могут быть противопоставлены предикативному атрибуту как выражению признака, вновь возникающего в результате действия в главном предложении [4]. С другой стороны, приложение, так же как и предикативный атрибут, является определением, ограниченным во времени, чего нельзя сказать о простом атрибуте. Таким образом, существенным признаком предикативного определения и приложения является их временная характеристика: приложение выражает не постоянный признак, а ограниченный во времени.

Неоднозначно решается вопрос относительно семантики, которой наделено приложение. Большинство грамматистов, рассматривая приложение как частный случай определения, считает, что оно, в отличие от других типов определения, не указывает на качество или свойство определяемого, а даёт ему другое название, часто уточняя его содержание. Это значит, что приложение может не только определять, характеризовать, но и пояснять, уточнять, а также идентифицировать главное слово.

Новые тенденции в трактовке категории аппозиции

В современных лингвистических исследованиях предлагается в качестве релевантных для приложения весьма обширный список признаков [5–8]. Как общие можно выделить следующие:

1) бинарность конструкции: выделение ведущего (*нуклеуса*) и зависимого (*сателлита*) компонентов;

2) субстантивность обоих компонентов – эти два пункта более-менее полно выполняются конструкциями обоих типов;

3) особый характер связи между компонентами аппозиционной пары на основе параллелизма, т. е. отличный от сочинения и подчинения, поскольку приложение генеалогически есть результат редукции копулятивного предложения с глаголом *sein / heißen*, поэтому отношения между компонентами в аппозиционной структуре должны напоминать отношения между подлежащим и сказуемым;

4) ведущим критерием аппозиции признаётся кореферентность её конституентов – нуклеуса и аппозитива, под которой понимается «отношение между компонентами высказывания (обычно

[1] Der Spiegel. 1997. № 3.

именными группами), которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию, т. е. имеют один и тот же референт»[2], однако условие идентичной референтной соотнесенности обоих компонентов выполняется не всеми структурами, относимыми традиционно к аппозиционным;

5) кореферентность обоих конституентов аппозиционной конструкции делает возможным их взаимозаменяемость без нарушения семантики несущего предложения, что на самом деле возможно не всегда, а только в случае выполнения группой аппозитива (приложения) функции идентификации, т. е. когда денотат, представляемый главным словом конструкции, называется приложением по-другому, ср.:

– *Thomas Mann, (=) der Autor von "Buddenbrooks", wurde zum Nobelpreisträger.*

– *Thomas Mann, (≠) der große deutsche Schriftsteller, wurde zum Nobelpreisträger.*

При строгом соблюдении последнего условия количество структур, относимых традиционно к аппозиции, значительно уменьшится, и возникнет вопрос, как трактовать обособленные конструкции с конкретизирующей или обобщающей семантикой, т. е. со значением уточнения – как усечённый вариант придаточных предложений или как-то ещё. Некоторые лингвисты подразделяют все определения в зависимости от их прагматической задачи на рестриктивные и нерестриктивные (*Seiler*, *Zifonun*). Задача рестриктивных определений состоит в спецификации (*Spezifizierung*) – отграничении и выделении объекта действительности из числа сходных того же класса. К ним относятся и так называемые связанные приложения, где непосредственно составляющие находятся друг с другом в родо-видовых отношениях. Информация в группе аппозитива является семантически необходимой, т. к. без неё смысл высказывания не всегда ясен вне контекста, ср.:

– *Der* ***Schriftsteller*** *wird ausgezeichnet*. – (Что за писатель?)

– *Der* ***Schriftsteller Böll*** *wird ausgezeichnet.*

Нерестриктивными определениями (аппозициями) предлагается именовать свободные приложения, в которых группа аппозитива отделяется от основного предложения парентетической интонацией, на письме – запятыми, тире, поскольку аппозитив представляет второй, дополнительный логический предикат. Это значит, что информация, содержащаяся в аппозитиве, является не обязательной, а лишь дополнительной, не влияющей на смысл всего высказывания. Задача таких аппозитивных групп – пояснить, охарактеризовать денотат (*Charakterisierung*). Приложения в нерестриктивном употреблении рассматриваются рядом лингвистов [9] как *собственно приложения*, поскольку считается, что только эти структуры полностью отвечают всем традиционно выделяемым релевантным признакам приложения[3]. В отличие от этих конструкций определения в рестриктивном употреблении вообще не рассматриваются как приложения, т. к. не удовлетворяют всем необходимым условиям. Считается, что отношение между компонентами так называемых связанных приложений следует скорее рассматривать как определительные, чем как аппозиционные. При порождении нерестриктивных определений, т. е. собственно приложений, должны в качестве основных соблюдаться следующие условия:

1) компоненты именной группы должны быть *кореферентны*, отсюда следует, что они не могут быть сочинёнными, поскольку одно из условий сочинения – некореферентность сочетающихся компонентов;

2) оба компонента именной группы должны выполнять одну и ту же функцию по отношению к другим членам предложения, отсюда следует отсутствие между ними отношения подчинения.

Согласно такой трактовке структуры типа *der Schriftsteller Böll* не могут быть отнесены к аппозиционным, в них один из компонентов выполняет нереферентную функцию (*der Schriftsteller*), и таким образом нарушается условие (1), и один из компонентов именной группы оказывается подчинённым другому, тем самым не выполняется условие (2). Этот момент вносит определенные сомнения в прежний статус так называемых связанных аппозиций, в которых отношения между конституентами (*нуклеус-сателлит*) не укладываются в формулу «идентификация», предполагающую равнозначность семантических объёмов обоих конституентов (НС1=НС2). Ещё одним примером конструкций данной модели могут служить следующие атрибутивные словосочетания: *der Fall Hofer*, *die Universität Leipzig*, в которых постпозитивный конституент (имя существительное) будет выполнять роль определения. Поочерёдное элиминирование компонентов словосочетания *die Universität Leipzig* ясно показывает, что второй компонент не может представлять всю структуру в плане соотнесённости с одним и тем же денотатом, что считается главным релевантным признаком аппозиции: *Die Universität* (1) *Leipzig* (2) *hat mehrere Fakultäten*.

(1) *Die Universität hat mehrere Fakultäten.* (+)

(2) ***Leipzig hat mehrere Fakultäten***. (-)

Таким образом, конструкции типа *die Universität Leipzig* и подобные ей *die Tendenz EU-Exit*, *die*

[2] Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 243.

[3] Grammatik der deutschen Sprache / Hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. Bd. 3. Berlin; N. Y.: de Gruyter, 1997. S. 1685–2569.

Perspektive Zukunft, *die Diskussion Globalisierung*, *die Krise EU*; *der Skandal Lewinsky-Clinton*, *der Kontrast Nord-Süd* [10], которые квалифицируются как аппозиции, обнаруживают особенности, не позволяющие трактовать их как структуры со связанной аппозицией. Второй компонент в этих словосочетаниях выступает в качестве постоянного отличительного признака более общего понятия (первого нуклеарного компонента), в качестве его названия. В конструкциях же так называемых связанных аппозиций один из компонентов (НС2) способствуют максимальному сужению обобщённого значения другого компонента (НС1) и наиболее точному выражению объекта реальности. Соотношение семантических объёмов компонентов в таких словосочетаниях выражается как при родо-видовых отношениях – целое-часть, то есть НС1>НС2, и функция НС2 будет больше тяготеть к определительной, а не аппозитивной.

Кроме того, сравнивая две большие группы структур, относимых к приложениям: а) обособленные и б) необособленные – выделим ещё несколько существенных отличий, ср.:

а) *Nur, Mascha,* ***der Tochter****, schien die Mutter verändert*[4].

b) *Ach, Sie sind also doch gekommen, wie nett, sagte sie und stellte ihm ihren Freund* ***Glenn Birdsell*** *vor*[5].

Для обособленной аппозиции характерна интонация парентезы и графическая выделенность (запятыми, тире) в рисунке несущего предложения, возможность выявления дополнительной, но не основной информации, сообщаемой приложением, при помощи слова *übrigens* и элиминирования всей структуры приложения без ущерба для семантики несущего предложения. Это сближает аппозитивные конструкции отчасти с парентезой. В структурном плане парентеза, как правило, предикативная конструкция, в отличие от невербальной аппозитивной вставки, которая представляет собой вторично-предикативную структуру. Кроме того, аппозитивная конструкция всегда сфокусирована на одном слове в главном предложении (а), в то время как парентеза может относиться к содержанию всего предложения в целом (b), ср.:

– Der Junge, ***(a) Bernhard Gummer****, mit wulstigem Nacken und schräg gelegtem Kopf –* ***(b) jeder bei uns kannte seinen sanften, freundlichen Schwachsinn starrte*** *auf den Karabiner* (...)[6].

Для обособленного внесения постпозиционная контактность не является обязательным структурирующим моментом. При наличии у главного слова других постпозитивных определений обособленный вариант приложения займёт в ряду постпозитивных суплементов и комплементов крайнее правое положение. Это значит, что обособленное приложение может быть и дистантным, ср.:

– Die ***Reisenden*** *in ihrem Abteil,* ***Landleute*** *und* ***Arbeiter****, boten Dobrica von ihrem Frühstück an, einen Becher Limonade, Brot und kaltes Fleisch*[7].

Кроме того, для обособленного варианта приложения обязательным требованием является его падежное согласование с нуклеарным существительным. Обособленный вариант приложения способен расширять свой объём за счёт факультативных распространителей: *Und sie fand zwei Männer,* ***Vater und Sohn****, die mit zweiundzwanzig Tonnen Rohkaffee nach München unterwegs waren (...)*[8]. → *Und sie fand zwei Männer,* ***den alten*** *Vater und* ***seinen*** *zwanzigjährigen Sohn,* (...).

Необособленное приложение, получившее название связанного (*der Professor Richter*), ведёт себя иначе, чем обособленное, свободное приложение. В плане позиционного оформления модель связанного приложения допускает только контактное положение её компонентов, другими словами, соположение компонентов, поэтому в современных грамматиках к этому типу приложения применяется термин *Juxtaposition* (от латинского *juxtapositio* – соположение, сдвиг) – *аппозиционный сдвиг*[9].

Следует отметить, что синтаксический приём номинального соположения широко используется во многих языках. Так, в аморфных языках отсутствие морфологических форм компенсируется контактным положением зависимого члена. В немецком языке этот синтаксический приём выделялся В. Г. Адмони в отличительный признак синтаксиса современного немецкого языка, когда в предложении в непосредственном соседстве друг с другом находится то, что связано грамматически и семантически [11, с. 7]. На эту особенность указывал и Х. Бринкман, подчеркивая, что языковые элементы, расположенные во временной последовательности, образуют линейное единство, не требующее – кроме параллельного (последовательного) построения – применения дополнительных грамматических средств связи. Поэтому наиболее точно отражающим суть данного явления термином

[4] Heiduczek W. Reise nach Beirut. Verfehlung / Zwei Novellen. Halle; Leipzig: Mitteldeutscher Verlag, 1986. S.66.

[5] Walser M. Brandung. Berlin; Leipzig: Aufbau-Verlag, 1986. S. 248.

[6] Lenz S. Motivsuche / Erzählungen. Berlin; Leipzig: Aufbau-Verlag, 1988. S. 37.

[7] Там же, S. 319.

[8] Там же, S. 329.

[9] Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Duden-Verlag, 1993. 1111 S.; Deutsches Universalwörterbuch / Unter der Leitung von G. Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich, 1989. 1816 S.

Х. Бринкман считал *сукцессию* (*Sukzession* – наследование, последовательность)[10]. Наряду с обязательной постпозитивной контактностью с нуклеусом другим признаком связанного приложения является его неспособность к расширению своего объёма.

Связанное приложение интонируется с главным словом слитно, как правило, с главным ударением на крайнем правом компоненте, так же как и атрибутивные субстантивные группы с постпозитивным определением. Узлом включения всего атрибутивного словосочетания в несущее предложение является только один компонент – нуклеус, ядро. Форма нуклеарного существительного не влияет на падежное оформление зависимого аппозитивного компонента – он всегда будет употребляться в «монофлективе», который формально совпадает с именительным падежом: *die Vorlesung des Professors* ***Richter*** = именительный падеж при генитивной атрибутивной группе.

Для группы связанного приложения, включающего антропонимы – имя нарицательное в качестве первого компонента, и имя собственное – в качестве второго компонента, присуща обратимость. Это значит, что синтаксические функции компонентов внутри таких конструкций могут распределяться по-разному, в зависимости от их общего грамматического оформления. Так, при наличии у первого компонента – имени нарицательного – именно ему будет отводиться роль грамматического ядра: *der Professor Richter* – ***des Professors*** *Richter*. В случае «нулевого», безартиклевого оформления всей группы, роль ведущего берёт на себя второй компонент – имя собственное: *Professor* ***Richter*** – *Professor Richters Vorlesung*.

Заключение

Существующие различия между двумя моделями словосочетаний, традиционно трактовавшихся как свободное и связанное приложения, совершенно справедливо рассматриваются современными лингвистами как сходные, но не вполне идентичные языковые явления, чем была вызвана необходимость использования терминов, более точно передающих их сущность. Лишь за обособленным вариантом таких структур закрепляется термин *аппозиция* (*Brinkmann, Weinrich, Engel, Zifonun*). При квалификации синтаксических групп как аппозиции следует, в первую очередь, опираться на самый главный признак категории *аппозиции* – кореферентность её непосредственных составляющих, что отсутствует у большинства структур, относимых многими лингвистами к так называемой *связанной аппозиции*. Под *аппозицией* мы понимаем выделенный интонационно и графически согласующийся вариант приименной субстантивной группы, а также других частей речи, способный к расширению своего объёма за счёт факультативных уточнителей, выполняющих семантическую функцию идентификации.

Структуры, трактовавшиеся до недавнего времени как *связанные приложения*, представляют собой отличные от собственно аппозиции образования. Они соотносятся с одним нераспространённым существительным, примыкают к нему постпозитивно, монофлективно (*nomen invarians*) и выполняют функцию *рестриктивных модификаторов*, т. е. определительную. Для необособленного варианта наряду с *аппозиционным соположением, сдвигом* (*Brinkmann*, *Weinrich*, *Drosdowski*) предлагается использовать термины *распространяющее, дополняющее, расширяющее имя* (*Erweiterungsnomen*)[11], *назывные словосочетания* (*die Krise EU*), *тесные экспликативные синтагмы с сопряжённым атрибутивным комплексом* (*das Treffen Putin-Trump*) [12].

Модель так называемой связанной аппозиции, а точнее её структурная формула (НС1-НС2), весьма неоднородна в семантическом плане. Она становится базой для формирования конструкций, способных передавать новое, сложное содержание в компактной форме, что делает их актуальными в свете одной из ведущих тенденций развития современного немецкого языка – языковой экономии. Результаты данной статьи могут быть использованы как материал для лекционного курса по грамматике современного немецкого языка.

Литература

1. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
2. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / под ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
3. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1978. 115 с.
4. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1–2. 536 с.
5. Фадеева Л. В. Структурно-семантическая характеристика приложения в современном немецком языке // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 221–225.
6. Пулеха И. Р. Приложение в современном английском языке. Магнитогорск: Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г. И. Носова, 2017. 127 с.

[10] Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Schwann, 1971. S. 625.

[11] Grammatik der deutschen Sprache / Hrsg. von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker. Bd. 3. Berlin; New York: de Gruyter, 1997. S. 2043.

7. Малахов А. С. Виды грамматической связи в аппозитивных сочетаниях: автореф. дис. канд. филол. наук. Владимир, 2009. 24 с.

8. Мамедов А. Н. Стилистические особенности аппозиционных конструкций в немецкоязычном рекламном предложении // Преподаватель XXI век. 2011. № 1-2. С. 309–314.

9. Seiler H. Relativsatz, Attribut und Apposition. Wiesbaden: Otto Horrassowitz,1960. 213 S.

10. Муратова С. В. Общая структурно-семантическая характеристика тесных экспликативных синтагм с сопряжённым атрибутивным комплексом в современном немецком языке // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: материалы Чтений памяти профессора А. Т. Кукушкиной. Н. Новгород, 2014. Ч. I. С. 85–96.

11. Адмони В. Г. Основные тенденции развития синтаксического строя в современном немецком языке // Иностранные языки в школе. 1970. № 5. С. 3–11.

12. Муратова С. В. Тесные экспликативные синтагмы с сопряжённым атрибутивным комплексом в современном немецком языке: дис. канд. филол. наук. Н. Новгород, 2001. 218 с.

THE STATUS OF APPOSITION STRUCTURES IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

Svetlana V. Muratova [a, @]

[a] *Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A, Minina St., Nizhny Novgorod, Russia, 603155*
[@] *lichtlana@bk.ru*

Received 16.07.2018. Accepted 31.10.2018.

Keywords: apposition, connected apposition, free apposition, appositional compounds, restrictive attribute, non-restrictive attribute, juxtaposition, expanding nouns

Abstract: The research features the structures interpreted by many modern linguists as apposition. The spectrum of such structures is wide and varied. The identification of the relevant attributes of the category of apposition in the modern German language makes it possible to differentiate apposition from adjacent and similar syntactic formations. The main feature of apposition, which reflects their specificity, is the identical denotative correlation of the components. In the structural aspect, there are two models of apposition – free and connected ones. The main criteria for dividing apposition constructions into free and associated ones are the ability of the apposition group to expand and the intonational design, i.e. a merged or punctuated intonation. A separate version of the application fully meets the main feature of the apposition. An analysis of the structures attributable to the group of the associated application made it possible to narrow the group of apposition constructions. The author used the method of component elimination. The structural formula of a bound apposition (N-N in a monoflective) became the basis for the formation of structures with a different semantics from the apposition.

For citation: Muratova S. V. O statuse appozitsionnykh struktur v sovremennom nemetskom iazyke [The Status of Apposition Structures in the Modern German Language]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 240–246. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-240-246

References

1. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo iazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1941, 620.

2. Tesniere L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [The Basics of Structural Syntax]. Ed. Gak V. G. Moscow: Progress, 1988, 656.

3. Kubriakova E. S. *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of speech in onomasiological lighting]. Moscow: Nauka, 1978, 115.

4. Potebnia A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From notes on Russian grammar]. Moscow: Uchpedgiz, vol. 1–2 (1958): 536.

5. Fadeeva L. V. Strukturno-semanticheskaia kharakteristika prilozheniia v sovremennom nemetskom iazyke [Structural-semantic characteristic of the apposition in the modern German language]. *Vestnik MGIMO Universiteta = Bulletin of MGIMO University*, no. 2 (2011): 221–225.

6. Pulekha I. R. *Prilozhenie v sovremennom angliiskom iazyke* [Apposition in modern English]. Magnitogorsk: Magnitogorskii gos. tekhnicheskii un-t im. G. I. Nosova, 2017, 127.

7. Malakhov A. S. *Vidy grammaticheskoi sviazi v appozitivnykh sochetaniiakh*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Types of grammatical connection in appositional combinations. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Vladimir, 2009, 24.

8. Mamedov A. N. Stilisticheskie osobennosti appozitsionnykh konstruktsii v nemetskoiazychnom reklamnom predlozhenii [Stylistic features of apposition structures in the German advertising sentence]. *Prepodavatel XXI vek = Teacher XXI century*, no. 1-2 (2011): 309–314.

9. Seiler H. *Relativsatz, Attribut und Apposition* [Relative clause, attribute and apposition] Wiesbaden: Otto Horrassowitz, 1960, 213.

10. Muratova S. V. Obshchaia strukturno-semanticheskaia kharakteristika tesnykh eksplikativnykh sintagm s sopriazhennym atributivnym kompleksom v sovremennom nemetskom iazyke [General structural and semantic characteristics of close explicative syntagms with conjugate attributive complex in the modern German language]. *Funktsionalnye aspekty iazyka: traditsii i perspektivy: materialy chtenii pamiati professora A. T. Kukushkinoi* [Functional aspects of the language: traditions and perspectives: Proc. the Reading of the memory of Professor A. T. Kukushkina]. Nizhnii Novgorod, part I (2014): 85–96.

11. Admoni V. G. Osnovnye tendentsii razvitiia sintaksicheskogo stroia v sovremennom nemetskom iazyke [The main tendencies of the development of the syntactic system in the modern German language]. *Inostrannye iazyki v shkole = Foreign languages at school*, no. 5 (1970): 3–11.

12. Muratova S. V. *Tesnye eksplikativnye sintagmy s sopriazhennym atributivnym kompleksom v sovremennom nemetskom iazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Close explicative syntagms with conjugate attributive complex in modern German. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Nizhnii Novgorod, 2001, 218.

УДК 811.161

ЭКСКУРС В ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ ЭТНОНИМА «ЧУКЧА»

Михаил С. Тейкин [a, @, ID]

[a] *Северо-Восточный государственный университет, 685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, 13*
[@] *teikin-ms@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0003-3545-3192*

Поступила в редакцию 18.04.2018. Принята к печати 12.09.2018.

Ключевые слова:
луораветлан, ораветлан, народы Севера, общие этнонимы, региональные этнонимы, изменения этнонимов, Северо-Восток России, Чукотка

Аннотация: Народы Севера, несмотря на свою малочисленность, имеют не одно, а, как правило, несколько имён – самоназвания отдельных групп и наименования, данные соседями; все они употребляются с различной частотой. В статье рассматривается эволюция графической передачи этнонима *чукча* с момента его первого появления в письменных источниках середины XVII в. и до окончательного закрепления правописания данного этнонима в начале XIX в., подкреплённого упоминанием в законодательных актах. Рассмотрен вопрос региональных наименований чукчей, а также причина, почему в русский язык в качестве общего вошёл именно такой этноним. Освещены особенности склонения слова *чукча* в недавнем прошлом. Автором исследуется попытка переименования чукчей в луораветланов, предпринятая советской властью в довоенный период, проводившаяся в контексте смены этнонимов многих народов СССР. В заключение указываются наиболее вероятные причины, почему новое название для чукчей не привилось и, просуществовав немногим более десятилетия, вышло из общего употребления.

Для цитирования: Тейкин М. С. Экскурс в лингвистическую историю этнонима «чукча» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 247–254. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-247-254

Введение

Этнонимика Северо-Востока России в ретроспективном аспекте представляет до сих пор не изученную широко тему. В отличие от лингвистического пространства региона, являвшегося объектом исследования ряда учёных прошлого (из самых известных следует назвать В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона), изучение этнонимов носило, как правило, описательный характер, без разбора их преобразований и изменений. Объясняется это тем, что основным предметом исследований учёных являются языки малочисленных народов Севера, этнографические особенности, фольклор; этнонимы служат большею частью лишь способом обозначения в научных трудах этносов и субэтнических групп, с разборкой их этимологии, но без подробного упоминания их видоизменений в русском языке в разные эпохи.

Между тем для ономастики представляет интерес изучение названий народов в прошлом и настоящем, поскольку это помогает не только проследить эволюцию имени, но и найти лингвистические связи между неродственными соседними этносами, обнаружить места предыдущего обитания народов, выявить культурное взаимодействие и языковые заимствования.

Настоящая статья посвящена этнонимии чукчей. Целью является исследовать названия данного народа, проследить за их изменением в русском языке, дать лингвистическую оценку фактам.

Автором изучены письменные исторические памятники и документы, работа основывалась на трудах ведущих учёных прошлого и современности в данной области. Орфография и пунктуация приведённых источников не изменяется.

Закрепление в русском языке этнонима *чукча*

Чукчи – малочисленный народ, издревле проживающий на Северо-Востоке России. Первые контакты русских с чукчами произошли в середине XVII в. В 1642 г. казак Иван Родионович Ерастов обнаружил чукчей к западу от Колымы на р. Алазее. В челобитной, составленной в период с сентября 1645 г. по июль 1646 г., Ерастов указал, что их встретили алазейские люди, «а съ ними были съ тундры чюхчи мужики съ своими роды и улусными людьми. <…> И тѣ, государь, иноземцы, алазѣйскіе[1] юкагири и чюхчи, въ твоемъ, государева, ясакѣ отказали» [1, с. 57; 2, с. 54]. Это первая

[1] Этимологически правильно – алазейскіе.

документально подтверждённая встреча русских с чукчами. Всего новый этноним употребляется в документе два раза.

Михаил Васильевич Стадухин, русский землепроходец и исследователь Северо-Востока, также в числе первых столкнулся с незнакомым ранее народом и оставил письменные свидетельства о встрече. Сохранились его расспросные речи, датируемые 1647 г. Со слов М. В. Стадухина записано: «а по той де рѣкѣ Чюхчѣ живутъ иноземцы свой же родъ, словутъ Чюхчи, таже что и Самаядь, оленные сидячіе жъ»[2]. В. Г. Богораз отмечает интерес расспросных речей и указывает: «В первый раз упоминается имя "чюхчи"» [3, с. 33]. Челобитная Ивана Ерастова всё же была написана как минимум на два года раньше расспросной речи М. В. Стадухина. Видимо, первый документ был не так широко известен; кроме того, в расспросной речи новый народ описывается весьма подробно, а не упомянут вскользь. Всё это свидетельствует, что именно в 40-е гг. XVII в. русские впервые столкнулись с неизвестным доселе народом и письменно зафиксировали его имя.

В расспросной речи М. В. Стадухина этноним записан в виде *Чюхчи*, один раз встречается написание через *у* («и тѣ де Чухчи»), причём слово склоняется всего один раз («а та жонка жила у тѣхъ мужиковъ у Чухчей три годы»), в остальных случаях флексия не изменяется («что они у тѣхъ Чюхчи тотъ моржевый зубъ видали», «у тѣхъ де Чюхчи соболя нѣтъ»[3]). Данное обстоятельство косвенно подтверждает слова В. Г. Богораза о первом упоминании этнонима: очевидно, для составителя документа, записывавшего слова М. В. Стадухина, слово было новое и необычное, ранее в русской речи не употреблявшееся; отсюда такое странное грамматическое оформление.

Позднее этноним стали передавать в соответствии с современным видом – *чукчи*. Хотя в XVIII в. можно встретить графическое оформление, соответствующее произношению, – *чюкчи*. Например, в «Показании якутского служилого человека Петра Попова, посыланного в Чукоцкую землю для собрания сведений о тамошних жителях и призывания их в ясачный платёж», датируемом 1711 г., сказано, «чтобы они Чюкчи платили въ казну великого государя ясакъ соболи и всякіе лисицы и кость моржеваго зубья», «и въ то де время они Чюкчи имъ русскимъ людемъ никакова ясаку не платили»[4]. Там же встречается написание *Чюкчю* и *Чюкочь*; всё это говорит о том, что писец следовал нормам произношения.

В промемории капитана Д. И. Павлуцкого в якутскую канцелярию от 10 февраля 1732 г., приводимой А. К. Нефёдкиным, орфография этнонима непоследовательна – слово пишется как через *у*, так и *ю* буквально в одном предложении: «И от того де их чукоцкого воровского нахождения они, коряки, и паки раззорились вконец и отстали от ясачного платежа; и чтоб их, коряк, в партию принять и на немирных чукоч взять с собою, и от нахождения чюкоцкого охранить» [4, с. 39].

Позднее, в середине XVIII в., этноним встречается преимущественно в написании *чукчи*. Так, С. П. Крашенинников орфографически точен[5]; он пишет: «Чукчи[,] живущей въ Чукоцкомъ носу[,] немирной народъ, называется также испорченнымъ именемъ *Чаучу*» [5, с. 5–6]. По мере закрепления орфографической нормы – в XIX в. – написание через *ю* выходит из употребления.

Этноним *чукча*, обозначающий в русском языке представителей целого народа, происходит от чукотского слова *чаучу* ‘богатый оленями, оленевод’ (в транскрипции Международного фонетического алфавита (МФА) – *cawcəw*) [6, с. 220]. Таким именем называли себя чукчи-оленеводы, кочующие в глуби материка, в противоположность сородичам, живущим у моря и разводящим собак, кои именовались *аӈӷаӆьыт* [цит. по: 4, с. 3], в ед. ч. аӈӷаӆьын (в транскрипции МФА – *aŋqałʔən*) ‘приморский житель, помор’[6] [6, с. 220]. М. Ю. Пупынина отмечает, что деление на «приморских чукчей» и «оленеводов» по-прежнему актуально [7, с. 253]. До сих пор чукотский лексикон содержит слово *чавчыв* (мн. *чавчыват*), означающее ‘чукча-оленевод; богатый оленевод’[7]. Следует отметить, что этноним *чукчи* был выбран в качестве общего обозначения целого народа неслучайно: русские позаимствовали *чаучу* у якутов и эвенов (ламутов), поскольку два последних народа так именовали своих воинственных соседей, а затем видоизменили слово и приняли в свой язык.

[2] Распросные речи служилого человека Михаила Стадухина, о реках Колыме и Чюхче, о живущих по ним инородцах и о неизвестном острове на Ледовитом океане, близ устья реки Колымы // Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. С. 99.

[3] Там же, с. 100.

[4] Показание якутского служилого человека Петра Попова, посыланного в Чукоцкую землю для собрания сведений о тамошних жителях и призывания их в ясачный платёж // Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография М. В. Д., 1882. С. 457.

[5] Следует отметить, что С. П. Крашенинников прав, связывая этноним чукча с чукотским чаучу, лишь исходное слово и производное перепутаны местами.

[6] Инэнликэй П. И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. 3-е изд., перераб. СПб.: Дрофа, 2006. С. 17.

[7] Чукотско-русский словарь / сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй; под ред. П. Я. Скорика. Л.: Учпедгиз, 1957. С. 142.

Наряду с двумя основными региональными этнонимами (*чаучу* и *аӈӄаӆьын*), самими чукчами употребляются и иные наименования. Например, колымские чукчи отделяют себя от чукчей Чукотки и называют последних *roçɣəl’ət* ‘относящиеся к той стороне реки’. Говоря о чукчах Чукотского автономного округа, колымские чукчи подразумевают, прежде всего, чукчей Билибинского района, с которыми имеют постоянные контакты [7, с. 257–258]. Впрочем, такие названия широкого хождения не имеют, в русском языке представлены исключительно на региональном уровне и неизвестны большинству носителей.

Чаучу – региональный чукотский этноним. В русском языке он стал общим, видоизменившись в такой степени, чтобы приобрести возможность изменяться по числам, родам и падежам.

Этноним *чукча* прочно вошёл в русский язык в XVII в. в виде *чюхча*, затем немного преобразился (*х* > *к*), пережил орфографическую двойственность *чукча* ~ *чюкча* в XVIII в. и затем уже не претерпевал каких-либо изменений.

Хорошим образцом употребления терминов являются законы и иные нормативные акты, а также различные распоряжения, уведомления и прочие официальные бумаги, исходящие от высших органов власти: данные источники отражают реалии современности и подчиняются принятым языковым правилам и устоявшейся практике словоупотребления. В нормативных документах XIX в. встречаем то же правописание этнонима *чукча*, что и теперь. Так, в Уставе «Об управлении инородцев» указывается: «§ 5. Чукчи и Зюнгорскіе двоеданцы, поелику въ образѣ ихъ отношеній къ Россіи разнствуютъ отъ всѣхъ прочихъ, составляютъ особой разрядъ», «§ 78. Чукчи платятъ дань по собственному произволу, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ»[8].

Других этнонимов для обозначения всей общности народа чукчей, коренным образом отличающихся от общепринятого, до второго десятилетия XX в. не применялось. Каких-либо веских причин изменять наименование народа не имелось: этноним в русском языке хорошо дифференцировал чукчей от других этносов.

Попытка замены этнонима

После Октябрьской революции началась кампания по внесению изменений в наименования народов СССР вообще и народов Севера в частности. Власти старались, чтобы этнонимы по-русски звучали так же или максимально близко к тому, как представители того или иного народа называют себя на своём языке. Не избежали этого и чукчи.

В «Народах Сибири» указывается постфактум: «В 1929–1930 гг., при разрешении вопроса о названиях малых народностей Севера, в качестве общего для чукчей было принято название *лыгъоравэтлян*, трансформированное по-русски *луораветлан*, *луораветланы*» [8, с. 896].

Действительно, если подходить к вопросу строго формально, этноним *чукча* ведёт своё происхождение не от самоназвания, присущего всему народу, а от регионального обозначения этнографической группы в соответствии с хозяйственной деятельностью. Правда, этимология этнонима не могла служить веской причиной для того, чтобы изменять наименование целого народа; кроме того, именование одного народа другими (экзоэтноним) далеко не всегда совпадает с самоназванием (эндоэтнонимом), чему и в прошлом, и в современных реалиях можно найти множество примеров. Тем не менее власти решили императивным путём заменить этноним *чукча* на самоназвание, посчитав, что последнее более подходяще. Это была общая тенденция тех лет – заменять старое на новое, коснулась она и народов Крайнего Севера.

В. Г. Богораз в предисловии к русскому изданию монографии «Чукчи», вышедшей в свет в 1934 г., замечает: «Обозревая в настоящее время свои материалы о чукчах, я могу сказать, что они относятся ещё к XIX веку и представляют эпоху, отошедшую в прошлое. Самое название этого народа успело измениться. И чукчи именуются ныне по собственному самоназванию *лу-ораветланами* (именно через дефис. – *М. Т.*), что означает в буквальном переводе «настоящие люди». При царском режиме чукча и другие народности вообще не считались людьми, а только «людишками». Они называются чукчами в государственных актах, а в просторечии русские казаки и чиновники давали им презрительные, уменьшительные клички: чукчишки и т. д.» [3, с. XIV].

В. Г. Богораз в составленном им «Кратком путеводителе по выставке "Чукотское общество"» указывает: «Чукчи – как они называют себя "ораветланы" – обитают в пределах нынешнего Чукотского национального округа» [9, с. 3].

В данном издании выдерживается последовательность употребления терминов *чукча* и *ораветлан*: первый – для прошлого, второй – для настоящего времени. Составителем путеводителя не делается попытка экстраполяции нового этнонима на предыдущую эпоху. В описании дореволюционного периода, включая типы хозяйств и социальную организацию, употребляется слово *чукчи* и производные от него. В отношении официальных и полуофициальных (Чукотка) названий, как появившихся в советское время (Чукотский национальный округ), так

[8] Устав «Об управлении инородцев» // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание 1-е. Т. XXXVIII. 1822–1823. [СПб.:] печатано в Типографии II Отделения Собственной его императорскаго величества Канцелярии, 1830. С. 394, 399.

и употреблявшихся ранее (Чукотская Земля), применение которых не предполагает возможности разночтений, также последовательно выдерживается исключительное употребление производных от слова *чукча* (по всему тексту). То же относится к прилагательным, образованным не от наименования народа, а от названия региона / местности: *чукотское хозяйство* [9, с. 20]. Применительно же к современности (послереволюционный довоенный период) используется этноним *ораветлан*. Например: «Ораветланский язык должен стать языком суда и управления», «Подготовка ораветланских кадров является решающей задачей» [9, с. 21].

Правда, наблюдается вкрапление этнонима *чукча*, встречающееся два раза: в одном случае сказано, что «в Хабаровске, Москве и Ленинграде в вузах и втузах появились студенты-чукчи» [9]; несмотря на неоднократное употребление словосочетания *ораветланский язык*, использовано наречие *по-чукотски* [9, с. 22] – после упоминания о ликвидации безграмотности среди ораветланского населения, но до указания на появление новых терминов в ораветланском языке. В заключение делается вывод, что преодоление старых социальных пережитков осуществляется не только в экономике, но и в сознании трудящихся ораветланов [9]. Таким образом, имеется всего два вкрапления производных от этнонима *чукча* применительно к новой эпохе. Трудно сказать, чем это вызвано, возможно, имела место недостаточная редакторская доработка текста по единообразию употребления нового этнонима применительно к современным реалиям. Кроме того, напрашивается вывод об искусственности введения в русский язык нового названия для народа, на протяжении длительного времени широко известного под совершенно иным именем.

Представляет интерес особенность склонения этнонима в недавнем прошлом. После революции и вплоть до конца 1930-х – начала 1940-х гг. существительное множественного числа *чукчи* в родительном и винительном падежах стало часто употребляться в форме *чукоч*. Впоследствии – после войны – форма *чукчей* получила исключительное распространение и стала единственной в употреблении на практике.

До революции использовались оба варианта – с преимуществом в пользу *чукчей*. Так, А. И. Аргентов употребляет исключительно форму *чукчей* [10, с. 82, 87–90, сл.; 11, с. 10–14, 24, сл.; 12, с. 10–11, 15, сл.]. У А. И. Аргентова не встречается употребление этнонима *чукчи* в родительном и винительном падежах в виде *чукоч*. Ф. Врангель также отдаёт явное предпочтение форме чукчей [13, с. 8, 12, сл.].

В. Г. Богораз назвал изданный в 1901 г. труд «Очерк материального быта оленных чукчей» и везде в нём употребил форму, соответствующую заголовку [14, с. 5, 7–8, сл.]. Хотя в «Материалах по изучению чукотского языка», изданных на год раньше, В. Г. Богораз использует вариант *чукоч* [15, с. I, III, V, сл.].

Форма чукоч была характерна скорее для XVII и XVIII веков. Например, в цитированном выше «Показании якутского служилого человека Петра Попова» в родительном и винительном падежах этноним выглядит именно так, причём с ерем на конце вместо ера: «велѣно де ему Петру съ товарищи идти изъ Анадырского острогу внизъ по Анадырю рѣкѣ и собрать въ казну великого государя ясакъ съ рѣшныхъ Чюкочь, <…> а отъ устья Анадыря рѣки велѣно де ему Петру съ товарищи идти въ Носъ и провѣдывать немирныхъ Чюкочь»[9].

Ещё более редкой является форма *чукч* – без беглого *о*. Такой вариант использовался А. В. Олсуфьевым в [16].

После революции наметилась тенденция шире использовать форму *чукоч*; В. Г. Богораз следовал такому принципу. В авторизованном переводе монографии «Чукчи», изданном в 1934 г., применяется исключительно форма *чукоч*. Даже четвёртый том «Толкового словаря» Д. Н. Ушакова, вышедший в 1940 г., в качестве альтернативы форме *чукчей* приводит только вариант *чукч* (не *чукоч*), относя его к более редким[10]. Впоследствии форма *чукоч* вышла из широкого употребления: «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томе, выпущенном в 1965 г., в родительном падеже приводит только форму *чукчей*[11].

Интересно, что и предисловие к первой части авторизованного перевода «Чукоч»[12], и «Краткий путеводитель» написаны и изданы в 1934 г., однако этноним, близкий к самоназванию *чукчей*, приводится в обоих изданиях различно. Это объясняется тем, что в чукотском языке употребляется два слова для самоназвания народа:

[9] Показание якутского служилого человека Петра Попова, посыланного в Чукоцкую землю для собрания сведений о тамошних жителях и призывания их в ясачный платёж // Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография М. В. Д., 1882. С. 457.

[10] Толковый словарь русского языка: в IV т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. Т. IV. Стб. 1305.

[11] Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 17. Стб. 1194.

[12] Поскольку книга была издана в период господства устарелой ныне флексии чукоч (нулевое окончание с появлением беглого о в корне), единственно употребляемой автором монографии после революции вообще и в частности в вышеупомянутом труде, целесообразно склонять название книги так, как склонял этноним чукчи Б. Г. Богораз.

1) *о'равэтӆьат* 'люди' – в ед. ч. *о'равэтӆьан*[13], что нашло отражение в слове *ораветлан*, употребляемом в «Кратком путеводителе» [9];

2) *ӆыгъоравэтӆьат* 'настоящие люди' – вед. ч. *ӆыгъоравэтӆьан*[14] (транскрипция МФА – *ləɣʔorawətɬʔan*), в русской передаче *луораветлан*.

Таким образом, в одном случае в качестве нового этнонима предполагалось использовать слово в значении 'человек', в другом – 'настоящий человек'. В. Г. Богораз в «Чукчах» пишет *лу-ораветлан* через дефис, поскольку похожим образом это слово даётся им в «Луораветланско-русском словаре»: *luoráwetlan* (сущ.) *чукча* (букв., настоящий человек)[15], хотя чукотско-русские словари[16], изданные позднее, приводят слово *ӆыгъоравэтӆьан* без дефиса.

Причины сохранения прежнего этнонима

Несмотря на попытку внедрить в русский язык этноним *луораветлан*, предпринятую во второе десятилетие советской власти, успехом она не увенчалась. По мнению автора статьи, этому есть несколько причин.

Во-первых, этноним *чукчи* устоялся в русском языке. Эвены и эвенки, ранее именовавшиеся ламутами и тунгусами соответственно, зачастую этнически не дифференцировались и объединялись под общим этнонимом *тунгусы*; данный факт не мог не сыграть в пользу того, чтобы дать двум народностям новые наименования в русском языке. Чукчи же чётко разграничивались от иных этносов, поэтому у исследователей не возникало путаницы при описании и изучении данного народа. Правда, А. К. Нефёдкин справедливо отмечает: «До XIX в. в русских источниках эскимосы не выделяются в отдельный этнос, а просто именуются "сидячими чукчами"» [17, с. 34]. По предположению А. А. Бурыкина, это происходило оттого, что эскимосы вели свои переговоры по-чукотски [18, с. 216–217]. Н. Б. Вахтин в подтверждение версии А. А. Бурыкина замечает: «чукотский вообще был, по-видимому, чем-то вроде *lingua franca* для всего огромного региона от Берингова пролива до Колымы и от Северного Ледовитого океана до Пенжинской губы» [19, с. 347]. При таких обстоятельствах русские, в XVII и XVIII вв. поверхностно знакомые с местными народами, могли воспринимать как чукчей всех говорящих по-чукотски. По словам А. К. Нефёдкина, отождествление эскимосов с оседлыми чукчами имело место лишь до начала XIX в. [17, с. 35]; с тех пор наука шагнула далеко вперёд и провела чёткие этническую, этнографическую и лингвистическую грани между двумя народами, получившими в русском языке собственные этнонимы.

Во-вторых, переименовали только чукчей, но не административно-территориальные единицы и топонимы. К примеру, 1930 г. был образован Охотско-Эвенский национальный округ с Северо-Эвенским районом в его составе; данные топонимы сыграли определённую роль в вытеснении этнонима *ламут* и замене его на новый – *эвен*. Новые топонимы, образованные от этнонимов *луораветлан* или *ораветлан*, на карте не появились; в то же время широко были представлены наименования, производные от этнонима *чукча*. Чукотский полуостров, названный так в 1728 г. В. Берингом по имени населявшего его народа, советской властью переименован не был – насколько известно, на официальном уровне не предпринималось даже таких попыток. Уже один данный факт способствовал сохранению прежнего этнонима. Кроме того, постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» был создан Чукотский национальный округ (ныне – Чукотский автономный округ); тремя годами ранее на территории Чукотского полуострова образован Чукотский район. Далее: в середине 1930-х гг. – в тот период, когда В. Г. Богораз писал, что чукчи именуются *луораветланами*, – постановлением ЦИК СССР от 27.06.1935 закреплено официальное название *Чукотское море* (выделено из состава Восточно-Сибирского моря). Законодатель не вводил термин *луораветлан* в топонимику Северо-Востока, не фигурирует он и в нормативных актах тех лет, касающихся народов Крайнего Севера.

В-третьих, при переписях населения в графе «Национальность» указывалось *чукча*, а не *луораветлан*. Неслучайно в «Народах Сибири» сказано: «Однако в статистике и во всех вообще официальных документах (записи в паспорте и пр.) применяют термин *чукча* (ж. р. *чукчанка*); только в Нижнеколымском районе Якутской АССР термин *луораветлан* привился в официальной статистике, но и там он совершенно не употребляется в живой речи» [8, с. 896]. Статистические данные могут не отражать сведения об употреблении этнонима – они лишь фиксируют количество представителей определённого народа. В той же книге страницей ниже упоминается, что по переписи 1926–1927 гг. в Нижнеколымском районе

[13] Инэнликэй П. И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. 3-е изд., перераб. СПб.: Дрофа, 2006. С. 80; Чукотско-русский словарь / сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй; под ред. П. Я. Скорика. Л.: Учпедгиз, 1957. С. 97.

[14] Инэнликэй П. И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. 3-е изд., перераб. СПб.: Дрофа, 2006. С. 61.

[15] Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь / под ред. С. Н. Стебницкого. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 113.

[16] Инэнликэй П. И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. 3-е изд., перераб. СПб.: Дрофа, 2006. 255 с.; Чукотско-русский словарь / сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй; под ред. П. Я. Скорика. Л.: Учпедгиз, 1957. 196 с.

жило всего около 300 чукчей. При такой малочисленности этнической группы и удалённости её от остальной части народа местные власти с высокой долей вероятности могли указывать в статистических данных этноним – самоназвание народа, не имеющее хождения в русском языке.

Данные факты свидетельствуют о непоследовательности переименования народа: с одной стороны, предпринимались попытки ввести новый этноним в научной литературе, с другой – не осуществлялись мероприятия по его широкомасштабному внедрению в практику. Более того, топонимы, появившиеся в те годы, образовывались исключительно от слова *чукча*. При данных условиях этноним *луораветлан* не мог прижиться в русском языке и вытеснить этноним *чукча*.

Заключение

Попытка введения нового названия народа была обречена на неудачу. В лингвистическом поле предпринимались конкретные шаги по внедрению этнонима луораветлан; он попал в советский толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова. Во втором томе, вышедшем в 1938 г., отражены две формы этнонима – *луораветла́ны* и *ораветла́ны* – и дано следующее пояснение: «Палеоазиатская народность, населяющая Чукотский полуостров. [Прежнее название – чукчи.]»[17]; в четвёртом томе того же словаря слово чукчи объяснено таким образом: «То же, что луораветланы»[18], т. е. этноним *чукчи* маркирован в качестве второстепенного. Следует не согласиться с Д. Н. Ушаковым. Официальное использование термина чукчи на властном уровне (в законах, переписях населения и проч.), в хозяйстве и быту опровергает мнение учёного об отнесённости этнонима исключительно к прошлому, вынесенное им в фундаментальный лексикографический справочник советской эпохи; временной разрыв в словоупотреблении отсутствует.

Таким образом, попытка смены этнонима не увенчалась успехом ввиду несогласованности действий со стороны властей и научного сообщества. Ныне, как и века назад, чукчи именуются в русском языке чукчами.

В заключение следует сказать, что для науки целесообразно вводить новый этноним, когда граница между этническими группами проведена неточно или неясно, результатом чего может явиться отнесение в одну общность разных племён и народов. Так было в случае с эскимосами, когда заимствованным у европейцев термином стали именовать тех, кого до начала XIX в. терминологически смешивали с чукчами. Имело смысл вводить новый этноним и для эвенов, чтобы не путать их с эвенками. В отношении чукчей практической необходимости в смене наименования в русском языке не было, попытка введения этнонима *луораветлан* носила конъюнктурный характер.

Литература

1. Нефёдкин А. К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н. э. – XIX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 368 с.

2. Оглоблин Н. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CCCXXXXVII. 1903. Май. С. 38–62.

3. Богораз В. Г. Чукчи. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК, 1934. Ч. 1. XXX+192 с.

4. Неопубликованные материалы по истории Чукотки XVIII века / издание подг. А. К. Нефёдкин. СПб.: Лема, 2016. 396 с.

5. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1755. Т. 2. 319 с.

6. Муравьёва И. А. Алюторский язык как представитель чукотско-камчатской семьи языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. № 3. С. 218–244.

7. Пупынина М. Ю. Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. № 3. С. 245–260.

8. Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.

9. Краткий путеводитель по выставке «Чукотское общество» / сост. В. Г. Богораз-Тан. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 24 с.

10. Аргентов А. И. Описание Николаевского Чаунского прихода // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1857. Кн. 3. С. 9–106.

11. Аргентов А. И. Путевые записки. 2-е изд. Н. Новгород: Типография Ройского и Душина, 1886. 48 с.

[17] Толковый словарь русского языка: В IV т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. Т. II. Стб. 97.

[18] Толковый словарь русского языка: в IV т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. Т. IV. Стб. 1305.

12. Аргентов А. И. Северная земля // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб.: В типографии В. Безобразова и Комп., 1861. Кн. 2. С. 1–34.

13. Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершённое в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедициею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. СПб.: В типографии А. Бородина и К°, 1841. Ч. 1. 360 с.

14. Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекции Н. Л. Гондатти, находящейся в Этнографическом музее Императорской Академии Наук. СПб., 1901. 67 с.

15. Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1900. XXXVI+417 с.

16. Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, её экономического состояния и быта населения. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1896. VIII+223 с., 1 л. карт.

17. Нефёдкин А. К. Военная культура чукчей (середина XVII – середина XX в.). СПб.: Лема, 2017. 456 с.

18. Бурыкин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 224 с.

19. Вахтин Н. Б. Языковые контакты и русско-эскимосская грамматическая интерференция // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. № 3. С. 346–361.

INSIGHT INTO THE LINGUISTIC HISTORY OF THE ETHNONYM "CHUKCHA"

Mikhail S. Teikin [a, @, ID]

[a] *North-Eastern State University, 13, Portovaya St., Magadan, Russia, 685000*
[@] *teikin-ms@mail.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0003-3545-3192*

Received 18.04.2018. Accepted 12.09.2018.

Keywords: Luoravetlan, Oravetlan, peoples of the North, common ethnonyms, regional ethnonyms, changes of ethnonyms, North-East of Russia, Chukotka

Abstract: Peoples of the North, though small-numbered, often obtain not one, but several names, which have the different frequency of use: they are self-names of specific groups and names given by their neighbours. The article deals with the evolution of the graphical depiction of the ethnonym *Chukchi* from the moment of its first appearance in documents of the mid-XVI century up to the final fixation of its spelling in the early XIX century's legislation acts. The article also features the matter of regional Chukchi's names and explains why the Russian language adopted this very ethnonym. The paper focuses on the peculiarities of the case inflection of the word *Chukchi* in the recent past. The author investigates the attempt to rename Chukchi to Luoravetlans, which the Soviet regime undertook in the pre-war period when many ethnonyms of the USSR peoples were changed, and explains why the new name did not take roots.

For citation: Teikin M. S. Ekskurs v lingvisticheskuiu istoriiu etnonima "chukcha" [Insight into the Linguistic History of the Ethnonym "Chukcha"]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 247–254. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-247-254

References

1. Nefedkin A. K. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Chukotki (nachalo I tys. n. e. – XIX v.)* [Military history of Chukotka from the early 1st millennium to the xix century]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2016, 368.

2. Ogloblin N. Vostochno-Sibirskie poliarnye morekhody XVII veka [East Siberian Polar seafarers of the xvii century]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia = Ministry of People Enlightenment Journal*, part CCCXXXXVII (1903, May): 38–62.

3. Bogoraz V. G. *Chukchi* [Chukchi]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK, part 1 (1934): XXX+192.

4. *Neopublikovannye materialy po istorii Chukotki XVIII veka* [Unpublished materials on Chukotka history of the 18th century]. Publication prepared by Nefedkin A. K. Saint-Petersburg: Lema, 2016, 396.

5. Krasheninnikov S. P. *Opisanie zemli Kamchatki* [Depiction of Kamchatka Land]. Saint-Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, vol. 2 (1755): 319.

6. Muravyova I. A. Aliutorskii iazyk kak predstavitel′ chukotsko-kamchatskoi sem′i iazykov [Aliutor as a member of the Chukchi-Kamchatkan language family]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii = Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, no. 3 (2013): 218–244.

7. Pupynina M. Yu. Chukotskii iazyk: geografiia, govory i predstavleniia nositelei o chlenenii svoei iazykovoi obshchnosti [The Chukchi language: geography, varieties and speakers' attitude towards their dialectal variation]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii = Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, no. 3 (2013): 245–260.

8. *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Ed. Levin M. G., Potapov L. P. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956, 1084.

9. *Kratkii putevoditel' po vystavke «Chukotskoe obshchestvo»* [Brief guide to Chukchi Society Exhibition]. Comp. Bogoraz-Tan V. G. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1934, 24.

10. Argentov A. I. Opisanie Nikolaevskogo Chaunskogo prikhoda [Depiction of Nikolayevsk Chaun parish]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Papers of Siberian Department of Imperial Russian Geographical Society]. Saint-Petersburg: V tipografii Eduarda Pratsa, book 3 (1857): 79–106.

11. Argentov A. I. *Putevye zapiski* [Travel notes]. 2nd ed. Nizhny Novgorod: Tipografiia Roiskogo i Dushina, 1886, 48.

12. Argentov A. I. Severnaia zemlia [The Northern Land]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Papers of the Imperial Russian Geographical Society]. Saint-Petersburg: V tipografii V. Bezobrazova i Komp., book 2 (1861): 1–34.

13. Wrangell F. P. *Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i po Ledovitomu moriu, sovershennoe v 1820, 1821, 1822, 1823 i 1824 gg. ekspeditsieiu pod nachal'stvom flota leitenanta Ferdinanda fon Vrangelia* [Journey over the Northern Costs of Siberia and Arctic Ocean, made in 1820, 1821, 1822, 1823, and 1824 by the expedition under the guide of lieutenant of the fleet Ferdinand von Wrangell]. Saint-Petersburg: V tipografii A. Borodina i Kº, part 1 (1841): 360.

14. Bogoraz V. G. *Ocherk material'nogo byta olennykh chukcheii, sostavlennyi na osnovanii kollektsii N. L. Gondatti, nakhodiashcheisia v Etnograficheskom muzee Imperatorskoi Akademii Nauk* [Essay of Reindeer Chukchi material household, composed on the basis of N. L. Gondatti's collection kept in the Museum of Ethnography of the Imperial Academy of Sciences]. Saint-Petersburg, 1901, 67.

15. Bogoraz V. G. *Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge. Ch. 1. Obraztsy narodnoi slovesnosti chukoch* [Materials for the Chukchi Language and folklore study collected in the Kolyma Okrug. Part 1. Samples of Chukchi folk literature]. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1900. XXXVI+417.

16. Olsufyev A.V. *Obshchii ocherk Anadyrskoi okrugi, ee ekonomicheskogo sostoianiia i byta naseleniia* [General essay on Anadyr District, its economic condition and dweller's household]. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1896, VIII+223.

17. Nefedkin A. K. *Voennaia kul'tura chukchei (seredina XVII – seredina XX v.)* [Chukchi Warfare (the mid-17th to the mid-20th century)]. Saint-Petersburg: Lema, 2017, 456.

18. Burykin A. A. *Istoriko-rtnograficheskie i istoriko-kul'turnye aspekty izucheniia onomasticheskogo prostranstva regiona. Ocherki po toponimike i etnonimike Vostochnoi Sibiri* [Historical-ethnographic and historical-cultural aspects of onomastic space studies of the region. Essays on toponyms and ethnonyms of Eastern Siberia]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 224.

19. Vakhtin N. B. Iazykovye kontakty i russko-eskimosskaia grammaticheskaia interferentsiia [Language Contacts and Russian-Yupik grammatical interference]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii = Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, no. 3 (2013): 346–361.

УДК 811.161+080

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ: КРЫМСКИЙ ОПЫТ

Наталья В. Яблоновская [a, @, ID]

[a] *Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 295007, Россия, г. Симферополь, пр-т акад. Вернадского, 4*
[@] *yablon@rambler.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-9786-2808*

Поступила в редакцию 23.07.2018. Принята к печати 23.10.2018.

Ключевые слова: этническая журналистика, этническая пресса, история журналистики, Крым, государственный язык

Аннотация: В статье изучается функционирование крымской этнической прессы с конца XIX до начала XXI вв. в языковом аспекте, в частности устанавливается роль русского языка в этнических изданиях Крыма прошлого и настоящего. На основе проведенного анализа делаются выводы об основных возможностях использования государственного языка в этнической прессе. Мы считаем, что этническая пресса, которая представляет интересы своего этноса и говорит от его имени, должна быть крайне заинтересована в том, чтобы давать информацию о жизни своего народа, его истории, традициях, проблемах для как можно более широкого круга читателей. И для этой задачи этническая пресса активно использует как государственный язык, так и языки межнационального общения. Так произошло в Крыму, где с самого момента возникновения в январе 1860 г. этническая пресса активно стала обращаться к русскому языку, стремясь быть максимально результативной в решении проблем представляемых этносов и в пропаганде их достижений. По нашему мнению, русский язык в этнических изданиях Крыма безальтернативен для изданий этносов, утративших свой родной язык; дает возможность расширения аудитории для изданий этносов, не все представители которых в достаточной степени владеют родным языком; способствует увеличению аудитории за счет представителей других народов, интересующихся той или иной культурно-национальной автономией, при этом содействуя межкультурному диалогу и толерантному подходу к решению конфессиональных и национальных проблем; помогает репрезентации определенного этноса на общегосударственном и международном уровнях.

Для цитирования: Яблоновская Н. В. Роль государственного языка в этнической прессе: Крымский опыт // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 255–261. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-255-261

Введение

В настоящее время этническая пресса является объектом всестороннего изучения [1–6]. При этом учеными неоднократно предпринимались попытки дать определение этнической прессы по языковому принципу. Например, исследовательница Н. Кондакова относит к этнической прессе издания, которые выходят в РФ на всех языках, кроме русского [7, с. 16–17]. Отчасти с такой позицией соглашается И. Н. Блохин, разделяющий этножурналистику, посвященную тематике «межэтнического взаимодействия, особенностям жизни и культуры других народов», и этническую журналистику, цель которой состоит «в консолидации этноса, включении его в систему межэтнических коммуникаций, сохранении и развитии национальной культуры» [8, с. 302–303]. Последняя, по мысли ученого, как правило, выходит на языке этноса, поскольку нацелена на его представителей. Зарубежный ученый М. Мецегенис более гибко подходит к языковому критерию, указывая, что этнические медиа могут выходить как на языке страны происхождения этноса, так и на языке принимающей страны или на двух этих языках (диалектах) одновременно [9, p. 7].

В своих предыдущих работах мы также неоднократно указывали, что язык издания не может быть единственным критерием отнесения его к этнической прессе [10, с. 228; 11]. В качестве иллюстрации данного тезиса мы хотели бы привлечь опыт крымской этнической прессы, в котором есть как множество примеров использования русского языка целым рядом этнических крымских изданий, так и прецедент развития этнической журналистики в 1930-х гг., когда практически полностью этноязычные газеты и журналы перестали быть этническими по своей сути.

Цель статьи – установить роль русского языка в функционировании этнической прессы Крыма с конца XIX до начала XXI вв. и на основе проведенного анализа очертить основные возможности использования государственного языка в этнической прессе.

Этнические СМИ создаются для освещения жизни национальных меньшинств, поэтому главная задача этнической прессы – отображать национальное самосознание, национальную самобытность, национальные культуру и историю, национальные интересы представленного ею этноса, и чем полнее будет это отражение, тем более успешным можно признать то или иное этническое издание.

Идеально, если при выполнении этих задач этническая журналистика обращается к языку этноса как зеркалу, хранителю и инструменту национальной культуры. И задача сохранения национального языка (а в случае с изданиями коренных народов (в Крыму это крымские татары, караимы и крымчаки) – и его развития, и развития литературы на нем) также является одной из ведущих у этнической прессы. Но вместе с тем в полиэтническом сообществе социально ответственная этническая журналистика отражает взаимодействие национальных меньшинств между собой, с одной стороны, и с титульным этносом – с другой. Она информирует власть о проблемах своего этноса и таким образом дает возможность вовремя на них отреагировать, предотвращая проявления социального недовольства.

Более того, как пресса, которая представляет интересы своего этноса и говорит от его имени, этническая пресса должна быть крайне заинтересована в том, чтобы давать информацию о жизни своего народа, его истории, традициях, проблемах для как можно более широкого круга читателей. Сегодня, когда в международной политике глобализация побеждает тенденцию к национальной самоизоляции, для многих этнических сообществ характерно стремление через свою прессу приобщиться к международной жизни. И для этих задач этническая пресса активно использует как государственный язык, так и языки межнационального общения. Именно так произошло в Крыму, где с самого момента возникновения в январе 1860 г. этническая пресса активно стала обращаться к русскому языку, стремясь быть максимально результативной в решении проблем представляемых этносов и в пропаганде их достижений.

Русский язык в этнических изданиях Крыма

Уже первое этническое издание полуострова – армянский учено-литературный и политический журнал «Голубь Масиса» (1860–1865) – выходил в параллельных армянской и русско-французской версиях: «Масяц Агавни» («Голубь Масиса») / «Радуга» – "L'arc en ciel". Издатель журнала, великий армянский просветитель Гавриил Константинович Айвазовский, брат великого художника-мариниста, так мудро обозначил его задачи: «"Радуга", имея главным назначением своим способствовать просвещению народа армянского, имеет еще и другую, немаловажную цель знакомить ученый мир с этим во многих отношениях весьма интересным народом. С этой целью "Радуга" будет выходить в одной части своей (без сомнения, меньшей) – на языках русском и французском, и в таком виде, что на эту часть журнала можно подписываться отдельно. Если кто не пожелает получать другую часть, на армянском языке»[1].

Многоязычность журнала, а также широта географических границ армянской диаспоры (спюрка) привели к тому, что «Голубь Масиса» распространялся как во многие города российской империи (помимо крымских, в Петербург, Москву, Ереван, Одессу, Львов, Тифлис), так и за ее пределы (Париж, Венецию, Стамбул). Если Г. Айвазовский издавал свой журнал одновременно в двух разноязычных версиях, то Исмаил Гаспринский, издатель и редактор первой в Крыму крымскотатарской газеты «Переводчик-Терджиман» (1883–1918), построил свое издание по зеркальному принципу: с 1883 по 1905 гг. русская полоса этого первоначально двухполосного издания полностью соответствовала его крымскотатарской полосе. Тюркский язык «Терджимана» делал его понятным для всех народов Великого Турана и соответствовал лозунгу И. Гаспринского: «Тильде, фикирде, иште бирлик!» («Единство в словах, мыслях и делах!»). Русский язык «Переводчика» помогал ему вести диалог со всеми жителями Российской империи.

В публикациях своего издания И. Гаспринский неоднократно обращался к языковому вопросу, который он воспринимал как часть необходимого диалога культур. «Переводчик» («Терджиман»), – разъяснял он в первом номере газеты, – будет служить по мере сил проводником трезвых, полезных сведений из культурной жизни в среду мусульман и обратно знакомить русскую с их жизнью, взглядами и нуждами» [6]. «Русский текст, – отмечал он далее, – соотносится с оборотами тюркской речи и понятиями мусульман в отношении святости и серьезности всего печатного»[2].

Противник национальной изоляции, И. Гаспринский наряду с постоянной заботой о создании единого для тюркских народов языка подчеркивал необходимость изучения русскими мусульманами государственного (русского) и международного

[1] От редакции // Радуга. 1860. № 1 (январь). С. 3.

[2] Терджиман. 1883. № 1. 10 апреля.

(французского) языков. «Каждый человек, – писал он в статье «Государственный язык», – если средства и обстоятельства позволяют, должен изучать по крайней мере три языка, чтобы не встречать в жизни затруднений и не зависеть от чужой помощи. Надо изучать свой родной язык, язык того государства, где живешь, и по возможности французский, который учат все народы»[3].

По мысли редактора газеты, русский язык в ней выполнял консолидирующую функцию, объединяя мусульман и христиан, а среди мусульман – тюркские и нетюркские народы: «Редакция «Терджимана», – отмечалось в номере от 18 января 1905 г., – имеет свои основания печатать часть газеты на русском языке. Вот некоторые из них: если официальные распоряжения, новые законоположения печатать лишь татарским языком, то при нужде было бы неудобно ссылаться на них или пользоваться ими. Если приходится что-либо исправлять или опровергать из того, что попадается в других газетах о мусульманах, то написанное только по-татарски оставалось бы неизвестным, незамеченным, иначе говоря, бесполезным. Наконец, среди мусульман есть немало таких, какие тюркского языка не понимают, как, например, курды, осетины, черкесы и польские татары. Благодаря русскому языку часть этих мусульман тоже может следить за жизнью и мыслями русских мусульман»[4].

С 9 декабря 1905 г. газета стала выходить на крымскотатарском языке с русским отделом, содержащим наиболее важные с общественно-политической точки зрения материалы. Отказываясь от зеркальной композиции издания и оставляя в ней только русский отдел, Гаспринский так объяснял свое решение: «До сего времени, вследствие особых условий, значительная часть «Терджимана» заполнялась <...> переводным материалом для татар. После 10-летних хлопот нам недавно было разрешено исключить эту часть. Указ от 24 ноября еще больше облегчил нас так, что отныне мы будем помещать в нашей газете по-русски не устарелые сведения <...>, а более интересные вести из жизни и деятельности нашего Востока. Надеемся, что несмотря на значительное сокращение русского отдела газеты, отдел этот будет более интересным и целесообразным, чем был ранее»[5].

К сожалению, опыт И. Гаспринского по изданию двуязычной этнической газеты, построенной по зеркальному принципу, сегодня практически не востребован этническими медиа Крыма: в конце эпохи бумажной журналистики редакции объясняли это необходимостью экономии газетного места, сегодня интернет-издания, очевидно, экономят усилия своих сотрудников и, к сожалению, приобретая в малом, теряют в большом: ни одно современное крымское этническое издание по степени влиятельности не может сравниться с «Терджиманом», который читали не только в Крыму, но и далеко за его пределами: практически во всех российских губерниях, Турции, Западном Китае, Хиве, Бухаре, Персии, Египте, Болгарии, Франции, Швейцарии, Америке.

Для части крымских этнических изданий, представляющих этносы, утратившие свой национальный язык в результате ассимиляции, русский язык стал безальтернативным для общения со своей национальной аудиторией. Например, к моменту появления прессы на полуострове крымские евреи были русскоязычными и не использовали идиш либо иврит для общения внутри своего этнического сообщества. Поэтому уже первые еврейские издания, появившиеся в Крыму в результате революции 1905–1907 гг.: журнал «Молот» (1906) (орган «Поалей Цион») и журнал еврейской учащейся молодежи «Молодая Иудея» (1906), – вышли на русском языке. Русскоязычными были и еврейские издания, появившиеся в Крыму после революций 1917 г.: «Вестник Феодосийской организации объединенной еврейской социалистической партии (С.С. и Е.С.)» (1917), «Еврейская община» (1918), «Бюллетень Палестинского эмигрантского бюро» / «Вестник еврейской жизни» (1919–1920) и др. Еврейские издания на национальном языке (идише) в Крыму: «Ленинвег», а затем «Сталинвег», – появились только в 1930-е гг., когда для создания еврейских национальных районов происходило переселение евреев из западных регионов СССР, где традиционно в еврейской среде использовался идиш.

О периоде 1930-х гг. следует сказать отдельно. Пресса Крымской АССР этого времени на крымскотатарском, немецком языках и идише по самой своей сути была унифицированно-советской, отражала интересы отдельных ячеек партии, а не этнокультурные проблемы крымских татар, евреев, немцев и др. Из обзора районной прессы, сделанного обкомом в 1933 г., следует, что в первую очередь «для поднятия энтузиазма масс» газеты должны освещать такие основные хозяйственно-политические кампании, как колхозная торговля хлебом и табаком, хлебопаровка, технизация, процесс работы со спецкультурами (особенно по табаководству), подготовка коня, сбор семян, ремонт сельхозинвентаря, составление годового отчета колхозов, борьба с классовым врагом – кулаком, борьба с вредительством и расхищением колхозного имущества и кампания по Всесоюзному съезду колхозников-ударников[6].

[3] Государственный язык // Терджиман. 1891. № 9. 28 февраля. С. 1.

[4] Терджиман. 1905. 18 января.

[5] Терджиман. 1905. 9 декабря.

[6] Государственный архив Республики Крым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1288. Л. 4, 5.

Освещение всех вышеперечисленных вопросов должно было даваться системно, в подаче новостей газеты должны были отказаться от «сухой хроникальности» и показать идеологическую подоплеку тех или иных происходящих событий. В вину редакциям газет вменялось даже то, что заметки написаны «беспартийным языком»[7]. Приведенные в обзоре недочеты были объяснены «неудовлетворительным партийным руководством со стороны ОК ВКП(б)»[8]. Нет сомнения в том, что данное руководство было усилено.

Еще более суровым был подход к областным газетам. Так, например, недостатками крымскотатарской комсомольской газеты «Яш куввет» были признаны отсутствие отдела партийного строительства, публикация партийных постановлений с опозданием (и не на 1, а на 2–4 полосах), присутствие очередности в материалах о проведении уборки урожая и хлебозаготовки, отсутствие политических статей и т. д.[9] Аналогичные недочеты были найдены и в крымскотатарской газете «Янъы дюнья» – в частности, тот «совершенно недопустимый для областной газеты факт», что в ее номерах с 1 по 10 августа 1933 г. ничего не говорилось о реализации Постановления ЦК от 15 июня о территориальных ячейках[10].

Таким образом, в 1930-е гг. крымская этническая пресса, оставаясь этноязычной, перестала быть в полном смысле этнической. В конце 1930-х гг. подверглись унификации даже названия ведущих крымскотатарских изданий: «Ени дюнья» стала называться «Къызыл Крым», скалькировав название русскоязычной областной газеты «Красный Крым», «Яш куввет» («Юная сила») – «Комсомольцем», «Эдебият ве культура» («Литература и культура») – «Совет эдебияты» («Советская литература»). То же можно сказать и о еврейских изданиях «Ленинвег» и «Сталинвег», которые от самих названий до последней заметки были носителями партийно-государственного, а не этнического содержания.

Классово-интернациональная система этнических изданий (т. е. изданий на национальном языке) не могла вызвать возражений в Советском Союзе 1930-х гг., но породила оппозицию на Западе. А. Д. Лоу, специалист по национальному вопросу Колумбийского университета, писал в журнале *The Russian Review*: «Довольно трудно представить себе культурное разнообразие, когда все национальные культуры являются "социалистическими по содержанию" и когда, как утверждается, на них влияют труды интернационального характера, тогда "культурное разнообразие" в основном сводится к чисто языковому разнообразию, а "сокровища" отдельных национальных культур в реальности тонут в море "социализма" и "интернационализма"»[11] [12, p. 17]. С ним согласился Э. Гудмен, который утверждал, что такая система «рассчитана на определение границ дальнейшего развития национальных особенностей путем достижения стандартизации идеологического содержания каждой культуры»[12] [13, p. 266]. В настоящее время крымские еврейские издания: газета «Шолэм» (с 1990 г. по настоящее время), «Шахар» (с 1997 г. по настоящее время) и др. – традиционно выходят на русском языке.

Русским языком в своих крымских изданиях с момента их возникновения пользуются и крымские караимы. Исследователи выделяют три диалекта караимского языка: тракайский, галицко-луцкий и крымский. Крымский диалект караимского языка в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», издаваемом ЮНЕСКО, определен как вымерший, поэтому в своей периодике (газетах «Къырым къырайлар» (с 2005 г. по настоящее время) и «Известиях духовного правления религиозных организаций караимов» (с 2011 г. до настоящего времени)) крымские караимы используют русский язык. Корни этой проблемной языковой ситуации уходят в начало XX в.: еще в 1911 г. в московском журнале «Караимская жизнь» была опубликована во многом показательная статья Давида Марковича Кокизова «Русский язык или татарский», в которой автор предлагал заменить тюркский язык общения караимов на русский как более «культурный» [14]. В послесловии «От редакции» отмечалось, что редакция всецело присоединяется к пожеланиям уважаемого Д. М. Кокизова, но считает, что ни к каким искусственным мерам прибегать в данном случае не приходится особенно, т. к. татарский язык вытесняется постепенно силой самой жизни [14, с. 36]. Также проблема утраты караимами своего национального языка была отмечена И. И. Казасом в статье «Общие заметки о караимах»: «В настоящее время татарский язык у крымских караимов вытесняется языком русским, так что молодое поколение, в частности во внекрымских городах, его почти не понимает, а в самом Крыму он употребляется в домашнем быту только в бедных малокультурных семьях. В богослужении караимы употребляют древнееврейский язык, язык Библии, хотя не очень многие его понимают» [15, с. 49]. Закономерным поэтому было то, что вышедший 20 мая 1917 г. первый крымский караимский

[7] Там же, л. 6.

[8] Там же, л. 73.

[9] Там же, л. 28–34.

[10] Там же, л. 38.

[11] перевод автора.

[12] перевод автора.

журнал «Известия караимского духовного правления» (1917–1919) являлся полностью русскоязычным, за исключением обращения к читателям на древнееврейском языке гахана – главы караимского Духовного правления.

В 1927 г. вышел в свет журнал «Бизым йол» («Наш путь») – единственное советское караимское издание Крыма, орган Крымского объединения караимских общин (КрымОКО). Тюркское название журнала соответствовало разворачивающейся в Крыму коренизации и свидетельствовало о попытке крымских караимов вернуться к своим корням. Несмотря на то, что большинство публикаций издания были русскоязычными, в журнале было размещено несколько литературных произведений на караимском языке. Крайне интересной для нас является дискуссия на страницах издания о родном языке караимов. Журнал зафиксировал обращение съезда караимских общин в Академическое Совещание Наркомпроса для разъяснений о том, какой язык караимам следует считать материнским: древнебиблейский, на котором написана караимская литература, или тюркско-татарский, на котором общались караимы. Следует отметить, что сами караимы склонялись к последнему варианту: в нескольких публикациях журнала они неоднократно подчеркивали свою близость к крымским татарам: именно «разговорным наречием караимов» были написаны опубликованные в журнале стихи караимских поэтов, об общем «караимско-татарском народном творчестве» пишут М. С. Синани и Авах («Можно ли проследить резкое различие между караимско-татарскими песнями и танцами и караимско-татарским эпосом?» – спрашивает М. С. Синани и отвечает: «Безусловно, такого резкого различия провести нельзя»[13], подобную мысль высказывает и Авах: «Творчество татар нельзя отделить от творчества караимов»[14]), к сходному выводу приходит Я. Б. Шамаш в статье «Разговорный язык крымских караимов и новый (латинизированный) тюркско-татарский алфавит»: «Если мы, караимы, желаем сохранить свой национальный облик, если мы, караимы, желаем самоопределиться, как другие национальные меньшинства, а это самая актуальная для нас, самая неотложная в настоящее время задача, то мы должны восстановить свой родной язык – язык чагытайский, ныне употребляемый нами, очень близкий, почти одинаковый с татарским языком»[15]. Однако уже в конце 1920-х гг. план коренизации в Крыму был свернут и вместе с ним прекратились попытки крымских караимов восстановить функционирование родного тюркского языка.

Сходная языковая ситуация сложилась и у крымчаков: если до революции ими использовался в быту в основном крымчакский язык, то сегодня на нем разговаривают лишь несколько пожилых представителей народа. До недавнего времени, в отличие от крымских татар и караимов, крымчаки не имели собственных периодических печатных изданий. Сегодня ими издается альманах «Крымчахлар» («Крымчаки») на русском языке.

Поскольку далеко не все представители национальных меньшинств в совершенстве владеют родным языком, то ряд крымских этнических изданий за счет использования русского языка расширяет свою национальную аудиторию. Некоторые из таких изданий выпускают материалы и на родном, и на русском языке (крымскотатарские журнал «Арзы», газета «Авдет», газета «Къырым», немецкая газета «Хоффнунг» и др.).

Часть этнических изданий Крыма выходит практически полностью на русском языке (газеты «Мераба», «Голос Крыма new» и др.), стремясь охватить, помимо национальной аудитории, всех интересующихся этнокультурной проблематикой читателей. В этом случае этническая пресса получает возможность вести межкультурный диалог, привлекать внимание власти и общественности к событиям жизни и проблемам культурно-национальных автономий и содействовать развитию толерантного подхода к национальным и конфессиональным проблемам.

Заключение

Таким образом, опыт развития этнической журналистики в таком полиэтническом регионе, как Крым, позволяет нам утверждать, что язык издания не может быть единственным критерием отнесения его к этнической прессе. Крымская этническая пресса с момента своего возникновения активно использует не только этнические языки, но и государственный (русский) язык, который в этнических изданиях Крыма: 1) безальтернативен для изданий этносов, утративших свой родной язык; 2) дает возможность расширения аудитории для изданий этносов, не все представители которых в достаточной степени владеют родным языком; 3) способствует увеличению аудитории за счет представителей других народов, интересующихся той или иной культурно-национальной автономией, при этом содействуя межкультурному диалогу и толерантному подходу к решению конфессиональных и национальных проблем; 4) помогает репрезентации определенного этноса на общегосударственном и международном уровнях.

[13] Бизым йол (Наш путь). 1927. С. 83.

[14] Там же, с. 84.

[15] Там же, с. 80.

Литература

1. Блохин И. Н. Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретации толерантности // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С. 110−115.
2. Гладкова А. А., Кульчицкая Д. Ю., Лазутова Н. М., Черевко Т. С. Современное состояние и тенденции развития этнических СМИ России (телевидение, радио, пресса, Интернет) // Медиаскоп. 2016. № 2. С. 14.
3. Гладкова А. А., Лазутова Н. М., Тихонова О. В., Черевко Т. С., Данилов А. П., Данилов А. А., Батршина Д. Н. Этнические СМИ России: содержательный анализ (на примере СМИ республик Татарстан и Чувашия) // Медиаскоп. 2018. № 1. С. 1.
4. Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Сидоров О. Г. Улусные (районные) газеты Республики Саха (Якутия): функционально-содержательная структура (по результатам опроса журналистов) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2015. № 3. С. 163–179.
5. Тулупов В. В. Освещение межнациональных отношений в региональных СМИ // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2013. № 7–8. С. 2–3.
6. Шкондин М. В. Публичность этнического медиапространства // Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник № 9 / отв. ред. А. А. Гладкова, О. Д. Минаева, О. В. Смирнова, М. В. Шкондин. М.: Фак. журн. МГУ, 2016. С. 86–93.
7. Кондакова Н. Разноязычная пресса России // Пресса и этническая толерантность / авт.-сост. и отв. ред. В. К. Малькова. М., 2000. С. 16–20.
8. Блохин И. Н. Этнологическая культура журналиста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 2-2. С. 302–307.
9. Matsaganis M. D. Understanding ethnic media: producers, consumers and Societies. Los Angeles: Sage Publications, 2011. 314 p.
10. Яблоновська Н. В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність. Сімферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2006. 312 с.
11. Яблоновская Н. В. Русский язык в этнической прессе Крыма: место и функции // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: тезисы докладов участников междунар. науч. конф. (23–26 апреля 2018 г.). Симферополь, 2018. С. 65–67.
12. Low A. D. Soviet Nationality Policy and the New Program of the Communist Party of the Soviet Union // The Russian Review. 1963. Vol. 22. № 1. P. 3–29.
13. Goodman E. R. The Soviet Design for a World State. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1960. 512 p.
14. Кокизов Д. М. Русский язык или татарский // Караимская жизнь. 1911. № 2. С. 34–36.
15. Казас И. И. Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. 1911. № 3–4. С. 49.

THE ROLE OF THE STATE LANGUAGE IN THE ETHNIC PRESS: CRIMEAN EXPERIENCE

Natalia V. Yablonovskaya [a, @, ID]

[a] *V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Acad. Vernadsky ave., Simferopol, Russia, 295007*
[@] *yablon@rambler.ru*
[ID] *https://orcid.org/0000-0002-9786-2808*

Received 23.07.2018. Accepted 23.10.2018.

Keywords: ethnic journalism, ethnic press, history of journalism, Crimea, state language

Abstract: The article studies the functioning of the Crimean ethnic press from the end of XIX century to the beginning of the XXI century in the linguistic aspect, in particular, the role of the Russian language in Crimean ethnic publications of the past and the present is studied. Based on the analysis, the author draws conclusions about the main opportunities for using the state language in the ethnic press. The author believes that the ethnic press, which represents the interests of its ethnos and speaks on its behalf, should be extremely interested in giving information about the life of its people, its history, traditions, problems for as wide a range of readers as possible. And for this task, the ethnic press actively uses both state and languages of interethnic communication. This happened in Crimea, where, from the very moment of its appearance in January 1860, the ethnic press began to turn to the Russian language, striving to be as effective as possible in solving the problems of the

represented ethnic groups and in promoting their achievements. According to the author, the Russian language in ethnic publications of the Crimea is non-alternative for editions of ethnic groups who have lost their native language; gives an opportunity to expand the audience for editions of ethnic groups, not all representatives of which have a sufficient command of their native language; promotes the increase of the audience at the expense of representatives of other peoples interested in this or that cultural-national autonomy, while promoting intercultural dialogue and a tolerant approach to solving confessional and national problems; helps the representation of a certain ethnos at the national and international levels.

For citation: Yablonovskaya N. V. Rol′ gosudarstvennogo iazyka v etnicheskoi presse: Krymskii opyt [The Role of the State Language in the Ethnic Press: Crimean Experience]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 4 (2018): 255–261. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-255-261

References

1. Blokhin I. N. Zhurnalistika v etnopoliticheskikh kommunikatsiyakh: interpretatsii tolerantnosti [Journalism in ethnopolitical communication: interpretation of tolerance]. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian vector,* no. 3 (2014): 110−115.

2. Gladkova A. A., Kulchitskaya D. Yu., Lazutova N. M., Cherevko T. S. Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya etnicheskikh SMI Rossii (televidenie, radio, pressa, Internet) [Russian ethnic media: current state and trends of development (television, radio, press, Internet)]. *Mediaskop = Mediascope*, no. 2 (2016): 14.

3. Gladkova A. A., Lazutova N. M., Tikhonova O. V., Cherevko T. S., Danilov A. P., Danilov A. A., Batrshina D. N. Etnicheskie SMI Rossii: soderzhatel'nyy analiz (na primere SMI respublik Tatarstan i Chuvashiya) [Russian ethnic media: content analysis (exemplified by the Tatar and Chuvash media)]. *Mediaskop = Mediascope*, no. 1 (2018): 1.

4. Svitich L. G., Smirnova O. V., Sidorov O. G. Ulusnye (raionnye) gazety Respubliki Sakha (Iakutiia): funktsional′no-soderzhatel′naia struktura (po rezul′tatam oprosa zhurnalistov) [Ulus (regional) newspapers of republic of Sakha (Yakutia): functional and semantic structure (journalist survey)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova = Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov,* no. 3 (2015): 163–179.

5. Tulupov V. V. Osveshchenie mezhnatsional'nykh otnoshenii v regional'nykh SMI [The coverage of interethnic relations in regional media]. *Aktsenty. Novoe v massovoi kommunikatsii = Accents. New in mass communication*, no. 7–8 (2013): 2–3.

6. Shkondin M. V. Publichnost' etnicheskogo mediaprostranstva [The Publicity of Ethnic Media Space]. *Etnicheskaia zhurnalistika: istoriia i sovremennost'. Ezhegodnik № 9* [Ethnic Journalism: History and Modern State. Annual Book № 9]. Eds. Gladkova A. A., Minaeva O. D., Smirnova O. V., Shkondin M. V. Moscow: Fak. zhurn. MGU, 2016, 86–93.

7. Kondakova N. Raznoiazychnaia pressa Rossii [Multilingual press in Russia]. *Pressa i etnicheskaia tolerantnost* [Press and ethnic tolerance]. Moscow, 2000, 16–20.

8. Blokhin I. N. Etnologicheskaia kul′tura zhurnalista [Ethnological culture of a journalist]. Vestnik Sankt-*Peterburgskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Orientalism. Journalism*, no. 2-2 (2008): 302–307.

9. Matsaganis M. D. *Understanding ethnic media: producers, consumers and Societies*. Los Angeles: Sage Publications, 2011, 314.

10. Iablonovs′ka N. V. *Etnichna presa Krimu: istoriia ta suchasnist′* [Etnichna Presa Krim: History and Business]. Simferopol: Krims′ke navchal′no-pedagogichne derzhavne vidavnitstvo, 2006, 312.

11. Iablonovskaia N. V. Russkii iazyk v etnicheskoi presse Kryma: mesto i funktsii [Russian language in the ethnic press of Crimea: the place and functions]. *Mezhkul'turnye kommunikatsii: russkii iazyk v sovremennom izmerenii*: tezisy dokladov uchastnikov mezhdunar. nauch. konf. (23–26 aprelia 2018 g.) [Intercultural communications: Russian language in the modern dimension: Proc. Intern. Sci. Conf. (April 23–26, 2018)]. Simferopol, 2018, 65–67.

12. Low A. D. Soviet Nationality Policy and the New Program of the Communist Party of the Soviet Union. *The Russian Review*, 22, no. 1 (1963): 3–29.

13. Goodman E. R. *The Soviet Design for a World State*. New York: Columbia Univ. Press, 1960, 512.

14. Kokizov D. M. Russkii iazyk ili tatarskii [Russian or Tatar]. *Karaimskaia zhizn′ = Karaite life*, no. 2 (1911): 34–36.

15. Kazas I. I. Obshchie zametki o karaimakh [General notes on the karaites]. *Karaimskaia zhizn′ = Karaite life*, no. 3–4 (1911): 49.

Указатель статей, опубликованных в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета» в 2018 году

	№	Стр.
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ		
Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. Из истории основания и строительства крепости Святого Креста (1722–1735)	3	5–11
Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. Система снабжения крепости Святого Креста (1724–1735): по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан	4	5–12
Алексеева Л. С., ***Горбатов А. В.*** Церковный музей в дореволюционный период: этапы и факторы становления	2	5–10
Беспалько Д. Н. Маршрут научного путешествия Академического отряда по Забайкальскому краю в 1735 г.	1	5–10
Бобров Д. С. О роли Бийской крепости в российском колонизационном процессе на Алтае в первой половине XVIII в. (к 300-летию возведения второго Бикатунского острога)	4	13–23
Боровикова З. В. Состояние здравоохранения в Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг.	3	12–19
Горбатов А. В., ***Скворцова Е. С.*** «Богоборческий натиск» конца 1940-х – начала 1950-х гг. (на примере Кемеровской области)	4	24–31
Денискевич Е. Н. Особенности изучения сакрализации королевской власти Средневековья и раннего Нового времени отечественными историками в XX – начале XXI вв.	2	11–16
Долидович О. М. Совещание 21–22 ноября 1915 г. о приеме и размещении беженцев в пределах Иркутского генерал-губернаторства	3	20–26
Ермолаев А. Н. Золотопромышленность Салаира в конце XIX – начале XX вв.	4	32–38
Зеленин А. А., ***Пятовский А. А.*** История нормативного регулирования внутреннего туризма в России в 1990 – середине 2010-х гг.: федеральный и региональный аспекты	1	11–17
Казаков Е. Ф., ***Красиков В. И.*** История как путь к идеалу	1	18–23
Казаков М. А., ***Лысцев М. С.*** Военно-политические аспекты российско-японских отношений (1990-е – 2010-е гг.)	1	24–30
Казьмина М. В., ***Юзупкина Е. С.*** Историография и источники о развитии физической культуры и спорта Кемеровской области на рубеже XX–XXI вв.	2	17–23
Карпинец А. Ю. Миграционные процессы на казённых землях Кузнецкого региона в «пореформенный» период	1	31–38
Карчаева Т. Г. Организация нотариального дела в Сибири до 1896 г.: на материалах Енисейской губернии	1	39–45
Клинова М. А. Закрепление кадров в советской индустрии второй половины 1940-х гг.: административное принуждение и (или) материальное стимулирование	2	24–30
Кожевников С. В. О содержании работы В. Ф. Войно-Ясенецкого с ранеными и больными в Красноярском крае в 1941–1944 гг.	4	39–46
Кожевников С. В. Проблемы эвакогоспиталей Красноярского края в 1941–1943 гг. и вклад в их преодоление В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки)	1	46–52
Коновалов А. Б. Идеи региональных лидеров КПСС по совершенствованию системы управления экономикой во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. (на материалах Сибири)	4	47–57
Кравцова Л. А. Исследования Кузнецкого угольного бассейна в XVIII – первой трети XX вв. в динамике развития геологических знаний	3	27–35

	№	Стр.
Макарчук С. В. Архивная документальная информация Центра социально-политической истории о социал-демократическом подполье на Дальнем Востоке в начале XX в.	3	36–42
Матвеенко А. Л. Рост аграрного производства в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв.	3	43–48
Меерович М. Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика	1	53–65
Мороз Е. В. Критический дискурс тоталитаризма в зарубежной историографии 1960-х гг.	1	66–73
Муругов А. А. Энергия как комплексный фактор модернизации в эпоху промышленного переворота в Европе. Обзор Западной историографии	2	31–38
Назаров И. И. Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края	2	39–49
Очирова В. Н. Отечественные историки о военном детстве сибиряков	4	58–64
Рабкина Н. В. История Автономной Индустриальной Колонии «Кузбасс» в работах иностранных исследователей: монография Микенберг Д. Л. "American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream" (2017)	3	49–56
Радонова А. В. Трансформация отечественной экономики в первой половине 90-х гг. XX в. (на примере Алтайского края)	3	57–63
Романов Р. Е. Эволюция стратегии принуждения рабочих к труду в оборонной промышленности Сибири в конце 1930-х – начале 1940-х гг.	4	65–71
Сизёв А. С., ***Ермоленко Л. Н.***, ***Соловьев А. И.*** Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье	2	50–59
Советова О. С., ***Шишкина О. О.*** Новые изображения таштыкцев на скалах Тепсея	4	72–78
Старцев И. М. «То, что готовят России теории»: отрицательные стороны западного образа жизни в русской прессе времён Николая I	2	60–67
Суровень Д. А. Влияние буддизма на распространение письменности в Ямато в середине VI в.	4	79–92
Томилов И. С. Развитие городов Тобольской губернии в последней четверти XVIII – начале XX вв. (к историографии проблемы)	2	68–76
Фёдоров И. Г., ***Терскова А. А.*** Пенитенциарная функция монастырей Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.	4	93–99
Халидова О. Б., ***Сефербеков Р. И.*** Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.)	3	64–69
Цыбенов Б. Д. Развитие сельского хозяйства в Даурском автономном хошуне Морин-Дава в 1958–1984 гг.	4	100–105
Шапиро Б. Л. Церемониальный текстиль XVII века: низаные жемчужные работы мастерских Московского Кремля	1	74–78
Шоронина Л. Н. Из истории развития экскурсионно-туристического дела Казани в первой половине XX в.	3	70–76
Шумягина О. С. Сущность судебных ритуалов в лангобардском законодательстве	1	79–84
ПСИХОЛОГИЯ		
Андронникова О. О., ***Евдокимова М. А.*** Методические основы организации и проведения программы психолого-педагогической поддержки формирования родительской компетентности	2	77–84
Андрюшкова Н. П. Особенности выраженности суеверности и представлений на природу суеверий на разных возрастных этапах	1	85–89
Аршинова Е. В., ***Билан М. А.*** Динамические аспекты интернализации профессиональных ценностей будущих специалистов деонтологического профиля	4	106–116
Барьяхтар О. Ф. Модель структурных компонентов личностных смыслов	2	85–91

	№	Стр.
Безгодова С. А., ***Микляева А. В.***, ***Терещенко В. В.*** Отношение к взрослению у старших подростков Санкт-Петербурга и Смоленска в контексте их жизнестойкости	3	77–84
Белогай К. Н. Образ тела женщин в период менопаузального перехода	4	117–124
Боженкова К. А., ***Бохан Т. Г.***, ***Терехина О. В.*** Особенности субъективного качества жизни у лиц пожилого возраста с опытом переживания геронтологического насилия	1	90–101
Борисенко Ю. В. Адаптация методики «Pre-School Activities Inventory (PSAI)» на русский язык	2	92–98
Бохан Т. Г., ***Галажинский Э. В.***, ***Ульянич А. Л.***, ***Терехина О. В.***, ***Боженкова К. А.*** Субъективное качество жизни в структуре личностного потенциала у представителей молодежи Севера Сибири с отсутствием и наличием проблемы алкогольной зависимости	4	125–133
Брель Е. Ю., ***Стоянова И. Я.*** Характеристики алекситимии в контексте психического здоровья	1	102–108
Бучек А. А., ***Ермоленко А. В.*** Факторная модель акмеологических инвариант профессионализма руководителей профессиональных образовательных организаций	4	134–143
Валиуллина Е. В. Зависимость понятийного мышления от качественных характеристик его активности	2	99–103
Голованова Н. Ф., ***Дерманова И. Б.*** Самооценка эффективности самоосуществления как фактор психологического благополучия личности	3	85–92
Духновский С. В. Взаимосвязь типов социально-кадровой политики с психологической надежностью государственных гражданских и муниципальных служащих	1	109–116
Журавлева Ю. А. Особенности межличностных отношений субъектов педагогического процесса с различными «кризисными профилями»	1	117–125
Кабрин В. И. Живая аутентичность встреч и проблема развития креативного лидерства в эпоху дистанционного образования	1	126–132
Калита В. В., ***Гайдай А. С.*** Релевантность психологического портрета как детерминанта эффекта Барнума	1	133–138
Климов В. М., ***Айзман Н. И.*** Динамика психофизиологических и социально-психологических характеристик студентов вуза разных профилей обучения	3	93–101
Кузнецов А. В., ***Утюганов А. А.*** Образ профессионального будущего курсантов вуза войск национальной гвардии Российской Федерации в зависимости от степени вовлеченности в спортивную деятельность	4	144–156
Люкшина Д. С., ***Бартковская Н. С.*** Психологические характеристики студентов и ординаторов хирургических направлений подготовки	1	139–146
Морозова И. С., ***Белогай К. Н.***, ***Каган Е. С.*** Содержательные характеристики образа тела девочек-подростков, занимающихся фигурным катанием	1	147–152
Неяскина Ю. Ю., ***Мирясов П. А.*** Особенности построения субъективной картины жизненного пути при различных пространственно-временных характеристиках условий профессиональной деятельности	3	102–112
Неяскина Ю. Ю., ***Пухова О. В.*** Особенности конструирования образа будущего у людей, имеющих обязательства по ипотечному кредитованию	2	104–113
Попова О. Н. Стили регулирования активности жизнедеятельности в соответствии со сбалансированностью временной перспективы личности	3	113–120
Проскурякова Л. А., ***Лобыкина Е. Н.*** Темперамент как психологическая и психофизиологическая детерминанта пищевого поведения	1	153–159
Синельникова Е. С. Как эмоциональный интеллект проявляется в предпочтении способов взаимодействия у представителей российской и голландской культур	4	157–164
Смирнова О. Ю., ***Серкин В. П.*** Основные трактовки понимания воли в рамках энергетического подхода	4	165–174

	№	Стр.
Сокольская М. В., ***Коростелева И. К.*** Формирование Я-концепции личности профессионала в процессе учебно-профессиональной деятельности	3	121–128
Токарева О. А., ***Серый А. В.***, ***Федоров А. И.*** Теоретико-методологические проблемы исследования эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста	3	129–139
Фризен М. А., ***Костенко Л. О.*** Особенности ценностно-смысловой сферы личности в период ранней юности при разных уровнях сформированности субъектности	3	140–152
Цариценцева О. П. Статус полоролевой идентичности старших дошкольников из полных и неполных семей	2	114–121
Эльзессер А. С., ***Кадыров Р. В.***, ***Маркелова Е.*** В Эффективность краткосрочной психотерапии депрессивных и тревожных расстройств	2	122–130
Яницкий М. С., ***Серый А. В.***, ***Браун О. А.***, ***Пелех Ю. В.***, ***Маслова О. В.***, ***Сокольская М. В.***, ***Санжаева Р. Д.***, ***Монсонова А. Р.***, ***Дагбаева С. Б.***, ***Неяскина Ю. Ю.***, ***Кадыров Р. В.***, ***Капустина Т. В.*** Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования	2	131–140
ФИЛОЛОГИЯ		
Абжапарова М. Д. Белый и черный цвета при описании человека в казахском языке в сравнении с английским и русским языками	1	160–167
Акимова И. И. Представление морфемного состава глагольного слова в целях лингводидактики	1	168–177
Архипова Е. В., ***Фомин А. Г.*** Факторы лингвокультурного трансфера номинаций сферы социально значимых заболеваний в диахроническом аспекте	4	175–181
Ащеулова И. В. Революция и народ Л. Леонова и В. Шарова: историософский диалог двух писателей	4	182–189
Баландина Е. С. Образы стран в языковом сознании носителей арабской культуры (на примере образов Америка и Европа)	4	190–197
Баттулга Г. Наивная семантизация и лексикография бионимов монгольского языка (на примере бионима «заяц»)	2	141–147
Башмакова И. С. Фразеологизм как носитель свернутого мифа. Трудности перевода	2	148–154
Беляева Е. С. Образ автора как фактор интерпретационного функционирования текста	3	153–158
Бобылева Т. В. Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин "Sense and sensibility". Часть 1	2	155–161
Бобылева Т. В. Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин "Sense and Sensibility". Часть 2	3	159–165
Богачанова Т. Д. Текстовое проявление особенностей языковой личности: типологический аспект	2	162–169
Владимиров О. Н. Принципы художественного единства в книгах Ю. Мориц 2000-х годов	1	178–183
Данильчук М. В. Потенциал использования метода краудсорсинга в рамках лингвистического эксперимента	4	198–204
Дубкова О. В., ***Захарова-Саровская М. В.*** Контрастивный анализ словосложения в русском и китайском языках на материале неологической эргономии	2	170–175
Егизарян П. Э. Будущее время в португальской лингвистической традиции	4	205–210
Жданов С. С. Травестийный образ Германии в русской литературе 40-х гг. XIX в. (на материале поэмы И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже»)	3	166–176
Жуйкова О. В. Артефактные метафоры как вербальные средства объективации концепта «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта	3	177–186
Захарова-Саровская М. В. К вопросу об эргономии	3	187–191
Инешина С. В. Модели интерпретации события в дискурсе российской прессы	2	176–182

	№	Стр.
Карпухина Т. П. Функционирование экфрасиса в романе О. Хаксли "Point Counter Point" («Контрапункт»)	1	184–192
Карпухина Т. П. Эстетические аспекты экфрасиса в новелле Ги де Мопассана «Un portrait» («Портрет»)	1	193–200
Кобзева О. В. Нарушение норм литературного языка при переводе (уровень языковой компетенции B1-C1)	4	211–222
Козлова А. Т. Темпоральная специфика просодии побудительных высказываний и феномен эмфатической долготы в английском языке	3	192–196
Кошелева И. Н. Литературные кружки как средство реализации теории читательского отклика при обучении экстенсивному чтению на английском языке в вузе	4	223–231
Кошелева И. Н. Оптимизация обучения английской грамматике: от правил к разумному осмыслению	1	201–207
Кошелева И. Н. Фасилитация обучения аудированию в неязыковом вузе посредством усвоения особенностей связной английской речи	2	183–189
Кучина С. А. Особенности реализации категории связности в электронных художественных текстах: семантический и визуально-графический аспекты	2	190–198
Ли Яньфэн. Феминные уподобления в текстообразовании романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»	2	199–205
Лобановская Е. В. Когнитивные основы конвертируемости глаголов типа «fliesen» и конструкций типа «versehen mit Fliesen» (на материале немецкого языка)	2	206–210
Лобановская Е. В., ***Муратова С. В.*** Предикативные «эллипсы» на периферии поля предикативности (на материале современного немецкого языка)	3	197–202
Макарова Е. Н. Условия формирования языковой личности билингва и навык интонирования английской речи (на основе результатов анкетирования)	1	208–212
Марфина Ж. В. Микроконцепт «дети / діти» в русской и украинской паремийных картинах мира	4	232–239
Муратова С. В. О статусе аппозиционных структур в современном немецком языке	4	240–246
Непомнящих Е. А Тексты-статусы в социальных сетях России и Кореи как субжанр веб-сети	1	213–220
Панкратова С. А. Варьирование смысла в многокомпонентных метафорах на примере технической семантической сферы английского языка	3	203–209
Пантюхина А. И. Семантика сюжетов переписывания в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря»	2	211–218
Садовникова О. Н. Аксиологические стратегии дискурса об инновациях и способы их аргументации	3	210–216
Смирнов Е. С. Концепт «ссыльные» в ангарской лингвокультуре	3	217–222
Соловьева Е. А. Метафора в профессиональной коммуникации французских военнослужащих начала XX в.	2	219–224
Старикова Л. С. Образ русской революции как воплощение авторского понимания истории в романе В. Е. Максимова «Кочевание до смерти»	3	223–230
Тарасова К. П. Развитие печатной рекламы как речевого жанра на материале российских газет XVIII–XX вв.	2	225–230
Тейкин М. С. Экскурс в лингвистическую историю этнонима *чукча*	4	247–254
Хьюитт К. Раскрывая человеческую природу: выразительный язык литературы	3	231–236
Шкилёв Р. Е. Лакунарные единицы в юридической терминологии (на материале английского и русского языков)	1	221–225
Яблоновская Н. В. Роль государственного языка в этнической прессе: Крымский опыт	4	255–261

Index of articles published in the journal "Bulletin of the Kemerovo State University" in 2018

	No	Pages
HISTORY AND ARCHEOLOGY		
Abdusalamov M.-P. B., ***Chekulayev N. D.*** The Fortress of the Holy Cross: Foundation and Construction (1722–1735)	3	5–11
Abdusalamov M.-P. B., ***Chekulayev N. D.*** The Fortress of the Holy Cross: Supply System in 1724–1735 (Based on the Materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan)	4	5–12
Alekseeva L. S., ***Gorbatov A. V.*** Church Museum in the Pre-revolutionary Period: Stages and Factors of Formation	2	5–10
Bespalko D. N. The Scientific Expedition Route of the Academic Brigade in the Trans-Baikal Territory in 1735	1	5–10
Bobrov D. S. About the Role of the Biysk Fortress in the Russian Colonization Process in the Altai in the First Half of the XVIII Century (to the 300th Anniversary of the Erection of the Second Biysk Stockaded Town)	4	13–23
Borovikova Z. V. Healthcare Service in the Kemerovo Region in 1945–1959	3	12–19
Deniskevich E. N. Royal Power Sacralization in the Middle Ages and Early Modern Age as Studied by Domestic Historians in XX – Early XXI Century	2	11–16
Dolidovich O. M. The Meeting of 21–22 November, 1915, about the Reception and Accommodation of Refugees in the Irkutsk Governorate General	3	20–26
Ermolaev A. N. Gold Mining in Salair in the Late XIX – Early XX Centuries	4	32–38
Fedorov I. G., ***Terskova A. A.*** The Penitentiary Function of Monasteries in the Yenisei Province in the Second Half of XIX – Early XX Centuries	4	93–99
Gorbatov A. V., ***Skvortsova E. S.*** Militant Atheism in the Late 1940s – Early 1950s in the Kemerovo Region	4	24–31
Karchaeva T. G. Organization of Notary Business in Siberia before 1896: the Yenisei Province	1	39–45
Karpinets A. Yu. Migration Processes on the Public Lands of the Kuznetsk Region in the "Post-reform" Period	1	31–38
Kazakov E. F., ***Krasikov V. I.*** History as a Way to the Ideal	1	18–23
Kazakov M. A., ***Lyscev M. S.*** Military and Political Aspects of Russian-Japanese Relations in 1990 – Early XX Century	1	24–30
Kazmina M. V., ***Yuzupkina E. S.*** Historiography and Sources on the Development of Physical Culture and Sports in the Kemerovo Region at the Turn of the XXI Century	2	17–23
Khalidova O. B., ***Seferbekov R. I.*** The Issues of Reislamization in Post-Soviet Dagestan in 1990–1995	3	64–69
Klinova M. A. Personnel Retention in the Soviet Industry in the Mid-to-Late 1940s: Administrative Enforcement and / or Material Incentives	2	24–30
Konovalov A. B. Regional Leaders of the Communist Party of the Soviet Union and their Ideas on Economic Management Improvement in 1965–1985, Siberia	4	47–57
Kozhevnikov S. V. On the Content of V. F. Voyno-Yasenetsky's Work with the Wounded and the Sick in the Krasnoyarsk Region in 1941–1944	4	39–46
Kozhevnikov S. V. Problems of Evacuation Hospitals of the Krasnoyarsk Region in 1941–1943 and the Contribution of V. F. Voyno-Yasenetsky (St. Luka)	1	46–52
Kravtsova L. A. Exploration of the Kuznetsk Coal Field in the XVIII – Early XX Centuries within the Dynamics of Geological Knowledge Development	3	27–35

	No	Pages
Makarchuk S. V. Social-Democratic Underground of the Far East in the early XX Century: Public Records of the Center for Social and Political History	3	36–42
Matveenko A. L. Agrarian Production Growth in the Nizhneudinsk District of the Irkutsk Province in the Late XIX – Early XX Centuries	3	43–48
Meerovich M. G. Soviet Monoprofile Cities: the Story Behind and Key Features	1	53–65
Moroz E. V. Critical Discourse of Totalitarianism in Foreign Historiography of the 1960s	1	66–73
Murugov A. A. Energy as a Comprehensive Factor of Modernization During Industrial Revolution in Europe: a Review of Western Historiography	2	31–38
Nazarov I. I. Main Tendencies of Modern Ethnocultural Development of the Kumandins of Altai Krai	2	39–49
Ochirova V. N. Wartime Childhood of Siberians in Russian Historical Researches	4	58–64
Rabkina N. V. History of the Autonomous Industrial Colony "Kuzbass" in Foreign Research: Review of Julia L. Mickenberg's "American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream" (2017)	3	49–56
Radonova A. V. Transformation of the Domestic Economy in 1990–1995 in Altai Region	3	57–63
Romanov R. E. Evolution of the Coercive Strategy Aimed at Workers of the Siberian Defense Industry in the Late 1930s – Early 1940s	4	65–71
Shapiro B. L. Ceremonial Textile in XVII Century: Pearl Works of the Moscow Kremlin Workshops	1	74–78
Shoronina L. N. The Development of the Tourist-Excursion Sphere in Kazan in the First Half of the XX Century	3	70–76
Shumyagina O. S. The Meaning of Juridical Rituals in Langobardic Law	1	79–84
Sizyov A. S., ***Ermolenko L. N.***, ***Solovyev A. I.*** Collection of Baptismal Crosses from the Archeological Site of Kulakovo III in the Lower Tom' Valley	2	50–59
Sovetova O. S., ***Shishkina O. O.*** New Images of Tashtyks on the Rocks of Tepsey	4	72–78
Startsev I. M. "What Theories will Bring to Russia": the Negative Aspects of the Western Way of Life in the Russian Press of the Times of Nicholas I	2	60–67
Surowen D. A. Influence of Buddhism on the Expansion of Writing in the Mid Sixth Century Yamato	4	79–92
Tomilov I. S. The Development of the Cities of the Tobolsk Province in the Last Quarter of the XVIII – Early XX Centuries (Historiography of the Problem)	2	68–76
Tsybenov B. D. Development of Rural Economy of the Morin-Dawa Daur Autonomous Region in 1958–1984	4	100–105
Zelenin A. A., ***Pyatovskiy A.*** A History of Statutory Regulation of Domestic Tourism in Russia in the 1990s – mid 2010s: Federal and Regional Aspects	1	11–17
PSYCHOLOGY		
Andronnikova O. O., ***Evdokimova M. A.*** Methodical Bases of Organizing and Conducting the Program of Psychological and Pedagogical Support for Parental Competence Formation	2	77–84
Andryushkova N. P. Features of Manifestation of Superstition and Views on the Nature of Superstition at Different Age Stages	1	85–89
Arshinova Y. V., ***Bilan M. A.*** Dynamic Aspects of the Internalization of Professional Values in Students of Deontology	4	106–116
Baryakhtar O. F. Model of Structural Components of Personal Meanings	2	85–91
Belogai K. N. Women's Body Image during the Menopausal Transition	4	117–124
Bezgodova S. A., ***Miklyaeva A. V.***, ***Tereshchenko V. V.*** Attitude to Coming-of-Age in Adolescents of Saint-Petersburg and Smolensk in Context of their Resiliency	3	77–84

	No	Pages
Bokhan T. G., ***Galazhinsky E. V.***, ***Ulyanich A. L.***, ***Terekhina O. V.***, ***Bozhenkova K. A.*** Subjective Quality of Life in the Structure of Personal Potential among the North-Siberian Youth with and without Alcohol Dependence	4	125–133
Borisenko Yu. V. Russian Adaptation of the Pre-School Activities Inventory (PSAI)	2	92–98
Bozhenkova K. A., ***Bokhan T. G.***, ***Terekhina O. V.*** Subjective Quality of Life of Senior Citizens who Experienced Gerontological Abuse	1	90–101
Buchek A. A., ***Ermolenko A. V.*** Factor Model for Acmeological Invariants of Professionalism of Heads of Vocational Educational Institutions	4	134–143
Dukhnovsky S. V. Interrelation between the Types of Social Personnel Policy and Psychological Reliability of Civil Officers and Municipal Employees	1	109–116
Brel E. Iu., Stoianova I. Ia. Characteristics of Alexithymia in the Context of Mental Health	1	102–108
Elzesser A. S., ***Kadyrov R. V.***, ***Markelova E. V.*** Effectiveness of Short-Term Psychotherapy of Depressive and Anxiety Disorders	2	122–130
Frizen M. A., ***Kostenko L. O.*** Axiological Sphere in Adolescents with Different Levels of Agency Formation	3	140–152
Golovanova N. F., ***Dermanova I. B.*** The Self-Assessment of Self-Fulfillment Efficiency as a Factor of Psychological Well-Being	3	85–92
Kabrin V. I. Live Authenticity of Meetings and Problems of Creative Leadership Development in the Epoch of Remote Education	1	126–132
Kalita V. V., ***Gaidai A. S.*** Relevance of Interpretation as the Determinant of the Barnum Effect	1	133–138
Klimov V. M., ***Aizman N. I.*** Dynamics of Psycho-Physiological and Socio-Psychological Characteristics of University Students of Different Specialties	3	93–101
Kuznetsov A. V., ***Utyuganov A. A.*** The Image of the Professional Future and Sport Engagement of the Cadets of the Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation	4	144–156
Lyukshina D. S., ***Bartkovskaya N. S.*** Psychological Characteristics of Students and Residents of Surgical Directions of Training	1	139–146
Morozova I. S., ***Belogai K. N.***, ***Kagan E. S.*** Characteristics of Body Image in Teenage Girls Engaged in Figure Skating	1	147–152
Neyaskina Yu. Yu. , ***Miryasov P. A.*** Subjective Life Way Picture in Different Spatiotemporal Characteristics of Professional Occupation Conditions	3	102–112
Neyaskina Yu. Yu., ***Pukhova O. V.*** Shaping the Vision of the Future in Mortgage Holders	2	104–113
Popova O. N. Styles of Vital Activity Regulation in accordance with the Temporal Perspective Balance	3	113–120
Proskuryakova L. A., ***Lobykina E. N.*** Temperament as a Psychological and Psychophysiological Determinant of Eating Behavior	1	153–159
Sinelnikova E. S. Emotional Intelligence and Conflict Interaction Tactics Preferences in Russian and Dutch Cultures	4	157–164
Smirnova O. Y., ***Serkin V. P.*** The Basic Interpretations of Volition in the Framework of the Energetic Approach	4	165–174
Sokolskaya M. V., ***Korosteleva I. K.*** I-concept of one's Professional Identity: Formation in Class and at Work	3	121–128
Tokareva O. A., ***Seryy A. V.***, ***Fedorov A. I.*** Theoretical and Methodological Problems of Emotional Intelligence Research in Children of Senior Preschool Age	3	129–139
Tsaritsentseva O. P. The Status of Gender-Role Identity in Senior Preschool Children from Single- and Two-Parent Families	2	114–121
Valiullina E. V. Dependence of Conceptual Thinking on Qualitative Characteristics of its Activity	2	99–103

	No	Pages
Yanitskiy M. S., ***Seryy A. V.***, ***Braun O. A.***, ***Pelekh Yu. V.***, ***Maslova O. V.***, ***Sokolskaya M. V.***, ***Sanzhaeva R. D.***, ***Monsonova A. R.***, ***Dagbaeva S. B.***, ***Neyaskina Yu. Yu.***, ***Kadyrov R. V.***, ***Kapustina T. V.*** Identity as a Dynamic Hierarchical System: Social and Cultural Context of Formation	2	131–140
Zhuravleva J. A. Interpersonal Relations among Pedagogical Process Members with Various Crisis Profiles	1	117–125
PHILOLOGY		
Abzhaparova M. D. Color names "White" and "Black" in Descriptions of Person in the Kazakh Language vs. English and Russian	1	160–167
Akimova I. I. Representation of the Morphemic Composition of the Verbal Word for Linguodidactic Purposes	1	168–177
Arkhipova E. V., ***Fomin A. G.*** Factors of Linguistic and Cultural Transfer in Naming Units of Social Diseases: a Diachronic Approach	4	175–181
Ashcheulova I. V. The Revolution and the People of L. Leonov and V. Sharov: Historiosophical Dialogue of Two Writers	4	182–189
Balandina E. S. The Images of America and Europe in the Linguistic Consciousness of Native Arabic Speakers	4	190–197
Bashmakova I. S. Phraseological Unit as a Compendious Myth Agent: Translation Difficulties	2	148–154
Battulga G. Naive Semantization and Lexicography of Mongolian Bionyms: the Case of "Hare" Bionym	2	141–147
Belyaeva E. S. Image of the Author as a Factor of the Interpretative Functioning of the Text	3	153–158
Bobyleva T. V. The Role of Stylistic Dissonance in the Russian Translation of J. Austen's Novel "Sense and Sensibility" by Alla Y. Frolova. Part 1	2	155–161
Bobyleva T. V. The Role of Stylistic Dissonance in Alla Y. Frolova's Russian Translation of J. Austen's Novel "Sense and Sensibility". Part 2	3	159–165
Bogachanova T. D. Text Manifestation of the Linguistic Persona Features: Typological Aspect	2	162–169
Danilchuk M. V. The Potential of the Crowdsourcing as a Method of Linguistic Experiment	4	198–204
Doubkova O. V., ***Zakharova-Sarovskaya M. V.*** Contrastive Analysis of Multicomponent Neologisms in Modern Russian and Chinese: Neological Ergonomics	2	170–175
Egizaryan P. E. Future Tense in the Portuguese Linguistic Tradition	4	205–210
Hewitt K. Revealing Humanity: the Flexible Language of Literature	3	231–236
Ineshina S. V. Models of Interpretation of the Event in the Discourse of the Russian Press	2	176–182
Karpukhina T. P. Aesthetic Aspects of Ekphrasis in Guy de Maupassant's Short Story «Un portrait» («A Portrait»)	1	193–200
Karpukhina T. P. Ekphrasis and its Functioning in the Novel "Point Counter Point" by Aldous Huxley	1	184–192
Kobzeva O. V. Violation of Linguistic Norms in Translation in B1-C1 Students	4	211–222
Kosheleva I. N. English Grammar Teaching Enhancement: from Rules to Reason-based Approach	1	201–207
Kosheleva I. N. Literature Circles as an Implementation of Reader-Response Theory when Teaching Extensive Reading in English at University	4	223–231
Kosheleva I. N. Teaching Listening Comprehension at a Non-Linguistic University: Facilitation through Internalization of Coherent English Speech Features	2	183–189
Kozlova A. T. Temporal Characteristics of Prosody in Imperative Utterances and the Phenomenon of Emphatic Length in the English Language	3	192–196

	No	Pages
Kuchina S. A. Cohesion Specifity in Electronic Literary Texts: Semantic, Visual and Graphical Aspects	2	190–198
Li Yanfeng. Feminine Assimilations in Text Formation of "The Kukotsky Enigma" by L. Ulitskaya	2	199–205
Lobanovskaya E. V. Cognitive Bases of Convertibility in Verbs of the "Fliesen" type and such Constructions as "Versehen mit Fliesen" in the German Language	2	206–210
Lobanovskaya E. V., ***Muratova S. V.*** Predicative "Ellipses" on the Periphery of the Predicativity Field in Contemporary German	3	197–202
Makarova E. N. Conditions of Bilingual Personality Formation and English Speech Intoning Skills (Survey Results)	1	208–212
Marfina Z. V. Microconcept "Children" in Russian and Ukrainian Paroemiological World Images	4	232–239
Muratova S. V. The Status of Apposition Structures in the Modern German Language	4	240–246
Nepomniashchikh E. A. Status Texts in Russian and Korean Social Networks as a Subgenre of Internet Communication	1	213–220
Pankratova S. A. Variations of Meaning within Multiunit Metaphors in the Technical Semantic Sphere of the English Language	3	203–209
Pantuhina A. I. The Semantics of the Rewriting Scenes in V. Sharov's Novels "Tract in Trace" and "The Raising of Lazarus"	2	211–218
Sadovnikova O. N. The Axiological Strategies of Innovation Discourse and Ways of their Argumentation	3	210–216
Shkilev R. E. Lexical Gaps in English and Russian Legal Terminology	1	221–225
Smirnov E. S. The Concept of the Exiled in the Angara Linguoculture	3	217–222
Solovyova E. A. Metaphor in Professional Communication of the French Military Personnel in the Early XX Century	2	219–224
Starikova L. S. The Image of the Russian Revolution as the Embodiment of the Author's Understanding of History in "The Nomadism to Death" by Vladimir Maksimov	3	223–230
Tarasova K. P. Genesis of Printed Advertisements as a Specific Genre (Case Study of XVIII–XX Century Russian Newspapers)	2	225–230
Teikin M. S. Insight into the Linguistic History of the Ethnonym Chukcha	4	247–254
Vladimirov O. N. The Principles of Artistic Unity in the Books by Y. Morits in the 2000s	1	178–183
Yablonovskaya N. V. The Role of the State Language in the Ethnic Press: Crimean Experience	4	255–261
Zakharova-Sarovskaya M. V. Revisiting the Problem of Ergonymy	3	187–191
Zhdanov S. S. Travesty Image of Germany in the Russian Literature of 1840s: I. P. Myatlev's poem "Sensacii i zamechaniya gospozhi Kurdyukovoy za graniceyu, dans l'etranger"	3	166–176
Zhujkova O. V. Artifact Metaphors as Verbal Means of Objectivization of the Concept "Language" in the Philosophical Discourse of W. von Humboldt	3	177–186

Вестник Кемеровского государственного университета. Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Серый Андрей Викторович, главный редактор
E-mail: avgrey@yahoo.com
Старикова Людмила Семеновна, технический редактор
Тел.: 8(384-2)58-13-01
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
E-mail: avgrey@yahoo.com
Lyudmila S. Starikova, Technical Editor
Tel.: 8(3842)58-13-01
E-mail: vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска: Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 07.12.2018.
Дата выхода в свет __.12.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А 4. Усл. печ. л. – 34. Уч.-изд. л. – 27.
Тираж 500 экз. Заказ № ____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.